

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

На правах рукописи

Коровин Владимир Леонидович

БИБЛЕЙСКИЕ ТЕМЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва – 2017

Содержание

Введение	4
Глава первая. «Ода, выбранная из Иова» в «Одах духовных» М.В. Ломоносова и Книга Иова	22
§1.1. Вопросы о датировке и источниках «Оды, выбранной из Иова» и литература о ней.....	22
§1.2. «Оды духовные» в сочинениях Ломоносова и Книга Иова.....	37
§1.3. Религиозные убеждения Ломоносова и «строфы от автора» в «Оде, выбранной из Иова».....	63
§1.4. Библейская экзегеза в переложении Ломоносовым речи Бога к Иову.....	80
§1.5. Бегемот и Левиафан в переложении Ломоносова.....	96
§1.6. Шестоднев и строфа о творении человека в «Оде, выбранной из Иова».....	103
§1.7. Ломоносов в полемике с поэмой Вольтера «На разрушение Лиссабона» в 1757 г. и перевод И.Ф. Богдановича. Некоторые итоги.....	109
Глава вторая. Н.П. Николев и его «Ода, выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов, с прибавлением свободным почерпнутых мыслей из того же источника»	122
Глава третья Речь Бога к Иову в стихотворных переложениях конца XVIII – первой половины XIX века	142
§3.1. Книга Иова и «Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова в русской поэзии конца XVIII – начала XIX века: (вводные замечания).....	142
§3.2. Стихотворение С.А. Ширинского-Шихматова «Песнь Сотворившему вся» и речь Бога к Иову.....	149
§3.3. Поэма Ф.Н. Глинки «Иов. Свободное подражание священной Книге Иова»: (фрагмент о бегемоте и левиафане).....	154
§3.4. Переложения Е.Л. Милькеева из Книги Иова.....	160
§3.5. Некоторые итоги.....	165
Глава четвертая. «Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества» в позднем творчестве Г.Р. Державина: (библейские темы и исторический контекст)	168
§4.1. Оды «Слава» и «Идолопоклонство» в цикле духовных стихотворений Державина 1810 г.	169
§4.2. Смысл и композиция «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества».....	191
§4.3. Строфа о передаче лиры в «Гимне лироэпическом».....	206
Глава пятая. Религиозные поэмы в русской литературе XVIII – первой половины XIX века: (предварительные замечания; некоторые атрибуции и датировки)	223
Глава шестая. Н.М. Карамзин – переводчик поэмы А. Галлера «О происхождении зла»	237

Глава седьмая. «Вселенная» М.М. Хераскова и «Потерянный рай» Дж. Милтона	244
Глава восьмая. Поэма С.С. Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец»	257
Приложение (к главе 8): Вступление к «Древней ночи вселенной» С.С. Боброва и начальные строфы восьмой главы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин».....	278
Глава девятая. В.А. Жуковский – переводчик поэмы Ж.-Ж. Руссо «Ефраимский левит»	290
Глава десятая. Поэма С.А. Ширинского-Шихматова «Иисус в Ветхом и в Новом Заветах, или Ночи у Креста»	303
Приложение (к главе 10): Материалы к библиографии сочинений С.А. Ширинского-Шихматова, в монашестве Аникиты.....	312
Глава одиннадцатая. О библейском потопе в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века и незавершенной поэме А.Н. Муравьева «Потоп»	316
Глава двенадцатая. О литературных источниках поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник»: «Потоп» С. Геснера и Е.В. Херасковой	326
Глава тринадцатая. О библейских мотивах в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» в связи с ее творческой историей	351
Глава четырнадцатая. Поэма Ф.Н. Глинки «Таинственная капля» и ее читатель М.А. Дмитриев	367
Приложение (к главе 14): <i>Дмитриев М.А.</i> Заметки на полях поэмы Ф.Н. Глинки «Таинственная капля».....	388
Глава пятнадцатая. «Видение Макария Великого» – потаенная поэма Ф.Н. Глинки	414
Приложение (к главе 15): <i>Глинка Ф.Н.</i> Видение Макария Великого....	420
Заключение	451
Источники и литература	454

ВВЕДЕНИЕ

Предмет исследования – поэтические произведения на библейские темы в русской литературе XVIII – первой половины XIX в., т.е. произведения, в которых представлены поэтические интерпретации определенных текстов и историй Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. К этим произведениям, в первую очередь, относятся (а) стихотворные переложения частей или целых библейских книг и подражания им, (б) сочинения на сюжеты и темы библейских книг и смежных с ними апокрифов и церковных преданий.

Материал исследования ограничен 1) по хронологии: все рассматриваемые произведения созданы в 1740-х – 1840-х гг.; 2) по литературному роду: все они относятся к лирической и/или повествовательной поэзии (драматические произведения исключены); 3) по типу отношения к Библии: они являются не парафразами, а авторскими сочинениями, в которых переложения библейских текстов присутствуют лишь как их составная часть, пусть и самая главная (полные парафразы библейских книг и переложения псалмов затрагиваются попутно); 4) по церковному положению их авторов: все они миряне, светские писатели (аналогичные произведения писателей «духовного чина» тоже лишь попутно затрагиваются¹); 5) исключены пародийные и комические сочинения. Переводы иностранных сочинений на библейские темы специально рассматриваются только в двух случаях.

Каждое из принятых ограничений имеет свою мотивацию (историко-литературную, теоретическую и практическую), но в целом это рабочие ограничения, принятые с целью сузить слишком обширный круг относящихся к предмету исследования произведений, а не выделить среди них по каким-то параметрам определенную группу. Отбор произведений, обсуждаемых в особых разделах, диктовался соображениями об их малой изученности или противоречивости их трактовок в научной (и не только) литературе. Последнее касается сочинений М.В. Ломоносова («Ода, выбранная из Иова»),

¹ Для интересующей нас эпохи было характерно разграничение не столько светских и духовных сочинений, сколько светских и церковных авторов, мирян и клириков (епископов, священников, монахов), что продемонстрировал, например, митр. Евгений (Болховитинов), распределивший сведения о них по двум словарям: «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви» (В 2 т. – СПб., 1818; изд. 2-е, испр. и умнож. – СПб., 1827) и «Словарь русских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» (В 2 т. / [Изд. М.П. Погодиным.] – М., 1845). Явлению «светского богословия» XVIII–XIX вв. посвящены работы прот. П. Хондзинского, в т.ч. его кн. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века» (М.: ПСТГУ, 2016. – 480 с.).

А.С. Пушкина («Медный всадник»²) и М.Ю. Лермонтова («Демон»), первое – всех остальных отдельно рассматриваемых произведений, в том числе принадлежащих известным авторам. Это произведения М.М. Хераскова («Вселенная»), Г.Р. Державина («Гимн лироэпический»), Н.П. Николева («Ода, выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов...»), С.С. Боброва («Древняя ночь вселенной»), С.А. Ширинского-Шихматова («Песнь Сотворившему вся», «Иисус в Ветхом и в Новом Заветах, или Ночи у Креста»), А.Н. Муравьева («Потоп»), Ф.Н. Глинки («Иов», «Таинственная капля», «Видение Макария Великого») и некоторые другие. Отдельно рассматриваемые переводы иностранных сочинений («О происхождении зла» А. Галлера и «Ефраимский левит» Ж.-Ж. Руссо) принадлежат Н.М. Карамзину и В.А. Жуковскому.

Цель исследования состоит в изучении особенностей поэтики, идейного содержания и бытования в литературе и культуре своего времени произведений на библейские темы. Объединяют их, однако, не только (и не столько) эти особенности, а, в первую очередь, открытая связанность с конкретными библейскими повествованиями, к которым поэты обращаются с разными намерениями, понимают и используют по-разному, но при этом не теряют из вида. Библия вместе с ее толкованиями и литературными интерпретациями – основной источник для авторов этих произведений. Вне зависимости от того, строится ли на нем самоценный поэтический вымысел, манифестация религиозных убеждений, нравственное назидание, философская рефлексия или политическое высказывание, эти произведения не могут быть адекватно поняты и интерпретированы помимо своего основного источника, в том числе находящиеся в особенно «вольных» отношениях к исходному тексту или определенной традиции его толкования.

Специфика предмета и материала и цель исследования предполагали решение некоторых из основных **задач**: 1) выявить произведения на библейские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX в.; 2) рассмотреть разные типы таких произведений; 3) установить актуальный для отдельно рассматриваемых стихотворений и поэм исторический, литературный и биографический контекст (в особенности для малоизвестных); 4) изучить, в каких отношениях они находятся к послужившим для них основой книгам Священного Писания и различным традициям их толкования. Последняя задача была для нас одной из самых важных, поскольку в зависимости от ее решения можно было делать выводы насчет побудительных мотивов, имевшихся у авторов для

---

² «Медный всадник» Пушкина рассматривается в отношении к двум (устанавливаемым в нашей работе) из его возможных литературных источников – к прозаической поэме С. Геснера «Потоп. Семира и Семин» (1762) и стихотворению Е.В. Херасковой «Потоп. По расположению г. Геснера» (1772).

обращения к библейской тематике, принципов, которыми они руководствовались, об их религиозных убеждениях и др.

Актуальность и научная новизна исследования определяются его предметом и материалом. Проблемы «Библия и русская литература», «христианство и русская литература» относятся к числу активно обсуждаемых в современном литературоведении (им, в частности, посвящены продолжающиеся серии сборников научных трудов³; в 2002 г. вышел специализированный библиографический указатель⁴). Наше исследование посвящено произведениям, непосредственно основанным на Библии, авторы которых – намеренно или невольно – оказывались в роли ее толкователей. В контексте названных проблем это особенно значимые произведения, в каком-то смысле находящиеся на границе между светской и духовной словесностью. Большая часть стихотворений и поэм, составивших материал нашего исследования, относится к числу редко привлекавших к себе внимание или не вводившихся в научный оборот. Кроме печатных, в работе использовались рукописные источники из отечественных архивохранилищ (РГАЛИ, НИОР РГБ) и маргиналии в книжном собрании Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. Некоторые тексты, впервые нами опубликованные, представлены в приложениях.

Наше исследование – историко-литературное, т.е. подход к предмету исследования у нас, главным образом, исторический. Его **теоретическая значимость** заключается в попытке выделить стихотворения и поэмы на библейские темы в качестве самостоятельного объекта исследования и рассмотреть разные их типы в современном им историческом и литературном контексте на протяжении ста лет – с 1740-х до 1840-х гг.

Нижняя граница определяется датой выхода брошюры В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцов, из которых каждый одну сложил особливо...» (СПб., 1744). Кроме того что это было первое в новой русской литературе поэтическое состязание, ознаменовавшее принятие тремя ведущими поэтами принципов силлабо-тонического стихосложения (в противовес выступлению А.Д. Кантемира в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских», 1744) и «европейского»

³ Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / [Ред. коллегия: В.Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. – Вып. 1–9. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994–2014 (вып. 9 под заглавием «Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков»); Христианство и русская литература. – Сб. 1–8. – СПб.: Наука, 1994–2016 (отв. ред. сб. 1–4 – В.А. Котельников, сб. 5–8 – В.А. Котельников, О.Л. Фетисенко).

⁴ Христианство и новая русская литература XVIII–XIX веков: Библиографический указатель. 1800–2000 / Составители А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева; под ред. В.А. Котельникова. – СПб.: Наука, 2002. – 891 с.

(восходящего к античности) представления об основных функциях поэта (подражание и состязание),⁵ переложения 143 псалма явились первыми в новой русской поэзии (XVIII в.) *напечатанными* стихотворными переложениями из Священного Писания.⁶ Верхняя граница (1840-е гг.) определена тем, что в то время – в эпоху В.Г. Белинского и «натуральной школы» – окончательно прекратилось доминирование поэзии над прозой, являвшееся до того характерной чертой новой русской литературы. В 1830–1840-х гг. были созданы религиозные поэмы Ф.Н. Глинки, которые, будучи опубликованы только в царствование Александра II, оказались в чуждом для них культурном контексте и были восприняты как явление литературной старины.

Указанные границы – с середины XVIII до середины XIX в. – охватывают не только начальные этапы истории новой русской литературы, но и особый период в истории перевода и бытования Библии в России. В конце 1751 г. (в один год с первым собранием сочинений Ломоносова) вышла из печати так наз. «Елизаветинская Библия» – новая редакция славянского перевода, работа над которой началась еще по указу Петра I от 14 ноября 1712 г.⁷ В 1756 г. она вышла вторым изданием с исправлением опечаток, после чего переиздавалась без изменений.⁸ Литераторы второй половины XVIII – первой половины XIX в., в отличие от своих предшественников, могли пользоваться единым и общепризнанным текстом Славянской Библии, однако, в отличие от позднейших авторов, еще не имели полной Библии на русском языке. Это, в частности, могло быть (и нередко бывало) одним из побудительных мотивов для создания стихотворных переложений, которые могли мыслиться их авторами как более понятные, чем славянский перевод. Высочайше санкционированная (Александром I) работа над русским переводом началась в 1816 г. и была связана с деятельностью Российского Библейского общества (1812–1826)⁹

⁵ См.: *Шишкин А.Б.* Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. – Сб.14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Л.: Наука, 1983. – С. 232–246.

⁶ В этом нетрудно убедиться, просмотрев указатели к «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800» (Т.5. – Указатели. – М.: Книга, 1967; [Т.6:] Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. – М.: Книга, 1975). Первым напечатанным в России XVIII в. *вольным* переложением из Библии стала «Ода, выбранная из Иова» Ломоносова (1751) (см. о ней в гл.1).

⁷ См., например: *Чистович И.А.* Исправление текста Славянской Библии перед изданием 1751 года // Православное обозрение. – 1860. – Ч.1. – С.479–510; – Ч.2. – С.41–72.

⁸ С начала XIX в. началось критическое изучение текста Елизаветинской Библии, в начале XX в. высказывались предложения о подготовке ее нового исправленного издания, см.: *Елеонский Ф.Г.* По поводу 150-летия Елизаветинской Библии: О новом пересмотре славянского перевода Библии. – СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1902. – 130 с.; *Цуркан Р.К.* Славянский перевод Библии: Происхождение, история текста и важнейшие издания. – СПб.: ИД «Коло»; ИТД «Летний сад», 2001. – С.237–272 (Гл.9: История критического исследования и издания Славянской Библии).

⁹ Библейское общество в отношении к современной ему русской литературе (и, в частности, к обществу «Арзамас») – особая тема, здесь мы ее не обсуждаем. См. об этом: *Майофис М.* Воззвание к

(сделавшего более доступным и славянский перевод: в 1817–1823 гг. оно выпустило 15 (!) стереотипных изданий всей Елизаветинской Библии, не считая изданий Нового Завета на славянском языке¹⁰). Русский перевод Четвероевангелия с параллельным славянским текстом вышел в 1818 г., весь Новый Завет – в 1821 г. и (без параллельного славянского текста) в 1823 г.; Псалтирь – в 1822 г.; Пятикнижие Моисеево вместе с Книгой Иисуса Навина, Книгой Судей и Книгой Руфи – в 1824–1825 гг., но уже не поступило в продажу. В 1826 г. официальная работа над переводом прекратилась и более чем на тридцать лет стала делом частных инициатив, результаты которых в печати не появлялись. Между тем потребность в русском переводе Библии в 1830–1840-х гг. была очень высока, о чем свидетельствуют не только предпринимавшиеся на свой страх и риск труды ученых клириков (прот. Г.В. Павского, архим. Макария (Глухарева) и др.), но и опыты светских литераторов. Так, весь Новый Завет на русский язык заново (со славянского) перевел В.А. Жуковский в 1844–1845 гг.¹¹ Разрешения официально возобновить работу над русским переводом Библии свт. Филарет (Дроздов) (один из главных участников работы в 1810–1820-х гг.) добился только в начале царствования Александра II. Полный русский синодальный перевод Библии вышел в 1876 г.,¹² т.е. далеко за пределами принятых в нашей работе временных рамок.

Большинство рассматриваемых нами авторов (кроме Ломоносова), обращаясь к славянскому переводу, имели дело со стандартным текстом Елизаветинской Библии (по которому без оговорок он и цитируется в нашей работе). В книгах Ветхого Завета этот перевод, сделанный, в основном, с греческого перевода (Септуагинты), местами принципиально отличается от еврейского оригинала, на котором основывались латинский

Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. – М.: НЛЮ, 2008. – С.285–310 (здесь же лит. вопроса).

¹⁰ См.: *Елеонский Ф.Г.* Библия в России // Православная богословская энциклопедия. – Т.2: Археология–Бюхнер. – Пг.: Прилож. к духовному журналу «Странник», 1901. – С.528.

¹¹ 1 января 1846 г. Жуковский надписал свой перевод в подарок к дню рождения годовалого сына Павла, который впоследствии и осуществил его первое издание: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В.А. Жуковского. – Берлин: тип. П. Станкевича, 1895. – IV, 640 с. Современное изд. с обстоятельными комментариями и статьями см.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В.А. Жуковского; Под ред. Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина; подгот. текстов И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина; статьи Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина; коммент. свящ. Д. Долгушина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 570 с.

¹² О перипетиях русского перевода Библии см.: *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. – 2-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – [6], 347 с. Общие сведения о славянском и русском переводах см. также: *Елеонский Ф.Г.* Библия в России // Православная богословская энциклопедия. – Т.2: Археология–Бюхнер. – Пг.: Прилож. к духовному журналу «Странник», 1901. – С.490–543; *Пичхадзе А.А.* Библия. IV. Переводы. Церковнославянский // Православная энциклопедия. – Т.5: Бессонов–Бонвеч. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. – С.139–147; *Алексеев А.А.* Библия. IV. Переводы. Русский // Там же. – С.153–161. См. также: *Астафьев Н.* Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами // Журнал Министерства народного просвещения. – 1888. – Т.258. – №7. – С.50–81; – №8. – С.296–335; – Т.259. – №10. – С.260–320; – Т.260. – №12. – С.208–231; 1889. – Т.261. – №2. – С.254–293.

(Вульгата) и западноевропейские переводы Нового времени, как и русский синодальный перевод (основанный на еврейском тексте масоретской редакции). Выбор того или иного варианта чтения конкретных стихов книг Ветхого Завета для поэтов интересующего нас периода (когда не было официально признаваемого Церковью русского перевода) являлся выбором между *православным* и *инославными* вариантами, т.е. мог быть маркированным в конфессиональном отношении, а иногда и в некоторых других. Так, например, немаловажно, что Третьяковский, Ломоносов и Сумароков для своего поэтического состязания избрали именно 143 псалом, в котором заключительные стихи (12–15) в славянском (греческом) варианте (в этом случае совпадающем с латинским переводом) имеют смысл, диаметрально противоположный оригинальному еврейскому тексту и немецкому переводу М. Лютера (совпадающему здесь с русским синодальным): в греческом, славянском и латинском вариантах в этих стихах идет речь о настоящем (временном) благоденствии грешников (чужого народа), в еврейском и немецком – о чаемом (вечном) благоденствии праведников (своего народа).¹³ Это различие едва ли могло ускользнуть от Ломоносова, как и от двух других участников состязания. Они, однако, сообща выбрали именно этот «проблемный» псалом, и все трое сделали переложения со славянского текста, в чем в принципе можно усмотреть не только манифестацию «русского конфессионального патриотизма»¹⁴, но и антинемецкий подтекст, согласующийся с политической обстановкой начала царствования Елизаветы Петровны. В других случаях выбор одного из различающихся вариантов чтения библейского стиха мог диктоваться сугубо экзегетическими и богословскими соображениями.

¹³ «Избави мя и изми мя из руки сынов чуждых, ихже уста глаголаша суету, и десница их десница неправды: ихже сынове их яко новосаждения водруженная в юности своей, дщери их удобрены, преукрашены яко подобие храма: хранилища их исполнена, отрыгающая от сего в сие: овцы их многоплодны, множащияся во исходящих своих: волове их толсти: несть падения оплоту, ниже прохода, ниже вопля в стогнах их. Ублажиша люди, имже сия суть: блажени людие, имже Господь Бог их» (Пс 143:11–15). Ср. рус. синод. пер.: «Избавь меня и спаси меня от руки сынов иноплеменных, которых уста говорят суетное и которых десница – десница лжи. Да будут сыновья наши, как разросшиеся растения в их молодости; дочери наши – как искусно изваянные столпы в чертогах. Да будут житницы наши полны, обильны всяким хлебом; да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитях наших; да будут волы наши тучны; да не будет ни расхищения, ни пропажи, ни воплей на улицах наших. Блажен народ, у которого это есть. Блажен народ, у которого Господь есть Бог» (Пс 143:11–15). У Лютера это псалом 144 (стихи 11–15): «Erlöse mich auch und errette mich von der Hand der Kinder der Fremde, deren Mund redet unnütz, und ihre Werke sind falsch, daß unsere Söhne aufwachsen in ihrer Jugend wie die Pflanzen, und unsere Töchter seien wie die ausgehauenen Erker, womit man Paläste ziert; daß unsere Kammern voll seien und herausgeben können einen Vorrat nach dem andern; daß unsere Schafe tragen tausend und zehntausend auf unsern Triften; daß unsere Ochsen viel erarbeiten; daß kein Schade, kein Verlust noch Klage auf unsern Gassen sei. Wohl dem Volk, dem es also geht! Wohl dem Volk, des Gott der HERR ist!»

¹⁴ Выражение, использованное в заглавии статьи Р. Пиккио: «“Предисловие о пользе книг церковных” М.В. Ломоносова как манифест русского конфессионального патриотизма» (Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана / Под ред. А. Мальц. – Тарту: Тартуский университет, 1992. – С.142–152).

* * *

Степень изученности произведений на библейские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX в. крайне неравномерна. Они составляют довольно большой и разнообразный массив текстов, т.е. в свое время были востребованы читателями, но впоследствии большинство из них оказались забытыми и не привлекали внимания исследователей (даже те, что принадлежали известным авторам).

Больше всего изучались переложения псалмов, имеющиеся почти у всех поэтов XVIII в. (в нашей работе они специально не рассматриваются¹⁵). Потребность собрать их в одном издании появилась довольно рано, и первый такой опыт осуществил еще в 1809 г. А.Г. Решетников¹⁶, после чего подобные (но уже не претендующие на полноту) сборники выходили многократно.¹⁷ Полные переложения Псалтири в XVIII в. завершили В.К. Третьяковский (1753)¹⁸ и А.П. Сумароков (1774),¹⁹ в первой половине XIX в. были напечатаны полные переложения свящ. Г.А. Пакатского (1818) и Е.В. Карнеева (1846);²⁰

¹⁵ Единственное исключение – переложения псалмов Ломоносова, о которых мы говорим в связи с композицией раздела «Оды духовные» в прижизненных изданиях его сочинений (1.2). В других случаях мы касаемся переложений псалмов, как правило, только если о них еще не было специальных работ (как, например, о псалмах Н.П. Николева).

¹⁶ Полное собрание псалмов Давида поэта и царя, переложенных как древними, так и новыми российскими стихотворцами из прозы стихами, с надписанием каждого их имени; собранные по порядку Псалтири А. Решетниковым. – М.: Губернск. тип., у А. Решетникова, 1809. – Т.1–2. – 604+544 с.; Полное собрание псалмов Давида, переложенных российскими стихотворцами из прозы стихами; собранные по порядку Псалтири в 1809-м году А. Решетниковым, а ныне при втором издании им же умноженное и дополненное... – М.: Губернск. тип., у А. Решетникова, 1811. – Т.1–2. – 608+706 с. Во втором доп. изд. представлены 655 переложений псалмов, принадлежащих 33-м авторам (не считая анонимных) и самому составителю (*Кукушкина Е.Д.* Решетников Андрей Гордеевич // *Словарь русских писателей XVIII века.* – Вып.3: Р–Я. – СПб.: Наука, 2010. – С.40).

¹⁷ Стихотворное переложение псалмов пророка и царя Давида, составляющих Псалтирь, с объяснением исторического, таинственного или нравственного смысла псалмов. – СПб.: Изд. книгопродавца Н.А. Шигина, 1869. – 280, VIII с.; То же. – 2-е изд. – СПб.: Изд. книгопродавца Н.А. Шигина, 1874. – X, 339 с.; Русские поэты конца прошлого и начала нынешнего столетия и их лирические стихотворения, написанные в духе псалмов, составляющих Псалтирь. – СПб., 1872. – 189, III с; Сионский песнопевец / Собрал игумен Антоний. – 2-е изд. – М.: Афонский русский Пантелеймонов монастырь, 1902. – 144 с. Из новейших сборников, см., например; Псалтирь в русской поэзии XVII–XX вв. / [Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Б.Н. Романова]. – М.: Ключ; Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995. – 381 с. Это, конечно, не все подобные сборники, вышедшие за 200 лет, тем более что переложения псалмов всегда включались в более широкие по составу сборники духовной и библейской поэзии (см. ниже).

¹⁸ Первое полное изд.: *Trediakovskij V.K. Psalter 1753. Erstausgabe / Besorgt und kommentiert von A. Levitsky; Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe.* – Paderborn; Munchen; Wien; Zurich: Ferdinand Schöningh, 1989. – LXXXIV + 663 S.– (Biblia Slavica. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 4: Russische Psalmenübersetzungen).

¹⁹ См. в кн.: *Сумароков А.П.* Стихотворения духовные. – СПб.: при Имп. Акад. наук, 1774. – 253, 5, 52, [3] с.; *Он же.* Полн. собр. всех соч. в стихах и прозе: [В 10 ч.] – М.: в Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. – С.1–216.

²⁰ *Пакатский Г.А., свящ.* Псалтирь в стихах, с приложением при каждом псалме содержащегося в нем исторического, таинственного или нравственного смысла, и с объяснением неудобовразумительных некоторых речений. – Ч.1–2. – СПб.: Тип. Имп. Воспитательного дома, 1818. – VI, 246+255 с.; <*Карнеев Е.В.*> Священные песнопения древнего Сиона, или Стихотворное переложение псалмов, составляющих Псалтирь. – СПб.: Издание книгопродавцев Кораблева и Сирякова, 1846. – [4], 331 с.

некоторые такие труды остались неопубликованными.²¹ Вместе с псалмами часто перелажались девять «Песней Священного Писания» из Служебной Псалтири (Исх 15:1–9; Втор 32:1–33; 1 Цар 2:1–10; Авв 3:1–9; Ис 26:9–20; Иона 2; Дан 3:26–46; Дан 3:52–88; Лк 1:48–56, 68–79). Первым в XVIII в. все эти песни переложил Третьяковский (и включил во второй том своих «Сочинений и переводов» в 1752 г.²²), а Г.А. Пакатский в 1814 г. по случаю победы над Наполеоном составил из них целую «Священную поэму».²³ Функции переложений псалмов в новой русской литературе, которая, с одной стороны, была ориентирована на литературу европейского классицизма, а с другой – наследовала некоторые традиции церковной книжности, описывались, например, В.М. Живовым.²⁴ В целом переложениям псалмов XVIII – начала XIX в. посвящены монография Л.Ф. Луцевич (2002)²⁵ и ряд диссертаций, учебных пособий и статей.²⁶ Ссылки на некоторые работы о псалмах отдельных авторов приводятся в основной части нашего

²¹ Так, всю Псалтирь переложил И.П. Бороздна к началу 1850-х гг., но напечатаны были только некоторые его переложения (*Ильин-Томич А.А.* Бороздна Иван Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т.1: А–Г. – М., 1992. – С.317).

²² Из 10-ти «парафразисов» псалмов и 10-ти библейских песен (9-я, состоящая из двух частей – «Песнь Богородицы» и «Молитва Захарии, отца Предотечева», у него переложена в два стихотворения) Третьяковский составил раздел «Оды божественные», присовокупив к ним «Парафразис песни Девворины» (Суд 5). См.: *Третьяковский В.К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подг. Н.Ю. Алексеева. – СПб.: Наука, 2009. – С.175–227 (текст), 599–612 (коммент. Н.Ю. Алексеевой). – (Лит. памятники).

²³ *Пакатский Г.А., свящ.* Священная поэма, состоящая из девяти песней, воспетых устами Богодухновенных человек во славу Троицы, Всемогущего, Премудрого и Всеблагого Бога на случай торжественного со всеми европейскими державами и с Персией замирения и на окончание войны с Наполеоном. Преложенная в стихи... – СПб.: Тип. Военного министерства, 1814. – [4], 53 с.

²⁴ См.: *Живов В.М.* К предистории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века <1993> // *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предистории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.532–555. См. также: *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – 591 с. (по предметному указателю).

²⁵ *Луцевич Л.Ф.* Псалтырь в русской поэзии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 608 с. (здесь в отдельных главах рассматриваются опыты обращения к Псалтири Феофана Прокоповича и А.Д. Кантемира, переложения псалмов В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, И.В. Лопухина и И.П. Тургенева, Ф.И. Дмитриева-Мамонова, Г.Р. Державина). См. также подготовленное ею издание (*Дмитриев-Мамонов Ф.И.* Псалтирь, переложенная на оды / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. Л.Ф. Луцевич. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – 311, XXXIX с.) и продолжение исследования этой темы на материале поэзии втор. пол. XX – нач. XXI в.: *Луцевич Л.Ф.* Память и псалме: sacrum/profanum в современной русской поэзии. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2009. – 487 с.

²⁶ *Донская Н.А.* Русская псалмодическая поэзия XVII–XVIII веков. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2003; *Горячева О.Н.* Переложение «Песен Давида» русскими поэтами XVIII века: (Формы выражения авторского сознания). Дис. ... канд. филол. наук. Елабуга: ЕГПУ, 2004; *Козлова А.А.* Жанр стихотворного переложения псалмов в русской поэзии первой половины XIX века. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005; *Горячева О.Н., Разживин А.И.* Русская псалтырная поэзия XVIII века: Пособие по спецкурсу и спецсеминару. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2006. – 144 с.; *Мальчукова Т.Г.* Парафразы псалмов в русской литературе 1820-х годов // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр* – Вып.3. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. – С.91–115.

исследования; здесь пока назовем статьи А.А. Левицкого и А.Б. Шишкина, напечатанные в сопровождение первого издания Псалтири Тредиаковского (1989).²⁷

Произведения других типов (парафразы целых библейских книг, вольные переложения, подражания, стихотворения на библейские сюжеты, религиозные поэмы, драмы, оперы, оратории и др.) изучались лишь в некоторых случаях и чаще всего в связи с творчеством немногих избранных писателей – немногих даже из числа самых влиятельных в свою эпоху. Так, например, если работы о библейских (и шире – «религиозно-философских») мотивах в поэзии М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова образуют устойчивую, восходящую к XIX в. традицию,²⁸ то аналогичные работы о А.П. Сумарокове, М.М. Хераскове, Н.М. Карамзине и др. появляются лишь с недавнего времени²⁹ (то же относится, например, и к А.Н. Радищеву³⁰). Традиционно изучаются библейские мотивы в поэзии «декабристов» (В.К. Кюхельбекера, Ф.Н. Глинки и др.),³¹ но чаще все-таки тех поэтов, чье творчество во многом принадлежит уже второй половине XIX в. (таких как Ф.И. Тютчев, А.С. Хомяков, А.К. Толстой, А.А. Фет³²) или позднему времени.

²⁷ *Левицкий А.А.* Литературное значение Псалтири Тредиаковского // *Trediakovskij V.K. Psalter 1753. – S.XI–LXXXI; Шишкин А.Б.* Судьба «Псалтири» Тредиаковского // Там же. – S.519–535. См. также: *Levitsky A. Russian Sacred Verse. From Polockij to Derzhavin. – Brown University, 1995.*

²⁸ См. персональные разделы в названном библиографическом указателе «Христианство и новая русская литература XVIII–XIX веков» (2002), а также ссылки в посвященных им главах нашей работы.

²⁹ См.: *Луцевич Л.Ф.* Псалтырь в русской поэзии (2002). – С.318–375 (Гл.7: Духовные стихотворения А.П. Сумарокова); *Гуськов Н.А.* Духовная поэзия А.П. Сумарокова: (заметки и наблюдения) // *Литературная культура России XVIII века. – Вып.3. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С.180–232; Гуськов Н.А.* А.П. Сумароков. Духовная поэзия: Учебное пособие по курсу «История русской литературы XVIII века». – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 60 с.; *Кукушкина Е.Д.* Поэзия М.М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. – Сб.22. – СПб.: Наука, 2000. – С.96–111; *Вендитти М.* Истолкование мотивов из Экклезиаста в XVIII веке: Вольтер в переводах Хераскова и Карамзина // XVIII век. – Сб.25. – СПб.: Наука, 2008. – С.130–157. О Хераскове см. также: *Orlowska A.* Motywy biblijne w liryce i poematach Michala Chieraskowa // *Biblia w literaturze i folklorze narodow wschodnioslowiaskich. – Krakow, 1998. – S.143–181; Павляк О.Н.* Евангельский текст в структуре стихотворения М.М. Хераскова «Иисус друг грешников» // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Вып.6. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2011. – С.48–59; Drozdek A.* Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems // *Ricerche Slavistiche 11 (57). – 2013. – P.89–113.* В старых работах о Хераскове его произведения на библейские темы лишь упоминались в связи с изучением истории масонства (см., например: *Розанов И.Н.* Михаил Матвеевич Херасков // *Масонство в его прошлом и настоящем: [В 2 т.]. – М.: Издательство «Задруги» и Н.Ф. Некрасова, 1915. – Т.2. – С.38–51).*

³⁰ См.: *Кукушкина Е.Д.* Библейские мотивы у А.Н. Радищева // *Русская литература. – 2000. – №1. – С.119–123; Вильк Е.А.* «Чудище стозебно» и Тифон («Путешествие...») А.Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в. // *Новое литературное обозрение. – 2002. – №55. – С.151–173; Кочеткова Н.Д.* Радищев и Мильтон // *А.Н. Радищев: Русское и европейское Просвещение. – СПб.: Наука, 2003. – С.48–56; Костин А.А.* Религиозные взгляды А.Н.Радищева // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.255–280; *Алексеев А.А.* Радищев и традиция английской Библии // *Русская судьба крылатых слов. – СПб.: Наука, 2010. – С.409–422; Николаев С.И.* «Чудище обло...» // Там же. – С.423–433.

³¹ См.: *Буткевич Т.И., протоиерей.* Религиозные убеждения декабристов. – Харьков: тип. Губернск. правл., 1900. – П, 64 с.; *Архипова А.В.* Религиозные мотивы в поэзии декабристов // *Христианство и русская литература. – [Сб.1]. – СПб.: Наука, 1994. – С.185–208.* Специальные работы о Глинке и Кюхельбекере названы ниже.

³² О них см., например, в кн.: *Кошемчук Т.А.* Русская поэзия в контексте православной культуры. СПб.: Наука, 2006. – 639 с. (здесь же обзор литературы).

«Библейские» стихотворения поэтов второй половины XIX – начала XX в. гораздо более многочисленны и в целом имели у читателей более прочный успех, в каком-то смысле затмив сочинения предшественников (в том числе и потому что тиражировались в соответствующих тематических сборниках). Первый в России сборник стихотворений на библейские сюжеты вышел в 1874 г.³³ Показательно, что более чем на две трети он состоял из стихов, написанных после 1840-х гг. (Л.А. Мея, В.В. Крестовского, В.В. Бажанова и др., особенно много – Л.И. Пальмина), хотя его составитель (Ф.А. Иванов) в предисловии жаловался на необходимость соблюдать ограничения, налагаемые авторским правом, и «бедность нашей поэтической культуры».³⁴ В популярном (трижды с дополнениями переиздававшемся) сборнике иеродиакона Евгения (Дикалова) «Религиозно-нравственные стихотворения, относящиеся к событиям жизни господина нашего Иисуса Христа» (1883) тоже преобладали авторы второй половины XIX в. (В.В. Бажанов, Л.Г. Граве, В.В. Крестовский и др.), видимо, потому, что составитель не находил у более ранних поэтов всех нужных ему отражений евангельской истории (а когда находил – охотно использовал, как, например, отрывки из поэмы Ф.Н. Глинки «Таинственная капля», бытовавшие в качестве отдельных стихотворений).³⁵ В самом большом сборнике стихов на темы Ветхого и Нового Заветов (1896–1898) тексты подбирались к иллюстрациям Г. Доре, и большая их часть была извлечена из современных публикаций, а многие, вероятно, были написаны на заказ.³⁶ Преимущественно современными произведениями заполнялись и другие сборники «библейской» и духовной поэзии предреволюционной поры.³⁷ В немалочисленных антологиях новейшего времени поэты ломоносовской, державинский и пушкинской эпох представлены, в основном, переложениями псалмов, лирическими подражаниями библейским текстам (как «Пророк»

³³ Библейская поэзия: Стихотворения на библейские сюжеты / Собранные Ф.А. Ивановым. – СПб.: тип. Ретгера и Шнейдера, 1874. – Ч.1–2. – 121, II + 127, III с.

³⁴ Там же. – Ч.1. – С.II («Предисловие»).

³⁵ Религиозно-нравственные стихотворения, относящиеся к событиям жизни Господина нашего Иисуса Христа / Собр. иеродиаконем Александром-Невской лавры Евгением. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: тип. И.Е. Ерофеева, 1883. – [4], 235 с.; То же. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: тип. В.В. Комарова, 1890. – 268 с.; То же. – 4-е изд., доп. – СПб.: тип. т-ва «Свет», 1913. – 308, III с.

³⁶ Библейские мотивы: [232] рисунка художника Густава Доре со стихотворениями к каждому рисунку русских поэтов / Издание А.А. Каспари. – Вып.1–3. – СПб.: Типография «Родины» (А. Каспари), 1896–1898 (Вып.1: Ветхий Завет. От сотворения мира до царствования Давида. 82 рисунка... – 1896. – [6], 165 с.; – Вып.3: Ветхий Завет. От царствования Давида до Рождества Иисуса Христа. 82 рисунка... – 1897. – 150 с.; – Вып.3: Новый Завет. 78 рисунков... – 1898. – 158 с.).

³⁷ Христос в мировой поэзии / Составитель Иона Брехничев. М.: Торг. дом «В.И. Знаменский и К^о», 1912. – 294, VI с. (здесь обильно представлены произведения поэтов Серебряного века, в т.ч. переводы); Волны вечности в русской художественной литературе. Издание Киевского религиозно-философского общества. – Киев: тип. Кушнерева, 1914. – VIII, 519 с. (стихотворения – с.3–140); Образцы библейской поэзии: Стихи и поэмы на сюжеты из Библии / Собранные Н. Осиповичем, со вступ. статьей К. Бархина. Одесса: Издание журнала «Колосья», 1915. – Вып.1–3. – 32, 33–48, 49–64 с.

Пушкина) и оригинальными духовными стихотворениями (лирическими же).³⁸ В сборниках, подготовленных нами, мы постарались разнообразить эту картину, включая малоизвестные и не перепечатывавшиеся в подобных сборниках произведения, в том числе отрывки из поэм.³⁹

Внимание критиков и исследователей русской литературы XVIII–XIX вв. (как и составителей названных сборников) обычно привлекала лирическая поэзия на библейские темы и/или короткие сюжетные стихотворения (а не поэмы и драмы). Так, Аким Волынский, автор первых в нашей критике обобщающих «этюдов» о Библии в русской поэзии (1887), написав о библейских переложениях Л.А. Мея, из сочинений более ранних авторов коснулся только лирических стихотворений (Ломоносова, Державина, Пушкина, А.Ф. Мерзлякова, Ф.Н. Глинки, А.С. Хомякова, Н.М. Языкова).⁴⁰ В диссертации В.А. Осанкиной о «библейско-евангельской традиции» в поэзии русского романтизма (2001) рассматриваются почти исключительно лирические стихотворения и только две поэмы (в последней главе) – «Странствующий жид» Жуковского и «Агасвер» Кюхельбекера.⁴¹ В диссертации Е.В. Семеновой о системе жанров духовной поэзии XVIII в. (2002)⁴² тоже, в основном, речь идет о лирических жанрах. В этом смысле исключением являются книги М.Я. Вайскопфа (2002, 2008, 2012), в которых привлекаются разные произведения (первой половины XIX в.), касающиеся библейских тем: стихотворения, поэмы, драмы, повести (в том числе малоизвестные), однако они рассматриваются лишь в некоторых специальных интересующих автора аспектах.⁴³ Книги Г.В. Синило о Библии в

³⁸ См., например, трехтомную антологию, выпущенную московским издательством «Аст» и харьковским «Фолио» в 2001 г: Пророк. Библейские мотивы в русской поэзии. – 416 с.; Час молитвы. Библейские мотивы в русской поэзии. – 432 с.; Голгофа. Библейские мотивы в русской поэзии. – 464 с. (Библиотека «Р.Х. 2000», серия «В силе духа»; автор проекта и отв. ред. библиотеки А.Н. Гопаченко). Стихотворения поэтов XVIII – перв. пол. XIX в. вошли в первую и частично во вторую книгу.

³⁹ Молитвы русских поэтов / Сост., предисл., примеч. В.Л. Коровина. – М.: Издательство «Э», 2015. – 640 с. – (Библиотека всемирной литературы) (здесь в предисловии названы и охарактеризованы другие аналогичные сборники); Пасхальные стихотворения / Сост. и примеч. В.Л. Коровина. – М.: Эксмо, 2014. – 352 с.; Рождественские стихотворения / Сост. и примеч. В.Л. Коровина. – М.: Эксмо, 2014. – 208 с.; Рождественская звезда: стихотворения русских поэтов / Сост. и примеч. В.Л. Коровина. – М.: Издательство «Э», 2015. – 224 с.

⁴⁰ *Волынский А.Л.* Библия в русской поэзии. Этюд первый // *Восход*. – 1887. – №7–8. – С.72–95; То же. Этюд второй // *Восход*. – 1887. – №9. – С.66–93.

⁴¹ *Осанкина В.А.* Библейско-евангельская традиция в эстетике и поэзии русского романтизма: Дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 34 с. Ср.: *Осанкина В.А.* Религиозные истоки эстетики и поэзии русского романтизма: Монография. – Челябинск: Челяб. гос. пед. ун-т; Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2000. – 264 с.

⁴² *Семенова Е.В.* Система жанров русской духовной поэзии XVIII в.: Дис. ... д-ра филол. наук. – М.: МПГУ, 2002. Ср.: *Семенова Е.В.* Система жанров русской духовной поэзии XVIII – начала XIX века. – М.: Прометей, 2001. – 183 с.

⁴³ *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – [2-е изд.] – М.: РГГУ, 2002. – 688 с. (1-е изд. вышло в 1993); *Вайскопф М.* Покрывало Моисея: Еврейская тема в эпоху романтизма. – М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008. – 382 с.; *Вайскопф М.* Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. – М.: НЛО, 2012. – 696 с.

светской поэзии (2009, 2015) посвящены, по большей части, иностранной литературе Нового времени (в основном немецкой) и русской и русско-еврейской поэзии конца XIX – начала XX в.⁴⁴, а русской поэзии интересующей нас эпохи касаются лишь в некоторых случаях (например, переложения из Песни Песней⁴⁵).

Указания на литературу об отдельных авторах и произведениях даны в соответствующих разделах в основной части нашего исследования, а пока нужно констатировать следующее:

1) из библейских парафраз систематически изучались только переложения псалмов XVIII – начала XIX в., причем некоторые *основополагающие* тексты начали изучать совсем недавно, а некоторые остаются вне поля зрения исследователей: «Псалтирь» В.К. Третьяковского была издана только 1989 г. в Германии и практически недоступна в библиотеках; первая обобщающая работа о Псалтири, переложенной А.П. Сумароковым, появилась только в 2002 г. (Л.Ф. Луцевич); нет специальных работ о переложениях некоторых крупных писателей (Н.П. Николев, С.С. Бобров⁴⁶ и др.), как и о полных переложениях Псалтири в XIX в. (Г.А. Пакатского, Е.В. Карнеева);

2) полные стихотворные парафразы других библейских книг вообще практически не изучались; единственное исключение – переложение Апокалипсиса В.А. Жуковским (незавершенное, 1851–1852), два варианта которого в 2009 г. были переизданы в собрании его сочинений с комментариями свящ. Д. Долгушина⁴⁷;

3) изучались свободные переложения и подражания псалмам и другим библейским текстам в лирических стихотворениях, но избирательно, преимущественно у поэтов пушкинской поры (самого А.С. Пушкина, Ф.Н. Глинки, В.К. Кюхельбекера, Н.М. Языкова

⁴⁴ *Синило Г.В.* Танах и мировая поэзия. – Минск: Экономпресс, 2009. – 880 с.; *Синило Г.В.* Библия и мировая культура: учеб. пособие. – Минск: Вышэйшая школа, 2015. – 685 с.

⁴⁵ См.: *Синило Г.В.* Танах и мировая поэзия. – С.556–579 (здесь говорится о переложениях Державина, Пушкина, А.Г. Ротчева, Фета, Мея, далее – о К.М. Фофанове, В.Я. Брюсове и др.). Пособием для автора послужил сборник «Песнь Песней царя Соломона: Антология русских переводов / [Вступ. статья И. Дьяконова]» (СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 205 с.).

⁴⁶ Николев переложил 24 псалма (один из них – Пс 9 – разбит на два стихотворения), Бобров – 26 псалмов. Переложения Николева пользовались известностью и включались в сборники псалтирной поэзии, но никогда не исследовались (как и вообще его духовные оды – см. ниже гл. 2). Переложения Боброва впервые с 1804 г. были переизданы и кратко прокомментированы нами, см.: *Бобров С.С.* Рассвет полночи. Херсониды: В 2 т. / Изд. подготовил В.Л. Коровин. – М.: Наука, 2008. – Т.1. – С.323–368, 619–621 (коммент.) – (Лит. памятники); см. также в нашей монографии о Боброве (2004).

⁴⁷ *Жуковский В.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. – Т.4: Стихотворные повести и сказки / Науч. ред. тома А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С.330–354 (текст), 587–599 (коммент. свящ. Д. Долгушина). Переложение из Апокалипсиса и поэма «Странствующий жид» Жуковского затрагиваются также, например, в диссертационном исследовании: *Барышникова И.Ю.* Новый Завет и Псалтирь в русской поэзии: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013 (здесь речь идет о переложениях нескольких псалмов и Апокалипсиса в русской литературе XVIII–XX вв., вплоть до современных авторов – иеромонаха Романа (Матюшина) и др.).

и др.); некоторые поэты, у которых подобные стихотворения составляли главный раздел в их творчестве (как, например, Н.М. Шатов), редко привлекали к себе внимания;

4) оригинальные религиозные поэмы на библейские и смежные апокрифические сюжеты тоже систематически не изучались; есть лишь работы об отдельных авторах и произведениях, как, например, о незавершенном стихотворении Пушкина на сюжет Книги Юдифи «Когда владыка ассирийский...» (1835)⁴⁸ и др., о поэмах Жуковского, Кюхельбекера, В.И. Соколовского и Ф.Н. Глинки и др. (ссылки на литературу о трех последних авторах см. в гл.5 и 14–15);

5) из многочисленных переводов иностранных религиозных поэм тоже изучались лишь некоторые, причем даже о переводах самых главных из этих поэм («Потерянный рай» Дж. Милтона, «Мессия» Ф.Г. Клопштока, «Смерть Авеля» С. Геснера) на русском языке не было специальных обобщающих исследований⁴⁹ (ссылки на некоторые из них см. также в основной части работы).

* * *

Структура работы продиктована особенностями материала. Работа состоит из введения, 15-ти глав (некоторые из них разделены на параграфы и имеют приложения), заключения и списка литературы и источников В главах 1–4 рассматриваются, в основном, стихотворения, относящиеся к лирической поэзии: переложения из Книги Иова (Ломоносова, Николева и др.) и поздние стихотворения Державина. В главах 5–15 – рассматриваются только поэмы.

Рассмотрение всех типов поэтических произведений на библейские темы не входит в наши задачи, но все же они будут затрагиваться в основной части исследования,

⁴⁸ См.: *Сурат И.З.* «Когда владыка ассирийский...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. – Вып.2: Е–К. – СПб.: Нестор-История, 2012. – С.504–507 (здесь же лит.). О «Гавриилиаде» (выходящей за рамки нашего исследования) см.: *Строганов М.В.* «Гавриилиада» // Там же. – Вып.1: А–Д. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С.348–358. Новейшая работа: *Проскурина В.Ю.* «Вторая Гавриилиада», или А.С. Пушкин и князь Д.П. Горчаков // А.М.П. Памяти А.М. Пескова. – М.: РГГУ, 2013. – С.239–250 (здесь в качестве русского образца «Гавриилиады» указана поэма Д.П. Горчакова «Вирсавия» из составленного им рукописного сборника «Библиотека здравого рассудка»).

⁴⁹ Краткий обзор и библиографию переводов из Милтона до 1825 г. см. в кн.: *Левин Ю.Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1990. – С.161–163, 210–211. Единственная обобщающая работа о Милтоне в русской литературе написана американским исследователем: *Boss V.* Milton and the Rise of Russian Satanism. – Toronto; Buffalo; London, 1991. – 276 p. (2 ed. – University of Toronto Press, 2011. – 336 p.). О Клопштоке см.: *Ботникова А.Б.* Восприятие творчества Клопштока в русской литературе его времени // Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе. – Вып.3. – Красноярск, 1978. – С.16–32. О переводах «Смерти Авеля» Геснера: *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. – Л.: Наука, 1984. – С.66–68. О переводах этих и других поэм в XVIII в. см. также: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век: [В 2 т.] / Отв. ред. Ю.Д. Левин. – Т.2: Драматургия. Поэзия. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996 (указ.).

поэтому здесь сразу назовем хронологически первенствующие в новой русской литературе XVIII в. произведения некоторых разных типов и разрядов:

– первые напечатанные парафразы библейского текста: переложения псалма 143 в совместной брошюре В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова (1744);

– первый (не опубл.) перевод иностранной эпической поэмы, выполненный в прозе: «Потерянный рай» Дж. Милтона, переведенный с французского языка А.Г. Строгановым под заглавием «Погубленный рай» (1745) (перевод распространялся в рукописях)⁵⁰;

– первое свободное переложение библейского текста (подражание): «Ода, выбранная из Иова» Ломоносова (1751) (ей посвящена первая и самая большая глава в нашей работе);

– первая полная парафраза Псалтири: «Псалтирь» Тредиаковского (1753, оставалась неизданной до 1989 г.);

– первое свободное переложение, основанное на иностранном литературном источнике: «Почерпнутые мысли из Екклесиаста» М.М. Хераскова (1765) – вольный и сокращенный перевод из Вольтера («Précis de l'Ecclesiaste»)⁵¹;

– первое оригинальное стихотворение на библейскую тему: «Краткое описание Священных истории стихами» А.Ф. Протопопова (1769)⁵²; в ней 103 строфы (по восемь стихов 4-стопного ямба), стихотворная форма копирует «Оду, выбранную из Иова» Ломоносова;

⁵⁰ Перевод был сделан с французского перевода Н.Ф. Дюпре де Сен-Мора (1729); до сих пор он опубликован только частично (I и IX книги), см.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век: [В 2 т.] / Отв. ред. Ю.Д. Левин. – Т.2: Драматургия. Поэзия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С.191–228 (публ. А.О. Львовского, вступ. заметка Ю.Д. Левина). Предисловие переводчика опубликовано в кн.: *Пытин А.Н.* Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей сказок, поэм и др., в особенности из первой половины XVIII века. – М., 1888. – С.48–51 (здесь же см. о списках перевода поэмы).

⁵¹ *Херасков М.М.* Почерпнутые мысли из Екклесиаста. – [М.]: печ. при Имп. Моск. ун-те, 1765. – 12 с. В предисловии Хераскова есть оговорка: «К труду сему побудило меня сокращение Екклесиаста на французском языке одним великим стихотворцом. <...> ...не покидая следов мудраго пророка заимствовал я нечто от подражателя его, *многое переменил и что с нашим писанием нашел несходное, отставил*» (курсив мой – В.К.). В исправленном виде это стихотворение переиздавалось в 1779 и 1786 г. (Почерпнутые мысли из Екклесиаста; С присовокуплением первых трех глав, из Премудростей Соломоновых. – 2-е изд., вновь пересмотренное и во многих местах исправленное. – М.: Унив. тип., 1779. – 24 с.; То же. – 3-е изд. – М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1786. – 24 с.), затем – в «Творениях» Хераскова (Ч.7. – М.: Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, – 1800. – С.3–13). Разбор этого стихотворения см.: *Вендитти М.* Истокование мотивов из Екклесиаста в XVIII веке: Вольтер в переводах Хераскова и Карамзина // XVIII век. – Сб.25. – СПб.: Наука, 2008. – С.130–157.

⁵² *Протопопов А.Ф.* Краткое описание Священных истории стихами / Сочиненное Императорского Московского Университета студентом Андреем Протопоповым. – [М.]: при Имп. Моск. университете, 1769. – 35 с.

– первый перевод иностранной поэмы в прозе, сделанный в прозе же: «Иосиф» П.Ж. Битобе в переводе Д.И. Фонвизина (1769)⁵³;

– первая полная парафраза библейской книги (не псалмов): «Книга премудрости Иисуса сына Сирахова» А.А. Засецкого (1777), переложение сделано силлабическими стихами (13-сложником); по свидетельству автора – в 1770 г.;

– первая оригинальная эпическая поэма в стихах на библейский сюжет: анонимно изданная поэма в девяти песнях «Истинный свет» (1780)⁵⁴; написана александрийскими стихами, в поэме излагается евангельская история от Крещения Христова до Вознесения;

– первая полная парафраза библейской книги (не псалмов) силлаботоническими стихами: «Плач Иеремиев, преложенный в стихи» (1782)⁵⁵, анонимно опубликованный в журнале Н.И. Новикова «Вечерняя заря»; мы атрибутируем этот текст сотрудничавшему в журнале А.Ф. Лабзину на основании его собственного свидетельства, что в 15-летнем возрасте (столько лет ему исполнилось в 1781 г.) он был «из набожности» наказан матерью «за то, что читал Библию и прелагал в стихи плач Иеремии»⁵⁶;

– первая оригинальная малая эпическая поэма (эпиллий) на библейский сюжет: «Вселенная» Хераскова (1797), поэма в трех песнях; опубликована в 3-й части его «Творений» (этой поэме посвящена гл.7);

– первая оригинальная поэма в прозе на библейский сюжет: «Иоас, возведенный на престол, или Торжествующая истина, поэма в пяти песнях» И.И. Казаринова (1798), вышла с посвящением митр. Гавриилу (Петрову)⁵⁷ (насколько нам известно, других оригинальных библейских поэм в прозе в XVIII – начале XIX в. не было).

⁵³ Иосиф, в девяти песнях сочинения г. Битобе / [Перевел Д.И. Фонвизин]. – Ч. 1–2. М., 1769. – 1–154, 155–386 с. Перевод много раз переиздавался (7-е изд. вышло в 1819 г.). Об этом переводе Фонвизина недавно появилось специальное исследование: *Росси Л.* «Иосиф», фонвизинский перевод поэмы П.-Ж. Битобе: проблемы жанра и рецепции // *Litterarum Fructus*: Сборник статей к 60-летию С.И. Николаева. – СПб.: Альянс-Архео, 2012. – С.123–141.

⁵⁴ Истинный свет, поэма в девяти песнях, сочиненная на русском языке. – М.: в Унив. тип., у Н. Новикова, 1780. – 160 с.

⁵⁵ Плач Иеремиев, преложенный в стихи // *Вечерняя заря*. – 1782. – Ч.1. – Апрель. – С.309–328.

⁵⁶ См.: *Лабзин А.Ф.* О чтении книг // *Сионский Вестник*. – 1818. – Ч.8. – Кн.2. – С.223–224, здесь с.224. Перед этим косвенным признанием Лабзин с благодарностью упомянул о И.Г. Шварце, побуждавшем студентов изучать Библию. См. об этом также в гл.5.

⁵⁷ *Казаринов И.И.* Иоас, возведенный на престол, или Торжествующая истина, поэма в пяти песнях. Изданием книгопродавца Семена Никифорова. – М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798. – [4], 98 с.

К этому списку первенствующих в своем роде произведений можно, но лишь с оговорками, добавить еще одно: на роль первой оригинальной дидактической богословской поэмы на библейские темы могла бы претендовать весьма объемная поэма И.А. Владыкина «Потерянный и приобретенный рай» (1776, 2-е изд. 1792), не имеющая никакого отношения к Милтону и обильно, со множеством ссылок на Священное Писание, прокомментированная самим автором⁵⁸; однако в принципе эту роль можно отвести и поэме Тредиаковского в шести эпистолах «Феоπτия, или Доказательство о богозрении по вещам созданного естества» (1754, изд. 1963)⁵⁹, также колеблющейся на грани богословствования и философствования; первой в полной мере «богословской», т.е. посвященной исключительно толкованию Священного Писания, из русских поэм без оговорок можно признать, пожалуй, только поэму С.А. Ширинского-Шихматова «Иисус в Ветхом и в Новом Заветах, или Ночи у Креста» (1824) (о ней см. в главе 10).

Стоит заметить, что полные стихотворные переводы классических религиозных эпоей Милтона и Клопштока появились только во второй половине XIX в. Другие аналогичные иностранные поэмы в XVIII – начале XIX в. тоже переводились прозой (стихами – только отрывки). Единственным исключением, а значит первенствующим в ряду стихотворных переводов европейских поэм на библейскую тему, кажется, можно считать полный стихотворный перевод поэмы Дж. Марино «Избиение младенцев в Вифлееме», выполненный диаконом Иосифом Восленским (1811)⁶⁰. Это одна из самых известных европейских религиозных поэм, однако она осталась незавершенной автором (вышла в 1621 г. после его смерти): в ней только четыре песни, т.е. задача, стоявшая перед ее переводчиком, была более скромной, чем у поэтов, помышлявших о переводе эпоей Милтона и Клопштока. Известно, например, что Г.Р. Державин в 1779 г. начинал переводить стихами «Мессию» Клопштока и перевел две песни, но потом они оказались

⁵⁸ См.: *Владыкин И.А.* Потерянный и приобретенный рай. Поема. С дозволения Святейшего Синода. – СПб.: при Артиллерийском и Инженерном и Шляхетном Кадетском корпусе, типографщиками Х.Ф. Клеен и Б.Л. Гейне. – 1776. – [14], 246 с.; То же. – [СПб., 1792]. – [18], 276 с. Оба раза поэма была напечатана с посвящением вел. кн. Павлу Петровичу. Об авторе см.: *Николаев С.И., Степанов В.П.* Владыкин Иван Афанасьевич // *Словарь русских писателей XVIII века.* – Вып.1. – Л.: Наука, 1988. – С.160–163.

⁵⁹ Впервые опубликована в кн.: *Тредиаковский В.К.* Избранные произведения / Вступ. статья и подгот. текста Л.И. Тимофеева, примеч. Я.М. Строчкова. – М.; Л.: Советский писатель, 1963. – С.196–322 (текст.), 512–520 (примеч.). – (Библиотека поэта, бс). О «Феоπτии» см. также в кн.: *Серман И.З.* Литературное дело Карамзина. – М.: РГГУ, 2005. – С.84–108 (Гл.3: Поэзия на службе науки: «Феоπτия»).

⁶⁰ Избиение младенцев в Вифлееме, поэма в четырех песнях, сочинение кавалера Марино / С италиянского на стихи переложена И... Восленским. – М.: в Унив. тип., 1811. – 178 с. Отрывок из перевода был опубликован М.И. Невзоровым в журнале «Друг юношества» (1810. – №8. – С.1–17). О переводчике см.: *Ранчин А.М.* Восленский Иосиф // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* – Т.1: А–Г. – М., 1992. – С.491–492. До Восленского поэму Марино прозой на русский язык перевел Я.Б. Княжнин (изд. 1779).

утрачены.⁶¹ Г.П. Каменев в 1792 г. переложил стихами IV песню написанной в прозе «Смерти Авеля» Геснера, но этот опыт в свое время остался неизданным.⁶² (Об этих и некоторых других иностранных поэмах, переведенных в России в XVIII в. см. ниже в гл.5.)

Драматические произведения мы исключили из нашего рассмотрения, поскольку они связаны не только с историей литературы, но и со специфичной историей театрального искусства в России. Концептуальные соображения об «адаптации библейского текста к сцене» при царе Алексее Михайловиче и Петре I и причинах почти полного исчезновения библейских (и вообще «христианских») сюжетов в русских театральных сочинениях с середины XVIII в. высказывал М.П. Одесский.⁶³ Здесь ограничимся перечислением известных нам драматических произведений на библейские темы второй половины XVIII – начала XIX в. (без оговорок указываются даты изданий): трагедия в прозе Аполлоса (Байбакова) «Иеффай» (1778)⁶⁴, изданные Н.И. Новиковым анонимные переводы трагедий Ж. Расина «Эсфирь» (1783) и «Афалия» (1784), комедия С.Ф. Жанлис «Иосиф, узанный братьями» в переводе Г. Матнева (1799)⁶⁵, драма Л.Ш. Кенье «Суд царя Соломона» в переводе А.С. Клушина (пост. в 1803, не изд.)⁶⁶, пьеса В.В. Измайлова для детского театра «Руфь» (1804)⁶⁷, трагедия Клопштока «Смерть Адама» в переводе В.С. Филимонова (1807), трагедия А.А. Шаховского «Дебора, или Торжество веры» (пост. 1810, изд. 1811), трагедия П.А. Корсакова «Маккавеи» (пост.

⁶¹ См.: *Державин Г.Р. Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота.* – Т.5. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1869. – С.313, 321, 652.

⁶² См.: *Бобров Е.* Этюды по истории русской литературы и просвещения. 3. Неизданное произведение Г.П. Каменева // Сборник Учено-литературного общества при Юрьевском университете. – Т.15. – Юрьев, 1909. – С.218–260.

⁶³ См.: *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: вторая половина XVII – первая треть XVIII в. – М.: РГГУ, 2004. – С.35–37 (и др.). Одной из последних была пьеса об Иосифе Прекрасном, поставленная на петербургской сцене в 1730-х гг. (Там же. – С.56–57).

⁶⁴ *Аполлос (Байбаков).* Иеффай, Священная трагедия, коея содержание в библейских книгах Судей главе II к концу. На кошт книгопродавца Х.Л. Вевера. – М.: Тип. унив., 1778. – [2], 30 с.; То же. – М.: Унив. тип., у Н.Новикова, 1782. – 38 с.; То же // Российский Феатр. – Ч.6. – СПб.: при Имп. Акад. наук, 1787. – С.241–272. Трагедия не предназначалась для сцены, см.: *Степанов В.П.* Байбаков Андрей Дмитриевич (в монашестве – Аполлос) // *Словарь русских писателей XVIII века.* – Вып.1. – Л.: Наука, 1988. – С.50.

⁶⁵ *Иосиф, узанный братьями своими.* Комедия в 2 действиях / Сочинение г-жи де Жанлис. Перевел Университетского благородного пансиона воспитанник Г. Матнев. – М.: Губ. тип., у А. Решетникова, 1799. – 72 с. (единственный экземпляр в РНБ).

⁶⁶ См.: *Кукушкина Е.Д.* Сюжет «Суд Соломона» в драматургии // XVIII век. – Сб.20. – СПб.: Наука, 1996. – С.121–134. Французский оригинал был издан и поставлен на сцене в Париже в 1802 г.

⁶⁷ См.: *Одесский М.П.* Укрощенный мессианизм: «Руфь» В.В. Измайлова – библейская инсценировка для детского театра // *Toronto Slavic Quarterly.* – №12 (2005) – [электронный ресурс]: URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/12/odesskij12.shtml> (дата обращения 17.08.2016)

1813, изд. 1815), опера Г.Р. Державина «Есфирь» (1814, изд. в 2002)⁶⁸, незавершенная стихотворная драма В.К. Кюхельбекера «Возвращение Товии» (1823, изд. в 2004)⁶⁹.

Список полных стихотворных парафраз библейских книг, появившихся в русской печати в XVIII – первой половине XIX в., крайне невелик. Кроме названных выше переложений Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова А.А. Засецкого (1777) и Плача Иеремии (атрибутируемого нами А.Ф. Лабзину, 1782), можно назвать лишь переложения тех же книг, сделанные в 1810–1820-х гг. слепым священником Г.А. Пакатским.⁷⁰ В 1830 г. М.А. Дмитриев опубликовал частичное переложение «неканонической» Третьей книги Ездры (из глав 3, 4, 5 и 14).⁷¹ Поэма Ф.Н. Глинки «Иов» была опубликована только в 1859 г. (см. ниже – 3.3). К этому короткому списку можно прибавить переводы иностранных парафраз библейских книг: перевод являющейся парафразой Книги Екклесиаста латинской поэмы Уильяма Хога (Hog, Hogaeus) «*Satyra sacra in vanitatem mundi et rerum humanum*» (1686), сделанный в прозе М.А. Цветихиным (1783)⁷²; перевод французского стихотворного переложения Плача Иеремии Ф.Т.М. де Бокуляра д'Арно «*Lamentations de Jérémie: Odes*» (1752), также сделанный в прозе Анастасием (Братановским-Романенко) (1797)⁷³. Некоторые неопубликованные опыты русских поэтов теперь утрачены, как, например, переложение Песни Песней, сделанное К.Н. Батюшковым в 1810 г. и, видимо, уничтоженное самим автором.⁷⁴

⁶⁸ Дёмин А.О. Оперное либретто Г.Р. Державина «Эсфирь» // XVIII век. – Сб.22. – СПб.: Наука, 2002. – С.358–408. Косвенно к библейской тематике относится и самая успешная трагедия Державина «Ирод и Мариамна» (1807, изд. в 1809), написанная на сюжет из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. Ее ранний вариант см.: Дёмин А.О. Начальный вариант трагедии Г.Р. Державина «Ирод и Мариамна» – «Ирод Великий» // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.317–397.

⁶⁹ Архипова А.В. «Возвращение Товии» – драматургический опыт В.К. Кюхельбекера // Пушкин: Исследования и материалы. – Т.16–17. – СПб.: Наука, 2004. – С.362–377.

⁷⁰ Пакатский Г. Поэма Плач Иеремии / Преложенный стихами Церкви Санктпетербургских богаделен священником Гавриилом Пакатским. – СПб.: Тип. Военного министерства, 1814 (переложение посвящено Ф.В. Ростопчину и является откликом на пожар Москвы); Пакатский Г.А. Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, заключающая в себе наилучшие нравоучения, преложенная в стихи. – СПб., 1825.

⁷¹ Дмитриев М.А. Видения Ездры // Дмитриев М.А. Стихотворения: [В 2 ч.]. – М.: Тип. Августа Семена, при Имп. Медико-хирургической академии, 1830. – Ч.1. – С.231–251 (авторская дата – 1826–1829). О М.А. Дмитриеве см. в гл. 14 нашей работы.

⁷² Священная сагира на суету мира, или Екклесиаст премудрого пророка Соломона. Перевел с латинских стихов Императорской Академии наук студент Михайло Цветихин. – М.: в привилегированной тип., у Мейера, 1783. – [16], 88 с. Перевод посвящен кн. Е.Р. Дашковой. Об этой книге и переводчике см.: <Костин А.А.> Писано на брезу Охты, в Манюловке, близ Жерновки. Четыре книги Михайлы Цветихина (посвящения, предисловия, примечания) // Von Wenigen (От немногих). – СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2008. – С.18–38.

⁷³ Плач Иеремии пророка, в шести песнях. Творение Арнода переведено Синодальным Членом, Ставропигиального Московского Новоспасского Монастыря Архимандритом Анастасием. – СПб.: в тип. Св. Синода, 1797. – [16], 72 с.

⁷⁴ О переписке Батюшкова по поводу Песни Песней с П.А. Вяземским и Н.И. Гнедичем см.: Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. – М.: Современник, 1987. – С.117–118.

Глава первая

«ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗ ИОВА» В «ОДАХ ДУХОВНЫХ» М.В. ЛОМОНОСОВА И КНИГА ИОВА

§1.1. Вопросы о датировке и источниках «Оды, выбранной из Иова» и литература о ней. – §1.2. «Оды духовные» в сочинениях Ломоносова и Книга Иова. – §1.3. Религиозные убеждения Ломоносова и «строфы от автора» в «Оде, выбранной из Иова». – §1.4. Библейская экзегеза в переложении Ломоносовым речи Бога к Иову. – §1.5. Бегемот и Левиафан в переложении Ломоносова. – §1.6. Шестоднев и строфа о творении человека в «Оде, выбранной из Иова». – §1.7. Ломоносов в полемике с поэмой Вольтера «На разрушение Лиссабона» в 1757 г. и перевод И.Ф. Богдановича. Некоторые итоги.

§1.1. Вопросы о датировке и источниках «Оды, выбранной из Иова» и литература о ней

«Ода, выбранная из Иова, глава 38, 39, 40 и 41» впервые была опубликована в «Собрании разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова», вышедшем в июле 1751 г., в разделе «Оды духовные» (как ода 8), и перепечатана во втором (и последнем) прижизненном собрании его сочинений 1757 г.⁷⁵ В рукописи первого собрания, датируемой началом 1751 г.,⁷⁶ текст оды написан рукой Ломоносова, содержит исправления и немного иначе озаглавлен («Ода 8, избранная из Иова глава 38, и прочая»)⁷⁷.

Как видно, в начале 1751 г. автор еще работал над этой одой (по крайней мере, переписывал и исправлял). Точные сведения о времени ее создании на этом заканчиваются. А.С. Будилович в «Хронологическом указателе» к сочинениям Ломоносова поместил ее среди произведений, «которые трудно приурочить к

⁷⁵ См.: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: [В 10 т.]. – Т.8. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.387–392 (текст оды по изд. 1757, варианты), 981–982 (коммент. В.Н. Макеевой). Далее ссылки на это изд. даются в тексте: римская цифра – том, арабская – страница. Ср.: Ломоносов М. Собр. разных сочинений в стихах и в прозе. Книга первая. – [СПб.:] печ. при Имп. Акад. наук, 1751. – С.35–40 (вторая книга не вышла); Ломоносов М. Собр. разных сочинений в стихах и в прозе. Книга первая. – 2-е изд. с прибавлениями. – [М.:] печ. при Имп. Моск. университете, 1757. – С.27–31 (книга вышла в 1758 г.).

⁷⁶ Доношение Ломоносова в Канцелярию АН о печатании его сочинений, написанное 25 января 1751 г. («Намерен я все мои оды и некоторые другие мои сочинения отдать в печать, для того что весьма много охотников, которые их спрашивают. Для того прилагаю при сем оных собрание и Канцелярию Академии Наук прошу, чтоб соблаговолено было оные напечатать» [X, 401]), было подано 9 февраля; положительное решение последовало 11 февраля, после чего началось печатание книги, вышедшей ранее 22 июля (Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова / Составители В.Л. Ченакал, Г.А. Андреева, Г.Е. Павлова, Н.В. Соколова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.174, 175, 181).

⁷⁷ В автографе 11 исправлений (в стихах 3, 14, 24, 35, 36, 39, 45, 84, 85, 89, 109); в первой публикации, кроме заглавия, исправлены еще шесть стихов (2, 39, 55, 59, 65, 68); во втором изд. (1757) изменены также стихи 46 и 63–64 (см.: VIII, 387–392).

определенному времени», с вопросительной пометкой «после 1749 г.?». ⁷⁸ В подготовленном М.И. Сухомлиновым академическом издании «Ода, выбранная из Иова» напечатана под 1750 г. ⁷⁹ (как и переложения псалмов 1, 26, 34, 70). Л.В. Пумпянский отнес ее к циклу «богословских» од Ломоносова, созданных зимою 1742–1743 гг., и предположил, что написана она была тогда же ⁸⁰ (его гипотеза не получил широкого признания). В советском академическом ПСС «Ода, выбранная из Иова» помещена под 1751 г. и датирована 1749–1751 гг. (см.: VIII, 981, 1271). В.М. Жирмунский, исходя из статистики пропущенных в оде ударений в сильных метрических позициях (около 20% – больше, чем в ранних стихах Ломоносова), тоже указал 1749–1751 гг. ⁸¹ Ю.М. Лотман выдвинул гипотезу, обосновывающую 1749 г. как нижнюю дату (по его мнению, «толчком, оформившим замысел “Оды, выбранной из Иова”», стало переиздание «Камня веры» Стефана Яворского в 1749 г.). ⁸² Наконец, А.А. Морозов дал снимающую разногласия датировку – «между 1743 и началом 1751». ⁸³

Писавшие об «Оде, выбранной из Иова» не привлекали внимание к тому факту, что, если не считать переложений псалмов, она оказалась первым в русской поэзии XVIII в. напечатанным стихотворным переложением из Библии. ⁸⁴ В отличие от

⁷⁸ Будилович А.С. Ломоносов как писатель: Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1871. – С.96. Пометка «после 1749 г.?» дана со ссылкой на письмо Ломоносова к В.Н. Татищеву от 27 января 1749 г. (см. о нем ниже).

⁷⁹ Ломоносов М.В. Соч.: [В 8 т.] / С объяснительными примеч. академика М.И. Сухомлинова. – Т.1. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1891. – С.ХVII (содерж.), 310–314 (текст), 469–485, вторая пагинация (примеч.). Текст оды здесь напечатан по изд. 1751 (варианты в примеч. – с.469–470).

⁸⁰ Пумпянский Л.В. Очерки по литературе первой половины XVIII века. II. Ломоносов в 1742–1743 гг. // XVIII век. Сб. статей и материалов. – [Сб.1]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – С.102–110, здесь в особенности с.107–108. По версии ученого, этот цикл состоит из 4-х стихотворений: «Ода на прибытие <...> Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» (некоторые строфы), «Вечернее размышление о Божием величестве...» (написано, по словам Ломоносова, в 1743 г. [III, 123]), «Утреннее размышление...» и «Ода, выбранная из Иова». Л.В. Пумпянский подчеркнул гипотетичность своей датировки, которая «...прямым образом недоказуема. Но ведь и традиционная датировка условна. *Hypothèse contre hypothèse*, наименьшая вероятность за датировкой акад. издания <М.И. Сухомлинова – В.К.>» (с.108).

⁸¹ Жирмунский В.М. Оды М.В. Ломоносова «Вечернее» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: К вопросу о датировке // XVIII век. – Сб.10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. – Л.: Наука, 1975. – С.27–30, здесь с.30. «Утреннее размышление...», которое А.С. Будилович, М.И. Сухомлинов, Л.В. Пумпянский и составители советского академического ПСС единодушно относили к 1743 г. (по аналогии с «Вечерним размышлением...»), В.М. Жирмунский также датировал 1749–1751 гг.

⁸² Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова <1983> // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство–СПб, 1996. – С.266–278, здесь с.274.

⁸³ Ломоносов М.В. Избр. произведения / Вступ. статья, сост. и примеч. А.А. Морозова; подг. текста М.П. Лепехина и А.А. Морозова. – Л.: Советский писатель, 1986. – С.203 (Б-ка поэта, бс. Изд. 3-е).

⁸⁴ До 1751 г. были напечатаны только переложения 143 псалма в выпущенной совместно В.К. Тредиаковским, Ломоносовым и А.П. Сумароковым брошюре «Три оды парафрастические псалма 143...» (1744), и еще три переложения Ломоносова (псалмы 14, 116 и 145) в его «Кратком руководстве к красноречию» (1748). Парафразы 10-ти псалмов и всех «библейских песен» Тредиаковского были изданы в 1752 г. в его двухтомнике «Сочинения и переводы» (см. коммент. в изд.: Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подг. Н.Ю. Алексеева. – СПб.: Наука, 2009 – [Лит. памятники]). Публикации полного переложения Псалтири, завершено к 1753 г., Тредиаковский, как известно, так и не

переложений псалмов Ломоносова⁸⁵ – близких к славянскому тексту полных парафраз, это свободное переложение выбранных поэтом по собственному усмотрению фрагментов Книги Иова, причем из наиболее ответственной ее части – из речи самого Бога. В России середины XVIII в. это было необыкновенное сочинение и пример смелого обращения с текстом Священного Писания. С.П. Шевырев в свое время оценил его как «подвиг» одного из «первых создателей нашего собственно Русского слова»: «Как велика и достойна Ломоносова сия отважная мысль – осмелиться вложить лепет языка-младенца в уста Богу, гремящему из тучи, – и этот лепет внезапно превратить в гром говорящий! Такими подвигами только создается Поэзия народов, призванных к великому».⁸⁶

В письме к В.Н. Татищеву от 27 января 1749 г. Ломоносов отклонил его совет продолжить переложение псалмов, ссылаясь на две причины: «Первое – недосуги <...>; второе – опасение, ибо я не смею дать в переложении другого разума, нежели какой псаломские стихи в переводе имеют. Так, принявшись предлагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: “Змий сей, его же создал еси ругатися ему”, вместо: “се кит, его же создал еси презирати оное” (то есть море, его пространство)» (X, 462).

Отсюда можно сделать два вывода: 1) славянский перевод псалмов в глазах Ломоносова имел каноническое достоинство, что не исключало критического к нему отношения, но не позволяло дать в переложении «другой разум»; 2) неизменным для себя условием в переложениях псалмов он ставил их полноту (иначе что бы ему помешало, пропустив стих, в котором он увидел погрешность [Пс 103:26], продолжить переложение?).

В переложениях, условно датированных 1749–1751 г. (псалмы 1, 26, 34, 70), как и в тех, которые были напечатаны раньше (псалмы 14, 116, 143, 145), последнее условие соблюдено (и из псалма 103 он последовательно переложил первые 16 стихов в 16 четверостиший, а затем просто его «покинул»). Иное дело «Ода, выбранная из Иова», которую автор, видимо, отличал от «парафрастических» од, поэтому выбирал из Книги Иова только нужные ему стихи, переставляя их местами и делая вставки от себя, и без

добился (см.: *Шишкин А.Б.* Судьба «Псалтири» Тредиаковского // *Tredjakovskij V.K. Psalter 1753. Erstausgabe / Besorgt und kommentiert von. A. Levitsky; Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe.* – Paderborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 1989. – S.519–535).

⁸⁵ О его переложениях псалмов см. в кн.: *Луцевич Л.Ф.* Псалтырь в русской поэзии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С.242–280 («Стихотворные переложения псалмов М.В. Ломоносова»; здесь же обзор литературы вопроса). Отдельная глава в этой книге посвящена переложению 143 псалма Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым (с.141–241).

⁸⁶ *Шевырев С.П.* История поэзии. – Т.1. – М.: Тип. Августа Семена, при Имп. Медико-Хирургической академии, 1835. – С.198 (Чтение седьмое).

«опасения» переименовал «зверя» («зверие») из славянского текста в Бегемота, а «змия» – в Левиафана (в остановившем Ломоносова стихе Пс 103:26 в Вульгате на месте «змия» тот же левиафан, но в письме к В.Н. Татищеву он даже как вариант его не упомянул).

«Вольность» переложения в «Оде, выбранной из Иова» склоняет к мысли, что она была написана позднее переложений псалмов (или большинства из них) и представляет *альтернативный парафразам псалмов тип стихотворения, основанного на библейском тексте*. Она не имеет аналогов в его творчестве, тогда как вслед за относящимися к 1743 г. «Вечерним размышлением» и переложением 143 псалма появились «Утреннее размышление» и новые переложения псалмов (после 1751 г. Ломоносов уже не писал духовных од).

В пользу поздней датировки говорит и такой (еще не отмечавшийся) факт: 5-я и 7-я строфы «Оды, выбранной из Иова» перекликаются с отрывком из §271 «Краткого руководства к красноречию» (изд. 1748), кажутся его стихотворной парафразой (см. ниже – 1.4). Это «заключение», относящееся к условному силлогизму, доказывающему, что *«видимый мир от разумного существа устроен»* (VII, 319). Не исключено, что стихотворный текст предшествовал прозаическому, но вероятней обратное. Значит, оду нужно датировать как написанную не ранее, чем в период с марта 1744 г. до января 1747 г. (когда шла работа над «Риторикой» [см.: VII, 805–806]).

Наконец, «Ода, выбранная из Иова» является ключевым произведением в разделе «Оды духовные» и придает всей его конструкции единый смысл, соотносимый с Книгой Иова (доказательству этого тезиса посвящен следующий параграф – 1.2). Поэтому с большой долей вероятности можно предположить, она была написана, когда Ломоносов уже решил выстроить духовные оды определенным образом, т.е. когда готовил свои сочинения к печати – в начале 1751 г.⁸⁷ На этой самой поздней из возможных дат пока и приходится остановиться.⁸⁸

⁸⁷ В то же время, на наш взгляд, были написаны первое, третье и предпоследнее стихотворения в «Одах духовных» – «Преложение псалма 1», «Преложение псалма 34» и «Утреннее размышление о Божием величестве» (эти произведения, а также переложения псалмов 26 и 70, опубликованы здесь впервые). К их созданию поэта могли подвигнуть композиционные соображения. Переложение 1-го псалма стало необходимо, когда было принято решение поместить в начале «Од духовных» ряд переложений псалмов, а сам этот раздел – в начале собрания сочинений (было бы странно на *первом месте* в книге увидеть какой-то другой псалом, кроме *первого*) (подобное соображение уже высказывалось, см.: Луцевич Л.Ф. Указ соч. С.267). В переложении 34-го псалма 112 стихов – ровно как в «Оде, выбранной из Иова». Поскольку оно явственно перекликается с Книгой Иова (с его жалобами и проклятиями и призывами к Богу совершить суд), можно заподозрить, что это не простое совпадение: перелагая 34-й псалом, автор думал соотносить его с «Одой, выбранной из Иова». Сочинение «Утреннего размышления», составляющего пару с «Вечерним...», могло быть продиктовано заботой о композиции раздела, а кроме того, в некоторых отношениях оно кажется написанным в продолжение «Оды, выбранной из Иова» (см. 1.2).

⁸⁸ Стоит оговориться, что предлагавшаяся Л.В. Пумпянским ранняя датировка (1742–1743) все-таки не может быть полностью отвергнута. Не исключено, что Ломоносов к переложению из Книги Иова

* * *

Как переложение из Книги Иова и как принципиально свободное переложение библейского текста «Ода, выбранная из Иова» является беспрецедентной в творчестве Ломоносова и русской поэзии его времени. В виду этого вопрос о ее возможных источниках и образцах представляется особенно трудным и интересным. Н.Ю. Алексеева, говоря об итогах и проблемах изучения творчества Ломоносова, подчеркнула проблему с его духовными одами: «Помимо непосредственных источников, остается открытым вопрос и об образцах ряда ломоносовских стихотворений. Так, мы не знаем, на какие образцы ориентировался Ломоносов в создании своих парафрастических од. <...> Не знаем мы также, на какие образцы ориентировался Ломоносов и при создании своих размышлений о Божием величестве и “Оды, выбранной из Иова”, а такие образцы, по-видимому, были. <...> Вообще изучение духовных од Ломоносова из всех жанров его поэзии представляется наиболее насущным и трудным».⁸⁹

В современной Ломоносову европейской литературе есть одно сходное с «Одой, выбранной из Иова» произведение, которое могло быть ему известно. Это поэма Эдуарда Юнга (1683–1765) «Парафраза части Книги Иова» («A Paraphrase on Part of the Book of Job», 1719), часто печатавшаяся как приложение к его знаменитым «Ночным размышлениям» («The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality», 1742–1745).⁹⁰ В России их начали переводить только в 1770-х гг. (после выхода французского перевода П. Летурнера, 1769).⁹¹ «Парафраза части Книги Иова» на русский язык переводилась дважды (1780, 1798).⁹² В связи с «Одой, выбранной из Иова» она не

обращался дважды, т.е. существовал какой-то ранний вариант оды. На эту мысль, кроме наблюдений Л.В. Пумпянского, наводят соответствия с Книгой Иова в переложении 143 псалма и «Вечернем размышлении» (см. 1.2).

⁸⁹ Алексеева Н.Ю. Итоги и проблемы изучения литературного наследия М.В. Ломоносова // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. – Вып.7: М.В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / Отв. ред.: А.А. Костин, А.О. Дёмин. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. – С.19.

⁹⁰ См.: The New Cambridge Bibliography of English Literature / Ed. by G. Watson. – Vol.2: 1660–1800. – Cambridge: The University press, 1971. – С.493. Начиная с 1719 г. «Парафраза части Книги Иова» несколько раз издавалась отдельно (*Young E. A Paraphrase on Part of the Book of Job.* – London, 1719. – 26, [6] p.; и др.); как приложение к «Ночным размышлениям» впервые вышла в 1748 г. в изд.: *Young E. The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality.* Sixth edition. – Vol.1–2. – London: Dodsley, 1743–1748.

⁹¹ См.: Левин Ю.Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. – Л.: Наука, 1970. – С.210 и сл.

⁹² Юнг Э. Краткое изъяснение из Книги Иова / <Пер. И.Г. Рахманинова> // Ношние мысли и другие некоторые сочинения г. Юнга, с аглинского на французской, а с французского на российской язык переведенные И.Р. – СПб.: при Артиллер. и инж. шляхетном кадетском корпусе, у Х.Ф. Клеэна, 1780. – С.51–78; Юнг Э. Вольное переложение некоторых мест из книги Иова / <Пер. С.С. Джунковского> // Плач, или Ношние мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г. Юнга, с присовокуплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью, и 3) Вольного переложения из книги Иова,

рассматривалась.⁹³ Между тем это стихотворное переложение той же, что у Ломоносова, части библейской книги (Иов 38–41). Отличие в том, что это не выборочное, а полное переложение Божественного ответа, введением к которому служит краткий рассказ от автора о бедствиях Иова (без жалоб и споров с друзьями), а заключением – слова его раскаяния. Ломоносов владел английским языком и интересовался иностранными литературами,⁹⁴ так что в знакомстве его с этим произведением к 1751 г. нет ничего невероятного, тем более что в 1749 г. уже появились первые немецкие переводы из Юнга.⁹⁵ Знакомство с его поэмой могло подать Ломоносову мысль сделать собственное переложение ответа Бога Иову. В любом случае, поскольку других столь же близких по содержанию его оде произведений (с переложением речи Бога к Иову) в современной ей литературе пока не указывалось, поэму Юнга целесообразно учесть в качестве ее литературного фона.

В.М. Живов в одной своей работе, делая попутные замечания о «Оде, выбранной из Иова», указал на «...стихи Гюнтера об Иове, которые видимо, были одним из стимулов ломоносовской оды».⁹⁶ К сожалению, исследователь не уточнил, какие именно стихи Иоганна Христиана Гюнтера (1695–1723) он имел в виду. По словам Г.В. Синило, Книга Иова была «своего рода метатекстом для религиозных стихотворений Гюнтера»: «Душа поэта ведет диалог с Богом, то принося покаяние, то задавая дерзкие вопросы, подобные вопросам библейского Иова. Это такие стихотворения, как “Покаянные мысли о состоянии мира” (“Bussgedanken über den Zustand der Welt”), “Верность духа Богу” (“Die

---

творения сего же знаменитого писателя. Вновь переведено с аглинского подлинника с описанием жизни сочинителя, многими новыми примечаниями и с двумя гравированными картинками: [В 2 ч.]. – СПб.: Тип. Г[ос.] М[ед.] коллегии, 1799. – Ч.2. – С.435–460.

⁹³ Единственное известное нам упоминание см.: *Левитт М.* «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: Опыт определения теологического контекста // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.63. Здесь же попутное замечание о «теме Иова» как имеющей «...прямое отношение к физико-теологической проблематике» (с.68).

⁹⁴ См.: *Берков П.Н.* Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.14–68.

⁹⁵ См.: *Левин Ю.Д.* Указ. соч. С.207. Первые переводы принадлежали И.Я. Бодмеру. В самом 1751 г. вышел сделанный И.Л. Эбертом прозаический перевод «Ночных размышлений», а вместе с ним и «Парафразы части Книги Иова» (*Young E. Klagen, oder Nachtgedanken über Leben, Tod und Unsterblichkeit: Der Jüngste Tag: Und eine Paraphrase über einen Theil des Buchs Hiob. Erstes Stück.* – Braunschweig; Hildesheim, 1751). Книга вышла не ранее апреля 1751 г. (под предисловием стоит дата 10 апреля, см.: *Kind J.L.* *Edward Young in Germany.* – New York: The Columbia University press, 1906. – P.137), когда сочинения Ломоносова уже находились в печати.

⁹⁶ *Живов В.М.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков <1997> // Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.604–605. Ссылаясь на статьи В. Шамшулы и Б. Унбегауна (*Schamschula W. Zu Quellen von Lomonosov «kosmologischer» Lyrik // Zeitschrift für Slavische Philologie.* – 1969. – Bd.34. – S.225–253; *Unbegaun B.O. Lomonosov und Luther // Zeitschrift für slavische Philologie.* – 1973. – №37. – S.159–171), В.М. Живов заметил, что в переложении из Книги Иова Ломоносов пользовался переводом М. Лютера (далее мы доказываем, что Ломоносов в данном случае как раз пользовался почти исключительно славянским переводом).

Zuversicht des Geistes dem Gott”), “К Богу” (“An Gott”), “Как был он через внутреннее утешение укреплен в своем нетерпении” (“Als er durch innerlichen Trost bey der Ungeduld gestärket wurde”). Они образуют своеобразный цикл, в центре которого – болезненная и проклятая для человеческого сознания проблема теодицеи, проблема осмысленности мира и оправдания Бога перед лицом самого страшного и непонятного зла – страданий праведных и невинных.⁹⁷ Гюнтер был любимейшим поэтом Ломоносова в студенческие годы в Германии и оказал на него влияние.⁹⁸ Стихотворения Гюнтера, основанные на жалобах Иова в библейской книге,⁹⁹ относятся к «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова как вопрос к ответу, так что очевидно представляют собой актуальный для нее литературный контекст.

В российской поэзии до Ломоносова есть несколько случаев прямого обращения к Книге Иова: два стихотворения Симеона Полоцкого к дню памяти св. прав. Иова,¹⁰⁰ четыре его же стихотворения под титулом «Иов» в «Вертограде многоцветном» (1678),¹⁰¹ одно стихотворение в приложенном к последнему анонимном цикле подписей к гравюрам Библии Маттиса Мериана¹⁰² и четыре стихотворения Мардария Хонькова к гравюрам Библии Пискатора (1679).¹⁰³ Все они не касаются вдохновившей Ломоносова Божественной речи, но представляют поэтическую традицию наставлений в вере и нравственности на материале Книги Иова, в русле которой находится и его ода. В

⁹⁷ Синило Г.В. История немецкой литературы XVIII века: учеб. пособие. – Минск: Вышэйшая школа, 2013. – С.55–66, здесь с.62.

⁹⁸ См.: Пумпянский Л.В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. – Сб.14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Л.: Наука, 1983. – С.8–18 (2. Ранний Ломоносов).

⁹⁹ См. в особенности одно стихотворение Гюнтера, переведенное Л. Гинзбургом («Терпимость, совестливость...»), в кн.: Европейская поэзия XVII века. – М.: Художественная литература, 1977. – С.284–286 – (Библиотека всемирной литературы). Есть сильный соблазн предположить, что «Ода, выбранная из Иова» написана как бы в ответ непосредственно на это стихотворение.

¹⁰⁰ Симеон Полоцкий. *Вирши / Сост., подг. текстов, вступ. статья и коммент. В.К. Былинина, Л.У. Звонаревой; науч. ред. В.Г. Короткий.* – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – С.283–284 («В день святого праведного Иова»), 289–290 («На именины боярина Богдана Матвеевича Хитрово» – макаронические русско-польские стихи). Оба стихотворения адресованы Б.М. Хитрово (1615–1680) и входят в сборник «Рифмологион, или Стихослов» (1678).

¹⁰¹ Симеон Полоцкий. *Вертоград многоцветный / Подг. текста и коммент. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой: [В 3 т.]. – Т.2. – Köln; Weimar; Wien: Börlau Verlag, 1999. – С.159–162 (1. «Столп каменный, высоко стоя утвержденный...»; 2. «Иов Борец пресильный в гноище сидяше...»; 3. «Блажен бе Иов, егда в богатстве живяше...»; 4. «В естественном законе Иов терпеливый / терпения Христова образ баше живой...»).*

¹⁰² Там же. Т.3 (2000). С.483 (стихотворение 141: «Иов, егда погуби различных скот стада...»). Ср.: Белоброва О.А. Древнерусские вирши к гравюрам Маттиса Мериана // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. – Т.44. – Л.: Наука, 1990. С.465.

¹⁰³ Белоброва О.А. Вирши Мардария Хонькова к гравюрам Библии Пискатора // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – Т.46. – СПб.: Наука, 1993. С.381–382 (стихотворения 216–219: «Иов человек праведен и честен...», «Паки диавол дерзает просити...», «Слышаще друзи три злочлодение...», «По скорби Иов обогащается...»). Иов здесь также упоминается в стихотворении 307 (на первое из евангельских блаженств): «Блажени иже духом обнищаша... <...> Яко же Иов, иже зло страдаше, / но благодарен быв, небо стяжаше» (с.398).

литературе о Ломоносове издавна отмечалось, что «предшествующие образцы религиозных песнопений имели, конечно, влияние» на него и дали ему первое представление о переложениях из Библии.¹⁰⁴ Произведения второй половины XVII – начала XVIII в. (в том числе драматические) традиционно привлекаются для изучения творчества Ломоносова,¹⁰⁵ но в связи с «Одой, выбранной из Иова» они еще не затрагивались. Ниже (1.3) отмечена ее перекличка с одним из названных стихотворений Симеона Полоцкого. Здесь сразу укажем на короткое стихотворение Феофана Прокоповича «Речь Господня к рабу малодушному»:

Не бойся ни мало, понеже Я с тобою!
 Не смотри на страхи, когда ты со Мною.
 О сердце трепетное! Перестань дрожать,
 полагай надежду в Моей благодати.¹⁰⁶

В этом стихотворении представлена сходная с «Одой, выбранной из Иова» картина отношений Бога и человека: Бог не упрекает его за малодушие, а заявляет о своем покровительстве, ободряет и внушает надежду.

Особый вопрос – какие толкования Книги Иова мог учитывать Ломоносов, делая свое переложение. Наверняка ему были известны многие из них,¹⁰⁷ но в первую очередь –

¹⁰⁴ «Предшествующие образцы религиозных песнопений имели, конечно, влияние на Ломоносова. Рифмованная Псалтирь Полоцкого могла сообщить ему первоначальное понятие как о постройке стихов, так и о переложениях из Св. Писания» (*Галахов А.Д.* История русской словесности, древней и новой: [В 2 т.]. – Т.1 (История древней русской словесности. – История новой до Карамзина). – СПб., 1863. – С.143). Переложения псалмов Ломоносова с «Псалтирью римфмотворной» Симеона Полоцкого специально сравнивала еще В.С. Дороватовская (1911).

¹⁰⁵ См., например: *Серман И.З.* «Псалтирь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. – Т.18. – М.; Л.: Наука, 1962. – С.214–232; *Демин А.С.* Литературные традиции в творчестве раннего Ломоносова // Ломоносов и русская литература. – М.: Наука, 1987. – С.80–103; *Сазонова Л.И.* От русского панегирика XVII в. к оде М.В. Ломоносова // Там же. – С.103–126; *Одесский М.П.* М.В. Ломоносов и школьная драма // Там же. – С.146–155. См. также: *Одесский М.П.* Очерки исторической поэтики русской драмы: Эпоха Петра I. – М.: РГГУ, 1999; *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: вторая половина XVII – первая треть XVIII в. – М.: РГГУ, 2004 (ук.).

¹⁰⁶ *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.224. Стихотворение не датировано. Впервые опубликовано в 1868 г. И.А. Чистовичем по неуказанному дефектному списку с тем же заглавием, но с другим текстом: «Не бойся ни мало, когда Я с тобой / Не смотри на страх, когда ты со Мною. / О сердце трепетное перестань дрожать / При сей благодати» (*Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1868. – С.599).

¹⁰⁷ О комментариях на Книгу Иова см.: *Неклюдов К.В., Ткаченко А.А.* Иова книга: Рецепция книги // Православная энциклопедия. – Т.25. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. – С.332–340 (о Книге Иова в Ветхом и Новом Заветах, у ранних христианских авторов, в восточной и западной патристике). См. также: *Симонетти М., Конти М.* Введение к комментариям на Книгу Иова // Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С.Х–XXIII. Новейший комментарий см.: *Романенко В.* Комментарии // Книга Иова / В русском синодальном переводе. Сост. и коммент. В. Романенко, сост. и предисл. иеромонаха Симеона (Томачинского). – Киев: Богуславкнига, 2013. – С.187–300.

комментарии Иоанна Златоуста (сохранившиеся в катенах) и опиравшегося на них диакона Олимпиодора Александрийского (VI в.). Славянский перевод Книги Иова был сделан с текста Септуагинты в составе комментариев Олимпиодора, и в славянской письменности она бытовала вместе с ними.¹⁰⁸ В НИОР РГБ имеются две такие рукописные книги – XVI в. и конца XVII в., прежде (до 1747 г.) находившиеся в Троице-Сергиевой лавре (обе сейчас доступны в электронном формате на сайте РГБ).¹⁰⁹ В них представлены разные переводы комментариев Олимпиодора, причем в книге конца XVII в. они находятся в составе катенов из толкований Иоанна Златоуста и других авторов.¹¹⁰ Эти книги могли побывать в руках Ломоносова во время учебы в Славяно-греко-латинской академии. Во всяком случае, впервые он когда-то читал Книгу Иова в подобной рукописи. К этому нужно добавить, что Иоанн Златоуст писал о Книге Иова не только в специальных комментариях, но и во многих других своих сочинениях, и его суждения несомненно были известны Ломоносову. В «Кратком руководстве к красноречию» (1748) он привел восемь отрывков из сочинений Иоанна Златоуста, а три из них (VII, 129–130, 138–139) – из «Слова о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может», в котором особо обсуждается история многострадального Иова.

Славянский перевод (переводы) комментариев Олимпиодора никогда не издавался, нет и полного русского перевода.¹¹¹ Ниже они цитируются по названным рукописным

¹⁰⁸ См.: *Рогозинская М.М., Скобелев М.А., Турилов А.А.* Иова книга: Переводы. IV. Славянский перевод // Православная энциклопедия. Т.25. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. С.324–325; *Алексеев А.А.* Текстология Славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С.158 (гл.5: Очерк истории славянских библейских текстов. §5: Переводы Мефодия).

¹⁰⁹ НИОР РГБ. Ф.173. I. №141 (Толкование на книгу Иова праведного, собранное Олимпиодором [рукопись]. [Б.м], XVI в. 242 л.); Ф.173. I. №21 (На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. [Б.м.], конец XVII в. 368 л.). Описание см.: *Леонид <Кавелин>, архимандрит.* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой Духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в Московской духовной академии). М.: Унив. тип. (М. Катков), 1887. Вып.2. С.24–25 (№7(21), №8(22)). На втором белом листе рукописной книги конца XVII в. надпись: «Книга толкования Олимпиодора диакона о книге праведнаго Иова, дана в Троицкую лавру вкладом морского флоту Порутчиком Сергием Автономовичем Головиным».

¹¹⁰ Комментарии к речи Бога к Иову здесь надписаны, в основном, именами Олимпиодора и Иоанна Златоуста, а также Мефодия Патарского (260–312) и Юлиана Экланского (386–454), отдельные фрагменты – именами Григория Богослова, Евагрия Понтийского (345–399), Феофила Александрийского (патриарха в 385–412), Севира Антиохийского (465–538) и Севира Александрийского (?). См.: НИОР РГБ. Ф.173. I. №21 (На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. [Б.м.], конец XVII в.). Л.341–363 ([электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004972107> [дата обращения: 20.08.2016]). Описание левиафана в этой книге обрывается на середине (на стихе 40:13: «ребра его ребра медяна»), а далее сразу идет комментированный текст заключительной (42-й) главы (л.362–366).

¹¹¹ Частичный перевод (фрагмент комментария к Иов 38:1–40:1) см.: *Норкин К.* Филологический анализ фрагмента «Комментария на Книгу Иова» диакона Олимпиодора Александрийского. [Дипломная работа выпускника Сретенской семинарии]. [М.], 2013 [электронный ресурс: URL: <http://www.pravoslavie.ru/64067.html> (дата обращения: 20.08.2016)].

книгам (в упрощенной орфографии). Толкования Иоанна Златоуста на Книгу Иова (как и другие его сочинения) цитируются по русским переводам.¹¹²

* * *

Работы, специально посвященные «Оде, выбранной из Иова», не так многочисленны, как можно было бы ожидать, учитывая ее огромную популярность в свое время. Как высказался в 1830 г. П.А. Катенин, «...все русские знают, конечно, выбранное Ломоносовым из Иова».¹¹³ Начальные строки «Оды, выбранной из Иова» («О ты, что в горести напрасно / На Бога ропщешь, человек...») – единственное, что «припомнил» гоголевский Хлестаков, когда дочка городничего попросила его написать «на память какие-нибудь стишки в альбом».¹¹⁴ К.С. Аксаков в 1846 г. указывал на нее как на «...так нам знакомую, так опрофанированную частыми повторениями и учебниками».¹¹⁵ На практике, однако, специально о ней писали не слишком часто.

Первый по времени известный разбор оды появился в приложении к анонимно изданной брошюре «Разговор Ломоносова с Княжниным в Елисейских полях» (1793) как сочинение *Я.Б. Княжнина*¹¹⁶ (состоит из кратких стилистических замечаний, в основном критических). *А.С. Шишков* в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803) сравнивал оду со славянским переводом Книги Иова, доказывая, что даже «...столь превосходный писатель, каков был Ломоносов, при всей пылкости воображения своего, не токмо прекрасными стихами своими не мог затмить красоты писанного прозою

¹¹² *Иоанн Златоуст*. Отрывки на (книгу) блаженного Иова // Иоанн Златоуст. – Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.12. Кн.3. – СПб., 1906. – С.1005–1137; Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова / Под ред. Манлио Симонэтти и Марко Конти; Русское издание под ред. Ю.Н. Варзониной; пер. с англ., греч., лат. и сир. – Тверь: Герменевтика, 2007 (здесь представлены отдельные фрагменты комментариев Иоанна Златоуста, но в том числе и те, которые не были учтены издателями его «Творений» в русском переводе).

¹¹³ *Катенин П.А.* О поэзии еврейской <1830> // Катенин П.А. Размышления и разборы / Сост., подг. текста, вступ. статья и примеч. Л.Г. Фризмана. – М.: Искусство, 1981. – С.52.

¹¹⁴ «Марья Антоновна. Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтобы вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много. <...> Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: “О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!...” Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это все ничего» («Ревизор», действие четвертое, явление XII [*Гоголь Н.В.* Полн. собр. сочинений и писем: В 17 т. / [Сост., подг. текстов и коммент.: И.А. Виноградов, В.А. Воропаев]. – Т.3–4. – М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. – С.280]). О функции этой цитаты в комедии см., например: *Мани Ю.В.* М.В. Ломоносов в творческом сознании Н.В. Гоголя // Ломоносов и русская литература. – М.: Наука, 1987. – С.357–358.

¹¹⁵ *Аксаков К.С.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. – М.: Тип. Н. Степанова, 1846. – С.417.

¹¹⁶ <*Княжнин Я.Б.*> Примечания на сию оду // Разговор Ломоносова с Княжниным в Елисейских полях с приобщением примечаний на славную оду господина Ломоносова, выбранную из Иова. – СПб.: у Вильковского, 1793. – С.29–32 («Примечания» помещены вслед за текстом оды – с.25–29; перед ними дана сноска: «Сии примечания сделаны покойным Яковом Борисовичем Княжниным» – с.29). Об этой брошюре см.: *Абрамзон Т.Е.* «Ломоносовский текст» русской культуры: Избранные страницы. – М.: ОГИ, 2011. – С.50–63 («О запоздалой встрече Ломоносова с Княжниным в царстве мертвых»).

Славянского перевода, но едва ли и достиг до оной...»¹¹⁷ Шишков разобрал строфы 7–12 и обратил внимание, что описание Бегемота и Левиафана (в строфах 9–12) указывает не на тех животных, которых стали видеть в них в Новое время (гиппопотам и нильский крокодил), а на слона (или носорога) и кита.¹¹⁸ Следующий специальный разбор оды появился только в 1868 г. Его автор, *К. Говоров*, приходил к выводу, что «...эта торжественная песнь прославляет непостижимое всемогущество и премудрость Божию, открывающиеся нам в видимых творениях, с целию – возбудить в нас благоговение к Богу и безусловную покорность воле Его во всех обстоятельствах жизни».¹¹⁹

Других специальных и сколько-нибудь пространных рассуждений об «Оде, выбранной из Иова» в критике XIX в. не находится. Она перепечатывалась в хрестоматиях, упоминалась в учебных пособиях и курсах истории русской литературы, однако уже авторы второй половины XIX в. явно предпочитали ей «Вечернее размышление о Божием величестве», которое иногда называлось лучшей одой Ломоносова.¹²⁰ В учебниках в разделах, посвященных его духовным одам, разбиралось именно «Вечернее размышление», а не переложения псалмов и не «Ода, выбранная из Иова» (рассматривавшиеся как не вполне оригинальные произведения). Так, В.Ф. Саводник без особенных пояснений представил ее как проникнутую «чувством религиозного благоговения».¹²¹

В XIX в. как бы само собой разумеющимся было мнение, что «Ода, выбранная из Иова» склоняет к принятию христианского мировоззрения и укрепляет веру в благость Промысла Божия о человеке. Церковные писатели признавали ее «главным» из тех произведений Ломоносова, которые «для духовного просвещения много значили и

¹¹⁷ *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка <1803> // Шишков А.С. Собр. сочинений и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.2. – СПб.: Тип. Имп. Росс. акад., 1824. – С.80 (разбор оды – с.66–80). Ср.: «Как ни прекрасна Ода, выбранная из Иова таковым великим Стихотворцем, каков был Ломоносов, <...> однако не все красоты подлинника (или Славянского перевода) исчерпал он, и едва ли мог достигнуть до высоты и силы оногo, писанного хотя и древним Славянским, не весьма уже ясным для нас слогом; но и тут, даже сквозь мрак и темноту, сияют в нем неподражаемые красоты и пресильные по истине стихотворческие в кратких словах многосмысленные выражения» (Там же. – С.66).

¹¹⁸ Там же. – С.69, 71.

¹¹⁹ *Говоров К.* Разборы литературных образцов: (Две пробные лекции по русской словесности). II. Ода Ломоносова, выбранная из Иова // Филологические записки. – Воронеж, 1868. – Вып.1. – С.15–26, здесь с.26. В литературе о Ломоносове нам еще не приходилось встречать ссылок на эту достойную внимания работу.

¹²⁰ См., например: «Вечернее размышление...» «...есть лучшая ода Ломоносова именно потому, что в ней поэтические образы имели свою основную естественность: величие Творца создано посредством ученого знакомства с явлением, а не восчувствовано непосредственно» (*Галахов А.Д.* История русской словесности, древней и новой: [В 2 т.]. – Т.1 (История древней русской словесности. – История новой до Карамзина). – СПб., 1863. С.143).

¹²¹ *Саводник В.Ф.* Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII века. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнарев и К⁰, 1914. – С.353–355, здесь с.353.

значат».¹²² Этим отчасти и было обусловлено обязательное присутствие оды в дореволюционных учебных программах (и отчасти по той же причине она выпала из них в советское время). Отрицать христианское умонастроение автора «Оды, выбранной из Иова» одной из первых решилась в 1911 г. В.С. Дороватовская, обнаружив, что все его переложения сделаны из Ветхого Завета, и полагая, что христианство как «типичнейшее религиозное миропонимание» было «чуждым Ломоносову, как естествоиспытателю прежде всего».¹²³ Вскоре это тоже стало традицией, только сходные по видимости суждения позднейших авторов уже не были (или не всегда были) столь же легковесны.

Д.К. Мотольская в обзорной работе о Ломоносове (1941) уделила особое внимание его духовным одам и «Оде, выбранной из Иова», заметив противоречивость ее идейного пафоса и отношения к исходному библейскому тексту: «Последние главы книги Иова – это апофеоз веры. У Ломоносова исчез Иов (так как он не дает мотивов из первых глав книги Иова) и вместе с ним исчезла самая проблема веры. Бог Ломоносова – поэтическое олицетворение мироздания, такое же олицетворение, какими являлись греческие и римские боги. Бог в этой оде и не лейбницианский бог.¹²⁴ По форме это именно библейский бог, создавший небо и землю в шесть дней. Библейский примитивизм представлений, перенесенный Ломоносовым в эту оду <...>, говорит о том, что книга Иова была для него только источником средств поэтического воплощения. То, что там составляло содержание, здесь превратилось в форму».¹²⁵ Некоторые из этих замечаний справедливы (особенно то, что Бог оды – по крайней мере «по форме» – «именно библейский бог»). Самое спорное – утверждение об исчезновении в переложении

¹²² *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. – Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. – СПб.: Издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1884. – С.335.

¹²³ *Дороватовская В.С.* О заимствованиях Ломоносова из Библии // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сб. статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб., 1911. – С.33–65, здесь с.38. Общий вывод о его заимствованиях из Библии здесь выглядит так: «Как в этих одах <торжественных – В.К.>, так и в переложениях псалмов и в “Оде, выбранной из Иова”, Ломоносов сказался как прекрасный стилист, хорошо понявший все особенности библейского языка, сумевший, более или менее, верно передать настроение и содержание библейского подлинника. Правда, на его творчестве слишком ясна печать холодного искусства и рассудочного творчества, благодаря чему, в значительной степени, бледнеет поэзия Библии, мельчает ее страстное и торжественное религиозное настроение...» (с.63). В том же сборнике появилась статья, где вообще христианство Ломоносова ставилось под сомнение (тоже едва ли не впервые), а его «религия» сводилась к положениям «естественной религии» (см.: *Попов А.* Наука и религия в мирозерцании Ломоносова // Там же. – С.1–12).

¹²⁴ Эта оговорка сделана, поскольку тогда уже сложилась традиция связывать «Оду, выбранную из Иова» с лейбницианской философией. Ср. мимоходом высказанное в 1920-х гг. замечание Д.С. Святополк-Мирского: «Но самый лучший образчик его <Ломоносова> красноречия <...> – замечательная “Ода, выбранная из Иова”. И особенно те главы, где ревнивый Бог Ветхого Завета со всей силой убедительности превращается в лейбницианского Законодателя вселенной» (*Святополк-Мирский Д.П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. – 2-е изд. – Новосибирск: Издательство «Свиньян и сыновья», 2006. – С.94).

¹²⁵ *Мотольская Д.К.* Ломоносов и его современники // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.3: Литература XVIII века. – Ч.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С.264–348, здесь с.343.

Ломоносова «проблемы веры». Чуть ниже, говоря о заключительной строфе оды, сама же Д.К. Мотольская констатировала наличие в ней и «проблемы веры», и библейского (христианского) «содержания»: *«Заключительные строки оды, привнесенные Ломоносовым от себя, должны, очевидно, воплощать в себе философско-религиозный смысл книги Иова. Они логически не вытекают из всего произведения и даже стилистически из него выпадают, превращаясь в какую-то плоскую дидактику. <...> “Смирение” и пассивность, которые здесь проповедует Ломоносов, настолько резко противоречат его многочисленным призывам к познанию, <...> что могут быть восприняты только как выражение какой-то внешней необходимости».*¹²⁶

Как видно, прямым текстом от автора данное поучение исследовательнице пришлось объяснять его *художественным просчетом* или *лицемерием* («по внешней необходимости»). Ради того чтобы защитить представление о том, что Ломоносов был чужд христианской религиозности, ей пришлось выразить сомнение в его искусстве как поэта и искренности как человека (хотя вряд ли она это предполагала). Получается, что если Ломоносов превосходный поэт и не кривит душой, то он христианин, солидарный с «философско-религиозным смыслом Книги Иова». И только в противном случае, т.е. показав себя как не вполне умелого поэта, не вполне честного с читателями (по крайней мере, в этой оде), он лишь воспользовался библейской книгой для выражения посторонних ей идей.

Конечно, этот вывод – намеренно утрированный. Рассуждения Д.К. Мотольской серьезны и добросовестны. Она первая обозначила действительно существующие проблемы: 1) в каком отношении переложение речи Бога к Иову находится к выводам в стихах последней строфы, «привнесенных Ломоносовым от себя»; 2) как его ода соотносится с *учением* Книги Иова (а не только с ее образами и славянским текстом).

Эти проблемы неминуемо подводят к вопросу о религиозных убеждениях Ломоносова, который так или иначе затрагивается почти во всех работах, где специально обсуждается «Ода, выбранная из Иова».

Л.В. Пумпянский (1935) не сомневался в религиозности Ломоносова, отнес переложение из Книги Иова к его «богословским одам» 1742–1743 г. и дал им конфессиональную оценку, отметив «общий лютеранский характер всех богословских од, вместе взятых».¹²⁷ *Г.А. Гуковский* (1939) причислял Ломоносова к деистам, «...для которых

¹²⁶ Там же. С.344–345 (курсив мой – В.К.).

¹²⁷ *Пумпянский Л.В.* Указ соч. – С.109. Напомним, что речь идет о 4-х стихотворениях: «Ода на прибытие <...> Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации», «Вечернее...» и «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Ода, выбранная из Иова».

бог – это принцип жизни природы, закон ее», и, соответственно, в нескольких строках, посвященных в его учебнике «Оде, выбранной из Иова», Бог оды определен как «мудрая сила мироздания», «бог-природа».¹²⁸ В.Н. Макеева в комментариях к ПСС (1959) указала стихи славянского перевода Книги Иова, которым находится соответствие в оде, но оговорила, что «...избранные Ломоносовым тексты привлекли его, судя по построению оды, <...> тем, что давали случай набросать пером естествоиспытателя картину “стройного чина” вселенной, далекую от библейской» (VIII, 982).¹²⁹ И.З. Серман (1966) практически первым после А.С. Шишкова проделал предметное сопоставление «Оды, выбранной из Иова» (строф 2, 8 и 10–12) со славянским переводом Книги Иова и дал свое объяснение художественного и идейного смысла «вольностей» переложения. Он оспорил замечание Д.К. Мотольской о неорганичности религиозно-дидактической концовки оды, но при этом исходил из представления о Ломоносове как деисте и сделал вывод, что «...ропоту человека <...> поэт уже от себя, не словами Библии, а своими собственными, противопоставляет философию деистического оптимизма...»¹³⁰ Ю.М. Лотман (1983) задался вопросом, зачем для того чтобы нарисовать картину, «далекую от библейской» (по выражению В.Н. Макеевой), Ломоносову понадобилась именно Библия, и предположил, что ода была написана под влиянием религиозно-политических обстоятельств и имела полемическую направленность (в частности, в антидемонологической трактовке образов бегемота и левиафана). Он связал ее с «Теодицеей» Лейбница и, не акцентируя мысль о деизме Ломоносова, сделал вывод: «Бог оды – воплощенное светлое начало разума и закономерной творческой воли».¹³¹ Среди авторов общих работ советского времени о

¹²⁸ Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1939. – С.114–115. В учебнике Д.Д. Благого (1945) «Оде, выбранной из Иова» посвящена лишь одна фраза: «Величественные образы созидающейся вселенной даются и в его наиболее знаменитой “духовной оде”, “выбранной из Иова”» (Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. – Изд. 4-е, пересмотр. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1960. – С.169). Показательно, что «наиболее знаменитой», по его же словам, духовной оде Ломоносова Д.Д. Благой не уделит большего места в своем учебнике (что выглядит почти как фигура умолчания).

¹²⁹ Вот точные (хоть и не исчерпывающие) указания В.Н. Макеевой об отношении оды к тексту Книги Иова: «В основу оды легли четыре последние главы (XXXVIII—XLI) одной из частей Библии – книги Иова. Эти главы использованы Ломоносовым далеко не в полном их объеме, а лишь частично: из XXXVIII главы взяты только стихи 4, 7–12, 16, 17, 25–27; из XXXIX – стихи 27–29; из XL – стихи 10–13, 22; из XLI – стихи 6, 8, 10, 13, 16, 19, 22, 27, 29. Но и в пределах этих “выбранных” отрывков Ломоносов следовал за оригиналом далеко не с той строгостью, как при переложении псалмов. Русский стихотворный текст обогащен рядом самостоятельных элементов, отсутствующих в библейском подлиннике» (VIII, 981–982).

¹³⁰ Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. – Л.: Наука, 1966. – С.46–63, здесь с.62.

¹³¹ Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1983. – Т.42. №3. – С.253–262, здесь с.259 (статья не раз переиздавалась; далее мы будем ссылаться на одно из переизданий [1996]).

Ломоносове, где «Ода, выбранная из Иова» попутно затрагивается, нужно назвать *А.В. Западова* (1979), который подчеркнул наличие в ней темы достоинства человека.¹³²

В последнее время (за последние двадцать пять лет) появилось несколько специальных работ об интересующей нас оде, в которых наметилась тенденция возвращения к представлению о ней как религиозном произведении.

И. Клейн (2005, 2010) пишет, что в «Оде, выбранной из Иова» не следует видеть теодицею, поскольку у Ломоносова «...Бог в своем величии вообще не нуждается ни в каком оправдании» и «любому сомнению, порожденному столкновением с конкретным злом, Ломоносов противопоставляет безусловность веры».¹³³ Иначе говоря, *И. Клейн* доказывает, что в данной оде представлена апология веры (что в XIX в. считалось очевидным, а авторы советского времени в целом отказывались признавать). *Т.В. Зверева* (2007) пишет о «за-текстовом пространстве» оды (подразумеваемых вопросах, отсылающих к проблематике Книги Иова).¹³⁴ Болгарская исследовательница *Денка Крыстева* (2007, 2013), не останавливаясь на вопросе о «религии» Ломоносова, обратила внимание на возможность толкования образов Бегемота и Левиафана как политических аллегорий и связала переложение из Книги Иова с апологией монархии и Петра I в торжественных одах Ломоносова.¹³⁵ Есть и другие новые работы, касающиеся «Оды, выбранной из Иова».¹³⁶

¹³² *Западов А.В.* Поэты XVIII века: М.В. Ломоносов. Г.Р. Державин. – М.: Изд-во Московского университета, 1979. – С.105–106.

¹³³ *Клейн И.* Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.287–300, здесь с.295 (4. Ломоносов и теодицея. [С.294–298]). Ср.: *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. – М.: Индрик, 2010. – С.127–129.

¹³⁴ *Зверева Т.В.* О потенциальной двухчастности «Оды, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвуз. сб. научных трудов.* – Вып.13. – СПб.; Самара: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С.115–122; *Зверева Т.В.* О чем молчит «Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова, или Еще раз об «умении прочитать оду» // *Филологический класс.* – Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2007. – №17. – С.35–41. См. так же в ее кн.: *Зверева Т.В.* Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века. – Ижевск: Удмуртский университет, 2007.

¹³⁵ *Кръстева Д.* Зверь/Бегемот и Змий/Левиафан в «Оде, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова (о политических аллегориях в системе абсолютизма и русской литературе XVIII века) // *Реката на времето.* Сборник статьи в памет на проф. Людмила Боева (1934–2001). – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридский», 2007. – С.163–173; *Кръстева Д.* Политически метафори на XVIII–XIX век: (литература – идеологическа история – неофициални разкази за двореца). – Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2013. *Д. Крыстева* напомнила, что в трактатах Т. Гоббса «Левиафан» и «Бегемот» речь идет об абсолютистском монархическом государстве и парламенте.

¹³⁶ *Ананьева Н.Е.* «Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова и русская религиозная гимнография XVIII века // *Научные доклады филологического факультета МГУ.* – Вып. 7: К 300-летию М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского университета, 2013. – С.4–15 (здесь речь идет о «лингво-стилистических» аспектах оды в сопоставлении со «Стансами Богу» Я.Б. Княжнина и одой «Бог» Г.Р. Державина); *Елепова М.Ю.* Художественная структура «Оды, выбранной из Иова, глава 38, 39, 40 и 41» в экзегетическом аспекте // *European social science journal* (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – №6(45), т.2. – М., 2014. С.240–245.

В целом литература о духовных одах Ломоносова, в особенности о его переложениях псалмов, довольно обширна и постоянно пополняется. Основные работы о переложениях псалмов названы в упомянутой выше книге Л.Ф. Луцевич (2002). Последний по времени обзор литературы о духовных одах Ломоносова представлен в статье П.Е. Бухаркина (2014).¹³⁷ Самой полной по материалу публикацией, где отмечены случаи использования в стихотворениях Ломоносова (в том числе в трагедиях, поэме «Петр Великий» и др.) выражений и образов из Библии и богослужебных книг, остается работа И.И. Солосина (1913),¹³⁸ однако собственно библейские переложения (псалмы и «Ода, выбранная из Иова») в ней не рассматривались.

§1.2. «Оды духовные» в сочинениях Ломоносова и Книга Иова

Раздел «Оды духовные», открывающий первое собрание сочинений Ломоносова (1751), а во втором (1757) предваряемый только «Предисловием о пользе книг церковных в российском языке», включает 10 стихотворений: семь «преложений» псалмов (1, 14, 26, 34, 70, 143, 145), «Ода, выбранная из Иова», «Утреннее размышление о Божием величестве» и «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния». В посмертных изданиях, начиная с «Полного собрания сочинений» 1784–1787 гг.,¹³⁹ стало принято печатать в этом разделе также незавершенное переложение 103 псалма, располагая его между другими псалмами (по нумерации).¹⁴⁰ Авторское построение раздела тем самым оказалось нарушено, что в принципе препятствует его осмыслению.

На первый взгляд, переложение 103 псалма Ломоносов не стал печатать только из-за его незавершенности. Однако и по тематике он отличается от всех псалмов, переложения которых помещены им в «Одах духовных». В 103 псалме говорится об

¹³⁷ Бухаркин П.Е. О проблематике духовных од М.В. Ломоносова // Russian Literature. – 2014. Vol. LXXV. – № I/II/III/IV. – С.57–72.

¹³⁸ Солосин И.И. Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1913. – Т.18. Кн.2. – С.238–293.

¹³⁹ Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений. – Ч. 1–6. – СПб.: иждивением Имп. Акад. наук, 1784–1787. Первая часть, куда вошли «Оды духовные», была подготовлена к печати О.П. Козодавлевым (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. – Т.2: К–П. – М.: Издание Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина, 1964. – С.166).

¹⁴⁰ При этом издательская традиция исключает из духовных од *полное* переложение 116 псалма, опубликованное в ломоносовской «Риторике» (1748) (очевидно, по причине его краткости): «Хвалите Господа, всея земли языки, / Воспойте Вышнего, вси малы и велики, / Что милость Он свою вовек поставил в нас, / И истина Его пребудет всякий час» (VII, 315).

устроении Творцом вселенной (в славянском переводе он имеет заглавие: «О мирстем бытии»). Эта тема близкая «Оде, выбранной из Иова», но практически посторонняя другим переложённым Ломоносовым псалмам.¹⁴¹ Поместить среди них 103 псалом значило нарушить их смысловое единство, отвлечь внимание от объединяющей их тематики, а также в чем-то продублировать переложение речи самого Творца из Книги Иова. Этого-то и не сделал Ломоносов, составляя раздел «Оды духовные». Как раз отсутствие в нем 103 псалма («прекрасного», по его выражению [X, 462]) подтверждает, что отбор и последовательность напечатанных здесь текстов подчинялись какому-то намерению автора.¹⁴²

«Ода, выбранная из Иова» в разделе «Оды духовные» занимает центральное положение и выделяется среди других стихотворений по строфике,¹⁴³ а главное, по характеру отношения к Священному Писанию. В отличие от двух «Размышлений», она основана на определенном библейском тексте, а в отличие от переложённых псалмов, отличающихся у Ломоносова большой точностью,¹⁴⁴ является свободным переложением в обрамлении комментирующих его стрóf от автора. Между парафразами псалмов и оригинальными «Размышлениями» «Ода, выбранная из Иова» оказывается посредником, связующим звеном, и не только по названным признакам, но и по тематике. В ней, во-первых, заявлена тема страдания («горести») человека (присутствующая в избранных Ломоносовым псалмах), а во-вторых, темы мироустройства и его познаваемости (основные в двух «Размышлениях»).

В «Оде, выбранной из Иова» присутствует апология идеи о мудром благоустройстве «видимого мира», который, как другом месте доказывал Ломоносов, «от разумного существа устроен» (VII, 319), но это лишь одна из защищаемых поэтом идей.

¹⁴¹ Единственное исключение – пятая строфа в переложении псалма 145 (см. ниже).

¹⁴² Ср. замечание И.З. Сермана, что в «Одах духовных» «...стихи помещены не в порядке написания, т. е., очевидно, что вместо хронологического порядка Ломоносов избрал для своего сборника какой-то иной» (*Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова*. – Л.: Наука, 1966. – С.38). О продуманности композиции «Од духовных» писали и другие авторы: *Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии*. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – С.279–280 (о переложениях псалмов как едином поэтическом цикле); *Бухаркин П.Е. Духовная ода М.В. Ломоносова: литературный контекст и религиозное содержание // Христианское чтение*. – 2011. – №3(38). – С.11–13 (отдельные замечания).

¹⁴³ Все переложения псалмов написаны четверостишиями, оба «Размышления» – шестистишиями. «Ода, выбранная из Иова» – единственная, написанная строфами из восьми стихов.

¹⁴⁴ Точность ломоносовских переложений псалмов издавна отмечалась в критике: «Переложения псалмов весьма близки к подлиннику: в них не токмо мысли, соблюдены самые выражения и слова Библейские; даже чувствительно повторение одной и той же мысли, свойственное Еврейскому стихосложению» (*Перевоицков В.М. Материалы для истории российской словесности*. Михаил Васильевич Ломоносов // *Вестник Европы*. – 1822. – Т.126. №18. – С.100). Ломоносов следовал славянскому тексту, как правило, укладывая в одно четверостишие один стих псалма (в редких случаях – два стиха). Это принцип строго соблюден уже в первом из его переложений (псалом 143), по которому видно, что «он с первой же строфы целенаправленно вырабатывает некие унифицированные подходы к переложениям» (*Луцевич Л.Ф. Указ. соч.* – С.234).

Бог в оде также указывает человеку на ограниченность его знания и возможностей. Вселенная величественна и прекрасна, но создана не человеком, и он не может ни управлять ею, ни познать все ее тайны. Это темы «Утреннего...» и «Вечернего размышления», где особым образом ставятся вопросы о законах природы («естества уставе») и границах научного знания. «Размышления» Ломоносова – образцы «научной» поэзии, «философской» оды. В них затрагиваются вопросы космологии и гносеологии (как аспекты богословских, физико-теологических).¹⁴⁵ В «Оде, выбранной из Иова» они подчиняются целям нравственного назидания и утешения: вся она обращена к страдающему человеку и склоняет его к терпению и надежде на Бога. Это не «философская» ода, а (как заметил Л.В. Пумпянский) нечто среднее между нею и переложениями псалмов, причем как «библейское» стихотворение к последним стоит ближе.¹⁴⁶

Все семь переложений псалмов в разделе «Оды духовные» написаны от лица праведника, окруженного злобными грешниками и уповающего только на Бога. Сквозная тема в этих переложениях – воздаяние от Бога праведникам и грешникам. Она прямо заявлена в первом псалме, которым открывается первое собрание сочинений Ломоносова (подобно Псалтири). Псалмопевец и поэт твердо верят, что Бог различает праведных и грешных и деятельно относится к их «путям»:

1

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
 Не хочет грешным в след ступать
 И с тем, кто в пагубу приводит,
 В согласных мыслях заседать...

<...>

6

Господь на праведных взирает
 И их в пути своем хранит;

¹⁴⁵ О европейских и русских сочинениях на физико-теологические темы как контексте «Размышлений» Ломоносова см.: *Левитт М.* «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: Опыт определения теологического контекста // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.57–70. См. также: *Клейн И.* Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.287–300, здесь с.298–300 («5. Ограниченность научного познания и примат веры в “Вечернем размышлении”»).

¹⁴⁶ «Надо еще заметить средний между псалмом и философской одой род: перевод из Иова <...>; строфа 5 – пример стиля псалма, 7 – научной оды. Все же середина здесь не точная, она явно ближе к Библии, чем к вольфианской космологии» (*Пумпянский Л.В.* К истории русского классицизма <1923–1924> // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собр. трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.68).

От грешных взор свой отвращает
И злобный путь их погубит.
(VIII, 369)

Деятельное отношение Бога к путям праведных и грешных в последней строфе акцентировано (ср.: «Яко весть Господь путь праведных, и пусть нечестивых погибнет» [Пс 1:6]), на что обращал внимание А.С. Шишков: «В подлиннике не сказано, что Бог *злобный путь грешников погубит*; но что путь сей, о котором Бог не хочет ведать, сам собою погибнет. Между выражением: *я погублю тебя*, и выражением: *я оставляю тебя, и ты погибнешь*, нет разницы в действиях, но в образе возвещения великая разность».¹⁴⁷

Иной, чем в псалме, «образ возвещения» служит здесь не только толкованию исходного текста, но и отсылает к псалму 145, где именно так и сказано: «Господь любит праведники. Господь <...> путь грешных погубит» (Пс 145:8–9). Переложение псалма 145 – последнее в «Одах духовных», и его заключительные строки – «Он дерский грешных путь скончает, / В Сионе будет в род и род» (VIII, 187) – по смыслу повторяют концовку переложения первого псалма, тем самым первое и последнее переложения оказываются связаны композиционно, а мысль, что Бог деятельно относится к путям праведных и грешных (а не просто «взирает» или «взор свой отвращает»), акцентируется как важнейшая для всех псалмов в «Одах духовных».

Давно замечено, что Ломоносов ставил себя на место псалмопевца и что, как писал один автор XIX в., «ясный ответ» на вопрос, почему он «избрал для переложений именно эти, а не другие псалмы», находится «в собственной его жизни»: «...потому избрал он их, что в них отражалась как бы его собственная жизнь со всеми ее невзгодами и случайностями, не жизнь царя-Давида, борца за благочестие и правду, а жизнь его самого, борца за науку и также правду».¹⁴⁸ В XX в. автобиографический подтекст его переложений (в особенности мотива «борьбы с врагами») специально подчеркивался и изучался.¹⁴⁹ Так, колебания Ломоносова в выборе лучшего варианта четвертого стиха

¹⁴⁷ Шишков А.С. Рассмотрение псалмов, переложенных Ломоносовым // Шишков А.С. Собр. соч. и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.14. – СПб.: Тип. Имп. Росс. Акад., 1831. – С.277–278.

¹⁴⁸ Губасов А. Религиозные воззрения Ломоносова // Христианское чтение. – 1880. – №9–10. – С.365.

¹⁴⁹ Обзор суждений об автобиографизме ломоносовских переложений см.: Луцевич Л.Ф. Указ соч. С.244–247. Одна из первых писала об этом Д.К. Мотольская (1941).

«Преложения псалма 1»¹⁵⁰ были интерпретированы в контексте его отношений с Академической канцелярией.¹⁵¹

Поставить себя на место псалмопевца поэт мог тем проще, что именно так и поступают молящиеся, т.е. читающие псалмы как молитвы. И если с этой точки зрения посмотреть на переложение псалма 1, придется констатировать, что *блаженство праведника* для Ломоносова отнюдь не автобиографический факт, а *предмет веры*, которую следует сохранять не только благодаря, но и *вопреки жизненным обстоятельствам*.

Именно способность человека сохранить веру в Бога и надежду на Него в ситуации, когда вместо заслуженной награды за них человек терпит бедствие, пытался опровергнуть сатана в Книге Иова: «И отвечал сатана Господу и сказал: разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но прости руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?» (Иов 1:9–11; ср. 2:4–6).¹⁵²

Иов, который, по Ломоносову, «был терпения и добродетели образ» (VII, 310), посрамил сатану и доказал свою праведность и бескорыстие. В Книге Иова ставится под сомнение и вновь утверждается вера в Бога как Промыслителя вселенной, который спасает праведников и наказывает грешников.¹⁵³ И как раз эта тема стоит на первом плане в переложениях псалмов, напечатанных Ломоносовым перед «Одой, выбранной из Иова». Последовательность их расположения самая естественная – по номерам. Создавались они в разное время, но после того как автор выстроил их в этом естественном порядке, тема воздаяния от Бога праведным и «злым», заявленная в переложении псалма 1, получила последовательное развитие.

В следующем за первым псалмом «**Преложении псалма 14**» перечисляются качества праведника. Перечисление начинается со второй строфы и продолжается до последней («Тот, кто ходит непорочно, / Правду завсегда хранит, / И нелестным сердцем точно, / Как устами, говорит; <...> В лихву дать серебро стыдится, / Мзды с невинных не

¹⁵⁰ «В суде едином заседать» (рукопись собр. соч. 1751 г.) – «В едином месте заседать» (изд. 1751) – «В согласных мыслях заседать» (изд. 1757) (VIII, 369).

¹⁵¹ См.: VIII, 978–979 (коммент. В.Н. Макеевой); *Стенник Ю.В.* Пушкин и русская литература XVIII века. – СПб.: Наука, 1995. – С.175. Полный разбор «Преложения псалма 1» см.: *Луцевич Л.Ф.* Указ соч. С.267–272.

¹⁵² В этой главе нашей работы русский синодальный перевод Библии цитируется в тех случаях, когда не предполагается текстуального сопоставления со стихами Ломоносова (в остальных случаях цитаты даются по славянскому переводу Елизаветинской Библии).

¹⁵³ См.: *Скобелев М.А.* Иова книга: Структура. Богословие // *Православная энциклопедия*. – Т.25. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. – С.327–332, здесь с.331. См. также: *Неклюдов К.В., Ткаченко А.А.* Иова книга: Рецепция книги // Там же. – С.332–340.

берет. / Кто так жить на свете тщится, / Тот во веки не падет» [VIII, 157–158]), а в первой строфе сказано, где этот праведник обитает:

Господи, кто обитает
 В светлом доме выше звезд?
 Кто с Тобою населяет
 Верх священный горних мест?
 (VIII, 157)

Здесь ясно дано понять, что настоящее место праведника на небесах, в то время как исходный текст допускал и историческое толкование (относящееся к Храму на горе Сион: «Господи, кто обитает в жилищи Твоем? Или кто вселится во святую гору Твою?» [Пс 14:1–2]). Добавив слова «выше звезд» и переименовав «святую гору» в «верх священный горних мест», Ломоносов истолковал начальные стихи псалма как свидетельствующие о бессмертии души и загробном воздаянии¹⁵⁴. Таким образом, с первых слов переложения внушается мысль, что праведник, чьи качества далее подробно перечисляются, главную награду получит на небесах, в сравнении с которой (что молчаливо подразумевается) земные награды не имеют цены.

Заканчивается стихотворение утверждением, что блаженство праведника – вечное и непоколебимое («Кто так жить на свете тщится, / Тот во веки не падет» [VIII, 158]; ср.: «Творяй сия не подвигится во век» [Пс 14:5]). Отсюда напрашивается вывод, что его не должны пугать угрозы и нападения врагов. Об этих последних сразу же и заходит речь в следующем **«Преложении псалма 26»:**

1
 Господь – Спаситель мне и свет:
 Кого я убоюся?
 Господь сам жизнь мою блюдет:
 Кого я устрашуся?
 2
 Во злобе плоть мою пожрать
 Противны устремились.

¹⁵⁴ Ср. толкование этого стиха у Евфимия Зигабена: «При слове жилище Божие и гора святая, иудей тотчас обыкновенно переносился мыслью к храму иерусалимскому и к соседней с ним горе Сиону. Должно однако же заметить, что во времена Давида храм этот не был еще построен и гора Сион еще не была освящена, ибо все это совершилось уже после его смерти. <...> Итак, говорит пророк: кто же именно, быстро пробежавши поприще настоящей жизни, поселится в небесных и в вечных жилищах?» (*Евфимий Зигабен. Толковая Псалтырь. Изъясненная по святоотеческим толкованиям / Пер. с греческого. – Изд. 3-е. – Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1907. – С.104–105*).

Но, злой совет хотя начать,
Упадши сокрушились.

(VIII, 371)

Здесь впервые появляется мотив превратности жизни уповающего на Бога человека (полностью отсутствующий в псалмах 1 и 14). Оказывается, он был на краю гибели, но Господь спас его, и такое бывало не раз:

5

В селении своем покрыл
Меня Он в день печали
И неподвижно укрепил,
Как злые окружали.

6

Возвысил Он мою главу
Над всех врагов ужасных.
Я, жертву принося, зову
Ему в псалмах согласных.

(VIII, 372)

Поэт молит Бога и впредь не отступать от него, с благодарностью вспоминая о прежних благодеяниях:

9

От грешного меня раба,
Творец, не отвратися;
Да взыдет пред Тебя мольба,
И в гневе укротися.

10

Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве,
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве.

(VIII, 373)

В этих строфах Ломоносов почти заслоняет собой псалмопевца, вспоминая, видимо, о ранней смерти матери и размолвке с отцом после его новой женитьбы (поскольку вставлено «младенство», отсутствующее в оригинале, ср.: «Яко отец мой и

мати моя остависта мя, Господь же восприят мя» [Пс 26:10]). В.Н. Макеева, отметившая эту вставку, допускала, что он сделал ее «непроизвольно» (VIII, 979).¹⁵⁵ Между тем в предыдущей строфе есть еще одна вставка (пока не отмечавшаяся): «От *грешного* меня раба, / Творец, не отвратися...» (курсив мой – В.К.). Псалмопевец здесь не назвал себя «грешным» (ср.: «Не отврати лица Твоего от мене и не уклонися гневом от раба Твоего: помощник мой буди, не отрини мене, и не остави мене, Боже Спасителю мой» [Пс 26:9]). Со стороны Ломоносова было бы странно применить слово «грешный» к псалмопевцу. Он мог это сделать, только перелагая текст от своего лица, употребляя формулу смиренного обращения к Богу перед тем как ввести чувствительный для себя автобиографический мотив. И это единственный случай в «Одах духовных», когда слово «грешный» относится к первому лицу (субъекту речи). Перед нами едва ли не самое резкое отступление Ломоносова от его общего правила (не давать переложениям «другой разум»), вызванное личным переживанием следующего стиха («Яко отец мой и мати моя остависта мя...»)¹⁵⁶ Употребление формулы смирения («От грешного меня раба...») в этом контексте получает объяснение и не ставит под сомнение праведность говорящего.

Переложение псалма 26 заканчивается призывом к мужеству и надежде на Бога во время бедствия, причем в словах, перекликающихся с первыми словами Бога к Иову в оде Ломоносова («Збери свои все силы ныне, / Мужайся,¹⁵⁷ стой...»):

14

Ты, сердце, духом укрепись,
О Господе мужайся,
И бедствием не колеблись,
На Бога полагайся.

(VIII, 374)

В следующих переложениях псалмов 34 и 70 развивается та же, что в псалме 26, тема превратности жизни и страданий праведника от врагов,¹⁵⁸ однако здесь она

¹⁵⁵ С осторожностью пишет об этом и Л.Ф. Луцевич: «Вольно или невольно, но уточняющее обстоятельство (“в младенстве”), отсутствующее в оригинале, делает стихи действительно автобиографическими» (Луцевич Л.Ф. Указ соч. – С.274). Любопытно, что А.С. Шишков счел нужным заметить, что Ломоносов в этой строфе был точен, отметив лишь странность формы слова «младенство»: «Стихи сии равносильны подлиннику. Приметим здесь, что Ломоносов часто, сообразуясь с мерою стихов, сокращал те слова, которые терпят сокращение, как например: *младенство* вместо *младенчество*, *воззрела матерски к нему* (ода 10 <из «Од похвальных» по изд. 1784 г. – В.К.>) вместо *матерински*» (Шишков А.С. Рассмотрение псалмов, преложенных Ломоносовым. – С.286). Мотив детского сиротства есть также в переложении 26-го псалма Н.П. Николевым (1795) (см. ниже – гл. 2).

¹⁵⁶ Свое детское одиночество и «злую и завистливую мачеху» он вспоминал и позднее (см.: X, 481–482, письмо к И.И. Шувалову от 31 мая 1753 г.).

¹⁵⁷ О слове «мужайся» в «Оде, выбранной из Иова» см. ниже (1.4).

заостряется, причем в «**Преложении псалма 34**» заостряется до предела. Здесь псалмопевец находится на краю гибели, а бесчисленные враги торжествуют и веселятся, хвастаются и клеветают, Бог же почему-то не спешит придти к нему на помощь и покарать злодеев. Псалмопевец находится в положении сходном с Иовом и жалуется подобно ему (к этому псалму есть ряд параллельных мест в Книге Иова – в его жалобах и проклятиях).

В переложении 34 псалма 112 стихов – ровно столько, сколько в «Оде, выбранной из Иова» (это самые большие стихотворения в «Одах духовных», следующее по величине – переложение псалма 70, в нем 96 стихов). С самой Книгой Иова переложение связывает, прежде всего, тема суда, которого человек, уверенный в своей правоте, требует от Бога. С этого требования оно и начинается:

1

Суди обидящих, Зиждитель,
И от борющихся со мной
Всегдашний буди Покровитель,
Заступник и Спаситель мой.

2

На глас мой ныне преклонися,
Прими оружие и щит
И мне на помощь ополчися,
Когда противник мне грозит.

(VIII, 375)

Обидчики, клеветующие на псалмопевца, подобны друзьям праведного Иова, которые сначала намекали, а потом и прямо заявляли, что он человек грешный и получает по заслугам¹⁵⁹:

11

Уже свидетели восстали
Неправедные на меня
И, стыд оставив, вопрошали
О том, чего не знаю я.

12

¹⁵⁸ Ср.: «В 26, 34, 70-м псалмах отчетливо прослеживается тема страдающего псалмопевца, преследуемого врагами, но в любой ситуации уповающего на Бога. Этот сюжет вызвал повышенное внимание поэта» (*Луцевич Л.Ф. Указ. соч. – С.272–273*).

¹⁵⁹ Намек есть уже в первой из речей друзей Иова, в речи Елифаза (Иов:4–5). Праведный Иов сразу же на это реагирует, выражая разочарование поведением друзей: «Вы придумываете речи для обличения? На ветер пускаете слова ваши. Вы нападаете на сироту и роете яму другу вашему» (Иов 6:26–27).

Наносят мне вражду и злобу,
 Чтоб тем мне за добро воздать,
 И бедной дух мой и утробу
 Досадой и тоской терзать.

<...>

15

Они, однако, веселятся,
 Как видят близ мою напасть,
 И на меня согласно злятся,
 Готова ров, где мне упасть.

16

Смятенный дух во мне терзают,
 Моим паденьем лстя себя;
 Смеются, нагло укоряют,
 Зубами на меня скрипя.

<...>

20

Хоть мирныя слова вещали
 И ласков вид казали вне,
 Но в сердце злобу умышляли
 И сети соплетали мне.

(VIII, 375–379)

И.З. Серман заметил, что слово «зло» (и производные от него) в переложении этого псалма встречается 14 раз (в самом псалме – только три раза) и показал, что понятие «зло» Ломоносов сделал «...тематическим стержнем своего переложения 34-го псалма. Он изобразил зло как основную силу, с которой вынужден бороться человек».¹⁶⁰ К этому нужно добавить, что зло здесь безнаказанное и торжествующее, тогда как тот, на чьей стороне правда, находится в угнетенном и униженном положении. Отсюда и настойчивость, с которой псалмопевец призывает Бога не просто защитить его, но именно рассудить его с врагами. Он ищет не только защиты, но и подтверждения своей правоты и доказательства Правосудия Божия:

23

Восстани, Господи Зиждитель,
 Взойди на Твой святыи престол
 И буди нашей при решитель,
 Спаси от нестерпимых зол.

¹⁶⁰ Серман И.З. Указ соч. – С.41.

Подвигнись правдою святою,
Суди нас, Господи, суди,
Не дай им поругаться мною,
Суди и мне не снисходи.

(VIII, 379)

Уверенность говорящего в своей правоте здесь подчеркнута сильнее, чем в самом псалме, поскольку добавлено, он не хочет никакого снисхождения для себя: «Суди и мне не снисходи» (ср.: «Суди ми, Господи, по правде Твоей, Господи Боже мой, и да не возрадуются о мне» [Пс 34:24]). Он говорит как праведный Иов, который, требуя суда от Бога, выражал готовность понести любое наказание, если обнаружится, что хоть в чем-то он согрешил (см.: Иов 31:5–40).

Последний стих псалма – «И язык мой поучится правде Твоей, весь день хвале Твоей» (Пс 34:28) – в переложении Ломоносова видоизменен так, что вновь может напомнить об истории Иова, которому Бог после испытания даровал долгую и счастливую жизнь:

Язык мой правде поучится
И истине святой Твоей.
Тобой мой дух возвеселится
Чрез все число мне данных дней.

(VIII, 380) <курсив мой – В.К.>

В этой строфе выражена надежда на Бога. С того же начинается и «**Преложение псалма 70**»:

В Тебе надежду полагаю,
Всесильный Господи, всегда,
К Тебе и ныне прибегаю,
Да в век спасуся от студа.

(VIII, 381)

Псалмопевец здесь находится почти в том же бедственном положении, что и в псалме 34, здесь также смеются враги, но уже отсутствует тема суда и подтверждения

праведности (в контексте «Од духовных» ее можно мыслить как исчерпанную в предыдущем стихотворении). Искушающие речи врагов уже не терзают дух праведника «досадой и тоской» (как в псалме 34), он остается невозмутим:

7

Враги мои чудясь смеются,
 Что я кругом объят бедой,
 Однако мысли не мнутся,
 Когда Господь – Заступник мой.

(VIII, 382)

Самое страшное для говорящего уже позади, что следует из двух строф с повторяющимися стихами, которые подошли бы и для сжатого изложения истории Иова:

20

Ты к пропасти меня поставил,
 Чтоб я свою погибель зрел;
 Но скоро, обратясь, избавил
 И от глубоких бездн возвел.

21

Щедроту Ты свою прославил,
 Меня утешить восхотел,
 И скоро, обратясь, избавил
 И от глубоких бездн возвел.

(VIII, 385)

Мольбы о новой помощи против врагов отходят на второй план перед благодарностью за спасение. По словам Л.Ф. Луцевич, в переложении «...возникает настоящий гимн восхваления: стихи умножаются в попытке дать образ Бога в его правде, благодеяниях, славе, величии, великолепии».¹⁶¹ Автор по-прежнему окружен сильными и злоумышляющими против него врагами, но уже не страшится их, зная, что Бог снова и снова будет избавлять его из беды (повторяется ситуация псалма 26). Личная безопасность праведника твердо ограждена: как бы ни коварствовали враги, для них он неуязвим. Это и утверждается в последней строфе:

24

¹⁶¹ Луцевич Л.Ф. Указ. соч. – С.278.

Еще язык мой поучится
 Твои хвалити правоты,
 Коварных сила постыдится,
 Которы ищут мне беды.

(VIII, 386)

В «Преложении псалма 143» автор находится в принципиально иной ситуации, чем в предшествующих псалмах 26, 34 и 70. Он не унижен и не осажден сильными врагами, а, напротив, с помощью Божией уже победил врагов и возведен на вершину могущества и славы:

1

Благословен Господь мой Бог,
 Мою десницу укрепивый
 И персты в брани научивый
 Сотреть врагов взнесенный рог.

2

Заступник и спаситель мой,
 Покров, и милость, и отрада,
 Надежда в брани и ограда,
 Под власть мне дал народ святой.

(VIII, 111)

Сразу же после этого, в каком-то смысле неожиданно, начинаются жалобы на ничтожество человеческой жизни:

3

О Боже, что есть человек?
 Что Ты ему Себя являешь,
 И так его Ты считаешь,
 Которого толь краток век.

4

Он утро, вечер, ночь и день
 Во тщетных помыслах проводит;
 И так вся жизнь его проходит,
 Подобно как пустая тень.¹⁶²

¹⁶² Эти строфы соответствуют двум стихам псалма: «Господи, что есть человек, яко познался еси ему? или сын человек, яко вменяши его? Человек суете уподобися: дние его яко сень преходят» (Пс 143:3–4). Первый из них имеет параллель в Книге Иова: «Что бо есть человек, яко возвеличил еси его? или яко внимаеши умом к нему?» (7:17).

Так впервые в одах «Одах духовных» возникает вопрос о достоинстве человека и его возможностях (границах познания), обсуждение которого продолжится в «Оде, выбранной из Иова» и двух «Размышлениях». По толкованию свт. Иоанна Златоуста, в стихах Пс 143:3–4 речь идет о «великих свойствах» и немощи человеческой природы, благодаря которой он нуждается в смирении, и о непрочности и непостоянстве земного благополучия.¹⁶³ В особенности сознание своей немощи и ограниченности подобает человеку, размышляющему о Божиим величии. В псалме не человек познает Бога, а Бог открывается ему: «...познался еси ему» (Пс 143:3). В переложении Ломоносова эта мысль сохранена и даже усилена: «...Ты ему Себя являешь». По замечанию исследовательницы, в этом стихе «...поэт нашел формулу воплощения идеи общего Откровения Божества».¹⁶⁴

Тема тщетности человеческих помыслов, обращенных к житейским делам и неверным земным благам, влечет за собой вопросы о том, к чему же тогда должны быть направлены помышления праведного, исполняющего Закон Божий человека и как он будет вознагражден. Ответ был дан еще в переложении псалма 14: он будет обитать «в светлом доме выше звезд» (VIII, 157). Значит, благополучие и власть псалмопевца над народом в 143 псалме сами по себе не являются исполнением его надежд. И здесь мы возвращаемся к заявленной еще в переложении 1-го псалма теме воздаяния праведникам и грешникам. Земные блага – предел мечтания последних, и часто они действительно благоденствуют. В заключительных строфах переложения псалма 143 описывается богатая и счастливая жизнь грешников, врагов автора, который, однако, не завидует им, зная, что рабы Божии будут веселиться «светлее»:

¹⁶³ «Есть и такие люди, которых *“недостойн весь мир”* (Евр. XI, 38). Но все это сказано о добродетели, когда люди исполняют ее; а в словах: “что есть человек” говорится о человеческой природе. Правда, велика и природа человеческая; велика, но если иметь в виду познание, какого она удостоилась, то в сравнении с ним она весьма несовершенна. <...> Поэтому и говорит пророк: “*что есть человек, яко познался еси ему*”? Бог для того и сотворил человека уничиженным, и вместе даровал ему великие свойства, чтобы он не превозносился, чувствуя величайшую нужду в смирении по немощи своей природы. <...> Что же значит: “*суете уподобися*”? Т.е. ничтожеству; все человеческое непрочное и непостоянное, все проходит и исчезает. “*Дни его яко сень преходят*”, т.е. и тогда, когда являются, не имеют никакой силы, и скоро пролетают. И на самом опыте ты можешь видеть это, представив людей, которые украшены почестями, ездят на колесницах, облечены властью, заключают других в темницы и наказывают. Чем отличаются они от тени не только во время смерти, но еще прежде смерти? Как скоро они лишаются власти, то все это проходит и исчезает; а предметы истинные – за здешнюю жизнь; там и воздаяния, и наказания истинные, и блага, и неподкупный Судия. Между тем все здешнее подобно детским играм: сегодня – судия, завтра – подсудимый. Так часты перемены и неожиданны превращения!» (Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.] – Т.5. Кн.2. – СПб.: Издание С.-Петербургской Духовной академии, 1899. – С.513–515).

¹⁶⁴ Луцевич Л.Ф. Указ. соч. – С.211.

Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти:
Их речь полна тщеты, напасти;
Рука их в нас наводит лук.

12

Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают;
Одеждой дщери их блистают,
Как золотом испещренный храм.

13

Пшеницы полны гумна их,
Несчетно овцы их плодятся,
На тучных пажитях хранятся
Стада в траве волов толстых.

14

Цела обширность крепких стен,
Везде столпами укрепленных;
Там вопля в стогнах нет стесненных,
Не знают скорбных там времен.

15

Щастлива жизнь моих врагов!
Но те светлее веселятся,¹⁶⁵
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым Вышний сам покров.

(VIII, 115–116)

Аналогичная картина благоденствия грешников находится в Книге Иова, где ее с горечью рисует сам лишившийся имения, детей и пораженный страшною болезнью праведник.¹⁶⁶ Повсеместное благоденствие нечестивых – одно из главных обвинений,

¹⁶⁵ О мотиве «веселья» в переложениях Ломоносова см.: *Серман И.З.* Указ соч. – С.62, 64; *Луцевич Л.Ф.* Указ соч. – С.231.

¹⁶⁶ «Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки? ⁸ Дети их с ними перед лицом их, и внуки их перед глазами их. ⁹ Дома их безопасны от страха, и нет жезла Божия на них. ¹⁰ Вол их оплодотворяет и не извергает, корова их зачинает и не выкидывает. ¹¹ Как стадо, выпускают они малюток своих, и дети их прыгают. ¹² Воспевают под *голос* тимпана и цитры и веселятся при *звуках* свирели; ¹³ проводят дни свои в счастье и мгновенно нисходят в преисподнюю. ¹⁴ А между тем они говорят Богу: отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих! ¹⁵ Что Вседержитель, чтобы нам служить Ему? и что пользы прибегать к Нему? ¹⁶ Видишь, счастье их не от их рук. – Совет нечестивых будь далек от меня! ¹⁷ Часто ли угасает светильник у беззаконных, и находит на них беда, и Он дает им в удел страдания во гневе Своем? ¹⁸ Они должны быть, как соломинка пред ветром и как плева, уносимая вихрем. ¹⁹ Скажешь: Бог бережет для детей его несчастье его. – Пусть воздаст Он ему самому, чтобы он это знал. ²⁰ Пусть его глаза увидят несчастье его, и пусть он сам пьет от гнева Вседержителя. ²¹ Ибо какая ему забота до дома своего после него, когда число месяцев его кончится? ²² Но Бога ли учить мудрости, когда Он судит и горних?» (Иов 21:7–22).

предъявляемых Иовом Богу. В другой речи он даже предположил, что вся земля отдана им во власть, что сам Бог правит землею как нечестивец: «Земля отдана в руки нечестивых; лица судей ее Он закрывает. Если не Он, то кто же?» (Иов 9:24).¹⁶⁷ В этом упреке Иов выходит за рамки своего индивидуального опыта и «...предъявляет претензии, близкие к претензиям на божественность»¹⁶⁸ (потому Бог, отвечая ему, и задает не требующий ответа вопрос, был ли Иов при творении мира и может ли управлять им по своему усмотрению). Речь Иова, с которой соотносятся строфы 12–15 ломоносовского переложения псалма 143 (Иов 21:7–22), имеет несколько иной смысл. Здесь Иов отвечает друзьям, заподозрившим, что он сам нечестивец. Иов отвечает им «в пародийном стиле», показывая, «...что счастливо живут не те, кто невинен, а именно нечестивцы. Отсюда-то и видно, что он, Иов, который несчастен, праведен, а не наоборот».¹⁶⁹

Эти параллели проясняют смысл переложения псалма 143 и его роль в композиции раздела «Оды духовные»: 1) Ломоносов показывает, что земное благополучие не существенно для праведника и редко является его уделом, что лишения и страдания не могут омрачить его «светлого веселья», поскольку относятся к временной жизни (проходящей «как пустая тень»), а истинное воздаяние праведникам и грешникам будет в жизни вечной; 2) картина благоденствия грешников, которая может смутить читателей и склонить к мнению, что Бог дурно управляет вселенной, в контексте «Од духовных» подготавливает переложение ответа Бога Иову, где дерзость и самонадеянность подобных рассуждений как раз и разоблачается (в форме риторических вопросов).

«Преложение псалма 145», которое в «Одах духовных» непосредственно предваряет «Оду, выбранную из Иова», впервые было напечатано Ломоносовым в «Риторике» (1748), где поясняется, что псалом 145 «...основан на следующем разделительном силлогизме: *Или уповать на Бога или на князей, сынов человеческих; но уповать на них ненадежно; следовательно, лучше уповать на Бога.* Для яснейшего понятия прилагается одного псалма парафрастическая ода» (VII, 328). Отсюда видно, как он понимал общую мысль псалма: «лучше уповать на Бога». Эта мысль – одна из главных в Книге Иова. Страдалец, потребовавший суда от Бога, был оправдан как раз потому, что уповал *только* на Бога и не сомневался в Его всемогуществе. Высказывая свои упреки, Иов был чужд лицемерия и твердо верил, что жизнь его все время находится в руках Бога

¹⁶⁷ Ср. слав. пер.: «Предана есть земля в руке нечестиваго, лица судий ея покрывает: аще же не Сам есть, кто есть?» (Иов 9:24).

¹⁶⁸ Швинхорст-Шёнбергер Л. Книга Иова // Введение в Ветхий Завет / Под ред. Э. Ценгера. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. – С.451.

¹⁶⁹ Там же. С.442.

Живого, от которого приходит и счастье, и страдание,¹⁷⁰ и что только от Бога он может получить ответ на свои вопросы. И Бог действительно ответил ему.

Псалом 145 – «аллилуйный», псалом хваления:

1

Хвалу Всевышнему Владыке
Потщися, дух мой, воссылать;
Я буду петь в гремящем лике
О Нем, пока могу дышать.

2

Никто не уповай во веки
На тщетну власть князей земных:
Их теж родили человеки,
И нет спасения от них.

(VIII, 185)¹⁷¹

В переложении стиха Пс 145:5 («Блажен, ему же Бог Иаковль помощник его, упование его на Господа Бога своего...») Ломоносов эксплицирует мысль, что «блажен» тот, кто надеется *только* на Бога, и на Бога *Живого*:

4

Блажен тот, кто себя вручает
Всевышнему¹⁷² во всех делах
И *только* в помощь призывает
Живущаго на небесах...

¹⁷⁰ «И продолжал Иов возвышенную речь свою и сказал: жив Бог, лишивший меня суда, и Вседержитель, огорчивший душу мою, что, доколе еще дыхание мое во мне и дух Божий в ноздрях моих, не скажут уста мои неправды, и язык мой не произнесет лжи! Далек я от того, чтобы признать вас справедливыми; доколе не умру, не уступлю непорочности моей. Крепко держал я правду мою и не опушу ее; не укорит меня сердце мое во все дни мои. Враг мой будет, как нечестивец, и восстающий на меня, как беззаконник. Ибо какая надежда лицемеру, когда возьмет, когда исторгнет Бог душу его?» (Иов 27:1–8). Ср. слав. пер.: «Еще же приложив Иов, рече в притчах: жив Господь, иже ми сице суди, и Вседержитель, Иже огорчи ми душу: дондеже еще дыхание мое есть и дух Божий сущий в ноздрех моих, не возглаголют устне мои беззакония, ниже душа моя поучится неправде» (Иов 27:1–4).

¹⁷¹ В академическом ПСС в качестве основного текста «Преложения псалма 145» напечатан текст, имеющийся в «Риторике» (1748), а текст изд. 1751 и 1757 представлен в разночтениях (VIII, 185–187). Нас интересует как раз текст этих изданий, поэтому здесь и далее «Преложение псалма 145» цитируется с нумерацией строф и с исправлениями по приводимым в ПСС вариантам (ср.: Ломоносов М. Собр. разных сочинений в стихах и в прозе. – Кн.1. – [СПб.:] печ. при Имп. Акад. наук, 1751. –С.32–34; То же. – 2-е изд. с прибавлениями. – [М.:] печ. при Имп. Моск. университете, 1757. С.25–26; Ломоносов М.В. Избр. произведения / Вступ. статья, сост. и примеч. А.А. Морозова; подг. текста М.П. Лепехина и А.А. Морозова. – Л.: Советский писатель, 1986. – С.199). В первых двух строфах в «Риторике» было «воссылать», «во веки», «Князей» и «тежь» (вместо «воссылать», «во веки», «князей» и «теж» в изд. 1751 и 1757). Далее разночтения также оговариваются в сносках.

¹⁷² В «Риторике» было – «Всесильному»; в изд. 1751 и 1757 – «Всевышнему».

Именно после этого – впервые в «Одах духовных» – возникает тема устройства Творцом вселенной:

5.

Несчетно многими звездами
Наполнившего высоту
И непостижными делами
Земли и моря широту,

6

Творящего на сильных нищу
По истине в обидах суд,
Дающего голодным пищу,¹⁷³
Когда к Нему возопиют.

(VIII, 186)

В литературе уже отмечалось, что пятая строфа («Несчетно многими звездами...») «обнаруживает немалую свою близость» к «Оде, выбранной из Иова» и двум «Размышлениям».¹⁷⁴ Текст псалма здесь расширен, и в говорящем (опять же впервые) показываются черты ученого, человека науки: «высота» у Ломоносова наполнена звездами «несчетно», а дела Творца на земле и море – «непостижные» (ср.: «...сотворшаго небо и землю, море и вся, яже в них...» [Пс 145:6]). Так вместе с темой мироустройства возникает вопрос о его познаваемости, представляющейся, как минимум, проблематичной. При этом вселенная Ломоносова принадлежит не безучастному Богу деистов, а находится в руках «Живущаго на небесах», который сотворил звезды, землю и море, который дает «суд» нищему против «сильных» и «...голодным пищу, / Когда к Нему возопиют». В псалме сказано только: «...творящаго суд обидимым, дающаго пищу

¹⁷³ В «Риторике» в шестой строфе переложения напечатано «по истинне» и «даящаго»; в изд. 1751 и 1757 – «по истине» и «дающаго».

¹⁷⁴ «Эта строфа легко обнаруживает немалую свою близость к “Оде, выбранной из Иова” и обеим собственно натурфилософским одам М.В. Ломоносова: та же детализация, не лишенная своеобразной научной точности и, одновременно, взволнованное преклонение перед грандиозностью Творения, что и в них» (Бухаркин П.Е. Духовная ода М.В. Ломоносова: литературный контекст и религиозное содержание // Христианское чтение. – 2011. – №3(38). – С.12–13).

алчущим» (Пс 145:7). Ломоносов прибавляет: «...когда к Нему возопиют».¹⁷⁵ Его Бог, «Живущий на небесах», откликается на обращенные к Нему просьбы.

Далее читаем:

7

Господь оковы разрешает
И умудряет он слепцов,
Господь упавших возвышает
И любит праведных рабов.

8

Господь пришельцев сохраняет
И вдов приемлет и сирот.
Он дерский грешных путь скончает,
В Сионе будет в род и род.¹⁷⁶

(VIII, 186–187)

Ср.: «Господь решит окованныя. Господь умудряет слепцы. Господь возводит низверженныя. Господь любит праведники. Господь хранит пришельца, сира и вдову примет и путь грешных погубит. Воцарится Господь во век, Бог твой, Сионе, в род и род» (Пс 145:8–10). Как видно, здесь ломоносовское переложение точное, почти без прибавлений, только с одним добавочным эпитетом: путь грешных – дерский (в отношении к Богу, который «любит праведных рабов», послушных Его воле).

Л.Ф. Луцевич описала переложения псалмов в «Одах духовных» как «единый поэтический цикл, состоящий из семи стихотворений, центральной темой которого является тема пути»¹⁷⁷ (праведного и грешного). К ее наблюдениям можно добавить, что Ломоносов задается вопросами, будет ли и *каким* будет воздаяние за эти пути и *когда* оно будет.

Ломоносовские переложения псалмов последовательно отвечают на эти вопросы: Бог различает пути праведных и «злых» и относится к ним деятельно (псалом 1);

¹⁷⁵ Эта вставка, вероятно, навеяна стихом из другого псалма (Пс 146:9: «...дающего скотом пищу их, и птенцем врановым призывающим Его») или стихом из речи Бога к Иову (пропущенным в «Оде, выбранной из Иова»): «Кто же врану угодова пищу? Птичищи бо его ко Господу воззваша, облетающе брашна ищуще» (Иов 38:41; ср. рус. пер.: «Кто приготовляет ворону корм его, когда птенцы его кричат к Богу, бродя без пищи?»).

¹⁷⁶ В «Риторике» в последней строфе разночтения: «пришельцов», «Он грешных дерский путь скончает» (и точка после этой строки). В изд. 1751 и 1757 – «пришельцев», «Он дерский грешных путь скончает» (затем запятая).

¹⁷⁷ Луцевич Л.Ф. Указ. соч. – С.279. Далее (с.279–280) см. ее объяснение последовательности переложений псалмов в «Одах духовных».

праведные вселятся на небеса, где обитает сам Бог (псалом 14); Бог спасает праведников от гибели (псалом 26); Бог судит людей: подтверждает правоту праведников и наказывает грешников (псалом 34); Бог защищает праведников от грешников (псалом 70); Бог позволяет грешникам благоденствовать на земле, но праведникам Он приготовил лучшее (псалом 143); Бог различает праведные и грешные пути и воздаст за них воздаянием вечным (псалом 145).

Нетрудно заметить, что в таком изложении 1-й псалом соответствует 145-му, 14-й – 143-му, 26-й – 70-му. В центре оказывается переложение псалма 34, где Бог призывается на суд, и это именно то стихотворение, которое по объему равно «Оде, выбранной из Иова» (112 стихов).

Последний стих 145-го псалма свт. Иоанн Златоуст истолковал в смысле призыва к терпению и надежде на Бога, который, «...если и откладывает, то после делает большее воздаяние».¹⁷⁸ В таком понимании последний стих «Преложения псалма 145» – «В Сионе будет в род и род» (VIII, 187) – прямо подводит к начальным стихам **«Оды, выбранной из Иова»:**

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек...
(VIII, 387)

Человек ропщет «напрасно», потому что любая «горесть» дается ему от Бога для его же блага (о чем будет сказано в последней строфе). Тем более не следует роптать *праведному* страдальцу, верующему в то, что Бог «в Сионе будет в род и род», а значит «после» с избытком вознаградит его («если и откладывает, то после делает большее воздаяние»).

Библейский рассказ о вознаграждении многострадального Иова – о том, как «благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние» (Иов 42:12), – непосредственно и лучше всего иллюстрирует то, в чем Ломоносов убеждает читателя:

Он все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.

¹⁷⁸ «*Воцарится Господь во век, Бог твой, Сионе, в род и род*» (ст. 10). Если же Он царствует постоянно и пребывает вечно, то не должно сомневаться; но если Он не сделал воздаяния здесь, то отлагает его до большего воздаяния. Итак, не будем смущаться и беспокоиться в искушениях, если мы не тотчас получаем избавление от них, но предоставим время избавления Самому Господу; и когда совершим что-нибудь доброе, не будем тотчас же требовать воздаяния, но также будем полагаться на Его волю, потому что, если Он откладывает, то после делает большее воздаяние. Будем же благодарить Его за все и постоянно всылать Ему хвалу» (Иоанн Златоуст. Беседы на псалмы. – С.533)

Жалобы Иова оставлены за текстом оды, но им находится соответствие в переложениях псалмов Ломоносова. Написанные от лица гонимого врагами и искушаемого бедами *праведного человека*, они подготавливают читателя к переложению речи *Всемогущего Бога* в «Оде, выбранной из Иова». Мораль же, выведенная в ее заключительной строфе, напоминает о том, как Иов был вознагражден за веру и терпение.

* * *

Соответствия с Книгой Иова находятся и в следующих за «выбранной» из нее одой **«Утреннем размышлении о Божием величестве»** и **«Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния»**.¹⁷⁹

В Книге Иова вслед речью Бога идут слова раскаяния Иова: «Отвещав же Иов, рече ко Господу: вем, яко вся можеши, невозможно же Тебе ничтоже. Кто есть таяй от Тебе совет, щадяй же словеса и от Тебе мнится утаити? Кто же возвестит ми, ихже не ведех, веля и дивная, ихже не знах? Послушай же мене, Господи, да и аз возглаголю: вопрошу же Тя, ты же мя научи: слухом убо уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя: темже укорих себе сам, и истаях, и мно себе землю и пепел» (Иов 42:1–6).¹⁸⁰

Иов признал всеведение Бога и собственную ограниченность и неспособность самостоятельно судить о Его делах.¹⁸¹ Он раскаялся и смирился перед Богом всеведущим и всемогущим, контролирующим каждое событие человеческой жизни. Также и

¹⁷⁹ Литература об этих стихотворениях довольно обширна; реконструкцию их религиозного контекста (физико-теологические сочинения) см.: *Левитт М.* «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: Опыт определения теологического контекста // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.57–70 (здесь же литература вопроса). См. также: *Стенник Ю.В.* М. Ломоносов. «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» // Поэтический строй русской лирики. – Л.: Наука, 1973. – С.9–20; *Луцевич Л.Ф.* Указ соч. (2002). – С.252–254; *Топоров В.Н.* Два «Размышления» Ломоносова в контексте русской поэзии XVIII века // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И.И. Ковтуновой: Сб. статей. – М.: Азбуковник, 2003. – С.15–31; *Осват К.А.* Некоторые контексты «Утреннего...» и «Вечернего размышления о Божием величестве» // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. – 2004. – Vol.32. – P.39–56; *Бухаркин П.Е.* Риторическое смыслообразование в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния» М.В. Ломоносова: между однозначностью логики и полемики языка // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.35–56; *Романова Г.И.* Библейские истоки «Размышлений» М.В. Ломоносова // Литература в школе. – 2011. – №9. – С.12–14.

¹⁸⁰ Ср. рус. пер.: «И отвечал Иов Господу и сказал: знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено. Кто сей, помрачающий Провидение, ничего не разумей? – Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. Выслушай, [взывал я,] и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же глаза мои видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов 42:1–6).

¹⁸¹ См.: Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. Т. VI: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С.259–260 (фрагменты комментариев Иоанна Златоуста, Олимпиодора и Григория Великого к словам раскаяния Иова).

Ломоносов в «Оде, выбранной из Иова» подводит к мысли, что все дела Творца – благодеяния, но и не все доступны человеческому разумению. И именно это становится главным предметом двух следующих «Размышлений».

В «Утреннем размышлении» Бог прославляется как Творец вселенной и ее «бессмертный Царь» (т.е. Живой Законодатель, Правитель и Судия). В «Вечернем размышлении» доказывается, что Творец для человека непостижим. Обе эти темы были заявлены в «Оде, выбранной из Иова», а в «Размышлениях» получили свое развитие. В особенности это относится к «Утреннему размышлению», в чем-то непосредственно ее продолжающему.

«Ода, выбранная из Иова» обращена к человеку и склоняет его к смирению. «Утреннее размышление» обращено к Богу и прославляет Его величие. «Ода, выбранная из Иова» заключает в себе увещательную речь Бога и заканчивается советом, как следует к Нему обращаться: «...без роптания проси» (что можно выразить и одним словом: «молись»). В «Утреннем размышлении» в первой строфе автор обращается к самому себе («Мой дух, с веселием внемли...»), а в последней – к Богу со смиренной просьбой, молитвой:

Творец! Покрытому мне тмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, бессмертный Царь.

(VIII, 119)

Это прямое воззвание к Богу – последнее в «Одах духовных» и единственное, сделанное прямо от автора (не в переложениях псалмов). Все предшествующее размышление о природе Солнца, как замечал еще П.Ф. Калайдович, подготавливает эту заключительную молитву к Богу – «Солнцу правды».¹⁸²

То, к чему в «Оде, выбранной из Иова» Ломоносов призывал читателя («без роптания проси»), в «Утреннем размышлении» он показал на собственном примере,

¹⁸² «Ода заключается молитвою к Богу, к Солнцу правды, да озарит Оно нашу душу, помраченную тьмою неведения, лучем Божественного света, небесной мудрости. Молитва имеет весьма близкое и натуральное отношение к главному предмету, к солнцу. <...> Ничем лучше нельзя заключить утреннего размышления о Божием величестве, как молитвою; вся Ода настраивает, prepares к ней душу. При этом строго соблюдена должная связь с предыдущим» (Калайдович П.Ф. Рассмотрение оды Ломоносова «Утреннее размышление о Божием величестве» // Труды Общества любителей российской словесности. – 1819. – Ч.13. – Кн.19. – С.74, 76)

обратившись к Творцу с молитвенным прошением. Второе стихотворение написано как будто в продолжение первого, с расчетом на последовательное чтение, которое поможет заметить сходные выражения. Ср.:

Сие, смертный, рассуждая,
Представь Зиждителю власть.
(«Ода, выбранная из Иова», последняя строфа, [VIII, 392])

Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам.
(«Утреннее размышление...», первая строфа [VIII, 117])

Сначала Ломоносов предлагает, рассуждая об *услышанном*, представить Всемогушество Божие («Зиждителю власть»), а затем, восхищаясь *увиденным* (светом), представить самого Творца («каков Зиждитель сам»). Оставляя в стороне возможность отметить здесь параллели с православным мистическим богословием,¹⁸³ обратим внимание, что, поскольку слух и зрение могут являться метафорами приблизительного и точного (полученного в откровении) знания и названы именно в такой последовательности, процитированные строфы можно истолковать как отсылку к последним словам Иова: «...слухом убо уха слышах Тя первее, ныне же око мое виде Тя: темже укорих себе сам, и истаях, и мню себе землю и пепел» (Иов 42:5–6). В следующей строфе «Утреннего размышления» возникает употребленное здесь слово «око» («ныне же око мое виде Тя»):

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло приближившись возреть...
(VIII, 117)

¹⁸³ О мистическом богословии Григория Паламы в связи с одами Ломоносова см.: *Левитт М.* Визуальная доминанта в России XVIII века / Пер. с англ. А. Глебовской; науч. ред. перевода Н. Алексева. – М.: НЛЮ, 2015. – С.121–145 (Глава 3: Боговидение в Православии и оды). Здесь цитируются, в основном, торжественные оды Ломоносова («Утреннее размышление» не упомянуто). «Размышлениям» посвящена отдельная работа того же автора: *Левитт М.* «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: Опыт определения теологического контекста // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.57–70. Здесь отмечено, что «премудрости лучи» в заключительной строфе «Утреннего размышления» – «это кульминационный образ всего стихотворения, совмещающий в себе и метафорический свет (духовный свет познания), и реальный, физический свет» (с.68).

Заключительная в стихотворении молитва тоже содержит лексему из последней речи Иова (предшествующей фразы): «Послушай же мене, Господи, да и аз возглаголю: вопрошу же Тя, ты же мя научи» (Иов 42:4). Ср.:

...И что угодно пред Тобою
Всегда творити *научи*...¹⁸⁴

В последней строфе «Оды, выбранной из Иова» Ломоносов напоминал человеку о его смертности («Сие, *о смертный*, рассуждая...»), делая это ради его утешения, давая понять, что любая «горесть» пройдет. А в первой строфе «Утреннего размышления», обращаясь к своему духу («Мой дух, с веселием внемли...»), напоминает о его бессмертии. Далее вновь говорит, что человек смертен («Когда бы смертным толь высоко...») – ради указания на несовершенство его знания, зрения («бренно наше око»), а заканчивает стихотворение утверждением идеи бессмертия:

И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, бессмертный Царь.

Переключки между «Одой, выбранной из Иова» и «Утренним размышлением» столь очевидны, что создается впечатление, будто они сочинялись одно за другим (имеющиеся данные этому не противоречат). Возможно, так оно и было. По крайней мере, в раздел «Оды, духовные» «Утреннее размышление» вписывается как еще одно звено, соотносимое с Книгой Иова.

«Вечернее размышление о Божиим величестве при случае великого северного сияния», написанное, по указанию Ломоносова, в 1743 г. (III, 123), впервые было опубликовано в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) как пример распространения идеи, составляющей посылку в энтимеме *«Тварей исследовать не можем, следовательно, и творец есть непостижим»* (VII, 315).

В «Утреннем размышления» поэт молил Творца: «Простри *премудрости* лучи».¹⁸⁵ В «Вечернем...» он обращается к тем, кого называет «премудрыми», – к людям науки, претендующим на знание устройства вселенной. Сам поэт считает, что это знание не

¹⁸⁴ К.А. Осоват писал, что в основу «Утреннего размышления» «в упрощенном виде» легла «композиционная канва» псалма 18, а в данных стихах заметил переключку с его текстом: «И будут в благоволение словеса уст моих, и поучение сердца моего пред тобою выну <...>» (Пс.18:15) (*Осоват К.А. Некоторые контексты «Утреннего...» и «Вечернего размышления о Божиим величестве» // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. – 2004. – Vol.32. – P.50–51.*)

¹⁸⁵ Об употреблении слова «премудрость» в «Оде, выбранной из Иова» см. ниже (1.4).

может быть исчерпывающим, о чем можно судить по стихам в первой строфе: «Открылась бездна, звезд полна; / *Звездам числа нет, бездне дна*» (VIII, 120 <курсив мой – В.К.>).

«Премудрые» убеждены в обитаемости других планет:

Уста премудрых нам гласят:
 «Там разных множество светов,
 Несчетны солнца там горят,
 Народы там и круг веков;
 Для общей славы божества
 Там равна сила естества».

(VIII, 121)

Впоследствии Ломоносов защищал идею «множества миров», но в данном стихотворении он явно выражает в ней сомнение, а главное – сомневается в способности ученых коллег, познавших законы природы («естества устав»), ответить на вопросы, касающиеся жизни человека:

О вы, которых быстрый зрак
 Пронзает книгу вечных прав,
 Которым малый вещи знак
 Являет естества устав,
 Вам путь известен всех планет;
 Скажите, что нас так мятет?

(VIII, 121–122)

Большая части речи автора к «премудрым» выстроена в форме вопросов, изобличающих их невежество, – также как речь Бога к Иову. «Премудрые», оказывается, не согласны между собой насчет природы Северного сияния, поэтому вопросы к ним в заключительной строфе задаются не без иронии:

Сомнений полон ваш ответ
 О том, что окрест ближних мест.
 Скажитеж, коль пространен свет?
 И что малейших дале звезд?
 Несведом тварей вам конец?
 Скажитеж, коль велик Творец?¹⁸⁶

¹⁸⁶ В первой публикации «Вечернего размышления...» (1748) последняя строка читалась немного иначе: «Ктож знает, коль велик Творец?» (VIII, 123; ср.: VII, 318).

Последний вопрос должен привести их к молчанию, как умолкает Иов, признав, что пытался рассуждать о вещах, которые выше его понимания (ср. в рус. пер.: «Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал» [(Иов 42:3)]).

Ломоносов оспаривает не права научного знания, а только то, что оно может быть полным и безошибочным. В двух «Размышлениях» он не отрицает, а утверждает ценность науки (в особенности астрономии) и дает ей религиозное оправдание: это тоже род «откровения», побуждающего признать бесконечное превосходство Божественной мудрости над человеческой и воздать хвалу Творцу.¹⁸⁷ Научное исследование природы, познание человеком тварного мира, как и в Книге Иова, приводит его к смирению – признанию своей ограниченности и величия Творца:

Скажитеж, коль велик Творец?

* * *

Вопреки мнениям, что Ломоносов в своей поэзии прошел мимо «страстного протеста многострадального Иова»,¹⁸⁸ что в его переложении «исчез Иов (так как он не дает мотивов из первых глав книги Иова) и вместе с ним исчезла самая проблема веры»,¹⁸⁹ в «Оде, выбранной из Иова» и окружающих ее стихотворениях находятся соответствия разным частям библейской книги. Помимо того что вопросы Иова (и его история) подразумеваются в переложении ответной речи Бога, жалобы праведника эксплицированы в предшествующих переложениях псалмов, а в последующих «Размышлениях» отражены мотивы последней речи Иова, вразумленного Божественным ответом.

Композиция раздела «Оды духовные» в сочинениях Ломоносова до известной степени сходна с идейной структурой Книги Иова:

– *жалобы и мольбы к Богу страдающего и утесняемого врагами праведника (семь переложений псалмов);*

¹⁸⁷ Ср. апологию астрономии в работе «Явление Венеры на Солнце...» (1761): «Несказанная премудрость дел Божиих хотя из размышления о всех тварях явствует, к чему предводительствует физическое учение, но величества и могущества Его понятие больше всех подает астрономия, показывая порядок течения светил небесных. *Воображаем себе тем явственнее Создателя, чем точнее сходствуют наблюдения с нашими предсказаниями; и чем больше постигаем новых откровений, тем громче Его прославляем*» (IV, 372) <курсив мой – В.К.>.

¹⁸⁸ Дороватовская В.С. О заимствованиях Ломоносова из Библии // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сборник статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб., 1911. – С.65.

¹⁸⁹ Мотольская Д.К. Ломоносов // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.3: Литература XVIII века. – Ч.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С.343.

- *увещательная речь Бога* («Ода, выбранная из Иова»);
- *признание человеком величия и мудрости Творца и ограниченности своих знаний и возможностей* (два «Размышления»).

«Ода, выбранная из Иова» – *ключевое* в «Одах духовных» произведение, поскольку «выбрана» непосредственно из Книги Иова, в сопоставлении с которой выясняется авторская логика расположения текстов раздела и его общий смысл. (Это не покажется слишком удивительным, если вспомнить, что Книга Иова была «своего рода метатекстом» для религиозных стихотворений И.Х. Гюнтера,¹⁹⁰ поэзией которого Ломоносов увлекся в Германии.) Сама же «Ода, выбранная из Иова» вне проблематики библейской книги вообще не может быть правильно понята.

§1.3. Религиозные убеждения Ломоносова и «строфы от автора» в «Оде, выбранной из Иова»

Книга Иова относится к «учительным» книгам Ветхого Завета и особенно почитаема в христианской традиции. Среди ветхозаветных праведников Иов считается приблизившимся к христианскому благочестию. Его безвинные страдания – прообраз Страстей Христовых. В Православной Церкви отрывки из Книги Иова читаются на службах Страстной Седмицы, в том числе и начало речи Бога к Иову (38:1–23) – на богослужении Великого Четверга.

«Выбирая» свою оду из Книги Иова, Ломоносов становился в определенные отношения не только к ней самой, но и к важнейшим аспектам христианского вероучения. Иными словами, в этой оде так или иначе должны были выразиться его религиозные убеждения. Вопрос о том, каковы они были у Ломоносова, считается дискуссионным, поэтому здесь на нем необходимо остановиться.

В популярной и научной литературе существует традиция называть Ломоносова деистом, при этом деизм часто понимается как «стыдливая форма перехода к атеизму, к полному отрицанию веры в бога».¹⁹¹ Однако это мнение утвердилось и распространилось

¹⁹⁰ См.: *Синило Г.В.* История немецкой литературы XVIII века: учеб. пособие. – Минск: Вышэйшая школа, 2013. – С.55–66. См. также выше (1.1).

¹⁹¹ *Серман И.З.* Ломоносов в борьбе с церковью и религией // Русская литература в борьбе религией. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С.25 (такая характеристика деизма восходит к замечанию К. Маркса в кн. «Святое семейство» [1845], что деизм «...есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии»). И.З. Серман в этой и других работах оценивал религиозные взгляды Ломоносова как деистические, но позднее, кажется, несколько уточнил свою позицию: «На протяжении всей своей сознательной жизни Ломоносов вел философскую борьбу на двух фронтах: как против тех, кто осуждал науку за ее желание постичь все в мире, так и против тех, кто пытался выстроить систему мира без участия

только в советское время, и, главным образом, по причинам, не связанным с изучением его творчества.¹⁹²

В XIX в. было принято говорить о Ломоносове как о православном христианине, причем безупречном и образцовом.¹⁹³ Такие его тексты, как «Гимн бороде» (1757, первая публикация в 1859 г.)¹⁹⁴ в XIX в. практически не омрачали этот светлый образ, в том числе в глазах почитавшего Ломоносова ученого духовенства. Так, архиепископ Филарет (Гумилевский), вспоминая о вызванном этим «Гимном» возмущении Св. Синода, однозначно осудил его как неадекватное и фактически выразил солидарность с сочинителем: «Как это случилось, что “гимн бороде” поднял бурю против себя? А чего и ждать от тупых голов».¹⁹⁵

Если исходить из обычного понимания деизма, т.е. из того, что это «...вера в существование Высшего Существа как источника конечного существования, совмещающаяся с отрицанием Откровения и сверхъестественных доктрин христианства; естественная религия»,¹⁹⁶ то попытки объявить Ломоносова деистом следует признать чистым недоразумением. Ничего, что свидетельствовало бы об отрицании основных

Бога» (*Serman I.Z. Mikhail Lomonosov. Life and Poetry. – Jerusalem: Lexicon, 1988. – P.115; цитата приведена по рус. переводу в статье М. Левитта [XVIII век. Сб.24. СПб.: Наука, 2006. С.58]*).

¹⁹² Литература о мировоззрении Ломоносова очень обширна, но, обращаясь к ней, нельзя не учитывать политических обстоятельств и культурной мифологии времени, когда она создавалась (не только советского). Указания на некоторую литературу о его «деизме» и «атеизме» см., например, в работах: *Трилесник Б.И.* Проблемы науки и религии, разума и веры в мировоззрении Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. – Т.9. – СПб.: Наука, 1991. – С.15–27; *Прокофьев И.Ф.* О религиозности и атеизме М. Ломоносова // *Философия и социология в контексте современной культуры: сб. науч. трудов. – Днепропетровськ, 1998. – С.34–40.* Литературу о Ломоносове в отношении к религии см. также в кн.: *Христианство и новая русская литература XVIII–XIX веков: Библиографический указатель. 1800–2000. – СПб.: Наука, 2002. – С.103–106.*

¹⁹³ Большую подборку высказываний на этом счет авторов XIX в. (и для контраста – некоторых авторов советского времени) см. в кн.: *Ивинский Д.П.* Ломоносов в русской культуре. – Б.м., 2015. – С.18–24 (раздел «Вера и Церковь») ([электронный ресурс]: URL.: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11960770 [дата обращения: 30.01.2016]). См. также: *Ивинский Д.П.* Образ Ломоносова в русской культуре // *М.В. Ломоносов и Православие: Сб. статей о творчестве М.В. Ломоносова. – М., 2014. – С.128–135.*

¹⁹⁴ Новейшую работу о «Гимне бороде» с обзором литературы вопроса см.: *Ивинский Д.П.* «Безразумных козлят далеко почтеннейшими, нежели попов ставит»: Из комментария к «Гимну бороде» // *Бестиарный код культуры: сб. статей. – М: Intrada, 2015. – С.123–130* (см. также: *Ивинский Д.П.* Ломоносов в русской культуре. С.70–75 [Приложение 1]). Здесь доказывается, что «Гимн бороде» был сочинен в связи с определенными обстоятельствами (борьбой за независимость Московского университета) и метил на конкретное лицо, скорее всего на митр. Димитрия (Сеченова).

¹⁹⁵ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. – Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. – СПб., 1884. – С.336. В виду этого высказывания (и других фактов) даже взвешенную, казалось бы, точку зрения П.Н. Беркова, писавшего, что «“Гимн бороде”, конечно, не антирелигиозное произведение, но что оно антиклерикальное – сомнений быть не может» (*Берков П.Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С.209), можно поставить под сомнение. Из конфликтов Ломоносова с отдельными духовными лицами еще нельзя сделать вывода о его «антиклерикализме».

¹⁹⁶ Такое определение деизма, часто цитируемое, дано в Оксфордском словаре английского языка (*A New English Dictionary on Historical Principles / Ed. J.A.H. Murray. – Oxford, 1897. – Vol.3. – P.152*); цит. по: *Шохин В.К.* Деизм // *Православная энциклопедия. – Т.14. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. – С.311.* Здесь же (с.311–315) см. историю и литературу вопроса о деизме.

христианских догматов, в его сочинениях не находится. И напротив, прямые заявления о приверженности к христианству у него многочисленны и встречаются даже в естественнонаучных трудах,¹⁹⁷ не говоря уже о филологических, исторических и поэтических, в которых нередко декларируется приверженность уже не просто к христианству, а к христианству православному.¹⁹⁸ Здесь нет необходимости иллюстрировать это цитатами и приводить общеизвестные биографические факты.¹⁹⁹ Напомним только, что идею «множества миров» (затронутую в «Вечернем размышлении») Ломоносов позднее обсуждал в контексте христианской догматики (грехопадение, Искупление), заключив свои рассуждения известными словами: «При всем христианская вера стоит непреложна. Она Божию творению не может быть противна, ниже ей Божие творение, разве тем чинится противность, кои в творения Божия не вникают» («Явление Венеры на Солнце...», 1761 [II, 375]).

Ломоносов всю жизнь размышлял «о возможности примирения научного миропонимания с верой».²⁰⁰ Потребностью примирить астрономические воззрения Нового времени с христианским вероучением были вызваны и известные строки в «Письме о пользе Стекла» (1752):

Коль созданных вещей пространно естество!
 О коль велико их создавше Божество!
 О коль велика к нам щедрот Его пучина,
 Что на землю послал возлюбленного Сына!
 Не погнушался Он на малой шар сотти,
 Что бы погибшаго страданием спасти.²⁰¹

¹⁹⁷ Развернутые суждения о христианской догматике в связи с естествознанием находятся в трактате «О слоях земных» (кон. 1750-х), напечатанном в 1763 г. как приложение к «Первым основаниям металлургии или рудных дел» (см. в особенности: V, 616–619), и в работе «Явление Венеры на Солнце...» (1761) («Прибавление» – II, 370–376).

¹⁹⁸ См., например, распространенное изложение Никео-Цареградского Символа веры в его «Древней российской истории» (1753–1758, опубл. 1766) – в речи «философа Константина», «от греческих царей избранного» для проповеди вел. кн. Владимиру (гл. 8: «О рассмотрении вер и крещении Владимирове» [VI, 260–263]). Одной из претензий Ломоносова к Г.Ф. Миллеру и А.Л. Шлёцеру было то, что они не принадлежат к Православию и не дорожат его преданиями. Так, он опасался, как бы не последовало «соблазну Православной российской Церкви» от суждений Миллера о поселении славян на Днестре после апостольских времен, поскольку «Церковь российская повсюгодно воспоминает о приходе святого апостола Андрея Первозванного на Днепр и в Новгород к славянам...» («В канцелярию академии репорт [21 июня 1750]» [VI, 80]). О филологии и поэзии Ломоносова в связи с православной традицией см., например, работы Р. Пиккио (1992) и М. Левитта (2004, 2006, 2015).

¹⁹⁹ См. в нашей обзорной статье на эту тему: *Коровин В.Л.* Ломоносов Михаил Васильевич // Православная энциклопедия. – Т.41. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2016. – С.414–420.

²⁰⁰ *Алексеева Н.Ю.* Ломоносов Михаил Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.2. – СПб.: Наука, 1999. – С.220.

²⁰¹ Современный литературный комментарий к этим стихам см. в кн.: *Абрамзон Т.Е.* «Письмо о пользе стекла» М.В. Ломоносова: Опыт комментария просветительской энциклопедии. (К 300-летию М.В. Ломоносова). Репринтное воспроизведение издания 1752 [1753] года. – М.: ОГИ, 2010. – С.103–105. В свое

По определению И. Канта (порицавшего как «деистов», так и «теистов»), в принципе «деисты отвергают всякую веру в Бога», но «...снисходительнее и справедливее будет сказать, что деист верит в Бога, а теист верит в живого Бога».²⁰² В стихах о том, что Сын Божий вочеловечился и пострадал ради спасения падшего человечества, Ломоносов заявлял о вере в «живого Бога». В «Преложении псалма 145» он употребил и само это слово (отсутствовавшее в оригинале): «И токмо в помощь призывает / Живущаго на небесах...».

В расширительной трактовке деизм – вид религиозного свободомыслия, отличающийся от других тем, что все богопознание сводит к возможностям «естественного разума», т.е. любой деист (даже «христианский» в некоторых отношениях), как минимум, отрицает значимость Откровения. Это черта, объединяющая все разновидности деистов.²⁰³

Ломоносов был сторонником «вольного философствования», но разграничивал человеческие мнения и Божественное Откровение. В предисловии к «Волфианской экспериментальной физике» (1746) он выразил восхищение Р. Декартом, который «...осмелился Аристотелю философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу. Мы, кроме других его заслуг, особливо за то благодарны, что тем ученых людей ободрил против Аристотеля, против себя самого и против прочих философов в правде спорить, и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вьщему наук

время В.С. Дороватовская, отметившая (ошибочно) эти стихи как единственный случай обращения Ломоносова к Новому Завету, охарактеризовала их как «...в сущности, очень бледные, являющиеся слабым отражением христианских образов» (*Дороватовская В.С. О заимствованиях Ломоносова из Библии // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сб. статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб., 1911. – С.35*). О «Письме о пользе Стекла» см. также: *Основат К. Ломоносов и «Письмо о пользе стекла»: поэзия и наука при дворе Елизаветы Петровны // Новое литературное обозрение. – 2007. – №87. – С.148–183.*

²⁰² «Так как под понятием Бога принято разуметь не слепо действующую природу, как корень вещей, а высшую сущность, которая должна быть творцом вещей посредством рассудка и свободы, <...> строго говоря, можно утверждать, что деисты отвергают всякую веру в Бога и признают лишь первосущность или высшую причину. Однако того, кто не решается что-то утверждать, еще нельзя на этом основании обвинять в том, будто он хочет отрицать это. Вот почему снисходительнее и справедливее будет сказать, что деист верит в Бога, а теист верит в живого Бога (*summam intelligentiam*)» (*Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. – Т.3. – М.: Мысль, 1964. – С.545* (гл. «Критика всякой теологии, основанной на спекулятивных принципах чистого разума»)) (серия «Философское наследие»).

²⁰³ Такое понимание деизма представлено в современной «Православной энциклопедии»: «Поскольку все разновидности деизма отрицают, по крайней мере, значимость Откровения, с богословской точки зрения деизм можно определить как теологическое направление, редуцирующее все богопознание до возможностей естественной теологии, которая в традиционных конфессиональных теологических системах составляла лишь часть, а не целое. <...> Именно эту опору на естественную религию как предельную истину и меру для “положительных” религий, которая делала возможной критику последних, следует считать основой для определения границ деизма и отделения его от сколь угодно близких ему других разновидностей религиозного свободомыслия» (*Шохин В.К. Указ. соч. – С.312*).

приращению» (I, 423). Насчет Аристотеля он сделал характерную оговорку: «Я не презираю сего славного и в свое время отменитого от других философа, но тем не без сожаления удивляюсь, которые *про смертного человека думали, будто бы он в своих мнениях не имел никакого погрешения...*» (I, 423; курсив мой – В.К.).

Выделенное замечание предполагает оппозицию: *погрешительное мнение «смертного человека» / непогрешимое Божественное Откровение*. Последнее в особенности возвещается в Священном Писании, которое, по Ломоносову, дано нам Богом для познания Его воли, как видимый мир – для познания Его «величества». Слова из работы «Явление Венеры на Солнце...» (1761) о «двух книгах», данных Создателем роду человеческому, широко известны, но не всегда отмечается, что здесь же Ломоносов говорит о толкователях этих книг: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал Свое величество, в другой – Свою волю. Первая – видимый сей мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал Божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. *Вторая книга – Священное Писание*. В ней показано Создательво благоволение к нашему спасению. *В сих пророческих и апостольских богодохновенных книгах истолкователи и изъяснители суть великие церковные учителя*. А в оной книге сложения видимого мира сего суть физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественных, в натуру влияющих действий суть таковы, *каковы в оной книге пророки, апостолы и церковные учителя*. Нездраворассудителен математик, ежели он хочет Божескую волю вымерять циркулом. Таков же и богословия учитель, если он думает, что по Псалтире научиться можно астрономии или химии» (II, 375; курсив мой – В.К.).

Полномочным толкователям Священного Писания, «великим церковным учителям» (в данной работе цитируются свт. Василий Великий и прп. Иоанн Дамаскин [см.: II, 372–374]), противопоставлены самозванцы – математик, пытающийся своими методами («циркулом») уяснить «Божескую волю» (истины Откровения), и «богословия учитель», вычитывающий из Псалтири сведения по астрономии. Тот и другой показываются самонадеянными глупцами, которые по собственному разумению толкуют Священное Писание и заблуждаются. Отсюда следует, что не каждый может его толковать и не как ему вздумается, а что в этом отношении нужно руководствоваться указаниями признанных «церковных учителей». Будучи сторонником «вольного философствования» в

науке, Ломоносов оказывается противником свободомыслия в толковании Священного Писания.²⁰⁴

В отношении к практике современной ему церковной жизни Ломоносов чувствовал себя свободней и, как известно, предлагал реформировать уставы Православной Церкви в России: разрешить второй брак для священников и четвертый и пятый для мирян, перенести Пасху и Великий пост на другое время и др. (в записке «О сохранении и размножении российского народа», 1761 [VI, 381–403]). Но и здесь он выступал не в качестве религиозного вольнодумца, а как церковный реформатор, озабоченный уставными вопросами, и апеллировал к истории Церкви (в особенности к церковной реформе Петра I). Ни свободомыслия, ни даже адогматизма в подходе к вопросам веры Ломоносов не обнаруживал, а напротив, различал, с одной стороны, неизменяемые «догматы веры» и «узаконения, утвержденные соборами» (V, 617), а с другой – бытующие в церковной среде научные мнения, которые имеют «...начало свое от идолопоклоннических, а не от христианских учителей» (II, 371), и те церковные правила и обычаи, которые, на его взгляд, при необходимости могут и должны быть изменены.²⁰⁵ Правомерны ли были его реформаторские предложения, это другой вопрос (нужно только заметить, что вне Православной Церкви он вообще не имеет смысла).

Давняя традиция представлять Ломоносова как убежденного православного христианина имеет под собой больше оснований, чем позднейшее представление о нем как о деисте (а то и пантеисте или атеисте), и, по крайней мере, не противоречит его собственным заявлениям. Справедливо суждение современного немецкого исследователя: «В действительности у нас нет никаких оснований говорить о деизме Ломоносова. <...> Мысль о том, что порядок вселенной разумен, а в его основе лежат законы природы, еще не делает Ломоносова деистом. Ломоносов вполне мог придерживаться такой точки зрения как христианин, допуская при этом, что Бог в своем всемогуществе может остановить ход мирового механизма, чтобы сотворить чудо, например воскресение Богочеловека».²⁰⁶

Стоит обсуждать не само по себе наличие у Ломоносова христианских убеждений, а их конфессиональную окраску и его отношение к Церкви. Это и делается в современной литературе. Существуют две основные точки зрения: 1) «Как просветитель, Ломоносов не

²⁰⁴ См. также выше (§1.1) наш комментарий к его письму В.Н.Татищеву (27 янв. 1749 г.).

²⁰⁵ Кроме записки «О сохранении и размножении российского народа» см., например, его рассуждение о способах летоисчисления в трактате «О слоях земных» (V, 617–618).

²⁰⁶ *Клейн И.* Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.291–292.

был верным сыном церкви, хотя при этом являлся благочестивым христианином»²⁰⁷; 2) «Ломоносова можно с полным правом назвать апологетом православной культурной традиции».²⁰⁸

Ломоносов никогда не высказывался о разделяющих христианские конфессии догматах и учениях. Либо они его не волновали, либо он считал, что это не его дело.²⁰⁹ Он мог мимоходом презрительно помянуть «некоторых католицких философов»,²¹⁰ мог в укор российским (православным) священникам похвалить немецких (протестантских) пасторов за трезвый образ жизни и грамотность,²¹¹ но не более того. Вероятно, он больше симпатизировал протестантам, чем католикам (хотя бы по известным биографическим обстоятельствам²¹²), но себя, конечно, не относил ни к тем, ни к другим. Принадлежность Ломоносова к Православной Церкви – простейший биографический факт. Он эту принадлежность сознавал, в частности, как преимущество перед иностранцами в Академии наук и при случае с гордостью указывал на свое «от молодых лет обращение в церковных обрядах и служебных книгах» («Записка о плане научных работ А.-Л. Шлёцера», 1764 [IX, 429]). Речь Ломоносова, по давнему замечанию исследователя, не только в стихах, но и в прозе (даже научной) имеет «...особый величественный колорит,

²⁰⁷ Клейн И. Указ соч. – С.291.

²⁰⁸ Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века / Пер. с англ. А. Глебовской; науч. ред. перевода Н. Алексеева. – М.: НЛО, 2015. – С.124. Ср. в его работе об одах Ломоносова в отношении к специфически православному богословию Григория Паламы: Левитт М. Ода как откровение: православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах 2003. – М.: Индрик, 2004. – С.368–384. См. также: Пиккио Р. «Предисловие о пользе книг церковных» М.В. Ломоносова как манифест русского конфессионального патриотизма // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана / Под ред. А. Мальц. – Тарту: Тартуский университет, 1992. – С.142–152; *Ellis Ch. An Enquiry into the Extent of Lomonosov's Religious Beliefs* // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter 27 (1999). – P.3–7. Из отечественных работ см., например: Лыцков В.П. М.В. Ломоносов об исторической роли православного духовенства в России // Церковь и ее деятели в истории России: Сб. статей. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. [Вып.1]. С.3–30; Алексеев В.В. М.В. Ломоносов и православие // Общественные науки. – 2012. – №5. – С.33–41 (здесь см. характерное в своей двойственности заключительное суждение: «Личные воззрения Михаила Васильевича не являлись антирелигиозными. Для них, скорее, присущ антиклерикализм. <...> И хотя он в силу жизненных обстоятельств иногда совершал отступления от церковных канонов, всё же оставался убеждённым православным христианином» – с.41).

²⁰⁹ По замечанию И. Клейна, Ломоносов был лишен «богословского честолюбия» (Клейн И. Указ соч. – С.292).

²¹⁰ «Посмеяния достойны таковые люди, кои <...> подобно как некоторые католицкие философы дерзают по физике изъяснять непонятные чудеса Божии и самые страшные Таинства христианские» («О слоях земных» [V, 618–619]).

²¹¹ См. его записку «Примечания [об обязанностях духовенства]» (1761?) (VI, 405–408).

²¹² Стоит напомнить, что в Марбурге 6 июня (26 мая ст. ст.) 1740 г. Ломоносов в церкви реформатской общины зарегистрировал брак с Елизаветой-Христиной Цильх (к нему в Россию она приехала в 1743 г. и стала называться Елизавета Андреевна). См.: Сухомлинов М.И. Ломоносов – студент Марбургского университета // Русский вестник. – 1861. – Т.31. – №1. – С.162–164; Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.53.

колорит церковности».²¹³ Однако можно допустить, что в некоторых случаях он отдавал предпочтение традициям западного христианства, например, в вопросах библейской экзегетики. «Ода, выбранная из Иова» в этом отношении особенно показательна, поскольку в некоторых нюансах толкования Книги Иова традиции западного и восточного христианства расходятся.

* * *

Книга Иова по ряду «темных мест», различающихся в еврейском тексте и греческом переводе, признавалась «самой трудной» из книг «ветхозаветного канона».²¹⁴ Ее общий смысл также проблематичен: в библейской критике даже реконструировалось богоборческое сочинение, якобы лежавшее в основе канонической книги.²¹⁵ Какое же ее понимание выразилось у Ломоносова?

По крайней мере, одно здесь очевидно: в полном согласии с первыми словами библейской книги²¹⁶ и общехристианской традицией, уподобляющей Страсти Христовы страданиям Иова, Ломоносов считал его праведником,²¹⁷ а значит страдания его – безвинными (но не бесцельными). О том, что это актуально для «Оды, выбранной из Иова», можно судить по ее контексту в «Одах духовных» (по переложениям псалмов, где речь шла о страданиях праведника) и по первой строфе, где тема человеческого страдания (сразу же заявленная) поставлена в связь с историей Иова:

О ты, что в горести напрасно,
 На Бога ропшешь, человек,
 Внимай, коль в ревности ужасно,
 Он к Иову из тучи рек!
 Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
 И гласом грома прерывая,

²¹³ *Солосин И.И.* Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. – 1913. – Т.18. – Кн.2. – С.241.

²¹⁴ *Юнгеров П.А.* Книга Иова в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. – Казань: Центральная типография, 1914. – С.IV («Введение»).

²¹⁵ См.: *Рижский М.И.* Книга Иова: Из истории библейского текста. – Новосибирск: Наука, 1991.

²¹⁶ «Был человек в земле Уц, имя его Иов; и был человек тот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» (Иов 1:1; слав. пер.: «Человек некий бяше во стране Авситидийстей, емуже имя Иов, и бе человек он истинен, непорочен, праведен, богочестив, удаляяйся от всякия лукавыя вещи»).

²¹⁷ Об Иове есть прямое высказывание в «Риторике» Ломоносова: «Таков был терпения и добродетели образ Иов. Лишение детей, дому и всего имения не подвигнуло ума его, добродетелию огражденного, добродетелию возвышенного, добродетелию украшенного, ниже плоть его снедающие струпы добродетельный дух заразили. В бесчадстве был многочаден, изобилен в нищете, в болезни силен и, ничего не имея, по правде сказать мог, что он носил все свое с собою» (VII, 310).

Словами небо колебал
И так его на распрю звал...
(VIII, 387)

В самом начале Ломоносов счел нужным назвать Иова по имени и напомнить, Бог говорил к нему «сквозе бурю и облаки» (Иов 38:1), а не как-то иначе. Следующее переложение Божественного ответа оказалось поставлено в надлежащий библейский контекст, актуализируемый для читателей (чего в принципе можно было бы и не делать). Причем уже по этой строфе видно, что поэт опирался на славянский перевод: «Он к Иову *из тучи рек*» (далее это распространено: «*сквозь* дождь <и т.д.>»), ср.: «рече Господь Иову *сквозе бурю и облаки*» (в еврейском оригинале и в латинском переводе была только «буря»: «Respondens autem Dominus Job de turbine, dixit»; рус. синод. пер.: «Господь отвечал Иову из бури и сказал»). Греческие толкователи придавали этому добавлению особое значение. Иоанн Златоуст, обойдя вниманием «бурю», прокомментировал именно то, что Бог говорил из «облака»: «Мне кажется, что Бог поставил тогда облако над тем праведником, чтобы возвысить его помышление и убедить, что этот глас приходит свыше, как в случае с *крышкой над ковчегом* <Числ 7:89>. Ведь поскольку *облако* есть символ неба, Бог словно бы хотел поставить над Иовом само небо, Он расположил подле него будто бы сам престол. Мне кажется, это произошло также *на горе*, когда *облако* остановилось, чтобы мы узнали, что это глас свыше. Давайте внимательно послушаем, потому что говорит общий для всех Владыка».²¹⁸

В первой половине строфы Ломоносов отсылает к Книге Иова, чтобы напомнить, что далее перелажается не обычная речь, а «глас свыше». Во второй же половине как будто просто иллюстрируется то, что глас Божий звучал «в буре» и сопровождался молниями и громом:

Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал...

Первый из этих стихов можно счесть относящимся к метеорологическому явлению (молнии), но не два последующих, где «глас свыше» прерывает громы и словами колеблет

²¹⁸ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С. 232 (курсив как в тексте). В сокращенной редакции этот отрывок вошел в имеющуюся в РГБ рукописную книгу конца XVII в. «На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других» (см. о ней выше – 1.1).

небо. Эти стихи – не самодеятельная поэтическая гипербола, а еще одна отсылка к Священному Писанию, но уже не к Книге Иова, а к одной из книг Нового завета. Стих «словами небо колебал» восходит к Посланию к Евреям св. апостола Павла, ср.: «Блюдите же, да не отречетесь Глаголющего. <...> Егоже глас землю тогда поколеба, ныне же обетова, глаголя: еще единою Аз потрясу не токмо землю, но и небом. А еже еще единою, сказует колеблемых преложение, аки сотворенных, да пребудут, яже суть неподвижная» (Евр 12:25–26).

В этой главе апостольского послания речь идет о превосходстве Нового Завета над Ветхим, Благодати – над Законом.²¹⁹ Апостол говорит о поколебленном Богом небе во свидетельство о том, что все будет изменено, и тем самым внушает скорбящим на земле надежду. Так данные слова апостола (Евр 12:25–26) толковал Иоанн Златоуст: «Таким образом все будет изменено и устроится к лучшему свыше; это выражается здесь приведенными словами. Что же ты скорбишь, страдая в мире временном, бедствуя в мире скоропреходящем? Если бы в будущей судьбе мира была ненадежность, то ожидающему конца следовало бы скорбеть. *Да пребудут*, говорит, *яже суть неподвижная*. А что неподвижно? Будущее».²²⁰

Стих «словами небо колебал» в начале оды Ломоносова не простое заимствование поэтического образа, а аллюзия на текст апостольского послания, актуализирующая его для читателей вместе с определенными толкованиями. Слова Иоанна Златоуста «*все будет изменено и устроится к лучшему свыше*» как нельзя лучше гармонируют с первыми словами от автора («О ты, что в горести *напрасно...*») и его выводами в последней строфе.

Ломоносов адресует свою оду тому, кто страдает и при этом *ропцет*. Причины его ропота не конкретизированы, но они ясны из того, что для его вразумления предлагается

²¹⁹ Контекст приведенной цитаты в рус. переводе: «Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово, ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было: если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою); и столь ужасно было это видение, что и Моисей сказал: “я в страхе и трепете”. Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева. *Смотрите, не отвернитесь и вы от говорящего. Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли наказания, то тем более не избежим мы, если отвертимся от Глаголющего с небес, Которого глас тогда поколебал землю, и Который ныне дал такое обещание: еще раз поколеблю не только землю, но и небо. Слова: “еще раз” означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое.* Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огонь поядоющий» (Евр 12:18–29).

²²⁰ Иоанн Златоуст. Толкование на Послание к Евреям // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.12. Кн.1. – СПб., 1906. – С.263 (Беседа XXXII).

переложение речи Бога к *праведному* Иову. Ропщет в оде тот, кто, страдая, не признает (или не знает) за собой никакой вины. В ней подразумевается вопрос об отношениях человека, страдающего, может быть, незаслуженно, и Всемогущего Творца, все делающего для его блага. Это не умозрительный философский, а именно *религиозный* вопрос об *отношениях* Бога и человека, требующий такого же религиозного ответа – с практическими выводами и наставлениями. Ответ в оде дает сам Бог (строфы 2–13), выводы делает автор в заключительной (14-й) строфе:

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителю власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпении часть.
Он все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоем.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

(VIII, 392)

Ломоносов советует довериться Богу в ожидании будущих благ, поскольку «Он все на пользу нашу строит». При этом в переложениях псалмов уже дано было понять, что «польза» человека не ограничивается пределами земной жизни, ибо она все равно «...проходит, / Подобно как пустая тень» («Преложение псалма 143»).²²¹

Ода начинается и заканчивается уроком, что ропать на Бога не нужно: «...напрасно / На Бога ропщешь...», «без роптания проси».

В «Вертограде многоцветном» Симеона Полоцкого в одном из стихотворений об Иове преподается тот же урок:

Иов Борец пресильный в гноище сядяше,
                  болезни и тщетами врага побеждаше,
Им же оружием враг хоще и сразити,
                  в яму нетерпения и *ропта* свалити.
Тем он злокозненнаго дивне поразил есть,
                  ему срам, себе славу сотворил есть.
                  <...>
Паче же, и сам себе дивне побеждаше,

²²¹ Иов также не раз говорил о скоротечности человеческой жизни: «Дни мои быстрее гонца, – бегут, не видят добра, несутся, как легкие ладьи, как орел стремится на добычу» (Иов 9:25–26; слав. пер.: «Житие же мое есть легчае скоротечца: отбегоша и не видеша»).

елма мудршая болный, неже здрав, вещаше.
 Боля бо телом, име дух здравый свершенно,
 яко сердце не плоти в нем бе прилепленно,
 Но Богу и добротам, тем же *не ропташе*
 за немощь плоти, но глас духа глаголаше:
 Да к Богу, иже дух есть, будет вознесенны,
 а не бременем плоти низу низверженны.
 Вы, иже болни есте, сего подражайте
 мужа святого, *ропта никогда являйте*.
 И во тщете имений онаго смотри
 и сугубых прибытков, яко он взя, ждите.²²²

«Ропот» на Бога – лейтмотив в этом стихотворении: враг хотел Иова «в яму <...> ропта свалити», но праведник «не ропташе» и был вознагражден Богом, поэтому и вы «ропта никогда являйте» и будете вознаграждены.

Поучение Симеона адресовано тем, кто испытывает страдания («вы, иже болни есте»), как и у Ломоносова («О ты, что в горести...»). Оба хотят утешить своих читателей и убеждают их не роптать, а уповать на Бога и воздаяние в будущей жизни. Оба предлагают свой урок в качестве вывода из Книги Иова, делая это от себя в форме повелительного наклонения: «ропта никогда являйте», «без роптания проси».

Возможно, стихотворение Симеона было одним источников оды Ломоносова, хотя непосредственно они связаны с разными частями Книги Иова. Симеон имеет в виду безупречное поведение Иова в начальных главах библейской книги,²²³ но обходит молчанием ее центральную часть (спор с друзьями), чтобы в лице праведного страдальца дать пример для подражания читателям. Ломоносов перелагает речь Бога и исходит из того, что Бог отвечает Иову, который, безропотно перенеся бедствия, пришел в смятение от клеветы друзей и возроптал,²²⁴ – Иову, который уже не подает пример безупречного

²²² Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / Подг. текста и коммент. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой: [В 3 т.]. – Т.2. – Köln; Weimar; Wien: Börlau Verlag, 1999. – С.160 (курсив мой – В.К.).

²²³ «Тогда Иов встал и разодрал верхнюю одежду свою, остриг голову свою и пал на землю и поклонился и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; [как угодно было Господу, так и сделалось;] да будет имя Господне благословенно! Во всем этом не согрешил Иов и не произнес ничего неразумного о Боге» (Иов 1:20–22); «И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри. Но он сказал ей: ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать? Во всем этом не согрешил Иов устами своими» (Иов 2:9–10).

²²⁴ По Иоанну Златоусту, Иов «поколебался» именно от клеветы друзей: «И Иов – этот адамант, тверже самого камня, – когда потерял свое имущество, претерпел несносные мучения, лишился вдруг всех детей, когда увидел тело свое преисполненное червями, укоряющую жену, то все легко переносил. Когда же увидел друзей, которые его порицали, ругались над ним и, злословя его, говорили, что он терпит это за грехи свои, и несет наказание за пороки свои, тогда и этот мужественный и великий подвижник поколебался

поведения, а как многие на его месте, нуждается в поддержке и утешении. Переложение речи Бога Ломоносов представляет как поучительное и утешительное для находящихся «в горести».

Итак, ода обращена к человеку, который «в горести» ропщет. В качестве поучения ему предлагается переложение речи Бога к *праведному* Иову, значит, в первую очередь, ее адресатом является тот, кто в своей «горести» неповинен. Ломоносов рассчитывает образумить его и утешить. Какие уже у него аргументы?

По мнению исследователей, исходящих из представления о Ломоносове как о деисте, главный его аргумент – это то, что мир существует по неизменяемым законам, предписанным Творцом, и законы эти разумны и прекрасны.

Так, по мнению И.З. Сермана, поэт доказывает, что в мире все происходит по непреложным и наилучшим законам и роптать на них бессмысленно и несправедливо: «Мотив ропота на бога, на мироустройство начинает и завершает ломоносовское стихотворение. И этому ропоту человека, его возможному недовольству судьбой, несчастиями или жизненными испытаниями поэт уже от себя, не словами Библии, а своими собственными, противопоставляет философию деистического оптимизма, свою убежденность в том, что все происходящее в мире бог “на пользу нашу строит” и потому “ропот” нелеп и беспочвенен. Признавая наличие в жизни человека “тягот” и “казней”, Ломоносов за ними прозревает закон (“святую волю”), который приводит к конечному торжеству блага, стройности, порядка в жизни природы и общества»²²⁵.

В этом рассуждении исследователь кое-что привнес от себя: он уточнил, что ропщет человек на мироустройство (а не на Бога и просто «в горести»)²²⁶ и перевел выражение «святая воля» как «закон» (поняв первое как иносказание второго). В таком

и пришел в смятение» (*Иоанн Златоуст*. Толкование на св. Матфея евангелиста // *Иоанн Златоуст*. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.7. Кн.1. – СПб., 1901. – С.157 [Беседа XV]).

²²⁵ *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова. – Л.: Наука, 1966. – С.62.

²²⁶ Ср. общее описание И.З. Серманом духовных од Ломоносова, где замечено, что и в его псалмах высказываются жалобы «на несовершенство мира»: «Оды духовные, составляющие первый отдел “Собрания разных сочинений”, размещены в следующем порядке. Сначала идут переложения псалмов (1, 14, 26, 34, 70, 143, 145), из которых каждое представляет собой монолог человека, обращенный к богу с жалобами и просьбами, – с жалобами на несовершенство мира, на козни и клеветы врагов и с просьбами наказать врагов, отомстить им за все их злодеяния и преступления. Затем идет “Ода, выбранная из Иова”, написанная как монолог бога, обращенный к человеку; завершается этот раздел “Утренним” и “Вечерним” размышлениями, в которых от имени человека восхваляется совершенство и многообразие природы. Эта же мысль, но уже высказанная от имени бога, составляет основу содержания “Оды, выбранной из Иова”. Между переложениями псалмов и тремя последующими духовными одами (“Ода, выбранная из Иова”, оба “Размышления”) проходит явная грань. Переложения псалмов показывают человека в обществе, это страстное и гневное обличение несовершенства человеческой жизни как жизни общественной» (*Серман И.З.* Указ. соч. – С.38–39). В целом это рассуждение близко подводит к нашим выводам о композиции «Од духовных» (см. выше 1.2), но с тем отличием, что И.З. Серман не соотносил ее с Книгой Иова и указал на «явную грань» перед «Одой, выбранной из Иова», не обратив внимание на то, что как раз она и связывает первые семь и последние два стихотворения в разделе.

понимании ода обращена прежде всего к человеку, обдумывающему, хороши или плохи законы мироздания. Такого человека, конечно, могла бы удовлетворить мысль, что они когда-нибудь приведут к торжеству «порядка в жизни природы и общества». Однако находящегося в «горести» мысль о том, что он страдает *закономерно*, вряд ли может полностью утешить. Если же человек испытывает *безвинные страдания*, мысль о том, что они *диктуются неизменяемыми, непреодолимыми и вечными законами мироздания* (именно так должен думать о них сторонник «деистического оптимизма»), меньше всего сможет склонить его к восхищению ими, а скорее только заставит усугубить свой «ропот».

По Ю.М. Лотману, «“Ода, выбранная из Иова” – своеобразная теодицея. Она рисует мир, в котором, прежде всего, нет места сатане. <...> ...Бог оды – воплощенное светлое начало разума и закономерной творческой воли. Он учредитель законов природы, нарушить которые хотел бы ропщущий человек. Бог проявляет себя через законы природы и сам им подчиняется»²²⁷. Здесь употреблены ключевые слова, которые, по И. Канту, относятся к понятию о Боге («строго говоря», по его словам, отрицаемом деистами) – «разум» и «воля».²²⁸ Ю.М. Лотман употребил их не случайно, а, вероятно, дистанцируясь от представления о Ломоносове как атеисте. Однако в конечном счете, хоть и в более корректных формулировках, он повторил мысль И.З. Сермана, что, «признавая наличие в жизни человека “тягот” и “казней”, Ломоносов за ними прозревает закон». Отличие в том, что, по Ю.М. Лотману, Бог для автора оды не простая метафора законов природы, а Творец мира и учредитель этих законов, в бытие которого он верит. Для страдающего человека это отличие невелико, поскольку этот Бог ограничил свою «творческую волю» раз и навсегда данными законами и, подчиняясь им, сам уже ничего сделать не может. Безвинный страдалец получает возможность роптать не только на закон, но и на его учредителя (хоть и заведомо безрезультатно), а сочувствующий несчастным – утверждаться в своем моральном превосходстве над таким законодателем, (не опасаясь наказания от него).²²⁹

Однако в строфах от автора в «Оде, выбранной из Иова» единственным *утверждением* (а не призывом) является то, что

Он <Бог> все на пользу нашу строит,

²²⁷ Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова <1983> // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство–СПБ, 1996. – С.275.

²²⁸ См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. – Т.3. – М.: Мысль, 1964. – С.545.

²²⁹ Такой логической возможностью воспользовался Вольтер в «Поэме на разрушение Лиссабона» (1756) (о полемике с ней Ломоносова см. ниже – 1.7).

Казнит кого или покоит.

Это единственный «закон», о котором в оде говорит сам поэт, единственная сформулированная им «закономерность», в существовании которой он убеждает ропщущего человека. В принципе смысл этих строк можно свести к выражению убежденности в философской «аксиоме», которую позднее опровергал и высмеивал Вольтер: «всё – благо» («tout est bien» [«Поэма на разрушение Лиссабона...», 1756]) или «всё к лучшему» («tout est pour le mieux» [«Кандид, или Оптимизм», 1759]). Однако контекст оды и сама форма высказывания не дают остановиться на таком понимании. Ломоносов говорит не о законах мироздания, а о том, что Бог есть и участвует в жизни человека: «строит», «казнит», «покоит». И «строит» «на пользу нашу». Отсюда и следует заключительный вывод:

В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Очевидно, что ни «законы», ни безусловно подчиняющегося им законодателя просить о чем-либо нет смысла. Ломоносов обращается к человеку, который ропщет на Бога (а не на законы мироздания), и, убеждая, что Бог все делает «на пользу нашу», призывает надеяться на Бога в любых обстоятельствах и просить Его «без роптания» (молиться). Выражение «на пользу *нашу*» в этом контексте следует понимать, в первую очередь, как указание на «пользу» самого пребывающего «в горести» человека, поскольку к нему и обращается автор («О ты, что в горести... <...> И без роптания проси»).

Первоначально данный стих читался иначе:

Он <знает, что с тобою> строит...
(VIII, 392)

Ломоносов исправил этот стих еще в рукописи, заменив его на окончательный:

Он все на пользу нашу строит...

В первом (отвергнутом) варианте можно было прочесть мысль, что человеку вообще не следует задумываться о путях Промысла Божия. В окончательном – утверждается, что Бог все делает для блага человека, «на пользу» именно ему. Формулируется не «философская аксиома» о законах мироздания, а религиозный постулат

о благодати Промысла Бога о человеке, что и предлагает поэт в качестве назидания и утешения читателям. В том же, что Бог всемогущ и ничем не ограничен в своих делах, направленных «на пользу нашу», можно было убедиться из предшествующего переложения Его собственной речи.

Выводы и наставления, сделанные Ломоносовым от себя, можно представить по пунктам – по двуступицам, каждое из которых является законченным предложением (далее курсив мой – *В.К.*):

1) прежде всего он напоминает, что человек смертен (значит любая его «горесть» имеет конец), и призывает увериться во Всемогуществе Творца:

*Сие, о смертный, рассуждая,
Представь Зиждителяву власть.*

2) призывает почитать Его «святую волю» и потерпеть вместе с другими до определенного времени (помня, что Бог наш – «Бог терпения и утешения» [Рим 15:5]):

*Святую волю почитая,
Имей свою в терпении часть.²³⁰*

3) утверждает, что человек и страдает, и испытывает довольство только по воле Бога, направленной только «на пользу» человека:

*Он все на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.*

4) призывает в любых «тяготах» надеяться на Бога и без ропота обращаться к Нему:

*В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.*

Коротко говоря, Ломоносов призывает к смирению и покорности воле Божией. Это точно (хотя и с недоумением) отметила Д.К. Мотольская, оценив данный урок как

---

²³⁰ Ср.: «Бог же терпения и утешения да даст вам тожде мудрствовати друг ко другу о Христе Иисусе» (Рим 15:5). Выражение «имей свою в терпении часть» не просто призыв к терпению, а напоминание, что и другие терпят, что и Сам Бог вочеловечившийся потерпел (как будто по пословице «Христос терпел и нам велел»). О новозаветных аллюзиях в оде (одна из которых отмечалась чуть выше) см. 1.6.

«какую-то плоскую дидактику».²³¹ Оставляя в стороне оценку качества этой дидактики, нужно признать, что это именно дидактика, причем сугубо религиозная, христианская дидактика, которую без сильной натяжки нельзя свести к «философии деистического оптимизма».

Удачная попытка определить «главную мысль» «Оды, выбранной из Иова» была сделана в малоизвестной работе XIX в.: «Главная мысль, которая раскрывается во всех этих частных мыслях оды, следующая: всемогущество и премудрость Божия, открывающиеся нам в видимых творениях, непостижимы для человека. Эта мысль должна привести каждого из нас к другой, близко подходящей к ней мысли: точно также много неведомого должно быть для нас и в действиях Промысла Божия, устрояющего различные обстоятельства нашей жизни. Отсюда само собой вытекает следующее заключение: “Сие, о смертный, рассуждая <...>”».²³²

Действительно, поэтическая картина мироздания в оде Ломоносова, как и в Книге Иова, дана в качестве ответа на вопросы человека о Промысле Божиим, а не об устройстве видимого мира. Не законы мироздания, а отношения Бога и человека и вопрос о Божественном Правосудии занимают Ломоносова в этой оде,²³³ как и в предыдущих семи переложениях псалмов, где главной темой было воздаяние от Бога праведникам и грешникам. Иов возроптал, усомнившись, что Бог правосуден и заинтересован в праведности человека. Божественный ответ уничтожил его сомнения и укрепил пошатнувшуюся веру. Ту же цель имел в виду Ломоносов в своем переложении и в комментирующей его заключительной строфе «от автора». Последняя понадобилось в частности потому, что сама речь Бога к Иову состоит, в основном, из поэтических картин и риторических вопросов. Перелагая ее выборочно, Ломоносов выделил только нужные ему образы, которые в принципе и должны подводить к сделанным им от себя дидактическим выводам.

²³¹ «Заключительные строки оды, привнесенные Ломоносовым от себя, должны, очевидно, воплощать в себе философско-религиозный смысл книги Иова. Они логически не вытекают из всего произведения и даже стилистически из него выпадают, превращаясь в какую-то плоскую дидактику. <...> “Смирение” и пассивность, которые здесь проповедует Ломоносов, <...> могут быть восприняты только как выражение какой-то внешней необходимости» (*Мотольская Д.К.* Ломоносов и его современники // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.3: Литература XVIII века. – Ч.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С.344–345). Наш комментарий к этому суждению см. выше (1.1).

²³² *Говоров К.* Разборы литературных образцов: (Две пробные лекции по русской словесности). II. Ода Ломоносова, выбранная из Иова // Филологические записки. – Воронеж, 1868. – Вып.1. – С.18.

²³³ Показательно, что Ю.М. Лотман, склонный, в общем, видеть в Боге «Оды, выбранной из Иова» олицетворение законов природы, в другой работе со ссылкой на ту же оду обронил замечание о «прении Бога и человека, закладывающем традицию спора о "правде на земле" и "выше"» (*Лотман Ю.М.* Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция <1991> // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство–СПБ, 1996. – С.259).

Картина мира в духовных одах Ломоносова полемична по отношению к деистическим представлениям о мире: Бог у него – Живой Бог, присутствующий и повелевающий в сотворенном Им мире, участвующий в жизни человека и все делающий для его блага. Средневековому представлению о том, что в мире все устроено ради человека, Новое время противопоставило ему идею «цепи существ», в которой человеку отведено почтенное, но строго определенное место.²³⁴ Эта идея была свойственна ученым современникам Ломоносова и не была чуждой и лично ему.²³⁵ Тем удивительней, что в его духовных одах мир предстает устроенным именно *ради человека*. В «Утреннем размышлении» Ломоносова читаем, что даже Солнце, «сия ужасная громада», зажжена «для наших повседневных дел». Но это-то избыточное великолепие мироздания и побуждает поэта воздать хвалу Творцу, премудрому, щедрому сверх всякой меры и пекущемуся о благе человека: «И, на Твою взирая тварь, / Хвалить тебя, бессмертный Царь» (VIII, 119). Здесь под «тварью» разумеется Солнце: на нем «горящий вечно Океан» будит мысль ученого и вызывает восторг поэта. Оно создано не столько для утилитарных человеческих нужд, сколько для благоговейного созерцания, чтобы человек удивлялся и познавал своего Творца.

1.4. Библейская экзегеза в переложении Ломоносовым речи Бога к Иову

А.С. Пушкин в одном письме обратился к своему корреспонденту: «Мужайся – дай ответ скорей, как говорит Бог Иова или Ломоносова».²³⁶ Отвлекаясь от шутивной интонации этой фразы, можно задаться вопросом, а действительно, один ли и тот же это Бог?

²³⁴ См.: *Лавджой А.* Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антомони. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.

²³⁵ Идея «цепи существ» – одна из основополагающих в поэме А. Попа «Опыт о человеке» (“An Essay on Man”, 1734). Ломоносов руководил работой Н.Н. Поповского над стихотворным переводом поэмы Попа, а в дальнейшем хлопотал об ее издании. См.: *Тихонравов Н.С.* История издания «Опыта о человеке» в переводе Поповского // *Тихонравов Н.С. Соч.:* [В 3 т.]. – М.: Изд. М.И. Сабашникова, 1898. – Т.3. – Ч.1. – С.82–89; *Модзалевский Л.Б.* Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной преемственности) // XVIII век. – Сб.3. – М.: ЛН Наука, 1958. – С.111–169; *Keipert H.* Pope, Popovskij und die Popen Zur Entstehungsgeschichte der russischen Übersetzung des «Essay on Man» von 1757. – Gottingen, 2001; *Кочеткова Н.Д.* К истории перевода Н.Н. Поповского поэмы А. Попа «Опыт о человеке» (Ранняя редакция) // XVIII век. – Сб.23. – СПб., 2003. – С.306–337; *Кочеткова Н.Д.* «Essay on Man» А. Попа в русских переводах // Антропологические концепции в русской культуре и литературе (XVIII–XIX вв.). – Halle; Wittenberg, 2008. – С.1–9.

²³⁶ *Пушкин А.С.* Полн. собр. сочинений: [В 16 т.]. – Т.13. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – С.101 (письмо к А.А. Бестужеву от 29 июня 1824 г.).

В критике пушкинского времени отмечалось, что «Ода, выбранная из Иова» «...не показывает умопредставлений древних Патриархов, их нравов, обстоятельств местных, что все в самой книге Иова изображено столь живо. Ода Ломоносова кажется произведением новейшего писателя».²³⁷ Это взгляд из романтической эпохи, озабочившейся поисками национально-исторического колорита в Священном Писании. С такой точки зрения переложение Ломоносова действительно далеко от оригинала. Но с другой стороны, тот факт, что материал по этнографии Древнего Востока в Книге Иова не заинтересовал поэта, еще не значит, что он выражал посторонние ее учению идеи. Вопрос в том, как он понимал это учение и на какие толкования опирался, как переложение речи Бога в его оде соотносится со смыслом исходного текста (далеко не очевидным). В общем, один ли и тот же там Бог?

Переложение из Книги Иова – единственный в духовных одах Ломоносова пример *свободного* переложения библейского текста, что, кажется, можно объяснить особенностями речи Бога к Иову. Переложить ее, подобно псалмам, полностью и близко к тексту (славянскому), было бы и затруднительно и, как, может быть, думал Ломоносов, не очень полезно для читателей. В славянском переводе он мог найти многие «погрешности», вроде тех, что помешали ему завершить переложение 103 псалма,²³⁸ но и безотносительно к трудностям славянского перевода он, вероятно, мыслил речь Бога как нуждающуюся в пояснениях. Не в последнюю очередь ради этого, наверное, и была избрана форма свободного переложения, позволяющая не только пропускать что-то из исходного текста, но и распространять его, делая вставки собственного сочинения.

Вольно и невольно, предприняв свое переложение с религиозно-дидактическими или чисто литературными целями, *Ломоносов оказался в роли толкователя труднейшей части Книги Иова*, а значит, его ода подлежала оценке с точки зрения библейской экзегетики.²³⁹ Он должен был искать опоры в известных ему толкованиях или, по крайней мере, выбирать из них то, что не противоречило его целям.

²³⁷ *Перевоицков В.М.* Материалы для истории российской словесности. Михаил Васильевич Ломоносов // Вестник Европы. 1822. – Т.126. – №18. – С.99–100.

²³⁸ О «трудностях» славянского перевода Книги Иова, усугубивших трудности греческого перевода и еврейского текста, см.: *Юнгеров П.А.* Книга Иова в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. – Казань: Центральная типография, 1914. – С.IV–VIII («Введение»), 80–91 (перевод глав 38–41 и комментарии к ним).

²³⁹ Как уже отмечалось (1.1), впервые это проделал А.С. Шишков, сопоставив оду Ломоносова со славянским переводом Книги Иова; см.: *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге российского языка <1803> // Шишков А.С. Собр. сочинений и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.2. – СПб.: Тип. Имп. Росс. акад., 1824. – С.66–80. Разбор его замечаний см.: *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова. – Л.: Наука, 1966. – С.51–55.

Выше (1.1) уже отмечалось, что в славянской письменности Книга Иова бытовала в составе комментариев Олимпиодора Александрийского (VI в.). Впервые Ломоносов прочитал ее, скорее всего, в таком виде. Естественно предположить, что это нашло отражение в «Оде, выбранной из Иова». И действительно, подтверждение этому находится сразу же – в первых строках переложения:

Збери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
(VIII, 387)

Слово «*мужайся*», замеченное Пушкиным как характерное для «Бога Ломоносова», пришло сюда из комментариев Олимпиодора. В двух *разных* славянских переводах со слова «мужайся» начинается комментарий к библейскому стиху, соответствующему двум стихам Ломоносова: «Препояши яко муж чресла твоя: вопрошу же тя, ты Ми отвечаай» (Иов 38:3).

В рукописи XVI в.: «*Мужайся* убо отверзи уныния, и понеже рече желаше со мною беседовати, и се беседую ти, и се скончеваю ти прошение, отвечаай противу беседе».²⁴⁰

В рукописи конца XVII в.: «*Мужайся* убо, отверзи малодушие. И понеже желаше рече в мое беседование приити се ти со беседую. Се исполняет ти ся прошение отвечаай к реченным».²⁴¹

В обоих случаях слово «мужайся» стоит на первом месте.²⁴² Почти также у Ломоносова (в начале второго стиха). Это не может быть простым совпадением, так что одним из источников оды нужно признать Олимпиодора, а также Иоанна Златоуста, которому он последовал (его комментарии представлены в процитированной рукописи конца XVII в.).

Ломоносов не только заимствует определенное слово, но и сходится с Олимпиодором (и Златоустом) в понимании того, что Бог выступает как покровитель, а не обвинитель Иова. Он говорит с ним «как с другом» (по выражению Олимпиодора, много

²⁴⁰ НИОР РГБ. Ф.173. I. №141 (Толкование на книгу Иова праведного, собранное Олимпиодором [рукопись]. [Б.м.], XVI в.). Л.198 ([электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004985246> [дата обращения: 20.08.2016]).

²⁴¹ НИОР РГБ. Ф.173. I. №21 (На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. [Б.м.], конец XVII в.). Л.343 ([электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004972107> [дата обращения: 20.08.2016]).

²⁴² Ср. в современном русском переводе этого отрывка (с греч.): «Итак, стань мужественным, отвергни уныние, и именно когда пожелаешь побеседовать со Мною, вот Я разговариваю с тобой, вот, Я исполню твоё желание, ответь же на Мои слова» (*Норкин К.* Филологический анализ фрагмента «Комментария на Книгу Иова» диакона Олимпиодора Александрийского. [Дипломная работа выпускника Сретенской семинарии]. [М.], 2013 [электронный ресурс: URL: <http://www.pravoslavie.ru/64067.html> (дата обращения: 20.08.2016)]).

раз у него встречающему). У Ломоносова Бог с первых слов внушает Иову бодрость и мужество. Между тем в исходном тексте речь Бога начинается с других слов. «Препояшь яко муж чресла твоя» – это лишь вторая фраза в Его речи, а первую, пропущенную Ломоносовым, в принципе можно было понять как упрек Иову: «Кто сей скрываешь от Мене совет, содержи же глаголы в сердце, Мене же ли мнится утаити?» (Иов 38:2; ср. 42:3). По Иоанну Златоусту, это очень мягкий и дружеский, соединенный с «врачевством», но все же упрек.²⁴³ Олимпиодор (в этом редком случае расходясь с Златоустом) толковал эти слова в выгодном для Иова смысле (цитируем по рус. пер. с греч.): «Итак, говорит Он: полагаешь ли ты, Иов, что скрыт от меня? Знаю [всё о тебе], когда ты подвизаешься добрыми подвигами пред лицом Нашим, ничто касающееся тебя от Меня не скрыто. Не потому, что Иов именно что-то такое предполагал, что от Бога касающееся Его скрывал, но, ободряя его, как к другу, говорит [ему]: думаешь от Меня скрыть? или предполагаешь, что Я не знал о твоих сражениях? Я хорошо знаю твое беспорочное внутреннее расположение, если даже [ты] молчишь, если даже неясными пользуешься словами».²⁴⁴

В еврейском тексте и латинском переводе этот стих (Иов 38:2) читается по-другому, как обвинение и насмешка: «*Quis est iste involvens sententias sermonibus imperitis?*» (рус. синод. пер.: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?»). Папа Григорий I Великий (Двоеслов) считал, что эти слова относятся не к Иову, а к только что умолкшему его обвинителю Елиую и обличают высокомерие последнего.²⁴⁵ Ломоносову это суждение могло быть известно. В его оде Бог говорит только с Иовом («Внимай, коль в ревности ужасно / Он к Иову из тучи рек...»), уже поэтому стих, относящийся, может быть, не к нему, Ломоносов должен был пропустить. Однако, скорее всего, он это сделал из-за самого факта наличия разных вариантов этого стиха в

²⁴³ «Эти слова приводят, мне кажется, к заключению, что у него на уме было нечто другое. Поелику мысль Иова занимало многое, чего он не осмеливался высказать, то наперед от этого освобождает его и показывает, что промышляет о делах человеческих и все ясно видит. Начинает речь от того прежнего, что особенно было непростительно. Ведь, если тяжело и нестерпимо было то, что осмелился сказать, то тем более – то. Поэтому предлагает врачество к этому прежнему. *Кто сей*, говорит, вначале показывая расстояние между Богом и человеком и как бы говоря: скажи Мне, кто решается скрывать от Меня, точно знающего сокровенное? Разве это не слова, если ты не произнес их? Родилось (в уме) и стало словом. Поэтому напрасно скрывать то, чего нельзя скрыть. Видишь, как говорит кротко, исправляя и обличая» (Иоанн Златоуст. Отрывки на (книгу) блаженного Иова // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.12. Кн.3. – СПб., 1906. – С.1082).

²⁴⁴ Норкин К. Указ соч. [электронный ресурс: URL: <http://www.pravoslavie.ru/64067.html> (дата обращения: 20.08.2016)]

²⁴⁵ «Как часто бывает с тем, кто плохо говорит хорошее, а плохое говорит хорошо, так и Елиуй с его высокомерием правильное говорит неправильное, потому что в защиту Бога он надменно говорит о смиренном. Потому он заслуженно воплощает образ тех, кто ищут похвалы, кто, считая себя превосходящими остальных, сами достойны обвинения в незнании суда Божьего...» (Григорий Великий. Толкование на Книгу Иова, или Нравственные толкования (Моралии) (28.1); цит. по: Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С.233).

славянском (греческом) и латинском (еврейском) тексте (ср. его замечание о 103 псалме в письме В.Н. Татищеву от 27 января 1749 г.). К тому же обвинительный уклон варианта стиха, принятого в западных переводах, противоречил толкованиям Златоуста и Олимпиодра, опираясь на которые, Ломоносов акцентировал дружественное и покровительственное отношение Бога к Иову.

Европейские авторы склонны были расставлять акценты иначе, показывая, что Бог гневается на Иова. Повод для этого, в частности, и давал пропущенный Ломоносовым стих (если не считаться с мнением папы Григория Великого, не имевшим, по крайней мере, для протестантов решающего значения). Именно так расставил акценты Э. Юнг в своей «Парафразе части Книги Иова» (“A Paraphrase on Part of the Book of Job”, 1719). Бог у него начинает свою речь с обвинений и угроз. Он не ободряет, а стыдит и устрашает Иова:

Who gives his tongue a loose so bold and vain,
Censures my conduct, and reproves my reign?
Lifts up his thoughts against me from the dust,
And tells the world's Creator what is just?
Of late so brave, now lift a dauntless eye,
Face my demand, and give it a reply:
Where didst thou dwell at nature's early birth?
Who laid foundations for the spacious earth?²⁴⁶

Ср. в переводе С.С. Джунковского (1799): «Кто дерзким своим и суесловным языком порочит мои дела и оуждает мое правление? из праха возвышает противу меня свои мысли? и не ужасается учить Создателя мира тому, что справедливо? Ты, быв недавно толико мужественный, возведи неустрашимое свое око; стань предо мною лицом к лицу и мне отвечай: Где ты обитал при рождении природы? Кто положил основания пространной земли?»²⁴⁷

С обвинения и устрашения речь Бога начинается и в написанной в состязании с Ломоносовым (и, возможно, не без влияния Юнга) оде Н.П. Николева (1795): «Исполня гласом мира слухи, <...> Да познает неправда гнев...» (см. о ней ниже – гл.2).

²⁴⁶ *Young E.* A Paraphrase on Part of the Book of Job. – London, 1719. – P.4 (verses 185–192).

²⁴⁷ *Юнг Э.* Вольное переложение некоторых мест из книги Иова / <Пер. С.С. Джунковского> // Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г. Йонга, с присовокуплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью, и 3) Вольного переложения из книги Иова, творения сего же знаменитого писателя. Вновь переведено с аглинского подлинника с описанием жизни сочинителя, многими новыми примечаниями и с двумя гравированными картинами: [В 2 ч.]. – СПб.: Тип. Г[ос.] М[ед.] коллегии, 1799. – Ч.2. – С.438.

В оде Ломоносова Бог никакого гнева на Иова не выражает. Это объясняется двумя причинами: 1) его ода написана не для опровержения ложных мнений о Боге и унижения человеческой гордости (как у Юнга и Николева), а для утешения находящимся «в горести» и внушения им бодрости и надежды; 2) Ломоносов опирается на толкования Златоуста и Олимпиодора, настаивавших на том, что Бог говорит с Иовом «как с другом» и являет ему Свое благоволение.

Пользуясь правами свободного переложения, из исходного текста Ломоносов выбирал только то, что считал нужным, но все же именно толковал его, причем в согласии с православной экзегетической традицией. В первой строфе переложения (в оде она вторая) это прослеживается совершенно отчетливо.

2

Збери свои все силы ныне,
 Мужайся, стой и дай ответ.
 Где был ты, как Я в стройном чине
 Прекрасный сей устроил свет;
 Когда Я твердь земли поставил
 И сонм небесных сил прославил
 Величество и власть Мою?
 Яви премудрость ты свою!

(VIII, 387)

В Книге Иова на этом месте только два стиха: «Препояши яко муж чресла твоя: вопрошу же тя, ты Ми отведай. Где был еси, егда основах землю? Возвести ми, аще веси разум» (38:3–4). У Ломоносова этому тексту точно соответствуют только начальные слова второго и третьего стиха и стихи пятый и восьмой: «*Мужайся <...> Где был ты <...> Когда Я твердь земли поставил <...> Яви премудрость ты свою!*» Шестой стих – «*И сонм небесных сил прославил*» – является парафразой второй половины позднее идущего библейского стиха: «Егда сотворены быша звезды, *восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои*» (Иов 38:7) (первую его половину – «егда сотворены быша звезды» – Ломоносов развил в следующую оригинальную строфу о творении звезд, солнца и луны).

Прочие стихи в приведенной строфе не являются простой амплификацией, а служат целям толкования исходного текста: поэт поясняет, уточняет и формулирует основную идею. «*Збери свои все силы ныне, мужайся, стой...*» – это пояснение к словам «пропояши яко муж чресла твоя». Бог начинает не с устрашения Иова, а со слов ободрения и поддержки, призывая его внутренне собраться и укрепиться. Слова седьмого

стиха – *«Величество и власть Мою»* – служат уточнением, какие именно свойства Бога прославили в начале творения мира ангелы, названные «сонм небесных сил».²⁴⁸ *«Я в стройном чине прекрасный сей устроил свет»* – это формулировка важнейшей для Ломоносова идеи, что мир был устроен премудро и наилучшим образом. Качественные характеристики – «стройный», «прекрасный» – в этом месте Книги Иова, как отмечал И.З. Серман, отсутствуют.²⁴⁹ Они принадлежат Ломоносову, но тоже толкуют слова Священного Писания, только не из Книги Иова, а из Книги Бытия, где похоже оцениваются дела творения: *«И виде Бог вся, елика сотвори: и се добра зело»* (Быт 1:31).

С библейским текстом Ломоносов обращается не произвольно, а сообразуясь с его буквой и духом. По общему смыслу первая строфа его переложения согласуется с тем, как толковал положенные в ее основу два библейских стиха Иоанн Златоуст: *«Поскольку Иов был низвержен отчаянием, Бог ободряет его этими словами, чтобы он внимал тому, что говорится, и вводит речь Свою в форме вопросов, что есть лучший способ опровержения. Прежде всего, Он показывает, что все творит премудро и разумно и что невозможно Тому, кто делает столько вещей премудро и разумно, презреть человека, ради которого все устроено, притом страдающего, как в этом случае. “Что ты говоришь?” – говорит [Бог]».*²⁵⁰

По Олимпиодору, *«научавает же нас Бог к своему другу беседа якоже Творец всем есть, и яко недосыжима глубина Того премудрости».*²⁵¹ У Ломоносова Бог тоже показывает, что весь этот мир и все в этом мире сотворил Он и что только Ему ведомы все его тайны, а человеческие знания и возможности ограничены. Первая строфа переложения заканчивается ироническим обращением к Иову:

Яви премудрость ты свою!

Так Ломоносов передал стих *«возвести ми, аще веси разум»* (Иов 38:4; рус. пер.: *«скажи, если знаешь»*). Слово *«премудрость»* есть у Олимпиодора в комментарии к этому

²⁴⁸ В рукописи был там же отвергнутый вариант: *«И <чин> небесных сил прославил»* (VIII, 387).

²⁴⁹ Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. – Л.: Наука, 1966. – С.47–48.

²⁵⁰ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т.6: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С.233. Славянский перевод этого и других фрагментов комментариев Златоуста см. в названной рукописной книге конца XVII в.

²⁵¹ На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. [Б.м.], конец XVII в. Л.344 [электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004972107> [дата обращения: 20.08.2016]. Это слова из толкования к стиху 38:4 (*«Где был еси, егда основах землю? Возвести ми, аще веси разум»*); ср. в рус. пер. с греч.: *«Когда унывал ты, говорит, потому что не знал исхода происшедшего с тобой и основания твоей борьбы, вот спрашиваю тебя и о многом другом, смысла чего ты не знаешь. Учит же нас Бог, разговаривая со Своим собственным другом, что Создатель всего Он есть и что недосыгаемы глубины Его собственной мудрости»* (Норкин К. Указ. соч. [электронный ресурс: URL: <http://www.pravoslavie.ru/64067.html> (дата обращения: 20.08.2016)]).

стиху, где оно употреблено в отношении к Богу: «яко недосыжима глубина Того премудрости». Ирония Ломоносова в том и состоит, что он прилагает это слово к человеку. Он это делает не для того, чтобы унижить человеческий разум, а чтобы указать на его несоизмеримость с «премудростью» Творца. Человек не обладает ею и не может достичь собственными усилиями (о чем, кстати, говорит Иов в одной из своих речей²⁵²). «Премудрость» – это то, что может быть только даровано свыше, о чем можно только просить Бога. В «Утреннем размышлении» Ломоносов это и делает, обращаясь к Богу с молитвой: «Творец! покрытому мне тмою / Пошли премудрости лучи...» Он просит не даровать ему премудрость, а только озарить ее лучами, т.е. на обладание всей «премудростью» он и не претендует, в чем обнаруживает свою скромность и смирение. На этом фоне выражение «уста премудрых нам гласят» (в «Вечернем размышлении») звучит не менее иронично, чем слова Бога Ломоносова к Иову: «Яви премудрость ты свою!»

Далее поэт влагает в уста Бога целую строфу собственного сочинения, которой в исходном тексте соответствует только полстиха («Егда сотворены быша звезды...»):

3

Где был ты, как передо Мною
 Безчисленны тмы новых звезд,
 Моей возжженных вдруг рукою,
 В обширности безмерных мест
 Мое Величество вещали,
 Когда от солнца возсияли
 Повсюду новые лучи,
 Когда взошла луна в ночи?

(VIII, 388)

В этой строфе Бог Ломоносова начинает говорить о явлениях *видимого* мира, тогда как в предыдущей речь шла невидимом, первоначальном. Там «твердь земли»²⁵³ и «сонм небесных сил» отсылали к первому стиху Книги Бытия: «В начале сотвори Бог небо и землю». Подтверждение этому тоже можно найти у Олимпиодора. К стиху «Егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои» (Иов 38:7) он

²⁵² «Премудрость же откуда обретется? И кое место есть ведения? Не весть человек пути ея, ниже обретется в человецех. <...> Премудрость же откуда обретется? И кое место есть разуму? Утаися от всякаго человека, и от птиц небесных скрыся. <...> Бог благо позна ея путь: Сам бо весть место ея. Ибо Сам поднебесную всю надзирает, ведый, яже на земли, вся, яже сотвори» (Иов 28:12–13, 20–21, 23–24). О переложении этого отрывка у Е.Л. Милькеева см. ниже (3.4).

²⁵³ О выражении «твердь земли» у Ломоносова см.: *Серман И.З.* Указ. соч. – С.48–50 (аллюзия на Быт 1:1 здесь не отмечается).

дал такое толкование: «Отсюду навикнем, прежде чувственного мира святым ангелам быти, удивляющемся о коемуждо содетельствуемых и воспевати сих же и тех Творца».²⁵⁴ Ломоносов разбил библейский стих на две части, причем вторую половину переложил в первой строфе («и сонм небесных сил прославил») именно потому, что в ней шла речь о том, что было до «чувственного мира». Речь Бога в его переложении строится по принципу шестоднева, поэтому и понадобилось включить в нее оригинальную строфу о творении светил небесных, также как в конце этой речи – прибавить еще одну строфу собственного сочинения (13-ю) о творении человека (о ней см. ниже – 1.6).

Со строфы о творении звезд, солнца и луны начинается речь об устройении вселенной. Это физико-геологическая тема, которая была затронута в предшествующем оде «Преложении псалма 145» и которой посвящены следующие два «Размышления» (см. выше – 1.2). Как и в этих стихотворениях, здесь Ломоносов представляет вселенную как безграничную и до конца непознаваемую: «бесчисленные сонмы звезд», «в обширности безмерных мест» (ср.: «Несчетно многими звездами / Наполнившего высоту / И непостижными делами / Земли и моря широту...» [«Преложение псалма 145»]; «Но взор Твой в бездну проникает, / Не зная никаких предел» [«Утреннее размышление»]; «Открылась бездна, звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна» [«Вечернее размышление»]).

Число и *мера* – символы точных наук. Вслед за ироническим призывом «яви премудрость ты свою!» Бог Ломоносова употребляет слова «бесчисленные» и «безмерные» (повод для этого, возможно, был дан стихом Иов 38:5: «Кто положи меры ея <земли>, аще веси? Или кто наведый вервь на ню?»). Тем самым утверждается, что научное познание природы принципиально ограничено. Строфа о творении светил небесных подходит для иллюстрации приведенной Ломоносовым в «Риторике» энтимемы «тварей исследовать не можем, следовательно, и творец есть непостижим» (VII, 315; здесь она проиллюстрирована «Вечерним размышлением»).

Тема *научного познания* мира, намеченная в этой оригинальной «астрономической» строфе, в ней же практически и исчерпывается (в дальнейшем данной темы касаются только стихи в 6-й строфе: «И счел ли чуд разнообразных / Стада, ходящая по дну?»). В следующих строфах переложения Бог говорит не о том, что человек не может до конца познать (посчитать и измерить) Его творения, а о том, что они неподконтрольны человеку, Богу же подчиняются во всем и всегда.

²⁵⁴ На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. [Б.м.], конец XVII в. Л.345–346. Ср. в рус. пер. с греч.: «Здесь мы научаемся, что святые ангелы существуют до чувственного мира, восхищающиеся каждому из творений и поюшие Творца их» (Норкин К. Указ соч.).

4

Кто море удержал брегами
 И бездне положил предел,
 И ей свирепыми волнами
 Стремиться дале не велел?
 Покрытую пучину мглою
 Не Я ли сильною рукою
 Открыл и разогнал туман
 И с суши сдвинул Океан?

(VIII, 388)

Слово «бездна» косвенно напоминает о «неизмеримости» вселенной²⁵⁵ (ср. в «Вечернем размышлении»), но в целом в этой строфе утверждается другая идея: Бог всемогущ и постоянно *властвует* над своим творением (а не только предписал ему законы). Так в свое время это и понимали читатели оды, что отразилось, например, в стихотворении А.А. Волковой на петербургское наводнение 1824 г., являющемся одним из источников пушкинского «Медного всадника»: «Кем с суши сдвигнут океан, / Тот может взнести его на горы...»²⁵⁶ На ту же строфу отмечалась аллюзия в стихотворении Пушкина «Кто, волны, вас остановил...» (1823).²⁵⁷

Идея *власти* Творца над творением выражена в этой строфе словами самого Ломоносова. Ср.: «Заградих же море враты, егда изливашеся из чрева матере своя исходящее: положих же ему облак во одеяние, мглою же пових е: и положих ему пределы, обложив затворы и врата: рех же ему: до сего дойдеси и не прейдеси, но в тебе сокрушатся волны твоя» (Иов 38:8–11). И.З. Серман заметил, что Ломоносов «...отбросил “затворы” и “врата” библейского текста, так как они придают всему событию, условно говоря, какой-то бытовой характер, и оставил самую “суть” события».²⁵⁸ Это замечание исследователь, к сожалению, не развил. Вероятно, под «сутью» он подразумевал то, что отделение моря от суши было актом Творческой воли. У Ломоносова это выражено глаголами «удержал», «положил», «не велел», «открыл», «разогнал», «сдвинул», что «по

²⁵⁵ Ср. комментарий автора XIX в.: «Слово – *бездна* – здесь опять употребляется в значении неизмеримости предмета для человека. Во всей этой строфе речь идет о хаотическом состоянии планеты, когда Творец только еще отделял стихии от стихий» (*Говоров К.* Разборы литературных образцов: (Две пробные лекции по русской словесности). II. Ода Ломоносова, выбранная из Иова // Филологические записки. – Воронеж, 1868. – Вып.1. – С.22).

²⁵⁶ *Волкова А.А.* На случай наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 1824 года ноября 7 // *Сын Отечества*. – 1824. Ч.98. №52. С.273. Об этом стихотворении см. ниже в гл.12.

²⁵⁷ *Чижов А.Г.* «...Как говорит Бог Иова или Ломоносова» // *Временник Пушкинской комиссии*. – Вып.24. – Л.: Наука, 1991. – С.143–144.

²⁵⁸ *Серман И.З.* Указ. соч. – С.50–51.

сути» соответствует исходному тексту: «заградих», «положих» (дважды), «пових», «обложив», «рех». Однако некоторым другим словам находится точное соответствие в Книге Иова, только в другой редакции славянского перевода – в тех же комментариях Олимпиодора.

В цитированной выше рукописной книге конца XVII в. стих Иов 38:8 читается иначе, чем в Елизаветинской Библии: «Оградих же море дверми, егда *устремляяшеся* от чрева матери своя исходяше». В комментарии Олимпиодора выделенное слово повторено: «*Устремляяшеся сиречь устремителне имяше*». Здесь же дважды употреблено слово «бездна»: «Да соймется вода в сонм един, матерь же тому, *бездну* глаголет <...> ...излияся убо яко младенец спешно, отторгнутися *бездны*».²⁵⁹ То, что у Ломоносова «бездна» способна «стремиться», возможно, есть результат контаминации употребленных в данном переводе и комментариях слов (впрочем, «бездна» как синоним моря встречается ниже и в самой Книги Иова [38:12]).

Эпитет «свирепые» («И ей свирепыми волнами / Стремиться дале не велел») поэт привнес от себя, но не исключительно для поэтической выразительности, а для того чтобы акцентировать мысль о *силе и власти* Бога, обуздывающего «свирепые волны» «бездны» моря. Ср. в толковании Иоанна Златоуста: «Он сдерживает море столь прочно, будто запорами, и столь легко, будто дал повеление. <...> Он не позволил ему быть спокойным и кротким, чтобы оно возвещало Божию силу, поскольку природа враждует с его заповедью, но заповедь повсюду побеждает. Ибо, если бы вода оставалась спокойной, многие отнесли бы это благочиние к природе самой воды. Ныне же, когда оно волнуется, бушует, вздымается изнутри, однако не может перейти пределы, оно возвещает этим волнением силу Божию».²⁶⁰

Далее в трех строфах Бог Ломоносова говорит о том, что Он *повелевает* всем своим творением и всеми стихиями:

5

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветер направить,

²⁵⁹ На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. [Б.м.], конец XVII в. Л.346. Слово «устремляшеся» здесь же еще раз встречается в комментарии Иоанна Златоуста (чуть ниже см. этот фрагмент в русском переводе).

²⁶⁰ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т.6: Книга Иова. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С.234.

Чтоб в пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?

6

Стремнинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящая по дну?
Отверзлись ли перед тобою
Всегдашнею покрыты мглою
Со страхом смертныя врата?
Ты спер ли адовы уста?

7

Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух огустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясушим треском
Концы вселенной колебать,
И смертным гнев свой возвещать?

(VIII, 388–389)

В этих строфах стихи из 38-й главы Книги Иова отразились не по порядку, а вразнобой (в том числе внутри строф).

В строфе 5: «Или при тебе составих свет утренний, денница же весть чин свой...» (38:12), «Кто же уготова дождю велию пролияние, <...> одождити на землю, <...> и прозябнути исход злака?» (38:25–27), «...ятися крил земли, оттрясти нечестивыя от нея?» (38:13).

В строфе 6: «Пришел же ли еси на источники моря, во следах же бездны ходил ли еси? Отверзаются же ли тебе страхом врата смертная, вратницы же адовы видевшие тя убояшася ли?» (38:16–17).

В строфе 7: «Кто же уготова дождю велию пролияние, и путь молнии и грома» (38:25), «Кто есть дождю отец? <...>» (38:28), «*Веси же ли пременения небесная <...>? Призовеши же ли облак гласом? <...> Послещи же ли молнии, и пойдут? <...>*» (38:33–35), «<...> Лице нечестива кто устраши?» (38:30).

Выделенный курсивом текст (Иов 38:33–35) как источник 7-й строфы указал А.С. Шишков, дав ей такую оценку: «Прекрасное распространение мыслей, достойное

пера великого Стихотворца; но в подлиннике краткие сии слова не заключают ли в себе всей силы сего вопроса: *Веси ли прменения небесная?* < и т.д.>.²⁶¹ Однако, как видно, он указал не все соответствия переложения оригиналу.

Из строф 6–8 только 6-я строфа является переложением связного отрывка из библейского текста. В 5-й и 7-й строфах есть лишь разрозненные отсылки к нему. Это объясняется тем, что они являются стихотворной парафразой прозаического текста самого Ломоносова – «заключения» в §271 его «Риторики», относящегося к условному силлогизму, которым доказывается, что *«видимый мир от разумного существа устроен»*²⁶²:

«Сего ради нет никакого сомнения, что видимый сей мир устроен от существа разумного... <...> Делаящие землю и ожидающие плодов от труда своего, *припадайте пред посылающим дождь на нивы ваши* и согревающим те солнечною теплотою. *Плавающие по водам, восклицайте со усердием к открывшему вам пространный и скорый путь в отдаленные страны для пользы вашей и к устремляющему дохновением своим корабли ваши.* <...> И вы, удостоенные взирать в книгу непоколебимых естественных законов, возведите ум ваш к строителю оных и с крайним благоговением его благодарите, открывшего вам феатр премудрых дел своих, и чем больше оные постигаете, тем вяще со страхом его превозносите. <...> Погруженные варварским невежеством или сластями плотскими во глубине неверия, возникните и обратитесь, рассудив, что *может вас живых во ад низвергнуть колеблющий иногда основания земли, потопить водами разливающий моря и реки, истребить пламенем возжигающий горы прикосновением своим, поразить молнией покрывающий небеса тучами. Кто мещет гром, тот есть: безбожники, вострепещите»* (VII, 324–326; курсив мой – В.К.).

В этом «заключении», как и в 5-й и 7-й строфах «Оды, выбранной из Иова», речь идет о том, что Бог повелевает стихиями целенаправленно и «на пользу» людям. Он проливает дождь на нивы для трудящегося земледельца, направляет ветер, приводящий к цели отважного «пловца» («плавающих по водам»). Он колеблет основания («тяготу») земли, трясет и «возжигает» горы (вулканы), закрывает солнце и небеса тучами и «мещет»

²⁶¹ Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка <1803> // Шишков А.С. Собр. сочинений и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.2. – СПб.: Тип. Имп. Росс. акад., 1824. – С.67. С 7-й строфы Шишков начал свой разбор оды Ломоносова.

²⁶² «Ежели что из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно, видимый мир от разумного существа устроен» (VII, 319). Силлогизм заимствован из трактата Цицерона «О природе богов» (II: 97, 139–140, 142) (отмечено комментаторами ПСС: VII, 837). Источник цитируемого далее «заключения» неизвестен.

из них гром и молнии – для наказания безбожных и вразумления всех смертных. За действиями стихий стоит воля «разумного существа» – разум и воля Бога.

В приведенных текстах нетрудно заметить не только идентичность образов (ветер, дождь, молния, землетрясение), но и повторяющиеся слова. То, что в «Риторике» служило доказательству *бытия* Творца «видимого мира», в контексте переложения речи Бога к Иову доказывает Его непрекращающуюся *власть* над творением и что «Он все на пользу нашу строит».

Показательно, что, говоря о землетрясениях и молниях, входивших в круг его специальных научных интересов, Ломоносов не ввел ни малейшего намека на возможность для человека изучать их и как-то защищаться от них. Он не сделал этого не потому, что в момент сочинения оды забыл, например, о волновавшей его проблеме громоотвода, а потому, что это была тема посторонняя для Книги Иова, а следовательно излишняя в переложении из нее. Право человека защищаться от угроз стихии Ломоносов специально обсуждает, например, в «Письме о пользе Стекла» (1752),²⁶³ а в «Оде, выбранной из Иова» акцентирует ту же, что в библейской книге, мысль: один Бог контролирует стихии природы, а человеку это не под силу. Вопросы «возмог ли ты...», «можешь ли...» в оде исключительно риторические.

В переложении из Книги Иова Ломоносов воздерживается от развития любимой мысли о праве науки исследовать природу и овладевать ею, потому что речь идет об отношениях не природы и человека, а Бога и человека. Он склоняет к мысли, что, познавая стихии природы, человек должен приходить к познанию величия Творца и собственной ограниченности.

В последних строках 5-й и 7-й строф Бог предлагает Иову попытаться «сопхнуть» с земли безбожных и «смертным гнев свой» возвестить. Это соответствует отмеченным выше стихам из 38-й главы Книги Иова (38:13; 38:30), но также и стихам из 40-й главы: «Еда мышца ти есть на Господа, или гласом на Него гремиши? Приими же высоту и силу, в славу же и в честь облецыся: пусти же Ангелы гневом и всякаго укорителя смири,

²⁶³ «Что может смертным быть ужаснее удара, / С которым молния из облак блещет яра? / Услышав в темноте внезапной треск и шум / И видя быстрый блеск, мятется слабый ум, / От гневнаго часа желает гдеб укрыться, / Причины онаго исследовать страшится, / Дабы истолковать что молния и гром, / Такие мысли все считает он грехом. / “На бичь, – он говорит, – я посмотреть не смею, / Когда грозит Отец нам яростью своею”. / Но как Он нас казнит, подняв в пучине вал, / То грех ли то сказать, что ветром Он нагнал? <...> Подобно надлежит о гrome разсуждать. <...> Но блеск и звук его, не дав главы поднять, / Держал ученых смысл в смущении толиком, / Что в заблуждении теряли путь великом / И истинных причин достигнуть не могли, / Поколе действ в Стекле подобных не нашли.<...> Мы можем отвратить от хранин наших гром» (VIII, 520–521).

величава же угаси и согной нечестивыя абие: скрый же в землю вне вкупе и лица их безчестия исполни. Исповем, яко может десница твоя спасти» (Иов 40:4–9).

Иоанн Златоуст комментировал эти стихи как резюмирующие предыдущее описание стихий: «Гром и прочее – не для показа [силы], но для богопознания. Посмотри, сколькими примерами Он изобличает скромность его природы, причем не говорит: “Ты мал”, но: “Я велик, и ты не можешь того, что Я”».²⁶⁴

У Ломоносова также в строфах 5–7 изображение превосходящих человеческую меру природных стихий служит иллюстрацией мысли о *несравнимости* Бога и человека (но не о ничтожестве последнего).

Вслед за этим в оде Бог предлагает взглянуть на представителей животного мира – орла, бегемота и левиафана.

8

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В водах и в пропастях глубоких
Что в пищу Я ему послал.
Толь быстро око ты ли дал?
(VIII, 390)

А.С. Шишков писал об этой строфе: «Ломоносов изобразил здесь единого орла; в подлиннике представлены в одинаком виде три различные птицы: ястреб, орел и неясыть, с приличными каждой из них свойствами: *ястреб*, распростерши крылья стоит неподвижно (какое свойственное сей птице дано положение и как прилично употреблен здесь глагол *стоит!*); *орел* возносится; *неясыть* вселяется на вершине каменных гор, в местах потаенных: отколе их издалече наблюдают, ищут брашна, снеди. Не взирая на прекрасное в Ломоносове изображение орла, не имеет ли подлинник своей красоты? Сверх того Ломоносов не все отличные места подлинника преложил в стихи; он не покусился изобразить коня, толь прекрасно и величаво там описанного...».²⁶⁵

Этот точный комментарий нуждается в дополнениях.

²⁶⁴ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т.6: Книга Иова. – С.247.

²⁶⁵ Шишков А.С. Указ соч. – С.68. См. также: Серман И.З. Указ соч. – С.51–52.

Во-первых, Шишков не счел нужным отметить (считая это само собой разумеющимся), что Ломоносов пользуется точными выражениями славянского перевода: «И *твою ли хитростию* стоит ястреб, *распротер криле* недвижимь, зря на юг? Твоим же ли повелением возносится орел, неясить же на гнезде своем сидя вселяется, на версе камене и в сокровене? Тамо же сый ищет брашна, издалеча очи его наблюдают» (Иов 39:26–29).

Во-вторых, он не пояснил, почему из трех птиц поэт выбрал именно орла. Может быть, тоже потому что причина могла казаться ему очевидной: он выбрал самую крупную и сильную птицу, представив ее первенствующей в воздухе. Описываемые далее бегемот и левиафан первенствуют по величине и мощи на суше и в океане. Ломоносов вводит строфу об орле *после* завершения слов о природных стихиях (а не среди них, как в подлиннике), чтобы в строгой последовательности представить сильнейших обитателей воздуха, суши и моря, причем так, что каждый следующий сильнее предыдущего.

От себя поэт добавил существенную деталь: Бог не только дал орлу «быстро око» для отыскания пищи, но именно Бог ему эту пищу и посылает: «...Что в пищу Я ему послал». Аналогичную вставку Ломоносов сделал в переложении 145 псалма: «...Дающего голодным пищу, / *Когда к Нему возопиют*».²⁶⁶ В обоих случаях он дает понять, что Бог печется о своих созданиях. Сходное добавление к стиху о ястребе (Иов 39:26) находим у Иоанна Златоуста: «“Как Бог назначил ему, – говорит, – парить в воздухе? *Как дал ему пищу?*” Ты видишь, о сколь многом он говорит в нескольких словах? Почему он не упомянул быка, овец и других подобных животных, но зверей бесполезных и существующих, казалось бы напрасно? Тем самым он хочет показать, что если такая мудрость и промысел проявляются в тех, которые, казалось бы, не совершают ничего полезного, то тем более в этих».²⁶⁷

От описания орла (ястреба), не совершающего, по Златоусту, «ничего полезного», Ломоносов переходит к описанию бегемота и левиафана, «польза» от которых еще менее очевидна.

²⁶⁶ См. об этом выше (1.2). Параллель к стиху «Что в пищу я ему послал» находится в другом месте Книги Иова: «Уловиши же ли лвам ядь, и души змиев насытиши ли? <...> *Кто же врану угодова пищу?* Птичици бо его ко Господу воззваша, облетающе брашна ищуще» (38:39, 41).

²⁶⁷ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т.6: Книга Иова. – С.244 (курсив мой – В.К.). Ср. начало этого фрагмента в цитированной рукописи конца XVII в.: «Како постави рече высоче того навоздухе? *Како пищу ему дает?*» (Л.353 ([электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004972107> [дата обращения: 20.08.2016])

§.1.5. Бегемот и Левиафан в переложении Ломоносова

Описанием бегемота и левиафана заканчивается речь Бога к Иову (40:10–41:26). В библейской экзегетике оно является естественнонаучной и богословской проблемой, поскольку, с одной стороны, не очень понятно, о каких животных идет речь, а с другой – существует традиция усматривать в нем иносказание, относящееся к дьяволу.²⁶⁸ В славянском переводе Книги Иова, сделанном с греческого, вместо транслитерированных в латинском переводе еврейских слов «бегемот» и «левиафан» стояли «зверь» («зверие») и «змий».²⁶⁹ Отчасти поэтому аллегорическое толкование этих образов в России никогда не пользовалось столь широкой, как на Западе, известностью, к тому же греческие толкователи не находили его особенно полезным. Так, Иоанн Златоуст предпочитал говорить о них как о «чувственных диких зверях».²⁷⁰

У Ломоносова описанию бегемота и левиафана посвящены строфы 9–12, причем сами эти слова в русской печати он употребил едва ли не впервые (по крайней мере, первое из них²⁷¹).

Однажды, протестуя против буквального понимания образных выражений Библии об устройстве физического мира, Ломоносов напомнил: «Священное Писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом» (IV, 372). В «Оде, выбранной из Иова» он, однако, иносказательным смыслом описания бегемота и левиафана пренебрег, хотя и опирался на западную традицию, используя сами эти слова. Из целого ряда удивительных существ, о которых Бог говорит Иову, Ломоносов для

²⁶⁸ См.: Махов А.Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы христианской демонологии. Опыт словаря. – 2-е, испр. изд. – М.: Intrada, 2013. – С.231–234. В христианской традиции первое развернутое аллегорическое толкование образов бегемота и левиафана дал папа Григорий I Великий (Двоеслов) (540–604) в книге «Expositio in librum Iob sive Moralia» («Толкование на Книгу Иова, или Нравственные толкования», в 35 кн.).

²⁶⁹ Левиафан в Библии упоминается еще несколько раз (Пс 73:14; Пс 103:26; Ис 27:1; Иов 3:8; 3 Езд 6:49–52), причем в славянском переводе в двух случаях это слово переведено не как «змий», а «драконт» (Ис 27:1) и «великий кит» (Иов 3:8). Вместе с левиафаном еще один раз встречается и бегемот – в Третьей книге Ездры (6:49–52), которой нет ни на еврейском, ни на греческом языках. Славянский перевод этой книги, как и все прочие, сделан с Вульгаты, но в нем они названы «енох» и «левиафам» <так!>.

²⁷⁰ «...Потом говорит о двух из них <чувственных диких зверях>, один из которых живет на суше, а другой – в воде, в море. Не безызвестно нам, что многие разумеют в этих словах дьявола, понимая в иносказательном смысле (κατά ἀναγωγήν). Однако нужно наперед заботиться об истории, а когда можно принести пользу слушателю и иносказательным объяснением, то не следует пренебрегать и им» (Иоанн Златоуст. Отрывки на (книгу) блаженного Иова // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. Т.12. Кн.3. СПб., 1906. С.1087).

²⁷¹ В «Словаре Академии Российской» (Ч.1: от А до Г. – СПб., 1789. – С.119) на слово «бегемот» есть только один пример – из Ломоносова. В современном «Словаре русского языка XVIII века» (Вып.1: А–Безпристрастие. – Л.: Наука, 1984.– С.155) тоже пример из Ломоносова (и из пояснений Шишкова к его оде).

своего переложения отобрал только орла, бегемота и левиафана и изобразил их как первенствующих, соответственно, в воздухе, на суше и в море.

9

Возри в леса на Бегемота,
 Что Мною сотворен с тобой;
 Колючей терн его охота
 Безвредно попирает ногой.
 Как верьви сплетены в нем жилы.
 Отведай ты своей с ним силы!
 В нем ребра как литая медь;
 Кто может рог его сотреть?
 (VIII, 390)

Что речь идет именно о животном, можно понять из выражения: «Мною сотворен с тобой...» Я.Б. Княжнин усмотрел в нем стилистическую погрешность: «*Мною сотворен с тобою*, кажется, что вместе сотворен бегемот с Иовом. Стихотворец хотел сказать: который сотворен Мною же, равно как и ты; а потому мысль его несвойственным речением запутана и темна».²⁷² В том же смысле высказался и автор XIX в.: «*Мною сотворен с тобой* – можно понять эту фразу и так, как понимал ее сам Ломоносов, т.е. что Бог сотворил и бегемота и Иова; но, по грамматической форме слов, ее можно понять и так, что Бог и Иов вдвоем сотворили бегемота».²⁷³

Не исключено, что Ломоносов неудачно передал фразу из латинского перевода: «*Ecce behemoth quem feci tecum*» (40:10). Но вернее, кажется, понять его выражение как «сотворен Мною *в одно время* с тобой», т.е. в один и тот же День творения мира, а именно в День шестой, когда, по Книге Бытия, были сотворены животные и человек (Быт 1:24–31). В таком понимании оно оказывается не стилистической погрешностью, а элементом продуманного толкования библейского текста: это способ подчеркнуть, что речь идет не об одном из бесов (падших ангелов, сотворенных гораздо раньше), а о простом животном, хоть и очень сильном.

10

Ты можешь ли Левиафана

²⁷² <Княжнин Я.Б.> Примечания на сию оду // Разговор Ломоносова с Княжниним в Елисейских полях с приобщением примечаний на славную оду господина Ломоносова, выбранную из Иова. – СПб.: у Вильковского, 1793. – С.32.

²⁷³ Говоров К. Разборы литературных образцов: (Две пробные лекции по русской словесности). П. Ода Ломоносова, выбранная из Иова // Филологические записки. – Воронеж, 1868. – Вып.1. – С.24.

На уде вытянуть на брег?
 В самой середине Океана
 Он быстрой простирает бег;
 Светящимися чешуями
 Покрыт, как медными щитами,
 Копье и мечь, и молот твой
 Щитает за тростник гнилой.

11

Как жернов, сердце он имеет
 И зубы – страшный ряд серпов:
 Кто руку в них вложить посмеет?
 Всегда к сраженью он готов;
 На острых камнях возлегал
 И твердость оных презирает:
 Для крепости великих сил
 Щитает их за мягкой ил.

12

Когда ко брани устремится,
 То море, как котел, кипит;
 Как печь, гортань его дымится,
 В пучине след его горит;
 Сверкают очи раздраженны,
 Как уголь, в горниле раскаленный.
 Всех сильных он страшит, гоня.
 Кто может стать против меня?

(VIII, 390–391)

Речь Бога в переложении Ломоносова организована по принципу шестоднева, рассказа о шести днях творения. Для полноты картины мироздания он ввел в эту речь две оригинальные строфы о творении светил небесных (3-я) и человека (13-я), не имеющие соответствия в Книге Иова. Три строфы о Левиафане (10–12) следуют за описанием Бегемота и предшествуют строфе о человеке. О рыбах («стада, ходящие по дну») и птицах (орел), в соответствии с порядком Дней творения мира, в оде сказано раньше (строфы 6 и 8). Таким образом, Левиафан представляется не рыбой, а животным, сотворенным, как и Бегемот, в День шестой, но обитающим не на суше, а в океане:

В самой середине Океана
 Он быстрой простирает бег...

Ломоносов, как видно, думал о ките. Именно так он переводил слово «левиафан» («змий») в 103 псалме, что следует из его письма к В.Н. Татищеву от 27 января 1749 г.: «...принявшись предлагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности, например: “Змий сей, его же создал еси ругатися ему”, вместо: “се кит, его же создал еси презирати оное” (то есть море, его пространство)» (X, 462).²⁷⁴ Переводить слово «левиафан» как «кит» он мог с тем большей уверенностью, что в другом месте славянского текста Книги Иова оно и было переведено как «великий кит» (Иов 3:8).

В ученом мире Европы XVIII в. было распространено мнение, что в Книге Иова бегемотом назван гиппопотам, а левиафаном – нильский крокодил (а не слон и кит, как считали раньше).²⁷⁵ Это нашло отражение и в поэзии. В таком виде их представил, например, Э. Юнг в своем переложении из Книги Иова (“A Paraphras on Part of the Book of Job”, 1719) и дал соответствующие примечания. В точном русском переводе С.С. Джунковского (1799) первые строки его описания библейских животных выглядят так: «Бегемот мой кроток; хотя огромно его стремление тела, тих нрав; не имеет сердце его ярости, когда не раздражено. Сей житель вод подъемлет свою широкую ногу и полагает на бреге для искания пищи... <...> Пойди к *Нилу* и с плодоносных его берегов повергни уду в воздымающуюся влагу, и на тонком волосе вытяни *Левиафана*: и простири огромность его на отягченном песке...»²⁷⁶

²⁷⁴ Комментарий к переводу здесь слова «змий» см.: *Keipert H.* Курица не птица, а кит не змий. Zu M.V. Lomonosovs «Preloženie psalma 103» // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia. XVI–XVIII secolo. A cura di G. Brogi Bercoff, M. Di Salvo [u. a.]. – Alessandria, 1999. – S.349–374.

²⁷⁵ См.: *Богданов К.А.* О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. – М.: НЛЮ, 2006. – С.197–210. Это мнение распространилось после выхода книги Самюэля Бошара (Bochart, 1599–1667) о библейских животных «Hierozoicon, sive bibartitum opus de animalibus Sacrae Scripturae» (1663).

²⁷⁶ *Юнг Э.* Вольное переложение некоторых мест из книги Иова / <Пер. С.С. Джунковского> // Плач, или Ночные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г. Йонга, с присовокуплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью, и 3) Вольного переложения из книги Иова, творения сего же знаменитого писателя. Вновь переведено с аглинского подлинника <С.С. Джунковским> с описанием жизни сочинителя, многими новыми примечаниями и с двумя гравированными картинами: [В 2 ч.]. – СПб.: тип. Г[ос.] М[ед.] коллегии, 1799. – Ч.2. – С.454–455. К слову «Бегемот» здесь дана сноска: «Гиппопотам, или водяной конь»; к слову «Левиафан» – «Крокодил». В переводе И.Г. Рахманинова (1780), сделанном с французского перевода Пьера Летурнера (1769), бегемот и левиафан в самом тексте поэмы заменены «Лошадью» и «крокодилом» (см.: *Юнг Э.* Краткое изъяснение из Книги Иова / <Пер. И.Г. Рахманинова> // Ночные мысли и другие некоторые сочинения г. Юнга, с аглинского на французской, а с французского на российской язык переведенные И.Р. <И.Г. Рахманиновым>. – СПб.: при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, у Х.Ф. Клеэна, 1780. – С.70–71]). Поставленная на месте бегемота «Лошадь» («величаявая водная обитательница», чье «свойство... тихо и не имеет в себе никакой жестокости») в переводе Рахманинова довольно забавна, поскольку чуть выше у него шла речь о «храбром коне» (см.: Там же. С.67–68]; в переводе Летурнера в обоих случаях употреблен мужской род – «le cheval», см.: *Young E.* Paraphrase d'une partie du Livre de Job // Les Nuits d'Young, traduites de l'anglais par M. Le Tourneur. – Seconde edition. – Paris, 1769. – Т.2. – P.347, 349).

Ломоносовский Левиафан, обитатель океана, с крокодилом не имеет ничего общего. Все поэтические гиперболы в его описании могут быть отнесены к киту. Даже такая деталь, как «...зубы – страшный ряд серпов» (строфа 11), восходящая к библейскому тексту («окрест зубов его страх» [Иов 41:6]), может указывать не на крокодила, а на кита, поскольку таким может быть зрительное впечатление от китового уса (напомним, что Ломоносов с 10 лет ходил с отцом на морские промыслы).

С пониманием Бегемота как гиппопотама Ломоносов тоже не был согласен. Это видно из того, какие детали исходного описания он пропускает в своем переложении, а какие добавляет. Так, он пропускает упоминание о реке, из которой пьет Бегемот, об Иордане, устремляющемся «ко рту его» (Иов 40:18), и вообще умалчивает о болотистом характере местности, где обитает библейский зверь. Слабый намек на это был в рукописи: «Возри в луга на Бегемота» (VIII, 390). В печати поэт внес сюда изменение: «Возри в леса на Бегемота». В леса у Ломоносова превратились «тенистые деревья» среди тростников и «ивы при ручьях» (Иов 40:17). Вероятно, он думал о слоне или, скорее, о носороге²⁷⁷ и от себя добавил заключительный стих: «Кто может рог его сотреть?»²⁷⁸ В идентификации библейского бегемота с носорогом наш поэт и ученый был менее убежден, чем в случае с китом и левиафаном, поэтому «рог» у него появляется во фразе, которую можно понять иносказательно (т.е. «кто может его одолеть?»).

По мнению Ю.М. Лотмана, Ломоносов своей антидемонологической трактовкой образов бегемота и левиафана протестовал против истерического страха перед дьяволом, выразившегося не так давно в процессах над ведьмами в западных странах, а теперь (чего он якобы опасался) овладевавшего умами православного духовенства.²⁷⁹ Эта гипотеза правдоподобна, но не является единственным объяснением, почему он все-таки назвал Бегемота и Левиафана, вызывающих демонологические ассоциации, а не более нейтральных «зверя» и «змия» (или слона и кита). Сделать такой выбор Ломоносов мог, руководствуясь естественнонаучными и художественными соображениями.

²⁷⁷ А.С. Шишков первым отметил, что в оде Ломоносова описывается «слон или единорог» (Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка <1803> // Шишков А.С. Собр. сочинений и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.2. – СПб.: тип. Имп. Росс. акад., 1824. – С.70). С ним соглашался И.З. Серман, высказав также предположение, что в строфах о Левиафане Ломоносов учел описание «морской коровы» (*serenae Stelleri*), сделанное адъютантом Петербургской Академии наук Г.В. Стеллером, участником второй экспедиции В. Беринга (1733–1742) (см.: Серман И.З. Поэтический стиль Ломоносова. – С.55–60).

²⁷⁸ Ср.: «Возьмет ли кто его в глазах его и проколет ли ему нос багром?» (Иов 40:19). Славянский перевод в этом месте малопонятен: «Во око свое возмет его <Иордан>, ожесточився продиравит ноздри».

²⁷⁹ См.: Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова <1983> // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство–СПБ, 1996. – С.266–278.

Неопределенные «зверь» и «змей» его не устраивали своей безымянностью: в одном ряду с орлом ему нужны были конкретные сухопутное и морское животные.

В.К. Третьяковский и А.П. Сумароков в своих переложениях 103 псалма переименовали левиафана в кита.²⁸⁰ Так же, в принципе, мог бы поступить и Ломоносов в «Оде, выбранной из Иова», поскольку тоже считал его китом. Однако насчет перевода слова «бегемот» он, видимо, сомневался, а дать в одном ряду Бегемота и Кита не представлялось возможным. Так же странно выглядела бы пара Зверь и Кит. Оставался только один вариант: Бегемот и Левиафан. Его Ломоносов и предпочел (что было правильно и с точки зрения библейской экзегетики).

По словам Ю.М. Лотмана, «Бегемот и Левиафан, которым предшествующая культурная традиция присвоила облики демонов, вновь, как и в Ветхом завете, предстают лишь диковинными животными, самой своей необычностью доказывающими мощь творческого разума Бога».²⁸¹ Это действительно так, только нужно уточнить, что Ломоносов, отталкиваясь от одной (западной) культурной традиции, опирался на другую – с детства ему привычную православную (восточнохристианскую) традицию, в которой было принято говорить о них исключительно как о «чувственных диких зверях» (Златоуст). Полемика (если она имела место) велась не с «просветительских» и антиклерикальных, а напротив – со строго определенных конфессиональных позиций, с позиций Православия, в чем, возможно, отразились процессы «конфессионализации» в религиозном сознании русского образованного общества (мирян), вошедшего после петровских реформ «в поле современной ему европейской культуры»²⁸² (где эти процессы, противостоявшие секуляризации, начались раньше). Кроме того, Бегемот и Левиафан у Ломоносова не столь «диковинны», как в исходном тексте, и наделены чертами конкретных животных, о которых читатели должны были знать хотя бы понаслышке (ведь

²⁸⁰ У Третьяковского: «В пространном океане том / Бесчисленным гадам есть дом; / Живет там Малое с Великим, / Там плавают и корабли: / И Кит, что-сотворен-толиким, / В глуби играет и в мели» (*Trediakovskij V.K. Psalter 1753. Erstausgabe. Besorgt und kommentiert von. A. Levitsky; Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. – Paderborn; Munchen; Wien; Zurich: Ferdinand Schöningh, 1989. – S.267*); у Сумарокова: «Летают тамо корабли: / В пучину им пути пробиты: / И отдаленны от земли / В валах играют тамо киты» (*Сумароков А.В. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе: [В 10 ч.]. – М., 1781. – Ч.1. – С.151*). В переложениях 73 псалма слово «змей» они тоже передали как «киты», а с левиафаном поступили по-разному. Третьяковский: «Ты в водах главы разбил / Кита превеликим ею <силою Твоею – В.К.>: / Ты расшиб же и главу / Змейственному Крокодилу...» (*Trediakovskij V.K. Psalter 1753. – S.188*); Сумароков: «Разишь ты китов на водах, / Драконов сильных премогаешь...» (*Сумароков А.В. Указ соч. – Ч.1. – С.102*). Ср.: «Ты сокрушил головы змиев в воде; Ты сокрушил голову левиафана...» (Пс 73:13–14; в славянском тексте псалма в обоих случаях «змей», в латинском – драконы). Возможно, эти стихи 73 псалма наводили на Ломоносова сомнения относительно возможности отождествить левиафана из Книги Иова с китом.

²⁸¹ Лотман Ю.М. Указ. соч. – С.275.

²⁸² Хондзинский П., протоиерей. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. – М.: Издательство ПСТГУ, 2016. – С.21. Здесь же (с.18–21) см. о понятии конфессионализации, вошедшем в науку относительно недавно (в середине XX в.).

и в Книге Иова Бог указывает собеседнику на знакомые ему явления природы). А.С. Шишков (не оспаривая их идентификации со слоном или носорогом и китом) выражал недовольство тем, что Ломоносов не сказал о них чего-то еще более удивительного.²⁸³

Образ Левиафана, воинственного и непобедимого для других земных тварей, должен внушать мысль об абсолютной мощи и непобедимости его Творца, пекущегося о благе человека. Раз уж Тот, Кто создал Левиафана, «все на пользу нашу строит», значит ничто в этом не может Ему помешать:

Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против Меня?

Это заключительные стихи в ломоносовском описании Левиафана. Первый из них приблизительно соответствует последним словам в речи Бога к Иову: «Ничто же есть на земли подобно ему сотворено, поругано быти ангелы моими: все высокое зрит: сам же царь всем сущим в водах» (Иов 41:25–26; рус. пер.: «Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости»). Второй стих – точно соответствует ранее идущему в оригинале стиху: «...Кто бо есть *противляйся Мне*, или *кто противостанет Ми* и стерпит...» (Иов 41:1; в рус. пер. это стих 41:2: «...кто же может устоять перед лицом Моим?»), но вполне логично поставлен на место вывода из описания дивного библейского зверя.

В оде Ломоносова образы Бегемота и Левиафана должны «преклонять» читателей к мысли о «Божием величестве», но не о ничтожестве и бессилии человека, поскольку на его стороне сам Творец, который поддерживает его, укрепляет и служит ему надежной защитой.

Образы Бегемота и Левиафана в Книге Иова, как и в «Оде, выбранной из Иова», призваны продемонстрировать мощь Того, Кто сотворил этих грандиозных животных. Однако *зачем* они были сотворены? Иоанн Златоуст, полагавший, что все в мире устроено ради человека, отвечал на это следующим образом: «Для того он сотворил этих двух зверей огромными, чтобы ты узнал, что Он может все сделать таким, но не делает, потому

²⁸³ «Мне кажется, изображение крепости и сил толь огромного животного, каков есть слон или единорог, в стихах у Ломоносова не довольно соответствует изображению действия или употребления тех же самых сил его; ибо о таком звере, у которого *жилы как сплетенные верьви, ребра как литая медь*, мало сказать, что он *колючий терн безвредно попирает ногами*. Не отъемля славы у сего великого писателя, мнится мне, что надлежало бы сказать нечто более, нечто удивительнее сего» (Шишков А.С. Указ соч. – С.70–71). Конечно, и в описании левиафана он отдавал предпочтение библейскому оригиналу, поскольку там оно более «воспламеняет... воображение» и «не щадится ничего, могущего изображение сие соделать великолепным, паразитическим, страшным, чрезвычайным» (Там же. С.77).

что [все] сотворил для твоей пользы. <...> Какая от них польза? – скажет кто-нибудь. Мы точно не знаем тайную пользу этих зверей, но если нужно что-то ответить, [мы скажем], что они ведут нас к богопознанию».²⁸⁴

Переложение Ломоносова согласуется с этим выводом. Противоречия распространенному на Западе пониманию образов Бегемота и Левиафана (вернее, умалчивая о нем), оно полностью вписывается в восточнохристианскую традицию толкования Книги Иова, представленную в славянской письменности.

§1.5. Шестоднев и строфа о творении человека в «Оде, выбранной из Иова»

В Книге Иова речь Бога заканчивается описанием левиафана. В переложении Ломоносова к ней прибавлена строфа о творении человека:

13

Обширного громаду света
 Когда устроить Я хотел,
 Просил ли твоего совета
 Для множества толиких дел?
 Как персть Я взял в начале века,
 Дабы создать человека,
 За чем тогда ты не сказал,
 Чтоб вид иной тебе Я дал?

(VIII, 391–392)

В этой строфе как будто высказаны только две мысли: 1) человек не был участником творения мира, и в советах его Творец не нуждается; 2) человек сам является существом тварным. Обе мысли должны подразумеваться читателями как самоочевидные. Зачем же Ломоносов добавил эту строфу, нарушив композиционное соответствие подлиннику и ослабив концовку предыдущей строфы?

Этому можно предложить два объяснения.

Первое, в общем-то, лежит на поверхности: речь Бога в «Оде, выбранной из Иова» имеет структуру шестоднева, толкованию на шесть дней творения мира. Выбирая стихи из Книги Иова, Ломоносов в некоторых местах нарушает их последовательность ради

²⁸⁴ Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т.6: Книга Иова. Тверь: Герменевтика, 2007. – С.250.

большого соответствия порядку дней творения в Книге Бытия. Так, выше отмечалось, что один стих – «*Егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои*» (Иов 38:7) – он разбил на две части, и вторую использовал раньше первой. Смысл этой перестановки в том, что ангелов («сонм небесных сил») уместней было упомянуть в самом начале, говоря о первом дне творения. «*В начале сотвори Бог небо и землю*» (Быт 1:1) – это обычно толкуется как сотворение духовного мира (ангелов) и материи. Ломоносовское «*Когда я твердь земли поставил, / И сонм небесных сил прославил...*» отсылает именно к такому толкованию. Звезды же были сотворены позднее, поэтому о них говорится в следующей строфе, причем, в соответствии именно с Книгой Бытия (1:14–18), а не с Книгой Иова, тут же упомянуты солнце и луна: «*Когда от солнца воссияли / Повсюду новые лучи, / Когда взошла луна в ночи*». Сотворение светил небесных – это День четвертый, которому предшествовало создание «тверди», названной «небом» (День второй), отделение моря от суши и произведение растений из земли (День третий). Такая последовательность, вероятно, смущала Ломоносова, поэтому он, не будучи связан обязанностями перелазгателя собственно Книги Бытия, сначала поместил речь о творении звезд, солнца и луны, а уже потом о море и суше. За этим легко объяснимым исключением, Бог в ломоносовском переложении говорит о Своих созданиях, придерживаясь той последовательности, в которой, по Книге Бытия, они были сотворены: море и суша («*Кто море удержал берегами <...> И с суши сдвинул Океан*»), растения («*И нивы в день палящей жажды...*»), рыбы и пресмыкающиеся («*Счел ли чуд разнообразных / Стада, ходящие по дну?*»), птицы («*Твоей ли хитростью взлетает / Орел, на высоту паря?*») и, наконец, животные (Бегемот и Левиафан). В этом ряду не хватает только человека, специального описания которого нет в исходном тексте. Поэтому, для полноты картины мироздания, Ломоносов и добавил строфу о творении человека, в которой практически процитировал Книгу Бытия: «*Как персть Я взял <...> дабы создати человека*»; ср.: «*И созда Бог человека, персть взял от земли, и вдуно в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу*» (Быт 2:7).

Второе объяснение не столь очевидно, но оно связано с главной религиозной проблемой «Оды, выбранной из Иова» – с вопросом о страдании праведника, находящегося в руках Всемогущего Бога.

Строфа о творении человека считается оригинальной, между тем это не совсем так. Кроме Книги Бытия, ее источники находятся в Книге Иова и Послании к Римлянам апостола Павла, т.е. не только в Ветхом, но и в Новом Завете. Общим половинам строф, являющимся законченными предложениями, в них есть близкие соответствия.

Обширного громаду света
 Когда устроить Я хотел,
 Просил ли твоего совета
 Для множества толиких дел?

Ср. слова Елифаза Феманитянина к Иову: «Что бо? Еда первый от человек рожден еси? Или прежде холмов сгустился еси? Или строение Господне слышал еси? Или в советника тя употреби Бог?» (Иов 15:7–8).

У апостола Павла: «О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытаны судове Его, и неизследованы путие Его. Кто бо разуме ум Господень, или кто советник Ему бысть?» (Рим 11:33–34).

Как персть Я взял в начале века,
 Дабы создати человека,
 За чем тогда ты не сказал,
 Чтоб вид иной тебе Я дал?

Ср. в речи Бога к Иову: «Или ты, брение взем, от земли создал еси животное, и глаголиваго сего посадил еси на земли?» (Иов 38:14).²⁸⁵ Толкование Олимпиодора к этому стиху: «Еда ты рече о Иове, прием персть от земли созда человека? И словом того украси якоже аз?»²⁸⁶ Далее в речи Бога: «Не отвергай суда Моего: мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив» (Иов 40:3).²⁸⁷

²⁸⁵ В еврейском оригинале (масоретской редакции) этот стих читается иначе; рус. синод. перевод: «...чтобы земля изменилась, как глина под печатью, и стала, как разноцветная одежда» (Иов 38:14). Ср. в рус. переводе с греч.: «Или ты, взявши брение из земли, создал животное и поставил сего говорящего на земле?» (Юнгеров П.А. Книга Иова в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. – Казань: Центральная типография, 1914. – С.80; примеч. к первому полустиишу: «Гр. ζῶον – живое существо», ко второму: «Г.е. человека. Быт. 2, 7»).

²⁸⁶ На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. [Б.м.], конец XVII в. Л.348 ([электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004972107> [дата обращения: 20.08.2016]). Ср. «Олимпиодора, Севера и Златоуста. Разве, говорит, ты, Иов, взявши прах, смоченный водою, из земли создал человека? И украсил его словом, как Я? И открыл мир красоты? Из этого видно, что другие (животные) не имели разума (τὸ λογικόν), который дал человеку, как преимущественный дар, потому что глаголивым называет разумное животное. Посадить на земле значит повелеть господствовать над всем на земле. Что касается меня, то удивляюсь Богу в двух следующих отношениях: что человеческое тело создал тленным и что в тлении показал Свою силу и премудрость, так как слабая сущность особенно показывает богатство и силу искусства: глине и пеплу (Он) дал такое стройное устройство и вложил такие чувства, столь различные и разнородные, которые могут и любомудрствовать о стольких предметах. Из земли, из того вещества, из которого делаются только черепица и кирпич, Он сделал такой прекрасный глаз и сообщил ему такую силу, что при помощи небольшого зрачка он видит и обнимает столько предметов» (Иоанн Златоуст. Отрывки на (книгу) блаженного Иова // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.12. Кн.3. – СПб., 1906. – С.1083–1084).

²⁸⁷ Оригинал стиха в рус. переводе с еврейского тоже (как и Иов 38:14) читается по-другому: «Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?» (Иов 40:3). Ср. в рус. переводе с

У апостола Павла: «Темже убо, егоже хошет, милует: а егоже хошет, ожесточает. Речеши убо ми: чесо ради еще укоряет, воли бо Его кто противитися может? Темже убо, о, человеце, ты кто еси, против отвечаей Богови? Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако? Или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смешения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь?» (Рим 9:18–21).

Отмеченные стихи из Книги Иова (15:7–8; 38:14; 40:3) – непосредственный источник строфы о творении человека в «Оде, выбранной из Иова», но и соответствия с текстом Послания к Римлянам не случайны.

Преыдущая (12-я) строфа заканчивалась риторическим вопросом:

Кто может стать против Меня?

Выше уже было сказано, что источник этого стиха – Иов 41:1 («Кто бо есть противляйся Мне, или кто противостанет Ми»). Ломоносов мог бы закончить переложение речи Бога этим стихом, подводящим итог описанию грозных стихий и могущественных животных и перекликающимся с первым стихом в его переложении: «Збери свои все силы ныне... <...> Кто может стать против Меня?» «Распря» Бога с Иовом представала как борьба, доказывающая абсолютное превосходство Творца, Его всемогущество. В оде данная тема последним вопросом исчерпывается, но Ломоносов добавляет еще одну строфу. От утверждения всемогущества Творца в 12-й строфе в следующей (13-й) он переходит к тому, как человек должен относиться к Творцу и Его Промыслу.

Именно таков ход мысли в приведенных выше словах апостола Павла (Рим 9:18–21). Иоанн Златоуст дал к ним пространное толкование (приводим выдержки): «Темже убо, егоже хошет, милует: а егоже хошет, ожесточает. Речеши убо ми: чесо ради еще укоряет, воли бо Его кто противитися может (ст.18,19)? Видишь ли, как (апостол) всеми мерами постарался сделать вопрос затруднительным? И не тотчас дает решение, деля и это с пользой, но сперва заграждает уста возражающему, говоря так: Темже убо, о, человеце, ты кто еси, против отвечаей Богови (ст.20)? (Апостол) делает это с целью устранить праздное его любопытство и излишнюю суетливость, налагая на него узду и внушая понимать различие между Богом и человеком, а также то, как непостижим Божественный Промысел и превышает наше разумение и как все должно покоряться

греч.: «Не отвергай суда Моего. Или ты думаешь, что Я поступил с тобою не так, или разве ты окажешься правым?» (Юнгеров П.А. Указ соч. – С.85–86; к словам «не так» примечание: «ἄλλως – иначе, чем следовало»).

Богу... <...> *Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако? Или не имать власти скудельник на брени, от тогожде смешения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь* (ст.20, 21)? Здесь (апостол) не уничтожает свободной воли, но показывает, до какой степени должно повиноваться Богу. <...> Как горшечник, рассуждает он, из одной и той же смеси делает, что ему угодно, и никто ему не противоречит, так и ты не спрашивай Бога и не любопытствуй, почему Он одних из людей одного и того же рода наказывает, а других награждает, но благоговея перед Ним и подражай глине и, как она покорна рукам горшечника, так и ты покоряйся воле Распорядителя вселенной. Он ничего не делает без цели и как случится, хотя сам ты и не постигаешь тайны премудрости». ²⁸⁸

Этот комментарий представляется актуальным для последней строфы в речи Богу у Ломоносова, поскольку она непосредственно предваряет заключительную строфу от автора, который призывает ропщущего человека к терпению, смирению и безусловной покорности воле Божией. Подобно апостолу Павлу и Иоанну Златоусту, Ломоносов призывает к покорности, основанной не на сознании своего бессилия, а на *вере* в то, что Бог «ничего не делает без цели и как случится». Вопрос о возможной *безвинности* человеческого страдания снимается утверждением, что оно всегда *небесцельно* и дается человеку исключительно для его блага. По выражению Ломоносова – «Он все на пользу нашу строит».

В строфе о творении человека не только фиксируется само это событие (в порядке шестоднева), но и содержится указание на *цель*, поставленную перед человеком его Творцом. Мир, как говорит Бог в оде Ломоносова, сотворен «прекрасным» и в «стройном чине». Все описываемые в речи Бога к Иову создания совершенны в своем роде и отмечены печатью премудрости их Создателя. Значит, и человек – дело рук того же Создателя – должен быть совершенным в своем роде. Совершенство человека как существа разумного и свободного предполагает его праведность. Бог, столь премудро пекущийся обо всех Своих творениях, конечно, все делает для того, чтобы явить человека праведным и совершенным. В Книге Иова праведник был испытан, чтобы неоспоримо обнаружилась его праведность (которую оспаривал сатана). Ропот Иова был вызван тем, что, пораженный несчастьями, он усомнился, нужна ли и важна ли его праведность Богу, раз он, который был «истинен, непорочен, праведен, богочестив, удаляйся от всякия лукавыя вещи» (Иов 1:1), наказывается подобно нечестивцам. Однако, даже усомнившись

²⁸⁸ *Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к Римлянам // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.9. Кн.2. – СПб., 1903. – С.701–703 (Беседа XVI).*

в этом, Иов в своей праведности устоял и доказал свое бескорыстие. Это и был его подвиг, не оставленный в итоге без награды.

О том, что Бог сотворил человека предназначенным к праведности и все испытания посылаются ему для ее достижения, свидетельствуют слова Бога к Иову: «Не отвергай суда Моего: мниши ли Мя иначе тебе сотворша, разве да явишися правдив» (Иов 40:3). Иоанн Златоуст приводил эти стихи как доказательство того, что Бог правосуден и все делает для «пользы» человека, желая возвеличить и прославить его: «Мы говорим, что соблазны попускаются для того, чтобы не уменьшалась твердость мужественных; вот что в беседе с Иовом заявил Бог, говоря: *мниши ли Мя иначе тебе сотворша, разве да явишися правдив?* (Иов. XL, 3). Также и Павел говорит: *подобает бо и ересем в вас быти, да искуснии явлени бывають в вас* (1 Кор. XI, 19). Когда ты слышишь это изречение: *подобает бо и ересем быти*, то не думай, что он говорит это в смысле приказания или законоположения; совсем нет, но он предсказывает этим будущее и заранее напоминает бодрствующим о предстоящей им пользе от этого. Когда вы устоите против обольщения, говорит, тогда именно яснее обнаружится ваша добродетель».²⁸⁹

Праведник испытывается страданиями для укрепления в добродетели и вящего вознаграждения в будущем. По Златоусту, они посылаются, «чтобы не уменьшалась твердость мужественных». У Ломоносова Бог начинает речь к Иову с призыва: «Збери свои все силы ныне, / Мужайся, стой...», а заканчивает словами, отсылающими к апостольскому посланию, где речь идет об оправдании верой и будущем утешении праведных (непосредственно – к стиху Рим 9:20), и к словам Бога к Иову: «...мниши ли Мя иначе тебе сотворша, разве да явишися правдив» (Иов 40:3):

Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе Я дал?

Речь идет не о физическом облике человека, а о его природе – физической и духовной. Имеющий «вид иной» в данном случае нужно понимать как не подверженный страданиям и не обремененный высоким предназначением. В Книге Иова Бог упрекнул его за сомнение в том, что желает видеть его праведным и совершенным и всё устраивает с этою целью («мниши ли Мя иначе тебе сотворша...»), тем самым подтверждая надежду праведника.

²⁸⁹ Иоанн Златоуст. Слово к тем, которые соблазняются происшедшими несчастиями... // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.3. Кн.2. – СПб., 1897. – С.528–529.

Последнее четверостишие в добавленной Ломоносовым к речи Бога строфе отсылает к двум далеко отстоящим друг от друга стихам славянского перевода, причем именно к тем, которые в еврейском оригинале (и западных переводах) читаются принципиально иначе: «Или ты, брение взем, от земли создал еси животное, и глаголиваго сего посадил еси на земли?» (38:14), «Не отвергай суда Моего: мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив» (40:3). Это свидетельство экзегетического характера переложения Ломоносова, принципиально в данном случае следующего за славянским текстом вместе с соответствующей традицией его толкования.

Первая отсылка, введенная сразу после утверждения мысли о Всемогуществе Божиим в предыдущей строфе («Кто может стать против Меня?»), напоминает о достоинстве человека, которому Бог повелел «господствовать над всем на земле».²⁹⁰ Вторая отсылка напоминает, что Бог все устраивает ради того, чтобы явить человека праведным и совершенным. Таким образом, апеллируя к Слову Божию, Ломоносов оправдывает Промысл Божий о человеке и доказывает тому, кто «горести» ропщет, что ропщет он «напрасно».

Новозаветные аллюзии в строфе о творении человека (на апостольское послание) связывают ее с обрамляющими переложение строфами от автора (см. выше 1.3). Христианское поучение, преподанное Ломоносовым от себя в последней строфе («Сие, о смертный, рассуждая...»), подготовлено всем предшествующим переложением Божественного ответа, но в особенности – предваряющей ее строфой о творении человека.

§1.7. Ломоносов в полемике с поэмой Вольтера «На разрушение Лиссабона» в 1757 г. и перевод И.Ф. Богдановича. Некоторые итоги

Через четыре года после публикации «Оды, выбранной из Иова», 1 ноября (н.ст.) 1755 г., произошло Лиссабонское землетрясение, в считанные минуты погубившее, как

²⁹⁰ По Иоанну Златоусту, «посадить на земле значит повелеть господствовать над всем на земле» (см. выше). Ср. у Филарета (Дроздова): «Размышлял ли когда-нибудь ты, словесное творение Божие, – ты, глаголивый (Иов. XXXVIII, 14), как назвал тебя праведный Иов, не знаю, в похвалу ли твоей природе или в укоризну твоему многоглаголанию, – размышлял ли, любомудрствовал ли о слове, восходил ли мыслию к его началу, созерцал ли достоинство и силу на высоте его? – Где начало слова? – На небесах, превыше небес, в вечности, в Боге» (Филарет [Дроздов], митрополит Московский. Слова и речи: [В 5 т.]. – Т.5. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1885. – С.452 [«Беседа на день рождения благочестивейшего государя императора Александра Николаевича», 1858]).

сообщила вскоре одна голландская газета, «более чем 100 тысяч душ».²⁹¹ Это была самая страшная природная катастрофа в Европе Нового времени, вызвавшая острую дискуссию, в которую вовлеклись богословы, философы, ученые-естественники, журналисты и поэты. В 1756 г. была напечатана поэма Вольтера «На разрушение Лиссабона» (“*Poème sur le désastre de Lisbonne en 1755, ou examen de cet axiome: tout est bien*”). В 1763 г. она вышла в русском стихотворном переводе И.Ф. Богдановича, по праву считающемся «удачей молодого поэта».²⁹²

Ломоносов упомянул о Лиссабонском и Перуанском (1745–1746 гг.) землетрясениях в «Слове о рождении металлов от трясения земли» (1757), которое своим появлением, по словам комментаторов, было «...обязано повышенному интересу общества середины XVIII в. к землетрясениям» (V, 681). Он упомянул о нем после перечисления аналогичных событий в истории земли, отказываясь говорить о человеческих жертвах: «Однако не намерен я показывать больше таковых примеров, ниже красноречием распространять бедность столичного перуанского города Лимы, ни жестокой Лиссабонской судьбины» (V, 304).

Выступая с речью о причинах и пользе землетрясений в порядке природы, Ломоносов в некотором смысле оппонировал придворному проповеднику Гедeonу (Криновскому), который в «Слове о случившемся в 1755 году в Европе и Африке ужасном трясении» (1756) говорил, что оно должно «устрашить нас грешных и отвести от беззаконий наших»: «вина бо землетрясениям есть Божий гнев, гнева же Божия вина суть грехи наши».²⁹³ Однако возражений насчет Божьего гнева в «Слове о рождении

²⁹¹ Вагеманс Э. Литературно-философская интерпретация лиссабонского землетрясения: Португало-франко-русская теодицея // XVIII век. – Сб.22. – СПб: Наука, 2002. – С.111. О «ста тысячах несчастных» (“cent mille infortunés”) упоминает Вольтер в своей поэме, которые в переводе И.Ф. Богдановича превратились в «тысячи» (отмечено: Там же. С.116–117). В реальности количество погибших было меньшим: по одной из оценок, из 260 тысяч жителей Лиссабона погибло не менее 10 тысяч (Там же. – С.111). О Лиссабонском землетрясении см., например: *Тавареш, Руи*. Небольшая книга о великом землетрясении. Очерк 1755 года / Пер. с португальского Е.Г. Голубевой. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 240 с.

²⁹² Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. – Л.: Наука, 1978. – С.31. Перевод вышел в журнале «Невинное упражнение» (1763. – Апрель. – С.173–186); фрагмент перевода Богданович включил в собрание своих стихотворений под заглавием «Философические мысли г. Волтера» (Лиры, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов, некоторого Муз любителя. – СПб.: при Императорской академии, 1773. – С.46–47).

²⁹³ Собрание поучительных слов, при высочайшем дворе сказыванных придворным проповедником, бывшим потом епископом Псковским и Святейшего правительствующего Синода членом Гедеоном: [В 6 ч.]. – 3-е изд. – М.: Синодальная типография, 1828. – Ч.1. Это «Слово» имело большой успех и впоследствии стало хрестоматийным учебным текстом (перепечатано, например, хрестоматии А.Д. Галахова). В 1759 г. Ломоносов, усмотрев в одной проповеди Гедеоном пренебрежительный намек на свою «Риторику», написал на него эпиграмму «К Пахомию»: «Пахомей говорит, что для святого слова / Риторика ничто, лишь совесть будь готова. / Ты будешь Казнодей, лишь только стань попом / И стыд весь отложи. Однако врешь, Пахом. / На что риторику совсем пренебрегаешь? / Ее лишь ты одну и то худенько знаешь. / Василий, Златоуст – церковные столпы – / Учились долее, как нынешни попы: / Гомера, Пиндара,

металлов...» не находится. Как показал А. Шёнле, в подтексте выступления Ломоносова была поэма Вольтера.²⁹⁴

Французский автор сожалел об участи смертных и обвинял в бессердечии философов, утверждающих, что «всё – благо» (tout est bien):

O malheureux mortels! ô terre déplorable!
 O de tous les mortels assemblage effroyable!
 D'inutiles douleurs, éternel entretien!
 Philosophes trompés qui criez : «Tout est bien»;
 Accourez, contemplez ces ruines affreuses...
 <...>
 Au spectacle effrayant de leurs cendres fumantes,
 Direz-vous : "C'est l'effet des éternelles lois
 Qui d'un Dieu libre et bon nécessitent le choix?"

Ср. начало поэмы в переводе Богдановича:

Несчастливый народ! плачевная страна,
 Где всех ужасных язв жестокость собрана!
 О, жалость вечная, воспоминанье слезно!
 Обманутый мудрец, кричишь ты: *всё полезно*;
 Приди, взгляни на сей опустошенный град...
 <...>
 Курящийся зря пепл, не скажешь ли ты мне,
 Что должно было так, чтоб град сей был несчастен,
 И нужно то Творцу, который благ и властен?²⁹⁵

По словам В.А. Левшина, Вольтер «...хотел доказать, что Бог не есть всеблагий, или, когда Он всеблагий, то не всемогущий».²⁹⁶ Прежде всего он оспаривал благость

Демосфена читали / И проповедь свою их штилем предлагали. <...> Ты словом Божиим незнанье закрываешь / И больше тех мужей у нас быть уповаешь; / Ты думаешь, Пахом, что ты уж Златоуст! / Но мы уверены о том, что мозг твой пуст. / Нам слово Божие чувствительно, любезно / И лишь во рте твоём безсильно, бесполезно. / Нравоучением преславной Телемак / Стократ полезнее твоих нескладных врак» (VIII, 658).

²⁹⁴ Шёнле А. Эстетика стихийного бедствия у Богдановича и его перевод «Поэмы на разрушение Лиссабона» Вольтера // Тыняновский сборник. – Вып. 13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. – М.: Водолей, 2008. – С.29–41.

²⁹⁵ Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, подг. текста и примеч. И.З. Сермана. – Л.: Советский писатель, 1957. – С.207 (Б-ка поэта, бс. 2-е изд.). Здесь и в других местах перевода Богданович последовательно смягчал стихи оригинала, делая их менее вызывающими в отношении к христианским представлениям о Боге и более чувствительными (см.: Шёнле А. Указ. соч. – С.35–38; см. также: Вагеманс Э. Указ. соч. С.116–118).

законов мироздания, объявляя принуждающий к страданию закон «тираническим» («la loi tyrannique» – verse 130) и требуя от Бога откровения:

La nature est muette, on l'interroge en vain;
On a besoin d'un Dieu qui parle au genre humain.
Il n'appartient qu'à lui d'expliquer son ouvrage,
De consoler le faible, et d'éclairer le sage.
(verse 163–166)

Ср. у Богдановича:

Неведущ смертный, слеп, и всё грозит ему.
Мы тщетно вопрошать немую мним природу,
А должно, чтоб Творец явил то смертных роду;
Один лишь может Он свои дела открыть,
Исправить немощных и мудрых умудрить.²⁹⁷

Требуя от Бога нового откровения и умалчивая о Священном Писании (о Евангелии, благой вести), Вольтер отрицал истинность и достаточность веры христиан. Под видом полемики с Лейбницем (упомянутым в поэме) Вольтер нападал на самые основы христианства, отрицая веру в благого и человеколюбивого Бога. Кому-то при этом могло казаться, что Вольтер полемизирует с деистами, сторонниками естественной религии, заботясь о поддержании веры в богооткровенность религии христианской. Так, например, хотелось думать А.П. Сумарокову, писавшему о его трагедии «Заира» (1732), что, «...сочиняя сию Драму, Автор о том имел попечение, дабы Христианский Закон утвердiti в сердцах наших и отвлечи беззаконников, сих заблужденных людей, от естественного Богопочитания, которые не приемлют Священного Писания».²⁹⁸

²⁹⁶ *Левшин В.А.* Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона, писанное В. Левшиным к приятелю его Господину З*** <1788> // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / Подгот. текстов, вступ. статья, примеч. Т.В. Артемьевой. – СПб.: Наука, 1996. – С.221.

²⁹⁷ *Богданович И.Ф.* Стихотворения и поэмы. – С.210.

²⁹⁸ *Сумароков А.П.* Мнение во сновидении о французских трагедиях // Сумароков А.П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе / Собраны и изданы <..> Н. Новиковым: [В 10 ч.]. – Ч.4. – М.: в Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. – С.353. Далее Сумароков прямо обращался к Вольтеру: «А Заира никогда из моды не выйдет; христианский Закон не исчезнет никогда, по словам вочеловечившегося Бога. Вы сделали великое, по общему христианскому мнению, дело, проповедывая и утверждая христианство; хотя и думают безбожники, что вы сею прекрасною Трагедиею отвлекаете людей от истинного Богопочитания, и уже зараженных людей, еще заражаете. Ежели бы вы были Деист; так бы я в вечном остался неведении, ради чего вы сию Трагедию сочинили. А зная что вы христианин, ведаю и то, что вы ее сочинили, умножая нашу ко Христианству верность» (Там же).

Ломоносов не питал сумароковских иллюзий насчет Вольтера. В письме к И.И. Шувалову от 3 октября 1752 г. он дал ему самую резкую характеристику и обличил в безбожии,²⁹⁹ а в письме от 2 сентября 1757 г. выразился, что Вольтер «человек опасный».³⁰⁰ Возможно, лишним поводом для последнего высказывания было знакомство с поэмой «На разрушение Лиссабона».

По наблюдению А. Шёнле, в «Слове о рождении металлов от трясения земли», произнесенном 6 сентября 1757 г., Ломоносов «...отвечает Вольтеру почти по пунктам», и, в частности, «если Вольтер упрощает Бога разъяснить свой замысел, то Ломоносов доверяет способности науки выявить разумный мировой строй, свидетельствующий о благодати Бога».³⁰¹ Возмущение Ломоносова было вызвано не сомнением в качестве законов природы, а отрицанием возможности их познания и (добавим) веры в благодать Промысла Божия.

Ломоносов был задет и как ученый-естественник, и как верующий христианин. Вольтер выражает непонимание законов природы, но заявляет о своем праве судить и порицать Бога и пути Его Промысла. Ломоносов знает эти законы, объясняет причины землетрясений и приносимую ими «пользу» в естественном порядке вещей, но не признает за человеком права своим ограниченным умом судить о путях Промысла Божия и сомневаться в том, что Бог все делает для блага человека. *Научному агностицизму и религиозному скептицизму Ломоносов противопоставляет стремление к познанию законов природы и безусловную веру в Бога как Премудрого и Благого Творца и Промыслителя вселенной и человека, его Защитника и Покровителя.*

«Слово о рождении металлов...» начинается таким рассуждением: «Когда ужасные дела натуры в мыслях ни обращаю, слушатели, думать всегда принужден бываю, что нет ни единого из них толь страшного, нет ни единого толь опасного и вредного, которое бы купно пользы и услаждения не приносило. Божественным некоторым промыслом присовокуплены приятным вещам противные быть кажутся , дабы мы , рассуждая о противных, бóльшее услаждение чувствовали в употреблении приятных» (V, 196).

²⁹⁹ «Не могу преминуть, чтоб вашему превосходительству не прислать Волтеровой музы нового исчадия, которое объявляет, что он и его государь безбожник, и то ему в похвалу приписать не стыдится перед всем светом. Приличнее примера натти во всех Волтеровых сочинениях невозможно, где бы виднее было его полоумное остроумие, бессовестная честность и ругательная хвала, как в сей пане[ги]рической пасквиле, которую на ваше пронизательное рассуждение отдая, с глубоким почитание[м] непременно пребываю...» (X, 473–474). По предположению Я.К. Грота, поддержанному комментаторами ПСС, речь шла о шуточном послании Вольтера к Фридриху II «Прусскому королю» («Au roi de Prusse», 1751) (X, 810–811).

³⁰⁰ Письмо к И.И. Шувалову от 2 сентября 1757 г. (X, 525). Речь шла о помощи Вольтеру в работе над историей Петра Великого; в том же письме Ломоносов говорит о предстоящем ему 6 сентября 1757 г. произнесении «академической речи», т.е. «Слова о рождении металлов...»

³⁰¹ Шёнле А. Указ. соч. – С.33.

Комментируя этот текст, можно было бы ограничиться указанием на европейскую «философию оптимизма» (Лейбниц, А. Поп), если бы в его основе не лежало вполне определенное произведение из другой традиции, а именно принадлежащее Иоанну Златоусту «Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может»,³⁰² которое *трижды* процитировано в «Риторике» Ломоносова (VII, 129–130, 138–139). Это одно из тех произведений Златоуста, которые относятся к актуальному контексту для «Оды, выбранной из Иова». И в двух начальных предложениях «Слова о рождении металлов...» не случайно возникают две лексемы из ее последней строфы: «*польза*» и «*рассуждая*».

В полемике Ломоносова с Вольтером словно воспроизводится ситуация Книги Иова. Вольтер оказывается в роли требующего от Бога ответа многострадального Иова (с той разницей, что *он не страдает, а вступает за пострадавших, сам не нуждаясь ни в каком утешении*), а Ломоносов (невольно) – в роли Бога (с той разницей, что *он обращается не к тому, кто обвинял и требовал ответа*).

«Слово о рождении металлов от трясения земли», созданное во время Семилетней войны, заканчивается обращением России к императрице Елизавете Петровне: «Обильна, украшена, прославленна, отвсяду защищена красуюсь. Я в полной безопасности паки слышу гремящее твое победоносное оружие, которого силы чувствуя уже, гордый неприятель, устремившийся на верных твоих союзников, со стыдом вспять обращается небесным покровительством, твоею властью, силою, законным предприятием и раболепствующим тебе счастьем, намерение твое во благих совершится. *И по славных над сопостатами твоими победах, разливший по земной поверхности воды и теми ужасный внутри ее огонь обуздавший Строитель мира укротит пламень войны дождем благодати и мир Свой умирит твоим мироискательным воинством*»³⁰³ (V, 346; курсив мой – В.К.).

Эта искусная риторическая концовка имеет религиозно-дидактическую интенцию (кроме панегирической) – подобную той, что есть в последней строфе «Оды, выбранной из Иова». Ломоносов обращается к тому, кто находится в трудном положении (в данном случае это Елизавета Петровна), и внушает надежду на покровительство Божие и лучшее будущее. Он это делает, предварительно указав на благость Промысла Божия, действующего в физическом мире, и на сегодняшнее благоденствие России, которая

³⁰² См.: *Иоанн Златоуст. Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может* // Иоанн Златоуст. Творения <...> в русском переводе: [В 12 т.]. – Т.3. Кн.2. – СПб., 1897. С. 475–496.

³⁰³ А. Шёнле дал к этим заключительным строкам «Слова» несколько ироничный комментарий: «Как ни странно, после того Ломоносов пытался доказать силу землетрясений, он все-таки сулит их прекращение в будущем, Богом санкционированном архитектурическом и геополитическом умиротворении» (*Шёнле А. Указ. соч. – С.33*).

«обильна, украшена, прославлена, отовсюду защищена». Также в «Оде, выбранной из Иова» вывод от автора подкреплён предшествующей речью Бога о том, что Он все создал, надо всем властвует и желает явить человека совершенным, и имплицитной отсылкой к тому, что многострадальный праведный Иов был вознагражден: «Господь же благослови последняя Иовля, неже прежняя...» (Иов 42:12).

Таким образом, в научно-популярном «Слове о рождении металлов...» Ломоносов от описания законов природы переходит к утверждению мысли о Боге как о «Строителе» и Царе вселенной и Правосудном Судии, укрепляющем праведных (а не как о Законодателе, что в принципе имело бы большую логическую связь с предыдущими естественнонаучными выкладками). В том, что это не просто фигура речи, убеждают имплицитная отсылка к Иоанну Златоусту в начале этого «Слова» и его внутренняя соотнесенность с «Одой, выбранной из Иова» и самой Книгой Иова.

В «Оде <...> Императрице Елисавете Петровне <...> декабря 18 дня 1757 года» (написанной вскоре после «Слова о рождении металлов...») находим утверждение той же идеи непрекращающейся власти Творца над вселенной и, между прочим, достоинства Священного Писания как Божественного Откровения (не удовлетворившего Вольтера и не признаваемого им):

Его – земля и небеса,
Закон и воля повсеместна,
Поколь нам будет неизвестна
Его щедрота и гроза.

Правители, судьи, внушите,
Услыши вся словесна плоть,
Народы с трепетом внемлите:
Сие глаголет вам Господь
Святым Своим в Пророках духом;
Впери всяк ум и вникни слухом:
Божественный певец Давид
Священными шумит струнами,
И Бога полными устами
Исайя восхищен гремит.³⁰⁴

(VIII, 636)

³⁰⁴ Далее в трех строфах (13–15) следует речь Бога, в которой использованы выражения из Псалтири, Книги пророка Исайи и Евангелия от Марка (2:19): «Жених как идет из чертога, / Так взойдет с солнцем радость многа; / Врагов советы раззорю» (VIII, 637).

Спор с поэмой Вольтера «На разрушение Лиссабона» Ломоносов ведет отнюдь не с позиции деиста (отрицающего Откровение), а как верующий христианин и ученый-естественник. Его позицию нельзя отождествить и с позицией Лейбница, автора «Теодицеи» (1710), и его последователей (тем более что актуальность для Ломоносова «Теодицеи» сомнительна: ни в одном из его текстов нет свидетельства интереса к этому произведению³⁰⁵). В «Слове о рождении металлов от трясения земли» Ломоносов вообще выступает не как участник философской дискуссии, а просто пользуется случаем лишней раз продемонстрировать, что «христианская вера <...> Божиему творению не может быть противна» («Явление Венеры на Солнце...», 1761 [II, 375]), поддержать авторитет естественных наук, популяризировать геологию, выразить свою лояльность к внешней политике императрицы, ведущей военные действия в Европе, а также (по обычаю своих торжественных од) внушить слушателям уверенность в блистательности будущего России и в особенном благоволении к ней Бога.

Последнее вытекало из традиционного представления о России как хранительнице истинной веры – Православия. Из этого представления и исходит Ломоносов. С поэмой Вольтера он вступает в полемику не потому, что был взволнован его софистикой, а потому что опасался вреда от нее для своих соотечественников. К ним (а не к Вольтеру, не к оппоненту, как это было бы в философской дискуссии) он и обращается, указывая на «Божественный промысел», неизменно пекущийся о человеке, защищающий праведных и вознаграждающий их за страдания, а Россию – возвеличивший и обезопасивший от стихийных бедствий, подобных Лиссабонскому землетрясению.

Вместо попытки решить затронутую в поэме Вольтера общую проблему философии и богословия и дать свой вариант теодицеи, Ломоносов обращается к конкретной аудитории с научно-просветительской речью и практическими рекомендациями – с призывом заниматься науками, почитать царскую власть и хранить православную веру, а в современном военном положении – надеяться, что вскоре «Строитель мира укротит пламень войны дождем благодати».

В религиозно дидактическом плане концовка «Слова о рождении металлов...» параллельна стихам последней строфы «Оды, выбранной из Иова»: «Он все на пользу

³⁰⁵ По указателю к ПСС, сам Лейбниц у Ломоносова упоминается только один раз, причем в переводном сочинении – «Вольфианской экспериментальной физике» (I, 424, 430; см.: XI, 377). Единственную до сих пор специальную работу см.: *Тукалевский В.Н.* Главные черты мирозерцания Ломоносова: (Лейбниц и Ломоносов) // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сборник статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб., 1911. – С.13–32. О русском ученом и поэте здесь есть такое замечание: «Все произведения Ломоносова – это сплошное преклонение перед могуществом Творца мира и его премудростью» (Там же.– С.26).

нашу строит, / Казнит кого или покоит. / В надежде тяготу сноси / И без роптания проси». Богданович в переводе заключительных стихов поэмы Вольтера употребил три слова из этих строк («польза», «роптанье», «надежда»):

*Полезно будет всё – вот только что нас льстит,
Но сердце, что теперь *полезно всё*, не верит:
Почто так хочет Бог, то смертный не измерит;
Покорствую, стена и токи слез лия,
И воле Вышнего терпя подвержен я.
Мой голос прежде был пастушьей свирелью,
Стремился петь любовь, стремился я к веселью;
Теперь, как старость мой переменяла нрав,
И слабости людей я, с возрастом узнав,
Ища во мраке лжи, я истины блистанье
Не знаю более, как плакать без роптанья.
Калифа некогда, оканчивая век,
В последний к Богу час сию молитву рек:
*«Я всё то приношу Тебе, о Царь вселенной!
Чего нет в благодати Твоей всесовершенной:
Грехи, неведение, болезни, слезы, стон».*
Еще б прибавить мог к тому *надежду* он.³⁰⁶*

Вместо философской язвительности Вольтера у Богдановича жалоба и просьба об утешении. По комментарию А. Шёнле к последним стихам, в переводе оказалось, что «...поэт не в состоянии учить, поскольку он никакими знаниями не обладает, но он может своим пением выразить жалость к подобным себе. Своим “стонущим” голосом он призывает к состраданию. Это и есть для Богдановича смысл поэмы Вольтера и смысл поэзии в целом».³⁰⁷

Вольтер, прежде всего, философствует и полемизирует, уничтожая определенную философскую доктрину. Обвиняя Творца, он рассчитывает не на сочувствие, а на возражения, на продолжение дискуссии, в ходе которой, как он уверен, окончательно восторжествует над оппонентами. Богданович, напротив, прежде всего, жалуется и словно бы ожидает утешения (а не возражений). Поэтому переключка с последней строфой «Оды,

³⁰⁶ Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. – С.211 (курсив автора). Ср. в оригинале Вольтера: «*Un jour tout sera bien, voilà notre espérance; / Tout est bien aujourd'hui, voilà l'illusion. / Les sages me trompaient, et Dieu seul a raison. / Humble dans mes soupirs, soumis dans ma souffrance, / Je ne m'élève point contre la Providence. <...> Un calife autrefois, à son heure dernière, / Au Dieu qu'il adorait dit pour toute prière: / “Je t'apporte, ô seul roi, seul être illimité, / Tout ce que tu n'as pas dans ton immensité, / Les défauts, les regrets, les maux, et l'ignorance.” / Mais il pouvait encore ajouter l'espérance».*

³⁰⁷ Шёнле А. Указ. соч. – С.38–39.

выбранной из Иова», где автор утешает и обнадеживает находящегося в «горести», возникает вполне естественно (может быть, и произвольно).

Едва ли в переводе Богдановича можно было увидеть неприязненный намек на Ломоносова,³⁰⁸ скорее наоборот – в чем-то он солидарен с ним и оказывается (в отличие от Вольтера) в роли ропщущего «в горести» человека, которому для утешения Ломоносов адресовал свое переложение из Книги Иова. Вместе с тем Богданович хотел бы услышать и возражения, но не себе, а Вольтеру, чьи «философические мысли» производили на молодого поэта, конечно, куда большее, чем на Ломоносова, впечатление.

В первом сборнике своих стихотворений «Лира» (1773) Богданович перепечатал небольшой фрагмент перевода поэмы (включающий процитированную выше концовку) под заглавием «Филозофические мысли г. Волтера», а сразу за ними поместил короткое стихотворение «Филозофические мысли некоторого французского писателя»:

Неблагодарны человеки!
Вотще судьбу вините вы,
Что тако кратки ваши веки,
Что вы родились таковы.
В своих стремленьях безрассудны,
Вы в свете только жизнью скудны;
Стараясь ону сократить
И расточая всюду время,
Сугубите свое лишь бремя
В желаньях смерть предупредить.³⁰⁹

Это стихотворение, помещенное рядом с отрывком из поэмы Вольтера, выглядит как возражение на его «философические мысли» с моралистических позиций, близких к «философии оптимизма». Вольтер ставил на вид оппонентам то, что они не учитывают страданий невинных (равнодушны к ним). Автор приведенного стихотворения упрекает тех, кто винит «судьбу», в неблагодарности к ней и недолжном образе жизни. Богданович в миниатюре воспроизвел европейскую полемику с автором поэмы «На разрушение Лиссабона», обнаружив готовность в чем-то согласиться с обеими спорящими сторонами

³⁰⁸ По замечанию И. Клейна, первые строки перевода (см. выше) «...могли быть поняты <современниками> как неприязненный намек на Ломоносова и его речь “о рождении металлов”» (Клейн, И. Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.297).

³⁰⁹ <Богданович И.Ф.> Ли́ра, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов, некоторого Муз любителя. – СПб.: при Имп. акад., 1773. – С.48; ср.: Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. – С.218. Оригинал стихотворения неизвестен.

и поэтически выразить обе точки зрения, т.е. отнесся к острейшей интеллектуальной дискуссии своего времени с философским дилетантизмом профессионального поэта. В этом можно усмотреть некоторое сходство с тем, как отнесся к ней Ломоносов. В «Слове о рождении металлов от трясения земли» он лишь воспользовался ею как предлогом для пропаганды научных знаний, внушения любви к отечеству, почтения к царю и убеждения в истине христианской веры в благого, всемогущего и человеколюбивого Бога.

* * *

Подведем итоги.

«Ода, выбранная из Иова» – единственный у Ломоносова пример свободного переложения из Священного Писания. Она уникальна в его творчестве и представляет альтернативный его парафразам псалмов тип стихотворения, основанного на библейском тексте. Эта ода является ключевым произведением в разделе «Оды духовные», общий смысл и композиция которого соотнесены с идейной структурой Книги Иова: жалобы праведника (семь переложений псалмов) – увещательная речь Бога (ода из Иова) – признание человеком величия Творца и ограниченности своих возможностей (два «Размышления»). Картина мира в духовных одах полемична по отношению к деистическим представлениям о мире: Бог у Ломоносова – Живой Бог, который присутствует и повелевает в сотворенном Им мире, участвует в жизни человека и все делает для его блага.

Форма свободного переложения могла быть избрана в виду сложности исходного текста, местами читающегося по-разному в славянском (греческом) и латинском (еврейском) вариантах, не вполне понятного и нуждающегося в пояснениях. Переложение речи Бога к Иову у Ломоносова содержит элементы ее толкования, как и обрамляющие переложение строфы от автора. Ломоносов опирался преимущественно на славянский перевод и на комментарии Олимпиодора, в составе которых Книга Иова бытовала в славянской письменности, а также присоединявшиеся к ним комментарии Иоанна Златоуста. Эти комментарии представлены в имеющейся в РГБ рукописной книге конца XVII в., в которой обнаруживаются текстуальные соответствия оде Ломоносова. Он заимствует отсюда ряд слов и выражений (начиная со слова «*мужайся*»), а главное – согласует свое переложение с пониманием исходного текста у Олимпиодора и Иоанна Златоуста как в целом, так и в частности. В согласии с их пониманием Бог у Ломоносова выступает как покровитель и защитник Иова: не утрачивает, а являет Свое благоволение. (Иначе расставлены акценты, например, в поэме Э. Юнга «Парафраза части Книги Иова»,

где Бог начинает свою речь с обвинений и угроз.) Бегемот и Левиафан изображены исключительно как могущественные животные, поскольку именно так это сделано у Златоуста и Олимпиодора, считавших «неполезным» аллегорическое толкование их как образов дьявола. Слова «бегемот» и «левиафан» (а не «зверие» и «змий» из славянского перевода) Ломоносов использует, поскольку в ряду с орлом, первенствующим в воздухе, ему нужны были конкретные животные, первенствующие по величине и мощи на суше и в океане. Левиафана он идентифицировал с китом, а бегемота – со слоном или носорогом (возможность двоякого понимания оставлена из-за неуверенности поэта и ученого в версии о носороге). В этом он сходилась со средневековыми представлениями и противоречил науке своего времени, идентифицировавшей бегемота и левиафана из Книги Иова с гиппопотамом и нильским крокодилом.

Речь Бога в переложении Ломоносова построена по принципу шестоднева, поэтому он добавляет оригинальные строфы о творении светил небесных (3-я) и человека (13-я) и делает отсылки к первой главе Книги Бытия (особенно явные в строфах 2–3). Строфы 5 и 7 являются парафразой прозаического текста самого Ломоносова – «заключения» в §271 «Краткого руководства к красноречию» (1748), где доказывалось, что «видимый мир от разумного существа устроен». Образы целенаправленно действующих стихий (ветер, дождь, молния, землетрясение) в оде иллюстрируют мысль о непрекращающейся власти над ними Творца, правящего ими на благо человека. 13-я строфа (о творении человека) не полностью оригинальна: ее источники находятся двух местах славянского перевода (Иов 38:14; 40:3) и комментариях Златоуста и Олимпиодора, а также в Послании апостола Павла к Римлянам (9:20; 11:34).

Жизнеутверждающий пафос («оптимизм») оды Ломоносова, отмечавшийся едва ли не всеми ее исследователями, происходит не из лейбницианской философии (или не только из нее), а до некоторой степени из самой Книги Иова. Он согласуется с характерной для Православия традицией толкования этой книги и, в частности, заключительного в речи Бога фрагмента о Бегемоте и Левиафане (Иов 40:10–41:26). Проблему присутствия в мире зла Ломоносов не купирует, а как раз начинает с нее: «О ты, что в горести...» Зло в оде представлено страданием человека, которое бывает незаслуженным (как в случае с Иовом). В том, что оно временно и обращено Провидением «на пользу» человека, Ломоносов и хочет убедить читателя (помнящего, конечно, что Иов пострадал не бесцельно, а для того, чтобы с полной очевидностью обнаружилась его праведность, которую пытался оспорить сатана).

Главной в «Оде, выбранной из Иова» является не умозрительная философская проблема теодицеи, а жизненный и религиозный вопрос *об отношениях* человека к Богу, вызвавшему его «на распрю». Ломоносов представляет ситуацию, бесконечно далекую от деистических представлений о Боге, создавшем мир, подобный безотказному механизму, и с тех пор ни на что уже не реагирующем. Поэтическая картина мироздания в «Оде, выбранной из Иова», как и в Книге Иова, дана в качестве ответа на вопросы человека о Промысле Божиим, а не об устройстве видимого мира. У Ломоносова, как и в библейской книге, Бог убеждает Иова, обращаясь к его *разуму и воображению*, и тем укрепляет его пошатнувшуюся *веру*. Изображение в «стройном чине» устроенного «прекрасного света» в оде не самоцель, а *аргумент*, предназначенный для убеждения человека *в правосудии* все строящего для его пользы Творца. Таким образом, Бог в оде выступает не только как *Творец и Законодатель*, но и как *Управитель, Промыслитель и Судия* вселенной, все в ней устроивший для блага человека, все делающий для того, чтобы явить его совершенным. «Ода, выбранная из Иова» – это *апология веры*, основанная на каноничном для православной традиции понимании данной библейской книги.

Глава вторая

Н.П. НИКОЛЕВ И ЕГО «ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗ ИОВА, ИЗ ТЕХ ЖЕ ГЛАВ, ИЗ КОИХ ВЫБИРАЛ Г. ЛОМОНОСОВ, С ПРИБАВЛЕНИЕМ СВОБОДНЫМ ПОЧЕРПНУТЫХ МЫСЛЕЙ ИЗ ТОГО ЖЕ ИСТОЧНИКА»

В 1795 г. вышла из печати первая часть «Творений Николая Петровича Николева, Императорской Российской Академии члена». Она составлена из его духовных стихотворений, а среди них помещена «Ода 27. Выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов, с прибавлением свободным почерпнутых мыслей из того же источника».³¹⁰ Эта ода, чрезвычайно интересная в связи Ломоносовым (и сама по себе), никогда не перепечатывалась и не привлекала внимания исследователей.

Николай Петрович Николев (начало 1750-х или 1758 – 1815) в свое время был одним из ведущих русских авторов (по крайней мере, до конца 1790-х гг.). В историю литературы он вошел, главным образом, как драматург, хотя это лишь одна сторона его творческой деятельности. Другие, результаты которых представлены в пяти томах его «Творений» (куда драматические сочинения не вошли), изучались мало или, во всяком случае, неравномерно. Духовные стихотворения вообще не изучались. В единственном до недавнего времени монографическом исследовании о Николеве А.А. Чебышева (1890) о них сказано только то, что эти стихотворения, которые наполняют весь первый том «Творений», «...не имеющие больших литературных достоинств, проникнуты теплою верой».³¹¹

Новое монографическое исследование о нем появилась недавно – в книге М.Г. Альтшуллера (2013),³¹² который, в частности, уточнил дату рождения Николева (не 1758 г., как считали раньше, а начало 1750-х гг. – «вероятнее всего, в 1750–1752 гг.»³¹³) и

³¹⁰ *Николев Н.П.* Творения...: [В 5 ч.]. – Ч.1: Духовные стихотворения. – М.: в Унив. тип., 1795. – С.61–67 (далее в этом разделе ссылки на «Творения» даются в тексте: римская цифра – том, арабская – страница; названная ода цитируется по этому изданию без постраничных ссылок). Членом Российской академии, о чем сообщается на титуле «Творений» Николева, он стал в 1792 г. (*Сухомлинов М.И.* История Российской академии. – Вып.1. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1875. – С.18).

³¹¹ *Чебышев А.А.* Н.П. Николев: (Историко-литературный очерк) // Филологические записки. – Воронеж, 1890. – Вып.3. – С.7.

³¹² *Альтшуллер М.Г.* Николай Петрович Николев («Русский Мильтон») // Альтшуллер М.Г. В тени Державина: Литературные портреты. – СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2014. – С.225–468. Нашу рецензию на эту книгу (где речь идет также о Е.И. Кострове и Н.М. Смирнове) см.: Новое литературное обозрение. – 2015. – №3(133). – С.381–383. Общие сведения о Николеве см. также: *Кочеткова Н.Д.* Николев Николай Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.2. – СПб.: Наука, 1999. – С.350–357.

³¹³ *Альтшуллер М.Г.* Указ соч. С.240. По данным оспариваемой здесь первой биографии Николева, он родился «в 1758-м году, ноября 10-го дня» (*Маслов С.А.* Краткая биография Николая Петровича Николева // Сын Отечества. – 1816. – Ч.28. – №12. – С.197). Н.Д. Кочеткова (Указ. соч. – С.350) как дату его рождения указала «ок. 1758» (тоже, видимо, сомневаясь в достоверности сведений первого биографа).

то, что ослеп он не в ранней молодости, а «в самой середине 1790-х гг.»: прежде имело место ухудшение зрения, а тогда он «по-настоящему ослеп, то есть лишился возможности самостоятельно творчески работать (читать и писать)».³¹⁴ Последнее обстоятельство немаловажно, так как позволяет сделать предположение насчет побудительного мотива к сочинению его духовных стихотворений (в книге М.Г. Альтшуллера тоже не обсуждающихся) и времени их создания (все они впервые напечатаны в «Творениях»). Возможно, большинство из них было написано в связи с обострением религиозных чувств слепнувшего поэта незадолго до публикации в 1795 г., в том числе и «Ода, выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов...»

Николев не раз декларировал, что является почитателем Ломоносова и его последователем. В программном «Лиро-дидактическом послании» (1791) он упомянул Ломоносова четыре раза, а рассуждение о нем в «Пополнительных примечаниях на Лиро-дидактическое сочинение» (1796) завершил таким восклицанием: «Муж великий! Зодчий слова российского! ты есть и будешь жив в потомстве. Чем совершеннее рода твоего дарования предуспевают, чем выше *Гении-поэты* на *Пинде* российском возвышаются, тем более... более имя твое, дар и творения твои славимы» (III, 177).

Почитатели самого Николева в качестве одной из лестных похвал его стихам высказывали следующее: «Подобные стихи конечно сделали бы честь и самому *Ломоносову*, но об них не знают. Кто примет на себя труд читать пять томов *творений Николева*? Ныне во всем ищут *легкости*».³¹⁵

В одной из своих торжественных од Николев призывал «дух» покойного Ломоносова, как бы предлагая ему вещать устами своего последователя:

Восстань, гремящих дел певец,
О дух бессмертный, Ломоносов!
Гряди приять другой венец,
Воспевши днешний подвиг россов!

«Ода на победу, одержанную российским
флотом над турецким, 31 июля 1791 г.» (II, 138)

³¹⁴ Альтшуллер М.Г. Указ. соч. – С.243.

³¹⁵ <Маслов С.А.> Описание дружеского празднества в воспоминание Николая Петровича Николева // Сын отечества. – 1817. – Ч.36. – №9. – С.93. Эта похвала высказана по поводу одной строфы оды «Отец Отечества» (1796): «Порядок есть его держава, / Благодворение – венец; / Все честолюбие и слава – / Блаженство подданных сердец. / Их души истиной питая, / В их благе благо обретая, / Брежет как собственну их кровь; / Он польза им и оборона. / Его ж столпы блестяща трона – / Суд правды и граждан любовь» (III, 41); ср.: Поэты XVIII века: В 2 т. – Л.: Советский писатель, 1972. – Т.2. – С.66 (Библиотека поэта, бс).

Ю.В. Стенник отмечал, что «оды Николева пестрят многочисленными заимствованиями из ломоносовских од», но общность их «носит чисто внешний характер».³¹⁶ По его словам, «государственность позиции ломоносовских од, служившая источником их возвышенного пафоса, перерастает у Николева в казенный патриотизм официальной государственности, призванной воспевать и оправдывать любые политические акции правительства, и с этой точки зрения приобретающий в конце XVIII в. подчас реакционный смысл».³¹⁷ Иначе говоря, как авторы похвальных од они преследовали разные цели. Однако объяснить это можно отнюдь не только сервилизмом позиции Николева, а тем, что он творил в другую эпоху, когда характерный для Ломоносова государственно-патриотический пафос служил уже иным целям – «реакционным», т.е. отвечал на какие-то новые вызовы.

Прославление монарха и монархии в одах Николева, современника Французской революции, имело в подтексте полемику с противниками самого монархического принципа, чего не было у Ломоносова, которому не от кого было его защищать. Николев делает его предметом философской рефлексии и обосновывает с нравственных и религиозных позиций, как, например, в имевшей успех у современников оде «Отец отечества» (1796):

О воля! в коей съединенны
 Для правых и благих путей
 Несчетны воли, разделенны
 Духопадением людей,
 Хаосом нравов, смесью мнений,
 Сих родников предрассуждений,
 Покрывших тьмой земной округ.
 О Гений, властью полезный!
 Отец отечества любезный!
 По сану царь, по чувству друг!
 (III, 34)³¹⁸

³¹⁶ Стенник Ю.В. Ломоносов и Николев: (Некоторые тенденции в развитии жанра похвальной оды последней четверти XVIII в.) // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В.В. Виноградова. – Л.: Наука, 1971. – С.62–63.

³¹⁷ Там же. – С.67–68.

³¹⁸ Ср.: Поэты XVIII века. – Т.2. – С.62.

В той же оде, впрочем, есть предупреждение, что бывает не только «*Царь-правда*», но и «*Царь-обман*», а в примечании к одному месту в «Лиро-дидактическом послании» Николеву пришлось сделать оговорку: «Российской Империи правление есть *Монархическое*, а не *деспотическое* (так, как иностранные писатели ложно о том думали); паче при владении Екатерины II, запретившей верноподданным своим называться рабами...» (III, 296).

Как сочинитель духовных од Николев был в сходном положении и имел в виду аудиторию, безразлично или враждебно относящуюся к христианству, тогда как Ломоносову, напротив, приходилось предупреждать возможные упреки в неправоверии (в котором, впрочем, он не считал себя повинным). Воспитанник княгини Е.Р. Дашковой,³¹⁹ Николев с ранней юности принадлежал к кругам, в которых религиозное вольнодумство, хотя бы умеренное, было почти нормой и признаком хорошего тона. В его «Сатире на развращенные нравы нынешнего века» (в редакции 1797 г.) читаем:

Умей лишь в соборищах бранить закон и Бога,
Во все тебе дома отверстая дорога...

(IV, 66)

В ранней редакции, изданной в 1777 г. («Сатира на развращенные обычаи нравы развращенных людей нынешнего века»), которую сам автор датировал 1770 г., приведенных строк еще не было,³²⁰ что весьма характерно. Смолоду Николев был не чужд некоторого религиозного вольнодумства и политического либерализма, легкие признаки которых способствовали успеху его трагедии «Сорена и Замир» (1784, пост. 1785, опубли. 1787), вдохновленной трагедиями Вольтера.³²¹ Тем больше позднее у него было причин,

³¹⁹ М.Г. Альтшуллер полагает, что «княгиня забрала отрока к себе в дом не ранее 1765 г.», т.е., по его выкладкам о дате рождения Николева, в возрасте 14–15-ти лет (*Альтшуллер М.Г. Указ. соч. – С.230*). Согласно первой биографии поэта (1816), это произошло в шестилетнем возрасте: «...одаренный приятно наружностью и живым характером, на шестом году своего возраста обратил на себя особое внимание Княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая, по родственному знакомству с его родителем, выпросила сына на свое попечение» (*Маслов С.А. Краткая биография Николая Петровича Николева. – С.198–199*).

³²⁰ См.: Поэты XVIII века. – Т.2. – С.491–493 (примеч. Г.С. Татищевой). Здесь в качестве примера приведен отрывок из ранней редакции, соответствующий стихам 77–166 окончательного текста (где находится процитированное двустишие).

³²¹ См.: *Кодлубовский А.* «Сорена и Замир» Николева и трагедии Вольтера // Известия отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. – 1908. – Т.12. – Кн.1. – С.185–204. Сюжет «Сорены и Замира» восходит к трагедии Вольтера «Альзира». Насчет упоминаний Вольтера в «Творениях» Николева есть замечание П.Р. Заборова: «Что же касается неоднократных упоминаний Вольтера в его сочинениях, то они имеют почтительный или нейтральный характер, когда речь идет о Вольтере-поэте (см.: Творения, ч.3, с.134, 162), и обличительный, когда идет речь о Вольтере – политическом мыслителе и философе (там же, ч.4, с.57, 109)» (*Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII– первая треть XIX века. – Л.: Наука, 1978.*

сочиняя духовные оды, воображать себя защитником веры и нравственности, который не ищет славы у модной молодежи, пленяющейся произведениями Н.М. Карамзина.³²²

В письме «Автор к издателю», помещенном в третьей части «Творений» (1796), Николев жаловался на хулителей первой части, а среди прочего засвидетельствовал об одном любопытном упреке в свой адрес: «Одни кричали: как осмелился я передразнить *Ломоносова* и *Сумарокова*, преложа те же Псалмы, кои и они предлагали? будто я в угодность их обязан лишиться простительного самолюбия; обязан думать, что между *Ломоносовым*, *Сумароковым* и мною более расстояния, нежели между ими и *Давидом*, устами коего возглашал к самому Себе Бог» (III, 3).

Именем Сумарокова (который, как известно, переложил Псалтирь полностью) Николев маскировал тот факт, что из 26-ти переложений псалмов, напечатанных в первой части его «Творений» (I, 1–60), восемь – это псалмы, переложенные Ломоносовым (1, 14, 26, 34, 70, 103, 143, 145), т.е. *все* переложенные им псалмы.³²³ Николев явно соревновался с «зодчим слова российского» (по его выражению). Если же учесть, что сразу за псалмами как ода 27 напечатано переложение речи Бога к Иову, а среди следующих стихотворений находится «Гимн утренней заре» (I, 91–93), где речь идет о солнце (как в «Утреннем размышлении» Ломоносова), то становится ясно, что это соревнование было планомерным.

В ряде случаев Николев в точности копировал форму переложений Ломоносова. Так, единственный у него переложенный хореем (а не ямбами) псалом 14 Николев тоже переложил хореем:

Господи! кто населяет
Стран надзвездных Твой чертог?
Кто свой дух увеселяет
Там Твоей любовью, Бог?
(I, 26)

Ср. у Ломоносова: «Господи, кто обитает / В светлом доме выше звезд?..»

– С.89 [сноска 55]). Двойственность своего отношения к Вольтеру Николев выразил в таких стихах: «Свободы ложныя и злой тщеты пример, / С глаголом Божиим смешавший слог безбожный, / Бессмертный муж пером, а верою ничтожный» («Послание к Панину» [IV, 109]).

³²² О полемике Николева с Карамзиным см.: *Арзуманова М.А.* Из истории литературно-общественной борьбы 90-х годов XVIII в.: (Н.П. Николев и Н.М. Карамзин) // Вестник ЛГУ. – 1965. №20. Серия истории, языка и литературы. – Вып.4. – С.73–83; *Альшиллер М.Г.* Указ соч. – С.336–389, в особенности с.365–374 (о нападках на Карамзина и И.И. Дмитриева в третьем томе «Творений»).

³²³ За вычетом короткого (в одно четверостишие) 116 псалма в «Риторике» Ломоносова, никогда не печатавшегося среди его духовных од.

Переложение псалма 26 у Николева выглядит почти как плагиат:

Спаситель мне и свет Господь,
 Кого, кого я убоюся?
 Хранит Он мне и дух и плоть,
 Кого, кого я утрашуся?
 <...>
 От матери я и отца
 Еще в младенчестве оставлен,
 Но от всещедрого Творца
 Для блага моего избавлен.
 <...>
 Неколебимо сердце будь,
 О Господе мужайся твердо;
 Надежно совершай свой путь:
 С тобою око милосердо!
 (I, 26–28)

Здесь и начало ломоносовское (ср.: «Господь – Спаситель мне и свет: / Кого я убоюся? / Господь сам жизнь мою блюдет: / Кого я утрашуся?»), и добавленный к исходному тексту псалма мотив детского сиротства: «в младенчестве оставлен» (ср.: «Меня оставил мой отец / И мать еще в младенстве...»), и слово «мужайся» в последней строфе (ср.: «Ты, сердце, духом укрепись, / О Господе мужайся...») (здесь оно есть и тексте псалма).

Однако было бы слишком поспешно и несправедливо обвинять Николева, весьма оригинального поэта и умелого версификатора, в элементарном плагиате. В некоторых случаях, следуя Ломоносову *по форме*, он поправляет его *по смыслу*, т.е. иначе интерпретирует текст псалма, а часто привносит и посторонние ему мотивы.

В процитированном переложении 26 псалма мотив детского сиротства Николев (у которого он тоже был автобиографическим³²⁴) ввел по примеру Ломоносова, но не ограничился этим, а еще добавил и мотив *духовного зрения*: «Да к светлости его вперю / Душевные очи повсечасно, / Щедроты Божьей луч узрю, / Согрею сердце им подвластно» (I, 27). Этот мотив – не прямо из псалма³²⁵, а из переложения Ломоносова (ср.: «Ко свету

³²⁴ Если не сомневаться в сообщении первого биографа Николева (см. в сноске выше).

³²⁵ Ср.: «Тебе рече сердце мое, Господа възыщу. Възиска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, възыщу» (Пс 26:8).

Твоего лица / Вперяю взор душевный / И от всещедрого Творца / Приемлю луч
вседневный»), однако, в отличие от него, Николев определенно подразумевает свою
физическую слепоту: «сердце», которое «подвластно» «душевному очам» (а значит
неподвластно впечатлениям видимого мира), – далеко не тривиальный образ (здесь же ср.
и заключительный стих, не имеющий опоры в тексте псалма: «С тобою око милосердо»).

В переложении 70 псалма у Ломоносова в 17-й строфе («От уст моих
распространится / О истине Твоей хвала, / Благодеяний слух промчится / Тобой мне
бывших без числа») купирован один стих славянского текста: «Уста моя возвестят правду
Твою, весь день спасение Твое, *яко не познах книжная*» (Пс 70:15; курсив мой – В.К.).
Ломоносов поступил так по двум причинам: 1) в еврейском оригинале этот стих читался
иначе: «Уста мои буду возвещать правду Твою, всякий день благодеяния Твои, *ибо я не
знаю им числа*» (курсив мой – В.К.), и в данном случае он предпочел этот вариант
(опираясь на латинскую или немецкую Библию); 2) Ломоносов не мог применить к себе
слова «не познах книжная» (что значит: «ибо я не знаю книжного искусства»³²⁶), зато мог
опасаться, что мысль о превосходстве безыскусной веры и похвалы над книжной
ученостью и литературным (риторическим) искусством истолкуют в свою пользу
оппоненты светской науки и литературы, и без того склонные к обскурантизму. Поэтому,
вопреки своему общему правилу (см. выше 1.1), он и пропустил этот стих в своем
переложении. И именно в этом месте Николев его «поправил»:

Из уст моих рекой польется
Господней правде похвала;
По всей вселенной разнесется,
Безвестна хоть для книжна зла.

(I, 42; курсив мой – В.К.)

Николев ввел пропущенное Ломоносовым в переложении слово («книжна»), но
вместе с отсутствующей в тексте псалма мыслью. Книжное знание и искусство он
однозначно представил как «зло», чуждое всякой вере в Бога и благодарности Ему:
«Господней правде похвала <...> Безвестна... для книжна зла» (возможно, не без влияния
Сумарокова, который слова «не познах книжная» передал как «не тронут хитростью я

³²⁶ *Евфимий Зигабен. Толковая Псалтырь. Изъясненная по святоотеческим толкованиям / Пер. с греческого. – Изд. 3-е. – Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1907. – С.550.*

злою»³²⁷). Эта «поправка» обнаруживает, что Николев стоит на иных, чем Ломоносов, мировоззренческих позициях и (или?) преследует другие цели. В данном случае он обличает безбожие науки и философии своего времени, как в своей оригинальной «Оде Богу, в противность мирского умствования» (I, 170–174) (с естественными науками, по сравнению с Ломоносовым, он был знаком понаслышке, а о современном философствовании судил прежде всего по французским авторам XVIII в., из которых лучше всего ему был известен Вольтер).

В «Лиро-дидактическом послании» есть строки об оде «Бог» Г.Р. Державина:

И ложно то, что будто слог
Красив словесными кудрями.
Прекрасна смыслом ода *Бог*,
А не кудрявыми словами.

(III, 120)

По замечанию М.Г. Альтшуллера, «приняв идею оды, ее “содержание” (величие Божества), он не принял ее “формы”, назвав стихи Державина “кудрявыми словами”». ³²⁸ В отношении Николева к Ломоносову, кажется, имело место обратное: принимая «форму», он не всегда принимал «содержание». В первую очередь это касается ломоносовской «Оды, выбранной из Иова».

* * *

«Выбранная из Иова» ода Николева построена в точности по образцу оды Ломоносова. Написана такими же восьмистишными строфами, только с инверсированной последовательностью стихов с женскими и мужскими окончаниями (у Ломоносова – АБАБГГдд, у Николева – аБаБгГДД). Переложение речи Бога так же помещено в обрамление строф от автора и переложены те же места из Книги Иова, что у Ломоносова. В частности, из всех животных, описанных в оригинале, Николев тоже представил только орла (названного «пернатых царь»), бегемота и левиафана. Ломоносов к речи Бога добавил две строфы собственного сочинения – о творении светил небесных (3-я) и

³²⁷ «Наполню мир Твоей хвалою, / Твоею правдой все места: / Не тронут хитростью я злою; / А то гласят мои уста» (Сумароков А.П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. – Ч.1. М.: в Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. – С.94 («Из 70 псалма»)).

³²⁸ Альтшуллер М.Г. Указ. соч. – С.379. Здесь же (с.379–380) см. о попытке Николева в «Дополнительных примечаниях» оправдаться, что в этих стихах «прекрасный смысл» и «кудрявые слова» относятся к двум разным одам под заглавием «Бог» (державинской и какой-то неизвестной, возможно, придуманной Николевым).

человека (13-я). У Николева им соответствуют строфы 7-я и 18-я, являющиеся вариациями не библейского, а уже непосредственно ломоносовского текста.

Количество строф различается (у Ломоносова – 14, у Николева – 19), но композиционное соответствие при этом не нарушено: на месте одной первой строфы от автора у Николева три строфы (1–3); на месте первой строфы в речи Бога Ломоносова («Сбери свои все силы ныне...») у Николева тоже три строфы (4–6); на месте 5-й строфы в оде Ломоносова («Возмог ли ты хотя однажды...») у Николева две строфы (9–10); на месте 6-й строфы Ломоносова, заканчивающейся упоминанием ада («Ты спер ли адовы уста?»), у Николева две строфы (11–12), вторую из которых он особо посвятил аду; на месте трех строф ломоносовского описания Левиафана у Николева только две строфы (16–17) (единственный случай сокращения, а не «распространения»).

Очевидно, Николев рассчитывал, что его оду будут читать параллельно с одой, взятой за образец, сравнивая их и делая из этого какие-то выводы. Вряд ли он думал продемонстрировать свое превосходство над Ломоносовым в таланте и поэтическом искусстве. Зачем же он решился на рискованное состязание с величайшим, по его мнению, русским поэтом, да еще и с одним из лучших его произведений?

Ключ к ответу на этот вопрос дан в заглавии оды Николева: «Ода, выбранная из Иова, из тех же глав, из коих выбирал г. Ломоносов, *с прибавлением свободным почерпнутых мыслей из того же источника*» (курсив мой – В.К.). В переложении Ломоносова он не находил каких-то важных для себя *мыслей*, которые, по его мнению, обязательно следовало почерпнуть из Книги Иова. К ее содержанию пожилой поэт-слепец, в юные зрячие годы блиставший в аристократических верхах общества, не мог относиться равнодушно. Он, вероятно, был неудовлетворен тем, как оно представлено у Ломоносова, пожелал оспорить жизнеутверждающий пафос его оды и заявить о своем понимании библейской книги. Смысл поэтического состязания Николева с Ломоносовым в переложении из Книги Иова заключался в полемике по вопросам ее толкования. Николев рассчитывал преподать современникам более важные и актуальные, чем у Ломоносова, «мысли», почерпнутые из Книги Иова.

СТРОФЫ ОТ АВТОРА

Откровенно полемичные по отношению к Ломоносову установки Николев делает в строфах от автора:

<1>

Престань роптать на Бога, раб,
 Любя пути развратны века;
 Не Бог, а ты для блага слаб,
 Хоть создал с силой человека.
 Внуши Того глагол в твой слух,
 Кто яко легким клубом вдруг
 И небом и землей вращает,
 Внуши, что к Иову вещает.

<2>

Седяй в безвестности Своей
 Поверх высот всех граней сущих...

<...>

<3>

<...>

Возрел на землю – на песчинку,
 На Иова – как на пылинку.

<4>

Возрел, и так ему изрек...

<...>

<19>

О человек! – речь Божью вняв,
 Оставь твое сужденье ложно;
 Надежду в Боге восприяв,
 Терпи, терпи колико можно!
 Всех действий Бог причину зрит:
 Отъемлет или дар творит,
 Все правосудно есть и благо;
 Заслуги зрит, пред Ним все наго.

Ломоносов обращался любому к человеку, который «в горести» ропщет, Николев – к своему современнику, возлюбившему «пути развратны века», т.е. заведомо виноватому. Ломоносов в строфах от автора говорит с читателем, как добрый учитель с учеником: объясняет, советует, обнадеживает, утешает. Николев с первых слов принимает на себя роль пророка, свыше уполномоченного обличить обнаглевшего грешника и поставить его на место: «Престань роптать на Бога, *раб...*» Это слово он использует в исключительно

уничжительном смысле, вопреки библейской книге, где оно является высшею похвалой («И рече ему Господь: внял ли еси мыслию твоею на раба Моего Иова? Зане несть яко он на земли: человек непорочен, истинен, богочестив, удаляйся от всякия лукавыя вещи» [Иов 1:8]).

Первая строфа оды Николева написана как реплика в споре, как ответ на только что прозвучавшие слова: «Престань роптать... <...> Не Бог, а ты для блага слаб, / Хоть создал с силой человека». Автор обращается к отрицающему всемогущество и благость Бога – не к страдающему, а к дерзко и безбожно мыслящему человеку. Адресат оды – тот, кто разделяет мысли, высказанные, например, в поэме Вольтера «На разрушение Лиссабона», где он, по словам современника Николева, «...хотел доказать, что Бог не есть всеблагий, или, когда Он всеблагий, то не всемогущий».³²⁹ Николев включается в чисто интеллектуальную дискуссию, в которой ни одна сторона не нуждается в утешении, а требуется только доказать свою правоту – опровергнуть оппонента или, по крайней мере, заставить его замолчать.

Это совершенно иная ситуация, чем у Ломоносова, который (как и Бог в его переложении) обращается к тому, кто, может быть, ни в чем не виноват, а только растерялся и стал жаловаться. Бог у него говорит с *праведником* (Иовом), обладающим духовною *силой*, и призывает его собраться и ободриться («Сбери свои все силы ныне, / Мужайся, стой...»).

Николев (как и Бог в его переложении) говорит с тем, кто порицает мироустройство из-за того, что его желания не удовлетворяются, и отстаивает свои права, иными словами – с много о себе возомнившим и претендующим на что-то слабым и ничтожным грешником. Этот человек – «раб» и «для блага слаб», хоть создан был «с силой». Так Николев напоминает о первородном грехе, о том, что природа человека – падшая. И сразу указывает на абсолютное ничтожество земли и человека в глаза Бога, чью речь далее предстоит выслушать: «Возрел на землю – на песчинку, / На Иова – как на пылинку».

Ломоносов в последней строфе советует, *«рассуждая»* об услышанном от Бога, довериться Его «святой воле», а Николев – оставить «сужденье ложно» (что в контексте его оды значит оставить всякое рассуждение). В ломоносовском понимании страдания имеют *цель* («на пользу нашу»), а у Николева – *причину*: «Всех действий Бог причину зрит».

³²⁹ Левшин В.А. Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона, писаное В. Лвшим к приятелю его Господину З*** <1788> // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / Подгот. текстов, вступ. статья, примеч. Т.В. Артемьевой. – СПб.: Наука, 1996. – С.221.

Вслед Ломоносову Николев призывает читателя к терпению и надежде, но делает это в разительно отличающихся выражениях. У Ломоносова: «Имей свою в терпении часть. <...> В надежде тяготу сноси...» Он указывает, что человеку *полезно* потерпеть свою «часть» невзгод, помня, что Бог оберегает его от горших и непосильных и «все на пользу нашу строит». У Николева: «Оставь свое суждение ложно; / Надежду в Богу восприяв, / Терпи, *терпи колико можно!*». В способности терпеть человек представляется существом неполноценным. Николев допускает, что есть *непереносимые* для человека страдания, которыми он *расплачивается* за свои грехи. «Воспрять» «надежду в Боге» у него значит надеяться на помилование и избавление от страданий, а не увериться в том, что страдает человек ради собственной «пользы».

Ломоносов заканчивает призывом к смирению и молитве: «И без роптания проси». Николев заканчивает утверждением: «Все правосудно есть и благо; / Заслуги зрит, пред Ним все наго». «Заслуги» здесь, вероятно, появились под влиянием католической доктрины об оправдании делами. Слова «пред Ним все наго» значат, что перед Богом обнажены все тайные пороки и грехи. Николев подводит законное основание для страданий: человек страдает потому, что сделался своевольным и возлюбил «пути развратны века». «Роптать» на Бога не только «напрасно» (т.е. несправедливо и бесполезно, как нужно понимать это у Ломоносова), но еще и преступно. Бог «отъемлет или дар творит» по Своему усмотрению. «Раб» должен унять свой «ропот», прежде всего, из страха перед неминуемым наказанием за него.

При этом у Николева нет ни слова о «пользе нашей» и, хотя утверждается, что «все правосудно есть и благо», показан лишь один вид правосудия – устрашение ослабевшего раба за его слабость и ничтожество. Как будто благочестиво подчеркивая дистанцию между Богом и человеком и греховность человеческой природы, Николев (может быть, не вполне отдавая себе в этом отчет) рисует далекую от христианства картину отношений жестокого хозяина и бесправного раба, причем ничтожным у него выглядит не только человек, но и все творение, которым Творец презрительно вращает «яко легким клубом». Бог в его оде получает черты злого демиурга гностиков.

ТВОРЕЦ И ТВОРЕНИЕ

Бог у Николева начинает речь к Иову с изъявления гнева в его адрес:

Возрел, и так ему изрек:
 «Исполня гласом мира слухи,
 Колебнув глубь морей и рек,
 Соделав трески громов глухи,
 И клочок бездн и бурь всех рев,
 Да познает неправда гнев,
 И сколь Тот есть велик, обилен,
 Кто сдвинуть океан был силен!

<5>

О Иов, ропщущ и скорбящ!
 Прибегни к должному терпенью!
 Познать судьбы Мои хотящ,
 Уже готовится к паденью;
 Но ропот попустя уму,
 Ответствуй Богу своему,
 Оружьем слова ополчая,
 Колико можешь умудряся...

Обращаясь к Иову по имени, Бог выражает понимание его положения и почти сочувствие («О Иов, ропщущ и скорбящ!»), но тут же объявляет терпение страданий «должным», т.е. предписанным человеку, являющимся его обязанностью перед Творцом, а желание «познать пути» Божии – греховным («Познать судьбы Мои хотящ, / Уже готовится к паденью...»).

В строфу о творении светил Николев вводит догматическое положение о творении мира «из ничего» (словесно не выраженное у Ломоносова, что Николев, наверное, счел упущением):

<7>

Помысль – твоя могла ли мощь
 Из ничего создать вселенну,
 День с солнцем, а с луною ночь
 В черту поставить непременно...

Подчеркнуть, что мир был сотворен из ничего, для Николева было важно в полемических (наверное, антимасонских) целях, и он это делал неоднократно, в том числе в программном «Лиро-дидактическом послании», ставя в пример сочинителям духовных

од боговдохновенных авторов Священного Писания: «Красу природы обозрев / (И буде силам то возможно) / К причинам действий ум прострев, / Не дерзостно и не безбожно, / *Не чтя началом вещество, / Во песнях славят Божество* / И сердца обнажают ревность: / Да жар в душ не будет скрыт, / Да воспевают, как Давид / Воспел щедроты Божьи в древность» (Ш; курсив мой – В.К.).

У Ломоносова стих об аде («Отверзаются же ли тебе страхом врата смертная, вратницы же адовы видевшие тя убояшася ли?») [Иов 38:17]) переложен в четырех стихах, занимающих половину строфы (6-й). У Николева это переложение занимает всю строфу:

<12>

Ты смел ли шаг хоть раз простерть
К жилищу мрачного дыханья,
И страшна ада дверь приперть
Без трепета и содроганья?
Возмог ли тартар сокрушить,
Геенну духом затушить,
А рай представить маньем взгляда,
Да верных усладит отрада?

Николев использует сразу три синонима: ад, тартар, геенна. Последнее слово должно напомнить, что ад – это место мучения грешников, геенна огненная (слово «геенна» встречается только в Евангелиях: Мф 5:29; 23:33; Мк 9:43, 9:45, 47; Лк 12:5 и др.), от которой один Бог волен спасти человека. И тут же поэт указывает на рай (не упомянутый ни в оригинале, ни у Ломоносова), который Бог может даровать «верным». Тем самым Николев, с одной стороны, акцентирует свое христианское правоверие, а с другой, продолжает преследовать основную в этой оде цель – склонить слушателя к отказу от своеволия и покорности Богу, рисуя перед ним перспективы вечного мучения или вечного блаженства.³³⁰

Только Бог решает, кому погибнуть, а кому жить. И это касается не только воздаяния в будущей жизни: таково устройство этого мира в изображении Николева, где Бог откармливает жертвы для насыщения хищников. Такая картина представлена в строфе об орле:

³³⁰ В акцентуации Николевым темы ада и адских мучений, возможно, сказалось влияние од А.П. Сумарокова, в которых, в отличие от ломоносовских, изображение ада стало «почти навязчивым» (см. об этом: *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. – СПб.: Наука, 2005. – С.251–261, здесь с.253).

<14>

Возри в верхи на дивну тварь:
 Твоими ль хитрыми делами
 Вознесшийся пернатых царь
 В поднебесе шумит крылами,
 Паря в безоблачных странах,
 Зрит быстро в поле, на водах,
 Все жертвы сыто накормленны,
 Творцем ему определенны?

БЕГЕМОТ И ЛЕВИАФАН

В отличие от Ломоносова, Бог у Николева не убеждает Иова, не пытается вызвать у него восхищение великолепием мироздания, а устрашает его, внушая, что он слаб, беспомощен и в любую минуту может быть уничтожен. Соответственно, бегемот и левиафан у Николева изображаются как опасные и безжалостные враги человека:

<15>

Яви могущество твое
 С Моею тварью бегемотом,
Кто в чрево жадное свое
Тебя одним пропустит глотом;
 Моги сразиться с ним посметь!
 В нем жильна связь, как вервий сеть;
 В нем тверда кость, как слиток меден,
 Стопе колючий терн безвреден.

<16>

Поймай на острый твой багор
 Царя пучин левиафана,
 Чей (как свеща горяща) взор
 На безднах блещет океана,
 Как скован зрится из серебра,
То как недвижима гора,
Когда главою вознесется,
 То с шумом, как корабль, несется.

<17>

Коль с супротивным в брань вступил,
 Пучина вся в пенистых клубах,
Все волны кровью обагрил,
 В гортане огонь, пилы на зубах;
 Дыханьем ярости палит,
Ударом плеска все валит,
Суда на щепи раздробляет –
 Кто ж Тот, Кто тварь сию являет?

Курсивом выше выделены строки, не имеющие соответствия ни в Книге Иова, ни у Ломоносова. Николев ввел их ради прояснения губительности этих тварей для человека. Он показывает прожорливых и кровожадных чудовищ, наделяя обоих чертами крокодила (способность проглотить добычу целиком и «пилы на зубах»), но, в общем-то, не интересуется зоологией. Об оде Николева нельзя сказать, как о ломоносовской, что это «песнь души, знакомой с устройством природы».³³¹ Его левиафан обитает в «океане» (как у Ломоносова), ведет себя как крокодил («Все волны кровью обагрил...»), при этом «суда на щепи раздробляет», выглядит как скованный «из серебра» и умеет высоко «главою возноситься» (вроде ящера или «змия»). Из самой Книги Иова (славянского текста) Николев для описания левиафана взял только две пропущенные Ломоносовым детали: он назван «царь пучин» («...сам же царь всем сущим в водах» [Иов 41:25]), а взор его – «как свеча горяща» («...очи же его видение денницы. Из уст его исходят аки свечи горящия» [Иов 41:9–10]). Это те детали, которые помогают изобразить левиафана более устрашающим, но не дают демонологических ассоциаций, которые Николеву тоже оказались не нужны (он мог бы, например, назвать его не «царь пучин», а последовать за западными переводами этого стиха: «он царь над всеми сынами гордости» [Иов 41:26]). Бегемот и левиафан у Николева не демоны, а фантастические животные, правда, с демонической функцией в мироздании – быть губителями, устрашать и наказывать грешников.

СТРОФА О ЧЕЛОВЕКЕ

Как и у Ломоносова, речь Бога в переложении Николева завершается строфой о творении человека:

³³¹ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. – СПб.: Издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1884. – С.335.

<18>

Когда возмнил явить миры
 В образование вселенной,
 Твои ли брал на то дары,
 Твоей ли строил силой тленной?
 Когда Я слову плоть нарек,
 Как Мной творился человек,
 Где Иов был с своим советом,
 С судом ума, удельным светом?

Ломоносов в строфе о человеке опирался на стихи славянского перевода Книги Иова, читающиеся в нем иначе, чем в западных, и в соответствии с православной традицией их толкования подчеркивал достоинство человека, призванного стать праведным и совершенным (см. выше 1.6).

Николев цитацию славянского текста у Ломоносова либо не распознал, либо намеренно ею пренебрег. Ему важно было подчеркнуть не ограниченность возможностей человека наряду с его высоким достоинством в глазах Бога (как у Ломоносова), а его абсолютное ничтожество, уняв тем самым его высокомерие и самонадеянность. Общая мысль строфы у Николева действительно оказалась сведенной к тому, что человек не был участником творения (что, в общем-то, самоочевидно), а значит в советах его Бог не нуждается и к мнениям его прислушиваться не будет. «Где Иов был с своим советом, / С судом ума, удельным светом?» – эти слова значат, что человек не просто ограничен в возможностях познания мира, а *ущербен* в этом отношении и несамостоятелен. Способности его «ума» – это только «удельный свет», уделенный ему Богом. Любое суждение человека («суд ума»), не санкционированное свыше, по Николеву, заведомо будет ложным (ср. в последней строфе: «оставь свое сужденье ложно»), а в отношении к Богу и его Промыслу еще и греховным, а в конечном счете самоубийственным:

Познать пути мои хотящ,
 Уже готовится к паденью...³³²

(строфа 19)

³³² Антитеза веры и знания была характерна для духовных стихотворения этого времени, в том числе для масонских авторов. Так, в стихотворении П.И. Голенищева-Кутузова «К вере» читаем: «Луч драгоценный / Веры святой! / Ум мой смущенный / Ты успокой. <...> Дух горделивый / Замыслы рвут, / Разум строптивый / Знаньем надут» (*Голенищев-Кутузов П.И. Стихотворения: [В 4 ч.]. – Ч.1: Содержащая одни сочинения. – М.: Унив. тип., у Любия, Гария и Попова, 1803. – С.45).*

* * *

Ломоносов опирался на славянский перевод Книги Иова и восточно-христианскую традицию ее толкования (Иоанн Златоуст, Олимпиодор). Для Николева последняя была либо не очень известна, либо не актуальна. Стиль его переложения более славянизированный, чем у Ломоносова, вернее – намеренно архаизированный. Однако выражения и стихи славянского перевода, не использованные Ломоносовым, практически не используются и у Николева (одно из немногих исключений – в строфе 16-й о левиафанах, см. выше). Славянизмы в лексике и синтаксисе у него только стилистический прием. Вероятно, текст Книги Иова лучше ему был известен не в славянском, а в одном из европейских переводов (французском?). Руководством для понимания Книги Иова ему служили не греческие отцы Церкви и не ученые латинские богословы, а, скорее всего, ее современные литературные интерпретации, такие как поэма Э. Юнга «Парафараза части Книги Иова» (1719) (см. о ней выше – 1.1). Этим, в частности, объясняются некоторые особенности изображения им бегемота и левиафана в его оде.

В целом для Николева первостепенное значение имела традиция европейской религиозной поэзии. Друзья называли его «Русским Мильтоном», и не только из-за слепоты: по свидетельству Н.М. Шатрова, среди оставшихся после смерти Николева ненапечатанными произведений была поэма «Изгнанная Простота», «в своем роде единственная и в отношении к человеку то же, что “Потерянный Рай”...»³³³

Стефан Маслов, друг и первый биограф Николева, среди прочего обронил такое замечание: «Слог его вообще довольно чист и ясен, если только не затмевается некоторыми *мистическими понятиями*, которые часто встречаются в его сочинениях и были приметны в его образе мыслей».³³⁴ Из каких источников питался «мистицизм» Николева, сейчас, в силу неизученности его духовных стихотворений, говорить преждевременно, но по некоторым признакам можно предположить, что среди них было немало католических сочинений (вопреки именованию его «Русским Мильтоном», конфессиональные моменты для друзей Николева тут не имели значения). Так, в «Оде, выбранной из Иова» Николева нашла некоторое отражение специально католическая доктрина о «заслугах», но не находится никаких определенных следов православной традиции (в отличие от Ломоносова).

³³³ Шатров Н.М. Песнь дружбы на кончину Н.П. Николева // Сын отчества. – 1816. – Ч.28. – №12. – С.17 (сноска). Здесь же названа «лирическая поэма “Зораида”, белыми стихами». Обе поэмы так и не были напечатаны и местонахождение их неизвестно.

³³⁴ Маслов С.А. Краткая биография Н.П. Николева. – С.212.

Вступая в состязание с Ломносовым, Николев преследовал религиозно-дидактические, а главным образом полемические цели. Он хотел поколебать самонадеянность безбожников и рационалистов, запугать и отвратить их от «развратных путей века», склонив к признанию ничтожества человека и заслуженности его страданий. В последней строфе он, как и Ломоносов, сделал «полезный» вероучительный вывод: «Все правосудно есть и благо», однако куда менее канонично, чем он, понял общую ситуацию Книги Иова и интерпретировал ее отдельные образы. В оде Николева Бог оказывается не защитником и покровителем человека в лице *праведного страдальца* Иова, а суровым судьей развратного и малоумного раба, готовым обрушить на его голову заранее подготовленные ужасы. Их наглядным примером в оде являются бегемот и левиафан, описанные как прожорливые и кровожадные чудовища.

При интерпретации образов Книги Иова (и оды Ломоносов) Николев, прежде всего, помышлял об опровержении современных безбожных «умствований», обличению которых посвящена его оригинальная «Ода Богу, в противность мирского умствования». В ней он не был связан ни рамками поэтического состязания, ни необходимостью как-то придерживаться текста Священного Писания и более непосредственно высказался о занимавших его дискуссиях своего времени:

Но, о Боже! – сколько в мире
 Восстают против Творца!
 Слышу в рубище, в порфире,
 Слышу горда мудреца,
 Вопиющих повсечасно:
 «Создал Бог меня напрасно!»
 Или: «Создал – как тиран,
 Коль предвидел бедства века,
 Сотворяя человека,
 Сам привел его в обман!»
 <...>
 О гнуснейшие развраты!
 Мук своих достойна тварь!
 Став виной своей утраты,
 Рабствуй – сотворенный царь!
 Рабствуй, коль забыл начало,
 С коего в ничтожность пало

Все величие твое!
Будь машина – ум имея!
Будь машина – разумея
Все могущество свое!

Я презря твое упрямство,
Бога зрю и чту вовек!
Но хоть гнусно окаянство:
Все любезен человек,
Осудя его – жалею! –
Гибель ту я разумею,
Кою гордость строит нам.
Вижду муки здесь – и тамо,
Где создание упрямо
Мзду примет по делам.

(I, 170–174)

Глава третья

РЕЧЬ БОГА К ИОВУ В СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

§3.1. Книга Иова и «Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова в русской поэзии конца XVIII – начала XIX века: вводные замечания. – §3.2. Стихотворение С.А. Ширинского-Шихматова «Песнь Сотворившему вся». – §3.3. Поэма Ф.Н. Глинки «Иов. Свободное подражание священной Книге Иова»: (фрагмент о бегемоте и левиафане). – §3.4. Переложения Е.Л. Милькеева из Книги Иова. – §3.5. Некоторые итоги.

§3.1. Книга Иова и «Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова в русской поэзии конца XVIII – начала XIX века: вводные замечания

Ломоносовская «Ода, выбранная из Иова» для писателей (и читателей) следующих поколений являлась классическим произведением. Ее разучивали в школах и знали наизусть.³³⁵ Это стало одной из причин длительного успеха антипавловского памфлета С.Н. Марина, написанного в форме пародии на нее: «О ты, что в горести напрасно, / На службу ропщешь, офицер...»³³⁶

Прежде всего ода Ломоносова являла собой некий эталон «библейского» стихотворения. Первое в русской поэзии XVIII в. оригинальное стихотворение на библейские темы – «Краткое описание Священной истории стихами» А.Ф. Протопопова (1769), состоящее из 103 восьмистишных строф, – по форме строф копирует «Оду, выбранную из Иова» и содержит заимствования из нее (как и из других стихов Ломоносова), хотя историю Иова Протопопов не упоминает (как не относящуюся к Священной истории). Вот, например, одна из строф:

³³⁵ Выше (1.1) упоминалось, как ее цитировал гоголевский Хлестаков (там же см. высказывания П.А. Катенина и К.С. Аксакова).

³³⁶ Пародия получила рукописную известность еще в царствование Павла I, точнее она не датируется; впервые напечатана А.И. Герценом в «Историческом сборнике вольной русской типографии в Лондоне» (Кн.2. Лондон, 1861. С.17–20) (см.: *Песков А.М.* Марин Сергей Никифорович // *Русские писатели 1800–1917.* – Т.3: К–М. – М., 1994. – С.518); позднее не раз переиздавалась (см., например, в кн.: *Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.) / Вступ. статья, подг. текста и примеч. А.А. Морозова.* – Л.: Советский писатель, 1960. – С.130–133, 691–692 (примеч.)). С.Т. Аксаков, искренний почитатель Ломоносова, считавший «Оду, выбранную из Иова» лучшим его произведением, вспоминал, как во время учебы Казанском университете (1805–1807), начав декламировать ее перед профессором Г.Н. Городчаниновым, «по непостижимой рассеянности» прочел первые два стиха пародии Марина (см.: *Аксаков С.Т.* Семейная хроника и воспоминания. – М.: Тип. Л. Степановой, 1856. – С.368–369 [«Воспоминания: Университет»]).

Прославлен чудными делами
 Во всех народах вышний Царь!
 Премудрыми всегда судьбами
 Казнит или покоит тварь;
 Он гневом злых искореняет
 И добрых племя умножает:
 Убил Содома гнев небес;
 Но Авраамов плод вознес.³³⁷

Все первое четверостишие – контаминация стихов Ломоносова из похвальной «Оды <...> 1747 года» («Ужасный чудными делами / Зиждитель мира искони / Своими положил судьбами / Себя прославить в наши дни...»³³⁸), «Утреннего размышления» («И, на Твою взирая тварь, / Хвалить тебя, бессмертный Царь») и «Оды, выбранной из Иова» («Он все пользу нашу строит, / Казнит кого или покоит»).

Прямым откликом на оду Ломоносова является стихотворение П.П. Икосова «Глас Божий к человеку», опубликованное в журнале «Вечерняя заря» в 1782 г.³³⁹ Это первое напечатанное произведение 22-летнего автора, выпускника Московского университета, а вскоре одного из членов-учредителей петербургского Общества друзей словесных наук (и, между прочим, близкого друга С.С. Боброва с 1780 г. до конца его дней).³⁴⁰ Оно состоит из 10-ти строф, приводим первые две и последнюю:

Внемли, о смертный, бодрым слухом,
 Внемли! Творец к тебе гласит!
 Еще ль ты ходишь, смутен духом?
 Еще в тебе мой образ спит!
 На то ли он в тебе вселился,
 Чтоб сам рабом рабу явился;
 И тело, вместо чтоб служить,
 Над ним господствие прияло
 И душу узами связало?

³³⁷ *Протопопов А.Ф.* Краткое описание Священных истории стихами. – [М.]: при Имп. Моск. университете, 1769. – С.9 (строфа 24; в оригинале строфы не нумерованы).

³³⁸ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: [В 10 т.]. – Т.8. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.199. Все следующие в этой главе цитаты из стихов Ломоносова даются по этому изд. без постраничных ссылок.

³³⁹ *Икосов П.П.* Глас Божий к человеку // Вечерняя заря. – 1782. – Ч.3. – Сентябрь. – С.43–46.

³⁴⁰ См. о нем: *Степанов В.П.* Икосов Павел Павлович // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.1: А–И. – Л.: Наука, 1988. – С.352–353. О его отношениях и творческих контактах с Бобровым (о подробностях смерти которого Икосов в 1810 г. написал в некрологе) см. по указателю в нашей кн.: *Коровин В.Л.* Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество. – М.: Academia, 2004.

Еще ль ты можешь то сносить?

Прости свое повсюду око
 На все, чему я быть судил;
 Вселенной поле зри широко,
 Где мудрость с силой я явил!
 Найдешь ли ты перед собою
 Величеством и красотою
 Какую предпочтенну тварь?
 К твоим услугам все стремится,
 Не ясно ли оттоле зрится,
 Что сам в тебе вселенной Царь?

<...>

Сбери все силы расточенны,
 Оттряси дремоту очей,
 И трезвым духом ополченный,
 Иди во след моих лучей!
 Ужасны трудностей громады
 Презрев, ищи в душе отрады;
 И сим ты шествуя путем,
 Обрящешь паки рай веселый,
 И плод твоих стараний спелый
 Сладчайшей пищей будет в нем.

Здесь тоже нетрудно отметить текстуальные заимствования из «Оды, выбранной из Иова» и «Утреннего размышления» Ломоносова («Прости свое повсюду око...», «Сбери все силы...»). Все стихотворение Иковского – речь Бога к человеку, но при этом совсем не используется Книга Иова, а только ломоносовское переложение. Иковский извлекает из него тему достоинства человека и развивает в специфичном для масонства ключе: человек должен вспомнить о своем великом предназначении и великих возможностях, пробудиться от духовного сна, просветиться светом истины («Оттряси дремоту очей <...> Иди во след моих лучей!») и, путем самосовершенствования, своими «стараниями» очистившись от плотских, «скотских» вожелений (в третьей строфе: «Но ты, забыв свою ту цену, <...> За Бога плоть свою считая, / Ее желанья угождая, / Жизнь скотскую всегда ведешь!»), вернуться к исходному блаженству («Обрящешь *паки* рай веселый»). Сами по себе эти масонские коннотации только естественны, если иметь в виду окружение

Икосова в тот период и то, что стихотворение напечатано в масонском журнале. Интересно, что они возникают в отклике на оду Ломоносова, идеи которой Икосов развивает в направлении, диаметрально противоположном, чем, например, позднее Н.П. Николев (или, может быть, осознанно полемизирует с ними). Сопоставляя два поэтических отклика на «Оду, выбранную из Иова» – Икосова и Николева, можно отметить их как факты ее *масонской* и *антимасонской* рецепции. И оба автора, в отличие от Ломоносова, исходят отнюдь не из текста Книги Иова и ее святоотеческих толкований, а из современных им теорий, далеких от традиционного христианского мирозерцания, отразившегося в духовных одах Ломоносова.

В сборнике М.М. Вышеславцева (тестя В.Л. Пушкина) «Приношение религии», в его первой книжке (1798), «Ода, выбранная из Иова» Ломоносова была напечатана под заглавием «Немощь человеческая. Из Иова».³⁴¹ Непосредственно перед ней Вышеславцев поместил свое переложение псалма 8 под заглавием «Слава Божия», первая и последняя строфы в нем дословно повторяются:

Велик Господь, велик Ты! – Силен!
 Ты чудесами изобилен! –
 Ты землю всю дивишь Собой!
 Какая окружает слава!
 Как велика Твоя держава!
 Как небо низко пред Тобой!³⁴²

Здесь, пусть и не слишком умело, Вышеславцев делает почти то же, что Ломоносов в двух своих «Размышлениях о Божием величестве» («Утреннем» и «Вечернем») – прославляет величие Творца и утверждает мысль о Его абсолютном превосходстве над творением (даже небо «низко» перед Ним).

Во второй книжке сборника (1801) Вышеславцев поместил свое переложение псалма 45 под заглавием «Сила Божия», еще откровенней перекликающееся с названием оды Ломоносова в его сборнике – «Немощь человеческая». Вот начальные строфы «Силы Божией»:

Бог нам прибежище и сила,
 И в скорбях Он помощник Сам;

³⁴¹ Приношение религии / Издатель [и составитель] М.М. Вышеславцев: [В 2 кн.]. – Кн.1. – М.: в Унив. тип., 1798. – С.20–27.

³⁴² Там же. – С.18.

Хотя б смерть лютая грозила,
Ничто, ничто не страшно нам.

Хотя вселенная смутится,
Хоть в море лягут гор сердца;
Но правому чего страшится?
Имеет в Боге он Отца.³⁴³

Здесь первые шесть стихов почти дословно повторяют текст псалма, последние два – добавлены, сочинены Вышеславцевым.³⁴⁴ В них эксплицируется мысль, что праведник ни при каких обстоятельствах не может по-настоящему потерпеть вреда («Но правому чего страшится?»), ибо Бог ему Отец, «прибежище и сила». Это как раз та мысль, которую внушал читателям Ломоносов в «Оде, выбранной из Иова» (и Иоанн Златоуст в «Слове о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может»). Озаглавив ломоносовскую оду из Иова «Немощь человеческая», Вышеславцев определенным образом ее интерпретировал, но совсем не так, как Николев, страстно доказывавший ничтожество человека (чтоб опровергнуть мысль о его *правах* перед Богом). Представление «немощи человеческой» в сборнике Вышеславцева находится в тесной связи со «славой Божией», открывающейся в «чудесах» Его творения, и «силой Божией», совершенно неодолимой и направленной к благу человека. В отличие от Иковского и Николева, Вышеславцев обнаруживает близкое Ломоносову и вполне традиционное мирозерцание, в котором Бог и человек, вера и знание находятся в принципиально неконфликтных отношениях.

При всех различиях рецепции «Оды, выбранной из Иова» у Иковского, Николева и Вышеславцева, их стихотворения свидетельствуют о том, что писателями XVIII в. активно осмыслялась не только ее художественная форма, но и идейное содержание, в чем, наверное, и заключался один из секретов ее популярности.

Отдельные образы оды Ломоносова – в первую очередь, кит-ливияфан, введенный им в русскую поэзию, неизбежно служили фоном для сходных поэтических изображений. Так, в поэме М.М. Хераскова «Царь, или Спасенный Новгород» (1800) левияфан возникает для сравнительного описания воинственности и жестокости героя в сражении, в чем сказались и зависимость от Ломоносова, и отчасти полемика с ним:

³⁴³ Там же. – Кн.2. – М.: в Университетской типографии, 1801. – С.70.

³⁴⁴ Ср.: «Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех обретших ны зело. Сего ради не убоимся, вегда смущается земля, и предлагаются горы в сердца морская» (Пс 45:2–3).

Представь ливияфана в море
 Среди бесчисленных ладей;
 Имея пламень в ярком взоре,
 Он давит как тростник людей;
 Где черны ребра прилегают
 Оттоле волны убегают:
 Таков ужасен был Сегон;
 В крови ступал и плавал он.³⁴⁵

О литературной влиятельности переложения Ломоносова из Иова говорит и тот факт, что его брали за образец не только в библейских переложениях. Так, В.В. Капнист в предисловии к переводу од Горация привел первые пять строф «Оды, выбранной из Иова» в качестве примера «витийственного распространения» «картин подлинника» (тут же приведен славянский текст Иов 38:1, 3–13) и добавил: «Подражая, соответственно слабым способностям моим, превосходному примеру сему, осмелился я в некоторых местах перевода моего од Горациевых употребить свободу распространения...»³⁴⁶ Ранее одну из своих программных гораццианских од Капнист посвятил Ломоносову («Гений-пиит (Ломоносов)», 1791?) и ввел в нее видоизмененную цитату из «Оды, выбранной из Иова» как репрезентирующую все его духовные оды:

Творца глаголы повторяя,
 На суд ли смертного с ним звал?
 «Он, гласом грома прерывая,
 Словами небо колебал.
 С покрытыя пучины мглою
 Хаосный, леностный туман
 Разгнал всеильною рукою
 И с суши сдвинул океан».³⁴⁷

³⁴⁵ <Херасков М.М.> Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть. – М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. – С.164.

³⁴⁶ Капнист В.В. Опыт перевода и подражания Горациевых од / Изд. подготовил А.О. Дёмин. – СПб.: Наука, 2013. – 14–17 – (Лит. памятники). При жизни Капниста этот задуманный им сборник не вышел. «Предисловие» сохранилось среди его рукописей второй половины 1800-х – начала 1810-х гг.; впервые полностью опубликовано в 1960 г. (см. о нем в статье и комментариях А.О. Дёмина: Там же. – С.320–323, 366–370).

³⁴⁷ Капнист В.В. Опыт перевода и подражания Горациевых од. – С.103. Ода была опубликована в 1806 г. А.О. Дёмин датирует ее 1791 г., связывая с полемикой по поводу «Изображения Фелицы» Державина (Там же. С.333–334). См. также: Дёмин А.О. О датировке трех гораццианских од В.В. Капниста // Державин и его время: Сб. науч. статей. – Вып.5. – СПб.: «ВИРД», 2009. – С.20–28.

В собственных духовных одах (переложениях псалмов) Капнист тоже ориентировался на «Оду, выбранную из Иова» (а не на переложения псалмов Ломоносова). Во-первых, потому что псалмы тоже перелагал свободно, «распространяя» их, а во-вторых, потому что в его переложениях находятся идеи, созвучные Книге Иова, и аллюзии на нее и ломоносовское переложение. Например, в начале оды «Вездесущность и Промысл Божий. Псалом 138» (1806):

Творец миров и человека!
Ты испытал меня, узнал;
И сокровенны издалика
Мои Ты мысли угадал.

Все подвиги мои Ты знаешь,
Пути мои все видишь Ты,
И каждый шаг мой назираешь
Недремно с горней высоты.

В уме рожденное лишь слово
Известно сердцу одному,
Из уст лететь едва готово,
Дошло уж к слуху Твоему.³⁴⁸

Уже первые стихи отсылают не столько к псалму 138,³⁴⁹ сколько к строфе о творении человека в оде Ломоносова, к последним словам Бога в его переложении («Как персть я взял в начале века, / Дабы создати человека, / Зачем тогда ты не сказал, / Чтоб вид иной тебе Я дал?»), выглядят как ответ того, кто утешился и прекратил «роптание». Третья строфа – аллюзия на слова Бога, повторенные Иовом в ответной речи: «Кто сей скрываяй от Мене совет, содержи же глаголы в сердцах, Мене же ли мнится утаити?» (Иов 38:2; 42:3). Напомним, что Олимпиодор, с которым согласовывался Ломоносов (см. 1.4), толковал их как слова одобрения Иова, засвидетельствовавшие его беспорочность:

³⁴⁸ *Капнист В.В.* Избр. произведения / Вступ. статья Г.В. Ермаковой-Битнер; подг. текста и примеч. Г.В. Ермаковой-Битнер и Д.С. Бабкина. – Л.: Сов. писатель, 1973. – С.81 (Библиотека поэта, бс).

³⁴⁹ В приведенных строфах (и следующей, четвертой) распространяются начальные стихи псалма: «Господи, искусил мя еси и познал мя еси: ты познал еси седание мое и востание мое. Ты разумел еси помышления моя издалика: стезю мою и уже мое Ты еси изследовал и вся пути моя провидел еси. Яко несть льсти в языке моем: се, Господи, Ты познал еси вся последняя и древняя: Ты создал еси мя и положил еси на мне руку Твою» (Пс 138:1–5).

«Знаю [всё о тебе], когда ты подвизаешься добрыми подвигами пред лицом Нашим, ничто касающееся тебя от Меня не скрыто. <...> ...ободряя его, как к другу, говорит [ему]: думаешь от Меня скрыть? или предполагаешь, что Я не знал о твоих сражениях? Я хорошо знаю твое беспорочное внутреннее расположение, если даже [ты] молчишь, если даже неясными пользуешься словами».³⁵⁰ Капнист, отступая от текста псалма, акцентирует беспорочность говорящего и вводит слово «подвиги» («Все подвиги мои Ты знаешь...»), тем самым показывая, что подразумевает ситуацию, аналогичную представленной в последних главах Книги Иова (в понимании Олимпиодора и Ломоносова). Картина отношений человека и Бога – праведника и его Всемогущего Промыслителя – в этой оде Капниста (как и в других его переложениях псалмов) чрезвычайно близка духовным одам Ломоносова и в особенности «Оде, выбранной из Иова», причем, вероятно, это входило в намерения Капниста как автора духовных од.

Поэты, делавшие переложения непосредственно из Книги Иова, оказывались в особенно очевидной зависимости от Ломоносова. Первое в русской поэзии полное переложение Книги Иова осуществил Ф.Н. Глинка в 1829–1834 гг. Другие обращавшиеся к ней авторы XVIII – первой половины XIX в. вслед за Ломоносовым перелагали исключительно речь Бога к Иову. Кроме Николева (и Глинки), такие переложения находятся у С.А. Ширинского-Шихматова (1817) и Е.Л. Милькеева (1841), позднее у Л.А. Мея (1861) и М.С. Абрамовича (1887).

§3.1. Стихотворение С.А. Ширинского-Шихматова «Песнь Сотворившему вся» и речь Бога к Иову

Князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783–1837), принявший в 1830 г. монашеский постриг с именем Аникита, был одним ведущих поэтов Беседы любителей русского слова (1811–1816)³⁵¹. А.С. Шишков в особенности пропагандировал его поэзию как образцовую по тематике (героико-патриотической и духовной) и высокому славянизированному стилю. Стихотворения Шихматова изобилуют цитатами из богослужебных текстов и Славянской Библии. Книгу Иова он специально не перелагал,

³⁵⁰ Норкин К. Филологический анализ фрагмента «Комментария на Книгу Иова» диакона Олимпиодора Александрийского. [Дипломная работа выпускника Сретенской семинарии]. – [М.], 2013 [электронный ресурс: URL: <http://www.pravoslavie.ru/64067.html> (дата обращения: 20.08.2016)].

³⁵¹ О поэмах Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807), «Петр Великий» (1810) и «Ночь на гробах» (1812) в связи со спорами о языке в нач. XIX в. и историей Беседы любителей русского слова см.: *Альциуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – С.115–140.

однако переложение нескольких фрагментов из речи Бога к Иову (в т.ч. о бегемоте и левиафане) все-таки сделал и включил их в состав большого оригинального стихотворения «Песнь Сотворившему вся» (1817)³⁵². По жанру это типичная духовная ода, похвальный гимн Творцу, разросшийся до 59-ти 12-стишных строф, в которых по порядку излагаются дела каждого Дня творения мира (в первой половине). Не будучи связанным обязанностями перелазгателя Книги Иова, Шихматов по своему усмотрению пользуется некоторыми ее образами. О левиафане он пишет раньше, чем о бегемоте, и фрагмент о нем помещает среди рассказа о морских обитателях, сотворенных в День пятый:

...И жизнью Океан кипящий
Животных бездну породил...

<...>

Над ними царь левиафан. –
Над всеми преисполнен мощи,
Пучину, стонушу под ним,
Спирает, гонит пред собою;
Ругаясь с ним ея борьбою,
Волнует ошибом своим.

Владыка бурная стихии,
Гордится тьмами тем рабов;
И сила у него на выи,
И страх вокруг его зубов,
И сердце, жесткое как камень,
Стоит, как наковальня, в нем;
Дыхая дымом и огнем,
Из хляби уст рыгает пламень
И, ярки рдяностью лучей,

³⁵² «Песнь Сотворившему вся» в 1817 г. была издана дважды – отдельно (Песнь Сотворившему вся. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Императорской Российской академии. – СПб.: печатано при Императорской Академии наук, 1817) и в «Известиях Российской академии» (1817. – Кн.4. – С.5–34) вместе с примечаниями А.С. Шишкова (с.35–45), вслед за которыми следовало его предложение наградить Шихматова золотой медалью Российской академии, на что «Академия охотно соглашается» (Предложение в Российскую Императорскую академию от президента и Члена оныя Вице-Адмирала Шишкова // Известия Российской академии. – СПб., 1817. – Кн.4. – С.47–65). После 1817 г. стихотворение перепечатывалось только один раз – в подготовленном нами сборнике «Молитвы русских поэтов» (2015). Единственное известное нам исследование, где это стихотворение анализируется см.: *Петров А.В.* «Миф творения» в «метафизических» и «физико-теологических» стихотворениях русских поэтов конца XVIII – начала XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2011. – №3. – С.108–129.

Дождит на море искры с треском,
И, чхая, блещет молний блеском
Из грозных заревом очей.

Бронею чешуи одеян,
Бронею медяных щитов,
Сын бездны, бурями взлелеян,
Как буря мчится меж валов;
В сердца морей нисходит чревом,
Подъемлясь к облакам главой;
Железо – слабою плевой,
Считает медь – гниющим древом,
Из пращей град вменяет в прах,
Не чует копий, в нем вонзенных,
На ложе камней изошренных
Покой вкушает по трудах.³⁵³

В этих строфах Шихматов, во-первых, последовательно придерживается славянского текста Книги Иова, а во-вторых, явно соперничает с Ломоносовым (вслед за которым использует само слово «левиафан»). Оба эти обстоятельства отметил Шишков в своих примечаниях: «Строфа сия почерпнута из Иова (гл.41), где описывается кит, или величайшее из обитающих в глубине морей животное, которое Ломоносов в стихах своих назвал Левиафаном. Самые выражения подлинника почти из слова в слово сохранены... <...> Скажем без нарушения истины в честь князю Шихматову, что успехи его в стихотворении весьма не малы, когда и после Ломоносова предложенное им тож самое место можно читать с удовольствием»³⁵⁴. Однако у Шихматова был и третий образец, о котором Шишков умолчал, – это VII книга «Потерянного рая» Милтона, в которой архангел Рафаил рассказывает Адаму о творении мира.³⁵⁵ «Песнь Сотворившему вся» композиционно соответствует этому рассказу во многих деталях. В частности, именно вслед за Милтоном Шихматов помещает левиафана среди существ, сотворенных в День

³⁵³ *Шишинский-Шихматов С.А.* Песнь Сотворившему вся. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Императорской Российской академии. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1817. – С.10–11.

³⁵⁴ <Шишков А.С.> Примечания на «Песнь Сотворившему вся» // Известия Российской академии. СПб., 1817. – Кн.4. – С.39–40.

³⁵⁵ Шихматов был одним из немногих в свое время знатоков английской поэзии: его литературным дебютом был стихотворный перевод «Опыта о критике» А. Попа (СПб., 1806), а одна из главных поэм – «Ночь на гробах» (СПб., 1812) – имела подзаголовок «Подражание Юнгу».

пятый, а бегемота изображает крупнейшим из зверей, произведенных из земли в День шестой:

Из мертвых глыб и безобразных
 Живые, стройны существа
 Видением красот их разных
 Являют дело Божества...
 <...>
 Там движется гора по берегу,
 Вскрай бездны ходит бегемот
 И волн ругается набегу,
 Надежный сам себе оплот:
 Состав его – как дуб, как камень,
 Хребет – железо, ребра – медь;
 Пожрав с полей пространных снедь,
 Когда во чреве жажды пламень
 Он в знойный угашает день,
 Лиются в зев его потоки;
 Не могут чащи древ высоки
 Ему довольную дать тень.³⁵⁶

Шихматов и здесь следует за текстом Славянской Библии, но образы поднимающихся из земли существ и бегемота как «движущейся горы» восходят к Милтону³⁵⁷. Нечто подобное мы находим у другого русского автора, подражавшего тому же отрывку «Потерянного рая», – в стихотворении С.С. Боброва «Размышление о создании мира...» (1804): «Там шаткий холм идет, иль сей огромный слон, / Являет блеск ума, чтит утром солнце он»³⁵⁸. Милтон сразу вслед за бегемотом упоминает «гиппопотама» (river-horse) и «чешуйчатого крокодила» (scaly crocodile), исключая, таким образом, возможность идентифицировать с ними бегемота и левиафана. Последние у него изображены как загадочные библейские животные, напоминающие о сквозном персонаже

³⁵⁶ *Ширицкий-Шихматов С.А.* Песнь Сотворившему вся. – С.14.

³⁵⁷ «Scarce from his mould / Behemoth, biggest born of earth, upheaved / His vastness» (Paradise Lost, book VII, v.470-472). Ср. в переводе А. Штейнберга: «...бегемот, / Крупнейшая из тварей земнородных, / Из вязкой формы глиняной с трудом / Освобождает непомерный груз / Своих телес огромных» (*Милтон Дж.* Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Изд. подготовили А.Н. Горбунов, Т.Ю. Стамова. – М.: Наука, 2006. – С.206).

³⁵⁸ *Бобров С.С.* Рассвет полночи. Херсонида: В 2 т. / Изд. подготовил В.Л. Коровин. – М.: Наука, 2008. – Т.1. – С.275 (см. здесь же наши примечания: с.607–609).

его эпопеи – о Сатане.³⁵⁹ Сходным образом они описаны у Шихматова, который вкладывал в свое стихотворение определенный вероучительный смысл. Во второй половине «Песни Сотворившему вся» он говорит о грехопадении человека, которого подтолкнул к тому «змей злобы и гордыни», «лжи отец»³⁶⁰, и об искупительной миссии Христа (к Нему и обращены заключительные строки гимна: «...любви Твоей блаженство / Познав чрез собственный искуc, / Прославлю, славою светая, / Тебя, о Троица Святая! / Тебя, Господь мой Иисус»³⁶¹).

Строфы Шихматова о левиафане и бегемоте выглядят как точная поэтическая парафраза славянского текста, но некоторые выражения он все-таки добавляет «от себя». В отличие от Ломоносов и Николева, он делает это не для того, чтобы направить мысль читателей к известным или фантастическим животным, а для того чтобы подчеркнуть духовную сущность изображаемого: левиафан у него «владыка бурных стихии, гордится тьмами тем рабов», он «сын бездны, бурями взлелеян»; бегемот у него ходит «вскрай бездны» и «ругается» набегу волн, «надежный сам себе оплот». Шихматов ничего не досочиняет, а лишь акцентирует то, что имеется в подлиннике, давая возможность демонологической трактовки образов левиафана и бегемота. При этом возможность такой трактовки он не слишком подчеркивает и не запугивает читателей, подобно Николеву, а стремится, подобно Ломоносову, вызвать их восхищение величием творения и мощью Творца, постоянно пекущегося о своих созданиях: «Но щит от гибели плачевной / Для тварей – Творческий совет...»³⁶²

Перелагая интересующие нас фрагменты из Книги Иова, Шихматов стремился сделать это максимально близко к подлиннику, и нельзя сказать, что ему это совсем не удалось. Левиафан и бегемот в его переложении выглядят такими же загадочными и неоднозначными существами, как в самой Книге Иова. Целью Шихматова была не только христианская проповедь, но и, как у Милтона, – популяризация Священного Писания (в случае Шихматова – именно Славянской Библии, ее поэтических красот). Шишков, критически оценивший ломоносовскую «Оду, выбранную из Иова» за отступления от подлинника, Шихматова в этом отношении считал почти безупречным автором и ставил в пример соотечественникам: «Мы немного на нашем языке имеем стихотворений, в которых бы вера и любомудрие с таким красноречием проповедовались, и едва ли на других языках покажем что-либо в сем роде превосходнейшее. Конечно, многие мысли и

³⁵⁹ См.: Милтон Дж. Указ соч. – С.607–608 (коммент. А.Н. Горбунова).

³⁶⁰ Ширинский-Шихматов С.А. Песнь Сотворившему вся. – С.28.

³⁶¹ Там же. – С.32.

³⁶² Там же. – С.21.

описания его почерпнуты из Священных книг, также в некоторых местах подражал он и чужестранным знаменитым писателям, но и заимствования и подражания его, когда сличатся с подлинниками, то подлинники не помрачат их блеска»³⁶³.

Шихматов, подобно Николеву, соревнуется с Ломоносовым. Однако, если Николев, подражая Ломоносову «по форме», полемизирует с ним в идейном отношении, то Шихматов – *эксплицирует* идеи, находящиеся в «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова. Шихматов мыслит себя продолжателем и преемником Ломоносова, в том числе и как перелагатель и толкователь речи Бога к Иову.

§3.3. Поэма Ф.Н. Глинки «Иов. Свободное подражание священной Книге Иова»: (фрагмент о бегемоте и левиафане)

Ф.Н. Глинке принадлежит первое в русской литературе полное переложение Книги Иова. Это поэма «Иов. Свободное подражание священной Книге Иова», написанная в 1829–1834 гг., а впервые опубликованная только в 1859 г.³⁶⁴ и переизданная в 1872 г.³⁶⁵ Отрывки из поэмы перепечатывались в сборниках стихотворений Глинки (1957, 1986).³⁶⁶

У поэмы была сложная цензурная история, достаточно полно описанная в монографии В.П. Зверева (2002)³⁶⁷. История эта не вполне понята, поэтому здесь выскажем одно соображение. Поэма в начале 1835 г. была представлена в светскую цензуру, к концу года поступила в духовную, а в середине 1836 г. была официально отвергнута, причем с убийственным для Глинки добавлением, что «...если бы прелагатель, исправив рукопись по сделанным замечаниям, вторично представил ее в цензурный комитет, то да будет известно ему, что по силе 76 параграфа Устава цензуры комитет не может пропустить оной к напечатанию без разрешения Святейшего Синода»³⁶⁸. Серьезных претензий при этом не было высказано. Замечания в составленном

³⁶³ <Шишков А.С.> Примечания на «Песнь Сотворившему вся» // Известия Российской академии. СПб., 1817. – Кн.4. – С.62–63.

³⁶⁴ Глинка Ф.Н. Иов. Свободное подражание Священной книге Иова. – СПб.: Тип. Королева и К°, 1859. – 173 с.

³⁶⁵ Глинка Ф.Н. Сочинения: [В 3 т.]. – Т.3: Иов. Свободное подражание Священной книге Иова. – М.: тип. М.П. Погодина, 1872. – 185 с.

³⁶⁶ Глинка Ф.Н. Избранные произведения / Вступ. статья, подг. текста и примеч. В.Г. Базанова. – Л.: Советский писатель, 1957. – С.287–295 (главы III, VI, VII); Глинка Ф.Н. Сочинения / Составитель, автор послесл. и коммент. В.И. Карпец. – М.: Советская Россия, 1986. – С.191–222 (главы II, III, VI, VII, XXIV, XXVIII, XXXVIII–XLI и «Эпилог»).

³⁶⁷ См.: Зверев В.П. Федор Глинка – русский духовный писатель. – М.: Пашков дом, 2002. – С.382–435.

³⁶⁸ Зверев В.П. Указ. соч. – С.393.

в 1836 г. священником И.Д. Колоколовым отзыве³⁶⁹ удивляют своей незначительностью: они вообще не касаются самой поэмы, а только некоторых выражений в авторском предисловии, вроде «знаменитый ересью Ориген» и «Иов, терзаемый не менее языческого Прометея», и в общей сложности всех таких замечаний только девять. Кроме того, Глинке вменили в вину посвящение поэмы «жене своей» как не согласующееся «с важностью канонической книги Священного Писания». Все эти выражения (даже если признать претензии к ним серьезными) легко можно было исправить, и Глинка выражал на это полное согласие. Зачем же тогда Санктпетербургский комитет для цензуры духовных книг не только не разрешил поэму к печати, но и отказался это делать впредь, предоставив рассматривать дело прямо Священному Синоду? На наш взгляд, ключом к пониманию этой неадекватной или, по крайней мере, никак не аргументированной суровости цензоров может служить одно замечание в отзыве Колоколова, вообще к Глинке не относящееся: «Статья *Критический разбор книги Иова, еще рукописный*, не принадлежит прелагателю и, по его словам, сделано человеком умным и знающим – *вероятно*, для классических упражнений юношества, обучающегося в духовных училищах, что, следственно, не доказано и чего доказать нельзя, ибо ни в каких духовных училищах не видно такого руководства. Почему извлечение из сего разбора не может быть пропущено к напечатанию». Автором этого рукописного «Критического разбора Книги Иова», который Глинка для ученой солидности приобщил к своей поэме и которого цензор предпочел даже не называть, был протоиерей Г.В. Павский,³⁷⁰ в 1835 г. отставленный с должности законоучителя наследника престола за учебники для занятий с ним, в которых были усмотрены «признаки неправоверия». История эта получила широкую огласку. Цензоры, видимо, заподозрили, что Глинка как-то связан с Павским и является транслятором его идей, убоялись оказаться причастными к разыгравшемуся на самых верхах конфликту и, сняв с себя ответственность, предоставили дело на усмотрение Синода. Этим и объясняется поверхностность и формализм замечаний цензора, которые в данном случае являлись предлогом, а не причиной остановки книги. Глинка рукопись поэмы вместе с приложениями сдал в цензуру (светскую) в начале 1835 г. (а подготовил к концу 1834 г.) и, скорее всего, еще не был осведомлен об этой истории. В 1836 г. он охотно соглашался не печатать статью Павского вместе с поэмой, но это уже не помогло: решить вопрос о ее

³⁶⁹ См. этот отзыв: *Зверев В.П.* Указ. соч. – С.392–393. О священнике Иоанне Колоколове, который как цензор был «весьма категоричен и упрям» и по истечении цензорского трехлетия, в 1838 г., был заменен другим человеком (хотя подавал прошение оставить его в этой должности), см.: *Котович А.Н.* Духовная цензура в России: (1799–1855 гг.). – СПб.: Тип. «Родник», 1909. – С.392–394.

³⁷⁰ Глинка пользовался также его опубликованной статьей: <*Павский Г.П., протоиерей*>. Нечто о книге Иова // Христианское чтение. – 1833. – Ч.3. – С.271–284.

публикации теперь мог только Синод, но ни его решения, ни даже рассмотрения «Иова» в Синоде поэт так и не дождался. Его поэма оказалась случайной жертвой истории с Павским. Для нас этот факт важен, поскольку его можно принять как свидетельство о знакомстве Глинки с русским переводом Книги Иова, сделанным Павским (не опубл.).

Вопреки авторскому подзаголовку, «Иов» Глинки – не «свободное подражание», а именно переложение всей библейской книги, правда, довольно «свободное». Ведущим приемом этого переложения можно назвать амплификацию, умножение подробностей. Так, в «Прологе», пересказывая, как «пришли сыны Божии предстать пред Господа» и «между ними пришел и сатана» (Иов 1:6), Глинка дает пространное – более 50-ти стихов – описание сатаны: «И, следом за сынами света, / Пришел как мраз – губитель лета, / Отродье ночи – сатана. / Страшилище, огромный станом... <и т.д.>» (Изд. 1859. С.1–2). Автор первой рецензии на поэму небезосновательно усмотрел в этом описании слабую сторону поэмы.³⁷¹

Однако эти амплификации в поэме Глинки не являются простыми поэтическими вольностями. Он руководствовался определенными принципами, которые изложил в примечаниях к другой своей религиозной эпопее – «Таинственная капля» (изд. 1861): «Все выражения свои автор подчинял условиям предмета, он писал под условиями: а) Библейского предания; б) исторического порядка; в) местностей описываемого края и нравов; г) эпох, имевших свой современный цвет (автор старался, чтоб на всем, по возможности, отражался местный колорит), и более всего: под условием догмы и строгого воззрения Православной Церкви. <...> Словом, автор писал картину по заготовленным уже рамам и часто (вопреки требованиям воображения и творчества) не мог выступить ни на шаг из границ, ему указанных»³⁷². В поэме «Иов» Глинка тем более строго придерживался этих «границ», что имел дело со вполне определенной библейской книгой. К переложению Книги Иова Глинка подходил как ученый поэт, основывающийся на трудах современных библеистов: именно поэтому в начале 1835 г., подавая поэму в цензуру, он в качестве приложения хотел дать статью протоирея Герасима Павского, а при повторном ее издании в 1872 г. перед стихотворным текстом, помимо общего

³⁷¹ «Не говорим уже, что это изображение сатаны слишком образно и напоминает вымыслы народной фантазии, редко отличающиеся в подобных случаях изяществом, главное дело в том, что сатана, трепещущий имени Божия, не мог в таком грозном виде явиться на небе и у престола его с громким смехом обличать нечестивцев. <...> Все это, впрочем, недостатки частные» (*Архангельский М.Ф., свящ.* Глинка Ф.Н. Иов: Свободное подражание священной книге Иова. СПб., 1859 // *Странник*. – 1860. – Т.1. – №1. – Отд. III. – С.24–30, здесь с.28.

³⁷² *Глинка Ф.Н.* Таинственная капля. Народное предание: [В 2 ч.]. Берлин: тип. Карла Шультце, 1861. Ч.2. С.434–436.

предисловия, поместил собственную статью «Взгляд на Книгу Иова» и «Мысли о Книге Иова» И.Г. Гердера (с. XI–XXI).

В церковно-научных кругах второй половины XIX в. поэма Глинки высоко оценивалась: ее публикации в 1859 г. способствовал известными некоторыми трудами по Ветхому завету профессор М.В. Шавров, после чего написал о ней большую апологетическую статью,³⁷³ цензурное разрешение выдал архим. Феодор (Бухарев), а архиеп. Филарет (Гумилевский) назвал «Иова» Глинки «подражанием, достойным подлинника».³⁷⁴

Поэма Глинки в связи с Книгой Иова должна стать предметом отдельного исследования. Здесь скажем лишь несколько слов о том, как он переложил фрагмент о бегемоте и левиафана. В поэме Глинки это главы XL–XLI, общий объем которых почти 200 стихов (Изд. 1859. С.163–168; ср.: Изд. 1872. С.175–180). Среди них есть точные цитаты из ломоносовской «Оды, выбранной из Иова» (ее стихами Глинка, в частности, начинает описание левиафана: «Ты можешь ли левиафана / Не уде вытянуть на брег?» (Изд. 1859. С.165), но в целом соответствующие главы поэмы нацелены на то, чтобы актуализировать демонологические ассоциации, связанные с этими библейскими животными. Собственно, Глинка и не оставляет читателям возможности увидеть в них что-то, кроме образов дьявола. Таковы уже первые строки в его описании бегемота:

Взгляни, мудрец, на бегемота!
Он создан Мною ж, как и ты, –
Сей тварей первенец громадный;
Но создан он не для тебя,
Не для твоей потехи детской...

(Изд. 1859. С.163)

Глинка исправляет «ошибку» Ломоносова (у которого, как мы помним, сказано: «Мною сотворен с тобой») и, чтобы не оставалось сомнений о природе этого существа, называет его «тварей первенцем», что однозначно указывает на дьявола, который по этой причине в Библии и называется «денницей» (Ис 14:12) (с тем же намеком герой поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» в самом ее начале назван «счастливым первенцем творенья»).

³⁷³ *Шавров М.В.* Иов и друзья его: (По поводу произведения Ф.Н. Глинки: Иов, свободное подражание священной книге Иова. СПб. 1859 г.). СПб.: Тип. Королева и К°, 1859. 34 с. То же см.: Духовная беседа. 1859. №48. С.333–364.

³⁷⁴ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. СПб., 1884. С.490.

Таким образом Глинка перетолковал стих из описания бегемота в библейском оригинале: «...это – верх путей Божиих» (Иов 40:14).

В описание левиафана Глинка – с теми же экзегетическими целями – добавляет, что при его приближении сердцами людей овладевает страх и уныние:

Когда он выступит из бездн,
 Поморье все засуетится:
 Тоска, как весть о смерти, мчится
 И ужас скачет перед ним! –
 <...>
 Когда он выплеснет из вод, –
 Полморья с шумом взбрызнет к небу,
 И вздрогнут неба высоты,
 И духом упадут герои...

(Изд. 1859. С.167)

Среди человеческих орудий, над которыми смеется левиафан, у Глинки неожиданно – но вполне логично, если иметь в виду его цели как моралиста, – появляется «злато»:

Ему железо ваше – тлен,
 И медь – как утлый, ломкий хворост,
 Он втопчет ваше злато – в грязь!

(Изд. 1859. С.168)

«Злато» есть в славянском переводе, но в другом контексте: «Ложе его остни острии, всяко же злато морское под ним, якоже брение безчисленно» (Иов 41:21). В еврейском оригинале этот стих читается иначе: «Под ним острые камни, и он на острых камнях лежит в грязи» (Иов 41:22)³⁷⁵. Глинка сконтаминировал два варианта чтения этого стиха: использовал и «злато», и «грязь» (еврейский вариант мог быть ему известен не только по европейским переводам, но и по русскому переводу прот. Г.В. Павского).

Следующие два стиха («Возжизает бездну, якоже пещь медяну: мнит же море яко мироварницу и тартар бездны якоже пленника: вменил бездну в прохождение» – Иов

³⁷⁵ В еврейском оригинале в 41-й главе Книги Иова 26 стихов (в греческом и славянском – 25), поскольку на месте Иов 41:21 греческого перевода два стиха – Иов 41:21–22: «Булава считается у него за соломину; свисту дротика он смеется. Под ним острые камни, и он на острых камнях лежит в грязи».

41:22–23; ср. рус. пер.: «Он кипятит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою» – Иов 41:23–24) Глинка «распространил» также оригинально:

Когда ж в пучину устремится, –
 То море, как котел, кипит
 И поседелое дымится,
 Как мироварница в печи!
 Его следы – разливы света...
 Моря спокойные пахать
 Он любит неудержным бегом...
 В нем целая живая рать!

Здесь первые две строки – аллюзия на «Оду выбранную из Иова» Ломоносова (ср.: «Когда ко брани устремится, / То море, как котел, кипит...»), слово «мироварница» – из славянского перевода, но выражение «его следы – разливы света» не имеет в нем соответствия: Глинка употребил его, опираясь на еврейский вариант чтения библейского стиха («оставляет за собою светящуюся стезю») и явно подразумевая именование дьявола Люцифером («светоносцем» – как переводил это слово М.М. Херасков в поэме «Вселенная», см. ниже в гл.7). Последнее же выражение – «в нем целая живая рать» – вообще не находит соответствия в Книге Иова, это аллюзия на евангельский эпизод с исцелением бесноватого в стране Гадаринской, где бес свидетельствует о себе, что имя ему «легион»: «Вопроси же его Иисус, глаголя: что ти есть имя? Он же рече: легеон: яко беси мнози внидоша в онь» (Лк 8:30); «И вопрошаше его: что ти есть имя? И отвеща глаголя: легеон имя мне, яко мнози есмы» (Мк 5:9).

Как видно, каждая деталь, прибавляемая Глинкой к описанию левиафана, актуализирует демонологическое толкование этого образа.

И, наконец, заключительный стих описания левиафана в Книге Иова Глинка использует в еврейском варианте («на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» (Иов 41:26; ср. слав. пер.: «все высокое зрит: сам же царь всем сущым в водах» – Иов 41:25) и передает словами, которые вряд ли безоговорочно могут быть отнесены к кому-то, кроме главного злого духа христианской демонологии:

Он и на высь глядит надменно,
 Своим могуществом кичась,

Сей силы и гордыни князь!..

(Изд. 1859. С.168)

Вслед за этим Глинка (возможно, чтобы не быть заподозренным в дуалистических воззрениях) добавляет к речи Бога отсутствующие в оригинале стихи догматического содержания:

Еще ли ты не убедился,
 Что Я – вселенной Властелин,
 Что Я везде все строю, знаю,
 Сужу, миру, распоряжаю,
 Держу и властвую – *один?!*

(Изд. 1859. С.168)

М.В. Шавров в упомянутой выше обширной статье о поэме Глинки не прокомментировал интересующие нас фрагменты, но дал общую (и весьма благосклонную оценку) его переложения увещательной речи Бога к Иову: «В переложении речей Господа наш поэт близок к подлиннику: величественный и в то же время милостиво-снисходительный тон их удержан; допущенные в них распространения в изображении некоторых отдельных предметов придали им большую определенность, но не лишили речи той живости, какую они отличаются в подлиннике»³⁷⁶.

§3.4. Переложения Е.Л. Милькеева из Книги Иова

Кроме Николева, Шихматова и Глинки вслед за Ломоносовым переложить речь Бога к Иову решился Евгений Лукич Милькеев (1815–1845?) – сибирский поэт, который был замечен и поддержан В.А. Жуковским и в 1839 г. поселился в Москве.³⁷⁷ Переложение Милькеева («Из Иова») было напечатано дважды – в журнале «Современник» в 1841 г.³⁷⁸ и в сборнике его стихотворений (1843) в разделе

³⁷⁶ Шавров М.В. Указ. соч. – С.34.

³⁷⁷ См. о нем: Горбенко Е.П. Милькеев Евгений Лукич // Русский писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т.4: М–П. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999. – С.60–61; Горбенко Е.П. К биографии Е.Л. Милькеева // Русская литература. – 1983. – №1. – С.197–208; Стрижев А.Н. Евгений Милькеев: Жизнь и судьба // Стрижев А.Н. Собр. соч.: В 5 т. – Т.4. – М.: Общество сохранения литературного наследия, 2007. – С.77–104.

³⁷⁸ <Милькеев Е.Л.> Из Иова // Современник. – 1841. – Т.23. – С.156–160 (напечатано под криптонимом Эм--въ). Текст первой публикации идентичен находящемуся в сборнике 1843 г.

«Переложения из Библии»,³⁷⁹ причем является заключительным и в этом разделе, и в сборнике в целом. Оно носит следы ученичества у Ломоносова, хотя написано другим стихотворным размером. Вместе с тем стихотворение Милькеева по-своему оригинально, а в контексте его творчества особенно интересно, поскольку ряд других стихотворений в «Переложениях из Библии» сделан тоже из Книги Иова (но из других ее частей), хотя по заглавиям понять этого нельзя (вместе с одой «Из Иова» они оставляют ровно половину всех текстов в разделе – 6 из 12-ти). Это стихотворения «Премудрость», «Оборона», «Наитие», «Сетование», «Свидетель» и «Бог нас проводит чрез горнило...» (их ошибочно принимали за переложения псалмов³⁸⁰).

Приведем только одно из этих стихотворений – «Премудрость», открывающее в сборнике 1843 г. раздел «Переложения из Библии»:

Краше перла, изумруда,
Чище солнечных лучей,
Где живет она, откуда
Вечный свой струит елей?

Бездна молвит средь кручины:
Нет премудрости во мне;
Откликаются пучины:
Нет ее на нашем дне.

Безгранично-величава,
Утаилась от земли.
– Нам ея гремела слава –
Смерть и пагуба рекли.

Только мира Вседержитель
След премудрости постиг,
Безначально к ней в обитель
Прежде вечности проник.

³⁷⁹ Милькеев Е.Л. Стихотворения. – М.: Губернская типография, 1843. – С.179–219, здесь 213–219. См. также: Милькеев Е.Л. Стихотворения. Поэмы. Письма / Сост., вступ. статья, примеч. и библиография: А.Н. Стрижев. – Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2010. – 263 с.

³⁸⁰ См.: Азадовский М.К. Неизвестный поэт-сибиряк (Е. Милькеев) <1922> // Азадовский М.К. Статьи и письма: неизданное и забытое. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1978. – С.15–42.

Сам Он, полный провиденья,
 Поднебесную блюдет,
 Знает чин всего творенья,
 Вихрей вес и меру вод!³⁸¹

Это близкое к тексту переложение знаменитого фрагмента одной из речей самого Иова: «Премудрость же откуда обретется? И кое место есть ведения? Не весть человек пути ея, ниже обретется в человецех. Бездна рече: несть во мне: и море рече: несть со мною. Не дастся сокровище за ню, и не извесится серебро на изменение ея, и не сравнится со златом Софирским, со ониксом честным и сапфиром: не равно будет ей злато и кристаль, и изменение ея сосуди злати. Превысокая и бисерие не помянутся, и притяжи премудрость паче внутреннейших: не уравнился ей топазий Ефиопский, со златом чистым не сравнится. Премудрость же откуда обретется? И кое место есть разуму? Утаися от всякаго человека, и от птиц небесных скрися. Пагуба и смерть рекосте: слышахом ея славу. Бог благо позна ея путь: Сам бо весть место ея. Ибо Сам поднебесную всю надзирает, ведый, яже на земли, вся, яже сотвори. Ветров вес и воде меру егда сотворил...» (Иов 28:12–25). Столь же определенно в Книге Иова устанавливаются источники других названных стихотворений («Оборона», «Наитие», «Сетование», «Свидетель» и «Бог нас проводит чрез горнило...»).

«Премудрость» у Милькеева начинает раздел «Переложения из Библии», а стихотворение «Из Иова», являющееся переложением речи Бога, – заканчивает. Между ними находятся стихотворения, в основном, изъявляющие жалобы на жизнь³⁸² (как например, стихотворение «Оборона»: («Точат плоть мою болезни, / В сердце лютый скорпион... / Проклят будь навек, исчезни, / День, в который я рожден!» и т.д.; ср.: Иов 3:3 и сл.). Надо признать, это искусная композиция. Речь Иова о премудрости – наивысший взлет его духа в библейской книге, превзойти которую могла только речь Бога. И именно ее переложение Милькеев помещает в конце раздела и всего своего сборника. В отличие от Ломоносова, он не обрамляет речь Бога строфами от автора и не добавляет строф собственного сочинения, а следует (хоть и тоже выборочно) за текстом библейской книги. Однако уже по первой строфе видно, что он оглядывается не только на Книгу Иова, но и на Ломоносова:

³⁸¹ Милькеев Е.Л. Стихотворения. – 1843. – С.179–180.

³⁸² Жизнь Милькеева действительно была трагична и трагически окончилась (самоубийством).

Сквозь туман, грозой кипящий,
 Бог перунами сверкал
 И глагол громозвучающий
 Необъятно простирал:
 Кто ты, муж земной юдоли,
 Бога смеющий винить
 И гордыню дум и воли
 От Него хотящий скрыть?

Вторая половина строфы – переложение не раз уже нами цитировавшегося начального стиха речи Бога в славянском переводе (Иов 38:2), а первая половина очевидно отсылает к первой строфе от автора в оде Ломоносова. Он и отталкивается от своего великого предшественника (начавшего переложение речи Бога не со стиха 38:2, а со следующего), и следует за ним – подражает, может быть, из особенно глубокого почтения (его имя в стихах Милькеева упоминается неоднократно, а одно стихотворение целиком посвящено ему – «Сон Ломоносова»).

Отталкивание от «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова и притяжение к ней заметно почти везде в стихотворении Милькеева «Из Иова». Так, например, одну из строф о животных он посвящает коню (пропущенному у Ломоносова), но в следующей говорит об одном орле (т.е. идет за Ломоносовым, который сконтаминировал в соответствующей строфе черты трех названных в оригинале птиц):

Ты ль бесстрашием и рвеньем
 И красой венчал коня,
 Налил грудь его кипеньем
 Бурей силы и огня?
 Посмотри: он, чужд печали,
 Бьет копытом по земле,
 Не уклонится от стали
 И ругается стреле.

И твоей ли волей твердой,
 Полюбив надземный дол,
 С торжеством, с отвагой гордой
 В небе носится орел?
 Беззаботливо-широко

Распростер он крылья там
И стремится навстречу око
Ослепительным лучам.

Своеобразно Милькеев поступил с бегемотом и левиафаном, которых не пропускали до него состязавшиеся с Ломоносовым поэты (и использовали именно эти слова). Бегемот у Милькеева отсутствует полностью, а вместо «левиафана» появляется... «кит», т.е. он изображает то же животное, что Ломоносов (думавший именно о ките), но отказывается от слова «левиафан». Вместо трех строф о левиафане у Ломоносова в стихотворении Милькеева, при отсутствии бегемота, находим целых пять строф о ките (следующих сразу за строфой об орле и завершающих все стихотворение). Сходство и различие с описанием Ломоносова (наряду с текстуальными заимствованиями) и точные парафразы некоторых стихов оригинала, у Ломоносова пропущенных, заметить в этих строфах нетрудно:

И зацепишь ли ты удой
И запрешь ли в тенета
Вод земных царя и чудо,
Неприступного кита?
И ему рукой надменной
Ты предпринешь ли закон;
И попросит ли смиренно
У тебя пощады он?

Полон славы, полон силы,
Узы станет ли терпеть?
Как канат в нем свиты жилы,
Ребра кованая медь.
Не услышит наводненья,
И потоп ему мечта;
Примет шумное стремленье
Целых рек в свои уста.

Он взыграет, и трепещут
Недра влажной глубины;
Как денница очи блещут,
Бурным светом зажжены.
Из ноздрей горящих клубом
Раскаленный пар бежит;

Под его свинцовым зубом
Череп скал не устоит.

Водворяется свирепо
На гранитных персях мочь;
Перед ним всегда и слепо
Ходит пагуба как дочь.
Дух его – растущий пламень,
Разрывающийся гром;
Сердце, твердое как камень,
Будто наковальня в нем.

Спит на остриях подводных,
И сокровища, как прах,
Без числа под ним в холодных
Раскидались глубинах.
И встает от ложа с пиром,
С вечным жаром великан:
Как сосуд, налитый миром,
Кипятит он океан.

§3.5. Некоторые итоги

Книга Иова и ее проблематика волновали многих русских поэтов и прозаиков XVIII – первой половины XIX в.,³⁸³ однако напрямую состязаться с Ломоносовым в переложении речи Бога из поэтов этого времени осмелились только четыре автора: Николев, Шихматов, Глинка и Милькеев. Сделав свои переложения вполне оригинальными, все они, однако, оказались в прямой или полемической зависимости от Ломоносова. Их стихотворения оказались откликами не только на Книгу Иова, но и – в не меньшей степени – на «Оду, выбранную из Иова».

Позднейшие авторы, занимавшиеся переложениями из Книги Иова (возможно, для того чтобы избежать неизбежного сравнения со стихами Ломоносова), даже если обращались к той же речи Бога, старались обходить некоторые детали, ассоциирующиеся с Ломоносовым, – прежде всего бегемота и левиафана, которые в русской поэзии как бы несли на себе печать его имени. Так, Л.А. Мей в стихотворении «Из книги Иова» (изд.

---

³⁸³ Достаточно напомнить о внимании Пушкина к Книге Иова, которая прямо отразилась в его последней поэме – «Медном всаднике» (ссылки на литературу вопроса см. ниже в гл.12).

1861)³⁸⁴ в оригинальной метрической форме переложил большую часть речи Бога, но именно бегемота и левиафана пропустил: он намеренно сосредоточился на тех моментах Божественного ответа, которые Ломоносов перелагать не стал (в чем тоже, впрочем, обнаружилась определенная зависимость от его оды).³⁸⁵ Переложение М.С. Абрамовича («Из книги “Иов”», 1887) завершается описанием бегемота и «крокодила».³⁸⁶

Поэты конца XIX в. и вовсе перенесли свое внимание с Божественного увещания Иову на его жалобы и спор с женой и друзьями. Так поступил, например, Д.С. Мережковский в своей «библейской поэме» «Иов» (1895),³⁸⁷ где Богу вообще не было предоставлено слово. Вся Его речь свелась к одной авторской ремарке:

Смертному Бог отвечал несказанным глаголом из бури.

Далее следовал текст, показывающий, что, несмотря вернувшееся к нему внешнее благополучие, Иов не был и в принципе не мог быть утешен. Последние стихи поэмы Мережковского выглядят так:

Тщетно за всех угнетенных алкала душа его правды, –
Правды Господь никому никогда на земле не откроет.

В поэзии рубежа XIX–XX вв. стало обычным самоотождествление автора со страдающим Иовом, как, например, в стихотворении К.М. Фофанова «Скорбь Иова» (1886)³⁸⁸, при этом жалобам на жизнь ничего утешительного не противопоставлялось. Одним из немногих (если не единственным) из поэтов того времени, кто в стихотворении об Иове представил ситуацию иначе, в утешительном ключе (а значит, в чем-то сходно с Ломоносовым), был Вяч.И. Иванов, завершивший свое короткое (из трех строк) стихотворение «Иов» (1912) такую строфой:

³⁸⁴ См.: *Мей Л.А.* Сочинения и переводы. [Т.1.] Былины и песни. СПб.: тип. Семена Сединкина, 1861. С.4–8.

³⁸⁵ Критический разбор стихотворения Мей «Из книги Иова» см.: *Вольнский А.Л.* Библия в русской поэзии. Этюд первый // *Восход*. – 1887. – №7–8. – С.72–82. Стихотворение Мей Аким Вольнский сравнил с аналогичным переложением Михаила Соломоновича Абрамовича (1859–1940), в ряде случаев отдавая предпочтение последнему.

³⁸⁶ См.: *Абрамович М.С.* Стихотворения. – СПб.: Типо-литография А.Е. Ландау, 1889. – С.156–168.

³⁸⁷ *Мережковский Д.С.* Иов // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: [В 24 т.]. – Т.22. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. С.135–140 (указанная дата – 1895 г. – находится здесь же под текстом).

³⁸⁸ См.: *Фофанов К.М.* Тени и тайны. Стихотворения. – СПб.: Издание книгопродавца М.В. Попова, Паровая тип. Муллер и Богельман, 1892. – С.329–333.

Но лишь кто долгий жизни срок
Глубоко жил и вечно ново,
Поймет – не безутешный рок,
Но утешение Иова:
Как дар, что Бог назад берет,
Упрямым сердцем не утрачен,
Как новой из благих щедрот
Возврат таинственный означен.³⁸⁹

Впрочем, это уже другая поэтическая эпоха, для которой был характерен вполне законный интерес к несколько другим, чем во времена Ломоносова, Шихматова и Пушкина, аспектам содержания Книги Иова.

---

³⁸⁹ *Иванов В.И.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 кн. / Вступ. ст. А.Е. Барзаха; сост., подг. текста и примеч. Р.Е. Помирного. – СПб.: Академический проект, 1995. – Кн.1– С.434. – (Новая библиотека поэта). Стихотворение «Иов» впервые напечатано в сборнике Иванова «Нежная тайна» (1912).

Глава четвертая

**«ГИМН ЛИРОЭПИЧЕСКИЙ НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА»
В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Г.Р. ДЕРЖАВИНА:
(БИБЛЕЙСКИЕ ТЕМЫ И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)**

§4.1. Оды «Слава» и «Идолопоклонство» в цикле духовных стихотворений Державина 1810 г. – §4.2. Смысл и композиция «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества». – §4.3. Строфа о передаче лиры в «Гимне лироэпическом»

Позднее творчество Державина, которое после выхода издания Я.К. Грота (1864–1883) долгое время находилось на периферии внимания исследователей, в последние десятилетия изучается с возрастающей активностью и все чаще оказывается в центре внимания, как например, в работах М.Г. Альтшуллера, А.О. Дёмина, Т.И. Смоляровой³⁹⁰ и др. Материалы к летописи последнего периода жизни Державина публикует Н.П. Морозова (она же – отв. ред. сборника научных статей «Державин и его время» [Вып.1–10. – СПб., 2005–2015]). Его поздним произведениям посвящены многие публикации в этих и других сборниках о Державине.³⁹¹ О его переложениях псалмов писали А.А. Левицкий, Л.Ф. Луцевич, Н.Д. Кочеткова и др. Духовным одам Державина (и в особенности поздним) посвящена книга М. Вендитти.³⁹² В 1993 г. вышел составленный из них поэтический сборник.³⁹³ Оратории «Целение Саула» (1809) посвящена статья М.Г. Альтшуллера.³⁹⁴ Об оде «Христос» (1814), главном из поздних «библейских»

³⁹⁰ См.: *Альтшуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М.: НЛО, 2007 (указ.); *Смолярова Т.* Зримая лирика: Державин. – М.: НЛО, 2011. А.О. Дёмин публикует неизданные драматические произведения Державина, для нашей темы особенно важны следующие публикации: *Дёмин А.О.* Оперное либретто Г.Р. Державина «Эсфирь» // XVIII век. – Сб.22. – СПб.: Наука, 2002. – С.358–408; *Дёмин А.О.* Начальный вариант трагедии Г.Р. Державина «Ирод и Мариамна» – «Ирод Великий» // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.317–397. Наш общий обзор творчества Державина в религиозном аспекте см.: *Коровин В.Л.* Державин Гавриил Романович // Православная энциклопедия. – Т.14 (Даниил – Димитрий). – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. – С.432–435.

³⁹¹ Гаврила Державин. 1743–1816 / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой. Нортфилд, Вермонт: Русская школа Норвичского университета, 1995. – 415 с. – (Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т.4); Державинский сборник / Под ред. В.А. Кошелева. Новгород, 1995. – 126 с.; Державинские чтения. – Вып.1–2. – СПб., 1997–2007; Державин глазами XXI века: К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина / Сост., отв. ред. А.Н. Пашкуров. – Казань, 2004. – 180 с.; Державинский сборник. – Вып.1–3. – Петрозаводск, 2004–2008; Г.Р. Державин и русская литература / Отв. ред. А.С. Курилов. – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – 296 с.; Новгородский Державинский сборник (К 200-летию со дня смерти поэта). – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. – 278 с.

³⁹² *Venditti, Michela.* Il poeta e l'ineffabile. Gavriła Romanovič Deržavin. Le odi spirituali. – Napoli: D'Auria, 2010. – 234 p.

³⁹³ *Державин Г.Р.* Духовные оды / Сост., подг. текста, вступ. статья и примеч. Б.Н. Романова. – М.: Ключ, 1993. – 384 с.

³⁹⁴ *Альтшуллер М.Г.* Оратория «Целение Саула» в системе поздней лирики Державина // XVIII век. – Сб.21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). – СПб.: Наука, 1999. – С.269–281.

стихотворений Державина, сейчас есть ряд специальных статей (А.Н. Арефьевой, О.Н. Горячевой, И. Клейна, О.В. Несмеяновой, Е.Е. Приказчиковой, Е.Г. Эткинда).³⁹⁵ На этом фоне удивительно полное отсутствие специальных работ о «Гимне лироэпическом».³⁹⁶ Показательно, что после С.А. Венгерова (1894)³⁹⁷ этот «Гимн» никто полностью не перепечатывал. А.С. Пушкин в «Тени Фонвизина» (1815) назвал его «статей библейских преложенье» и уточнил, каких: «И спотыкнулся мой Державин / Апокалипсис преложить». За «Гимном» закрепилась репутация произведения крайне мистического и неудобопонятного, печального свидетельства упадка состарившегося поэта. Между тем это не совсем, а вернее – совсем не так. В данной главе (и наших публикациях) предложен первый опыт специального исследования «Гимна лироэпического».

§4.1. Оды «Слава» и «Идолопоклонство» в цикле духовных стихотворений Державина 1810 г.

Летом 1810 г. на Званке Державин сочинил пять оригинальных духовных стихотворений, образующих единый цикл: «Надежда. К Ф.П. Львову» (15 июня), «Слава» (24 июня), «Идолопоклонство» (27 июня), «Добродетель» (12 июля) и «Истина» (21 июля).³⁹⁸ Две последние оды были изданы в 1811 г., «Слава» – в 1812 г. (оказавшись

³⁹⁵ Эткинд Е. Духовная диалогия Державина: Оды «Бог» и «Христос» // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*. – Paris, 1988. – V.29. – №3–4. – P. 343–356; Эткинд Е. Две диалогии Державина. 1. Духовная диалогия (Оды «Бог» и «Христос»). 2. Светская диалогия (Два послания к соседям) // Гаврила Державин. 1743–1816. – Нортфилд, Вермонт, 1995. – С.234–247; Арефьева Н.Н. Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос». В связи с дружбой поэта и митрополита Евгения (Болховитинова) // Державинские чтения. – Вып.1. – СПб.: ООО «Геликон плюс», 1997. – С.35–52; Несмеянова О.В. К вопросу о источниках оды «Христос» // Вопросы литературы. – 2001. – №2 – С.42–48; Приказчикова Е.Е. Духовные стихотворения Г. Державина и ода «Христос» // Дергачевские чтения – 2002: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2004. – С.138–145; Клейн И. Пожилой Державин: Ода «Христос» (1814) // *Russian Literature*. – 2014. – Vol.75. – P.305–319. Кроме того, об оде «Христос» см. в указ. выше книге М. Вендитти (2010), а также в кн.: Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII века. СПб.: Алетей, 1996. С.272–287. Литература об оде «Бог», конечно, гораздо более обширна, одна из последних работ: Есаулов И.А. Ода Г.Р. Державин «Богъ»: новое понимание // Проблемы исторической поэтики. – Вып.14: Анализ, интерпретации, понимание. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. – С.45–67.

³⁹⁶ О «Гимне лироэпическом» немного писал М.Г. Альтшуллер в связи «Беседой любителей русского слова» и Т. Фрайман в контексте проблемы «Державин и Жуковский» (Фрайман Т. Державин и Жуковский: К вопросу о творческом наследовании // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. – С.9–29). Другие авторы, как правило, о «Гимне» лишь упоминали (ссылки на некоторых из них см. ниже).

³⁹⁷ Русская поэзия: Собрание произведений русских поэтов / Изд. под ред. С.А. Венгерова. – Вып.4. – СПб., 1894. – С.680–683 (до сего дня это последняя полная перепечатка «Гимна лироэпического»).

³⁹⁸ Точные даты, имеющиеся в рукописях поэта, указаны Я.К. Гротом (Державин Г.Р. Сочинения / С объяснительными примеч. Я. Грота: [В 9 т.]. – Т.3. – СПб., 1866. – С.42, 47, 52, 56, 61). (Далее в этой главе ссылки на издание Я.К. Грота даются в тексте – том, страница.) К названным оригинальным стихотворениям нужно прибавить тогда же написанные на Званке четыре перевода из Людвиг Козегартена (1758–1818):

первым выступлением Державина в печати во время Отечественной войны), «Идолопоклонство» и «Надежда» – в 1813 г. (вместе с повторно изданной «Славой»).³⁹⁹ В пятой части «Сочинений» Державина (1816) «Истина» помещена как первое стихотворение (перед одой «Христос»), остальные четыре напечатаны подряд под номерами XIV–XVII.⁴⁰⁰ Таким образом, в прижизненных публикациях пять «званских» стихотворений тоже оказались связаны.⁴⁰¹

«Слава» и «Идолопоклонство», написанные с интервалом в два дня (24 и 27 июня), связаны между собою теснее других. Только они среди названных пяти стихотворений имеют эпитафии из Священного Писания.⁴⁰² Вместе с тем именно в них особенно откровенны политические намеки. Это тоже духовные (или, если угодно, «философские») оды – религиозно-дидактические стихотворения на заявленные в заглавиях темы, но написаны они, главным образом, для того чтобы дать религиозную и нравственную оценку современной политической реальности, выразить свое отношение именно к ней.

«СЛАВА»

Ода «Слава» впервые была опубликована во время Отечественной войны в августе 1812 г.⁴⁰³ и оказалась первым его выступлением в печати после вторжения Наполеона в Россию. Потом она еще дважды переиздавалась при жизни поэта⁴⁰⁴, входила в посмертные

«Тоска души» (27 июня [или июля?]), «Явление» (28 июля), «Предвестие» (29 июля) и «Проблеск» (6 августа) (III, 68, 73, 75, 78). Они тоже относятся к данному циклу, но об этом нужно говорить отдельно.

³⁹⁹ Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией. – Ч.5. – СПб., 1811. – С.160–170 («Истина», «Добродетель»); Вестник Европы. – 1812. – Ч.64. – №16 (август). – С.302–305 («Слава»); Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией. – Ч.6. – СПб., 1813. – С.181–193 («Слава», «Идолопоклонство», «Надежда»). Первая публикация «Идолопоклонства» почему-то не отмечена в примечаниях Я.К. Грота (III, 52).

⁴⁰⁰ *Державин Г.Р.* Сочинения: [В 5 ч.]. – Ч.5. – СПб., 1816. – С.1–7 («Истина»), 55–71 («Идолопоклонство», «Надежда», «Добродетель», «Слава»). Роль этих од в композиции книги (и переводов из Л. Козегартена) еще предстоит выяснить.

⁴⁰¹ Специальные работы об этих одах нам неизвестны, за исключением раздела об оде «Истина» в книге итальянской исследовательницы (*Venditti M.* Il poeta e l'ineffabile. Gavrila Romanovič Deržavin. Le odi spirituali. – Napoli: D'Auria, 2010. – P.103–111; ср.: *Venditti M.* Поэт и невыразимое: духовные оды Г.Р. Державина // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. – Vol.31. – 2003. P.31–36). Попутное замечание о некоторых из них см.: *Федосеева Т.В., Шанаева О.Н.* Духовные воззрения Г.Р. Державина позднего периода творчества (1790–1810 годы) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2010. – №29. – С.59–71.

⁴⁰² В оде «Истина» сначала тоже был эпитафия из Библии (Лк 12:9), но в рукописи он зачеркнут, и в пятую часть сочинений Державина ода вошла без эпитафия (см. примеч. Я.К. Грота: III, 61–62).

⁴⁰³ Вестник Европы. – 1812. – Ч.64. №16 (август). – С.302–305. Вместе с одой было напечатано переведенное Державиным с немецкого обращение «К жителям Остзейских губерний» (Там же. – С.306–309).

⁴⁰⁴ См.: Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией. – Ч.6. – СПб., 1813. – С.181–184; *Державин Г.Р.* Сочинения: [В 5 ч.]. – Ч.5. – СПб., 1816. – С.67–71. Три незначительных разночтения текста 1816 г. с первой публикацией указаны Я.К. Гротом (III, 47, 49).

собрания его сочинений⁴⁰⁵ вплоть до «гrotовского», но после того уже никогда не перепечатывалась и не вызывала интереса исследователей. Между тем она заслуживает отдельного внимания, хотя бы потому что именно на нее, скорее всего, намекал В.А. Жуковский, обращаясь к Державину в «Певце во стане русских воинов», создававшемся в октябре 1812 г.:

О старец! Да услышим твой
 Днесь голос лебединый;
 Не тщетной славы пред тобой,
 Но мщениа дружины;
 Простерли не к добычам длань,
 Бегут не за венками –
 Их подвиг свят: то правых брань
 С злодейскими ордами.⁴⁰⁶

Автор здесь как будто убеждает старшего поэта, что русские воины достойны похвалы, хотя тот нуждался в этом меньше чем кто бы то ни было. Очевидно, перед нами аллюзия на многочисленные у Державина поэтические высказывания о тщетности земной славы (его подражание 48 псалму так и озаглавлено: «На тщету земной славы», 1796), а конкретно – на оду «Слава», являвшуюся его последней публикацией ко времени сочинения «Певца во стане русских воинов». Вне зависимости от того, как понимать смысл этой аллюзии (как скрытую полемику или, напротив, как апелляцию к моральным принципам автора «Славы») и догадывался ли Жуковский, что ода была написана за два года до войны, ясно, что он расценил ее как не вполне соответствующую моменту и ждал, когда Державин прямо откликнется на текущие события. (Это произошло очень скоро: в том же октябре 1812 г. отдельной брошюрой вышла его ода «На парение орла», а в начале января 1813 г. – «Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества»⁴⁰⁷.)

Между тем в 1810 г., когда «Слава» была написана, она являлась политически острым произведением с антинаполеоновской направленностью, поэтому и не была тогда

⁴⁰⁵ Имеются в виду издания А.Ф. Смирдина (1831, повторено в 1833–1834), И.П. Глазунова (1843) и Д.П. Штукина, подготовленное Н.А. Полевым (1845). Последний, распределив стихотворения Державина по жанрово-тематическим отделам, поместил оду «Славу» в разделе «Духовные стихотворения» (см.: *Державин Г.Р. Сочинения / Биография писана Н.А. Полевым.* – СПб.: Изд. Д.П. Штукина, в тип. К. Жернакова, 1845. – С.25–26).

⁴⁰⁶ *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – С.240. О времени создания «Певца во стане русских воинов» см. комментарий А.С. Янушкевича (Там же. – С.595–598).

⁴⁰⁷ См. о них ниже (4.2); о датах первых публичных чтений и изданий «Гимна» см. также: *Морозова Н.П.* 1813-й год в жизни Г.Р. Державина // *Державинские чтения: сб. науч. статей.* – Вып.9. – СПб., 2014. – С.113–114.

опубликована. В ней поэт с самого начала обращается не к простым смертным, а к «царям»:

Еще ль, цари, вам имя громко
 Быть мнится славою прямой?
 Еще ль, мудрец, ее ты только
 Чтешь дыма блещущей струей?
 Признайтесь, – ваша мысль неправа;
 Уверьтесь истины в словах:
 Бессмертная, прямая слава
 Есть цепь цветущих вечно благ.

(III, 47)

«Мудрец», советуемый презирать любую славу, с точки зрения поэта неправ, поскольку лишает человека сильнейшего побудительного мотива для деятельности на благо других людей. И он вдвойне неправ по отношению к царям, которые не могут и не должны безразлично относиться к мнению своих подданных, довольны они их правлением или нет, прославляют их или ненавидят, Другое дело, что «громкое имя» (историческая известность) еще не есть «прямая слава» (заслуженное одобрение современников и потомков). Ода Державина как раз и учит тому, что их следует различать.

«Слава» состоит из 14 восьмистишных строф и композиционно делится на две части: ровно по 6 строф (кроме вступительной и заключительной) отведено ложной славе и славе подлинной. Переход осуществляется в восьмой строфе:

Но и хранящий строги нравы,
 Угрюмый доблестию муж,
 Не отревай совсем чувств славы
 И ты от любочестных душ.
 Всем смертным славолюбье сродно,
 Различен путь лишь и предмет...

(III, 49)

Известно, что мысли о славе человеческих деяний, в особенности посмертной, часто занимали Державина, в том числе мысли о собственной славе как поэта (достаточно вспомнить его «Памятник», 1795). И он то рассуждал, в чем состоит истинная слава (честь, величие, бессмертие в памяти потомков), то сокрушался об увядании земной славы

от времени, об ее тщете перед лицом вечности (в этом не было большого противоречия, поскольку мысли о посмертной славе у него сопрягались с верой в бессмертие души и загробное воздаяние). Поэтические суждения о славе находятся во множестве его стихотворений – от ранних «Читалагайских од» (среди них в особенности ода «На великость») до последних стихов «Река времен в своем стремленьи...»⁴⁰⁸ От оды с названием «Слава» можно было бы ожидать каких-то обобщений на эту тему, но посвящена она лишь одному определенному ее аспекту. О славолюбии, присущем всем смертным, и о различных путях к славе Державин здесь только упоминает, а на самом деле говорит *исключительно* о славе правителей и царей.

Ложной в оде показана слава завоевателя и «тирана», истинной – слава «доброего царя». В этих обобщенных образах легко узнаваемы демонизированный Наполеон и идеализированный Александр I:

Что ж хвалишься во злобе, сильный,
 Внутри беззаконием и вне,
 Коль ты, чрез слезы крокодильны,
 Чрез токи крови на войне,
 Чрез вероломства, бунты, яды,
 Чрез святотатну неба честь,
 Поверг престолы, храмы, грады
 И мог царей всех выше сесть?
 <...>
 Возьмем же, в противоположность
 Тирану, доброего царя,
 Всю истощившего возможность,
 Блаженство подданных творя:
 Не зрим ли Гения в нем неба,
 Блестяща радуги лучем,
 В том – мрачна демона Эреба?
 Тот сыплет свет, – сей вержет гром.
 (III, 47, 50)

Слава завоевателя обманчива, поскольку следующая за ним при жизни тайная ненависть побежденных после смерти обернется открытым поношением. И напротив, мирная слава царя, заботящегося о благе подданных и правящего с «кротостью», со временем только умножится, а кроме того, она больше по сердцу поэту:

⁴⁰⁸ Об этом стихотворении в интересующем нас аспекте см., например: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Последнее стихотворение Державина // *Русская литература*. – 2000. – №2. – С.146–158.

Виждь: тайно, мрачно днесь вздыханье
 Вслед ходит всюду за тобой;
 А завтра клятвы, восклицанье
 На гроб твой гром повергнут свой. –
 Кто ж замыслы исполнит страшны,
 Чем мир поработить мнил весь?
 Где блеск, где звук, где пышны брашны?
 Ты был – и нет, – твой слух исчез!⁴⁰⁹
 <...>
 ...Но польз творцу чрез кротость, честность
 Звучней всех плеск принадлежит.
 Отец семейств, законодатель,
 Забрало от татей, коварств,
 Сохи, серпа изобретатель –
 Бича славней, по правде, царств.
 <...>
 Гнусна убийц народов слава;
 Я тихой дорожу молвой...
 (Ш, 48, 50)

Нельзя сказать, что в целом эти рассуждения слишком оригинальны. В.Г. Белинский имел некоторые основания назвать «Славу» в числе тех «резонерствующих од» Державина, в которых «все мысли столько же справедливы, сколько и стары и общи: их можно найти у любого плохого стихотворца того времени».⁴¹⁰ Кроме того, эти «мысли» не новы и у самого Державина: они повторяются во многих его сочинениях, в том числе хрестоматийно известных. Ср.: «И славно ль быть тому тираном, / Великим в зверстве Тамерланом, / Кто благостью велик, как Бог? // Фелицы слава – слава Бога, / Который брани усмирил; / Который сира и убога / Покрыл, одел и накормил...» («Фелица», 1782; I, 146); «Блажен, когда, стремясь за славой, / Он пользу общую хранил, / Был милосерд в войне кровавой / И самых жизнь врагов щадил: / Благословен средь поздних веков / Да будет друг сей человек! // Благословенна похвала / Надгробная его да будет, / Когда всяк жизнь его, дела / По пользам только помнить будет; / Когда не блеск его прельщал / И славы ложной не искал! <...> Не лучше ль менее известным, / А более

⁴⁰⁹ В этих строках Я.К. Грот усматривал одно из предсказаний Державина о падении Наполеона (Ш, 49). Это также аллюзия на 36 псалом (ст.35–36): «Видех нечестиваго превозносяща и высеща, яко кедры Ливанския. И мимо идох, и се не бе, и взысках его, и не обретеса место его».

⁴¹⁰ Белинский В.Г. Сочинения Державина <1843> // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. – Т.6. – М.: Худ. лит., 1981. – С.17–18.

полезным быть...» («Водопад», 1791; I, 471–472); «Но ты, о зверских душ забава! / Убийство! – я не льщусь тобой, / Батыев и Маратов слава / Во ужас дух приводит мой; / Не лучше ли мне быть забвенну, / Чем узами сковать вселенну? <...> Мне добрая приятна слава; / Хочу я человеком быть...» («Мой истукан», 1794; I, 609–611).

Примеры, подтверждающие, что в оде «Слава» Державин переложил на новый лад то, что прежде уже неоднократно высказывал, нетрудно умножить. Вопрос в том, с какой целью он это сделал в данном случае? И почему ограничился не самым душеполезным для простых читателей рассуждением о славе венценосцев, притом прозрачно намекая на Александра I и Наполеона и подчеркивая их антагонизм, хотя формально они тогда были союзниками? Ответ на это кроется в историческом и биографическом контексте оды.

В июне 1810 г. через Великий Новгород проезжала великая княгиня Екатерина Павловна со своим новым супругом герцогом Ольденбургским. По этому случаю Державин тогда же сочинил стихотворение «Шествие по Волхову российской Амфитриты» (III, 37). При дворе она возглавляла консервативную партию противников реформ М.Н. Сперанского, которой поэт горячо сочувствовал, а также была особенно враждебно настроена против Наполеона, в том числе по личным мотивам: осенью 1808 г. он делал предложение о браке с нею, возмущившее русскую общественность и, в частности, побудившее Державина сочинить трагедию «Евпраксия» (1808–1809), в которой хан Батый домогался руки русской княжны⁴¹¹.

Весной 1810 г. Наполеон, после вторичной безуспешной попытки породниться с российским императорским домом (вторично он сватался к великой княгине Анне Павловне), заключил брак с австрийской принцессой Марией-Луизой и отношения его с Александром I стали все больше портиться. Противники Тильзитского договора 1807 г. (в их числе был и Державин) надеялись, что навязанные Наполеоном соглашения и союз с ним будут разорваны, и к середине 1810 г. эти надежды окрепли. В то же время Наполеон, казалось, находился на вершине своего могущества. В мае и в июне 1810 г. русские журналы сообщали о победах французов в Испании, о торжествах в разных частях Европы по случаю брака французского императора и т.п.⁴¹² Все это не могло не беспокоить Державина, который видел в Наполеоне угрозу для России (и не напрасно, как показало время). Как человек государственный, хоть и давно отставленный со службы, он, конечно, имел свои соображения о том, что сейчас следует делать правительству, и искал способов

⁴¹¹ Об аллюзионном фоне трагедии «Евпраксия» см.: *Алтышуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М.: НЛЮ, 2007. – С.165–169.

⁴¹² См., напр., раздел «Обозрение происшествий» в «Вестнике Европы» за 1810 г. (Ч.51. – №11 (май). – С.247–249; №12 (июнь). – С.328–339).

довести их до сведения Александра I. Визит Екатерины Павловны в Новгород представлял удобный для этого случай.

Скорее всего, именно ко времени этого визита, к июню 1810 г., Державин подготовил на высочайшее имя проект «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (VII, 439–464), в котором предлагал переорганизовать вооруженные силы и сделать определенные «генеральные распоряжения». В целом эту записку Я.К. Грот датировал 1807–1810 гг., но предисловие к ней – 1810 г., поскольку на полях его черновой рукописи упоминается издание «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха в переводе С.Ю. Дестуниса, вышедшее в 1810 г. (VII, 440)⁴¹³.

Это предисловие текстуально перекликается с написанной 24 июня 1810 г. одой «Слава».

Предваряя свои конкретные предложения о принципах комплектования армии, ее снабжении и т.п., Державин красноречиво доказывал, что Александру I следует думать исключительно об укреплении обороны империи. Он убеждал императора, что России не нужны новые территориальные приобретения, что все уже сделано его предшественниками на троне, а ему «...остается... только утвердить сие обширное здание непоколебимыми столпами», предупредив «ненасытных кровопийц, каковы суть Бонапарты, честолюбивые и дальновидные замыслы повелевать Европою или всем светом» (VII, 442).

В то время, когда к России только что (в 1809 г.), с одобрения Наполеона, была присоединена Финляндия и шла русско-турецкая война, такие суждения являлись выражением оппозиции правительству и звучали довольно остро. Желая убедить царя в своей правоте, Державин апеллировал к урокам мировой истории. С этого и начинается предисловие к «Мечтам о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи»: «Прочитывая историю и видя в ней, с одной стороны, непрерывные тяжкие брани, подвиги завоевателей, а с другой, опустошения не токмо многих городов и стран, но и целых империй, приходит мне на мысль спросить сих бичей человечества: какой предмет или цель они имели в их предприятиях, проливая кровь себе подобных и делая толь бедственные опустошения? Ежели бы они мне ответствовали: отмстить противнику своему, распространить свою славу, распростерть свое владычество и наконец учинить счастливыми своих подданных, – проходя происшествия вселенная, едва ли я вижу кого из них достигших до исполнения своих желаний» (VII, 440).

---

⁴¹³ Плутарховы сравнительные жизнеописания славных мужей / Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. – СПб., 1810. – Ч.1–2.

В качестве самого поучительного (и единственного в этом тексте) исторического примера Державин приводил судьбу Александра Македонского и его державы. Образ самого прославленного из завоевателей дал ему повод к рассуждению о ложности их славы и тщетности затраченных ими усилий и принесенных жертв: «Слава пагубою и злодеяниями не приобретается, но проклятие; владычество никогда усилием приобретаться не может; ибо истинная власть состоит в покорении сердец и воли человека благодеяниями, и потому владычество победителя было и всегда будет суетно и недолговременно. Коль скоро дух из него вылетит, то и оковы его разрываются. Многим владеть и не пользоваться им благоразумно и порядочно, совершенная глупость. Это тот Тантал, который в море стоит, которого и напиться не может. <...> А сверх того: что усилием приобретено, то всегда готово к отторжению. Убедительнейший сему пример видим на самом просвещеннейшем завоевателе: коль скоро его не стало, то пространнейшая его монархия тотчас расхищена и разделена <была> на многие царства его полководцами; из чего произошли новые брани и новые несчастья народов. К чему и для чего подъяты были Александром Великим все подвиги? Поистине, ни к чему⁴¹⁴» (VII, 440).

По мнению Державина, российский император сейчас находится в наивыгоднейших обстоятельствах и может стяжать истинную славу благодетеля для своего народа и миротворца для народов Европы. Для этого нужно отказаться от мыслей о расширении границ и сделать такие распоряжения, «...которые бы обеспечивали на долгие времена целостность империи <...> и представили бы ее таким великаном, который без войны был страшен свету и содержал бы равновесие в руке своей, а паче междоусобием в крови своей утопающей Европы, бы<л> царств посредником, или паче миротворцем. Вот прямая слава кроткого Александра. Дух его народа и доброта души его на такой чреде, что могут они стяжать ему славу Александра, но не великого победами, а богоподобного миром вселенная или, по крайней мере, Европы! Что несравненно лучше и величественнее, нежели титла всех императоров, и всех победителей вселенная» (VII, 441).

В оде «Слава» Державин также апеллирует к урокам истории, преподаваемым человечеству самим Творцом и Промыслителем мира. Именно таков смысл предпосланного оде эпиграфа: «*День дню отрыгает глагол, и ночь ноци разум*» (Пс 18:3).

⁴¹⁴ Эта заключительная сентенция очень напоминает фразу военного писателя и державинского приятеля Е.Б. Фукса: «Какую пользу стяжал Александр от завоевания древнего мира? Смерть его все разрушила» (Письма Е.Б. Фукса о последней войне французов с пруссаками // Вестник Европы. – 1810. – Ч.51. №9 (май). – С.17). Майский номер журнала в июне 1810 г. вполне мог оказаться на столе у Державина. Если это не случайное совпадение (что вполне вероятно), это дополнительный аргумент, чтобы уточнить время его работы над предисловием к «Мечтам о хозяйственном устройстве...»

Псалом, откуда взят этот стих, Державин ранее переложил под заглавием «Доказательство Творческого бытия» (1796): «Небеса вещают Божью славу, / Рук Его творенье твердь; / День за днем течет Его уставу, / Нощи ночь приносит весть» (I, 726–727).

В оде под «завоевателем» подразумевается, в первую очередь, Наполеон, но в принципе это фигура обобщенная, вполне логично наделяемая и чертами из жизнеописания Александра Македонского. Одна из них взята из только что прочитанного Державиным Плутарха в переводе С.Ю. Дестуниса:

Почто явишь в себе Тантала
И ловишь мнимой славы тень?
На то ль, чтоб о тебе сказала
Слов несколько афинска чернь?
(III, 48)

Эти строки прямо отсылают к рассказу Плутарха о тяжком и бесплодном походе Александра в Индию, когда он в сердцах воскликнул: «Поверите ли вы, афиняне, каким опасностям подвергаю себя, дабы заслужить похвалу от вас?»⁴¹⁵ (сравнение же завоевателя с Танталом использовано в приведенном выше отрывке из предисловия к «Мечтам о хозяйственном устройстве...»).

К «Сравнительным жизнеописаниям» в оде есть, как минимум, еще одна отсылка. Так, в строках «И в бочке циник благородно / Велел царю не тмить свой свет» (III, 49) очевидно подразумевается пересказанный Плутархом эпизод с Диогеном, попросившим Александра не заслонять ему солнца.

В предисловии к «Мечтам о хозяйственном устройстве...» также есть отсылки к конкретным эпизодам написанной Плутархом биографии Александра (например, о его отношениях с индийским царем Пором, см.: VII, 440). Наличие аллюзий на один и тот текст греческого историка в совершенно разных по жанру оде и деловой записке 1810 г. только естественны, поскольку в обоих случаях речь идет об уроках истории и развиваются сходные мысли.

И в оде «Слава», и в предисловии к «Мечтам о хозяйственном устройстве...» Державин усиливался доказать, что история учит, а Закон Божий требует от царей избегать «гнусной славы» «убийц народов» и не стремиться к завоеваниям ради завоеваний. Российскому же монарху, чье «власть и могущество... управляют такую

⁴¹⁵ Цит. по: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Полный перевод* / [Пер. с древнегреч. С.Ю. Дестуниса]. – М.: Эксмо, 2006.

частью света, каковую едва Римляне и прочие завоеватели вселенныя под властью имели» (VII, 442), новые приобретения просто опасны.

В подтексте этих рассуждений было несогласие отставного государственного деятеля с определенными внешнеполитическими акциями правительства. Кроме безусловно и постоянно осуждавшегося Державиным союза с Наполеоном и сотрудничества с ним в европейских делах, в июне 1810 г. он мог думать о не слишком удачно развивавшейся русско-турецкой войне, ближайшей целью которой было присоединение Молдавии и Валахии. В этом у него были единомышленники, в том числе находящиеся в правительстве. Так, Н.С. Мордвинов, друг А.С. Шишкова и давний знакомый Державина, являвшийся в 1810 г. членом Государственного совета и главой департамента государственной экономии, 25 августа 1810 г. подал Александру I записку «О ускорении мира с турками», в которой высказался против приобретения новых земель. Любопытно, что здесь Мордвинов прибег к сходной с державинской риторике и не обошелся без суждения об «истинной славе»: «Благосостояние империи Российской – единый предмет, достойный отеческого попечения Государя Императора – не требует приобретения Молдавии и Валахии. *Не завоевание новых земель, но сохранение в целостности древнего достояния может токмо доставить славу истинную и хвалу веков* Обладателю половины двух частей мира и упитать к нему любовь и благоговение народное. Пространство империи Российской столь уже обширно, что самое-то расширение соделывает ее слабою против ополчения соединенных Европы сил»⁴¹⁶ (*курсив мой* – В.К.). Можно не сомневаться, что этих мыслей Мордвинов придерживался и ранее и мог обсуждать их с Державиным, регулярно встречаясь с ним на литературных собраниях у Шишкова в 1809 и 1810 гг. (см.: VIII, 903–904).

«Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» Державин писал специально для Александра I (хотя она и не дошла по назначению). Ода «Слава» обращена как будто вообще к «царям», но предназначалась, в первую очередь, для него же. Главная мысль в этих текстах одна и та же: российскому императору не следует идти по стопам Александра Македонского и Наполеона. Он должен заботиться о внутреннем благосостоянии государства и охране его границ. Слава, добываемая «через токи крови на войне», сама по себе сомнительна, а для поэта ужасна («Подрыв и вражью с треском граду / Не радует души моей...» – III, 50). И если Александру I все-таки суждено стяжать славу

⁴¹⁶ Архив графов Мордвиновых / Предисл. и примеч. В.А. Бильбасова: [В 10 т.]. – Т.4. – СПб., 1902. – С.15–16.

победителя на войне, пусть это будет слава защитника отчества. Только этот род воинской славы Державин в оде «Слава» признал бессмертной и несомнительной:

Во обороне лишь отчизны
 Венчает славою война.
 Могилы – в жертвенники тризны
 Преобращает нам она.
 (III, 51)

В июне 1810 г. ода «Слава» являлась актуальным политическим высказыванием – агитацией против Наполеона и союза с ним, предупреждением об исходящей от него угрозе, критикой проводимой российским правительством внешней политики, советом обратить все силы на оборону и внутренне благоустройство страны и, в особенности, на воспитание юношества и попечение о бедных и больных (чему особо посвящена 12-я строфа). Своей одой Державин в очередной раз преподавал урок царю, хотя и вряд ли слишком рассчитывал на его действенность (ведь и деловую записку он озаглавил «Мечты...»).

Духовный смысл оды «Слава» заключается в утверждении идеи Божественного Правосудия, рано или поздно, но всегда осуществляющего в земной истории человечества, а не только за ее пределами. Стремящийся к всемирному господству коварный тиран никогда не сможет ни достигнуть своей цели, ни удовлетвориться достигнутым и будет наказан не только в будущей жизни, но и покроется бесславием на земле. «Прямой славой» Бог награждает только добрых и благотворительных государей, старающихся поступать в согласии с заповедями Божьими. Но, поскольку абсолютные совершенство, благо и истина принадлежат единственно Богу, Царю вселенной, истинные слава, честь и поклонение подобают только Ему. Об этом и говорится в последней строфе, завершающейся словами Псалтири⁴¹⁷:

Так, доблесть токмо превосходна
 Должна по правде славной быть;
 Благотворителя народна
 Долг сердцем и устами чтить.
 Се солнце Творческой державы
 Вещает силу, бездн сквозь тму:

⁴¹⁷ «Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь крепок и силен, Господь силен в брани. Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы» (Пс 23:7–10).

«Бог благ, – один Он Царь есть Славы,
И вся поклонятся Ему».
(Ш, 51)

«ИДОЛОПОКЛОНСТВО»

Слава, также как Надежда, Добродетель и Истина, является предметом авторской апологии в «званских» одах 1810 г. «Идолопоклонство» – единственное среди них стихотворение, в заглавии которого названо явление, безусловно осуждаемое поэтом. Это грех против заповеди Божией, слова которой вынесены в эпиграф: *«Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии...»*⁴¹⁸

«Слава», написанная 24 июня 1810 г., заканчивалась напоминанием, что истинная слава, честь и поклонение подобает только Богу:

«Бог благ, – один Он Царь есть Славы,
И вся поклонятся Ему».
(Ш, 51)

Первая строфа написанного через два дня (27 июня) «Идолопоклонства» (всего в нем семь стрóf) начинается так, как будто поэт откликается на последние строки «Славы»:

<1>

Творцу я поклоняюсь мира,
В лице Его служу царю.
Нигде, ни в ком себе кумира
И не творил и не творю.
Почто ж мне, идолы бесчестны,
Шумихой, мишурой прелестны,
Вкруг ползать ваших алтарей? –
Почто, – коль в хижине безвестной
Доволен под рукой небесной
Я долею моей?
(Ш, 52)

⁴¹⁸ Цитата не совсем точная, ср.: «Аз есмь Господь Бог твой, <...> да не будут тебе бози инии разве Мене» (Исх 20:2–3; ср.: Втор 5:6–7). Стоит заметить, что в эпиграф вынесены слова первой, а не второй заповеди, с которой тема идолопоклонства, казалось бы, связана непосредственной: «Не сотвори себе кумира...» (Исх 20:4).

Эту строфу позже Державин использовал в опере «Эсфирь» (1814) в качестве второй арии Мардохея, который воспеваеет ее в ответ на упрек Амана, что он ему «не воздал чести».⁴¹⁹ По замечанию А.О. Дёмина, впервые опубликовавшего оперу в 2002 г., в ней «...образ Мардохея должен вызвать ассоциации с Державиным или, точнее, с представлением поэта о самом себе».⁴²⁰ Мардохей у него – забытый царем вельможа, старец, а кроме того *поэт*, которого Аман презрительно называет «бряцатель».⁴²¹ Цитата из державинской оды в устах Мардохея усиливает автобиографическую составляющую в его образе, но она также согласуется с исходной ситуацией в Книге Есфири: Мардохей в опере исповедует истинную веру перед поклоняющимися другим богам. Державин же, сочиняя оду в 1810 г., не обличал заблуждения язычников, а преподавал нравственный и политический урок современникам, имея в виду, прежде всего, наиболее «славолюбивых» из них.

В оде «Слава» и записке «Мечты о хозяйственном устройстве...» завоеватель вроде Александра Македонского и Наполеона уподоблялся Танталу (III, 48; VII, 440). В «Идолопоклонстве» ему же уподобляется любой ищущий власти самозванец, противопологаемый «пастырю доброму», который «за посохом нейдет без зва»:

<2>

Богатств, чинов стяжатель, власти,
 Лстец, ищущий могущим быть,
 Пусть лучшей достигает части, –
 Стоит в воде и – хочет пить;
 Но пастырь добрый, верный стаду,
 Не перелазит чрез ограду,
 За посохом нейдет без зва
 И пастырства не вымоляет;
 А взяв овец, их соблюдает
 От расхищенья льва;

<3>

Кладет за них в час лютой души,
 Не бегав, как наемник, прочь;
 Но звав, что Тот, Кто море, сушу
 И небо создал, день и ночь

⁴¹⁹ Дёмин А.О. Оперное либретто Г.Р.Державина «Эсфирь» // XVIII век. – Сб.22. – СПб.: Наука, 2002. – С.369–370.

⁴²⁰ Там же. – С.363.

⁴²¹ Там же. – С.374.

Так дланью бдит над ним своею,
 Как предначертанной стезею
 Катит и мира колесо:
 То полн сих чувств и не крушится,
 А под каким зубцом случится, –
 Смиренно сносит все...
 (III, 52–53)

Я.К. Грот указал на явное здесь «подражание» евангельской притче о добром пастыре (Ин 10:1–18) и заметил, что данная ода «очевидно выражает взгляд поэта на собственные его тогдашние отношения» (III, 52). Эти замечания необходимо дополнить и конкретизировать.

Во-первых, указанная притча имела для Державина особое значение. В автобиографических «Записках» он прямо применил ее к себе: «Державин сначала и в продолжение всей своей службы имел себе в непремненное правило, чтоб никогда никого ни о чем не просить, и ни на что не напрашиваться, а напротив ни от чего не отказываться[†], и когда какое поручат служение, исполнить оное со всею верностию и честью, по правде и по законам, сколько его сил достанет (основывая то правило на священном писании: что никто же примет честь токмо званный от Бога, и что пастырь добрый не прелазит чрез ограду, но входит дверью и пасет поверенных ему овец, полагая за них свою душу; и что когда его на что призовут, то невидимо сам Бог поможет ему исполнить самые труднейшие дела с успехом и легкостию; а когда он чего происками своими доможется, то обязан будет все бремя переносить на собственных своих плечах. Поелику же нет человека без слабостей и без недостатков, то и никогда не осмеливался он надеяться на свои собственные способности, как-то ум, сведения и прочее; вопреки же тому, когда ему приказывала вышняя власть что-либо производить по ея собственному, а не по его желанию, то он действовал тогда ни на кого не смотря, смело и решительно, со всею возможною силою, уверен будучи, что Богу это надобно, хотя ему многие друзья его, не зная его правила, часто говаривали, что не надобно дел посторонних кроме своих принимать на сердце; он же, как известно всем коротко его знающим, о своих делах не заботился и не радел, а хлопотал и ссорился всегда за казенные и за чужие, ему по должности порученные» (VI, 664–665).

Во-вторых, в 1810 г., после создания Государственного совета, максимально возросло влияние М.М. Сперанского, получившего должность его секретаря. На этом фоне Державину, находившемуся в оппозиции к молодым сподвижникам Александра I,

стало еще труднее «смирненно сносить» свою отставку, однако ни его личными чувствами, ни мыслями насчет реформ Сперанского дело не ограничивалось.

Едва ли не больше всего его тогда волновало усиление Наполеона, который находился на вершине своего могущества: в мае и июне 1810 г. русские журналы сообщали о торжествах в разных частях Европы по случаю его брака с австрийской принцессой Марией-Луизой, о победах французов в Испании и т.п.⁴²² Тревога по этому поводу прямо отразилась в оде «Славе», где, пожалуй, главной мыслью, которую поэт внушает читателям, является то, что Божественное правосудие осуществляется отнюдь не только за пределами земной истории человечества (стремящийся к всемирному господству не сможет ни достигнуть своей цели, ни удовлетвориться достигнутым: он будет наказан в будущей жизни и покроется бесславием *на земле*). В ситуации, когда Наполеон, которому Державин упорно предрекал падение (по крайней мере, с 1804 г., если не с 1798 г.),⁴²³ стал могущественнее и опасней для России, чем когда бы то ни было, а Александр I, не внимая советам Державина и его единомышленников, слушал, казалось, лишь тех, кто восхищался Наполеоном, – в этой ситуации смириться с происходящим могла помочь только вера в благой и человеколюбивый Промысл Божий.

В рукописи «Идолопоклонства» третья строфа (процитированная выше: «Кладет за них в час лютый душу...») читалась иначе и содержала как раз суждение о Промысле:

*Все в свете Промысл управляет,
Пасет так звезды, как овец,
Народ, как волны, устремляет,
И царских помыслы сердец
Ведет к мете ему известной.
Мне видится сей мир чудесный
Как бы вертяще колесо.
То вверх оно, то вниз вертится;
Под коим быть зубцом случится,
Терпеть наш жребий все.*

⁴²² См., например, раздел «Обозрение происшествий» в «Вестнике Европы» за 1810 г. (Ч.51. – №11 (май). – С.247–249; №12 (июнь). – С.328–339).

⁴²³ См. стихотворения «Фонарь» (1804), «Монумент милосердию» (1805), «Персей и Андромеда» (1807), «Похвала Комару» (1807) и др. Впервые у Державина Наполеон появляется как «галльский витязь» в оде «На новый 1798 год» (см.: *Грот Я.К. Жизнь Державина*. – М.: Алгоритм, 1997. – С.505–506). Возможно, персонально к Бонапарту, а не вообще к революционной Франции, относится «апоклипсическая» строфа в оде «На Мальтийский орден» (1798): «Денницу зрели: мудр и славен, / В сияньи возносился он, / Рек: “Вышнему я буду равен, / На Западе воздвигну трон”. / Но гибельный пути лукавы... <...> И грозны громы Михаила / Стремглав коварство свергли в ад» (II: 224). В 1808 г. Державин пояснял эту строфу: «Сим стихом предвещает стихотворец совершенную победу над Францией Михайле Павловичу. Бог только один ведает, сбудется ли это» (II: 224; ср. III: 661).

Как видно, в рукописном варианте (1810), в отличие от окончательного печатного (1813, 1816), утверждение веры в Промысл Божий соединено с признанием невозможности понять «царских помыслы сердец», а значит хоть как-то на них повлиять. В устах Державина это звучало почти как инвектива в адрес Александра I, которая после Отечественной войны стала неуместна, поэтому в 1813 г. он именно эту строфу полностью переписал (другие остались почти без изменений).

Образ колеса Фортуны, под зубцами которого можно лишь «терпеть», в стихотворениях Державина возникает нередко и, кажется, чаще всего в тех, что были написаны в бедственных обстоятельствах (как в оде «На Счастье», написанной в 1789 г., когда он сам находился под судом, Россия – в войне на два фронта с Турцией и Швецией, а Европа – в политических нестроениях⁴²⁴). В «Идолопоклонстве» этот образ является одним из главных (проходит через несколько строф – 3-я, 4-я и 6-я), что в принципе можно считать отражением мрачного расположения духа автора. Только здесь это колесо вращается осмысленно, по Божественному предусмотрению. Само его вращение обнадеживает, что вознесшийся ныне Наполеон скоро будет низвержен. Кто верит в Бога и «смирненно сносит все», тот не теряет надежды и –

<4>

И чтет терпенье в добродетель,
 Что смертным нужно всем оно;
 Что чрез него лишь нас Содетель
 Вчиняет звезд своих в звено;
 Что перст Его за правду царства
 Возносит, – *низит за коварства*
До предназначенна конца;
 Царям вельмож здесь в возвышенье,
 А там дает во униженье
 Их власти и венца.⁴²⁵

(Ш, 53–54; курсив мой – В.К.)

⁴²⁴ О политическом контексте оды «На Счастье» см.: *Проскурина В.* Ода Г.Р.Державина «На Счастье»: политика и поэтика // Новое литературное обозрение. – 2009. – №97(3). – С.114–139.

⁴²⁵ В этом тексте слова «здесь» и «там» можно понимать как указание на Россию и Францию (революционную, наполеоновскую). Ср. в оде «Слава»: «Тут царь – отец, царица – мать. / Ум может скиптров там стяжанье, / Здесь будет сердце одобрять» (Ш: 49).

«Коварство» у Державина – неперенный спутник Французской революции и Наполеона, также как «кротость» – законного царя Александра I.⁴²⁶ В «Гимне лироэпическом на прогнание французов из отечества» (1812) именно кротость и коварство олицетворяются в образах Агнца и змия (сами же Александр I и Наполеон являются лишь носителями этих качеств).⁴²⁷ Коварство, по Державину, заключается в своеволии и уповании на «ум» (человеческий), кротость – в верности и подчинении «правде», т.е. Закону Божию (воле Его). Наполеон обречен как раз потому, что следует не «правде», а собственному «уму». В оде «Истина» (важнейшей из званских од 1810 г.) это сказано прямым текстом: «Пускай продерзкий мрака сын / Кошунствует в своей гордыне, / Что правда – слабость в властелине, / Что руль правлений – ум один, / Что златом тверды царства, грады: / Но ах! сих правил тщетен блеск: / Имперьи рушатся без правды... / Се внемлем мы престолов треск!» (III: 65)⁴²⁸.

Эти строки, написанные менее через месяц после «Славы» и «Идолопоклонства», объясняют, почему Державин постоянно (и не зря) утверждал, что Наполеон обязательно падет. Его гордыня и коварные помыслы не скрыты от Всеведущего и Правосудного Бога, поэтому он обязательно будет наказан. О всеведении Бога, который «за правду царства возносит» и «низит за коварства», говорится в следующей строфе «Идолопоклонства»:

<5>

Так Вышний таинства сердечны
И мысль всех видит с горних мест,
Мрак ада пронизает вечный
И солнечных пучины гнезд.
В Его – снежинка в море пенном,
И искра в пламени возжженном,
И черна мравья путь во тьме,
И в небе след орла паряща,
И туча стрел, с луков летяща, <->

Различены уме.

(III, 54)

⁴²⁶ Не приводя многочисленных примеров, напомним только, что эти слова вынесены в заглавие оды «На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского» (1789–1790, изд. 1798) и коронационной оды в честь Александра I «Гимн кротости» (1801). О последней см.: *Клейн И.* Похвала властителю: «Гимн Кротости» Державина // Аонида. Сборник в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. – С.63–78.

⁴²⁷ В примечаниях Державин пояснял, что «под видом змия здесь разумеется коварство», а «под видом Агнца представляется христианская кротость и имеет отношение к тому, что царствующий император вступил на престол под знаком Овна» (III: 138–139).

⁴²⁸ В первой публикации (1811) последний стих читался иначе: «Мы слышали престолов треск!» (III, 65).

Изысканная инверсия в этой строфе характерна для поздних стихотворений Державина, отличающихся усложненным синтаксисом⁴²⁹ (стоит отметить, что предыдущие три строфы [2–4] составляют одно предложение). Здесь она понадобилась, чтобы подчеркнуть, что только Бог может безошибочно различать и судить, а человеческому «уму» этого не дано. Люди судят по-разному, порою в одном и том же, в зависимости от своих склонностей, находя счастье и несчастье, т.е. на самом деле не могут их различить. Только Богу ведом точный смысл каждой вещи и события, только в Его они «различены уме»:

<6>

Различены; – но нет изъятья;
 Мир в общей колее течет;
 Хоть в том звене, хоть в том участие
 Несчастьем тот, сей счастьем четет.
 К чему ж гордыней надыматься,
 Когда случиться возвышаться?
 Мы можем завтра вниз упасть.
 Но ползть почто и бедств в юдоле?
 Учиться лучше в низкой доле:
 Тщетна кумиров власть.

(Ш, 54)

Здесь, на первый взгляд, Державин просто призывает читателей к смирению, но в действительности его совет парадоксален: находящемуся в бедствии и унижении («в низкой доле») он предлагает научиться, что «тщетна кумиров власть». Это странный урок, поскольку унижение перед лицом кумира – наименее подходящая ситуация, чтобы убедиться, что власть его тщетна. Этот урок имеет смысл только для того, кто сам был «кумиром», т.е. обладал властью и был прославляем, а теперь низвержен («вниз» упал). Данная строфа – поучение для вельмож, подобных Сперанскому или самому Державину, и для властителей, подобных подчинившимся Наполеону европейским монархам: это им не следует «гордыней надыматься» в счастливых обстоятельствах, а в других – «ползть». Но все-таки собственное унижение и для них еще не доказывает, что власть действующих кумиров тщетна. Напротив, их могущество отрицать невозможно. Может быть, когда-то

⁴²⁹ О стиле поздней лирики Державина см., например: *Альтшуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М.: НЛЮ, 2007. – С.65–94.

оно и закончиться, но пока его приходится только констатировать. Именно это и делает Державин в заключительной строфе:

<7>

Ах, нет! – кумиры сильны в мире,
 Издревле им поклонник свет:
 Здесь роскошь усыпляет в пире,
 Там красота яд в сердце льет;
 Здесь золото ослепляет блеском,
 Там слава оглушает треском.
 Все, все сочли за бога мы!
 Бесчисленны суть наши страсти,
 Крамольники мы вышней власти.

О Росс! беги сей тмы.

(III, 54–55)

Как будто это не самая оптимистическая концовка: поэт призывает «Росса» бежать тьмы (идолопоклонства), но не выражает никакой уверенности, что это ему удастся. Но с другой стороны, он утверждает, что все мы «крамольники... вышней власти», а «Росс» может и должен этого избежать. В оде не была названа ни ода страна, ни один народ, ни одно имя, и вдруг в последнем стихе это неожиданное воззвание по определенному адресу:

О Росс! беги сей тмы.

Очевидно, поэт возлагает на «Росса» какие-то особенные надежды. Судя по тексту последней строфы, он должен избежать поклонения 1) роскоши, 2) красоте, 3) злату, 4) славе. Слава, конечно, разумеется ложная, с оглушающим «треском», как у завоевателя в оде «Слава». Избегать следовало поклонения Наполеону и Франции, которая «давно уж» почиталась средоточием роскоши, красоты и злата. Об этом будет напоминание в «Гимне лироэпическом»: «О новый Вавилон, Париж! / О град мятежничьих жилищ, / Где Бога нет, / Кроме злата, / Соблазнов и разврата... / <...> / Хоть прелестей твоих уставы / Давно уж чли венцом мы славы...» (III, 153).

Политический смысл заключительного стиха «Идолопоклонства» состоял в призыве не следовать примеру рабски поклоняющейся Наполеону Европе. Это был призыв, прежде всего, к Александру I. В «Гимне лироэпическом» Державин назвал его «Царь, не причастный Вельфегору» и прокомментировал этот стих: «*Вельфегор идол; –*

разумеется Наполеон, которому государь не причастился, или союзником не был» (III, 151). В 1810 г., когда сочинялось «Идолопоклонство», государь союзником Наполеона как раз был (пусть и формально), и с мыслью об этом Державин и писал тогда это стихотворение. Призыв «беги сей тьмы» в контексте написанного им летом 1810 г. переводился на язык политики: «разорви союзный договор с Наполеоном» (и не следуй его примеру, не стремись к завоеваниям⁴³⁰).

Духовный смысл этого призыва можно было бы свести к осуждению страстей человеческих, но, поскольку он обращен не вообще к человеку, а к «Россу», его смысл можно охарактеризовать как религиозно-политический: Державин указывает на особое предназначение России. В оде «Добродетель» (написанной через две недели после «Идолопоклонства») он доказывал, что добродетель существует не «мечтательно и условно»⁴³¹ и приводил примеры из русской истории, называя великого князя Михаила Всеволодовича (Черниговского), который «...не поклонился идолам Батыя и пострадал», и Евпраксию, княгиню Рязанскую, которая, «чтоб не достаться в руки влюбленного в нее Батыя, бросилась с башни» (III, 58–59). Батый у Державина не раз выступал заместителем Наполеона.⁴³² В «Добродетели» примеры духовного противостояния завоевателю служат укоризною для поклоняющихся (и готовых поклониться) современному Батыю и его «идолам». Сей мир стоит только благодаря тому, в нем еще остались «чада» добродетели, подобные древнерусским «орлам» и «голубицам»: «Величия и славы цвет / Небес, о беспорочна Дева! / Тобой стоит сей только свет / Среди страстей кипящих рева. / Коль не было б в нем чад твоих, / Орлов, средь бурь летать рожденных, / И голубиц, от чресл святых / Твоих на свет произведенных, / Чтоб зло кротить и побеждать, – / Мир пал давно бы в преисподню» (III, 60).

В этом контексте слова «О Росс! беги сей тьмы» есть призыв к русскому народу и царю не только самим избежать тьмы идолопоклонства, но и спасти этот мир, который в

⁴³⁰ Ср. в написанном в 1810 г. предисловии к «Мечтам о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи», где Державин призывал царя ограничиться обороной империи и сделать такие распоряжения, «...которые бы обеспечивали на долгие времена целостность империи <...> и представили бы ее таким великаном, который без войны был страшен свету и содержал бы равновесие в руке своей, а паче междоусобием в крови своей утопающей Европы, бы<л> царств посредником, или паче миротворцем. Вот прямая слава кроткого Александра. Дух его народа и доброта души его на такой чреде, что могут они стяжать ему славу Александра, но не великого победами, а богоподобного миром вселенныя или, по крайней мере, Европы! Что несравненно лучше и величественнее, нежели титла всех императоров, и всех победителей вселенныя» (VII: 441).

⁴³¹ В рукописи этой оды было зачеркнутое примечание: «Написано по спору, в котором с одной стороны утверждали, что нет добродетели, что она только существует мечтательно и условно» (III:56).

⁴³² Так, в трагедии Державина «Евпраксия» (1808–1809) Батый домогается любви русской княжны, что является аллюзией на сватовство Наполеона к вел. кн. Екатерине Павловне осенью 1808 г. (см.: *Альтшуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М.: НЛЮ, 2007. – С.165–169).

противном случае падет «в преисподню». Такое толкование подтверждается апокалипсической символикой через два с половиной года написанного «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества», который «посвящен во славу Всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского» (Ш, 136).

Таким образом, смысл оды «Идолопоклонство» раскрывается в сопоставлении с другими духовными стихотворениями лета 1810 г. В ней выражено неприятие поэтом современной политической действительности, но отнюдь не его разочарование и отчаяние (вообще Державину не свойственные). Он констатирует, что «кумиры сильны в мире» и все мы «крамольники... вышней власти», но заканчивает оду не этой констатацией, а призывом к «Россу»: «беги сей тмы». Вопреки тому, что положение России (в виду слабости и ошибок царя и безнаказанности Наполеона) и свое собственное (старость, продолжающаяся отставка), видятся ему печальными и почти безнадежными, в званских стихотворениях он утверждает надежду и веру в конечное торжество Божественного Правосудия.

Эти стихотворения, рассмотренные в порядке их написания, выглядят как цепь последовательных размышлений и утверждений: 1) надежду следует сохранять всегда, и старость не является этому помехой: поэт будет держаться ее до конца земной жизни, «до объятия Любви» («Надежда»⁴³³); 2) славу на земле часто воздают не тем, кому следует, но само стремление человека (царя) к славе благородно, нужно только помнить, что истинная слава подобает одному Богу («Слава»); 3) поэт поклоняется только Богу и не ищет отличий в мире, где люди служат ложным богам, но надеется, что «Росс» все-таки избежит поклонения идолам («Идолопоклонство»); 4) добродетель – не «мечта», а «соль земли», «Ангел, в человеке сущий», только благодаря «чадам» добродетели мир все еще не пал «в преисподню», и Россия уже не раз являла таких «чад» («Добродетель»); 6) этот мир сотворен и управляется Истиной, без которой «давно б зверями люди стали», Истина вершит свой суд надо всеми, и поэт надеется, что она «не отвратится» от него и в час последнего суда⁴³⁴ («Истина»). В целом это христианская проповедь, ряд вероучительных, богословских стихотворений, подводящих к теме Вочеловечения Сына Божия в оде «Христос» (1814) (о Нем же, хотя и не названном по имени, шла речь в оде «Истина»).

⁴³³ Ода «Надежда» написана к годовщине смерти жены Ф.П. Львова (которую звали Надеждой) и завершается утверждением веры в воскресение мертвых: «Так Надежды пресекает / Лишь одна Любовь полет... / <...> / С Богом как соединимся, / В свете вечном погрузимся / Пламенем любви своей... <...> Верь, жива твоя Надежда, / Ты ее увидишь, Львов!» (Ш, 43).

⁴³⁴ См. заключительные строки оды: «И Ты, о Истина! мой Бог! <...> Когда сей плоти совлекуся, / Хоть был бы чист, как блеск огня, / Но как к тебе на суд явлюся, / Не отвратися от меня» (Ш, 67).

Вместе с тем эти стихотворения являются откликом Державина на политические обстоятельства 1810 г. и утверждают веру в правоту Промысла Божия (в чем эти обстоятельства давали повод усомниться). Может быть, в первую очередь ради утверждения этой веры поэт и в них богословствует. Он доказывает, что «коварство» (в лице Наполеона и мятежной Франции) рано или поздно будет унижено и посрамлено, а «кротость» (в лице Александра I и верной России) – возвеличена и прославлена. Это неизбежно по Слову Божию: «Блажени кротцыи: яко тии наследят землю» (Мф 5:5) (не случайно в том же 1810 г. написана ода «Проблеск», где изложены все евангельские блаженства).

В оде «Идолопоклонство» Державин дает понять, что для России и ее царя настал час испытания в вере и верности христианству, от которого отступила поклонившаяся Наполеону Европа. Ближайшее будущее, как известно, оправдало «предусмотрения» поэта. То, о чем в 1810 г. он вынужден был писать прикровенно, в конце 1812 г., в виду уже совершившихся событий, он смог открыто высказать в «Гимне лироэпическом» с его развернутой апокалипсической символикой, нравственной дидактикой и новыми политическими советами для «юного царя». Званские духовные оды 1810 г. в определенном смысле являются прологом к этому самому большому из написанных Державиным стихотворений.

§4.2. Смысл и композиция «Гимна лироэпического на прогнание французов из отечества»

«Гимн лироэпический на прогнание французов из отечества» – самое большое из стихотворений Державина (646 стихов), отклик на величайшую из побед, которые когда-либо ему как «певцу русской славы» приходилось воспевать, и единственное при жизни опубликованное сочинение, в котором он торжественно передает лиру «младым певцам».⁴³⁵

Излишне говорить, какое значение придавал этому выступлению сам поэт, но и современники ждали от него какого-то достойного его литературного авторитета произведения. Для создания «Гимна» у него не было недостатка не только во внутренних,

⁴³⁵ Первый случай передачи Державиным лиры «младым певцам» имел место в заключительных строфах «Оды на мир 1807 года государыням императрицам», однако напечатана она была только в 1816 г. и без этих стрóf (Державин Г.Р. Сочинения: [В 5 ч.]. – Ч.5. – СПб., 1816. – С.107–112); первоначальную редакцию впервые опубликовал Я.К. Грот (II, 658–665). Подробнее об этом см. ниже (4.3).

но и во внешних побуждениях. В декабре 1812 г. Державин получил датированное 12-м декабря письмо от своего старого знакомого Е.Б. Фукса, на протяжении всей войны занимавшего должность директора военной канцелярии М.И. Кутузова: «Так точно, война нынешняя есть чудо. Она показала, что значит предводитель с доверенностью и опытами, что значит любовь к Государю и Отечеству, что значит народ, восстающий за оскорбленную веру. <...> ...нынешняя война не есть одно дело рук и ума человеческих. Меч праведного Бога-мстителя карал сих нечестивцев: он сверкал и в морозах и в голоде, и несчетная толпища пятнадцати народов истлевали <!> перед нашими глазами. Ему подобает честь, слава и поклонение! Вы изобразили нам сего Бога; вы, конечно, воспоете величие Его в наказаниях и милостях. Сего ожидает от вдохновения вашего спасенное Отечество» (VI, 253). Поскольку чуть выше в том же письме сообщалось, что Кутузову читали надпись, сочиненную Державиным к его портрету, и что «он принимает всякое произведение пера вашего с чувствительнейшею признательностью», поэт мог счесть это письмо прямо обращенным к нему пожеланием самого фельдмаршала, чуть ли не заказом. И хотя мнение Фукса об Отечественной войне полностью совпадало с тем, что носилось тогда в воздухе и озвучивалось в приказах по армии и царских манифестах, нельзя не заметить, что все перечисленные им герои войны – Бог, Государь, народ и предводитель с доверяющим ему воинством – фигурируют в полном заглавии державинского «Гимна», законченного уже через месяц: *«Гимн лироэтический на прогнание французов из отечества. Посвящен во славу всемогущего Бога, великого Государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского»*. А то, что одержанная победа была чудом Божиим, а не «одно дело рук и ума человеческих», является сквозной мыслью «Гимна», выраженной, в частности, в его апокалипсической образности.

В литературных кругах тоже, разумеется, ждали стихов Державина, даже «младые певцы». Выше (4.1) приводились строки из «Певца во стане русских воинов» В.А. Жуковского: «О старец! да услышим твой / Днесь голос лебединый...» Помимо всего прочего, в них была простая констатация факта, что на тот момент с начала Отечественной войны читатели еще ни разу не слышали голоса Державина. Только в том же октябре 1812 г. отдельным изданием вышла его «Ода по случаю парения орла над российскою армиею под предводительством князя Кутузова, при селе Бородине, 1812 года в августе» (позднее печаталась под заглавием «На парение орла»):

Воанергес! Орел, сын грома!
 Не ты ль на высотах паришь?
 И снов святых Патмосска холма

Виденья бытием решишь?
 О нет! – судеб проречь не смея,
 Что агнец одолеет змея,
 В тебе я зрю лишь дух Петров.
 Так, – он над росским войском вьется,
 Им гром и лавр вождю несется.
 Се знак: – мы победим врагов.
 <...>
 Ты шел, – и пройдешь чрез ехидны, –
 Овном сбодется лютый зверь.
 Нога наступит *Александра*
 На жруща пламем Саламандра.
 Стратиг ты молньи Михаил!

(III, 133–135)

Поводом к этому сочинению послужил популярный тогда и использованный также Жуковским в «Певце во стане русских воинов» эпизод с парением орла над головою Кутузова в Царевом-Займище (а не «при селе Бородине») по прибытии его в армию в качестве главнокомандующего 17 августа 1812 г. Согласно помете в автографе, стихотворение написано 31 августа (III, 133), то есть после Бородинской битвы и за день до оставления Москвы неприятелю. В приведенных стихах важно, что, увидев сначала в орле знак присутствия апостола Иоанна Богослова, автора «Откровения» («Апокалипсиса»), поэт сразу же отказывается от этого предположения в пользу «духа Петрова», представляющего здесь победоносный дух российской армии. Однако далее Державин все-таки возвращается к апокалипсической символике («овном сбодется лютый зверь»), но уже в качестве литературной условности, «не смея» видеть в происходящем буквального исполнения библейского пророчества (иначе непонятно, почему, отказавшись предречь победу «агнца», поэт тут же предрекает победу «овну»). Подобная двойственность образной системы свойственна и «Гимну лироэпическому», где в 33-й строфе⁴³⁶ тот же орел снова символизирует непобедимый «дух Петров»: «Бородинским громом» он поражает Наполеона, который с тех пор

Упал в душе своей как дух Сатанаила,
 Что древле молнией Михаила
 Пал в озеро огня,
 И там стена,

⁴³⁶ Строфы пронумерованы, например, в издании Я.К. Грота.

<...>

Грызет свои беснуясь сохши кости,
 На славу АЛЕКСАНДРА зря,
 Всем милого Царя.⁴³⁷

Ода «На парение орла» имела некоторый общественный резонанс⁴³⁸, но оказалась, по существу, единственным значительным стихотворением Державина об Отечественной войне 1812 г., вышедшим из печати до «Гимна лироэпического»,⁴³⁹ как бы прологом к нему: в оде поэт предрек победу Кутузову и Александру I, а в гимне прославил ее как совершившееся событие.

«Гимн лироэпический» создавался в конце декабря 1812 г. – начале января 1813 г.: 8 января 1813 г. цензор подписал разрешение на печатание отдельного издания,⁴⁴⁰ 13 января он уже был прочитан на первом после изгнания французов заседании Беседы любителей русского слова,⁴⁴¹ вскоре был напечатан в составе 10-й книжки «Чтений в Беседе любителей русского слова» (цензурное разрешение от 30 января). После этого при жизни поэта «Гимн» переиздавался еще два раза – в 1814 г.⁴⁴² и в пятой части сочинений Державина в 1816 г. (в последнем случае – с несколькими мелкими исправлениями⁴⁴³).

Как известно, особенных восторгов современников державинский «Гимн» не вызвал. Есть, правда, письмо Кутузова, одного из его героев, который за две недели до своей кончины благодарил поэта и жаловался, что ему передали лишь один экземпляр

⁴³⁷ *Державин Г.Р.* Сочинения: [В 5 ч.]. – Ч.5. – СПб., 1816. – С.131. Здесь и далее в этом параграфе текст «Гимна лироэпического» цитируется по этому последнему прижизненному изданию, а не по изданию Грота (в котором есть некоторые неисправности). При цитатах указывается номер страницы изд. 1816.

⁴³⁸ М.И. Кутузов дважды благодарил Державина за эту оду в письмах к нему от 7 декабря 1812 г. и 30 марта 1813 г. (см.: VI, 249, 259–260; ср.: *Кутузов М.И.* Сборник документов: В 5 т. – М., 1950–1956. – Т.4. – Ч.2. – С.558–559; Т.5. – С.504)

⁴³⁹ Осенью 1812 г. состоялись еще только две публикации Державина: в августовском №16 «Вестника Европы» появилась ода «Слава» (вместе с переведенным Державиным с немецкого обращением «К жителям Остзейских губерний»), а в ноябре в №6 «Сына Отечества» – три маленьких надписи: «На меч великого князя псковского Гавриила», «К портрету графа Витгенштейна» и «Эпитафия завоевателю» (см.: III, 47–51, 131–132; VII, 637–640).

⁴⁴⁰ Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 1812 года. Во славу всемогущего Бога, великого Государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского. Посвящает Державин. СПб.: В Мед. тип., 1813. 34, V с. О датировке этого издания см.: *Морозова Н.П.* 1813-й год в жизни Г.Р. Державина // *Державинские чтения: сб. науч. статей. Вып.9.* СПб., 2014. С.113–114. 20 января 1813 г. Державин уже выслал экземпляр «Гимна» В.В. Капнисту (VI, 255).

⁴⁴¹ На этом заседании присутствовал М.В. Милонов, написавший в письме к Н.Ф. Грамматину от следующего 14 января 1813 г.: «Вчера была в доме Державина Беседа. Старик написал преогромнейший гимн на победы, где смерть прыгает и завскачь догоняет французов» (*Милонов М.В.* Письма к А.Ф. и Н.Ф. Грамматиним / Сообщ. В.А. Борисовым // *Библиографические записки.* – 1859. – Т.2. – №10. – С.302). Милонов здесь перефразировал стихи из 22-й строфы «Гимна».

⁴⁴² Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: [В 2 ч.]. – М., 1814. – Ч.1. – С.1–27.

⁴⁴³ Четыре из них указаны Я.К. Гротом (III, с. 142, 146, 147, 149), еще одно есть в последней строфе «Гимна»: стих «Ни предъидущих благ виденья» исправлен на «Предшествующих благ виденья». В последнем издании также чуть видоизменено заглавие (первоначальный вариант см. в сноске выше).

«Гимна» (VI, 259–260). Есть сведения о «благоклонных отзывах» графа С.Р. Воронцова (VI, 292). Есть перевод «Гимна» на немецкий язык, сделанный П.О. Гётце и изданный в Риге в 1814 г. (IX, 513), который П.А. Вяземский в одной заметке 1817 г. назвал «прекрасным».⁴⁴⁴ Был также перевод на английский язык, принадлежавший сыну В.П. Петрова Язону Васильевичу (VI, 292–293, 403). И, наконец, С.Н. Глинка в №3 «Русского вестника» за 1813 г. поместил краткое резюме «Гимна» с несколькими из него цитатами под заглавием «Вера, верность и терпение суть главные свойства россиян» (IX, 547–548).⁴⁴⁵

Несравнимо большую литературную известность получили исходившие из круга арзамасцев насмешки насчет «Гимна» и пародии, почти обязательно включавшие подхваченный у самого Державина мотив старческого угасания таланта. Об этом, а также о репутации поздней лирики Державина среди современников и о проблеме конкуренции «Гимна лироэпического» с «Певцом во стане русских воинов» неоднократно писали в специальных и обобщающих работах⁴⁴⁶. К списку уже обсуждавшихся сатирических откликов на «Гимн» можно добавить еще не привлекавшую к себе внимания позднюю и довольно остроумную пародию (точнее, «перепев») В.П. Буренина «Гимн лиро-эпический на получение его сиятельством графом Бисмарком генерал-лейтенантского чина и на победы России» (1871).⁴⁴⁷

На фоне успеха «Певца» Жуковского «Гимн» Державина мог казаться «чудовищным литературным провалом».⁴⁴⁸ Обычно это объясняется архаичностью его литературной формы, недостатком, по сравнению с Жуковским, «живого поэтического чувства», абстрактностью образов и т.п.⁴⁴⁹ И не последнюю роль в этом в свое время сыграла литературная борьба «Арзамаса» с Беседой любителей русского слова и в целом споры о «старом» и «новом» слоге.

⁴⁴⁴ Вяземский П.А. Смесь // Сын Отечества. – 1817. – Ч.36. – №10. – С.158.

⁴⁴⁵ Я.К. Грот, на наш взгляд, ошибочно приписал этот текст самому поэту, будучи введен в заблуждение подзаголовком «Сочинение Державина» и почему-то не опознав цитат из «Гимна».

⁴⁴⁶ См.: Альтишуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М.: НЛЮ, 2007. – С.65–94; Проскурин О.А. «Победитель всех Гекторов халдейских»: К.Н. Батюшков в литературной борьбе начала XIX в. // Вопросы литературы. – 1987. – №6. – С.89–92; Проскурин О.А. Имя в «Арзамасе»: (Материалы к истории пародической антропонимии). Старик Державин // Лотмановский сборник. – [Вып.]1. – М., 1995. – С.360–362; Фрайман Т. Державин и Жуковский: К вопросу о творческом наследовании // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. – С.9–29; и др.

⁴⁴⁷ <Буренин В.П.> Выборгский пустынный. Гимн лиро-эпический на получение его сиятельством графом Бисмарком генерал-лейтенантского чина и на победы России. (Посвящ. тени Гавр. Романовича Державина) // Отечественные записки. – 1871. – Т.145. – Отд. II. – С.221–226.

⁴⁴⁸ Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: Наука, 1994. С.156.

⁴⁴⁹ См., например: Янушкевич А.С. Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 г. и «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып.9. С.4–6.

Действительно, «Гимн» мало соответствовал принципам набиравшей тогда популярность интимной элегической лирики и давал достаточно материала для обличения архаических пристрастий автора. Однако известная пушкинская пародия в «Тени Фонвизина», по точному замечанию М.Г. Альтшуллера, почти не касается державинского стиля: юный Пушкин высмеивает «антизападническую позицию “беседчиков”», а главным объектом пародии делает «библейскую тематику “Гимна”, который и назван Пушкиным «статей библейских преложенье»». ⁴⁵⁰ Иными словами, для него важнее оказалась идейная сторона державинского произведения, его смысл, само наличие которого пушкинская пародия, представляющая собой бессмысленно перемешанные строки из «Гимна», прежде всего и отрицает.

Между тем, это сочинение глубоко обдуманное и искусно выстроенное, которое меньше всего можно упрекнуть за бедность содержания или чрезмерность лирического беспорядка.

Во-первых его строфическая форма. «Гимн» написан строенными строфами, так называемыми «пиндарическими триадами» (строфа, антистрофа, эпод): два 10-стишия четырехстопного ямба со схемой рифмовки аББаВВггДД и эпод из 18 стихов с последовательностью стопностей 444343+6433+4455+4543. «Гимн» составлен из 17 таких «триад», или «суперстроф». ⁴⁵¹ Державин и раньше использовал пиндарическую строфику (впервые – в «Осени во время осады Очакова») и перевел две оды самого Пиндара, но других стихотворений такого объема, написанных «триадами», ни у него, ни вообще в русской поэзии больше нет. Поэтому М.Л. Гаспаров назвал державинский «Гимн» «исполинским», а кроме того, заметил, что «это было последнее слово строгого триадического “пиндаризма” – более русские поэты к нему почти не возвращались»/ ⁴⁵²

Во-вторых, его жанровая специфика. Это единственное законченное сочинение Державина, которое он сам – хотя бы наполовину – отнес к эпическому роду: «Гимн лиро-эпический». Автор, уже давно занятый сочинением литературно-теоретического трактата и ведущий по этому поводу ученую переписку с разными лицами, конечно, не мог дать такое заглавие невзначай. Вот что, например, читаем на этот счет в первой части его «Рассуждения о лирической поэзии, или Об оде» (1811): «...ода или гимн изображают только чувства сердца в рассуждении какого-либо предмета, а не действия его. Где же

⁴⁵⁰ Альтшуллер М.Г. Указ. соч. – С.81.

⁴⁵¹ О том, с какой тщательностью Державин работал над текстом, говорит то, что на протяжении всех 646-ти стихов «Гимна» он лишь в одном из них нарушил метр, причем не в «фигурном» эподе, а в метрически простой антистрофе: «Доколь Москва, Непрядва и Полтава» (строфа 41) (с. 135).

⁴⁵² Гаспаров М.Л. Очерки истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. – Изд. 2-е, доп. – М.: Фортуна Лимитед, 2000. – С.106.

останавливаются на действии, тут уже сближаются к эпосе».⁴⁵³ В «Гимне лироэпическом» Державин излагает причины и ход Отечественной войны, то есть «останавливается на действии», но при этом «изображает чувства» по поводу отдельных эпизодов и извлекает моральные уроки из этого события в целом, поэтому и дает своему произведению такое заглавие. В *лироэпическом* сочинении, конечно, должно быть меньше *лирического* беспорядка, чем в обыкновенной оде.⁴⁵⁴

О гимнах же в «Рассуждении о лирической поэзии» Державин пишет следующее: «Гимнами евреи в разных случаях воспевали истинного Бога и чудеса Его, а язычники — поклоняемых ими богов и человек, прославившихся знаменитыми подвигами. <...> Гимны содержали в себе часть религии и нравоучения. Они певались при богослужении, ими объясняемы были оракулы, возвещаемы законоположения, преподаваемы, до изобретения письмен, славные дела потомству и проч. <...> Пели гимны <...> не от одного или нескольких молебщиков, но от лица всего народа. Чрез гимны возносились благодарения, славословия, моления и жалобы божествам».⁴⁵⁵ Создавая «Гимн лироэпический», Державин как раз говорил как бы «от лица всего народа». Прямо от своего лица он говорит только в начальных и заключительных строфах, а также в 39-й строфе, где с очаровательным простодушием выражает свое восхищение именно народом — «россами»:

О как мне мил их взор, их слух!

Пленен мой ими дух!

(С.134)

Среди не часто отмечающихся заслуг Державина как автора «Гимна лироэпического» чаще всего отмечают то, что он превзошел всех одновременно с ним писавших об Отечественной войне стихотворцев в подчеркивании роли в ней русского народа⁴⁵⁶. 37-я строфа «Гимна» с описанием превосходных качеств «росса», несмотря на малую популярность сочинения в целом, получила хрестоматийную известность (в

⁴⁵³ Державин Г.Р. Рассуждение о лирической поэзии, или об оде // Державин Г.Р. Стихотворения / Вступ. статья и примеч. В.А. Западова. — Л.: Худож. лит., 1981. — С.199.

⁴⁵⁴ До державинского «Гимна» само слово «лироэпический» в качестве жанрового обозначения собственного произведения использовал, кажется, только С.С. Бобров: «Таврида, или Мой Летний день в Таврическом Херсонисе. Лирико-эпическое песнотворение» (1798). Сходным образом жанр своих поэм определял С.А. Ширинский-Шихматов: «Пожарской, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях» (1807) и «Петр Великий. Лирическое песнопение в восьми песнях» (1810).

⁴⁵⁵ Державин Г.Р. Рассуждение о лирической поэзии, или об оде. — С.197–198.

⁴⁵⁶ Фризман Л.Г. 1812 год в русской поэзии. — М.: Знание, 1987. — С.19.

частности, она была вынесена в качестве эпиграфа на оборот титульного листа первой части «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»):

О Росс! о добльственный народ!
 Единственный, великодушный,
 Великий, сильный, славой звучный,
 Изящностью своих доброт!
 По мышцам ты – неутомимый,
 По духу ты – непобедимый,
 По сердцу – прост, по чувству – добр,
 Ты в щастьи – тих, в нещастьи – бодр;
 Царю – радушен, благороден,
 В терпеньи – лишь себе подобен.

(С.132–133)

Можно предположить, что Державина выбрать форму гимна как раз и побудило желание подчеркнуть народный характер войны, о котором говорили военачальники (прежде всего Кутузов), правительство – в манифестах, писанных А.С. Шишковым, некоторые журналы и др.,⁴⁵⁷ но практически еще безмолвствовали поэты, если не считать опытов стихотворений в «народном духе». Эта тема в «Гимне» имеет принципиальное значение, что подчеркивается последовательностью посвящений в заглавии, где «верный народ» следует сразу за Богом и государем и перед вождем и воинством. В образной структуре «Гимна» Россу противостоит Галл. Его качества и судьба описываются в 5-й строфе, которая по синтаксическому строению как бы «рифмуется» с приведенной выше:

Иль Галл, творец то злых чудес,
 Похитивший у ветра – крылы,
 У доблести, у веры – силы,
 Скиптр – у царей, гром – у небес,
 У правосудия – законы;
 Убив народов миллионы,
 Изгнав к отечеству любовь,
 Растлил всех дух, оподлил кровь,
 Став хищна раб Наполеона, –
 Возмнил быть царь вселенной трона?

(С.117)

⁴⁵⁷ См., например: *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 года. – М.: Мысль, 1967.

Отсутствием глаголов в строфе о Россе подчеркивается его непоколебимость и верность. Нагнетание глагольных форм в строфе о Галле связано с его агрессивностью и изменчивостью. Существенно, что наиболее уничижительный отзыв Державина о французах находится не в поэтическом тексте, а в написанном по материалам «Сына Отечества» 36-м авторском примечании.⁴⁵⁸ В стихах же французы прежде всего орудие Наполеона, хотя Париж в «Гимне» – это «новый Вавилон» и «град мятежничьих жилищ» (строфа 30), а под Содомом и Гоморрой, которые «вспепелятся» и погибнут вместе со своим нечестивым владыкой (строфа 26) следует, видимо, понимать Францию. Впрочем, в накале публично выражаемых антифранцузских страстей Державин уступал, например, А.С. Шишкову и Ф.В. Ростопчину.⁴⁵⁹ Так, в «Записке о мерах к обороне России во время нашествия французов», которую Державин вручил герцогу Ольденбургскому 14 июля 1812 г. для передачи царю, он, в частности, предлагал «...издать к сведению всей Европы убедительный манифест, в котором сказать, что мы не токмо с разноцарственными нациями, но ниже с самими французами не воюем, а лично только с Бонапартом, яко притеснителем всех народных прав и всех государств» (VII, 476–477). В «Гимне» же Державин выражает озабоченность тем, как оградить русскую самобытность, и – что было общим местом в то время – устанавливает связь между отечественной галломанией и последовавшим вооруженным вторжением:

О новый Вавилон – Париж!
 <...>
 Хоть прелестей твоих уставы
 Давно уж чли венцем мы славы;
 Но не довольствуясь слепить умом,
 Ты мнил попать нас и мечом...

(С.129)

Впрочем, этот мотив острее звучит у авторов, призывавших соотечественников к покаянию, – у В.В. Капниста, например, в «Видении плачущего над Москвою россиянина

⁴⁵⁸ «Разврат, соблазн, нечестие и самое безбожие Французского народа, не упоминая о бывших в последнюю революцию, видны в Истории самых давних веков Христианства. <И т.д.>» (с.144).

⁴⁵⁹ Об их антифранцузских выступлениях см., например: *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: НЛЮ, 2001. С.247–253.

1812 года октября 28 дня»⁴⁶⁰ или у князя С.А. Ширинского-Шихматова в «Песни россиянина на новый 1813 год», где царь обращается к Богу с такими словами:

Ты зрел – Твои нельстивы чада
 Склонялись сердцем ко льстецам
 И сладким их прельщались ядом,
 Ты зрел – расторг плетенный адом
 Союз противный небесам.
 <...>
 Ты ныне истину сию
 За грех наш оправдал войною,
 Но спас меня – и спас со мною
 Россию верную мою.⁴⁶¹

В державинском «Гимне» покаянные мотивы отсутствуют в силу его жанровой специфики и иных задач, которые ставил перед собой поэт: он прославлял Бога, царя, народ, вождя и воинство, и здесь не было место критике, как не может ее быть по отношению к адресату классической похвальной оды (по крайней мере, в открытом виде). Но «Гимн лироэпический» – сложное жанровое образование. Державин не ввел в него элементов сатиры, как это сделал когда-то в «Фелице», но он сделал другое. Положив в основу «Гимна» торжественную оду (правда, близкую не столько к М.В. Ломоносову, сколько к В.П. Петрову по избытию политических тонкостей, объему и стройности композиции), он, помимо черт эпического произведения, придал ей черты оды духовной, философской и нравоучительной.

От духовной оды в «Гимне» зачин «Благословен Господь наш Бог» (в прямом смысле слова богослужебный – почти так, лишь с перестановкой двух последних слов, начинаются православные молебны и панихиды) и далее через весь текст следующие похвалы Творцу, не говоря уже о библейских цитатах и фразеологии. От философской оды – заявленная во второй строфе «Гимна» религиозно-философская проблема: как можно оправдать гибель Москвы?

«Пой! – (мир гласит мне горний, дольний) –
 И оправдай пути Господни».

⁴⁶⁰ См.: *Капнист В.В.* Избр. произведения. – Л.: Советский писатель, 1973. – С.237–245 (Б-ка поэта, бс). Отзыв Державина об этом произведении, которое А.Н. Оленин находил не столько «плачем», сколько «сатирою», см. в его письме к Капнисту от 29 апреля 1813 г. (VI, 257–268).

⁴⁶¹ Чтения в Беседе любителей русского слова. – СПб., 1813. – Чтение 11. – С.13–14.

Собственно, это проблема теодицеи, но это также историософская и политическая проблема, имеющая прямое отношение к двум героям гимна – Александру I и Кутузову. И Державин эти проблемы не разграничивает. А от нравоучительной оды в «Гимне» – моральная антитеза «коварства» и «христианской кротости», которые, как узнаем из авторских примечаний, он, оказывается, и подразумевал «под видом» змия и Агнца (примечания 4 и 5), а вовсе не напрямую Наполеона и Александра I. Впервые заявленная в символической 3-й строфе («Открылась тайн священных дверь! / Исшел из бездн огромный зверь... <и т.д.>»), сразу придающей тексту мистическое измерение, эта антитеза проходит через весь «Гимн», представая то как антитеза гордыни и смирения, то как безбожия и благочестия, а в строфах 43–46 становится отправной точкой для открытого морализирования.

Поскольку «Гимн» – сочинение громоздкое и непростое, предлагаем наш опыт описания его композиции по строфам (арабскими цифрами обозначены строфы, римскими – «суперстрофы»):

I (1–3). Вступление: призывание музы (1), скорбь о разорении Москвы, призыв с неба и от земли «оправдать пути Господни» (2); пророчество о звере из бездны (3).

II (4–6). Применение пророчества – к порождениям Коварства (4), ищущим всемирного господства галлам (5) и Наполеону (6).

III (7–9). Вторжение Наполеона в Россию и реакция Александра I: переход врага через Неман (7), его замыслы (8); Царь созывает ополчение, народ жертвует имуществом и молится (9).

IV (10–12). Суд Божий о галлах и россах – решение их участи (10); новый Фараон среди расступившихся волн (11), его гибель (12).

V (13–15). Безумие гордыни, несущей в себе свое наказание: судьбу вавилонских царей (Навуходоносора, Валтасара) (13) повторяет Наполеон – уподобившись животному в поругании святынь и женской чести (14), окруженный пожаром Москвы как огненными надписями (15).

VI (16–18). Гром военной трубы: сражения под Бородино, Малоярославцем, Красным (16), их кровопролитность (17); жгущий Эвр не смог повредить Синайскому кедру.

VII (19–21). Бегство Наполеона (ужас): взорвав Кремль, он бежит, погоняемый Ангелом (19), его преследуют тени потревоженных им в гробницах русских святых и праотцов (20) и тени его бесчисленных жертв с кровавой чашей (21).

VIII (22–24). Бегство Наполеона (позор): брошены не погребенные мертвецы и оружие (22), брошены награбленные сокровища (23); сравнение с убегающим волком и уползающим аспидом (24).

IX (25–27). Бегство Наполеона (гибель) и исполнение пророчества о звере: людоедство в погибающей от голода и морозов армии (25); истек данный Наполеону срок – 42 года «на возвышенье» и 42 месяца «на оскверненье» (26); ничтожество врагов Христовых: «таинственных числ зверь» побежден молитвой Александра I, силою князя Михаила и бесстрашием россов (27).

X (28–30). Упрек народам Европы: как новые орды Тамерлана они вторглись с Наполеоном в Россию (28); неблагодарность германцев (29); обличение нового Вавилона – Парижа, пытавшегося когда-то своим блеском обольстить россов (30).

XI (31–33). Непобедимость русского народа и ее причины – в единстве, мужестве и готовности к самопожертвованию (31); похвальбы Наполеона (32); дух Петров восстал на духа Сатанаила, и князь Михаил низверг его в озеро огня (33).

XII (34–36). Благодарение Богу: Его помощь России очевидна, что бы ни говорили завистники (34); Бог прославил русского Царя и поставил Россию выше всех земных царств (35); хвалебный гимн Богу (36).

XIII (37–39). Похвала русскому народу и обращение к союзникам: нравственные качества росса (37), его заслуженная награда (мир, слава) (38), общеевропейское значение его победы, без которой Испания и Англия неизбежно были бы покорены врагом (39).

XIV (40–42). Похвала Кутузову и другим русским военачальникам: Суворов, Потемкин и Румянцев признают превосходство над ними Кутузова как защитника отечества, а не завоевателя (40); он равен лишь Дмитрию Донскому, Пожарскому и Петру I, отразившим иноземные вторжения (41); качества Кутузова, Витгенштейна и Платова; дань памяти Багратиону и всем погибших (42).

XV (43–45). Моральный урок поражения Наполеона: лучше быть оплакиваемым в гробу, как Багратион, чем живым и всеми проклинаяемым, подобно Наполеону (43); его участь – урок всем, стремящимся к завоеваниям (44); он

погибнет, потому что правил несогласно с волей и заповедями Бога, который когда-то дал ему власть над Францией (45).

XVI (46–48). Обращение к Александру I и видение будущего: царствуй в своем царстве и обороняй отечество (46), скоро умолкнут брани и тебе поклонятся цари (47); видение возрожденной Москвы (48).

XVII (49–51). Видение будущего и заключение: град Петров сравнится с Новым Иерусалимом, и Царь вернется в свою столицу (48); из всей России «печаль и скорби изженутся» (50); жалоба на старость и передача лиры «младым певцам».

Целый ряд образов и строф «Гимна» находит соответствие в более ранних стихах Державина. Так, например, со зверем, выходящим из бездны, мы впервые встречаемся в его оде «Фонарь» (1804)⁴⁶²: «Но тут ужасный зверь всплывает / К нему из бездн...» (II, 467). Однако, судя по тому, что Наполеону здесь посвящена особая строфа, имеется в виду просто кит, который «занес уж зубы» на «рыбьего князя» осетра, хотя, конечно, не исключено и иное токование. «Преисподний зверь, / Стальночешуйчатый, крылатый, / Серпокогтистый, двурогатый», появляется в кантате «Персей и Андромеда» (1807), где в самом тексте раскрывается аллегория, что Персей – это Росс, Андромеда – Европа, Зевс – Александр I, а зверь – Наполеон (во втором издании после Тильзитского мира переименованный в Губителя) (II, 613, 616).

Образ Фараона, погибающего в Черном море, Державин отнес персонально к Наполеону уже в оде «Монумент милосердию» (1805), и здесь же впервые появляются тени с наполненной кровью чашей, преследующие за гробом завоевателя:

Почто вселенной победитель,
 Народов многих покоритель,
 От чаш, наполненных кровей,
 Ему тенью подносимых,
 С стенанием вокруг ходимых,
 Отвортился, слыша: «Пей!»
 <...>
 Но если злоба ополчится,
 Нарушит сладкий наш покой,
 Восстав, Россия окружится,
 Как тучей, чад своих стеной.

⁴⁶² О «Фонаре» см. большой раздел в кн.: Смолярова Т. Зримая лирика: Державин. – М.: НЛО, 2011. – С.123–158.

Бог милости пред ней предыдет,
 Он выше облак воды вздымет
 И с шумом их со всех сторон
 Гром бросит на чело возницы,
 На всадника, на колесницы:
 И где грозивший Фараон?

(II, 523–526)

В приведенных стихах есть и еще одна (уже третья) переключка с «Гимном» – с 46-й строфой, с которой в нем начинаются похвалы Александру I:

Не бе. – Но ты, *Монарх!* блистай
Твоей небесной красотой;
 То кротостью, то правотою
 Владей, пленяй и успевай
 Лук наляцать *Твой* крепкий, сильный,
 Через все *Твои* страны обширны
 Ко ужасу *Твоих* врагов,
 И грозный строй *Твоих* полков,
 Как туча молньями чревата,
 Кругом возляжет Царства свята.

(С.137)

Примеры можно умножить, но стоит остановиться на только что процитированных стихах. В них довольно прозрачно высказана царю рекомендация ограничиться обороной отчества и не двигать свои войска за его пределы. Выше (4.1) уже цитировалась записка Державина «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» (предисловие к ней, датированное 1810 г. и текстуально переключающееся с одой «Слава»), продолжим приведенную там цитату: все уже сделано предшественниками Александра I на троне, ему только «...остается <...> предупредить ненасытных кровопийц, каковы суть Бонапарты, честолюбивые и дальновидные замыслы повелевать Европою или всем светом. Словом, обнять мир, тишину и стяжать себе такую бессмертную честь и славу, каковой ни единый из величайших монархов не имел: то есть быть посредником и миротворцем терзающей себя кровопролитным междоусобием Европы, быть, по словам священного писания, сыном Божиим. И сие-то великое имя, и сия-то божественная слава принадлежать может по многим удобствам и причинам единственно Российскому Монарху, Александру Первому» (VII, 442).

В позднейшей оде Державина «На сретение победителя Европы Александра I» (1814) есть строки:

Он Гений, с небеси нисланный,
 Марией кроткою рожден,
 Чтоб век был миротворец славный
 И сыном Божиим наречен!
 (Ш, 220)

Казалось бы, и эти строки, и вся эта ода прекрасно вписывается в ряд стихотворений того времени, представляющих Александра I «в мессианистическом ореоле»,⁴⁶³ однако почти с теми же словами Державин обращался к нему в деловой прозе в 1810 г., подразумевая, очевидным образом, одно из евангельских блаженств: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф 5:9). В 1814 г. он по-своему включился в литературную игру, и мистической экзальтации в этой оде, может быть, не больше, чем в восклицаниях мурзы в «Фелице» («Прошу великого пророка, / Да праха ног твоих коснусь... <и т.д.>»).

Это следует учитывать и в случае с «Гимном лироэпическим». Так, в строфах 46–50 похвалы Александру I постепенно принимают вид подозрительно безудержного панегирика, а видения будущего России под его скипетром начинают отчетливо напоминать о ереси миллениаризма: и «царство снидет к нам Христово», и Петербург уподобится Новому Иерусалиму,

И из страны Российской всей
 Печаль и скорби изженутся,
 В ней токи крови не прольются,
 Не канут слезы из очей;
 От солнца пахарь не сожжется,
 От мраза бедный не согнется,
 Сады и нивы плод дадут,
 Моря чрез горы длань прострут,
 Ключи с ключами сожурчатся;
 По рощам песни отгласятся.

(С.139)

⁴⁶³ См.: *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. – СПб.: Академический проект, 1999. – С.99–101.

под заглавием «Предвестие» он писал об этом почти так же, как в начале процитированной строфы из «Гимна лироэпического»:

О вечеряюще светило!
 Любезный, но багровый луч!
 Что, солнце тихо, так уныло
 Ты сходишь в лоно темных туч...
 <...>
 Седеем, стареем, дряхлеем
 И падаем в ров тли стремглав.
 (Ш, 75–76)

Однако «Предвестие» – образец чистой духовной лирики, а «Гимн лироэпический» – произведение другого рода. Нигде до этой последней строфы в нем не было личных признаний и ничего, что можно было бы считать автобиографическим мотивом.

Из вышеизложенного (4.2), наверное, можно было убедиться, что «Гимн лироэпический» произведение обдуманное и искусно выстроенное, в котором описывается весь ход Отечественной войны 1812 г. до ее победного завершения, но пока Державин работал над ним, возникла новая ситуация: 1 (13) января 1813 г. русские войска тремя колоннами перешли Неман, начался Заграничный поход русской армии. На него Державин и указывает в последней строфе: «То юного Царя / Днесь вслед орлов паря...»

И здесь уместно задаться двумя вопросами: 1) почему именно в это время, с жалобами на старость, он вверяет свои «ветхи струны» «младым певцам»? 2) кто эти «младые певцы», которым, как можно понять, недостает державинских «струн»?

На второй вопрос, кажется, нетрудно ответить: в первую очередь Державин думает о В.А. Жуковском, авторе «Певца во стане русских воинов»,⁴⁶⁴ который, среди прочего, воздал хвалу прежним «певцам» и, кроме легендарного Бояна, назвал М.В. Ломоносова, В.П. Петрова и Державина. К последнему он прямо обратился в особой строфе:

О старец! Да услышим твой
 Днесь голос лебединый;
 Не тщетной славы пред тобой,

⁴⁶⁴ «Певец» был написан 13–20 октября 1812 г., а к декабрю уже являлся популярным произведением. Первое известное издание «Певца» вышло с цензурным разрешением от 24 января 1813 г., т.е. позже державинского «Гимна», но предполагается, что существовало более раннее издание, отпечатанное в походной типографии штаба М.И. Кутузова. См. комментарий А.С. Янушкевича в кн.: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – Т.1. – М.: Языки славянской культуры, 1999. С.595–598.

Но мщения дружины...⁴⁶⁵

В этих строках прочитывался упрек: с начала войны к тому времени Державин опубликовал только одно стихотворение – оду «Слава», написанную еще в 1810 г. (см. о ней выше – 3.1). В ней как раз шла речь о мнимости славы, добываемой «через токи крови на войне», в особенности славы завоевателей, и звучала мирная проповедь:

Гнусна убийц народов слава;
Я тихой дорожу молвой:
Той – мести недрится отрава,
Сей – засевается покой.
Подрыв и вражью с треском граду
Не радует души моей...

(III, 50)

Осудив неназванного, но легко узнаваемого Наполеона как «тирана», Державин предрек его падение, а в качестве противоположности ему изобразил идеал «добротного царя», «благотворителя народна». В 1810 г., когда Наполеон и Александр I формально были союзниками, такая ода не могла быть опубликована, а в 1812 г., хоть и оказалась политически правильной, прозвучала как-то не совсем уместно, слишком миролюбиво перед лицом вторгшегося в отечество врага. Поэтому Жуковский всю обращенную к Державину строфу посвятил обоснованию святости подвига русских воинов и их права на «мщение»:

Их подвиг свят: то правых брань
С злодейскими ордами.
<...>
Самим губителя рабам
Победы их спасенье.⁴⁶⁶

Таким образом, в «Певце» содержался не только призыв к Державину «грннуть в струны», но и отчасти полемический отклик на его оду «Слава».

Во время Отечественной войны Державин, кроме нескольких коротких надписей, сочинил только оду «На парение орла»⁴⁶⁷, воодушевившись известиями о назначении

⁴⁶⁵ Там же. С.240.

⁴⁶⁶ Жуковский В.А. Указ. соч. С.240

⁴⁶⁷ Ода «На парение орла» вышла отдельным изданием в октябре 1812 г. (см.: III, 133), но, видимо, уже после того как был написан «Певец» Жуковского.

Кутузова главнокомандующим и прибытии его к войскам. Согласно помете в автографе, он написал ее 31 августа (III, 133), т.е. за день до оставления Москвы неприятелю. Потом, пораженный этим событием, Державин вплоть до изгнания французов из России не находил в себе сил откликнуться в стихах на происходящее, как будто перестал его понимать. Появление исполненного бодрости и веры в победу «Певца во стане русских воинов» с обращенным лично к нему призывом должно было обрадовать Державина, но и напомнило о том, что сам он безмолвствует, что он стар и время его, наверное, уже прошло. В этом контексте становится понятней известное четверостишие, найденное Я.К. Гротом среди черновиков поэта:

Тебе в наследие, Жуковский,
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою.

(III, 449)

Грот опубликовал эти стихи в примечании к датируемой 1811 г. эпиграмме Державина на Жуковского («На издателя чужих сочинений»), указав, что они набросаны «на одной из позднейших черновых бумаг». В биографии Державина Грот вновь привел эти стихи без точной датировки, но связал их именно с «Певцом» Жуковского⁴⁶⁸. На наш взгляд, с этим следует согласиться, и тогда можно уточнить время написания четверостишия: не ранее конца октября 1812 г. (когда текст «Певца» хотя бы гипотетически мог оказаться у Державина) и не позднее середины декабря 1812 г., когда враг был изгнан и ободрившийся «старец» смог приступить к работе над «Гимном лироэпическим».

Последние строки «Гимна» перекликаются с печальным наброском «Тебе в наследие, Жуковский...», но смысл их несколько иной, и дело не только в том, что на месте названного по имени наследника оказались неопределенные «младые певцы». Державин по-прежнему думает о Жуковском, но уже не просто отвечает ему, а обыгрывает некоторые его выражения. «Струны» вместо «лиры» в «Гимне» появляются

⁴⁶⁸ «Державин, отдавая полную справедливость высокому таланту “певца во стане русских воинов” <...> набросал на одной из своих рукописей четверостишие...» (VIII, 943). Современная исследовательница верно отметила, что Грот здесь выразился «не вполне определенно» и что, поскольку четверостишие написано на обороте рукописи с авторской датировкой 1808 г., «однозначного решения вопроса о времени создания этого текста пока нет» (*Фрайман Т.* Державин и Жуковский: К вопросу о творческом наследовании // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы междунар. науч. конф., посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. – Тарту, 2004. – С.28, 10). Предлагаемая некоторыми авторами дата 1808 г. нам кажется маловероятной, но чтобы полностью ее отвергнуть, все же требуется исследование рукописи.

именно из «Певца» Жуковского, который, используя как раз это слово, по замечанию Т.Н. Фрайман, «декларировал преемственность» по отношению к Державину и «как бы заранее принимал на себя роль его наследника»⁴⁶⁹:

Готовь свои перуны,
Суворов, чудо-исполин, –
Державин грянет в струны.
<...>
Так, братья, чадам Муз хвала!..
Но я, певец ваш юный..
Увы! почто судьба дала
Незвучные мне струны?
<...>
Хвала возвышенным певцам!
Их песни – жизнь победам;
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.⁴⁷⁰

В самом начале послания Кутузову «Вождю победителей», напечатанном в ноябре 1812 г. (и наверняка тоже известном Державину во время работы на «Гимном»), Жуковский вновь, уже безотносительно к старому поэту, поминает свои «струны»:

О вождь Славян, дерзнут ли робки струны
Тебе хвалу в сей славный час бряцать?⁴⁷¹

Называя свои «струны» «незвучными» и «робкими», Жуковский прибегал к формулам скромности, Державин же, как будто приняв это всерьез, в «Гимне» предлагает «младым певцам» собственные, хоть «ветхие», но мечущие молнии струны:

...младым певцам греметь
Мои вверяю ветхи струны,
Да черплют с них в свои сердца перуны
Толь чистых, ревностных огней,
Как пел я трех Царей

⁴⁶⁹ Фрайман Т. Указ соч. – С.20.

⁴⁷⁰ Жуковский В.А. Указ. соч. – С.240–241.

⁴⁷¹ Там же. – С.245.

Собственно, Державин предлагает «младым певцам» у него поучиться, подразумевая, что им пока еще чего-то еще недостает: нет в их «робких струнах» таких «чистых, ревностных огней», которые всегда были и все еще находятся в его «ветхих струнах».

Сочинение Державиным «Гимна» можно было рассматривать как род поэтического состязания с «Певцом» Жуковского, как ответ лагеря «архаистов» много возомнившим о себе юнцам из числа сторонников «нового слога», как попытку продемонстрировать возможности «старого слога» и доказать его превосходство⁴⁷². Считается, что Державин в этом состязании проиграл. Некоторые его современники были твердо в этом убеждены еще до того, как прочли державинский «Гимн»,⁴⁷³ но сам он, конечно, думал иначе. Передавая лиру, старик Державин не только заявлял о своей благожелательности к «младым певцам», но и о своем превосходстве, побуждал их к совершенствованию, ставя в пример самого себя.

В «Гимне» Державин, как ему казалось, преподавал молодым поэтам урок художественного мастерства, а также твердой веры в Бога, почтения к царям и любви к русскому народу и воинству. Акт «передачи лиры» в конце длинного стихотворения должен был подчеркнуть его особую значимость, что это сочинение образцовое и поучительное, но «младые певцы» его, к сожалению, не оценили. В последней строфе на «передачу лиры» они обратили гораздо меньше внимания, чем на мотив старческого угасания таланта. Юный Пушкин, благословленный Державиным на лицейском экзамене в январе 1815 г., в том же году, высмеивая «Гимн» в «Тени Фонвизина», подхватил этот мотив с веселой бесцеремонностью:

Денис! он вечно будет славен,
Но, ах, почто так долго жить?⁴⁷⁴

⁴⁷² О «Гимне» в контексте деятельности Беседы любителей русского слова см.: *Альтшуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М.: НЛЮ, 2007. – С.78–82.

⁴⁷³ Так, А.Е. Измайлов писал 13 января 1813 г. Н.Ф. Грамматину: «Сегодня первый раз открывается Беседа и театр <...>. Державин, сказывают, написал какой-то славный гимн на наши победы. Я не думаю, однако, чтобы этот гимн мог сравниться с последними стихами Жуковского: *Певец во стане русских воинов...*» (*Измайлов А.Е.* Письма к Н.Ф. Грамматину <1810–1818> / Сообщ. В.А. Борисовым // Библиографические записки. – 1859. – Т.2. – №14. – С.418). Это часто цитируемое суждение Измайлов вынес до знакомства с «Гимном», которого, как узнаем из другого его письма, он и через месяц «еще не читал» (Там же. – С.420)

⁴⁷⁴ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. – Т.1. – СПб.: Наука, 1999. – С.139.

Между тем, жалоба на старость в «Гимне» не была простотой констатацией факта или, тем более, признанием своего творческого упадка, а выполняла определенные функции.

Во-первых, она должна была склонить слушателей к почтительному вниманию, ибо старец должен обладать знаниями и опытом, не имеющимися у других, и может предостеречь молодежь от опасных ошибок и заблуждений. Именно с такой целью, например, жаловался на старость М.М. Херасков в поэме «Царь, или Спасенный Новгород», в которой носителем высшей мудрости является старец Гостомysl, а высший подвиг самопожертвования совершает старец Звен:

...Толь бренна старость и моя!

Подобно тихому зефиру,
Мой голос начал исчезать;
Едва, едва держу я лиру,
Едва могу на ней играть;
Власы, которы были черны,
Как пухом убеленны терны,
Смешались ныне с сединой;
Мой взор покрылся пеленой.⁴⁷⁵

Общая для автора и двух героев поэмы старость объясняла их единомыслие насчет спасительности самодержавия и склоняла читателей к осуждению политического либерализма, привлекательного для молодости, но губительного для общества и государства:

Внемлите старцу, о народы!
Для правды любящему жить:
Нет в жизни нам иной свободы,
Как зло или добро творить.
Связуют общество законы;
Законов выше Князьи Троны;
Цари, сидящие на них,
За добродетель воздаяньем,
Развратных волей обузданьем,

---

⁴⁷⁵ Херасков М.М. Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть. – М., 1800. – С.137. С жалобы на старость эта поэма и начинается: «Еще дерзаю строить лиру / При томной старости моей... <и т.д.>» (Там же. – С.1).

Также Державин, говоря о старости в «Гимне лироэпическом», напоминал о своем праве на внимание со стороны молодого поколения. И прислушаться к нему должны были не только «младые певцы», но и соседствующий с ними в последней строфе «юный Царь». В «Гимне» Александр I, один из главных его героев, упоминается многократно, но «юным» он назван только в этой строфе. И только здесь поэт говорит о своей старости и при этом напоминает о некогда посвященных им будущему царю «Стихах на рождение в Севере порфирородного отрока» (1779): «...что мною в день его рожденья / Предречено...» Поскольку одной из ведущих в «Гимне» является политическая проблематика, таким образом неугомонный старик Державин, давно тем же царем отставленный со службы, заявлял о своем праве давать ему советы по государственным вопросам и желании быть им выслушанным хотя бы в качестве поэта.

Адресованный Александру I дидактический подтекст жалобы на старость в последней строфе «Гимна лироэпического» был понятен, по крайней мере, некоторым из его читателей. Так, например, его ясно понял Н.П. Николев, который в последней строфе своего написанного в подражание Державину «Гимна песнопевца, сочиненного в Тамбове, по изгнании всеобщего врага из пределов Российских» (1814), обращаясь к России, призвал ее и Александра I («Тита») почитать старость как надежную опору трона:

Уверь и в том себя и Тита,
 Да всюду правда освятит,
 Что доблесть, сединой покрыта,
 Есть трона, Царства верной щит;
 Слаба ли зрением иль слухом,
 Могуща все великим духом,
 Как опыт – Божьих дум совет;
 И там, где младость с ней бунтует,
 Бог в гневе – смертных наказует,
 Закон без сил – отчизны нет!⁴⁷⁷

⁴⁷⁶ Там же. – С.245. Между прочим, любопытно отметить, что с этой строфой полемически перекликается ода Пушкина «Вольность».

⁴⁷⁷ Николев Н.П. Гимн песнопевца, сочиненный в Тамбове, по изгнании всеобщего врага из пределов Российских // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: [В 2 ч.]. – М.: Унив. тип., 1814. – Ч.2. – С.106–114, здесь с.114. Это не единственное подражание «Гимну лироэпическому», появившееся при жизни Державина. См., например: *Голенищев-Кутузов П.И.* Ода на истребление врагов и изгнание их из любезного отчества // Сочинения и переводы Российской академии. – 1813. Ч.6. – С.257–264 (в центре оды Голенищева-Кутузова «дракон», «сын адской тьмы, Наполеон», которого карает «дух крылатый», Архистратиг; последний стих почти в точности повторяет первый стих державинского «Гимна»:

Итак, во-первых, жалоба на старость в «Гимне лироэпическом» служит заявлением о праве автора поучать молодых читателей, «младых певцов» и самого венценосца – «юного», по сравнению с Державиным. А во-вторых, подобная жалоба в принципе может являться прикровенным выражением тревоги, сомнений и несогласия старика с происходящим или попросту его нежелания участвовать в делах чужого и непонятного для него времени. И однажды Державин именно с такими мыслями уже жаловался на старость, перелагая свои поэтические обязанности на «младых певцов».

Мотив старческого угасания таланта он использовал в оде «На мир 1807 года государыням императрицам», написанном по случаю Тильзитского мира, которым, как многие из его окружения, Державин был огорчен, будучи уверенным, что новая война с Наполеоном все равно неизбежна. По выражению А.С. Шишкова, «...тильзитский мир уничтожил чело могущественной России принятием самых постыднейших для ней условий, превративших презираемого доселе и страшившегося нас Бонапарте в грозного Наполеона».⁴⁷⁸

Ода «На мир 1807 года государыням императрицам» в свое время не была опубликована, поскольку, по словам Державина, «государю не было угодно, чтобы она сделалась известною» (II, 658), и вышла в свет только в 1816 г., в пятой части его «Сочинений», с примечанием «не была поднесена» и в одном блоке со стихотворениями на войну 1812 г.: «На мир 1807 года государыням императрицам» – «На парение орла» – «Гимн лироэпический» – «Тление и нетление» (стихотворение на смерть Кутузова).⁴⁷⁹ Здесь она помещена в иной редакции, без заключительных строк с передачей полномочий «младым певцам» (это, помимо прочего, не имело смысла в соседстве с «Гимном лироэпическим»). А в первоначальной редакции они выглядели следующим образом:

Итак, днесь бранною трубою
 Супруга, сына не пою;
 Прельщен его душой святою
 И старость чувствуя мою,
 Бессилен в путь лететь орлиный,
 С Пиндаром плесть венцы побед,
 Как на чело Екатерины
 И Павла я сплетал из звезд.

«Не Он ли <Бог> стер кичливый рог? / Не Он ли слезы отирает? / Не Он ли Россов утешает? / Благословен Господь наш Бог!»).

⁴⁷⁸ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка: [В 2 т.]. – Берлин; Прага, 1870. – Т.1. – С.95.

⁴⁷⁹ См.: Державин Г.Р. Соч.: [В 5 ч.]. – Ч.5. – СПб., 1816. – С.107–149.

Побед его предоставляя
 Младым певцам греметь я честь,
 Любезного царя лобзая,
 Хочу в нем кротость превознести,
 По легком вслед ходя Катулле,
 Чтоб век его в добротях цвел:
 Небесных дев в священном туле
 Приятных много сердцу стрел.

(II, 664–665)

Собственно, это облеченное в благопристойную форму выражение несогласия с царем, заключившим мир с тем, о ком выше в той же оде (эти строки есть в обеих редакциях), сказано: «Враг примиренный, снесший рану, / Не может быть надежный друг» (II, 663). Позднее, в 1815 г., отправляя оду А.Ф. Мерзлякову, Державин не удержался, чтобы не отметить свою дальновидность: он пояснял адресату, что, когда писал эту оду, «не мог... предаться полному вдохновению; а как боец, сшедший с поля сражения, хотя показывался торжествующим, но, будучи глубоко ранен, изливал свою радость с некоторым унынием. Но оно меня теперь утешает, когда всяк видит, что сбылись мои предусмотрения» (II, 659). «Предусмотрения» поэта заключались не только в строках о «враге», но и в предшествующем им призыве к императрицам внушить царю «...мысль охранну, / К геройству возбуждая дух» (II, 663). В этом контексте похвала «кротости» царя выглядела двусмысленно, а заявление о том, что, «старость чувствуя», поэт уже «бессилен» «плеть» ему «венцы побед» и предоставляет заниматься этим другим, звучало как упрек Александру I и предостережение «младым певцам», которым следовало вспомнить, что Державин всегда осуждал поэтическую лесть.

Конечно, в дни создания «Гимна лироэпического» ситуация была совершенно иной, и победу невозможно было подвергнуть сомнению, как и «геройский дух» Александра I, но Державин и здесь, уже без всякой иронии, используя апокалипсические образы, счел нужным акцентировать внимание на присущей царю «христианской кротости»:

А только Агнец белорунный,
 Смирный, кроткий, но челоперунный,
 Восстал на Севере один, –
 Исчез змей-исполин!

(III, 139)

В примечаниях к этим стихам Державин дал ссылки на Апокалипсис (гл.11, ст.9 и гл.17, ст.14), но, избегая прямого отождествления Наполеона и Александра I с его символическими образами, пояснил, что «под видом змия здесь разумеется коварство», а «под видом Агнца представляется христианская кротость и имеет отношение к тому, что царствующий император вступил на престол под знаком Овна» (III, 138–139). Апокалипсическая образность в «Гимне» подчеркивала чудесный характер победы, одержанной с помощью Божией, а моральная антитеза «коварства» и «кротости» подводила к уроку, извлекаемому поэтом из совершившихся событий:

Так! мерил мерой кто какой,
И сам возмерен будет той.
Нам правдой Божия явила,
Какая Галлов казнь постигла.
<...>
Не здесь ли им урок в ученье,
Чтоб царств не лститься на хищенье?
(III, 161)

Наполеон, которого «...судьбы Всевышнего, отняв скиптр у Бурбонов, / <...> / В сан облекли царей» для того, чтоб он действовал «с справедливостью согласно»,

Дерзнул Господню волю пренебечь,
Не стерть ток слез, суд правый не изречь
И быть отрекся миролюбным,
Великим; но склоня свой слух ко трубным
Он гласам, мнил быть и судьбе
Царь, Бог – и се не бе!
(III, 162)

Сразу вслед за этим в «Гимне» идут пять строф, обещающих мир и благоденствие России и Александру I, который поступал противоположным образом, и в первой же из них вновь упоминается его «кротость» и «правоота»:

Не бе. – Но ты, монарх, блистай
Твоей небесной красотою;
То кротостью, то правотою
Владей, пленяй и успевай

Лук наляцать твой крепкий, сильный,
 Через все твои страны обширны
 Ко ужасу твоих врагов,
 И грозный строй твоих полков,
 Как туча молньями чревата,
 Кругом возляжет царства свята.

(III, 162)

В этой строфе Державин прославляет оборону отчества и очевидным образом внушает царю «мысль охранну», которую пытался внушить ему в оде 1807 г. по случаю Тильзитского мира, хотя после изгнания французов из России в этом, казалось бы, не было особой нужды. Более того, в начале 1813 г., когда русская армия уже выдвинулась в Заграничный поход, пожелание, чтоб «грозный строй полков» «возлег» кругом «царства свята», выглядело, как минимум, несвоевременно. Зато это пожелание гармонировало с уроком, извлеченным в «Гимне» из судьбы Наполеона («царств не льститься на хищенье»), и с советами, которые не раз до его вторжения в Россию Державин давал Александру I (в оде «Слава», в записке «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи», см. выше – 4.1).

Таких мыслей он придерживался и во время написания «Гимна лироэпического» и, очевидно, был в числе тех, кто сомневался в успехе и целесообразности Заграничного похода русской армии. Так, единомысливший с ним по многим вопросам А.С. Шишков в разговоре с Кутузовым в конце 1812 г. выразил опасение, что, имея в Европе лишь предполагаемых и ненадежных союзников, «...мы идем единственно для них, оставляя сгоревшую Москву, разгромленный Смоленск и окровавленную Россию без призрения...»⁴⁸⁰ Шишков и позднее не вполне отказался от своего мнения: «...хотя последовавшие события и опровергли оное, однако ж и теперь не стыжусь я тогдашних моих мыслей. Мне внушала их опасность, чтоб Россия, жертвуя собою для других, и ратоборствуя больше для славы, нежели для пользы своей, не подверглась с ущербом благоденствия своего каким либо новым злключениям. Человек судит по обстоятельствам, ему представляющимся, не зная Божеских, сокрытых от него, предопределений. Я и по ныне в толь скором падении возросшей до высочайшей степени силы Наполеоновой не иное вижу, как особенное произволение Творца вселенной. <...> Его, а не человеческая рука поразила сие чудовище».⁴⁸¹

⁴⁸⁰ Шишков А.С. Указ. соч. – С.168.

⁴⁸¹ Там же. – С.169.

В державинском «Гимне» две строфы (28-я и 29-я) посвящены обличению подчинившихся Наполеону европейских народов (прежде всего, германцев), которые «грабителю поверглись в узы и сами укрепили их», а потом «ползли грызть тайно наши пяты» (III, 153). Как видно, в оценке потенциальных союзников России в новом 1813 г. Державин не расходился с Шишковым, как и в признании того, что «не человеческая рука» поразила французов. Главное он тоже считал уже сделанным: «Отечество мы оградили, / Царя и веру защитили...» (III, 158).

Перед тем как передать лиру, в пяти строфах Державин пророчествует о будущем, но говорит не о предстоящих победах над не свергнутым еще на самом деле Наполеоном (в «Гимне» его падение представлено как уже предрешенное на Божьем суде и даже совершившееся событие: «Внемлите: пал Наполеон!» [III, 159]), а о том, как «уйдет вражда, утихнут брани», как «цари придут... на сонмы» и почтут «скромну власть» Александра I, как «снова процветет» Москва и как царь вернется в ликующий «град Петров» и «осветит... своим все зреньем» (III, 162–163). Эти строфы имеют вид подозрительно безудержного панегирика, напоминающего о миллениаристской ереси: и «царство снидет к нам Христово», и «град Петров» сравнится с Новым Иерусалимом, сходящим «с облаков» «душ святых в отраду»,

И из страны Российской всей
Печаль и скорби изженутся,
В ней токи крови не прольются,
Не канут слезы из очей;
От солнца пахарь не сожжется,
От мраза бедный не согнется,
Сады и нивы плод дадут,
Моря чрез горы длань прострут,
Ключи с ключами сожурчатся;
По рощам песни отгласятся.

(III, 163–164)

И вот, именно на этой ноте Державин вдруг останавливается, жалуется на старость и передает лиру «младым певцам»:

Но солнце! мой вечерний луч!.. <и т.д.>

Кажется, в этих строфах необязательно видеть дань апокалипсическим ожиданиям и мистическим настроениям эпохи. Державин здесь повторяет высказанное им еще в

деловой записке 1810 г. пожелание видеть Александра I «царств посредником, или паче миротворцем», а «пророчества» о том, как «Отца отчества несметны попеченьи / Скорбей прогонят наших тени», как вновь отстроится Москва и царь вернется в Петербург на свое место, при фигуре умолчания насчет начатого им Заграничного похода, выглядят как советы «юному царю», чем ему сейчас на самом деле следует заниматься. Оптимистические гиперболы в описании ожидающего Россию благоденствия («От солнца пахарь не сожжется, / От мраза бедный не согнется...»), благодаря указанию поэта на свою старость, получают характер литературной условности, поскольку подразумевается, что сам-то старик Державин этого благоденствия точно уже не увидит. Признаваясь в неспособности «достойно петь» эти только что описанные им «предшествующих благ виденья» и передавая лиру «младым певцам», Державин давал понять, что воспевать им следует именно такие «блага», т.е. не новые военные победы и приобретения, а в первую очередь, такие дела «юного царя», благодаря которым когда-нибудь «из страны Российской всей / Печаль и скорби изженутся».

Представление о «нравоучительности» од Державина в критике начала XIX в. было общим местом, в этом усматривалась их оригинальность и новизна по сравнению с «похвальными» одами Ломоносова. Это, например, отмечал А.Ф. Мерзляков перед самым началом Отечественной войны 1812 г.: «Характер од Державина по большей части нравоучительный; он оставил тесную стезю Ломоносова. Он хвалит, укоряет и учит»⁴⁸². Н.Ф. Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии» делил «наши оды» на Ломоносовские и Державинские, уточняя, что в последних «...прославление знаменитых происшествий или рассуждение о каких-либо других предметах исполнено бывает мыслей нравоучительных, философических – иногда острых и даже сатирических».⁴⁸³

«Гимн лироэпический» в этом смысле не является исключением среди стихотворений Державина. Прославляя Отечественную войну 1812 г., он философствует, проповедует, «укоряет и учит». Жалоба на старость, отъемлющую «у лиры глас», в «Гимне» сделана, как по поводу другого его текста заметил Г.А. Гуковский, «с той несколько ложной скромностью, которой иногда любил щегольнуть Державин»⁴⁸⁴. Передавая свои «ветхи струны» «младым певцам», он не думал заявить об окончании

⁴⁸² Мерзляков А.Ф. Рассуждение о Российской Словесности в нынешнем ее состоянии // Труды Общества любителей российской словесности. – М., 1812. – Ч.1. – С.91.

⁴⁸³ Остолопов Н.Ф. Словарь древней и новой поэзии: [В 3 ч.]. – СПб.: Тип. Имп. Росс. акад., 1821. – Ч.2. – С.236. Попутно заметим, что «Гимн лироэпический» в «Словаре» Остолопова, бывшего почитателем Державина, не упомянут ни разу. При статье «Гимн» он в качестве образцового гимна поместил оду Державина «Бог» (Там же. – Ч.1. – С.101).

⁴⁸⁴ Державин Г.Р. Стихотворения / Ред. и примеч. Г.А. Гуковского; вступ. статья И.А. Виноградова. – Л., 1933. – С.538.

своего литературного поприща, а поучал читателей. В определенном смысле это было политическое высказывание, адресованное «юному царю», ответ на призыв Жуковского в «Певце во стане русских воинов» и совет молодым поэтам, избегая лести, петь истинные для отечества «блага», «чисто» и «ревностно», как сам Державин «пел... трех царей».

После триумфального возвращения Александра I из Парижа в 1814 г. эти уроки уже вряд ли были актуальны, да и сам «Гимн» не пользовался большой популярностью, однако мотив передачи Державиным лиры молодым поэтам запомнился и получил вторую жизнь в стихах Пушкина. «Благословение», полученное от Державина на лицейском экзамене, для него стало символическим событием, правда, означавшим не передачу творческих принципов («лиры»), а как бы завещание ему оставляемого «старцем» места первого русского поэта:

И славный старец наш, царей певец избранный,
Крылатым Гением и Грацией венчанный,
В слезах обнял меня дрожащею рукой
И счастье мне предрек, незнаемое мной.⁴⁸⁵

(«К Жуковскому», 1816)

* * *

Державин среди современных ему русских поэтов был едва ли не единственным (или, во всяком случае, самым заметным), кто задолго до Отечественной войны упорно предрекал падение Наполеона. Об этом идет речь в целом ряде его стихотворений: «Фонарь» (1804), «Монумент милосердию» (1805), «Персей и Андромеда» (1807), «Похвала Комару» (1807), «Слава» (1810) и др.

В «Гимне лироэпическом» Наполеон является под разными именами: это Авадон, «огромный зверь, дракон иль демон змиевидный», «змей-исполин», «князь тьмы и крокодильных стад»,⁴⁸⁶ Фараон, «дивий Гог», «второй Навходонасор», «жгущий Эвр», «злой гений», «в плоти седьмглавый Люцифер», Вельфегор, Тамерлан. Он как «дух Сатанаила», как «тигр, на трупы жадный», как волк⁴⁸⁷, как аспид. Все эти образы (кроме, может быть, Вельфегора⁴⁸⁸) встречаются в русской поэзии и публицистике периода

⁴⁸⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. – Т.1. СПб.: Наука, 1999. – С.182.

⁴⁸⁶ О «крокодильных стадах» у Державина см.: Богданов К.А. О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. – М.: НЛЮ, 2006. – С.191–196.

⁴⁸⁷ Развернутое сравнение в 24-й строфе Наполеона с волком, «прогнанным от стад», содержит аллюзию на басню И.А. Крылова «Волк на псарне».

⁴⁸⁸ Этого библейского демона (Ваал-Фегора), некогда соблазнившего израильтян, Державин позаимствовал из первой песни «Потерянного рая» Дж. Мильтона. В «Гимне лироэпическом» подчеркнуто, что Александр I – это «Царь, непричастный Вельфегору», то есть не поклонившийся идолу – Наполеону.

наполеоновских войн. В других стихах Державина есть и только у него встречающиеся прозвища: «уранг» (орангутанг), сфинкс («Атаману и войску Донскому», 1807) и Саламандр.⁴⁸⁹ В «Гимне лироэпическом» с его почти исключительно библейской символикой⁴⁹⁰ Саламандра, конечно, нет, но образ Наполеона и здесь тесно связан с огненной стихией: первая половина стихотворения окрашена в багровый (багряный, кровавый) цвет, и чуть ли не в каждой строфе бушует огонь. Любопытно, что написанную *до пожара Москвы* «Записку о мерах к обороне России во время нашествия французов» Державин тоже завершил «огненной» метафорой: «...вражеский пожар бежит быстро, и к остановлению его нет другого средства, как с такой же скорорешительностью быстро вознести противный пламень, иначе все погибнет» (VII, 478).

Падение Наполеона, по Державину, пример наказания безбожия и гордыни и урок царям. В оде «На отбытие великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича из Петербурга к армии, 5 февраля 1814 года» это сказано прямым текстом:

Воспользуйтесь уроком редким,
Нужнейшим для владык земных.

<...>

Путь Демона и Генья видя,
Познайте, Богу как служить.

(III, 191)

Отечественная война 1812 г. в «Гимне лироэпическом» – событие, надолго решившее участь человечества:

По правде, вечности лучей
Достойны войны наших дней.

Апокалипсическая символика в «Гимне» подчеркивает всемирное значение и чудесный характер победы России над Наполеоном, одержанной с помощью Божией. Этот

⁴⁸⁹ «Персей и Андромеда», «На выступление корпуса гвардии в поход» (оба 1807), «На парение орла» (1812). Имеется в виду Саламандра, олицетворение огненной стихии. Насчет использования мужского рода в этом имени см. след. прим.

⁴⁹⁰ В «Гимне» есть только один случай использований античной мифологии, не совсем понятный: в 6-й строфе упомянут «Атроп». Согласно авторскому примечанию, имеется в виду Атропа, «парка или смерть». В.П. Буренин в своей пародии использовал это, и тоже дал примечание: «Атропа – парка или смерть. Хотя представляется в женском образе, но поэт предпочел ее представить мужчиной, руководствуясь примером Гавр. Ром. <Державина>...» (<Буренин В.П.> *Выборгский пустынный*. Гимн лироэпический на получение его сиятельством графом Бисмарком генерал-лейтенантского чина и на победы России. (Посвящ. тени Гавр. Романовича Державина) // *Отечественные записки*. – 1871. – Т.145. – Отд. II. – С.226).

взгляд соответствовал официальной позиции (достаточно напомнить об отчеканенной по указанию Александра I медали с надписью «Не нам, не нам, но имени Твоему» и Манифест 25 декабря 1812 г. о создании Храма Христа Спасителя). Решающий момент в «Гимне» – молитва царя и народа, после которой Бог предопределяет исход войны (в строфах 10–12):

И бысть. – Молебных капля слез,
Упадши в чашу правосудья,
Всей стратегистики орудья
Как прах взметнула до небес.

Народный характер войны, подчеркиваемый Державиным, также соответствовал публично выражаемой позиции Александра I и Кутузова. Однако в поэзии того времени только Державину удалось сказать это «во весь голос». Главная мысль его «Гимна» очевидна: Александр I, русский народ, Кутузов и российская армия с помощью Божией спасли вселенную от кандидата в Антихристы или, по крайней мере, от претендента на мировое господство. Та же мысль более простодушно выражена в написанном им, скорее всего, одновременно с «Гимном лироэпическим» стихотворении «Горе-богатырь», заканчивающимся такими словами:

Вся, – уж думала Россия, –
Покоренна стала тварь,
Но вступилися святыя,
Русский Бог и белый царь.

(III, 534)

*Глава пятая***РЕЛИГИОЗНЫЕ ПОЭМЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ; НЕКОТОРЫЕ АТТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКИ)**

Вопрос о «религиозной» («священной», «духовной», «христианской») поэме в русской литературе мало изучался. А.Н. Соколов в известной книге об истории русской поэмы XVIII – первой половины XIX века (1955) коснулся его только попутно, но сделал важные замечания: «Одним из центральных вопросов в истории новой эпопеи явился вопрос о тематике. В этой области западноевропейская литература обнаруживает большие колебания. <...> Религиозная поэма, начиная с Дю Бартаса, вплоть до прозаических библейских поэм XVIII века, конкурировала с историческим эпосом. <...> Русская эпопея сразу и без колебаний останавливается на национальной тематике. <...> Религиозная тематика занимает в русской эпической поэме весьма скромное место, значительно более скромное, чем в западноевропейской эпопее».⁴⁹¹ В другом месте он повторил мысль о «скромности» места религиозной тематики в русской поэме: «Среди этих поэм <эпических> были произведения, которые отходили в сторону религиозной тематики, но их было немного, и они не претендовали на то, чтобы стать религиозной эпопеей, получившей довольно широкое распространение в западноевропейской литературе. Устойчивой традиции в России эти поэмы не образовали».⁴⁹² В примечании к этим словам А.Н. Соколов назвал несколько таких произведений – «Краткое описание Священныя истории стихами» А.Ф. Протопопова (1769), «Потерянный и приобретенный рай» И.А. Владыкина (1776), анонимную поэму в девяти песнях «Истинный свет» (1780) и «Вселенную» М.М. Хераскова (1797).⁴⁹³ Вместе с ними он назвал и небольшую («в одну песнь») поэму С.В. Салтыкова «Ревность святого Иоанна Евангелиста, или Торжество любви» (1796),⁴⁹⁴ заметив, что «данный жанр» этим списком «по-видимому» исчерпывается.⁴⁹⁵ На самом деле это не так, хотя действительно «религиозные» поэмы в

⁴⁹¹ Соколов А.Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М., 1955. – С.221–222.

⁴⁹² Там же. – С.188.

⁴⁹³ Там же. – С.657–658. Об этих и некоторых других поэмах немного уже говорилось во введении к нашей работе; о «Вселенной» Хераскова см. ниже – гл.7.

⁴⁹⁴ <Салтыков С.В.> Ревность святого Иоанна Евангелиста, или Торжество любви. Поэма в одну песнь в стихах. – М.: [Синодальная типография], 1796. – 14 с. Это поэма на житийный сюжет из «Пролога» о св. апостоле Иоанне и юноше, ставшем разбойником. На тот же сюжет написан рассказ Л.Н. Толстого «Апостол Иоанн и разбойник» (1886).

⁴⁹⁵ Соколов А.Н. Указ. соч. – С.658.

русской литературе не столь многочисленны, как во французской, немецкой, английской и итальянской литературах.⁴⁹⁶

Образцы жанра, получившие общеевропейское признание, – эпопеи Дж. Милтона «Потерянный рай» (1667) и Ф.-Г. Клопштока «Мессия» (1748–1773)⁴⁹⁷. Отличительной особенностью такого рода поэм, по словам одного из русских литературных теоретиков 1830-х гг., было «смешение вымысла с истинною религиею, выраженное в формах древней языческой поэзии»⁴⁹⁸. Однако в Европе XVIII в. такие поэмы часто сочинялись в прозе и «по форме» (объему, композиции, стилю) были далеки от классического эпоса. Такова поэма С. Геснера «Смерть Авеля» (1758), русским читателям в начале XIX в. известная в пяти разных переводах (И.С. Захарова, 1778, 2-я ред. 1788; В.М. Протопова, 1799; Л.А. Цветаева, 1799; И.Ф. Тимковского, 1802)⁴⁹⁹.

В русской поэзии XVIII – начала XIX в. привычными были переложения псалмов и подобные им лирические стихотворения, именовавшиеся «духовными одами». Соответствующим разделом, как правило, открывались собрания сочинений авторов XVIII в. В размежевавшейся с церковной книжностью новой русской литературе переложения псалмов выполняли важные функции и, в частности, оправдывали само ее

⁴⁹⁶ Перечень наиболее известных европейских литературных произведений на библейские темы см., например: *Мень А., прот.* Литературно-художественная интерпретация Библии // *Мень А., прот.* Библиологический словарь: В 3 т. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. – Т.2. – С.132–140. О принципиальных трудностях переложения Библии в восходящих к античности литературных формах см.: *Аверинцев С.С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) <1971> // *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С.13–75 (здесь, в частности, см. о первом таком опыте – о трагедии «Исход», датируемой II в. до н.э.). Из немецких авторов XVIII в., писавших поэмы на библейские темы, кроме Ф.Г. Клопштока, С. Геснера и др. (см. ниже), нужно отдельно назвать И.-Я. Бодмера и И.-К. Лафатера (однако в России их эпопеи не переводились), см.: *Михайлов А.В.* Иоганн Яков Бодмер и его школа // *История швейцарской литературы: [В 3 т.].* – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.320–447; *Михайлов А.В.* Иоганн Каспар Лафатер // Там же. – С.449–522.

⁴⁹⁷ Поэма Клопштока «Der Messias» в России больше известна как «Мессиада». См. о ней: *Лискеев А.* Клопшток Ф.Г. // *Православная богословская энциклопедия.* – Т.11. – СПб., 1910. – С.261–264; *Ботникова А.Б.* Восприятие творчества Клопштока в русской литературе его времени // *Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе.* – Вып.3. – Красноярск, 1978. – С.16–32. Об этой поэме см., например, в новейшем пособии по истории немецкой литературы XVIII в. Г.В. Синило (2013).

⁴⁹⁸ *Давыдов И.И.* Чтения о словесности. Курс третий. – Изд. 2-е, испр. – М., 1839. С.288. Ср. скептическое высказывание другого критика: «Духовная эпопея по форме языческой поэмы есть что-то уродливое, несмотря на гений Мильтона и Клопштока» (*Полевой Н.А.* О духовной поэзии // *Библиотека для чтения.* – 1838. – Т.26. – Кн.1. – С.104).

⁴⁹⁹ Об этих переводах см.: *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. – Л.: Наука, 1984. – С.66–68, 231. Начало перевода «Смерти Авеля» сохранилось среди бумаг Д.И. Фонвизина (впервые опубликовано П.А. Вяземским в книге «Фонвизин», 1848); стихами IV песнь поэмы переложил Г.П. Каменев в 1792 г. (см.: *Бобров Е.* Этюды по истории русской литературы и просвещения. 3. Неизданное произведение Г.П. Каменева // *Сборник Учено-литературного общества при Юрьевском университете.* – Т.15. – Юрьев, 1909. – С.218–260). В литературе еще не отмечалось, что существует полный стихотворный перевод «Смерти Авеля» (правда, весьма вольный), принадлежащий создательнице первого (и столь же вольного) стихотворного перевода «Потерянного рая» Е.А. Жадовской, см.: Первообраз смерти, или Братоубийца: Поэма в 2 отд-ниях и 5 песнях, в стихах / Пер. с прозы Елизаветы Жадовской. – М.: Тип. Вед. Моск. гор. полиции, 1859. – Ч.1–2. – 36, 35 с.

существование⁵⁰⁰, удостоверяли, что подвигающиеся в ней авторы – богомыслящие христиане. Религиозные поэмы (аналог духовных од в эпическом роде) располагались на границе между светской и духовной словесностью. В России эта граница в свое время была особенно ощутима, поскольку изящная словесность являлась, в первую очередь, частью дворянской культуры, а духовная, в принципе чуждая элитарности и внесловная, была все-таки сферой ответственности духовного сословия. Показательно, что авторами, переводчиками и адресатами посвящений религиозных поэм нередко выступали духовные лица. Так, единственный (до 1824 г.) перевод «Возвращенного рая» Милтона, вышедший в 1778 г. и потом многократно переиздававшийся, принадлежал священнику московской церкви Николы в Хамовниках и учителю Троицкой семинарии Ивану Грешищеву⁵⁰¹. «Потерянный рай» на русском языке полностью впервые был издан в 1780 г. в переводе архимандрита (вскоре епископа) Амвросия (Серебренникова) с посвящением митрополиту Платону (Левшину)⁵⁰², причем в предисловии переводчик отметил «главнейшие» богословские погрешности английского поэта, а среди них «не столь приметную, может быть, но наибольшую <...> что он придержался Арианской ереси»⁵⁰³. Из пяти опубликованных полных переводов «Смерти Авеля» Геснера один также принадлежал священнику – коломенскому протоиерею В.М. Протопопову⁵⁰⁴. Оригинальные русские религиозные поэмы были немногочисленны, но можно заметить, что едва ли не большинство из них в конце XVIII – начале XIX в. появились из церковной среды (преимущественно из духовных учебных заведений): прозаическая поэма И.И. Казаринова «Иоас, возведенный на престол, или Торжествующая истина» (М., 1798) вышла с посвящением митрополиту Гавриилу (Петрову), поэма в пяти песнях «Необходимость Мессии, доказанная разумом» (М., 1803) была написана студентом и преподавателем Славяно-греко-латинской академии С.А. Смирновым (впоследствии он служил в

⁵⁰⁰ См.: Живов В.М. К предыстории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века <1993> // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С.532–555.

⁵⁰¹ Возвращенный рай, сочинение г. Милтона. Переведен с французского языка Троицкой семинарии р[иторика] и п[иитика] учителем Иваном Грешищевым. [М.], 1778. До 1828 г. этот перевод переиздавался не менее шести раз.

⁵⁰² Потерянный рай, поема героическая, творение г. Милтона. Переведено с французского языка. М., 1780 (подпись под посвящением: «М.А.П.А.», т.е. Московской академии префект Амвросий). Исправленный в 1785 г., этот перевод до 1827 г. выдержал шесть переизданий.

⁵⁰³ Это точное и делающее честь проницательности Амвросия замечание, поскольку трактат Милтона «О христианской доктрине», в котором открыто выражены его антиринитарные взгляды, был найден и атрибутирован ему только в 1823 г. (издан в 1825 г.). Амвросий, впрочем, тут же успокоил русских читателей, сообщив, что в его переводе «таковые выражения, как и другие некоторые места, переменены».

⁵⁰⁴ Творения г. Геснера, поэма Авелева смерть, в пяти песнях. Переведена вновь. М., 1799. В первоначальном варианте титульного листа значилось: «На российской вновь переведена в Коломне протоиереем Васильем Михайловичем Протопоповым» (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. – Т.1. – М., 1962. – С.226).

Московском университете), небольшую поэму «Падение и восстановление человека» (1810) написал студент той же академии дьякон Иосиф Восленский⁵⁰⁵, несколько стихотворных переложений отдельных глав и целых книг Библии сделал в 1810–1820-х гг. священник Г.А. Пакатский.⁵⁰⁶

Из иностранных религиозных поэм, переведившихся в России XVIII в., кроме поэм Милтона, Клопштока, Геснера (и Э. Юнга⁵⁰⁷), нужно отметить следующие:

– «Иосиф, поэма в прозе» П.Ж. Битобе (1767) – перевод в прозе Д.И. Фонвизина (1769)⁵⁰⁸;

– поэма Дж. Марино «Избиение младенцев» («La Strage degli innocenti», ок. 1605, изд. 1635) – перевод в прозе Я.Б. Княжнина (1779)⁵⁰⁹ и в стихах И. Восленского (1811)⁵¹⁰;

– поэма К.Ф. Мозера «Даниил во рве львином» (Daniel in der Löwen Grube in 6 Gesängen», 1763) – анонимный перевод в прозе (1779)⁵¹¹;

– поэма К.М. Виланда «Испытание Авраама» («Der gepruefte Abraham», 1763) – перевод с французского в прозе Г.В. Медведова (два издания – 1780 и 1787)⁵¹²; в нач. XIX в. ту же поэму начинал переводить Е.П. Люценко: в РГАЛИ сохранилось начало

⁵⁰⁵ Поэма напечатана в журнале «Друг юношества» (1810. №6. С.1–18). Восленскому принадлежит также первый стихотворный перевод поэмы Дж. Марино «Избиение младенцев» (М., 1811) (см. ниже).

⁵⁰⁶ Поэма. Плач Иеремии, преложенный стихами церкви санктпетербургских богачелен священником Гавриилом Пакатским. СПб., 1814; Священная поэма, состоящая из девяти песней, воспетых устами Богодухновенных человеков... СПб., 1814; Псалтирь в стихах... СПб., 1818. Ч.1–2. Позднее Пакатский переложил стихами Канон св. Андрея Критского (СПб., 1829).

⁵⁰⁷ О русских переводах переложения Юнга из Книга Иова (И.Г. Рахманинова, С.С. Джунковского) см. в гл.1 нашей работы. К нашей теме имеют отношение также его поэмы «Страшный суд» (рус. пер. М.М. Щербатова, 1777; 2-е изд. 1787) и «Горжество веры над любовью» (рус. пер. И.В. Лопухина, 1780). О Юнге и в особенности о его «Ночных размышлениях» в русской поэзии см.: *Заборов П.Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // XVIII век. – Сб.6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. – М.; Л.: Наука, 1964. – С.269–279; *Левин Ю.Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1990. – С.143–160, 221–226.

⁵⁰⁸ См.: *Росси Л.* «Иосиф», фонвизинский перевод поэмы П.-Ж. Битобе: проблемы жанра и рецепции // *Litterarum Fructus*: Сборник статей к 60-летию С.И. Николаева. – СПб.: Альянс-Архео, 2012. – С.123–141.

⁵⁰⁹ Избиение младенцев, поэма в четырех песнях. Сочинение кавалера Марино. Перевод с италиянского [Я.Б. Княжнина]. – [М.:] Тип. Имп. Моск. ун-та [у Н. Новикова], 1779. – [2], 128 с.

⁵¹⁰ Избиение младенцев в Вифлееме, поэма в четырех песнях, сочинение кавалера Марино. С италиянского на стихи переложена И... Восленским. – М.: Унив. тип., 1811. – 178 с. Перевод выполнен александрийскими стихами, посвящен митр. Платону (Левшину). О переводчике см.: *Ранчин А.М.* Восленский Иосиф // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* – Т.1: А–Г. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; НВП «Фианит», 1992. – С.491–492.

⁵¹¹ Даниил во рве львином, в шести песнях, сочинение Фридриха Карла фон Мозера / [Пер. с нем.] // *Утренний свет.* – 1779. – Ч.5. – Апр. – С.261–342. Отд. изд.: М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. – 110 с.

⁵¹² Испытание Авраамова поэма в трех песнях. Переведена с немецкого на французский, а с ононого на русский [Г.В. Медведовым]. – СПб.: в вольной тип. Вейтбрехта и Шнора, 1780. – 99 с; [2-е изд., на иждивении П.И. Богдановича]. – СПб., 1787. – 112 с. Отдельные замечания об этой поэме см.: *Данилевский Р.Ю.* Виланд в русской литературе // *От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы* / Отв. ред. академик М.П. Алексеев. – Л.: Наука, 1970. – С.298–379.

сделанного им перевода с датой «1822 г.»⁵¹³ (вероятно, эта работа Люценко находилась в какой-то связи с его переводом «Потерянного рая» Милтона, изд. в 1824);

– поэма А. Галлера «О происхождении зла» (1734) – перевод в прозе Н.М. Карамзина (1786) и в стихах П.И. Богданова (1798) (см. о ней ниже в гл. 6);

– поэма Мертгена (Merthghen, ум. 1778) «Сусанна» – перевод в прозе А.В. Лопухина (1791, с франц. прозаич. перевода).⁵¹⁴

Переводчики и авторы религиозных поэм в предисловиях и посвящениях обычно подчеркивали, что намерения их самые благочестивые, что труд их имеет целью христианское просвещение. Значит, эти поэмы подлежали оценке не только как произведения изящной словесности, но и с вероучительной точки зрения. Это, с одной стороны, осложняло положение писателей, поскольку они, таким образом, подвергались двойной критике (и порой создавали сложности во взаимоотношениях гражданской и духовной цензуры⁵¹⁵), а с другой стороны, это давало им простор для выражения собственных богословских мнений, которые всегда можно было оправдать ссылкой на поэтическую «мечту», «вымыслам стихотворческим в просвещенном нашем мире незапрещенную».⁵¹⁶

В русской литературе жанр религиозной поэмы лучшие свои времена переживал начиная с 1820-х гг., причем в основном уже в царствование Николая I (а не раньше, не в период расцвета деятельности Библейского общества, как можно было бы предположить). Это было связано с эстетическими идеями и литературной практикой романтизма, о котором в России заговорили как раз в начале 1820-х гг. Имевшая прежде успех элегическая и «легкая» поэзия перестала удовлетворять читателей как слишком частная и

⁵¹³ РГАЛИ. – Ф.1346 (Коллекция стихотворений). – Оп. 1. – Ед.хр. 233. – 7 л. (Испытание Авраама. Поэма в трех песнях, сочинение г-на Виланда. Перевод с немецкого языка стихами Е. Люценки. 1822 года). В оригинале поэма Виланда написана безрифменными гекзаметрами (как «Мессия» Клопштока), перевод Люценко сделан alexandрийскими стихами (6-стопный ямб с парной рифмовкой).

⁵¹⁴ *Мертген*. Сусанна, или Торжество невинности над клеветою двух злобных судей израильских. Пастушеская поэма в пяти песнях. Творение г. Мертгена. Перевел с французского Аврам Лопухин. – М.: в Унив. тип. у В. Огорокова, 1791. – 162 с.

⁵¹⁵ О духовной цензуре интересующего нас периода см.: *Барсов Т.В.* О духовной цензуре в России // Христианское чтение. – 1901. – №7. – С.110–130; – №8. – С.238–257; – №9. – С.390–404; *Котович А.Н.* Духовная цензура в России: (1799–1855 гг.). – СПб.: Тип. «Родник», 1909. В московской духовной цензуре первой четверти XIX в. можно отметить тенденцию избавляться от стихотворных сочинений на библейские темы, передавая их в гражданскую цензуру. А.Н. Котович сообщает о таком эпизоде: «В 1827 г., за несколько месяцев до официального закрытия цензуры <московской духовной – В.К.>, в нее было прислано московской консисторией стихотворное переложение “Страдания и смерть Богочеловека”. Оно было возвращено цензурой без рассмотрения на том основании, что “не касается прямо до учрежденной в Москве духовной цензуры, рассматривающей сочинения и переводы, до церкви и учений церковных касающиеся”» (*Котович А.Н.* Указ. соч. – С.18). В 1830–1840-х гг., напротив, гражданская цензура передавала в духовную произведения, которые казались относящимися к ее ведению (о чем свидетельствует цензурная история поэм Ф.Н. Глинки).

⁵¹⁶ Слова из предисловия к поэме М.М. Хераскова «Вселенная» (1797).

лишенная общезначимого содержания, а поэзия XVIII в. – как недостаточно оригинальная и чуждая национальной самобытности. Лейтмотивом критических высказываний в этот период становится утверждение, что «у нас нет литературы», то есть она несамостоятельна, легковесна и несерьезна. На этом фоне библейская тематика – как безусловно значительная и серьезная – получила особую привлекательность в глазах русских авторов. П.А. Катенин в программном стихотворении «Мир поэта» (1822) представил библейские сюжеты как наиболее достойные поэтического вдохновения. А.С. Грибоедов советовал В.К. Кюхельбекеру чаще в своей поэзии обращаться к Библии, и тот ревностно последовал его совету.⁵¹⁷ Мода на Байрона и популярность романтических поэм в его духе в 1820-х – начале 1830-х гг. тоже, как ни странно, стали благоприятствующими обстоятельствами для развития религиозной поэмы. Романтическое богоборчество Байрона, часто осуществляемое на библейском материале (мистерии «Каин», 1821; «Небо и земля», 1822), побуждало к противодействию авторов с иным умонастроением, и опереться в этом они могли как раз на традицию религиозной эпопеи в духе Милтона и Клопштока, с которой Байрон полемизировал. Романтическим поэмам байроновского типа⁵¹⁸, подозреваемым в проповеди безнравственности и эгоизма, религиозные поэмы противостояли как защищающие христианские верования и мораль. Борьба с романтическим индивидуализмом в русской литературе 1820–1830-х гг. зачастую осуществлялась в формах, специфических именно для романтизма. Таковы поздние баллады и стихотворные повести В.А. Жуковского, фантастические повести В.Ф. Одоевского, поздние произведения М.Ю. Лермонтова и др. В религиозных поэмах также мог использоваться весь арсенал приемов романтической поэмы, причем с самыми «благочестивыми» целями, как, например, в поэме Жуковского «Странствующий жид» (1851–1852, изд. 1857), его «лебединой песне», в которой он, по собственному выражению, высказал «последние мысли своей жизни». В качестве пограничного случая можно назвать лермонтовского «Демона», вызывающего (или допускающего) самые разные интерпретации намерений автора (см. ниже в гл.13).

Некоторые из русских религиозных поэм подвергались гонениям духовной цензуры (больше других, пожалуй, пострадал от нее Ф.Н. Глинка), однако их жанровые

⁵¹⁷ Поэмы Кюхельбекера относятся к числу наиболее значительных для своего времени произведений на библейские темы, но (кроме «Зоровавеля») ни одна из них тогда не была опубликована; здесь мы их специально не рассматриваем. Наш обзор его творчества в религиозном аспекте и лит. вопроса см.: *Коровин В.Л.* Кюхельбекер Вильгельм Карлович // *Православная энциклопедия.* – Т.39. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2015. – С.540–543.

⁵¹⁸ Поэтика и история этого жанра в русской литературе 1820–1830-х гг. описаны в классической книге В.М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» (Л., 1924).

прототипы – поэмы Милтона и Клопштока – в силу их почтенного возраста и международного авторитета не относились к сфере ее деятельности. В 1824 г. вышел новый перевод «Потерянного рая»⁵¹⁹ (после этого еще не раз переиздавались и старые переводы). В 1820–1821 гг. впервые полностью на русском языке вышла «Мессиада».⁵²⁰ Немаловажным для русских читателей событием был и ее новый французский перевод, вышедший в 1825 г. с посвящением Александру I⁵²¹, а также позднейший перевод Ф.Р. Шатобрианом «Потерянного рая», на который Пушкин счел нужным откликнуться особой рецензией незадолго до своей гибели («О Мильтоне и переводе “Потерянного рая” Шатобрианом», 1837).⁵²² Стихотворный перевод этих поэм (все предыдущие были прозаическими) с 1820-х гг. стал особенно заманчивой целью для русских поэтов-переводчиков, и такие попытки делались. Помимо появившихся в печати отрывков в исполнении разных авторов⁵²³, небезынтересно отметить один не сохранившийся опыт. А.Н. Муравьев в 1834 г. перевел стихами V песнь «Мессиады», посвященную Молению о чаше в Гефсиманском саду, и его перевод читал и исправлял свт. Филарет (Дроздов) (правда, по очень настоятельной просьбе переводчика, в виде добровольной епитимии за возникшее между ними неудовольствие).⁵²⁴ Отсюда видно, что эти поэмы еще продолжали пользоваться уважением в церковной среде и в целом рассматривались как душеполезное чтение⁵²⁵. Это нужно иметь в виду при оценке намерений авторов русских

⁵¹⁹ Потерянный рай, поэма Иоанна Мильтона. С приобщением его же творения: Возвращенный Рай. Перевод с французского, исправленный по английскому подлиннику, с присовокуплением примечаний Е. Люценко. СПб., 1824. Ч.1–4.

⁵²⁰ Мессия. Поэма, сочинение г-на Клопштока. Перевод с немецкого. Изд. 2-е. М., 1820–1821. Ч.1–4. Первая половина этого перевода (10 песен из 20-ти), сделанного известным «мартинистом» А.М. Кутузовым, вышла значительно раньше (М., 1785–1787. Ч.1–2). В новом издании перевод был заново отредактирован, возможно, при участии Н.М. Карамзина.

⁵²¹ Le Messie, poeme de F.G. Klopstok / Traduction nouvelle, par M.J. D’Horrer. Paris, 1825. Этот прозаический перевод был сделан довольно высокопоставленным дипломатическим чиновником (секретарем посольства Франции в Швейцарии), и на посвящение Александру I, конечно, было испрашено и получено разрешение.

⁵²² Об этой статье см., например: *Соколянский М.Г.* К проблеме «Пушкин и Мильтон» // *Временник Пушкинской комиссии.* – Вып.23. – Л.: Наука, 1989. – С.130–139. Впервые эту статью Пушкина опубликовал Жуковский, который в 1830-х сделал несколько набросков начала стихотворного перевода поэмы Милтона; см.: *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский – читатель и переводчик «Потерянного рая» Дж. Мильтона <1984> // *Янушкевич А.С.* В мире Жуковского. – М.: Наука, 2006. – С.484–496.

⁵²³ *Востоков А.Х.* Мессиада: песнь V, от 1 стиха до 148. Опыт дактилохореического эксамetra // *Свиток Муз.* – СПб., 1803. – С.106–109; *Жуковский В.А.* Абадонна: Из второй песни Мессиады // *Сын отечества.* – 1815. – Ч.22. – №22. – С.95–100 (впоследствии эта стихотворная повесть неоднократно переиздавалась); *Шкляревский П.* Песнь Неба, из Мессиады Клопштока // *Шкляревский П.* Стихотворения. – СПб., 1831. – С.83–85. В 1779 г. первые две песни «Мессии» в стихах перевел Державин, но его перевод не сохранился (см.: *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота. – Т.5. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1869. – С.313, 321, 652).

⁵²⁴ См.: *Письма митрополита Московского Филарета к А.Н. М... 1832–1867.* – Киев, 1869. – С.4–5.

⁵²⁵ Это уважение не было безусловным и всеобщим. Так, свт. Игнатий (Брянчанинов), вообще негативно относившийся к светской поэзии на духовные темы, цитируя слова Симеона Нового Богослова о неправильной молитве «мечтателя», привел в пример Мильтона и Клопштока (см.: *Полн. собр. творений*

поэм такого рода. Они вправе были рассчитывать на благожелательное к ним отношение, тем более в 1820–1840-х гг. авторами религиозных поэм часто выступали уже не только малозаметные литературные труженики, но и прославленные в свое время поэты: В.А. Жуковский, С.А. Ширинский-Шихматов, А.Н. Муравьев, Ф.Н. Глинка и др.

В 1820–1830-х гг. особое место «библейская» тематика занимала в творчестве В.К. Кюхельбекера и В.И. Соколовского. Самая большая поэма Кюхельбекера – «Давид. Эпическое стихотворение, взятое из Священного писания». Написанная в 1826–1829 гг., до сих пор она опубликована только частично⁵²⁶. Большая часть сочинений Кюхельбекера была издана посмертно, причем в основном уже в XX в., но среди того немного, что увидело свет при его жизни, есть и библейская поэма «Зоровавель», написанная в 1831 г. и опубликованная в составе его анонимно вышедшей книги «Русский Декамерон 1831 года» (СПб., 1836).⁵²⁷ Владимир Игнатьевич Соколовский (1808–1839), можно сказать, специализировался на библейской тематике⁵²⁸. В 1830-х гг. большим успехом пользовалась его поэма «Мироздание. Опыт духовного стихотворения» (СПб., 1832)⁵²⁹, в ней даже видели достойную соперницу творений Милтона и Клопштока. Соколовскому принадлежат также неопубликованная полностью поэма «Альма» (1837), составленная из переложений Песни Песней и фрагментов других библейских книг,⁵³⁰ небольшая поэма

свт. Игнатия Брянчанинова: [В 8 т.]. – Т.1. Аскетические опыты. – М., 2006. – С.216–217 («О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником», 1867)). Впрочем, показательное, что он вообще о них вспомнил в этом контексте (значит, они входили в круг чтения благочестивых читателей, раз могли, по мнению свт. Игнатия, послужить к их соблазну).

⁵²⁶ См.: *Кюхельбекер В.К.* Избр. произведения: В 2 т. / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Н.В. Королевой. – М.; Л.: Сов. писатель, 1967. – Т.1. – С.350–474 (Б-ка поэта, бс). В примечаниях Н.В. Королевой дан пересказ пропущенных в публикации частей поэмы.

⁵²⁷ Поэмы Кюхельбекера относятся к числу наиболее значительных для своего времени произведений на библейские темы, но (кроме «Зоровавеля») ни одна из них тогда не была опубликована; здесь мы их специально не рассматриваем. Наш обзор его творчества в религиозном аспекте и лит. вопроса см.: *Коровин В.Л.* Кюхельбекер Вильгельм Карлович // *Православная энциклопедия*. – Т.39. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2015. – С.540–543. О поэме «Агасвер» (впервые изданной в 1874 г.) и других его произведениях «библейских» произведениях есть целый ряд работ, ссылки на которые можно найти, например, в монографии итальянского исследователя С. Алоэ: *Aloe S. Liberta, inventia, orientaliata: V.K. Kjuhel'becker nel contesto romanico russo*. – Milano: Massimo Valdina the Coffee Haus art & adv., 2008. – 346 p. См. также его статью: *Алоэ С.* Иванов Черт, Великий Инквизитор и «Агасвер» Кюхельбекера: Об одном вероятном источнике «Братьев Карамазовых» // *Достоевский и мировая культура*. – Альманах №29: Памяти Натальи Васильевны Живолуповой и Риты Яковлевны Клейман. СПб., 2012. – С.133–160.

⁵²⁸ См. о нем: *Балакин А.Ю.* Соколовский Владимир Игнатьевич // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*. Т.5. М., 2007. С.717–719 (здесь же библиогр.); *Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т.* – Л.: Сов. писатель, 1972. – Т.2. – С.362–414, 721–725 (биограф. справка и прим. В.С. Киселева-Сергенина). См. также: *Соколовский В.И.* «Ни разу счастьем я не был упоен...»: Сб. стихов. – Ставрополь, 2000.

⁵²⁹ В 1837 г. эта поэма была переиздана с укороченным подзаголовком «Стихотворение». Третье изд. вышло 1867 г. вместе с двумя его небольшими стихотворениями духовного содержания: *Соколовский В.И.* Мироздание. Кто Ты, Господи? Исповедь. СПб., 1867.

⁵³⁰ См. о ней: *Кошелев В.А., Скачкова С.В.* Своеобразие стиля поэмы В.И.Соколовского «Альма»: (К истории русской «духовной» поэзии 1830-х гг.) // *Вопросы стилистического новаторства в русской поэзии XIX века: сб. науч. трудов*. – Рязань: Ряз ГПИ, 1981. – С.40–49; *Березкина С.В. Кошелев В.А., Поэма В.И.*

«Разрушение Вавилона» (1839) и драматическая поэма по Книги Есфири «Хеверь» (СПб., 1837). У последней была показательная цензурная история: сначала Соколовский под заглавием «Эсфирь» представил ее в гражданскую цензуру, откуда она перешла в духовную и не получила разрешения к печати, тогда он изменил название на «Хеверь», переименовал также действующих лиц, после чего вновь подал ее в светскую цензуру, и поэма благополучно вышла в свет. Впрочем, произведения Соколовского, несмотря на библейскую тематику, с религиозной точки зрения не очень интересны. В них преобладает любовная и отчасти философская и политическая проблематика. Библия для него, в лучшем случае, источник сведений по этнографии Древнего Востока, а чаще всего – просто экзотических образов и сюжетов, используемых для выражения посторонних мыслей и чувств или придания своим сочинениям «восточной картинности»⁵³¹.

Последние значительные религиозные поэмы интересующего нас периода принадлежат Жуковскому: это «Повесть об Иосифе Прекрасном» (1845, изд. 1873), «Египетская тьма (Опыт подражания библейской поэзии)» (1846, изд. 1847; переложение Прем 17), а главное – создававшиеся им в 1851–1852 гг., в последние два года жизни, и оставшиеся незавершенными поэма «Странствующий жид» и переложение Апокалипсиса («Из Апокалипсиса»).⁵³² Опубликованы они были в 1857 г. Как и сильно запоздавшие с выходом в свет «Таинственная капля» и «Иов» Федора Глинки, они уже не произвели большого впечатления на публику, поскольку в это время наступила новая эпоха, с другими литературными вкусами и интересами. Количество религиозных поэм во второй половине XIX в. было значительно большим, чем в предшествующий период (поскольку появился целый ряд духовных журналов, а также специфическое явление русско-еврейской поэзии), но в целом они находились на периферии литературной жизни. Некоторые интересные опыты остались неопубликованными. Здесь назовем только поэму Д.П. Ознобишина «Мария Египетская», написанную в 1850-х –1860-х гг. Текст поэмы с

Соколовского «Альма» // Памятники культуры: новые открытия = Monumentes of Culture: new Discoveres: Письменность. Искусство. Археология: ежегодник: 1986. – Л.: Наука, 1987. – С.7–18.

⁵³¹ Выражение из одобрительной рецензии Л.А. Якубовича на поэму «Мироздание» (см.: Телескоп. 1832. №13. С.108–115). О поэмах Соколовского см. также отдельные замечания в книгах М.Я. Вайскопфа: *Вайскопф М.* Покрывало Моисея: Еврейская тема в эпоху романтизма. – М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008; *Вайскопф М.* Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. – М.: Новое литературное обозрение, 2012 (указ.).

⁵³² Лит. об этих произведениях см. в коммент. в изд.: *Жуковский В.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. – Т.4: Стихотворные повести и сказки / Науч. ред. тома А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 2009. В нашей работе поздние произведения Жуковского не рассматриваются; о его переводе поэмы Ж.Ж. Руссо «Ефраимский левит» см. ниже в гл.9.

посвящением Марии Аркадьевне Вяземской (урожд. Столыпной), жене П.П. Вяземского, находится в РГАЛИ.⁵³³

* * *

Какие-либо обобщающие суждения о «религиозных» поэмах сейчас выносить преждевременно, но сделаем несколько уточняющих замечаний о произведениях, отмеченных во введении к нашей работе как «хронологически первенствующие» в своем роде (и специально нами не рассматриваемых).

– Первая в новой русской поэзии полная парафраза библейской книги принадлежит вологодскому литератору А.А. Засецкому: это «Книга премудрости Иисуса сына Сирахова, сочиненная стихами» (1777).⁵³⁴ Переложение (в нем, по подсчету автора, 3346 строк) сделано силлабическими стихами. Во вступлении «К читателю», написанном силлабо-тоническими стихами, автор апеллировал к традиции книжной силлабической поэзии:

Из давна времена, что писано от ныне,
 Не в нынешнем стихи еще как были чине,
 В сей книге видимо; в то время род стихов
 У всех писателей из наших был таков.
 Тогда с ребячества тому АЗ подражая,
 Писал сии стихи себя увеселяя.
 А ныне рассудил их свету показать;
 Прошу же оные с любовию принять.
 И что усмотрится из них не совершенно,
 То б благосклонностью все было покровенно.
 Обычай времени не ставится в презор;
 На правило сие все устремляем взор:
 Когда и где живем, мы так и поступаем.
 И времени во всем применно подражаем
 Когда б и нынешний пиит в то время жил.
 То б равным образом и он стихи сложил.
 Но коль Сирахов есть и прозою полезен,
 Не стратясь рифмами, тож будет нам любезен.

⁵³³ РГАЛИ. – Ф.195. – Оп.1. – №5488. – Л.38–52 (Ознобишин Д.П. Мария Египетская. Опыт русской легенды). В настоящее время мы готовим эту поэму к публикации.

⁵³⁴ Засецкий А.А. Книга премудрости Иисуса сына Сирахова сочиненная стихами Алексеем Александровым сыном Засецким. – [М.]: при Имп. Моск. ун-те, 1777. – [2], 99, [3] с. Об авторе см.: Шишкин А.Б. Засецкий Алексей Александрович // Словарь русский писателей XVIII века. – Вып.1. – Л.: Наука, 1989. – С.327–328.

Египт учением, как Нил водой, поил,
 Ко благонравию ж Евреев он учил.
 И тем возможен той всегда питать нескудно,
 Собой довольствоваться желающих повсюдно.⁵³⁵

Позднее ту же Книгу Премудрости Иисуса, сына Сирахова переложил свящ. Г.А. Пакатский (1825).⁵³⁶

– Первый опыт переложения библейской книги силлабо-тоническими стихами – «Плач Иеремии, преложенный стихами» (1782) – вышел без подписи в журнале «Вечерняя заря».⁵³⁷ Мы атрибутируем этот текст А.Ф. Лабзину, сотрудничавшему в журнале, на основании его собственного свидетельства, что в 15-летнем возрасте (столько лет ему исполнилось в 1781 г.) он был «из набожности» наказан матерью «за то, что читал Библию и прелагал в стихи плач Иеремии».⁵³⁸ Переложение полное (т.е. переложены все пять глав Плача Иеремии), в каждую строфу укладываются по два стиха славянского перевода (кроме главы пятой, написанной четверостишиями). Для наглядности приводим первую строфу:

Как! сей людьми град населенный,
 Стран многих обладатель стал?
 Сей славный град опустошенный
 Платить день ныне должен стал?
 И как вдовица днесь рыдает,
 В нощи льет слезы и страдает;
 Нет утешения ему!
 Друзья его против восстали,
 Друзья ему врагами стали,

⁵³⁵ Засецкий А.А. Указ соч. С.2.

⁵³⁶ Пакатский Г.А. Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, заключающая в себе наилучшие нравоучения, преложенная в стихи. – СПб., 1825.

⁵³⁷ Плач Иеремиев, преложенный в стихи // Вечерняя заря. – 1782. – Ч.1. – Апрель. – С.309–328.

⁵³⁸ См.: Лабзин А.Ф. О чтении книг // Сионский Вестник. – 1818. – Ч.8. – Кн.2. – С.223–224, здесь с.224. Лабзин здесь вспоминает о некоем «благодетельном муже» (И.Г. Шварце): «...простое слово его исторгло из рук многих соблазнительные и безбожные книги, к которых – казалось тогда – весь ум заключался, и поместило на место их святую Библию, которую до того – если кто и не презирал вовсе – по крайней мере почитал книгою, для церкви только потребною, для попов одних годною; а если кто и читал, то разве историческую часть ради любопытства, или много для примера в поведении; впрочем никто к чтению Библии не увещевался, и никто не предполагал, что Библия служит даже и к просвещению разума; напротив того самые набожные люди имели тогда несчастную мысль, что от чтения священной сей книги люди с ума сходят. В малолетстве моем я раз наказан был от матери моей из набожности за то, что читал Библию и прелагал в стихи плач Иеремии».

Из света ввержен он во тьму?⁵³⁹

Вторично Плач Иеремии переложил свящ. Г.А. Пакатский в 1814 г. (откликнувшись своим переложением на пожар Москвы 1812 г.)⁵⁴⁰, а еще ранее – в 1797 г. Анастасий (Братановский-Романенко) опубликовал прозаический перевод французской парафразы Плача Иеремии Ф.Т.М. де Бакуляра Арно.⁵⁴¹

– «Воплощение Мессии» Ф.П. Ключарева – известное стихотворение, называвшееся в числе объектов пародии в пушкинской «Гавриилиаде»⁵⁴². Известно оно именно под этим заглавием, под которым, как считалось, впервые было опубликовано в сборнике М.М. Вышеславцева «Приношение религии» в 1801 г.⁵⁴³ Нами выявлена его первая публикация в 1784 г. под заглавием «Песнь на день Благовещения Пресвятыя Богородицы».⁵⁴⁴ Текст в издании 1801 г. идентичен этой публикации во всем, кроме названия (и наличия эпитафии). Однако Вышеславцев в своем сборнике почти все перепечатанные чужие стихи назвал по-своему. Название «Воплощение Мессии» тоже, скорее всего, принадлежит ему. Т.о., авторское название стихотворения Ключарева – «Песнь на день Благовещения Пресвятыя Богородицы» (под аналогичными заглавиями – «Песнь...» – его тексты печатались в журнале «Вечерняя заря» в 1782 г.). Это значит также, что автор квалифицировал это стихотворение как лирическое – как оду, а не поэму.

⁵³⁹ Плач Иеремиев, преложенный в стихи. – С.309. Ср.: «Како седе един град умноженный людьми: бысть яко вдовица, умноженный во языцех, владея странами бысть под данию. Плача плакася в нощи, и слезы его на ланитех его, и несть утешаяй его от всех любящих его: вси дружащияся с ним отвергошася его, быша ему врази» (Плач 1:1–2).

⁵⁴⁰ *Пакатский Г.* Поэма Плач Иеремии / Преложенный стихами Церкви Санктпетербургских богаделен священником Гавриилом Пакатским. – СПб.: Тип. Военного министерства, 1814. – [4], IV, 61, [1] с. Переложение посвящено Ф.В. Ростопчину.

⁵⁴¹ *Арно, Ф.Т.М. де Бакуляр.* Плач Иеремии пророка, в шести песнях. Творение Арнода переведено Синодальным Членом, Ставропигиального Московского Новоспасского Монастыря Архимандритом Анастасием. – СПб.: в тип. Св. Синода, 1797. – [16], 72 с. Перевод в прозе поэмы Франсуа Тома Мари де Бокуляр д'Арно (François-Thomas-Marie de Baculard d'Arnaud, 1718–1805) «Lamentations de Jérémie: Odes» (1752).

⁵⁴² На стихотворение Ключарева как объект пародии в «Гавриилиаде» неоднократно указывал В.И. Сахаров; см, например, его вступительную заметку к публикации: *Ключарев Ф.П.* О тишине / Публ. [и вступ. ст.] В.И. Сахарова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. – С.67–68. См. также: *Сахаров В.И.* Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. – М.: Жираф (ЖАГ-ВМ), 2000.

⁵⁴³ *Кочеткова Н.Д.* Ключарев Федор Петрович // Словарь русский писателей XVIII века. – Вып.2. – СПб.: Наука, 1999. – С.69. Стихотворение не раз переиздавалось; см., например, в кн.: Поэты XVIII века: В 2 т. / Вступ. статья Г.П. Макогоненко; Биогр. справки И.З. Сермана; Сост. Г.П. Макогоненко и И.З. Сермана. – Т.2 / Подгот. текста и примеч. Г.С. Татищевой. – Л.: Советский писатель, 1972. – С.306–311.

⁵⁴⁴ Христианский календарь на лето от рождества Христова 1784, а от сотворения мира 7292, которое есть високосное и содержит в себе 366 дней: С присовокуплением 1) весьма нужных разсуждений стихами и прозою для чтения на каждый день года, основанных на Священном Писании... / [Сост. Аполлос (Байбаков)]. – М.: в Унив. тип., у Н. Новикова, 1784. – С.374–380.

Стоит отметить, что некоторые опыты русских поэтов в жанре религиозной поэмы, известные их современникам, впоследствии оказались утраченными.

Так, по словам Н.М. Шатрова, среди оставшихся после смерти Н.П. Николева (1815) ненапечатанными произведений была поэма «Изгнанная Простота», «в своем роде единственная и в отношении к человеку то же, что “Потерянный Рай”...»⁵⁴⁵

А.Е. Измайлов в некрологе о М.В. Милонове (1821) сообщил, что последним и «лучшим» его произведением была поэма «Сотворение мира»: «Он начал писать, но не кончил комедию “Опекун-стихотворец” и поэму “Сотворение мира”. Начало сей последней читал он неоднократно друзьям своим и сказывал, что уже окончил первую песнь, но к сожалению не нашлось после него рукописи оной. Это самое лучшее из его произведений, которому равного в сем роде поэзии мы у себя еще не имеем»⁵⁴⁶ (возможно, этим известием А.Е. Измайлова был вызван вопрос А.С. Пушкина в письме к брату Льву от 27 июля 1821 г.: «Что такое “Сотворение мира”?»).

А.С. Шишков в конце 1824 г. представлял Александру I поэму С.А. Ширинского-Шихматова «Мысли о должностях владык земных, почерпнутые из Священного писания» и дал ей обстоятельную характеристику⁵⁴⁷ (см. ниже в гл.10).

О переложении К.Н. Батюшковым Песни Песней, обсуждавшемся в его переписке с П.А. Вяземским и Н.И. Гнедичем в 1810–1811 гг. и, видимо, уничтоженном самим автором, мы знаем только из этой переписки⁵⁴⁸ (о поэме В.И. Соколовского «Альма» (1837) по мотивам той же Песни Песней, из которой в свое время были напечатаны только отрывки, см. выше).

Есть известия и об опытах авторов, не являвшихся профессиональными литераторами. Так, архиеп. Савва (Тихомиров) вспоминал, что во время учебы во Владимирской семинарии в 1834 г. написал белыми стихами поэму «Потоп»⁵⁴⁹.

⁵⁴⁵ Шатров Н.М. Песнь дружбы на кончину Н.П. Николева // Сын отчества. – 1816. – Ч.28. – №12. – С.17 (сноска). Здесь же названа «лирическая поэма “Зораида”, белыми стихами». Обе поэмы так и не были напечатаны и местонахождение их неизвестно.

⁵⁴⁶ Измайлов А.Е. <Некрология: М.В. Милонов> // Благонамеренный. – 1821. – Ч.15. – №17–18. – С.327–328.

⁵⁴⁷ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова / Издание Н. Киселева и Ю. Самарина. – Берлин; Прага, 1870. – Т.2. – С.224–225.

⁵⁴⁸ См.: Кошелев В.А. Константин Батюшков. Странствия и страсти. – М.: Современник, 1987. – С.117–118.

⁵⁴⁹ «К концу курса нам преподаны были правила поэзии или стихотворчества, и нас заставляли самих писать стихи. Некоторые из моих товарищей писали, и очень изрядные, рифмованные стихи. Я не имел этого дара. Мне удалось написать только два стихотворения, и притом так называемыми белыми стихами, т.е. без рифм. Одно стихотворение, помню, было написано на тему: “Потоп”» (Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни: [В 9 т.]. – Т.1 (1819–1850 гг.). – Сергиев Посад: 2-я тип. А.И. Снегиревой, 1898. – С.96).

Некоторые неопубликованные религиозные поэмы сохранились в единственном списке (и тоже могли оказаться утраченными): «Давид» В.К. Кюхельбекера (опубл. частично в 1967 г., рукопись в ИРЛИ РАН; см. выше), «Потоп» А.Н. Муравьева (опубл. Н.А. Хохловой в 2001 г., см. ниже – гл.11), «Видение Макария Великого» Ф.Н. Глинки (опубл. нами в 2013 г., см. ниже – гл.15), «Мария Египетская» Д.П. Ознобишина (автограф в РГАЛИ, см. выше).

*Глава шестая***Н.М. КАРАМЗИН – ПЕРЕВОДЧИК ПОЭМЫ А. ГАЛЛЕРА****«О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗЛА»**

Поэму в трех песнях швейцарского ученого и поэта Альбрехта фон Галлера (1708–1777) «О происхождении зла» («Über den Ursprung des Übels», 1734),⁵⁵⁰ одно из его главных (наряду с описательной поэмой «Альпы», 1729) стихотворных сочинений, Н.М. Карамзин перевел в прозе и сопроводил собственными примечаниями. Перевод был издан в 1786 г. Типографической компанией⁵⁵¹, незадолго до того организованной кружком московских масонов-розенкрейцеров, и оказался первым выступлением Карамзина в печати после его переезда в Москву⁵⁵².

А.Д. Галахов связал этот перевод с его теологическими занятиями в кружке Новикова: «Состоя под влиянием стремлений к теолого-философическим исследованиям, Карамзин захотел и сам представить публике какой-нибудь труд, касавшийся предметов его изучения. Следствием такого желания был перевод в прозе галлеровой поэмы “О происхождении зла”...»⁵⁵³. Позднее А.Д. Галахов прямо утверждал, что перевод был сделан по заданию Дружеского ученого общества.⁵⁵⁴

Той же точки зрения в целом придерживался и Ю.М. Лотман, заметивший, что поэма была переведена Карамзиным, «видимо, по заданию Н.И. Новикова»⁵⁵⁵, но сам же отметил, что традиции, представляемые швейцарским мыслителем и московскими

⁵⁵⁰ Оригинальный текст, см., например: *Haller A. von. Über den Ursprung des Übels // Haller A. von. Die Alpen und andere Gedichte. – Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 1994. – S.53–74* ([электронный ресурс:] URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-5456/1> [дата обращения: 20.07.2016]).

⁵⁵¹ О происхождении зла, поэма великого Галлера / Перевод с немецкого <Н.М. Карамзина>. – М.: в тип. Компании Типографической, с указного дозволения. – 1786. – 78 с. Далее ссылки на это и здание даются в тексте статьи (номера страниц).

⁵⁵² Вообще это был второй по счету опубликованный литературный труд Карамзина. Первым был перевод идиллии С. Геснера «Деревянная нога» (СПб., 1783).

⁵⁵³ *Галахов А.Д.* Н.М. Карамзин: (Материалы для определения его литературной деятельности). Статья вторая // Современник. 1853. – Т.42. – №11. – Отд.III. – С.35. А.Д. Галахов перепечатал начало перевода (описание швейцарских гор) в своей «Исторической хрестоматии» (см.: *Галахов А.Д.* Историческая хрестоматия нового периода русской словесности. – Т.2 (От Карамзина до Пушкина). – СПб.: Тип. Морского министерства, 1864. – С.3–4, примеч. с. 44–45).

⁵⁵⁴ «Дружеское общество» поручало воспитанникам московского университета и другим образованным молодым людям переводы сочинений религиозно-философского содержания, противоположного духу французского энциклопедизма, который в то время по преимуществу полонил умы. На долю Карамзина выпал перевод Галлеровой поэмы “О происхождении зла” (1786) – вопрос, сильно занимавший богословов и метафизиков» (*Галахов А.Д.* История русской словесности, древней и новой: [В 2 т.]. – Т.2 (История новой словесности от Карамзина до Пушкина). – СПб.: Тип. Морского министерства, 1868–1875. – С.4; о поэме Галлера см. также здесь же в разделе о дидактических поэмах: Т.1 (1863). – С.491).

⁵⁵⁵ *Лотман Ю.М.* Эволюция мировоззрения Н.М. Карамзина (1789–1803) <1957> // Лотман Ю.М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования. Заметки и рецензии. – СПб., 1997. – С.314.

масонами, были «глубоко противоположны».⁵⁵⁶ Поэтому более вероятным кажется мнение Н.Н. Булича, что эту поэму Карамзин перевел по своей инициативе. Говоря о выборе его переводов до европейского путешествия, он высказался решительно: «Он показывает нам ясно, что Карамзин был или слишком молод для того, чтобы быть посвященным в тайны масонства и мистицизма, или ум и душа его не поддались их влиянию. И то и другое обстоятельство сохранили Карамзина от вредного влияния Новиковского кружка. <...> За исключением “Бесед с Богом” Штурма, в переводе которых принимал Карамзин участие, вероятно, по заказу, другие переводы его этого периода свидетельствуют о свободе выбора. “О происхождении зла”, поэма *великого* Галлера, трактующая этот знаменитый в духовной истории XVIII столетия вопрос с точки зрения оптимизма и развивающая теорию свободной воли, переведена была Карамзиным не по заказу. Перевод этот возник под влиянием тех философических разговоров, которые Карамзин вел со своими московскими друзьями. Без сомнения, в поэме Галлера он нашел удовлетворивший его ответ на задачу современной философии. Здесь, действительно, были затронуты главные вопросы религии и нравственности, занимавшие лучших мыслителей прошлого века, начиная с Бэйля и английских деистов. Здесь была изложена сущность “Теодицеи” Лейбница»⁵⁵⁷.

«Великим» (как он назван на титульном листе карамзинского перевода) Галлер почитался, прежде всего, среди европейских ученых-естественников, а не мистиков. Показательно, что в России им интересовался Ломоносов, причем не только учеными его трудами, но и поэтическими: они имелись в его личной библиотеке.⁵⁵⁸

Всеобщим признанием пользовались труды Галлера по медицине, и в поэме «О происхождении зла», относящейся к «самому ядру» его небольшого по объему «поэтически-интеллектуального наследия»⁵⁵⁹, видное место занимают суждения о совершенном устройстве человеческого тела, которое доказывает любовь Творца к человеку: «Бог любит нас. Кто знает тело свое? Скажите, чего недостает в нем для полезности и увеселения? <...> Каждая часть печется о себе, но печется и о других... <...> Может ли Он поставить телу целию благо, а духу злощастие?.. Нет! благодать Твоя, Боже

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ Булич Н.Н. Отношение Карамзина к Дружескому Обществу и к идеям масонства и мистицизма // Николай Михайлович Карамзин. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей / Сост. В. Покровский. – Изд. 2-е. – М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1908. – С.26–44, здесь с.39.

⁵⁵⁸ См.: Коровин Г.М. Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах и каталог его личной библиотеки: К 250-летию со дня рождения М.В. Ломоносова, 1711–1961. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.327.

⁵⁵⁹ Михайлов А.В. Альбрехт фон Галлер // История швейцарской литературы. – Т.2. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.287–319, здесь с.296. Здесь же см. комментированные отсылки к немецкой исследовательской литературе о поэзии Галлера и поэме «О происхождении зла».

мой! весьма явна. Все творение показывает любовь Твою» (с.75–77). Не случайно, что второй (уже стихотворный) перевод этой поэмы на русский язык (1798) принадлежал студенту Московской духовной академии, учившемуся позднее в Медико-хирургической академии, – Петру Ивановичу Богданову (1776–1816)⁵⁶⁰.

В России в конце XVIII в. Галлер – один из наиболее почитаемых швейцарских авторов⁵⁶¹. Для Карамзина он сохранял актуальность и после разрыва с масонами. В «Письмах русского путешественника» (где Галлер упоминается неоднократно) сообщается о беседе с Ш. Бонне и высказывании последнего насчет переведенной Карамзиным поэмы: «Боннет называет Галлерову Поэму *о происхождении зла* самую лучшую из философических стихотворений»⁵⁶².

Карамзинский перевод поэмы Галлера стал «фактом не только истории русской литературы, но и философии»⁵⁶³, и, видимо, пользовался успехом у разных читателей (список с печатного издания сохранился в составе одного рукописного конволюта конца 1780-х гг.⁵⁶⁴). Как и другие свои отдельно изданные ранние переводы (из Геснера, Шекспира, Лессинга), Карамзин его впоследствии не переиздавал, но работа над переводом оказала влияние на формирование его философских и литературно-эстетических взглядов. В.В. Сиповский, исходя из примечаний переводчика, сделал вывод о его особенной увлеченности поэмой: «Видимо, юноша смаковал это произведение, и никакие сомнения в истине картин, нарисованных Галлером, не закрадывались в его душу. Восторженно принял Карамзин и учение Галлера о свободной воле. <...> Так же охотно согласился Карамзин с Галлером, что для счастья человека мало дружбы, богатства, славы – главное, надо быть добродетельным»⁵⁶⁵.

⁵⁶⁰ Поэма о происхождении зла, предложенная на российские стихи М<осковской> А<кадемии> с<тудентом> П<етром> Б<огдановым>. Из творений г. Галлера. Изданием издателя. – [М.]: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798. – 84 с. О переводчике см.: *Фоменко И.Ю.* Богданов Петр Иванович // *Словарь русских писателей XVIII века.* – Вып.1. – Л.: Наука, 1988. – С.102.

⁵⁶¹ См.: *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. – Л.: Наука, 1984. – С.50–59.

⁵⁶² *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Л.: Наука, 1984. – С.185. – (Литературные памятники).

⁵⁶³ «Фактом не только истории русской литературы, но и философии стал перевод поэмы Галлера “О происхождении зла”, где в духе теодицеи Г.В. Лейбница зло объяснялось взаимоотношениями людей. Русское масонство увидело в поэме этическую опору, и в 1786 г. это произведение издал Новиков в прозаическом переводе Карамзина» (История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю.Д. Левин. – Т.П: Драматургия. Поэзия. – СПб.: Наука, 1996. – С.162 [автор раздела – В.Д. Рак]).

⁵⁶⁴ См.: *Мартынов И.Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. – М.: Книга, 1981. – С.163.

⁵⁶⁵ *Сиповский В.В.* Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». – СПб.: Тип. В. Демакова, 1899. – С.87.

* * *

Свой труд Карамзин посвятил «Его высокоблагородию, милостивому государю Василию Михайловичу Карамзину» (родному старшему брату) со следующим текстом: «Родство и дружба соединяют *сердца наши* союзом *неразрывным*. Всегда почитаю я то время щастливейшим временем жизни моея, когда имею случай излить пред Вами ощущения сердца моего; когда имею случай сказать Вам, что я Вас люблю и почитаю. Да внушит же Вам приношение сие оную истину и да послужит *новым* для Вас удостоверением, что я во всю жизнь свою буду / Вашим покорнейшим братом и слугою / Николай Карамзин» (с.5–6).

Это посвящение, во-первых, выглядит как заявление переводчика о том, что его труд не имеет отношения к масонским связям и их духовному «братству» (поскольку адресовано настоящему старшему брату), а во-вторых, перекликается с текстом самой поэмы. Во второй (из трех) песни Галлер пишет: «И в нас впечатлел Бог величественный образ Свой; не только владыками зверей *создал* Он нас. Ему угодно было вложить во внутренность нашу два различные побуждения: любовь к самому себе и любовь к ближнему. Одна другой превосходнее; но и первая, будучи невинна, какова тогда еще была она, есть плодоносный источник трудов и терпения» (с.39–40). Далее на нескольких страницах перечисляются благодетельные следствия этих вложенных в человеческую природу «побуждений», в особенности любви к ближнему: от нее происходят дружба, брачные союзы, любовь к детям и к самому Богу: «Любовь сия была первою цепию человеков. <...> И к самым небесам восходят чистые пламена ея; к Богу ведут нас оные, происшедши сами из любви Его. Влечение ея вечно стремится к любви достойному, и успокаивается токмо во обладании высшим благом» (с.42–44).⁵⁶⁶ Начав посвящение со слов «родство и дружба», Карамзин указал на тот случай, когда любовь к себе и любовь к ближнему действовали заодно и побудили его к «новому» литературному труду.

* * *

Главный вопрос поэмы – как в мире, который был сотворен совершенным, возникло зло? – живо интересовал молодого Карамзина и, видимо, часто был предметом

⁵⁶⁶ Заключительная фраза является аллюзией на «Исповедь» св. бл. Августина, где эта мысль на разные лады повторяется, начиная с первой главы: «...Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» (*Августин Блаженный. Исповедь / В пер. М.Е.Сергеенко; Отв. ред. Н.Н.Казанский. – СПб.: Наука, 2013. – С.5 [I, 1]*). Ср. в стихотворном переводе П.И. Богданова: «Ея чистейший огонь восходит к небесам, / Доходит до Творца – не гаснет даже там. / Она к достойному любви всегда стремится, / И может благом лишь всевышним насладиться» (с.41–42).

его бесед с А.А. Петровым⁵⁶⁷. Об этом есть свидетельство в отклике на смерть последнего «Цветок на гроб моего Агатона» (1793), где Карамзин цитирует обращенное к нему письмо друга: «Усердно желаю, мой любезный друг, чтобы везде встречались тебе такие люди, которых знакомство и воспоминание возвышало бы удовольствия, находимые тобою в наслаждении прекрасною Природою, и утешало бы тебя в неприятном опыте, что везде есть зло. Могу себе представить, что сей опыт часто тебя огорчает и приводит в такое грустное расположение, в каком я видал тебя, живши с тобою».

Карамзин сразу вслед за этим прибавляет: «Так, мой друг, везде есть зло...»⁵⁶⁸, и рассказывает о смерти друга. Слова Петрова можно было истолковать как полу-ироническую отсылку к их беседам о поэме Галлера, а комментарий Карамзина, сделанный сразу после смерти Петрова, – как заявление, что эта проблема занимает его по-прежнему, и не без серьезных причин.

* * *

В поэме Галлера происхождение зла объясняется уклонением свободной воли ангелов, обольстившихся собственным совершенством: «Гордость их пременила страх Божий на ненависть к Творцу... <...> Бог наказал возмущение, и гордость их соделалась их срамом; зло избрано было, злые были и следствия избрания сего. Наконец раскаяние без покаяния, отчаяние в рассуждении спасения и злоба без могущества были частию отпадших» (с.52–53). С тех пор мир духов лишился свободы выбора, в отличие от «слабых чад Адамовых» (с.54), не сумевших воспротивиться влиянию злых духов, но не утративших после грехопадения ни свободы, ни надежды на спасение.

К высказыванию Галлера «Бог не любит никакого принуждения; мир со всеми своими недостатками превосходнее царства Ангелов, воли лишенных» (с.29) Карамзин дал свое примечание: «Мысль, полное внимание читателя заслуживающая. Свободная воля причинила падение человека, свободная воля токмо может и паки восстановить падшего; она есть драгоценный дар Творца, сообщенный Им тварям избранным» (с.29–30). Именно это примечание обычно цитируют, говоря о карамзинском переводе поэмы. Еще М.П. Погодин заметил, что оно «...показывает начавшееся знакомство Карамзина с учением масонов в Дружеском обществе»⁵⁶⁹. Однако в самом галлеровом учении о

⁵⁶⁷ Об их отношениях см., например: *Лазарчук Р.М.* Переписка Н.М. Карамзина с А.А. Петровым: (К проблеме реконструкции «романа в письмах») // XVIII век. – Сб.20. – СПб.: Наука, 1996. – С.135–143.

⁵⁶⁸ *Карамзин Н.М.* Соч.: [В 8 т.]. – М.: Тип. С. Селивановского, 1803. – Т.7. – С.10–11.

⁵⁶⁹ *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями: [В 2 ч.]. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. – Ч.1. – С.51.

свободе воли, которое переводчик воспринял «восторженно» (В.В. Сиповский), не было ничего специально интересного для масонского окружения Карамзина: оно согласуется с общими основаниями христианского вероучения. Правда, в поэме Галлер умалчивает об Искуплении, о Христе, но лишь потому что не желал касаться мистических вопросов в философской поэме (об этом он написал в предисловии к поэме, а чистой апологии христианского вероучения Галлер позднее посвятил особое сочинение, вышедшее в русском переводе в 1799 г.⁵⁷⁰). Возможно, именно осторожность, с которой Галлер в своей поэме обошел догматические вопросы, ее чистая «философичность», среди прочего, и привлекли внимание Карамзина к этой поэме.

Кажется, не столько учение о свободе воли, сколько мысли о принципиальной ограниченности познания человеком мира, об уединении («мать изобретений» – с.15) и взаимосвязанности «добродетели» и «счастья» были созвучны идейным исканиям молодого Карамзина. Галлер решал метафизический вопрос о происхождении зла, но делал это в апологетических целях, чтоб опровергнуть манихейские представления («...разве Манес восторжествует над Богом и Истиною? Разве не возгорится в нас огонь ревности, когда на Бога хулы изрыгают?» – с.24), и на первый план ставил практические нравоучение: «Но где я? куда увлекаюсь? Бог требует от нас дел, а не познаний. Воля Его нам известна: Он повелевает убегать пороков, а не стараться тщетно открывать причину их существования» (с.23). Карамзин, как небезосновательно принято считать, был склонен к агностицизму, и ему эта позиция должна была импонировать. В этой связи можно указать на рассказ о встрече с Кантом в «Письмах русского путешественника» и другие тексты (см., например, признание в частном письме 1816 г., где он отчетливо противопоставляет свою жизненную позицию масонской теории и практике: «Я не мистик и не адепт; хочу быть самым простым человеком; хочу любить как можно более, не мечтаю даже и о *возрождении* нравственном в теле. Будем в середу немного лучше того, как мы были во вторник, и довольны с нас, ленивых»⁵⁷¹).

По Галлеру, счастье человека имеет условием добродетель. Бог дал человеку болезни для тела и стыд для души, чтобы человек, лишившись покоя (и счастья), познавал

⁵⁷⁰ Письма г. барона А.Галлера о важнейших истинах Премудрого Божественного Промысла / Перевод с немецкого. – М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1799. – 375 с. Эта книга Галлера была написана в форме писем к дочери. И.К. Лафатер, недовольный слабостью его апологии христианства, писал И.Г. Циммерману: «Письма Галлера о христианстве содержат кое-где хорошие мысли. Но от такого великого человека я никогда не ожидал столь плохой защиты христианской религии. Его богословие скверное, и с его собственной философией оно находится в разительном противоречии. Так защищать христианство – значит его предавать» (цит. по: Меркулов В.Л. Альбрехт Галлер. – Л.: Наука, 1981. – С.155).

⁵⁷¹ Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу (1806–1826) / С примеч. В.И. Сайтова. Сообщ. П.Н. Тургенев // Русская старина. – 1899. – №2. – С.473 (письмо Н.М. Карамзина от 13 апреля 1816 г.).

свои проступки и заблуждения, чтобы, стремясь к счастью, стремился к добродетели: «Уклоняющийся от добродетели отказывается от счастья своего. Должности суть путь, уставленный Богом ко благополучию; сердце, в коем порок господствует, никогда не любило себя. Извне не втекает никакое утешение, когда мы во внутренности мучимся. Наслаждение бывает для нас отвратительно, коль скоро лишаемся истинных потребностей» (с.60–61). К этим словам Карамзин дал примечание: «Истина неопровергаемая и каждым человеком ощущаемая! Будешь окружен возлюбленными, будешь знатен, будешь богат, но все еще не будешь спокоен. Для чего? для того, что ты лишен истинных потребностей; все сии блага суть для тебя блага чуждые» (с.61).

Эта «истина» – одна из центральных в философской публицистике Карамзина и, в особенности, в его «Разговоре о щастии. Филалет и Мелодор» (1797). Идеиные переключки этого диалога с поэмой Галлера вполне могут стать предметом отдельного исследования. Здесь ограничимся указанием на одно чисто текстуальное соответствие.

В поэме внимание Карамзина привлекло следующее рассуждение: «Ни время, ни страна, ни обыкновение не могут переменить натуру: источник течет везде, а токмо единый вид течения переменяется. Всуе какой-либо народ прославляет невинность нравов своих <...> Лапландцы <...> суть также рабы пороков. Они подобно нам *нерадивы*, исполнены скотских вождлений, суетны, корыстолюбивы, леностны, завистливы и злобны. Не все ли едино, рыбий ли жир или злато смертоносную вражду производит?» (с.59–60). К последним словам дано примечание переводчика: «Мысль и выражение сие доказывают, что Галлер имел дар в немногих словах сказывать много» (с.60). В «Разговоре о щастии», доказывая (подобно Галлеру), что удовольствия человек ощущает при любом общественном положении и уровне развития, Карамзин, чтоб «в немногих словах сказать многое», использует тот же «рыбий жир»: «У камчадала также есть сердце, которому известны приятные движения чувствительности; он любит своих домашних, любит звериную ловлю и с удовольствием катится домой на обледенелых лыжах своих, воображая тепло, отдых, поцелуй жены и... рыбий жир на столе. – Истинные удовольствия равняют людей».⁵⁷²

⁵⁷² Карамзин Н.М. Соч.: [В 8 т.]. – М., 1803. – Т.7. – С.249–250.

*Глава седьмая***«ВСЕЛЕННАЯ» М.М. ХЕРАСКОВА И «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ» ДЖ. МИЛТОНА**

Поэма М.М. Хераскова «Вселенная», опубликованная в 1797 г.⁵⁷³ и с тех пор не переиздававшаяся, среди первых оригинальных русских поэм на библейскую тему может быть признана «самым значительным произведением»⁵⁷⁴. Это небольшая (три песни, 1508 стихов) поэма о творении мира, мятеже и наказании высшего ангела («светоносца») и грехопадении первых людей, написанная александрийским стихом (как «Россияда» и «Владимир»). В ней Херасков, по выражению исследователя, «явно» заимствовал «краски у западноевропейских творцов религиозных эпопей»⁵⁷⁵, а в первую очередь – из поэмы Дж. Милтона «Потерянный рай». Кроме того что она прямо названа Херасковым в предисловии (вместе с «Мессией» Ф.Г. Клопштока), Милтон – единственный поэт, упоминаемый в самом тексте поэмы:

Как рая отчужден, как пал наш праотец,
В златых стихах воспел Британский нам певец:
В восторгах лиру я Милтонову лобзаю!
Но следовать ему в сих песнях не дерзаю.

(III, 90)

Три песни «Вселенной» озаглавлены «Мир духовный», «Хаос» и «Мир солнечный». Приведенные строки находятся в последней, где говорится о творении видимого мира и человека, а затем как раз о том, «как пал наш праотец». Таким образом, указав на образцового автора, писавшего на эту тему, Херасков заявляет, что здесь все-таки не следует (не подражает) ему. На первый взгляд, это просто заявка на оригинальность своего сочинения с формулой скромности. Выше, однако, утверждалось, что поэт и «дерзает», и «следует», только не за литературными образцами:

Одни священные мне книги руководство...

<...>

⁵⁷³ *Херасков М.М.* Вселенная // Херасков М.М. Творения, вновь испр. и доп.: [В 12 ч.]. – Ч.3. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797. – С.24–92. Далее ссылки на «Творения» Хераскова даются в тексте: римская цифра – часть, арабская – страница.

⁵⁷⁴ *Соколов А.Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М.: Изд-во Моск. университета, 1955. – С.658.

⁵⁷⁵ *Западов А.В.* Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избр. произведения. – М.; Л.: Советский писатель, 1961. – С.40. – (Библиотека поэта, бс).

Оне моя свеща; за ними в след дерзаю.
 Поведатели нам вселенной бытия!
 Дрожащею стопой иду за вами я...

(Ш, 66)

Херасков дает понять, что его поэма основана не на чужом поэтическом вымысле (Милтон), а на Библии, что он идет за ее боговдохновенными писателями (последняя песнь начинается с обращения к Моисею) и по мере сил добросовестно их толкует, полагая границы также собственному воображению:

Не воображение влечет меня разженно,
 Пою, что истины пером изображенно;
 Не вымыслы пишу, вещаю не мечту...

(Ш, 62)

Эти поэтические декларации противоречат сказанному в предисловии: «Творение сие есть плод моего воображения. Читая в сладость духовные книги, а наипаче святуго Библию, дух мой такими преисполнялся восторгами, так мысли мои пламенели, таким умилением я пресыщался, что мне мечталось, будто я существую при первом воссиянии духовного мира. <...> Великолепная мечта! – но слабо, не важно, смутно мною выраженная <...> – однако вымыслам стихотворческим в просвещенном нашем мире незапрещенная. Мне кажется, что Британский Певец, сочиняя Погубленный рай, и Великий Клопшток, воспевая Мессию, в подобных исступлениях находились, когда духовные читали книги: за ними шествую, но шествую вдаль: – робко – косвенно. Они бессмертны, а мое песнословие временно и не важно, но в некоторые часы занимало оно меня с удовольствием – желаю, чтобы кто-нибудь из читателей моих мгновенное удовольствие почувствовал при чтении Вселенной» (Ш, 25–26).

Главная цель этого предисловия – предупредить возможную богословскую критику поэмы, ради чего Херасков и ссылается на права поэтического вымысла и прославленную литературную традицию. Вместе с тем это честное авторское указание на источники поэмы (Библия и некие «духовные книги»⁵⁷⁶) и произведения, в ряду которых она должна оцениваться.

⁵⁷⁶ Это неопределенное указание нуждается в отдельном рассмотрении. Предварительно можно утверждать только, что среди них видное место занимали книги, издававшиеся новиковским кружком (в том числе восточная и западная патристика) и вообще почитаемые в нем сочинения, в частности – Якова Бёме, которым, как известно, увлекался и Милтон (см.: *Bailey M.L. Milton and Jakob Boehme. A study of German*

«Потерянный рай» – едва ли не самая популярная эпическая поэма в России в XVIII в., в особенности с 1770-х, когда были изданы переводы В.П. Петрова (1777, первые три книги поэмы) и Амвросия (Серебренникова) (1780).⁵⁷⁷ Хераскову был знаком и рукописный перевод А.Г. Строганова (1747) под заглавием «Погубленный рай».⁵⁷⁸ Именно так он назвал поэму в предисловии ко «Вселенной», а ранее – во «Взгляде на эпические поэмы» (печатавшемся вместе с «Историческим предисловием» перед «Россиейдой»).

Вопрос «Херасков и Милтон» внимательно изучался применительно к «Россияде»⁵⁷⁹, но поэме «Вселенная» в этой связи посвящен лишь небольшой раздел в принадлежащем американскому ученому единственном обзорном труде о Милтоне в России⁵⁸⁰. Вообще же она относится к числу наименее изученных, хоть и нередко упоминаемых произведений Хераскова.⁵⁸¹ Сам же он, видимо, придавал ей очень большое значение, поскольку в его литературном завещании, дидактическом стихотворении «Поэт» (1805), первый вопрос, обращенный к начинающему поэту, отсылает именно к

mysticism in seventeenth-century England. – New York: Oxford University press, 1914. – 200 p. [электронный ресурс: URL: <https://archive.org/details/miltonjakobboehm00bailiala> (дата обращения: 20.08.2016)].

⁵⁷⁷ См.: Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1990. – С.137, 161–163, 210–211.

⁵⁷⁸ Перевод Строганова, сделанный с французского перевода Н.Ф. Дюпре де Сен-Мора (1729), до сих пор опубликован только частично (I и IX книги, см.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век: [В 2 т.] / Отв. ред. Ю.Д. Левин. – Т.2: Драматургия. Поэзия. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С.191–228, публ. А.О. Львовского, вступ. заметка Ю.Д. Левина).

⁵⁷⁹ См.: Thiergen P. Studien zu M.M. Cheraskovs Versepos «Rossiada»: Materialien und Beobachtungen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität. – Bonn, 1970; Любжин А.И. Новоевропейский эпос в «Россиаде» Хераскова // Русская литература. – 2010. – №1. – С.17–21; Любжин А.И. Христианские источники «Россиады» М.М. Хераскова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Вып.4. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. – С.86–95. – (Проблемы исторической поэтики. Вып.7). См. также: Ермоленко Г.Н. Жанровая концепция стихотворного эпоса в литературе просветительского классицизма (поэма Д. Мильтона «Потерянный рай» в оценке Вольтера и М.М. Хераскова) // Англия и Россия: диалог двух культур. Теоретические проблемы литературных взаимосвязей. Тезисы IV международной конференции преподавателей английской литературы. – Воронеж, 1994. – С.70; Ермоленко Г.Н. Наследие Д. Мильтона и эволюция жанра поэмы в творчестве М.М. Хераскова // Русская филология: Ученые записки Смоленского гос. пед. института (Кафедра истории и теории литературы). – Смоленск, 1996. – С.72–81.

⁵⁸⁰ Boss V. Milton and the Rise of Russian Satanism. – Toronto; Buffalo; London, 1991. – P.59–67. Ср.: Boss V. Russia, Milton's influence in // A Milton Encyclopedia. – Vol.9. – Lewisburg; London, 1986. – P. 20–43, здесь p.29–31. О Милтоне в русской поэзии XVIII – нач. XIX в. см. также: Левин Ю.Д. Указ. соч. – С.134–137, 161–163, 210–212 (Херасков здесь не упомянут).

⁵⁸¹ В ряду других поэм Хераскова «Вселенная» рассматривается в работах: Гришакова М. Символическая структура поэм М. Хераскова // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана. To Honour of professor Yu. M. Lotman / Отв. ред. Е. Пермяков. – Тарту, 1992. – С.30–48; Давыдов Г.А. Религиозно-философские поэмы М.М. Хераскова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. Попутные суждения о поэме: Соколов А.Н. Указ соч. – С.183, 658; Кулакова Л.И. Херасков // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.4: Литература XVIII века. – Ч.2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С.334–335; Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. – Изд. 4-е, пересмотр. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1960. – С.371; Макина М.А. Поэмы М.М. Хераскова: (К вопросу о формировании мировоззрения и стиля русского сентиментализма) // Учен. записки Новгородского пед. ин-та. – 1963. – Т.9. – Вып.1. – С.121–134; Западов А.В. Указ соч. – С.40–41.

этой поэме: «Приводит ли тебя в восторг, во изумленье, / Вселенной дивное из хаоса явление?»⁵⁸²

Сходство «Вселенной» Хераскова с «Потерянным раем» Милтона очевидно: у них общие темы, события, герои (Бог, Сатана, Адам и Ева), оба они основываются на Священном Писании, стремясь приблизиться, а не уйти от него, т.е. выступают в роли его толкователей, занимаются не чистыми поэтическими вымыслами, а преподают читателям религиозные, философские и нравственные идеи, согласные, на их взгляд, с истинами христианского вероучения. Однако понимают они его неодинаково, что объясняется и принадлежностью к разным конфессиям, и другими обстоятельствами (интерес Милтона к различным ересям, масонство Хераскова). Рассматривая английского поэта как образцового, автор «Вселенной» многое у него заимствует, но не его богословие и экзегетику, порицавшие современными Хераскову церковными писателями, о чем тот был хорошо осведомлен.

Амвросий (Серебрянников), чей перевод «Потерянного рая» оказался первым напечатанным в России полным переводом (1780), на тот момент префект Московской духовной академии (позднее епископ и архиепископ), в «Предуведомлении» в своем труде перечислил главные «излишества и погрешности» Милтона, «касающиеся до закона»: 1) «...нигде он не говорит, что мир создан из ничего; но всегда полагает некоторое вещество, бывшее прежде творения»; 2) «...в 4 книге вводит он брак в райское место...»; 3) «...в пятой книге, где Адам извиняется пред Ангелом в низкости брашен, <...> влагает в уста Ангела разговор Материалиста. И сии суть главнейшие погрешности его, к которым присовокуплю последнюю, хотя не столь приметную, может быть, но наибольшую, а именно, что он придержался Арианской ереси...»⁵⁸³.

Херасков сочинял «Вселенную» после начала Французской революции, дважды упоминаемой в поэме (с. 48, 55), и, скорее всего, после разгрома кружка московских розенкрейцеров (т.е. после 1792)⁵⁸⁴ и менее всего желал быть заподозренным в неправоверии, а кроме того, действительно не мог разделять всех мыслей Милтона (в

⁵⁸² Херасков М.М. Поэт. – М.: Тип. Х.Клаудия, 1805. – С.3. Об этой поэме см.: Вендитти М., Шруба М. «Ars poetica» М.М. Хераскова // Russian Literature. – 2014. – Vol.75. – № I/II/III/IV. – P.535–561 (здесь же [с.554–561] полностью перепечатан текст этого, по выражению исследователей, «Ars poetica» Хераскова).

⁵⁸³ <Амвросий (Серебрянников)>. Предуведомление // Потерянный рай, поэма героическая, творение г. Милтона / Переведено с французского языка <Амвросием (Серебрянниковым)>. – М., 1780 (без нумерации). Перевод Амвросия многократно переиздавался (1785, 1803, 1810, 1820, 1827, 1860).

⁵⁸⁴ Часто встречающаяся в литературе датировка поэмы 1790 годом восходит к статье А.В. Западова (1961), где она появилась без каких-либо объяснений (Западов А.В. Указ соч. – С. 40). До него время сочинения поэмы указывали (тоже без объяснений) Л.И. Кулакова, поставившая 1791 год (Кулакова Л.И. Указ соч. – С.334), А.Н. Соколов, заметивший, что она «написана в начале девяностых годов» (Соколов А.Н. Указ соч. – С.658) и Д.Д. Благой, указавший 1790–1793 гг. (Благой Д.Д. Указ соч. – С.371).

особенности, его антитринитаризм, пронизательно отмеченный Амвросием⁵⁸⁵). Возможно, какие-то из них Херасков оценивал как плод чрезмерной фантазии, сам в идейном отношении ограничиваясь почерпнутым им в «духовных книгах». Восторгаясь Милтоном как поэтом, он «не дерзал» вслед за ним на самостоятельные измышления. Напротив, постоянно в своей «Вселенной» заимствуя что-то из «Потерянного рая», Херасков переосмысливал его мотивы и образы, приспособлявая их к своим целям и, в частности, к выражению собственных (в целом более ортодоксальных, чем у Милтона) религиозных убеждений.

Рассмотрение всех переключек между этими двумя поэмами заняло бы слишком много места. Здесь ограничимся лишь некоторыми, наиболее, на наш взгляд, выразительными и репрезентативными для поэмы «Вселенная».

Слепота

Самое неожиданное заимствование Хераскова – мотив слепоты, у Милтона, как известно, автобиографический. В начале III книги «Потерянного рая», обращаясь к «святому свету» (“Hail, holy Light...”), поэт жалуется на слепоту, но представляет ее как посланную ему для духовного прозрения и как знак Божественного призвания для высшей цели.⁵⁸⁶ Херасков начинает «Вселенную» с обращения к собственному «бессмертному духу», призывая его обратиться к невидимому миру: «Взнесись, бессмертный дух! в невидимый чертог, <...> Отвергни мрак земный...» (с. 27), а затем констатирует свою духовную слепоту:

Свет Божий от меня грехами похищен,
Но каюсь я! и свет мне будет возвращен.

(III, 28)

Этот мотив у Хераскова повторяется и далее: «Но дух, мой слабый дух, колико есть ни слеп, / Разверсту книгу зрит пред Господем судеб...» (с.36).

⁵⁸⁵ Свои антитринитарные взгляды Милтон прямо изложил в трактате «О христианской доктрине», который был найден и атрибутирован ему в только 1823 г. (издан в 1825 г.). До этого читатели «Потерянного рая», как правило, «не улавливали некоторых антитринитарных черт Мессии, которые проглядывают в эпосе» (см., например: *Горбунов А.Н. Поэзия Милтона: (От пасторали к эпосе) // Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения. – М.: Наука, 2006. – С.612. – (Лит. памятники).*

⁵⁸⁶ «Тем ярче воссияй, Небесный Свет, / Во мне и, силы духа озарив, / Ему – восставь глаза; рассеяй туман, / Дабы увидел и поведал я / То, что узреть не может смертный взор» (*Милтон Дж. Потерянный рай / Пер. А. Штейнберга // Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Изд. подготовили А.Н. Горбунов, Т.Ю. Стамова. – М.: Наука, 2006. – С.69).*

В отличие от слепца Милтона, уже прозревшего для горнего мира, он еще только желает его узреть и ищет просвещения. При этом воспевать его чудеса он намерен со скромностью, *как бы* ослепнув, подобно Моисею на горе Синай (Исх 33:22–23), к которому обращается как к наставнику:

Прости, святой Пророк, питомца своего...

<...>

Да руку Божию имея на очах,
Пою, как ты воспел о Божьих чудесах.

(Ш, 73)

Милтон заявляет об особом призвании его Богом, Херасков преподает урок ученического смирения. Оставляя в стороне масонские коннотации этого урока (и мотивов слепоты и света, просвещения), нужно заметить, что русский поэт довольно последовательно демонстрирует отсутствие у него притязаний на личную избранность и особый статус своего произведения. Поэтому, например, в отличие от Милтона, в самом начале «Потерянного рая» призывающего Святого Духа (и дающего понять, что поэма Им и внушена), Херасков начинает «Вселенную» с призывания к самому себе и вообще нигде прямо к Святому Духу не обращается.

Бог-Отец и Сын Божий

В V книгу «Потерянного рая» Милтон ввел диалог Бога-Отца и Сына Божия, который, по замечанию исследователя, «не имеет, по видимому, прецедента в литературе»⁵⁸⁷. Именно в этом месте наиболее заметен его антитринитаризм⁵⁸⁸, который отметил Амвросий (Серебренников), что не могло пройти мимо внимания Хераскова. В первой песни «Вселенной» тоже есть такой диалог, более короткий и символический, сопровождаемый видением Креста, но введенный именно по примеру Милтона, поэтому здесь не случайно подчеркивается Божественная природа Христа и Его равенство Отцу:

В то время отложив величество Господь,
Сын Божий, свет сокрыв, оделся в тленну плоть...

⁵⁸⁷ Чамеев А.А. Джон Мильтон и его поэма «Потерянный рай». – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. – С.53.

⁵⁸⁸ См.: Горбунов А.Н. Указ. соч. – С.612–613.

<...>

Бог весь премудростью вмещенный во Христе,
 Кончается, висящ и страждущ на кресте...

(Ш, 40)

В поэме Милтона само слово «Троица» (Trinity) не встречается ни разу, Херасков же с самого начала поэмы исповедует свою веру в Бога-Троицу:

Создаться повелев духовным небесам,
 Исходит из Себя в трех лицах вечный Сам;
 Но в Троице заключив Божественность едину,
 Творимость повелел воззвать из бездны Сыну.
 Небытие тогда отверзло внятный слух;
 Не зрелось вещества, носился Божий Дух.

(Ш, 28)

И далее по всему тексту: «Триличный свет» (Ш, 29), «Господь трисвят», «в тройственном лице» (Ш, 34), «Господь триипостасный», «тройственный трон» (Ш, 37) и др. (стоит также заметить, что несколько раз употребленное имя «Иегова» в поэме относится исключительно ко Второму Лицу Святой Троицы).

Творение человека, в согласии со святоотеческими толкованиями Быт 1:26 («...сотворим человека по образу Нашему...»), в поэме представлено как результат совета Святой Троицы:

Сего вселенная владыку и царя
 В триличном Божестве беседовал творя...

(Ш, 76).

И даже о первопричине падения Сатаны сказано, что он

От тройственной отпасть умыслил Единицы.

(Ш, 45)

Сатана и война на небе

В конце первой песни «Вселенной» («Мир духовный») и во второй песни («Хаос») рассказывается о падении высшего ангела, «светоносца» (Люцифера), поднятом им мятеже и его поражении. Как и в «Потерянном рае», Сатана в поэме Хераскова едва ли не главный герой:

Сего-то Ангела злостастие пою...

(Ш, 43)

Во «Вселенной» Сатана произносит пять речей. Первая – его внутренняя речь, мысль, ставшая причиной падения («светоносец умствует» – Ш, 25); последняя – вопль отчаяния от поражения мятежа (см. Ш, 58). Три речи обращены к сподвижникам (подручным ангелам) и очевидно перекликаются с бунтарскими и мнимо свободолобивыми речами милтоновского Сатаны. Вот, например, отрывок из первой из них:

Устроим собственну державу мы свою;
Клянитесь со мной Иегове быть врагами!
Со мною бодрствуйте, и будете Богами!
Устроим в мире сем священны Алтари,
И будем не рабы, но Боги и Цари!..

(Ш, 46)

Вслед за этим следует авторская инвектива против «мятежной Галлии» (Ш, 48). Милтон, разочаровавшийся в английской революции, мятеж Сатаны изображает с аллюзиями на ее события. Он разоблачает и осуждает и то, и другое, но делает это настолько тонко, что возникла известная традиция приписывать ему героизацию и апологию Сатаны. Херасков же открыто проводит аналогию между его мятежом и современными событиями во Франции, морализирует и ни на минуту не дает усомниться, на чьей стороне находится автор и каких политических (не говоря уже о религиозных) взглядов придерживается:

Так царства рушатся, где власть утратит Царь...

(Ш, 55)

Войну на небе Херасков, также в подражание Милтону, описывает как гигантомахию с метанием молний и попытками Врага «горние селения возжечь» (с. 60). Дьявольская артиллерия с порохом, имеющаяся в «Потерянном рае» и вызывавшая насмешки критиков (Вольтера и др.), у него отсутствует, но и от нее во «Вселенной» остался слабый след:

Оружие в руках своих имеет ново,
Сие из тысящи перунов сложено ,
Гремит и действует нетронуто оно.
(Ш, 58)

Эти строки – результат компромисса между классическими вкусами Хераскова и его увлечением Милтоном. Пусть и в сильно редуцированном виде, но этот порицаемый классицистами образ он все-таки использовал в своей поэме.

То же можно сказать и об описании Греха и Смерти, привратников ада, во II книге «Потерянного рая» (олицетворение, восходящее к Иак 1:15). Своим безобразием оно особенно возмущало и смешило критиков, а для русских переводчиков всегда представляло особенную трудность, поскольку в оригинале Грех (Sin) – женского рода, а Смерть (Death) – мужского. У Хераскова таких олицетворенных персонажей нет, но аллюзия на милтоновское описание кровосмесительных отношений этой пары с Сатаной (и послужившее ему источником апостольское послание) все-таки введена:

Раздор рождает грех, а грех рождает смерть.⁵⁸⁹
(Ш, 63)

Любовь в раю

Одной из главных погрешностей Милтона, «касающихся до закона», Амвросий (Серебрянников) назвал то, что в IV книге «вводит он брак в райское место...» (см. выше). Однако здесь Милтон следовал блаженному Августину, расхваливавшемуся в этом вопросе с восточными Отцами Церкви. Пасторальное описание Милтоном супружеской любви Адамы и Евы в раю считалось во времена Хераскова едва ли не самым трогательным эпизодом «Потерянного рая», и он, может быть, самым ярким образом отразился в поэме

⁵⁸⁹ Олицетворенная фигура Раздора в «Россияде» и «Владимире» Хераскова не раз замещает сатану.

«Вселенная». Здесь этому вопросу посвящена вторая половина заключительной песни («Мир солнечный»).

Как у Милтона, у Хераскова Адам пал из-за любви к Еве, чтобы разделить ее участь:

Адам ей рек в слезах: зри, как тебя люблю!
Ты впала в смерть, я смерть с тобою разделю!
Приимем купно мы злостастную кончину...
Он рек, и съел плода другую половину!

(III, 91)

Милтоновский Адам извлек из содеянного урок, что мужу не следует потворствовать жене (в конце IX книги), но автор, не оспаривая его, прокомментировал это как один из взаимных упреков уже падшей четы («В попреках обоюдных зря текли / Часы; никто себя не осуждал, / И тщетным спорам не было конца»⁵⁹⁰). По Милтону, в поступке Адама обнаружилось его благородство, но все же это не пример для подражания читателям. Херасков же именно ставит его в пример:

Коль вечно щастливы, супруги, быть хотите,
И вы, как праотец, супруг своих любите.

(III, 91)

Далее объясняется, что через жену произойдет Христос («Пророчески слова, во книге нам святой, / Предвозвестили век через жену златой: / Рожден женой Христос, и жала смерть лишилась...» – III, 91), однако нравоучительный вывод не кажется от этого менее странным: Адам, вкушающий запретный плод ради Евы, оказывается примером для подражания.

Дело в том, что, по Хераскову, грехопадение людей совершилось уже тогда, когда плод вкусил один из них:

Страдает целое, коль страждет половина;
Адам со Еввой пал – вот наших бедств причина!

(III, 85)

⁵⁹⁰ Милтон Дж. Потерянный рай / Пер. А. Штейнберга. – С.276.

Более того, падение Адама началось еще раньше – когда он заснул, а Бог сотворил из его ребра Еву:

Сон, низших тварей часть, Адама успокоил,
И целого ребра отцу народов стоил...
(III, 82)

Сон Адама как его первое падение трактовался в авторитетных среди московских масонов-розенкрейцеров сочинениях: в «Misterium Magnum» Я. Бёме,⁵⁹¹ а вслед за ним, например, в «Пасторском послании к справедливым и свободным каменщикам древней системы» Х.А. Гаугвица, написанном в 1785 г. и тогда же переведенном на русский язык А.А. Петровым⁵⁹². Херасков, как видно, разделял эти представления (противоречашие, между прочим, рассуждениям на эти темы С.И. Гамалеи⁵⁹³). В отличие от Милтона, он не «вводит брак в райское место», а напротив, подчеркивает, что, если б Адам остался на первоначальной высоте, размножение человека происходило бы каким-то другим образом:

Он сам в себе хранил взаимно сопряжену,
По слову Божию, и мужа и жену;
И сущности своей во свете размноженье
Он мог производишь, устроив вображенье.
Коль сладко было бы такое бытие!
Без мук творилось бы рождение сие,
Для радостей бы мы производились вечных...
(III, 78)

Само по себе любовное чувство во «Вселенной» является предметом не апологии, а осуждения:

⁵⁹¹ См.: Беме Я. Великое Таинство, или Истолкование первой книги Моисея <Misterium Magnum, главы 1–7> / Пер. с нем. И.Л. Фокина // Фокин И.Л. Philosophus teutonicus. Якоб Бёме: возвешение и путь немецкого идеализма. – СПб.: Издательство Политехнического ун-та, 2014. – С.403–440.

⁵⁹² См.: Кондаков Ю.Е. Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук. – СПб.: Астерион, 2012. – С.121–122.

⁵⁹³ О речи С.И. Гамалеи «О сотворении мира» см.: Халтурин Ю.Л. Философия русских масонов конца XVIII – начала XIX веков: критическая реконструкция: Дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2010. О разногласиях в кружке московских мартинистов см.: Тукалевский В.Н. Искания русских масонов. Из истории философских направлений в русском обществе XVIII века. – СПб.: Сенатская типография, 1911; Тукалевский В.Н. Н.И. Новиков и И.Г. Шварц // Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова: [В 2 т.]. – М.: Издательство «Задруги» и Н.Ф. Некрасова, 1915. – Т.1. – С.175–226.

Адам в любви своей и слаб и не умерен,
 Стал Евве предан весь, но Богу стал не верен;
 Он волю преступил всещедрого Творца.
 В слепой любви всегда сушь немощны сердца!
 (Ш, 84)

Милтон, оспаривая средневековые представления, оправдывает любовное чувство как естественное и богоданное. Херасков, вопреки идеям Просвещения (и сентиментализма), порицает «слепую любовь» как измену высшему духовному предназначению, но ставит в пример верность и самопожертвование Адама как проявление супружеской любви, предписанной Законом Божиим для падшего человечества. Таким образом Херасков выводит брак из «райского места», причем не столько для популяризации принятой у «мартинистов» доктрины, сколько ради того чтобы преподать читателям полезное, на его взгляд, нравоучение.

* * *

«Вселенная» Хераскова – произведение, написанное на темы «Потерянного рая», чем и объясняются многочисленные из него заимствования. Однако в идейном отношении Херасков опирался на другие источники («духовные книги») и оказался свободен от влияния Милтона. В его «Вселенной» собственные теология, космология и антропология, причем во многих случаях подчиненные нравоучительным целям.

Поэму Хераскова определяли как «мистико-космологическую»⁵⁹⁴, но она еще и открыто дидактична. Изображаемые в ней события (в том числе восстание Сатаны) часто сопровождаются моралью, прямо обращенной к читателю: «О гордый человек, читающий сие! / Дьяволова мысль зеркало есть твое...» (Ш, 44), «В упавших Ангелах имеем мы зеркало...» (Ш, 51) и др. И так вплоть до заключительных стихов поэмы:

Дабы душа чиста перед Тобой была,
 Не тайны нужны нам, но добрые дела;
 Во исполнение сих пламенных желаний,
 Дай больше веры нам, но меньше умствований!
 (Ш, 91)

⁵⁹⁴ *Благой Д.Д.* Указ. соч. – С.371.

Обратившись к темам, неминуемо напоминающим о поэме Милтона, Херасков создал вполне самобытное произведение. Поступил так, как позднее, в упоминавшемся уже стихотворении «Поэт» (1805), рекомендовал поступать начинающим авторам:

Когда звездой своей соделан ты поэт,
Пиши как будто бы других поэтов нет;
К натуре обрати душевное вниманье...
<...>
Из собственных даров искусство почерпай;
Милтона не читав, потерянный пой рай...⁵⁹⁵

---

⁵⁹⁵ Херасков М.М. Поэт. – С.7. Ср.: Вендитти М., Шруба М. «Ars poetica» М.М. Хераскова. – С.557.

*Глава восьмая***ПОЭМА С.С. БОБРОВА****«ДРЕВНЯЯ НОЧЬ ВСЕЛЕННОЙ, ИЛИ СТРАНСТВУЮЩИЙ СЛЕПЕЦ»**

Жизни и творчеству Семена Сергеевича Боброва (1763–1810) посвящена наша монография (2004). В 2008 г. вышло подготовленное нами собрание его стихотворений,⁵⁹⁶ которое можно было бы считать полным, если бы не одно очень важное исключение. В него не вошло самое крупное произведение Боброва, главный труд последних лет его жизни – поэма «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец»,⁵⁹⁷ которую можно квалифицировать как аллегорическую поэму на библейские темы.

Сочинялась поэма в 1806–1807 гг.: цензурное разрешение на издание первой книги было подписано еще 31 декабря 1806 г., а на издание последней, четвертой книги – 17 сентября 1807 г.⁵⁹⁸ Первая ее часть, включающая первую и вторую книги, была напечатана в 1807 г. в Академической типографии на средства автора в количестве 600 экземпляров, и Бобров был обеспокоен их сбытом, о чем писал С.И. Селивановскому в июне 1807 г.⁵⁹⁹ Вторая часть (книги третья и четвертая) вышла только в 1809 г. в типографии Губернского правления.

Бобров признавался Селивановскому, что к сочинению поэмы его побудили материальные затруднения: «Моя женитьба, нужды семейства и прочие обстоятельства – вот причины, которые заставили меня понудить ныне Пегаса посильнее – или, яснее сказать, – сочинить книгу, которой существо вы можете узнать из программы.

⁵⁹⁶ *Бобров С.С.* Рассвет полночи. Херсониды: В 2 т. / Изд. подготовил В.Л. Коровин. – М.: Наука, 2008. – 650+622 с. – (Литературные памятники).

⁵⁹⁷ *Бобров С.С.* Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец. Эпическое творение Сем^{ена} Боброва. Ч.1–2. – СПб., 1807–1809 (Ч.1, кн.1. – СПб.: при Имп. Акад. наук, 1807. – 200 с.; Ч.1, кн.2. – СПб.: при Имп. Акад. наук, 1807. – 226 с.; Ч.2, кн.3–4. – СПб.: Тип. Губернского правления, 1809. – 353 с.). Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: ДНВ, часть, книга, страница.

⁵⁹⁸ См.: РГИА. – Ф.777. – Оп.1. – Д.8. – Л.271; Д.23. – Л.51; Д.32. – Л.131, 192.

⁵⁹⁹ Письмо к Селивановскому от 3 (5?) июня 1807 г.: «Сия книга печатается в академической типографии на моем иждивении. Сами знаете, сколь это дорого и хлопотно. Теперь еще я сам раздаю билеты знакомым и думаю либо об отпечатании первой книжки, либо уже о выходе всех трех частей объявить в ведомостях. Но дело вот в чем! 600 экземпляров отпечатанных не скоро сбудешь с рук; так я и намерен в сем случае прибегнуть к помощи вашей. Не угодно ли вам будет или несколько билетов теперь или несколько экземпляров после купить; или взять их в комиссию, что еще лучше бы было. Ибо платеж в типографию уже неминуем. Таковое пособие крайне нужно мне в теперешних обстоятельствах» (Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – С.401–402). Ниже Бобров в той же связи упоминает М.А.Прокоповича-Антонского: «Как бы то ни было, естьли Михайло Антонович в Москве, то свидетельствуйте от меня мою преданность, ибо я весьма люблю и почитаю его. Не забудьте шепнуть и ему [о] моем начинании, о каком я вам известил теперь!» (Там же. – С.402). Ср. также примечание М.И.Невзорова к некрологу о поэте: «О недостатке Боброва я могу свидетельствовать наверно, зная, что он для заплаты за печать последнего творения своего поэмы Древняя ночь, принужденным находил себя испрашивать вспоможения у презних своих благотворителей» (Друг юношества. – 1810. – №5. – С.127).

Славолюбие тут почти ничего не имело места; назовите разве Славу тенью тела!»⁶⁰⁰ Недоброжелатели тоже, как известно, обвиняли его в том, что он пишет для заработка. Однако серьезности замысла и оригинальности его художественного воплощения это обстоятельство не отменяет.

Во вступлении, озаглавленном «К другу души», Бобров пишет: «Книга сия не роман, и не героическая поэма, но одна Философская истина в иносказательной Эпопее» (ДНВ. Ч.1. Кн.1. С.1). Содержание ее следующее. Нешам, сын восточного царя Мизраха, поддавшись уговорам своей легкомысленной супруги Колгуфы, покинул уготованный им для жизни сад, тем самым нарушив строгий запрет отца, за что был изгнан, лишен зрения и под видом слепца принужден скитаться по разным странам и временам в поисках того, кто исцелит его от слепоты и примирит с отцом. Наставляет его на этом пути разумный и благочестивый Зихел, а совращает и чинит препятствия лживый Рамай, иногда принимающий облик Зихела. Нешам посещает Вавилон, Ассирию, Индию, Иран, Эфиопию, Ливию, Египет, Сицилию, Грецию⁶⁰¹, Сирию, знакомится с разными религиозными и философскими системами, повсюду узнает «черты первообразного закона» (везде более или менее искаженного), «но врача не находит». Попадает в сети «ложных умствований» и «опасной эклектики» Рамая, женится на его дочери обольстительнице Таве, но, устрешенный знамением, бежит с брачного ложа, покушается на жизнь своего наставника Зихела и едва не кончает самоубийством, бросившись, по примеру Эмпедокла, в жерло Этны. Останавливает его лишь явление Зихела и песнь его спутницы – «сострадательной Кемлы». Наконец в Палестине он оказывается одним из евангельских слепцов, сидящих у врат Иерихона⁶⁰², и получает исцеление от руки Спасителя.

К поэме Бобров приложил «Объяснительное содержание иносказательной эпопеи», откуда мы узнаем, что для того чтобы «..увидеть внутренний смысл иносказательной эпопеи; то стоит только с еврейского переложить имена лиц на наш язык. Здесь *Мизрах*, отец слепца, означает самый *восток*; – и хотя он назван царем востока; но читая священные книги найдем между прочими, данными Божеству именами, также и сие: *восток имя Ему* <...>. Слово *Нешам* значит *душу* <...>. Имя *Колгуфы* значит всеобщую

⁶⁰⁰ Письма русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1980. – С.401.

⁶⁰¹ Из Греции Нешам и Зихел «..хотели потом отправится в *Италию*; но зная, что *Римляне* суть токмо ученики побежденных ими *Греков*, оставляют сей путь. *Катон* не мог сказать больше *Зенона*, *Лукреций Эпикура*, и *Цицерон Платона*. Странники обращают путь к восточным полям...» (ДНВ. Ч.2. Кн.3. С.13).

⁶⁰² В Евангелиях говорится о двух случаях исцеления Спасителем слепых у Иерихона: об одном, по имени Вартимей (Мк 10:46–52; Лк 20:35–43), и о двоих безымянных слепцах (Мф 20:30–34). Персонаж Боброва оказывается на месте одного из этих двоих.

плоть, вещество, чувственный мир, или все человечество. – Название *Зихел*, или *Сехел*, означает разум, оставшийся слепцу ради напутствия, разум чистый, верный, и еще неиспорченный, хотя иногда бессильный. Слово *Рамай* значит *губителя*, обольстителя, духа пагубы <...>. Имя *Тава* значит *вожделение*, нечистую любовь, похоть, чувственное услаждение, неистовость любовной страсти и пр. – Имя же *Кемлы* <...> означает *сожаление*, сострадание, сердоболие, соболезнование» (Ч.2. Кн.4. С.298–300)⁶⁰³.

Таким образом, в поэме всего семь действующих лиц, точнее, олицетворенных аллегорических фигур: Мизрах (Восток), Нешам (Душа), Колгуфа (Плоть), Зихел (Разум), Рамай (Губитель), Тава (Вожделение) и Кемла (Сострадание). Прочие персонажи – вавилонский жрец Набонид, брамин Менданис, египетский «хранитель сокровища врачеств» Фарес, зороастрийский «маг» Фарнух, греческий мудрец Архита, философ Платон и др. – лишь встречаются на пути Души, чтобы выслушать о ее страданиях и предложить очередное несовершенное, а то и пагубное «врачество» от слепоты.

В своей «иносказательной эпопее» Бобров воспроизводит схему аллегорического путешествия в поисках истины – самого популярного жанра в так называемой масонской литературе. К нему относятся и «Новая Киропедия» Э.-М. Рэмзи, перевод которой Бобров исправлял «по английскому подлиннику» в самом начале своей литературной деятельности, и большой роман его николаевского знакомого П.М. Захарьина «Арфаксад», и небольшой опус его друга П.П.Икосова,⁶⁰⁴ и романы и некоторые поэмы М.М. Хераскова («Кадм и Гармония», «Нума Помпилий», «Владимир Возрожденный», «Пилигримы», «Бахариана» и др.). В предисловии к «Владимиру» Херасков писал: «Ежели кто будет иметь охоту прочесть моего «Владимира», тому советую, наипаче юношеству, читать оную не как обыкновенное эпическое творение, где по большей части битвы, рыцарские подвиги и чудесности воспеваются; но читать как странствование внимательного человека путем истины, на котором сретается он с мирскими соблазнами, подвергается многим искушениям, впадает в мраки сомнения, борется с врожденными

⁶⁰³ Возможно, при изобретении «иносказательных имен с еврейского» и по ряду других деталей Бобров пользовался советами Л.Н. Неваховича, члена еврейской общины и автора апологетической рецензии на «Херсониду» (см. о нем: *Зорин А.Л., Рогов К.Ю., Рейтблат А.И.* Невахович Лев Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т.4: М–П. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; НВП «Фианит», 1999. – С.244–245). Ср. ироническое замечание о подобных лингвистических изысканиях «с еврейского» в «Письмах русского путешественника» Карамзина: «..зашел я в теологическую Аудиторию; видел множество присутствующих, но мало слушающих. Дело шло о некоторых Еврейских словах – это не мое дело – и я, постояв у дверей, ушел» (*Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. – М., Наука, 1987. – С.61). М.Я. Вайскопф, однако, отметил, что «...транслитерация *Зихель* указывает на письменный немецкий источник, а не на устную консультацию: ведь в устной ашкеназской версии иврита это имя звучало бы как *Сейхель*» (*Вайскопф М.* Покрывало Моисея: Еврейская тема в эпоху романтизма. – М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008. – С.29).

⁶⁰⁴ *Икосов П.П.* Странное путешествие, или Притча // Беседующий гражданин. – 1789. – Ч.3. – С.233–244.

страстями своими, наконец преодолевает сам себя, находит стезю правды и, достигнув просвещения, возрождается».⁶⁰⁵

Бобров уже в начале поэмы подчеркнул преемственность по отношению к Хераскову:

Певец *Владимира* щастливый!
 О естли бы воспет был мной
 Слепец прозревший, озаренный,
 Как некогда воспет тобой
 В великом Гимне *Возрожденный!*..
 Предел положен; — я не прейду...
 (ДНВ. Ч.1. Кн.1. С.18)

В другом месте Херасков упомянут уже как автор «Россияды». Бобров призывает Надежду:

О благодетельница жизни!
 Ты, что *Хераскова* Камену
 Сперва терпенью научив,
 Вела по *Волжским* берегам!
 Ужель и слабому певцу
 Откажешь в горнем вдохновенье?
 (ДНВ. Ч.1. Кн.1. С.67)

Связь «Древней ночи вселенной» с этими поэмами Хераскова уже отмечалась⁶⁰⁶. И.Н. Розанов как один из предполагаемых образцов Боброва упоминал раннюю поэму последнего «Селим и Селима» (1771), «где описываются чувства слепого, который считает себя при слепоте своей счастливым, но потом он прозрел и тогда узнал счастье, которого раньше и представить себе не мог».⁶⁰⁷ Вообще, немногочисленные упоминания последней поэмы Боброва в исследовательской литературе связаны именно с ее

⁶⁰⁵ *Херасков М.М.* Творения: [В 12 ч.]. – Ч.2. – М., 1796. – С.VIII.

⁶⁰⁶ См.: *Гришакова М.* Символическая структура поэм Хераскова // В честь 70-летия профессора Ю.М.Лотмана. Сборник статей. – Тарту, 1992. – С.43–44.

⁶⁰⁷ *Розанов И.Н.* М.М.Херасков // Масонство в его прошлом и настоящем. – М., 1915. – Т.2. – С.48. («Селим и Селима» Хераскова – подражание одноименной поэме Дора, в свою очередь заимствованной из Виланда; см.: *Гуковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. – М., 2001. – С.276.) И.Н. Розанов был убежден, что Бобров «более всех может быть назван восприемником Хераскова» (*Розанов И.Н.* Русская лирика. От поэзии безличной – к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. – М.: Задруга, 1914. – С.34).

предполагаемой принадлежностью к масонской литературе или, конкретней, к масонским путешествиям.⁶⁰⁸ Однако замысел автора был в принципе шире.

Бобров создавал монументальный религиозно-философский эпос, поэтическую историю человечества до Христа и не случайно в самом начале поэмы призывал в спутницы «священну Клию» (Ч.1. Кн.1. С.20). О его приверженности к исторической тематике можно судить уже по его ранним стихам в «Покоящемся трудолюбце» (священная история), по «Тавриде» (история Крыма) и первой части «Рассвета полночи» (история России в XVIII в.). В данном же случае он, по собственному признанию, хотел «..составить историю разума человеческого» (Ч.2. Кн.4. С.298), т.е. не вообще историю человечества или священную историю, а именно «историю разума...».

Это заявление дословно перекликается с фразой Н.М. Карамзина в одной статье для «Московский ведомостей» (1795): «Кто прочитает со вниманием и в систематическом порядке всех древних и новых авторов, тот знает самую важнейшую историю – *историю человеческого разума*».⁶⁰⁹ Именно эту историю избрал предметом своей ученой поэмы Бобров, сопроводив ее пространнейшими «объяснениями» и «примечаниями» (ок.200 страниц на 700 страниц стихов) с многочисленными ссылками на «древних и новых авторов». Так, здесь он цитирует (или отсылает к ним) античных историков и эрудитов (Геродот, Ксенофонт, Диодор Сицилийский, Страбон, Иосиф Флавий, Плутарх, Катон Старший, Плиний Старший, Аппиан), философов, риториков и поэтов (Платон, Аристотель, Лукиан, Энний, Лукреций, Цицерон, Вергилий, Гораций, Овидий, Сенека, Марк Аврелий, Клавдиан) и множество авторов нового времени (Дж.Аддисон, П.Бейль, Ф.Бэкон, Г.Галилей, Ф.-В.Гершель, Г.Гроций, Р.Декарт, Н.Коперник, К.Г.Лейбниц, К.Линней,

⁶⁰⁸ См. высказывания П.Н. Сакулина, отнесшего «Древнюю ночь вселенной» к характерным образцам «масонизма» в русской литературе (Сакулин П.Н. Русская литература. Социолого-синтетический анализ. Обзор литературных стилей. – Ч.2: Новая литература. – [М.], 1929. – С.341–342), и М.Я. Вайскопфа, связавшего ее с западной теософской и масонской литературой – сочинениями Юнга-Штиллинга, Террасона и др. (см.: Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Мифология. Идеология. Контекст. – [М.], 1993. – С.21–22). Н.К. Пиксанов видел масонское «странствие» не только в «Древней ночи вселенной», но и в «Тавриде» Боброва (см.: Пиксанов Н.К. Масонская литература // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.4. – Ч.2. – М.; Л., 1947. – С.77). Последнее не вполне безосновательно. Мурза Селим и шериф Омар в «Херсониде» действительно странствуют (возвращаются из паломничества), и один из них ученик, другой – наставник. Мотив духовного странствования есть и в песне одного из «кадидазелитов»: «О странник! – прииди сюда / Учиться мудрости в пещере! – / Твой путь еще не совершенен; – / Твой дом отсель еще не виден. – / Сядь, честный странник! – отдохни / На сей коралловой скамье!» Ср. также замечание Л.О.Зайонц о «Тавриде»: «...организующим стержнем символического пространства поэмы становится путь “духовного восхождения”» (Зайонц Л.О. К символической интерпретации поэмы С.Боброва «Таврида» // Ученые записки Тартуского университета. – Вып.882. – Тарту, 1992. – С.93). Видимо, в контексте масонских путешествий воспринимал «Древнюю ночь вселенной» уже М.И. Невзоров, писавший, что «..это есть аллегорическая поэма, в которой г.Бобров иносказательным образом поет несчастное ослепление и заблуждение отступившего от повиновения чрез чувственности человека...» (Невзоров М.И. Живописные и философские отрывки из сочинений г. Боброва // Друг юношества. – 1810. – № 6. – С.158).

⁶⁰⁹ Карамзин Н.М. Сочинения: В 2 т. – Л.: Худ. лит., 1984. – Т.2. – С.86.

Дж.Локк, М.В.Ломоносов, И.Ньютон, Ж.Расин, Ж.-Ж.Руссо, аббат де Сен Пьер, Б.Фонтенель, Б.Франклин, Л.Эйлер, авторы французской энциклопедии, «Всеобщая история о мореходстве» и др). Если учесть тех, кого он просто упоминает, список получится втрое, а то и вчетверо больше.

Европейские образцы своей «иносказательной эпопеи» Бобров, как и в случае с «Гавридой», назвал сам. Так, Зихел рассказывает Нешаму, что Кемла (Сострадание), оплакивая его жребий, уронила слезу в источник под Парнасом.

От сих минут все пенье *Муз*,
Имущее *тебя* предметом,
Соделалось весьма плачевным.
Таков был томный пенья гул
На *Альбионских* берегах,
И при подошве гор *Альтийских*,
И в самых *севера* пределах.

(ДНВ. Ч.2. Кн.4. С.144–145)

К этим строкам есть примечание: «Известно, каким возвышенным и печальным гласом *Мильтон* воспевал падение первого человека; *Юнг* в своих ночах *бессмертного человека*; *Геснер* смерть *Авеля*, и некоторый другие вслед за ними не менее славные, *Клопшток* в Германии, *Херасков* в России, и *Лиднер* в Швеции имели подобные предметы песней своих» (Ч.2. Кн.4. С.326). Имеются в виду «Потерянный рай» Милтона («*The Paradis Lost*», 1667), «Мессия» Клопштока («*Der Messias*», 1748–1773), «Смерть Авеля» Геснера («*Der Tod Abels*», 1758), «Страшный Суд» Бенгта Лиднера («*Yttereta domen*», 1788), т.е. поэмы, имеющие своим предметом события священной истории, и «Ночные размышления» Э. Юнга.⁶¹⁰ Херасков в этом контексте упомянут не как сочинитель «Россияды» и «Владимира», а как автор поэмы «Вселенная», о которой шла речь в предыдущей главе нашей работы. С ней соотносится и само заглавие поэмы Боброва – «Древняя ночь вселенной».

Основным его источником была Библия. В поэме рассказывается о каинитах, нечестивых изобретателях металлообработки и музыкальных инструментов (Ч.1. Кн.1. С.77–79), о судьбе «злбожного» допотопного человечества и самом потопе (Ч.1 Кн.1. С.25–34), о потомках Иафета и Хама (Ч.1 Кн.1. С.154–162; Кн.2. С.96–109), о египетских

⁶¹⁰ О влиянии Юнга на Боброва см.: *Зайонц Л.О.* Э. Юнг в поэтическом мире Боброва // Ученые записки Тартуского университет. – Вып.645. – Тарту, 1985. – С.71–85. См. также в нашей монографии (2004) по указателю.

казнях (Ч.1. Кн.2. С.112–114), о волхвах и Вифлеемской звезде (Ч.2. Кн.4. С.261–264) и т.д.; встречаются стихотворные переложения из Библии (например, пророчеств Исайи и Иеремии о гибели Вавилона – Ч.1. Кн.2. С.31–34). Некоторым древневосточным божествам (и без того, впрочем, упоминаемым в Ветхом Завете) Бобров подыскивает ложные библейские аналогии. Так, по его мнению, «черноликие чада» в Ливии под именем Аммона почитали своего предка Хама (Ч.1. Кн.2. С.219), вавилоняне под именем Ваала – своего первого царя Нимврода (Ч.1. Кн.2. С.19–20), а индусы под именем Браммы (здесь он говорит осторожно: «Есть предположение...») – Авраама, «родоначальника народа Божия» (Ч.1. Кн.2. С.212). В этой рационализации идолопоклонства и вообще религиозных культов, возведении их к культу предков чувствуется просветительская основа мировоззрения Боброва, но следует отметить, что здесь он подобным образом толкует лишь ложное, как он уверен, богопочитание.

Главный герой поэмы – это, по словам автора, «дух, приемлющий иногда лице первого человека, где только можно» (Ч.2. Кн.4. С.298), т.е. Адам, что, впрочем, ясно и без авторских комментариев. В изложении истории грехопадения Бобров следует Милтону. Как и у последнего, все происходит оттого, что Колгуфа была обижена мнимым недоверием супруга и пожелала совершить нечто самостоятельно, а супруг пытался, но не смог ей воспрепятствовать (Ч.1. Кн.1. С.188–190; ср. «Потерянный рай», кн. IX). К Милтону, вероятно, восходят и неоднократные воззвания автора к правдивой и мудрой Урании, и перечень мрачных духов, обитающих в жилище Рама – фантастической стране Энгад⁶¹¹. Описание же самого Рама (духа пагубы), по наблюдению Л.О. Зайонц, довольно близко к описанию Сатаны в поэме Дж. Марини «Избиение младенцев» (1633), переведенной на русский язык Я.Б.Княжнинным и изданной Новиковым в 1779 г.⁶¹²

Подобно Милтону и Клопштоку, Бобров в своей «эпопее», не являющейся, по его словам, «героической поэмой», сохранил некоторые черты классического эпоса. Так, в «Древней ночи вселенной» именно 12 песен (как у Вергилия в «Энеиде», у Милтона в «Потерянном рае», у Хераскова в «Россияде» и др.), а в 10-й песне представлена панорама будущих по отношению к основному действию событий: Зихел и Нешам посещают «всемирное кладбище», где покоятся мифологические персонажи и выдающиеся умы всех

⁶¹¹ В жилище Рама обитают «зависти ужасный дух», «дух несытыя любви», «дух мщенья», «дух отчаянной печали», «мудрованья дух беспечный», «вольнодумства буйный дух», «тьмы тем иных существ строптивых» (см.: ДНВ. Ч.2. Кн.3. С.22–24). У Милтона и Боброва были общие классические образцы в описании дома Зависти у Овидия (Метаморфозы. III, 761–782) и дворца Марса у Стация (Фиваида. VII, 40–63).

⁶¹² См.: Зайонц Л.О. От эмблемы к метафоре: феномен Семена Боброва // Новые безделки. Сборник статей к 60-летию В.Э.Вацуры. М., 1995–1996. – С.71–72.

времен и народов до начала XIX в., включая китайцев, индийцев и «перуанцев» (см.: ДНВ. Ч.2. Кн.4. С.155–162; ср. «Энеида», кн.VI; «Потерянный рай», кн.XI). В соответствии с общим замыслом («составить историю разума человеческого») этот перечень включает, главным образом, «мудрецов», т.е культурных героев, философов, ученых и т.д.

Я из могил не призываю
Семирамид и *Александров*,
 Кроме философов царей,
 История – все их бессмертье.
 Здесь те едины предстают,
 Которых свет души великий
 Проникнув мрачну область ночи,
 Разлил божественно сиянье.
 [...]
 Се сонмы мудрецов великих
 Блестят в кругу времен грядущих.
 [...]
Нешам! Ты видишь мир умов
 От *Сифа* до времен *Невтона*,
 От *Озириса* до *Петра*,
 От дней отважного *Нимврода*
 До славных дней *Наполеона*. –
 Но здесь завеса ниспадает.

(ДНВ. Ч.2. Кн.4. С.157–160)

Однако «Древняя ночь вселенной» не является поэтическим изложением одного или нескольких событий из священной истории (как у Милтона, Клопштока и др.), но представляет собой некое особое, уникальное жанровое образование, о чем Бобров посчитал нужным заметить в самом начале: «Книга сия не роман и не героическая поэма <...> также не есть особливое какое извлечение из священной, или языческой Истории; но она, так сказать, есть средняя черта, которая находясь между первой и второй, покушается иногда сблизиться то к той, то к другой, боясь между тем к обеим прикасаться, и как бы не смея ни исказить первой чрез последнюю, ниже возвысить последней чрез снисхождение первой. Таким образом можно назвать сие творение некоторым только родом самого легкого и отдаленного инде покушения на оба сии образца» (Ч.1. Кн.1. С.1).

Бобров уравнивает в правах «вымысел» и «историю». Достоверность, «историческая истина» для него важны не только сами по себе, но и как эстетический фактор.⁶¹³ В странах, через которые проходят слепец и его наставник (Вавилон, Ассирия, Египет, Греция и др.), правильной видеть не ступени посвящения или символические пространства блуждания души, а конкретные страны, вернее – конкретные религиозно-философские системы. Бобров пытался воспеть подлинную древность. Едва ли ему это удалось, но он стремился создать именно такое впечатление о своих намерениях, чему отчасти и служат многочисленным объяснения и ссылки на «древних и новых авторов».

«Вымысел» же вступает в свои права, например, в пространственно-временной организации поэмы. Как писал сам Бобров, «..сия *ночь* заключает [...] великие переходы из одного века в другой, из одной страны в другую [...]. Сие не странно; по тому что в сем творении и самая ночь есть творение иносказательного пера; самый слепец здесь [...] существо превыше всех времен, равно как и прочие лица. Таковым бытиям, каков здесь *Нешам* и *Зихел*, не удивительно в одну ночь без хронологической и топологической нити протекать веки за веками, и царства за царствами сих веков. [...] Таково право стихотворства!» (Ч.1. Кн.1. С.10–11). Герои поэмы «протекают веки за веками» не всегда в линейной последовательности. Время в поэме – духовное измерение, определяемое степенью близости к явлению «врача», т.е. воплощению Христа. Поэтому, вопреки реальной исторической хронологии, Нешам и Зихел сначала слышат «разящий скорбью звук» трубы, возвестивший, по толкованию этрусских жрецов, «некоторую знатную перемену в человеческом роде» (событие времен Суллы⁶¹⁴), и только после этого беседуют с Платоном, который, по мнению автора, ближе всех стоял к «истинному свету», а затем встречаются волхвов («магов»), идущих поклониться Младенцу (см.: Ч.2. Кн.3. С.106–108; Кн.4. С.257–271).

Не вполне ясно заявление автора об автобиографическом подтексте поэмы: «Прежде нежели приступлю к объяснению иносказания, скажу о *главном лице* оного. – Я бы мог представить в эпопее разные умы, или души, подобно электрической силе, переливающиеся, так сказать от первого до последнего существа сквозь все племя человечества, и действовавшие в изобретателях, законодателях, героях, философах, – и

⁶¹³ Это вообще характерно для Боброва, что отмечалось его критиками. Ср., напр., ироническое замечание А.А. Крылова, что в «Херсониде» «...даже упомянуто, что Генуя овладела морями именно в двенадцатом столетии» (*Кр<ылов А.А.> Разбор «Херсониды», поэмы Боброва // Благонамеренный. – 1822. – Ч.17. – №11. – С.423.*)

⁶¹⁴ Как видно из примечания, где Бобров подробно изъясняет значение «трубного гласа» (*ДНВ. Ч.2. Кн.4. С.325–326*), он следует изложению Плутарха (см.: *Сравнительные жизнеописания. Сулла. 7*) и относит это событие к «временам Мария».

особливо известнейших... <...> Я лучше хотел из всех сих нравственных звеньев, или частей составить одно *целое* и олицетворить невещественное некое, но уже одетое существо в мрачное вретисце *чувственности*, короче сказать, – представить *себя самого* под видом *слепца*» (Ч.2. Кн.3. С.297–298). Как справедливо заметил М.Г.Альтшуллер, «эта лирическая аллегория настолько глубоко запрятана поэтом, что разыскать ее в тексте без помощи автора было бы невозможно».⁶¹⁵ Есть только одно место в поэме, где очевидно, что Бобров отождествляет себя с ее главным героем. В тоске мечтая о смерти, Нешам произносит себе эпитафию («..надпись *лжива* / Ненужну мне прибавит жизнь»):

*Он стал дышать на бреге Волжском;
Вздыхнул в последний раз на Финском. –
Он славу пел полубогов,
Паренье Гениев пернатых,
Красы эвксинских берегов,
Восход из тьмы божеств зачатых,
Слепого путь – прозренье – честь,
И сам с надеждой недозревшей
И с силою полу-расцветшей
Лег с арфой в ниве Божьей в персть,
Чтоб там восстать, – дозреть, – и цвесть.⁶¹⁶*
(ДНВ. Ч.2. Кн.3. С.218-219)

В перипетиях своей «мистико-философской поэмы-аллегории» (по выражению Л.О.Зайонц⁶¹⁷) Бобров действительно зашифровал какие-то обстоятельства своей биографии. Но их полное раскрытие едва ли возможно, поскольку автор имел в виду главным образом духовную биографию, о которой сам писал так: «Можно ли заставить другого, чтоб он чувствовал силу *не своего* опыта? Надобно самому ему быть в тех же расположениях» (ДНВ. Ч.1. Кн.1. С.14). В некоторых местах можно лишь предположить наличие этих «лирических аллегорий».

⁶¹⁵ Альтшуллер М.Г. С.С. Бобров и русская поэзия конца XVIII – начала XIX в. // XVIII век. – Сб.6. – Л.: Наука, 1964. – С.235.

⁶¹⁶ В поэме есть и другой вариант автоэпитафии: если душа не бессмертна, то «...истинная надпись будет / Сия над перстью вечно-спящей: / Под дряхлым пеплом звезд истлевших / Меж чад эфира крылатевших / Разумна, но плачевна тень / С душой подобо-смертной персти, / Добыча брэнна вечной мести, / Вчера родясь на сей лишь день, / Единодневно насекомо, / За утра без плода искомо, / Брат червя, – пыли, – и за то / Жив в страхе, пал с тоской в ничто. / Сего ль, Нешам, ты ожидаешь!» (ДНВ. Ч.2. Кн.3. С.219)

⁶¹⁷ Зайонц Л.О. Бобров Семен Сергеевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.1 (А–И). – Л.: Наука, 1989. – С.98.

Так, изгнание Нешама из райского сада параллельно высылке Боброва на юг России, чему есть небольшое подтверждение в тексте поэмы. Нешам, выброшенный вместе с Зихелом волной на уединенную скалу, сетует:

Что будет с окаянным мною
Отверженным в пустыне дикой, –
Без утешения друзей,
Сопутников моих дней юных,
В разлуке с нежной половиной?
(Ч.1. Кн.1. С.59)

О друзьях Нешама в поэме, разумеется, нет ни слова. Единственный его друг и наставник в момент произнесения этих слов находится рядом с ним. Т.о., это либо авторская небрежность, либо элегическое воспоминание о собственной участи. Подобные сетования нередко встречаются в его южных стихах и «Тавриде».

Эпизод с опоемием Нешама «водою из реки забвенья»⁶¹⁸ приводит на память пьянство Боброва, а печаль Нешама о прежнем безгрешном состоянии представляет собой элегическую жалобу об утраченном поэтическом даре.

Тогда я око был слепым,
Хоть не было тогда слепых,
Кроме неосторожных агнцев.
Я был язык безмолвным тварям;
Я был тогда нога хромым,
А слух глухим, и глас немым.
Сколь часто возносил я к небу
На место сих немых творений
Их чувства, нужды в разных имнах?
(Ч.1. Кн.1. С.57)

⁶¹⁸ Рамай опаивает Нешама перед тем как познакомить его с Тавой: «Сын ноци жаждою томимый / Глогает влагу снотворяшу. <...> Искусственный, волшебный сон / Ему представил новый мир. / Тьма показалась неким светом; / Ночь стала будто день в дремоте; / Луна же будто солнце в осень. <...> Зло самое явилось благом; / Враг, душегубец, – нежным другом, / А любодейца – как ангел. / Какое странно превращенье?» (Ч.2. Кн.3. С.33–34). Ср. в другом месте поэмы слова Нешама о своей слепоте вообще: «Тогда мне зрелся слон холмом, / Порхающая перната тварь / Носимым в воздухе листом, / Цветок красивый тусклым бреньем, / Огонь блатный верным светом дня, / Зверь кровожадный мне подобным... <...> А неподвижная звезда / Текущею средь вихрей неких, / День самый стал мне ночью» (Ч.1. Кн.2. С.5).

Все эти аналогии можно было бы счесть натянутыми, если бы не прямое авторское указание, невольно побуждающее отыскивать их в тексте поэмы, и наличие автобиографических комментариев ко многим, казалось бы, отвлеченно-философским стихам в «Рассвете полночи».

Отдельный интерес представляют V–VI песни поэмы, посвященные Египту. Здесь маг Фарес предъявляет целый каталог египетских божеств и идеограмм (Всевидящее око, «сомкнутый змей», Тифон, крокодил и др.), истолкованных как теософские символы, элементы тайного знания, к усвоению которого нужно подниматься по длинной лестнице посвящений (см.: Ч.1. Кн.2. С.126–131). Реакция Зихела (Разума) на это толкование такова:

Внимательный *Зихел* не ведал,
 Чему дивиться в сих словах,
 Глубокости ли надлежащей,
 Иль новым мерам предложений,
 Иль дикости мудреных мыслей?
 (Ч.1. Кн.2. С.129)

По его мнению, эти идеограммы – простые аллегории, знаки древнеегипетского письма. Впоследствии их значение было забыто, а «корысть» жрецов и «страх» народа соделали из них оболъстительную тайну, откуда произошло многобожие и вообще много нелепостей. Для ясности приведем его пространную речь хотя бы частично:

Священны письменна и знаки,
 Что представляли *Озирида*,
 Иль лучше – самый образ *Солнца*, –
Изиду, – или землю, нивы, –
Тифона, – или наводнение, –
Змия сомкнутого, – иль вечность, –
 Чешуйчатого *Крокодила*, –
 Иль злость и вредно ухищрение, –
Орла, и *Ястреба* паряща, –
 Иль быстроту и алчну хищность, –
 Растения и прочи вещи,
 Все было токмо их язык.
 Но *Вышний*, – тварей сих зиждитель,

Начально поклоняем был.

Озирид, яко солнце неба,

У них был токмо зримый образ

Невидимого божества.

<...>

Но из сего языка сами

Египтяне мудролюбивы

Себе кумиров сотворили.

Что прежде было лишь символом,

То после стало истуканом;

Что прежде было токмо буквой,

То ныне стало божеством.

Чего корысть и страх не жидут? –

Ученики их, древни *Греки*...

<...>

Вот сколько вредно и опасно

К сим буквам не иметь ключа!

(Ч.1. Кн.2. С.150–151)

Далее Зихел обличает эзотеризм и элитарность учения египетских магов, доступного лишь мнимым «посвященным»:

Коль вещь полезна по себе,

Коль служит к благу человекoв,

Почто ж утаевать ее

Под непостижным языком

И мрачностью изображений?

<...>

От вас самих далек тот свет,

Что зреть мечтаете в *символах*,

Колико ни гордитесь вы

Своею близостью к нему;

А истина бежит от вас...

<...>

Прости, мудрец! – придет день,

Как всяка слепота спадет,

Рассыплется символов мгла,

И обнажатся ваши *тайны*.

(Ч.1. Кн.2. С.152–155)

Нетрудно увидеть здесь полемику с идеологией московских розенкрейцеров, среди которых воспитывался Бобров.

Песни поэмы, посвященные Египту, и в других случаях полны аллюзиями на современность, поскольку в сознании автора он соотносился с Россией – земледельческой страной, жизнедеятельность которой обеспечивалась одной главной рекой (Волгу он именовал «росским Нилом»). Вообще, в поэме Египет не столько «символ земного плена» и «вместилище сокрытой мудрости», как писал М.Я. Вайскопф⁶¹⁹, сколько аллегорический «заместитель» России в странствиях Нешама по древнему миру. Так, давно отмечалось, что в сцене загробного суда над дурным и добродетельным вельможами содержатся элементы злободневной сатиры⁶²⁰. Один крестьянин жалуется на дурного вельможу:

Он псовой ловлею своей

Опустошал поля мои.

(Ч.1. Кн.2. С.164)

В примечаниях к этому эпизоду Бобров похвалит нелицеприятие судей, попутно высказывая свои демократические убеждения: «*Египтяне* <...> ничего не рассуждали о происхождении умершего. Родовое отличие не почитали собственностью души, но всегда называли как бы *натяжкою* заслуги, *скоморошеством* гражданства, и *обезьяною* добродетелей. Личные достоинства и добрые качества составляли у них все благородство» (Ч.1. Кн.2. С.220–221).

Далее Зихел прославляет некоего фараона Мерида, облегчившего земледельцам бремя налогообложения: он возвысил «важную часть сию» и тем прославился. В иных же странах, где презрение к земледелию «только ж грубо как их степи», оно «отягчено налогов тьмой», а торговля, ремесла, художества и другие «остроумные заведенья», напротив, «державной дланью многомочной» дарована «от общих тягостей свобода» (Ч.1. Кн.2. С.157–158). Здесь, конечно, намек на налоговую систему России. Характерно, что чуть выше, где Зихел (как говорилось, «существо» вне времени и пространства) одобрял

⁶¹⁹ См.: Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Мифология. Идеология. Контекст. – [М.], 1993. – С.20–22, 151–152.

⁶²⁰ См.: Мазаев М. Бобров Семен Сергеевич // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). – СПб., 1895. – Т.4. – Отд.1. – С.59–65.

оросительные каналы Египта, он, по словам автора, «как *Патриот* вещал» (Ч.1. Кн.2. С.157).

«Древняя ночь вселенной» явилась итоговым произведением Боброва и именно в этом качестве была издана им в свет. В стихотворном вступлении он подробно исчисляет этапы своего творческого пути и, вздыхая о прежних «часах очарования души», начинает путь в «велику ночь» (Ч.1. Кн.1. С.17–23). В прозаическом вступлении, обращаясь к самому себе, он тоже говорит о поэме как о последнем труде: *«Жизнь коротка: – в твоём возрасте перестают играть жизнью. Время войти в самого себя, оплакать беспечность, и зачать с скромностию такую храмину, которая бы полезна была сердцу твоему и гостеприимна для ближнего, – храмину, которой бы, так сказать, сама вечность ослаблялась. – Трудно; – но нет возможности к лучшему познанию цели своей»* (Ч.1. Кн.1. С.13; курсив Боброва).

В поэме представлены многие темы раннего творчества Боброва (творение мира, «хитрости смерти», природные катаклизмы и кончина мира, гибельность страстей и т.д.). Из них следует выделить тему потопа, которой посвящена его ода «Судьба древнего мира, или Всемирный потоп» (1789, 1804) (см. о ней ниже – в гл.11). В «Древней ночи вселенной» есть почти дословные цитаты из нее. Например, явление тени Колгуды в поэме описано теми же словами, что явление тени «усопша мира» в оде (ср.: ДНВ. Ч.1. Кн.1. С.140), причем в обоих случаях ощутимо влияние Юнга⁶²¹. Бобров же в «Объяснительном содержании» поэмы писал, что «сие наипаче место моего песнотворения не прикосновенно ни к каким образцам, и может служить как бы отличительным неким почерком пера, сколь бы оно ни было слабо» (Ч.1. Кн.1. С.6).

Особенно много автоцитат из «Тавриды». Они естественно (поскольку «Таврида» – описательная поэма) возникают в описаниях грозы (ДНВ. Ч.1. Кн.1. С.78), зноя (Ч.1. Кн.1. С.139), утра (Ч.2. Кн.4. С.292) и др.

Белый стих «Древней ночи вселенной», в отличие от стиха «Тавриды», уже не носил характера эксперимента, поскольку после 1798 г. появилось много «безрифменных» эпических сочинений, иногда к тому же с куда более изощренной, чем у Боброва, метрикой и ритмикой («Бова» А.Н. Радищева, 1799, изд. 1807; «Богатырские повести в стихах» Н.А. Радищева, 1801; «Певислад и Зора» А.Х. Востокова, 1806; и др.). В новой поэме Бобров сознательно отказался от «картинности» и ярких зрительных образов, и в этом серьезное отличие как от «Тавриды», так и от основной массы его стихов: «В сем

⁶²¹ См.: *Зайонц Л.О.* Э.Юнг в поэтическом мире Боброва // Ученые записки Тартуского университета. – Вып.645. – Тарту, 1985. – С.74.

сочинении не столь много живописи, сколько бы в прочем могло дать щастливейшее воображение другого *Гения*. В нем при среднем слоге более размышлений, более бесед, более исторической части, которая по холодному течению своему малую бы нашла красу в *рифме*. – Я всегда тех мыслей, что лучше стройность звуков в самом слогападении без *рифмы*, нежели *рифма* преследуемая томными стопами без стройности и согласия» (ДНВ. Ч.1. Кн.1. С.15). В поэме действительно мало действия и преобладают беседы на религиозные и философские темы (так, вся XI песнь посвящена доказательству бессмертия души). Иногда все же и здесь Бобров не чуждается довольно экспрессивных образов⁶²², но их «концентрация» значительно ниже, чем, например, в «Тавриде».

При преобладании, по словам автора, «среднего слога», в «Древней ночи вселенной» имеется не меньшее количество лексических новобразований, чем в «Тавриде», уже изучавшейся на этот счет.⁶²³ По большей части это сложные прилагательные и причастия: «адодышущий», «боготечная струя» (о Вифлеемской звезде), «богошественные пределы» (о Святой земле), «ветроногие кони», «вечнордяный», «водожадные недра» (о пустыне), «голубосветлый», «гортаночленный» (о музыкальном инструменте вроде органа), «железочелый», «златокристалльный» («Лучи Божественного света / Златокристалльным ливнем пали») «кроволитная победа», «лепозрачный» (ср. «леполанитый» в «Херсониде»), «мертволепный» (безжизненный на вид), «мудролюбивый», «пеноточный» (источающий пену), «равноночный», «разносветлый», «росоносный», «самозарный» (о солнце), «самоугодный» (угождающий себе), «светородный» и «светоприемный», «скаловидный», «скоролетный», «скудогласный» («..от скудогласныя цевницы / До *Гайденовых* дивных строев»), «сладотворный», «слезородящий», «слепотворный», «смолоцветный», «удоботечный» («..свет / Удоботечный в бесконечность»), «четвербочный» (о крепости), «ядоносный», «язвородный» и др. Немало в поэме и новых существительных: «дальновидец», «девохищенье», «звездоблюстилице» (зиккурат, обсерватория), «звездоискусство», «злотворец», «изгнанец», «кровопресыщенье», «любомщенье», «миросмешенье» («Я слышал шумные стремнины / Миросмешенья под собой»), «обмышление», «самогубец»,

⁶²² Приведем только два характерных примера: «Сей шар земный есть *лобный холм*, / Где всемогущество казнит; / А лик эфирный обагрен / Невинной кровью миллионов, / Рожденных ощущать мученье / И гибель токмо бытия. <...> А я – я бедный! что такое? / Одна иссеченная искра / Багровым перстом *Божья* гнева, / Блестяща на одно мгновенье, / И то неверное и слезно...» (Ч.2. Кн.4. С.222); «...в храме / Висело сто златых лампад, / От коих яркое сиянье / И некое благоуханье / Во храме всюду разливалось. / Безвласы многие главы / Заемный отражали блеск» (Ч.1. Кн.1. С.167).

⁶²³ См.: *Петрова З.М.* Заметки об образно-поэтической системе и языке поэмы С.С. Боброва «Херсониде» // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В.В.Виноградова. Л.: Наука, 1971. – С.74–81.

«своеборец», «умослов» («Он велеречив, но упорлив, / Великий умослов и sproлив») и др. Иногда это кальки с иноязычных слов: «градомудрие» (политика), «дальнозор» (проспект), «единобеседование» (монолог), «рудоведец» (геолог) (ср. «рудослов» в «Херсониде»), «самодвиг» (автомат) и др. Эти изобретения серьезно обдумывались автором. Так, употребив слово «круговод», Бобров сопроводил его примечанием: «Слово *Циркуль* у иных переведено: *окружлец, кружильник, кругочерт*; но мне казалось, ради самого звука слогов лучше перевести по Руски *Круговод*». (Здесь приведены лишь те новообразования, которые у Боброва встречаются только в «Древней ночи вселенной»⁶²⁴).

Многочисленные церковнославянизмы и архаизмы в поэме на «духовную тему» вполне естественны, однако в пору «распри о языке» Бобров должен был предупреждать могущие возникнуть недоумения. Так, к строке «Сам ад скоктал в глуши удолий» он дал примечание: «Читатель, надеюсь, извинит, что в сем стихе употреблено древнее славянское слово *скоктать*. Оно представилось нужным здесь потому, что в своем значении гораздо более заключает, нежели обыкновенный *хохот*. Оно означает чрезмерный смех, насильственное хохотанье, или самый судорожный порыв смеха, от коего человек может иногда умереть. – Аду нетрудно так хохотать. – Для чего не употребить слова, коего звук и сила в стихе совместнее других, хотя б оно, как сокровище, было зарыто в развалинах Древнего языка» (Ч.1. Кн.2. С.225).

В.Т. Плаксин давно заметил, что последняя поэма Боброва «носит на себе все достоинства и недостатки, свойственные другим его произведениям»⁶²⁵. По словам М.Г. Альтшуллера, она даже «подчеркнула слабые стороны его творчества»⁶²⁶. В ней многое должно было казаться странным – и сюжет, и сам ее объем (ок. 17,5 тыс. стихов), практически беспрецедентный в русской поэзии того времени (например, самая большая поэма Хераскова «Бахариана» включает менее 15 тыс. стихов, а у Боброва к стихам приплюсовываются еще 200 страниц «объяснений»).

Из-за своей учености, обилия отвлеченных рассуждений, архаичного языка и не в последнюю очередь из-за своих размеров поэма была не только не принята, но и практически проигнорирована современниками. Не сохранилось ни одного сколько-нибудь пространного отклика на нее и почти ни одного упоминания. Видимо, ее попросту

⁶²⁴ Составленный нами «Словарь неологизмов и архаизмов Боброва» с указанием контекстов и источников см.: *Коровин В.Л.* С.С. Бобров. Жизнь и творчество: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – С.202–213.

⁶²⁵ *Плаксин В.Т.* Руководство к изучению истории русской литературы... – 2-е изд. – СПб.: Тип. К. Жернакова, 1846. – С.171.

⁶²⁶ *Альтшуллер М.Г.* Идеиные и художественные искания в русской лирике 1790-х гг. (Н.Николев, П.Сумароков, Е.Костров, С.Бобров). Автореферат. Л., 1966. С.14.

не читали. Это неприятие «Древней ночи вселенной» читающей публикой было, видимо, столь всеобщим, что даже М.И. Невзоров в своем апологетическом отзыве о поэте не решился защищать ее: «Не сия ли, по видимому, Поэма подает случай молодым критикам мыслить о г.Боброве, что будто бы он писал так, что его никто не понимает? <...> Оставляя рассмотрение сей поэмы для будущего времени, нужным почитаю я в сей раз заметить: ежели бы в самом деле она была писана так, что нельзя ее разуместь, то не заслуживает ли г. Бобров внимания по другим сочинениям».⁶²⁷ В следующем номере «Друга юношества» Невзоров перепечатал отрывок из поэмы о бессмертии души (почти всю XI песнь), но никак его не прокомментировал, а лишь выразил сочувствие справедливым рассуждениям автора.⁶²⁸

До недавнего времени поэма оставалась малоизвестной даже специалистам. Показательно, что в замечательном труде А.Н. Соколова «Очерки по истории русской поэмы XVIII – первой половины XIX века» (М., 1955) «Древняя ночь вселенной» даже не упомянута. Впервые несколько отрывков из поэмы были перепечатаны в 1996 г. в журнале с оккультно-теософских уклоном.⁶²⁹ В последние годы появилось немало работ как вообще о Боброве, так и специально о «Древней ночи вселенной».⁶³⁰ Вопрос об

⁶²⁷ Невзоров М.И. Живописные и философские отрывки из сочинений г. Боброва // Друг юношества. – 1810. – №6. – С.159–160.

⁶²⁸ См.: Друг юношества. – 1810. – №7. – С.10–46.

⁶²⁹ Волшебная гора (Философия. Эзотеризм. Культурология). 1996. Т.5. С.37–54.

⁶³⁰ Здесь ограничимся их перечислением: *Aptekman M. Jacobs Ladder: Kabbalistic Allegory in Russian Literature.* – Boston, MA: Academic Studies Press, 2011; *Aptekman, Marina. The Origins of Kabbalistic Symbolism in the Poetry of Semen Bobrov* // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. – Vol.31. – 2003; *Аптекман М. София-Мудрость и божественный свет: масонская интерпретация Творения в русской литературе XVIII века* / Пер. с англ. Ю. Халтурина // Россия и гнозис. Труды Международной научной конференции «Раннехристианский гностический текст в российской культуре» в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино 21.01.2011 г. / Отв. ред. А.Л. Рычков. – Т.1. – СПб.: Изд-во РХГА, 2015. – С.263–277; *Булгакова А.А. Диалектика Хаоса и Космоса в поэме С. Боброва «Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец»* // Мова і культура. Науковий журнал / Киевський національний університет ім. Т. Шевченка; гл. ред. Д.С. Буряго. – Київ, 2008. – Вип. 10. – Т. IV (104). – С.240–246; *Булгакова А.А. Топос Мир в смене литературных эпох: (Симеон Полоцкий, Семен Бобров). Автореф. дис. ... канд. филол. наук.* – Минск, 2010. – 28 с.; *Бурмистров К.Ю. Aptekman, M. (2011) Jacobs Ladder: Kabbalistic Allegory in Russian Literature.* Boston, MA: Academic Studies Press. 249 p. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. – №4 (31). – С.317–326 (рецензент книги М. Аптекман, в частности, оспаривает предложенную ею каббалистическую и теософскую трактовку стихотворений Боброва); *Васильев С.А. Стилевые традиции Г.Р. Державина в русской литературе XIX–XX веков.* – М.: Изд-во Лит. института, 2007. – 255 с.; *Васильев С.А. С.С. Бобров и М.Ю. Лермонтов: мотивы, образы, стили* // М.Н. Муравьев и его время. – Вып.5. Ч.2. – Казань, 2008. – С.124–131; *Васильев С.А. С.С. Бобров и М.Ю. Лермонтов: случайные совпадения?* // Русская речь. 2014. – №5. – С.11–18; *Кошелев В.А. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в.: Литературно-исторический очерки.* – Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. – С.71–77; *Маслова А.Г. Поэтика времени и пространства в русской поэзии последней трети XVIII века: Дис. ... д-ра филол. наук.* – Киров, 2014. – С.413–430 (5.4. Усложненная образность как средство мифологизации художественного пространства и времени в творчестве С. С. Боброва); *Мороз О.Н. Источники поэмы С.С. Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец»* // Парус. – 2012. – №16 [электронный ресурс]: URL.: <http://parus.ruspole.info/node/2984> (дата обращения 17.08.2016); *Мороз О.Н., Пивторая О.Г. К вопросу об именах в религиозной эпопее С.С. Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец»* // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.

источниках поэмы в античной философской традиции (Платон и др.) плодотворно изучает О.Н. Мороз (см. в сноске выше).

Здесь нужно подчеркнуть принадлежность «Древней ночи вселенной» к ряду первых оригинальных русских поэм на библейские темы, таких как «Вселенная» Хераскова. В отличие от нее (и поэм Милтона, Клопштока, Геснера, указанных самим Бобровым как его образцы), «Древняя ночь вселенной» – «иносказательная эпопея», аллегорическая поэма, однако это иносказание именно на библейском материале. В русской поэзии ей не находится точных аналогов, однако нечто подобное было в русской нравоучительной литературе. Это «священная повесть» Аполлоса (Байбакова) «Лишенный зрения Ураний, несчастный государь», изданная в 1779 г., а в 1784 г. переизданная с подробными учеными комментариями автора.⁶³¹ На эту повесть как источник сюжета «Древней ночи вселенной» еще в 1989 г. попутно указал В.П. Степанов,⁶³² но его замечание осталось незамеченным в литературе о Боброве (в том числе и в наших работах). Повесть Аполлоса (Байбакова) – аллегория, основанная на Священном Писании, о чем автор заявил в самом начале: «Намерение моего сочинения состоит в том, дабы *описать человеческое состояние, сколько о том открыто в Слове Божиим*».⁶³³ Сразу вслед за этим кратко изъясняется смысл аллегории (далее курсив как в источнике):

«Я описываю аллегорично под именем Ураниева Отца *Бога*, под именем Урания *человека* вообще, и

1) Описываю *состояние сотворения*, в каком совершенстве человек от Бога сотворен. <...> Потом

2) *Состояние отпадения*, в коем приступ делаю о злом духе, коего разумею под именем Какофита,, помещая причины греха дьявольского и человеческого: потом самое

2014. – №4. – С.42–46; Мороз О.Н. История создания иносказательной эпопеи С.С. Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец» // Парус. 2014. Вып.37 (декабрь) [электронный ресурс]: URL.: <http://ragus.ruspole.info/node/5984> (дата обращения 17.08.2016); Мороз О.Н. Библейское предание об Адаме и его жене в религиозной эпопее С.С. Боброва «Древняя ночь вселенной» // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. Материалы первой Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 2015. – С.114–120.

⁶³¹ Аполлос (Байбаков). Лишенный зрения Ураний несчастный государь, священная повесть. – [М.:] тип. Имп. Моск. ун-та, 1779. – [2], 56 с.; Аполлос (Байбаков). Лишенный зрения Ураний, несчастный государь, священная повесть. – Изд. 2-е со изъяснением и дополнениями. – М.: в привилегированной тип. у содержателя Ф. Гиппиуса, 1784. – 120 с.

⁶³² См.: Степанов В.П. Байбаков Андрей Дмитриевич (в монашестве – Аполлос) // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.1: А–И. – Л.: Наука, 1988. – С.48–52.

⁶³³ Аполлос (Байбаков). Лишенный зрения Ураний, несчастный государь, священная повесть. – Изд. 2-е со изъяснением и дополнениями. – М.: в привилегированной тип. у содержателя Ф. Гиппиуса, 1784. – С.5 (курсив мой – В.К.).

человеческое нещастие, противное по всему первому состоянию... <...> А под именем слепоты разумею ослепление разума, а наипае слепоту его вышеестественных делах, т.е. в своем спасении. Касался я по порядку Моисеевой истории, потопа, а потом и столпотворения, Синайской горы: наконец упомянул о Философических Греческих сектах начиная от Египта <—> Сцептическую, Циническую <и> проч., кои сколь ни славились, но в любомудрствованиях слепотствовали. Врачество везде доразумеается душевное <и> проч., наконец

3) *Состояние искупления*, которое предназначалось пророчествами: самое искупление Евангельскою притчею описую о впадшем в *разбойники*, которые суть грехи. *Филантроп* Самарянин <—> искупитель. *Ураний* <—> человек грешный. *Живая вода* <—> таинства, *прежний дом* <—> вечное блаженство, проч.».⁶³⁴

Сходство «священной повести» Аполлоса с последней поэмой Боброва бросается в глаза, хотя сам он об этом источнике умолчал. Сходство это, однако, главным образом внешнее. На сюжете аллегорической, написанной с научно-просветительскими и морализаторскими целями повести, Бобров создал оригинальную религиозную поэму, «иносказательную» эпопею о религиозных блужданиях человечества до Христа и «человека вообще» – до принятия христианской веры. Повесть Аполлоса послужила ему общим примером «аллегоричного описания» разных «состояний» человека (состояние сотворения, отпадения и искупления) и – в какой-то степени – источником сведений о религиозно-философских учениях древности (о них Аполлос пишет в примечаниях, давая множество ссылок на первоисточники), но в остальном Бобров вполне оригинален: в деталях его «иносказательная эпопея» независима от повести Аполлоса. Этот вопрос требует отдельного исследования, но для понимания творческой эволюции Боброва и факт внешнего сходства «Древней ночи вселенной» с повестью «Лишенный зрения Ураний», которую он наверняка прочитал еще в 1780-х гг., весьма знаменателен. Этот факт свидетельствует о том, что замысел последней поэмы Боброва относится ко времени его юности, т.е. к ее созданию в конце жизни он пришел не вдруг, а в результате длительных творческих раздумий, поэтому «Древняя ночь вселенной» действительно итоговое произведение поэта.

ПРИЛОЖЕНИЕ (к главе 8)

⁶³⁴ Там же. – С.5–6.

Вступление к «Древней ночи вселенной» С.С. Боброва и начальные строфы восьмой главы романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

В пушкинскую эпоху «Древняя ночь вселенной» Боброва крайне редко упоминалась и вообще, видимо, очень мало читалась (по крайней мере широкой публикой). Тем удивительнее, что находятся следы ее литературного влияния в произведениях поэтов пушкинского круга и самого Пушкина, причем в самом главном его стихотворном произведении – в романе «Евгений Онегин», по содержанию совершенно далеком от аллегорической библейской эпопеи Боброва.

Восьмая, заключительная глава романа начинается известным автобиографическим отступлением:

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал... <и т.д.>⁶³⁵

Это, по точному выражению В.К. Кюхельбекера, «история знакомства Поэта с Музой»⁶³⁶, ретроспективное описание им своего творческого пути, своеобразное подведение итогов⁶³⁷. Причем, как остроумно заметил В.В. Набоков, тема этих строф «не столь биографическая, сколь библиографическая»⁶³⁸: Пушкин прямо или вполне прозрачно говорит о своих лицейских стихах (I строфа), об их встрече «светом» и одобрении Державина (II строфа)⁶³⁹, о петербургской вольнолюбивой лирике, восторженно принятой «молодежью минувших дней» (III строфа), о романтическом творчестве периода южной ссылки, «Кавказском пленнике» и «Бахчисарайском фонтане» (IV строфа), о «Цыганах» и центральных главах «Евгения Онегина», действие которых

⁶³⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. сочинений: [В 16 т.]. – Т.6. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937.– С.165–167. Далее ссылки на это изд. даются в тексте (римская цифра – том, арабская – страница).

⁶³⁶ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подготовили Н.В. Королева, В.Д. Рак, <М.Г. Альтшуллер>. – Л.: Наука, 1979. – С.101. – (Лит. памятники).

⁶³⁷ Ю.М. Лотман писал, что в этих строфах «исторический подход переносится поэтом и на оценку своего творческого пути» и соответственно излагается «...история своей Музы, смена периодов творчества, читательской аудитории, жизненных обстоятельств, образующие единую эволюцию. <...> Рассматривая свой творческий путь, Пушкин устанавливает место в нем “Евгения Онегина”, определяет отношение романа к южным поэмам и “Цыганам”. При этом восьмая глава оказывается не только сюжетным завершением романа, но и органическим итогом и высшим моментом всего творчества» (Лотман Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – С.704).

⁶³⁸ Набоков В.В. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин» / Перевод с англ. – СПб.: Искусство-СПБ; Набоковский фонд, 1999. – С.65.

⁶³⁹ В окончательном тексте романа из II строфы были выпущены 10 строк, имевшиеся в белой рукописи, где, кроме Державина, были названы И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин («быта русского хранитель») и В.А.Жуковский («идол девственных сердец») (см. VI, 621).

происходит в русской провинции (V строфа)⁶⁴⁰ и, наконец, подводит к месту действия последней главы романа:

И ныне музу я впервые
На светский раут привожу...
(VI, 167)

Казалось бы, автобиографическая (и «библиографическая») конкретность содержания этих строф исключает наличие постороннего литературного образца.⁶⁴¹ Однако в целом тема «истории знакомства Поэта с Музой» ощущается как «общее место». Н.О. Лернер давно заметил, что интересующие нас строфы «навеваны Пушкину Овидием» и даже «построены по образцу 10-й элегии IV книги его "Tristium"». ⁶⁴² Овидий здесь последовательно рассказывает об отрочестве, когда впервые ощутил непреодолимую тягу к стихотворству, об отношениях со старшими поэтами, о своем раннем признании среди молодежи и, наконец, о ссылке, в которой Муза доставляет ему утешение. «Нетрудно заметить, – заключает исследователь, – и тождество в расположении частей этих поэтических автобиографий Пушкина и Овидия, и одинаковость некоторых подробностей, и даже совпадение кое-каких отдельных выражений у обоих поэтов». ⁶⁴³

Это, в общем, правдоподобное наблюдение нуждается в уточнении. Во-первых, элегия Овидия действительно изобилует автобиографическими подробностями (об отце, родственниках, трех браках, умершем сыне и др.), а у Пушкина есть *только* «история знакомства с Музой». Во-вторых, Овидий не дает понять, о каких своих сочинениях он говорит, а указания Пушкина вполне определены. В-третьих, Овидий пишет из ссылки, жалуется на ее тяготы и просит о помиловании (как и в других «Скорбных элегиях»), а для Пушкина его изгнание уже в прошлом и является предметом осмысления, а не переживания. Он именно подводит итоги творческого пути, чего Овидий почти не делает, и вступает на новое, важнейшее поприще, что для Овидия в его положении немыслимо. Т.е. связь пушкинских строф с элегией римского поэта представляется отдаленной и, как нам кажется, опосредованной.

⁶⁴⁰ См.: Лотман Ю.М. Указ соч. – С.705–711.

⁶⁴¹ Речь не идет об отдельных реминисценциях, отмечавшихся комментаторами, – из «Прогулки в Сарском селе» Г.Р. Державина («Весной, при кликах лебединых...») (Лотман Ю.М. Указ соч. – С.705) или «Вакханки» К.Н. Батюшкова («И вдаль бежал... Она за мной...») (Набоков В.В. Указ соч. – С.533), а также об автореминисценциях – из «Демона» («В те дни, когда...») и др.

⁶⁴² Лернер Н.О. Пушкинологические этюды. 16. Овидий в Онегине // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. – [Т.] 5. – М.; Л., 1935. – С.91.

⁶⁴³ Там же. – С.92–92.

Поэтическая автобиография, подобная пушкинской, есть в сочинениях русского поэта, имя которого в сознании автора «Евгения Онегина» ассоциировалось с югом России, собственной ссылкой и изгнанником Овидием. Это Семен Сергеевич Бобров (1763–1810), автор поэмы «Таврида» (1798; во 2-й ред. «Херсонида», 1804), который почти девять лет (1791–1799) провел в неофициальной ссылке на юге России (Крым, Херсон, Николаев). Ему принадлежит «баллада» «Могила Овидия, славного любимца Муз» (1798), в которой современный «унылый певец» беседует с «тенью Назона», рассказывающей о своем незаслуженном изгнании и безвестной смерти среди «чуждого народа». Заканчивается «баллада» выделенным из основного текста двестишием:

*Судьба! – ужли песок в пустыне
Меня засыплет так же ныне?⁶⁴⁴*

Т.о., усмотрев аналогию между судьбой изгнанника Овидия и своей собственной, Бобров первым из русских стихотворцев сделал из нее поэтическую тему и явился в этом непосредственным предшественником Пушкина. Ему «баллада» «Могила Овидия» была хорошо известна и, между прочим, отразилась в «Евгении Онегине»: именно к ней, по наблюдению М.Г.Альтшуллера,⁶⁴⁵ восходит примечание о месте ссылки Овидия, имевшееся в отдельном издании первой главы (1824)⁶⁴⁶.

В романе есть также аллюзии на поэму «Таврида», самое известное сочинение Боброва, которое Пушкин читал в период работы над «Бахчисарайским фонтаном»⁶⁴⁷. Еще П.О. Морозов⁶⁴⁸ обратил внимание на следующие строки Боброва:

⁶⁴⁴ Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсонида: В 2 т. / Изд. подготовил В.Л. Коровин. М.: Наука, 2008. – Т.1. – С.258. – (Лит. памятники). Здесь же см. наши комментарии к цитируемым далее стихотворениями Боброва (кроме «Древней ночи вселенной»).

⁶⁴⁵ Альтшуллер М.Г. С.С. Бобров и русская поэзия конца XVIII – начала XIX в. // XVIII век. – Сб.6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. – Л.: Наука, 1964. – С.244.

⁶⁴⁶ Бобров располагает могилу Овидия в устье Дуная и дает примечание: «Весьма достоверно, что Овидий погребен в сей стороне; ибо *Темесвар* есть тот самый древний *Томитанский* город, о коем он так часто упоминает в элегиях своих» (Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсонида. – Т.2. – С.252). Пушкинское примечание (к строке «В Молдавии, в глуши степей...») весьма близко к этому тексту: «Мнение, будто бы Овидий был сослан в нынешний Акерман, ни на чем не основано. В своих элегиях *Ex Ponto* он ясно назначает местом своего пребывания город *Томы* при самом устье Дуная» (VI, 663). Как и Боброву, Пушкину дорога не историческая точность, а мысль о том, что он сослан в те же края, где страдал Овидий. Вполне вероятно, что к «балладе» Боброва восходят упоминания «тени Назона» и «Овидиева праха» в пушкинских стихотворениях «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821), «Баратынскому. Из Бессарабии» (1822) и «К Языкову» (1824).

⁶⁴⁷ «Таврида» дважды упоминается в письмах Пушкина к брату Льву от 27 июля 1821 и 24 января 1822 г. (XIII, 30, 35). Она входила в круг литературных источников «Бахчисарайского фонтана» (см.: Винокур Г.О. «Бахчисарайский фонтан» // Винокур Г.О. Полн. собр. трудов: Статьи о Пушкине. – М., 1999. – С.50; Томашевский Б.В. Пушкин. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – Т.2. – С.121–122); с ней связаны стихотворение «Чаадаеву» («К чему холодные сомненья?...») (1824) и незавершенная

О миловидная Зарена! –
 Все звезды в севере блестящи,
 Все дщери севера прекрасны;
 Но ты одна средь их луна,
 Твои небесны очи влажны
 Блестят – как утренние звезды...⁶⁴⁹

Ср. в «Евгении Онегине» (глава 7, строфа LI):

У ночи много звезд прелестных,
 Красавиц много на Москве,
 Но ярче всех подруг небесных
 Луна в воздушной синеве.
 Но та, которую не смею
 Трвожить лирою моею,
 Как величавая луна,
 Средь жен и дев блестит одна.

(VI, 161)

К этим стихам указывались и другие параллели (в оде В.П. Петрова,⁶⁵⁰ повести Н.М. Карамзина,⁶⁵¹ элегии М.Л.Яковлева⁶⁵²). Указывалась и параллель в «Науке любви» Овидия: «Quot coelum stellas, tot habet tua Roma puellas» (I, 59; перевод: «Сколько на небе звезд, столько в твоём Риме молоденьких девушек»).⁶⁵³ Однако она относится лишь к первым двум строкам, но не в целом к сравнению «звезды – красавицы, луна – возлюбленная». Это сравнение восходит именно к бобровской «Тавриде» (там оно

пушкинская «Таврида» (1822) (см.: *Фомичев С.А.* Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. – Л.: Наука, 1986. – С.82–84); поздний отголосок находится в заключительных строфах «Осени» (1833) (см.: *Ивинский Д.П.* Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С.142).

⁶⁴⁸ *Морозов П.О.* [Примечания] // Пушкин А.С. Сочинения: [В 5 т.]. – СПб., 1912. – Т.3. – С.289. Ср.: *Бродский Н.Л.* «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителя. – Изд. 5-е. – М., 1964. – С.280–281.

⁶⁴⁹ *Бобров С.С.* Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсонисе. Лирико-Эпическое песнотворение сочиненное Капитаном Семеном Бобровым. – Николаев: Черноморская Адмиралтейская типография, 1798. – С.71.

⁶⁵⁰ *Алексеев М.П.* Пушкин и наука его времени // Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. – Л.: Наука, 1984. – С.63.

⁶⁵¹ *Бутакова В.И.* Карамзин и Пушкин: (Несколько сопоставлений) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Вып.37. – Л.: Изд-во ИН СССР, 1928. – С.129–130.

⁶⁵² *Набоков В.В.* Указ. соч. – С.516.

⁶⁵³ *Шапир М.И.* Пушкин и Овидий: Дополнение к комментарию («Евгений Онегин» 7, LI, 1-2) // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т.56. – №3. – С.37–39.

находится на одном развороте со стихом, который однажды «ввел в искушение» Пушкина⁶⁵⁴), а Бобров в свою очередь заимствовал его у Сапфо⁶⁵⁵. Его «Таврида» оказалась, по крайней мере, посредником между стихами Овидия и Пушкина. Эта ее роль неувидительна, поскольку Бобров ввел в свою поэму множество цитат из Овидия и неоднократно в примечаниях ссылался на «Скорбные элегии» и «Письма с Понта», на что Пушкин едва ли мог не обратить внимания.

Смысл же обращения Пушкина к стихам архаичного для него автора можно прояснить, указав на одну еще незамеченную реминисценцию из «Тавриды» в «Евгении Онегине» (глава 3, строфа XXII):

Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых, как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума;
Дивился я их спеси модной,
Их добродетели природной,
И, признаюсь, от них бежал,
И, мнится, с ужасом читал
Над их бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда.

(VI, 61)

Цитату из «Ада» Данте (песнь III, стих 9), являвшуюся расхожим выражением⁶⁵⁶, Пушкин прокомментировал сам: «Lasciate ogni speranza voi ch'entrate. Скромный автор наш перевел только первую половину славного стиха» (VI, 193). Этим примечанием

⁶⁵⁴ В письме к П.А.Вяземскому от 1-8 декабря 1823 г. Пушкин отвечал на его замечание об одном выражении в «Бахчисарайском фонтане» («Под стражей хладного скопца / Стареют жены...»): «Меня ввел в искушение Бобров: он говорит в своей «Тавриде: *Под стражею скопцов гарема*. Мне хотелось что-нибудь у него украсть, а к тому же я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность» (XIII, с. 80). Ср. у Боброва: «Иль заключенные сидят, / Как бы Данаи в медных башнях, / Под стражею скопцов в Гаремах» (Бобров С.С. Таврида. – С.70). Этот эпизод обсуждался неоднократно, но еще не было замечено, что Бобров перефразирует стихи из «Науки любви» Овидия (III, 415–416), ср. в пер. М.Л. Гаспарова: «Скрой Данаю от глаз, чтобы дряхлою стала старухой / В башне своей, и скажи, где вся ее красота?» (Овидий. Собр. сочинений: В 2 т. – СПб., 1994. – Т.1. – С.193)

⁶⁵⁵ Ср.: «Звезды близ прекрасной луны тотчас же / Весь теряют свой блеск, едва лишь / Над землей она, серебром сияя, / Полная, встанет» (Эллинские поэты VII–III века до н.э.: Эпос, элегия, ямбы, мелика / Изд. подготовили М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. – М.: Ладомир, 1999. – С.336; перевод В.В. Вересаева). Боброву принадлежат четыре перевода из Сапфо, в том числе и перевод этого отрывка (см.: Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсонида. – Т.2. –319–320).

⁶⁵⁶ См.: Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М.: Наука, 1999. – С.442–444.

подчеркивалась двусмысленность, почти неуместность в таком контексте стиха Данте. Оставив без перевода вторую его половину, Пушкин обходит непристойность, но не дает остаться ей незамеченной. Он демонстрирует изящество и чувство меры, свойственные карамзинистской культуре и, что молчаливо подразумевается, несвойственные ее оппонентам. К их числу принадлежал и Бобров, высмеянный в ходе споров о языке 1800–1810-х гг. под именем «Бибруса» как ученый педант, пьяница и «сумбуротворец», не имеющий «вкуса»⁶⁵⁷. Пушкин находил у него образцы «библейской похабности», т.е. «безвкусицы» с карамзинистской точки зрения.

Бобров действительно давал поводы для таких обвинений. Например, А.А. Крылов, опубликовавший разбор его поэмы в «Благонамеренном» за 1822 г., отметил «неблагородство некоторых мыслей и выражений, простирающееся иногда до отвратительного цинизма».⁶⁵⁸ Имелось в виду сравнение счастья с блудницей:

Как молния летит оно
И слепо на главу падет;
<...>
И на кого же? – на раба,
Кому, – как страстная блудница,
Слепою жертвюя любовью,
Дает свою бесстыдну руку,
Роскошно разверзает лоно.⁶⁵⁹

«Известно, – пояснял А.А.Крылов, – древнее сравнение Фортуны с женщиною знатного рода, которая иногда и рабов удостоивает свой благосклонности; Бобров повторил ту же мысль, но словами, почти неблагопристойными».⁶⁶⁰ Иначе говоря, Бобров обнаружил отсутствие «вкуса» и чувства меры – даже на взгляд благожелательного к нему критика.

«Вкус» и чувство меры должны были руководить автором, в частности, в решении вопроса об уместности той или иной цитаты в определенном контексте. Бобров и здесь

⁶⁵⁷ О репутации Боброва в кругу карамзинистов и отношении к нему Пушкина см. в нашей монографии (2004), а также, например: *Зайонц Л.О.* «Пьянствующие архаисты» // Новое литературное обозрение. – 1996. – №21. – С.220–235.

⁶⁵⁸ *Кр<ылов А.А.>* Разбор «Херсониды», поэмы Боброва // Благонамеренный. – 1822. – Ч.17. – №12. – С.463.

⁶⁵⁹ А.А. Крылов разбирал «Херсониду» – 2-ю редакцию «Тавриды». В 1-й редакции есть небольшое разночтение: «Дает свою роскошну руку / И разверзает нежно лоно» (Бобров С.С. Таврида. –С. 260).

⁶⁶⁰ *Кр<ылов А.А.>* Разбор «Херсониды», поэмы Боброва // Благонамеренный. – 1822. – Ч.17. – №12. – С.464.

явил пример того, как не следует поступать. В «Тавриде» стихам о скопцах, «украденным» для «Бахчисарайского фонтана», непосредственно предшествуют следующие стихи:

Их Гурии прелестны, – правда;
 Но розы уст, багрец ланит
 И алебастровые груди
 Под кисею погребают,
 И возраст часто сокрывают
 В своей ревнующей Симаре;
 Хотя бы семьдесят лет было,
 Но их морщины б утаили
 Под Анатольской Аладжей
 Стеняшу надпись: – *Помни смерть!*
 А вместо бы того вещали: –
Не ошибись, молодой Мурза!
 Иль заключенные сидят,
 Как бы Данаи... <и т.д.>⁶⁶¹

Переключка со стихами «Евгения Онегина» очевидна: предельно серьезная «надпись», рисуемая «морщинами» (ср. «над их бровями»), возникает в игривом, в общем, контексте. Однако если Бобров, вводя «стеняшу надпись», отчасти – намеренно или нет – дискредитирует ее серьезность, то Пушкин сохраняет равновесие на самой грани между лиризмом и непристойностью и не роняет достоинство «славного стиха» Данте, пусть даже не имеющего отношения к теме строфы романа⁶⁶² и «прозвучавшего», по выражению исследователя, «в пародийном ключе».⁶⁶³ «Архаист» Бобров, лишенный чувства меры, оказывается побежден в своеобразном поэтическом состязании. Для нас особенно существенно, что в указанных стихах «Тавриды» он явно пытался обыграть стихи Овидия, угрожающего несговорчивым красавицам старостью – морщинами и сединой (*Ars amandi*, III, 69-80), а далее, переходя к «Данаям», фактически его процитировал. Весь этот отрывок – от «гурий» до «звезд севера» и «луны» (около 60

⁶⁶¹ Бобров С.С. Таврида. – С.69–70.

⁶⁶² Тематика пушкинской строфы связана с Овидиевой «Наукой любви»: чуть ниже, в строфе XXV третьей главы романа, находится прямая аллюзия на нее (*Ars amandi*, III, 473–497) (см.: Вулих Н.В. Овидий // Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». – СПб.: Наука, 2004. – С.227–230).

⁶⁶³ Асоян А.А. «Почтите высочайшего поэта...». Судьба «Божественной комедии» Данте в России. – М.: Книга, 1990. – С.60.

стихов) – написан по мотивам «Науки любви», хотя не без некоторой полемики. Может быть, этим он и заинтересовал Пушкина, который трижды (!), причем в разное время, его использовал: в «Бахчисарайском фонтане» (весна 1821–1823), в третьей главе «Евгения Онегина» (февраль–октябрь 1824) и в седьмой главе (август 1827 – ноябрь 1828). И всякий раз – в эротическом контексте, что объясняется прямой связью стихов Боброва с «Наукой любви». Пушкину эти стихи, вероятно, казались неуклюжими и смешными (особенно на фоне Овидия), но достаточно выразительными, чтобы их «украсть», используя в принципиально иной, «гармоничной» поэтической системе. Он словно бы исправляет, «гармонизирует» моралиста Боброва, по варварски обошедшегося с певцом «науки страсти нежной».⁶⁶⁴

Нечто аналогичное, на наш взгляд, имело место и в начальных строфах восьмой главы «Евгения Онегина». Они построены по образцу автобиографического стихотворного вступления к поэме Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец» (1807–1809). Рассматривал ее как свое итоговое произведение, Бобров в самом начале поэмы поместил поэтическое обозрение своего творческого пути. Приводим этот текст полностью:

<1>

Прешли часы очарований,
 Когда восстав моя душа
 С крылами бурными желаний
 И чуждым воздухом дыша,
 Подобно страннице, парила
 Вокруг холмов волшебных тех,
 Где воцарялся сонм утех,
 Где их Эфирный зрак ловила
 И, столько времени гонясь,
 Мечту едину находила,
 Где пастыря свирель твердила,
 Под благовонными тенями
 То мирные любви часы,
 То под унылыми кустами
 Вздыхала о судьбе красы; –

⁶⁶⁴ Подробнее об этом см. в нашей статье: *Коровин В.Л.* «Над их бровями надпись ада...»: (О шуточной цитации Данте в «Евгении Онегине» и ее незамеченном образце в «Тавриде» С.С. Боброва) // Литературоведческий журнал. – 2015. – №37. – С.82–88.

<2>

Или, – как ратница во шлеме,
Среди полей кровавых мчалась,
Где бурна с смертью рыщет брань,
Где черноперый сидя вран
На раздробленном громом пне
Ужасны вести возглашает,
Где гладом серый зверь призван,
Огнисты взоры меща, воег
И в прахе гробы трупов роет; –

<3>

Или, – как узница в дремоте,
Смеясь оковам тяжким плоти,
Взлетала гордо до небес,
Теснилась в сизых облаках,
И, солнечных ища колес,
Томилаь, – и, спустясь, почила
На высоте *Киммерских* гор,
Смеющихся времен седминам,
Иль за туманны их отроги
Цепляясь, с содроганьем зрела
Перунов рдяну колыбель,
Иль с тайным трепетом висела
На некоем челе утеса,
Смотрящем грозно в черну бездну; –

<4>

Или подобно одноборцу,
Втеснясь в ристалище блестяще,
Искала плесков и венцов;
Но сретив сети ухищренья,
Своекорыстья, крамолы,
Боролась с жребием упорным,
Теряла силы вне себя
И претерпела горьки раны; –

Потом – врагам своим простила
 И век себя в себе сокрыла. –
 Прешли, прешли сии часы
 Очарования души...

<5>

Уже зовут ее иные,
 Важнейши поприща к полету...⁶⁶⁵

Эти стихи написаны в присущей Боброву барочной манере – «темно» и загадочно, т.е. требуют комментариев. Он говорит не просто о житейских обстоятельствах, а именно о своем творческом пути: «душа» здесь вполне соответствует пушкинской «музе». В 1-й строфе речь идет об увлечении Боброва английской описательной поэзией (среди любимых им сочинений были «Удовольствия воображения» М. Эйкенсайда и «Времена года» Дж. Томсона) и о его собственных опытах в идиллическом роде; во 2-й – о его многочисленных одах на сражения в русско-турецкой и русско-шведской войнах 1787–1791 гг.; в 3-й – о написанной в южной ссылке поэме «Таврида» (в ней среди современников наибольшей известностью пользовались гимн Творцу, воспетый на вершине Чатырдага, и описание «грозы над Таврическими горами»); в 4-й – о выходе в 1804 г. четырехтомного собрания сочинений Боброва «Рассвет полночи», который вызвал ряд восторженных откликов, но в целом, кажется, не был принят публикой (возможно, здесь он также вспоминает о своей попытке в 1805 г. выступить с особым мнением в начинавшихся «спорах о языке»⁶⁶⁶). И вот, «исчислив» свои прежние сочинения, Бобров в 5-й строфе начинает «важнейшее поприще» – приступает к созданию религиозно-философской эпопеи. Все это вступление, как и пушкинское в восьмой главе «Онегина», можно назвать «библиографическим».

Как и Пушкин, Бобров говорит о смене периодов творчества, реакции читательской аудитории, указывает на главные свои произведения и намекает на некоторые жизненные обстоятельства. Начало 3-й строфы («Или, – как узница в дремоте...») является прикровенным напоминанием о южной ссылке Боброва, когда он беседовал с «тенью Назона» и сочинял «Тавриду», «взлетая гордо до небес», хотя на поверхности – аллегория

⁶⁶⁵ Бобров С.С. Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец. Эпическое творение. – Ч.1. – Кн.1. – СПб., 1807. – С.17–18.

⁶⁶⁶ См. об этом: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или судьбина русского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Ученые записки Тартуского университета. – Вып.358. – Тарту, 1975. – С.168–322.

духовного состояния поэта. Так же и Пушкин начинает IV строфу о своей южной ссылке («Но я отстал от их союза / И вдаль бежал...»). Как известно, в романтической поэтике «бегство и политическое изгнание <...> являются синонимами»⁶⁶⁷, и намек поэта читатели, в особенности знакомые с его биографией, понимали легко, хотя как будто бы речь шла об интимных, душевных обстоятельствах автора. Также и завершающие эту романтическую строфу стихи («Глубокий, вечный хор валов, / Хвалебный гимн отцу миров») соответствуют возвышенно-религиозному настрою 3-й, «изгнанической» строфы Боброва.

Этими частными совпадениями дело не ограничивается. Гораздо важнее сходство в построении, в развертывании поэтической автобиографии у Пушкина и Боброва, в ее внутренней логике. Каждая из рассматриваемых строф восьмой главы «Евгения Онегина» (за исключением сокращенной II строфы, где упомянут Державин) находит соответствие в приведенных выше начальных строфах «Древней ночи вселенной»:

– явление «музы» в «таинственных долинах», «пир молодых затей», «детские веселья», «сердца трепетные сны» (Пушкин, строфа I) – восставшая «душа», парящая вокруг «холмов волшебных», «сонм утех», «мечта», «мирные любви часы» и т.д. (Бобров, строфа 1);

– «страстей... произвол», «буйные споры», «безумные пиры» и т.д. (Пушкин, строфа III) – «ратница во шлеме», «среди полей кровавых», «бурна... брань», «ужасны вести» (Бобров, строфа 2);

– «вдаль бежал», «скалы Кавказа» и «брега Тавриды» и т.д. (Пушкин, строфа IV) – «как узница в дремоте», «Киммерские горы» (т.е. Таврические), «черна бездна» (т.е. Черное море) и т.д. (Бобров, строфа 3);

– позабытый «блеск» столицы, «смирненные шатры», одичание, забытая «речь богов», «вдруг изменилось все кругом» (Пушкин, строфа V) – «ристалище блестяще», потеря сил, «горьки раны», «ввек себя в себе сокрыла», «прешли... часы очарования души» (Бобров, строфа 4);

– «И ныне музу я впервые // На светский раут привожу...» (Пушкин, строфа VI) – «Уже зовут ее иные, // Важнейши поприща к полету...» (Бобров, строфа 5).

Как видно, здесь есть ряд текстуальных соответствий, но более существенно точное совпадение количества отведенных на автобиографию строф (пушкинскую строфу о Державине здесь можно не учитывать), каждая из которых посвящена определенному этапу человеческой жизни: детство (мечты, утхи) – юность (война, споры) – молодость

⁶⁶⁷ Лотман Ю.М. Указ. соч. – С.709.

(изгнание, творчество) – мужество (уединение, умудренность, изменение сознания)⁶⁶⁸ – высший момент и итог жизни и поэзии. В указанной Н.О. Лернером элегии Овидия эта кажущаяся такой естественной схема находит лишь частичное соответствие. В его поэтической автобиографии выделяются несколько иные этапы: детство (родители, учение), юность (друзья, честолюбие, стрелы Купидона), зрелость (несчастья в семье), старость (изгнание, утешения Музы) (см. *Tristium*, IV, 10). Бобров во вступлении к своей последней поэме, скорее всего, вдохновлялся примером Овидия, но, в отличие от него, написал не столько о своей жизни, сколько о творчестве.⁶⁶⁹ Пушкин же последовал примеру Боброва, воспроизведя ту же, что у него, последовательность в расположении частей и ту же внутреннюю логику в своем лирическом отступлении. Т.е. Бобров, как минимум, вновь оказался посредником между римским изгнанником и автором «Евгения Онегина».

Соответствие пушкинской поэтической автобиографии вступлению к поэме Боброва трудно признать непреднамеренным, хотя на скорое узнавание этот прием вряд ли был рассчитан. В библиотеке Пушкина «Древняя ночь вселенной» имелась наряду с другими сочинениями Боброва,⁶⁷⁰ а интересующий нас отрывок является началом поэмы (ему предшествует лишь прозаическое обращение «К другу души»), и если Пушкин хоть раз открыл имевшуюся у него книгу, то прочел именно его. Т.е. знакомство автора «Онегина» с этим текстом, при наличии других установленных фактов его заинтересованного отношения к стихам Боброва, представляется более чем вероятным (пожалуй, маловероятно обратное). Возможно, он прочел его именно в период работы над восьмой главой «Евгения Онегина» (декабрь 1829 – сентябрь 1830). По крайней мере «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», которые Л.В.Пумпянский связывал с поэзией Боброва (и его «Древней ночью вселенной!»),⁶⁷¹ написаны вскоре после завершения романа – в октябре 1830 г.

Как известно, у Пушкина заимствований и реминисценций («плагиатов Пушкина», по названию статьи М.О. Гершензона) из самых разных, порой весьма неожиданных

⁶⁶⁸ У Боброва эти этапы жизненного пути маркированы сравнениями: у него «душа» последовательно выступает как странница, как ратница, как узница, как одноборец.

⁶⁶⁹ Среди стихотворений Боброва есть шуточная автобиография, в которой сообщается о месте его рождения, учебе в Москве, прибытии в Петербург и т.п. – «Выкладка жизни бесталанного Ворбаба». Возможно, она также была навеяна элегией Овидия.

⁶⁷⁰ См.: *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина: (Библиографическое описание). – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. – С.12–13 (№36–39).

⁶⁷¹ См.: *Пумпянский Л.В.* Поэзия Тютчева // Пумпянский Л.В. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.251. В другой своей известной работе исследователь привел ряд параллелей из стихов Боброва к поэме «Медный всадник», написанной тремя годами позже (см.: *Пумпянский Л.В.* «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Там же. – С.162, 165).

авторов – множество. Но в нашем случае речь идет о заимствовании концепции собственной творческой и духовной эволюции, причем у поэта, Пушкину, в общем, чуждого. Поэтический смысл такой игры состоит в высвобождении и использовании жизнеспособного потенциала архаического литературного произведения (в этой связи достаточно напомнить пушкинское рассуждение о старинных романах и его прозаические сочинения). Однако в этом «похищении» из самой тяжелой поэмы тяжеловесного «Бибруса», которого он высмеивал в лицейские годы (вслед за К.Н. Батюшковым), есть, кажется, и иной подтекст, отчасти психологического характера.

Едва ли Пушкин в чем-то, кроме общего адреса оставшейся в прошлом ссылки, мог видеть свою общность с автором «Тавриды» и «Древней ночи вселенной». Но ведь и почва для аналогии своей судьбы с участью Овидия для Пушкина ограничивалась южной ссылкой. Знаменитый римский изгнанник и забытый публикой поэт-архаист оказались в его сознании связаны. Заканчивая работу над начатым на юге романом и подводя итоги своей литературной деятельности, Пушкин внимательно отнесся к стихотворным излияниям испытавших ссылку предшественников, тоже когда-то подводивших итоги. Автобиографическое вступление к непонятой современниками и осмеянной поэме Боброва, последнему и любимому детищу ученого «архаиста», послужило своего рода «зеркалом» (трагикомически искажающим отражение), в котором автор «Евгения Онегина», уже испытавший тогда охлаждение публики, увидел контуры своего прошлого и, возможно, хотел разглядеть будущее. В той же восьмой главе романа находится беглое замечание, напоминающее о бобровских «сетях ухищренья» на «ристалище блестящем». Это строфа XXXV, где описан круг чтения Онегина:

...И альманахи, и журналы,
 Где поученья нам твердят,
 Где нынче так меня бранят,
 А где такие мадригалы
 Себе встречал я иногда:
E sempre bene, господа.

(VI, 183)

Глава девятая

В.А. ЖУКОВСКИЙ – ПЕРЕВОДЧИК ПОЭМЫ Ж.-Ж. РУССО «ЕФРАИМСКИЙ ЛЕВИТ»

Поэма «Ефраимский левит» («Le lévite d'Ephraïm»)⁶⁷², которую Руссо в «Исповеди» назвал «самым любимым» («le plus chéri») из своих сочинений⁶⁷³, в России никогда не пользовалась большой известностью. На русский язык эта, по определению автора, «маленькая поэма в прозе» («espèce de petit poème en prose») была переведена дважды в начале XIX в., но в печати в свое время появился лишь один перевод. Он принадлежал сентиментальному стихотворцу Петру Афанасьевичу Пельскому (1763 или 1765–1803), приятелю Н.М. Карамзина, был издан анонимно отдельной брошюрой в 1802 г.⁶⁷⁴ и, насколько известно, не вызвал никаких откликов. Второй перевод мог стать более заметным событием. Он был сделан В.А. Жуковским в 1806 г. и предназначался для задуманного им сборника «Избранных сочинений Жан-Жака Руссо»⁶⁷⁵. Издание это, однако, не состоялось. Фрагменты переведенной им поэмы (под заглавием «Левит Ефраимский») впервые были опубликованы в 1916 г. В.И. Резановым⁶⁷⁶, полный текст –

⁶⁷² Поэма была написана в 1762 г., а опубликована уже после смерти Руссо в кн.: Oeuvres posthumes de Jean-Jaques Rousseau, ou Recueil de piéces manuscrites, pour servir de supplément aux éditions publiées pendant sa vie. Genève, 1781. – Т.1. – Р.111–154. О современном состоянии изучения поэмы можно составить представление по ее новейшему комментированному изданию: Le lévite d'Ephraïm / Éd. Frédéric S. Eigeldinger. – Paris, 1999. – 156 p. – (Age des lumières. Т.9). Далее оригинальный текст поэмы цитируется по изданию, которым пользовался В.А. Жуковский: Collection complète des oeuvres de Jean-Jaques Rousseau. – Geneva, 1782. – V.7. – Р.163–186 (ссылки на страницы в статье).

⁶⁷³ См.: Руссо Ж.-Ж. Исповедь / Пер. М.Н.Розанова и Д.Б.Горбова // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. – М., 1961. – Т.3. – С.509. Здесь, как и в большинстве русскоязычных сочинений XX в., где упоминается эта поэма Руссо, название ее переводится как «Левит с горы Ефремовой». Мы пользуемся тем переводом названия, которое считали правильным интересующие нас переводчики: оба использовали слово «Ефраимский».

⁶⁷⁴ Ефраимской Левит, поэма Ж.Ж.Руссо. Перевод с французского. – М.: В Сенатской типографии, у Селивановского, 1802. – 82 с. (далее ссылки на это издание в тексте). Имя переводчика раскрыто в «Биографии» Пельского, опубликованной без подписи в «Московском вестнике» (1809. – Ч.1. – №21–22. – С.335–338; здесь – №21. С.336). См. о нем: Гордон Л.С. Забытый поэт и переводчик Петр Афанасьевич Пельский (1765–1803) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1963. – №2. – С.117–127; Кочеткова Н.Д. Пельский Петр Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.2. – СПб.: Наука, 1999. – С.416–417.

⁶⁷⁵ Об этом замысле Жуковского и его переводах из Руссо см. работы И.А. Айзиковой: В.А. Жуковский – переводчик Ж.-Ж. Руссо (Статья первая) // Проблемы метода и жанра. – Вып.12. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. – С.50–68; То же (Статья вторая) // Там же. – Вып.13. – Томск, 1986. – С.25–38; В.А. Жуковский – переводчик «Избранных сочинений» Ж.-Ж. Руссо // Russian studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. – 2000. – Т.3. – №2. – С.186–198. О многочисленных пометах Жуковского в принадлежавшем ему полном собрании сочинений Руссо см.: Канунова Ф.З. Творчество Ж.-Ж. Руссо в восприятии Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске: [В 3 ч.] – Ч.2. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – С.229–336; Ч.3. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. – С.17–182. См. также: Канунова Ф.З. Восприятие Жуковским идей Ж.-Ж. Руссо // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. – М.: Наука, 1988. – С.289–304.

⁶⁷⁶ См.: Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. – [Вып.2]. – Пг., 1916. – С.570–577.

только в 2001 г.⁶⁷⁷ Других переводов «Еффраимского левита» на русский язык не было, как и значимых упоминаний его у русских писателей.

На фоне постоянного интереса к Руссо в XVIII в. и на протяжении всего XIX в.⁶⁷⁸ такое, по сути, равнодушие русской публики к «самому любимому» его сочинению кажется странным, но оно вполне объяснимо: «Еффраимский левит» не воспринимался как вполне оригинальное произведение. Действительно, на первый взгляд, это не более чем литературное упражнение на библейскую тему, парафраза заключительных глав «Книги Судей» (гл.19–21). Руссо в целом адекватно и без упущений (но с некоторыми добавлениями) пересказывает историю о левите с горы Ефремовой, разрезавшем на двенадцать частей тело своей умершей наложницы, над которой надругались жители Гивы Вениаминовой: он разослал их «во все пределы Израилевы», вслед за чем последовала война с коленом Вениаминовым, едва не закончившаяся полным его истреблением. Это один из самых тяжелых ветхозаветных рассказов, напоминающий историю Содомы и Гоморры. Руссо подчеркивал, что избранный им сюжет – «страшный и, в сущности, отвратительный» («l'horreur du sujet, qui dans le fond est abominable»), но обработал его «в духе Геснера» («à la manière de Gessner») – в «пасторальном наивном стиле» («ce style champêtre et naïf»), и не без оснований гордился «заслужкой преодоления трудности» («le mérite de la difficulté vaincue»): «Я уверен, что за всю свою жизнь не написал ничего, что было бы проникнуто более умильной нежностью нравов, отличалось бы более свежим колоритом, более наивным рисунком, большей верностью эпохе, более античной простотой во всем...»⁶⁷⁹

«Еффраимский левит» был написан в исключительных обстоятельствах, о которых рассказано в XI книге «Исповеди», – в дороге, во время бегства из Франции после осуждения «Эмиля» Парижским парламентом в июне 1762 г. Не исключено, что Руссо

⁶⁷⁷ <Руссо Ж.-Ж.> Левит Еффраимский / <Пер. В.А.Жуковского> // Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С.260–274 (Приложение). Переизд. в кн.: Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – Т.8. Проза 1797–1806 гг. – М., 2011. – С.396–405. Далее перевод Жуковского цитируется по последнему изданию (ссылки на страницы в тексте). К сожалению, в обеих этих публикациях отсутствуют варианты перевода (имеющиеся, например, в отрывках, опубликованных В.И. Резановым) и встречаются ошибочные прочтения (см. ниже, прим.20).

⁶⁷⁸ Подборку материалов на этот счет см. в кн.: Ж.-Ж. Руссо: Pro et contra. Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). Антология / Сост. А.А.Златопольская. – СПб.: Изд-во РХГА, 2005. См. также: Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М.: Наука, 1969. – С.555–604. К 1826 г. только переводов из Руссо, опубликованных в России, насчитывалось не менее 106 (см.: Златопольская А.А. Жан-Жак Руссо в России XVIII – первой четверти XIX вв.: (Библиографический список произведений Жан-Жака Руссо и литературы о нем на русском языке) // Петербург на философской карте мира. – Вып.2. – СПб., 2003. – С.209–239).

⁶⁷⁹ Руссо Ж.-Ж. Исповедь. – С.509.

усматривал аналогию между заговором, который, как он считал, против него составил, с покушением на левита развращенных жителей Гивы, но важнее для него было сознание, что в результате как писатель он возвысился над сиюминутными личными переживаниями: «Соберите всех великих философов, обнаруживающих в своих книгах такую стойкость против бедствий, которых они никогда не испытывали; поставьте их в положение, сходное с моим, и предложите им в первую минуту негодования за поруганную честь написать подобное сочинение: вы увидите, как они справятся с этим»⁶⁸⁰.

«Ефраимский левит» стал чем-то вроде художественного аргумента в защиту «системы» Руссо, к этому времени уже сложившейся и изложенной в только что опубликованных сочинениях («Юлия, или Новая Элоиза», 1761; «Об общественном договоре, или Принципы политического права», 1762; «Эмиль, или О воспитании», 1762), своего рода иллюстрацией к ней – тем более убедительной, что поэма основывалась не на вымысле, а на историческом, к тому же библейском сюжете. Обвиненный в безбожии, Руссо апеллировал к авторитету Священного Писания.

Эпоха Судей, когда «не было царя у Израиля» и «каждый делал то, что ему казалось справедливым» (Суд 21: 25; ср. у Руссо: «Dans les jours de liberté ou nul ne régnoit sur le peuple du Seigneur <...> ou chacun <...> faisoit tout ce qui lui sembloit bon» – p.165), очевидно, по Руссо, была временем естественного состояния человека, до возникновения «общественного договора», и люди еще не были развращены науками и искусствами. Однако мрачная история, пересказанная в поэме, случилась именно в те времена, что, казалось бы, свидетельствовало против руссоистской концепции «естественного человека» и оправдывало современную цивилизацию. Это не преминул заметить Н.М. Карамзин, полемизировавший с известным трактатом Руссо в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (1794): «Самые отдаленнейшие времена, освещаемые факелом истории, – времена, в которые искусства и науки были еще, так сказать, в бессловесном младенчестве, – не представляют ли нам пороков и злодеяний? Сам ты, о Руссо! животворною своею кистию изобразил одно из сих страшных происшествий древности, которые возмущают всякое чувство и показывают, что сердце человеческое осквернилось тогда самым гнуснейшим развратом»⁶⁸¹.

Руссо, однако, «изобразил» не только «пороки и злодеяния», но и жестокое возмездие, мысль о справедливости и необходимости которого – одна из главных в поэме,

⁶⁸⁰ Там же.

⁶⁸¹ Карамзин Н.М. Сочинений: В 2 т. – Л.: Худ. лит., 1984. – С.50–51.

начинающейся с призвания «святого гнева добродетели» («Sainte colère de la vertu, viens animer ma voix...» – p.165). Выступление всего Израиля против покрывавших преступников вениамитян, решение о котором было принято на общем собрании, есть уже гражданское действие народа-суверена, согласное с идеями трактата «Об общественном договоре». По сути, в четырех песнях поэмы показан путь от первобытной невинности и свободы (I), через преступление (II) и войну (III), к созданию общественного договора (IV). Руссо как бы указывает на исторический прецедент идеального общественного устройства, засвидетельствованный Священным Писанием. В частности, скорый суд народного собрания по делу левита и однозначный приговор, вынесенный преступникам, Руссо считал образцовыми, противопоставляя их современному цивилизованному правосудию: «В наши дни подобное дело затянулось бы надолго, обрастая речами адвокатов, спорами, а может быть, и шутками, и в конце концов ужаснейшее преступление осталось бы безнаказанным»⁶⁸².

В «Ефраимском левите» есть несколько не находящих соответствия в «Книге Судей» эпизодов и домысленных деталей. Меньше всего их во II и III песнях, посвященных преступлению и наказанию (войне): здесь Руссо присочинил только смерть левита после выступления перед народом и погребение его вместе с возлюбленной. Гораздо существенней вставки в первой и заключительной песнях, имеющих, по сути, программный характер: если во второй песни преимущественно имитируется «библейский» стиль, в третьей – стиль героического эпоса, то в первой и четвертой преобладает пасторальный стиль, наиболее адекватный идеологии руссоизма или, по крайней мере, расхожим о ней представлениям. Эти наименее «библейские» песни несли наиболее актуальную для читателей эпохи сентиментализма информацию и должны были вызывать наибольший их интерес. Неудивительно, например, что в переводе Жуковского именно в этих песнях больше всего характерных отклонений от оригинала.

В начале I песни показана отнюдь не библейская картина отношений левита («молодого», как уточняет Руссо) и его возлюбленной (нигде, конечно, не названной наложницей). Здесь очевидно прямое влияние идиллий Саломона Геснера⁶⁸³. Это чистая любовная утопия, идейный пафос которой в апологии естественного и свободного

⁶⁸² Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3 т. – М.: ГИХЛ, 1961. – Т.1. – С.223.

⁶⁸³ Идиллии Геснера Руссо читал во французском переводе Михаэля Юбера в 1762 г., непосредственно перед бегством из Монморанси и написанием «Ефраимского левита». Собственно, по словам Руссо, поэма и родилась из мысли «обработать в духе Геснера сюжет “Левита с горы Ефремовой”» (Руссо Ж.-Ж. Исповедь. – С.509.).

чувства, поставленного выше любого закона, а значит безгрешного. Именно к свободному сожительству, чуждому всякого принуждения, призывает левит девушку:

«...je ne puis t'épouser selon la loi du Seigneur. Mais mon cœur, est à toi; viens avec moi, vivons ensemble; nous serons unis et libres; tu seras mon bonheur, et je serai le tien» (p.165).

Ср. в переводе Пельского: «...я не могу сочетаться с тобою по закону Господнему; но сердце мое тебе отдалось; ступай со мною, мы соединимся и будем вольны; ты соделаешь мое щастие, а я твое» (с.6–7).

Принципиальный характер предложения левита не укрылся от русских переводчиков, что видно из сравнения текста Пельского с переводом Жуковского:

«...я не могу быть супругом твоим по закону Божию. Но мое сердце принадлежит тебе; приди в дом мой; живи со мною; будем свободны в своем союзе и счастливы друг с другом» (с.397).

Из двух фраз левита («viens avec moi, vivons ensemble») Пельский опустил вторую, выдвинув, таким образом, идею взаимной независимости любящих (просто «ступай со мной»), а Жуковский, наоборот, заменил первую: вместо нейтрального «иди со мной» («viens avec moi») у него более обязывающее «приди в дом мой». Ему дорога мысль о супружестве, освящаемом не законом, а взаимной любовью. Идея свободных отношений гораздо меньше его занимает, поэтому и выражение «будем соединены и свободны» («nous serons unis et libres»), у Жуковского передано как «будем свободны в своем союзе» («союз» здесь, конечно, первичен). Переводчики по-разному расставили акценты, но оба сочли нужным скорректировать Руссо в соответствии со своими вкусами (несомненно, что, по крайней мере, Жуковский сделал это сознательно).

Во второй половине I песни любовная идиллия сменяется патриархальной. В Книге Судей говорится лишь об отце наложницы левита, а в поэме у нее появляются также мать и сестры. Руссо это понадобилось для полноты картины: он изображал счастливую семью простых поселян, живущих в согласии с природой и хранящих обычаи гостеприимства (с этой пасторалью разительно контрастирует развращенность и непомерная злоба горожан – жителей Гивы, в которой левит и его несчастная подруга окажутся во II песни). Это апология семейной жизни, столь же нетребовательной и свободной, как отношения молодых любовников, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с первобытной,

внушенной самой природой моралью. Левит убеждает отца девушки отпустить ее с ним двумя простейшими и «естественными» аргументами:

«...rendez-moi ma compagne; rendez-la moi pour l'amour d'elle; pourquoi vivroit-elle seule et délaissée? Quel autre que moi peut honorer comme sa femme celle que j'ai reçu vierge? (p.167).

Пельский перевел это дословно:

«...отдай мне мою подругу; отдай мне ее из любви к ней; на что ей жить одной? Кто более меня почитать может женой ту, кою получил он девой?» (с.14–15).

Жуковский же вновь заострил бесхитростные выражения левита – в этот раз насчет горечи разлуки и единственности любовных уз:

«Возврати мне мою подругу, из любви к ней возврати ее! Как жить ей одной **и оставленной? Мне она отдала** цвет невинности! **Один я могу** называть ее именем супруги» (с.398).

Заканчивается поэма полностью вымышленным Руссо эпизодом с пасторальными персонажами. Юная Акса расстается с возлюбленным Эльмасином, чтобы исполнить волю своего народа: на общем собрании было решено дать невест остатку вениамитянам, и она добровольно идет замуж без любви, подавая пример высокой самоотверженности другим девам. Это иллюстрация одного из положений трактата «Об общественном договоре», что при справедливом общественном устройстве каждый обязан подчиняться требованиям большинства, даже если они идут вразрез с его желаниями. Непокорные общенародным решениям подлежат наказанию, а в случае их потенциальной опасности – истреблению (что и произошло с вениамитянами, не пожелавшими выдать единокровных жителей Гивы, и с теми, кто не выступил вместе со всеми войной против них). Акса и Эльмасин без принуждения подчиняются общей воле, подавляя личные чувства ради общего блага. В итоге поэма получает логичное и полностью вписывающееся в «систему» Руссо завершение: начинавшаяся с апологии свободного чувства «человека», заканчивается она утверждением принципа добровольного самоограничения «гражданина» (подобное построение Руссо уже использовал в «Новой Элоизе», как известно, аналогичным образом распадающейся на две половины⁶⁸⁴). От начала к концу

⁶⁸⁴ См., напр., замечание Ю.М.Лотмана: «Юлия, идущая в первой половине романа навстречу любви, – права, потому что она человек. <...> Юлия, обуздывающая любовь долгом во второй половине

поэмы совершается переход от «естественного состояния» к «гражданскому», которое, по словам Руссо, «...производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливостью и придавая его действиям тот нравственный характер, которого они ранее были лишены»⁶⁸⁵. Поэма с «отвратительным сюжетом» заканчивается в оптимистическом ключе:

«Vierges d'Ephraim, par vous Benjamin va renaître. Béni soit le Dieu de nos pères: il est encore des vertus en Israel» (p.187).

Ср. перевод Жуковского: «Девы Эфраимские, вами оживится погибший род Вениамина, благословение Богу отцов наших; есть еще добродетельные в Израиле» (с.405).

«Ефраимский левит», при его небольшом объеме, «синтетически» представляет политические, исторические и моральные взгляды Руссо⁶⁸⁶. Переводчик, не являющийся сторонником буквализма (а именно таким, даже в прозе, был Жуковский, вопреки его известному афоризму: «Переводчик *в прозе* есть раб; переводчик *в стихах* – соперник»⁶⁸⁷), не мог не обнаружить свое отношение к разным аспектам «системы» Руссо, а через это – и собственное мировоззрение. Так оно и произошло с переводами Пельского и Жуковского, сравнение которых дает, на наш взгляд, интересные результаты.

Все крупные переводы Пельского вышли из печати в 1802–1803 гг. Это «Эрмитажный театр Великия Екатерины» (Ч.1–2. М., 1802), роман А.-М.-Э. Суза «Адель де Сенанж, или Письма лорда Сиденгама» (М., 1803) и, наконец, антиклерикальный роман А.-Ж. Дюлорана «Кум Матвей, или Превратности человеческого ума» (Ч.1–4. М., 1803), вызвавший в Москве крупный скандал, который, как говорили, и свел Пельского в могилу. Тогда же вышел и его перевод «Ефраимского левита». Такая необычайная плодовитость в короткие сроки, скорее всего, объясняется стремлением выпутаться из материальных затруднений. О бедственном положении Пельского Н.М. Карамзин сообщал И.И. Дмитриеву в письме от 12 февраля 1802 г.: «Жена его умерла родами. Он со всех сторон несчастлив и всякий день должен бояться своих заимодавцев»⁶⁸⁸. По убедительному предположению исследователя, часть этих переводов была сделана в

романа, также права, ибо она гражданин» (*Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство–СПБ, 2002. – С.443).

⁶⁸⁵ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М., 1969. – С.164.

⁶⁸⁶ См.: *Kavanakh Th.* Rousseau's «The Levit of Efraim»: synthesis within a «Minor» work // *The Cambridge Companion to Rousseau* / Ed. Patrick Riley. – Cambridge, 2001. – P.397–417.

⁶⁸⁷ Жуковский В.А. О басне и баснях Крылова // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. – Т.12. Эстетика и критика. – М., 2012. – С.208.

⁶⁸⁸ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1866. – С.123–124.

предшествовавшие годы⁶⁸⁹. Возможно, это относится и к переводу «Ефраимского левита», но вероятнее, что он был выполнен по заказу, причем довольно спешно. Такой вывод можно сделать, поскольку в переводе есть разноречивая в написании имен собственных (например, «Аха» передается то как *Акса*, то как *Аксия*; «Elmasin» же и вовсе превращается в *Елиасина*, а потом в *Еллиасина*), в одном месте перепутан порядок абзацев (см. с.27–28) и есть также два-три предложения, которые трудно не признать невразумительными⁶⁹⁰.

Главный и сразу бросающийся в глаза недостаток перевода – это способ передачи библейских имен и названий, даже многократно встречающихся в поэме. Пельский просто транслитерирует их французского, причем также непоследовательно, и путает иногда сами реалии: «город Жебус» и «Жебузандов» (вместо «город Иевуса» и «иевусеян»), «Жабес Галаадская» (вместо «Явес Галаадский»), «устаи Финея» (вместо «Финееса»), «от Менуи» (вместо «Менухи»), «Сило», «Силло» и даже «в Силе» (вместо «в Силоме»), «близ Гвидона» (вместо «Гидома»), «гора Хебальская» (вместо гора «Гебал»), «вениаминты» (вместо «вениамитяне»), «хананесца» (вместо «хананеянина»), «назархена» (вместо «назарейнина») и др. Совсем уж труднообъяснимо, почему Гиву Вениаминову (у Руссо, пользовавшегося Вульгатой или католической Библией де Саси, – «Gabaа») Пельский везде называет «Гебус», а иногда вдруг «Гебар» или «Гебур» (Жуковский использует церковно-славянский вариант – «Гаваон»). Все это свидетельствует не столько о спешке или небрежности, сколько о слабом знакомстве с Библией, если не о полном равнодушии к ней. Во всяком случае, Пельский проигнорировал церковнославянский текст, в отличие от Жуковского, который все библейские имена дал в славянской редакции и не допустил ни одной ошибки⁶⁹¹. Пельский пользовался репутацией человека легкомысленного и «вольтерьянца»⁶⁹². Наблюдения над библейской ономастикой в его переводе «Ефраимского левита», по меньшей мере, ей не противоречат.

⁶⁸⁹ См.: *Гордон Л.С.* Указ. соч. – С.122.

⁶⁹⁰ См., напр.: «Пол, поработанный всегда тиранству, коего несправедливый мужчина всегда угнетает и обожает и коего счастья не может составить, ниже сам быть таков, если его не сравняет с собою» (с.69). Ср. в переводе Жуковского: «Пол прелестный, всегда лишенный свободы или самовластный, всегда боготворимый либо утесненный, совершенное равенство есть залог твоего и нашего счастья» (с.404).

⁶⁹¹ В единственном полном издании его «Левита Ефраимского» есть две ошибки, но принадлежат они не Жуковскому, а публикатору, это просто неверное прочтение рукописи. Вместо «дочерям Сакнаидовым» (с.397) следует читать «дочерям Салпаадовым», а вместо «города Зевула» (с.398, 399) – «города Иевуса». Эти слова были верно прочитаны еще В.И. Резановым (см.: *Резанов В.И.* Указ. соч. – С.572, 574–575).

⁶⁹² «<...> он имел удивительно пылкий разум: доказательством тому все сочинения его. Он был предприимчив, смел, отважен; но, к сожалению, иногда легкомыслен, причину чего полагали излишнюю доверчивость его к себе. <...> Начитанность Вольтера и других последователей оного была отчасти для него гибелью. Наружно он почти во всем следовал правилам общим, но в душе был вольтерьянец» (Биография // *Московский вестник.* – 1809. – Ч.1. – №21. – С.336).

Указанные изъяны не должны, впрочем, заслонять существующих достоинств перевода Пельского. Во-первых, он очень точный (местами даже буквальный) и в этом отношении превосходит перевод Жуковского. Во-вторых, в нем, в общем-то, последовательно реализован определенный принцип. Перевод Пельского сознательно, как кажется, архаизирован с целью передать присущий оригиналу колорит «древности», и не только за счет славянизации лексики (*младой, дщерь* и т.п.) и других элементов высокого стиля (*святой* вместо *святой*, *три дни* вместо *три дня*, форма местоимения *кои* и др.), но и благодаря использованию древнерусских слов (*бирючи*, т.е. посланники; *сыты*, т.е. мед) и неологизмов (*препоручено снабдевать* и др.). Слог перевода цветист, экспрессивен и не чужд простонародной грубости: там, где у Жуковского «*несчастливая собирает последние силы, влечется к хижине старца...*» (с.400), у Пельского она «*...истоощает остатки сил своих, тащится к дому старца...*» (с.36) (ср. в оригинале: «*l'infortunée use le reste de sa force à se traîner jusqu'au logis du vieillard*» – р.174). На фоне выполненного в основном средним карамзинистским слогом перевода Жуковского (даже в батальных сценах) архаизированный перевод Пельского (нужно признать, все-таки не везде удачный) звучит разнообразно и торжественно, хоть и уступает первому в изяществе и простоте. Ср.:

Пельский: «Они приготовляются смиренно к бою и идут на оный не как беснующиеся, но как люди рассудительные, кои умеют побеждать без лютости и умирать без отчаяния» (с.54–55).

Жуковский: «...не спеша готовятся они к сражению, идут в порядке, без иступления, желая победы, не ужасаясь смерти» (с.402).

Пельский: «Престав стенать о зле, кое учинили они в гнев своем, чада Израиля искали способа пособить урону, причиненному отрасли Иакова» (с.63).

Жуковский: «Сыны Израиля, оплавав зло, причиненное их гневом, подумали о том, как бы опять восстановить потомство Иакова в совершенной целости» (с.403).

Жуковский воспринял в поэме Руссо прежде всего ее «пасторальный наивный стиль» и выдержал свой перевод, в соответствии с авторским указанием, «в духе Геснера». Как в большинстве русских идиллий и эклог XVIII в. и, в частности, в переводах Карамзина из Геснера, Жуковский допускает элементы высокого стиля, но принципиально избегает просторечий – вообще всего, что могло бы сообщить переводу русскую национальную окраску, в т.ч. идиоматических выражений. Так, фразу «*moissonné*

par la flamme et par le fer», переведенную Пельским как «истребленная огнем и мечем» (с.60), Жуковский переводит как «пожата мечом и пламенем» (с.403).

Исследователи уже отмечали имеющиеся в его переводе отступления от подлинника, но лишь направленные на умножение психологических подробностей⁶⁹³. Интересней другие отступления, а по сути, сознательные искажения, обнаруживающие несогласие переводчика с автором в принципиальных вопросах. Вот самый наглядный пример:

«Dans les jours de liberté ou nul ne régnoit sur le peuple du Seigneur, il fut un tems de licence ou chacun, sans reconnoître ni magistrat ni juge, étoit seul son propre maître et faisoit tout ce qui lui sembloit bon. Israel, alors épars dans les champs, avoit peu de grandes villes, et la simplicité de ses mœurs rendoit superflu l'empire des loix. Mais tous les cœurs n'étoient pas également purs, et les mechans trouvoient l'impunité du vice dans la sécurité de la vertu» (p.165).

Жуковский: «Во дни свободы, когда **не имел царя** народ израильский, было время **смятений** и безначалия, **не знали покорности. Противились** верховной власти, **внимали собственным страстям необузданным**. Израиль, обитавший рассеянно по полям **цветущим**, не имел городов пространных **и пышных**, простой обычаями и нравами, **не чувствовал нужды в законах**. Но **чистота невинности не всем была драгоценна**; под кровом добродетели **мирной и беспечной** порок находил убежище» (с.396).

Ср. в точном переводе Пельского: «Во дни вольности, когда никто не управлял народом Господним, было время безначалия, где никто не признавал ни судьи, ни высшей власти; делал все, что ему хорошим казалось; тогда рассеянный по полям Израиль имел мало великих городов, и простота нравов делала законы ненужными; но не все сердца равно были чисты, и злые обретали ненаказанность порока в безопасности добродетели» (с.5–6).

Жуковский в этом фрагменте не просто смещает акценты, а меняет его смысл на диаметрально противоположный. Руссо говорит о естественном свободном состоянии человека, о золотом веке, когда не было собственности и городов, а значит, не было необходимости ни в законах, ни в правительстве. Жуковский же руссоистский золотой век представляет как время смятений, беззакония и «войны всех против всех». Это не Руссо, а Гоббс, это обоснование необходимости для общества твердой центральной власти, спасительности самодержавия. Жуковский считает, что не сама по себе городская цивилизация развращает людей, а лишь ее избыточная роскошь, поэтому нейтральные

⁶⁹³ См.: *Канунова Ф.З., Айзикова И.А.* Указ соч. – С.50–53. Здесь идет речь об эпизоде с Аксой и Эльмасином.

«большие города» у него названы «пространными и пышными». Руссо говорит, что в естественном состоянии, при отсутствии всякой власти, никому не угрожало ее насилие, в том числе и уже развратившимся людям, потому-то они и оставались безнаказанными. А Жуковский говорит совсем о другом – о том, что добродетельные люди по природе своей беспечны и снисходительны: они не видят зла и невольно покрывают или прощают его. Дело здесь не в словах, не в стилистических нюансах, а в том, что он изначально не принимает мысль Руссо, подменяя ее собственной. Не случайно она присутствует и в отвергнутых вариантах перевода: «(Порок находил свою безопасность, не боялся наказания посреди добродетельных, спокойный) Под кровом добродетели (тихой, мирной и неподозрительной, кроткой и безмятежной) мирной и беспечной порок находил убежище»⁶⁹⁴. Она подчеркнута и в одной из первых фраз поэмы, где Жуковский искажил уже не только дух, но и букву оригинала:

«O vous, hommes débonnaires, ennemis de toute inhumanité; vous qui, de peur d'envisager les crimes de vos freres, aimez mieux les laisser impunis, quel tableau viens-je offrir à vos yeux?» (p.163).

Жуковский: «Какое зрелище представлю вам, друзья добродетели, враги бесчеловечных, вам, которые, **ужасаясь одного вида злодеев, братья**, оставляете их без наказания, какое зрелище?» (с.396).

Ср. в переводе Пельского: «O вы, благодетельные люди! неприятели всякого бесчеловечия! Вы, которые лучше оставляете без наказания преступление братьев своих, дабы оно не видеть; какую картину представлю я глазам вашим!» (с.2–3).

Менее заметны, но не менее принципиальны для Жуковского случаи, где он, копируя эпитеты, смягчает, а точнее затушевывает мысль Руссо. Например:

«Hélas! La mort, la mort barbare fut le prix **de leur injuste pitié**» (p.182)

Жуковский: «Увы! Смерть, ужасная смерть была наградой сих сострадательных» (с.403).

Ср. у Пельского: «Увы! смерть, жестокая смерть была возмездием **несправедливой их жалости**» (с.65).

«Несправедливую жалость», снисходительность к злодеям, Руссо считает если и не заслуживающей наказания, то неизбежно навлекающей его на тех, кто имел слабость ее

⁶⁹⁴ *Резанов В.И.* Указ. соч. – С.571–572.

проявить. Жуковскому эта мысль неприятна, как и вообще ему не импонирует суровая сторона учения Руссо.⁶⁹⁵ Поэтому он изымает эпитет «несправедливая», представляя дело так, что «сострадавательных» якобы постиг слепой и злой рок.

По известному выражению Н.В. Гоголя, Жуковский в своих переводах «сквозь личности всех поэтов» пронес «собственную личность».⁶⁹⁶ В переводе прозаической «библейской» поэмы Руссо он тоже был верен себе: акцентируя близкие себе идеи и купируя или подменяя своими мыслями то, что было для него неприемлемо, Жуковский обнаружил основы собственного мировоззрения. Сравнение его «Левита Ефраимского» с более точным (хоть и менее умелым и добросовестным) переводом Пельского, дает возможность уточнить отношение молодого Жуковского к разным аспектам учения Руссо,⁶⁹⁷ а также и его представление о мере допустимых вольностей в обращении с библейским сюжетом и текстом, даже если речь шла о переводе иностранного сочинения.

Жуковский переводил «Ефраимского Левита» со славянской Библией в руках (справляясь с написанием имен собственных в Книге Судей) и пытался исправлять Руссо, делая его «библейскую» поэму чуть более христианской и близкой себе по духу, но, видимо, в конечном счете, остался неудовлетворен результатом и после 1806 г. к оставшемуся неопубликованным тексту не возвращался.

Гораздо ближе ему оказалась «Мессия» Ф.-Г. Клопштока, первый свой перевод из которой он сделал в том же 1806 г. («Отрывок из “Мессиады”», переписанный рукой М.А. Протасовой с датой «1806 году апреля 1 дня»⁶⁹⁸). Стихотворная повесть «Аббадона» – перевод из II песни поэмы Клопштока – будет написана в 1814 г., опубликована в 1815 г.

⁶⁹⁵ В принципе это согласуется с отношением к Руссо Карамзина, о котором Г.А. Жуковский писал: «Он восторженно хвалит Руссо <...>; Руссо для него – святыня. Но он совсем не хочет видеть Руссо-бунтаря, демократа, учителя Робеспьера, Руссо – автора «Общественного договора», этого Руссо Карамзин сознательно игнорирует. <...> Для него Руссо – только лирик, тонкий психолог, автор патетических изображений любви, ценитель красот природы, безотносительно к тому, какое революционизирующее значение имел у Руссо культ человека и природы» (*Жуковский Г.А. Карамзин // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.5. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – С.75).*

⁶⁹⁶ *Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – Т.8. – М.; Л., 1952. – С.377.*

⁶⁹⁷ Пельский и Жуковский как переводчики Руссо соприкоснулись также в «Письмах к Саре». Перевод Пельского вышел в посмертном сборнике его сочинений: *Письма к Саре. Сочинение Жан Жака Руссо. Пер. // Пельский П.А. Мое кое-что, или Сборник мелких сочинений и переводов в стихах и прозе. – М., 1803. – С.125–160.* Перевод Жуковского, сделанный в то же время, что и его перевод «Ефраимского левита» (в 1806 г.), см. в кн.: *Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. – Т.8. Проза 1797–1806 гг. – М., 2011. – С.405–409.* Впервые полностью он был опубликован в статье И.А. Айзиковой в 2000 г. (см. выше).

⁶⁹⁸ *Жуковский В.А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. – Т.4: Стихотворные повести и сказки / Науч. ред. тома А.Б. Пеньковский. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С.396–397.*

и получит большой успех у читателей.⁶⁹⁹ Не «Левит Ефраимский» из Руссо, а «Аббадона» из Клопштока окажется первой напечатанной «библейской» поэмой Жуковского, от нее и пролегает путь к его поздним оригинальным произведениям на библейские темы: «Повесть об Иосифе Прекрасном» (1845, изд. 1873), «Египетская тьма» (1846, изд. 1847; переложение Прем 17) и незавершенной поэме «Странствующий жид» (1851–1852, изд. 1857), о которой своему духовнику прот. И.И. Базарову 10/22 апреля 1852 г., за два дня до смерти, он скажет: «Это “Странствующий жид” в христианском смысле. В ней заключены последние мысли моей жизни. Это моя лебединая песнь. Я бы хотел, чтобы она вышла в свет после меня».⁷⁰⁰

Путь от перевода и «исправления» поэмы Руссо, являющейся внехристианской идеологической конструкцией на библейском материале, к переводу Нового Завета (1844–1845),⁷⁰¹ созданию поэмы на основе христианской легенды и переложению Апокалипсиса (1851–1852) очень ярко характеризует эволюцию творческих принципов, отношения к Библии и религиозных убеждений Жуковского.⁷⁰²

⁶⁹⁹ См.: Там же. С.9–13 (текст), 394–414 (коммент. И.А. Айзиковой). См. также об устойчивом интересе Жуковского к Милтону: Янушкевич А.С. В.А. Жуковский – читатель и переводчик «Потерянного рая» Дж. Мильтона <1984> // Янушкевич А.С. В мире Жуковского. – М.: Наука, 2006. – С.484–496

⁷⁰⁰ Базаров И.И., прот. Последние дни Жуковского // В.А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. – М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. – С.453.

⁷⁰¹ См.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В.А. Жуковского; Под ред. Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина; подгот. текстов И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина; статьи Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина; коммент. свящ. Д. Долгушина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 570 с.

⁷⁰² Наше общее понимание творчества Жуковского в религиозном аспекте представлено в обзорной статье: Коровин В.Л. Жуковский Василий Андреевич // Православная энциклопедия. – Т.19 (Ефесьянам послание – Зверев). – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. – С.379–384.

Глава десятая

ПОЭМА С.А. ШИРИНСКОГО-ШИХМАТОВА

«ИИСУС В ВЕТХОМ И В НОВОМ ЗАВЕТАХ, ИЛИ НОЧИ У КРЕСТА»

«Иисус в Ветхом и в Новом заветах, или Ночи у Креста»⁷⁰³ – наименее известное сочинение князя Сергея Александровича Ширинского-Шихматова (1783–1837)¹. Даже в составленном его братом П.А. Ширинским-Шихматовым жизнеописании поэта об этой поэме почему-то нет ни слова.⁷⁰⁴ Из всех исследователей какое-то внимание ей уделил только Т.Л. Воронин, автор диссертации о его творчестве.⁷⁰⁵ Между тем это самое большое и итоговое произведение Шихматова, его последнее выступление в печати в качестве светского автора⁷⁰⁶. Поэма была издана в 1824 г., а в 1827 г. Шихматов, прослуживший более двадцати лет в Морском кадетском корпусе, вышел в отставку и поселился в Новгородском Юрьевом монастыре, где в 1830 г. принял монашеский постриг с именем Аникита. Под этим именем он прославился как подвижник, восстановивший русское присутствие на Афоне, и скончался во время эпидемии чумы в Афинах.⁷⁰⁷

Как известно, Шихматов был одним ведущих поэтов Беседы любителей русского слова (1811–1816) и любимцем А.С. Шишкова, который в особенности пропагандировал его поэзию как образцовую по языку и тематике (героико-патриотической и духовной)⁷⁰⁸. Все стихотворения Шихматова отличаются высоким славянизированным стилем и изобилуют цитатами из богослужебных текстов и Славянской Библии. Выше (3.2) уже было разбиралось одно его стихотворение – «Песнь Сотворившему вся» (1817). По замечанию архиеп. Филарета (Гумилевского), «поэтические произведения его все дышат

⁷⁰³ <Ширинский-Шихматов С.А.> Иисус в Ветхом и в Новом заветах, или Ночи у Креста. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Российской Академии. – СПб.: Тип. Росс. Акад., 1824. – [4], 269 с.

⁷⁰⁴ См.: <Ширинский-Шихматов П.А.> О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя Сергея Александровича Шихматова. Читано в Российской академии 29 октября 1838 года. – Изд. 2-е. – СПб., 1853.

⁷⁰⁵ См.: Воронин Т.Л. Творчество С.А. Ширинского-Шихматова: Дис. ... канд. филол. наук. МПГУ, 2002. – 187 с.

⁷⁰⁶ Следующие публикации Шихматова (переложения псалмов) относятся уже ко времени, когда он официально состоял в братии Новгородского Юрьева монастыря и готовился к пострижению (см.: Повременное издание Императорской Российской академии. – СПб., 1829. – Ч.1. – С.222–234).

⁷⁰⁷ Недавно был переиздан дневник, который Шихматов вел, путешествуя по святым местам Востока в 1834–1836 г. См.: Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. – М.: Индрик, 2009 (здесь же перепечатана биография, написанная П.А. Ширинским-Шихматовым, и некоторые другие материалы).

⁷⁰⁸ См.: Альтиуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. – М.: НЛЮ, 2007. – С.115–140 («Поэмы С.А. Ширинского-Шихматова»). Это первое и долгое время оставшееся единственным исследование о поэмах Шихматова (1-е изд.: Альтиуллер М.Г. Предтечи славянофильства в русской литературе: (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1984. 401 с.). Поэма «Иисус в Ветхом и в Новом заветах» здесь лишь один раз упомянута, причем без пояснения, что это сочинение в стихах (просто как «произведение»).

благочестием»,⁷⁰⁹ и Пушкин не случайно наградил его титулом «Шихматов богомольный» (в поэме «Домик в Коломне», 1830).

Таким образом, появление из-под пера Шихматова объемной поэмы исключительно религиозного содержания само по себе не выглядит неожиданным. Напротив, вторая часть ее заглавия – «Иисус в Ветхом и Новом заветах, или Ночи у Креста» – напоминает о его более ранних стихотворениях – «Ночь на гробах. Подражание Юнгу» (1812) и «Ночь на размышления» (1814)⁷¹⁰. Это небольшие религиозно-дидактические поэмы, написанные в подражание поэме Э. Юнга «Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» («The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality», 1742–1745)⁷¹¹. В «Ночи на гробах» Шихматов убеждает читателей в бессмертии души и грядущем всеобщем воскресении, в «Ночи на размышления» – учит беречь время земной жизни и употреблять его для душевной пользы. «Ночи у Креста», в которых на библейском материале излагается христианское вероучение, с одной стороны, как будто замыкают цикл дидактических поэм Шихматова, а с другой, существенно отличаются от них по форме и содержанию.

«Ночи у Креста» втрое больше двух ранних «Ночей» вместе взятых⁵ и написаны без рифм, в отличие от всех прежних стихотворений Шихматова, являвшегося виртуозом в этой области (Пушкин в лицейских стихотворениях называл его Рифматовым). Правда, как и прежние «Ночи», она написана шестистопным ямбом, и при этом строго выдерживается последовательность женских и мужских окончаний стихов (ЖЖмм):

Восстань, моя душа! от мысленной дремоты,
Восстань – и в тишине природы усыпленной,
Избывшая дневных стужающих сует,
Ты Бога твоего в час ночи помяни.

(С.1)

⁷⁰⁹ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. – Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. – СПб.: Издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1884. – С.445.

⁷¹⁰ См.: Ночь на гробах. Подражание Юнгу князя Сергея Шихматова, члена Российской Академии и Беседы любителей русского слова. – СПб.: Тип. Ф. Дрехслера, 1812. – 66 с.; Ночь на размышления. Стихотворение князя Сергея Ширинского-Шихматова, члена Императорской Российской Академии и Беседы любителей русского слова. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1814. – 49 с.

⁷¹¹ О Юнге и «юнгианстве» в русской поэзии см.: *Левин Ю.Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1990. – С.143–160, 221–226. См. также: *Заборов П.Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // XVIII век. – Сб.6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. – М.; Л.: Наука, 1964. – С.269–279. Шихматов этих работах не упоминает.

Отказ от рифмы – «отроческой игрушки», как выразился однажды В.К. Тредиаковский⁷¹², – можно объяснить особой важностью содержания поэмы, от которого читательское внимание не должно отвлекаться лишними поэтическими красотами.

Ранние «Ночи» Шихматова являются благочестивыми размышлениями на темы духовной жизни. «Ночи у Креста» посвящены исключительно разбору и толкованию Священного Писания. Это богословское сочинение, что-то вроде пособия по библейской экзегетике и догматическому богословию, только написанное в стихах. Шихматов излагает учение о Святой Троице, Боговоплощении и Искуплении, раскрывает прообразовательное значение ветхозаветной истории и в систематическом виде представляет пророчества о Мессии. Поэма разделена на пять «ночей», которые начинаются и заканчиваются обращениями автора к своей душе и молитвословиями.

Ночь первая, предваренная эпитафией «Провещаю гонания исперва» (Пс 77:2), является толкованием на Книгу Бытия. Здесь объясняется учение о Святой Троице, творении мира, природе человека и первородном грехе и излагается история св. Праотцев, рассказ о каждом из которых заключается типологическим толкованием, относящимся к вочеловечившемуся Сыну Божию: «Так Авель истинный...» (с.19), «Так Ное выпрепный...» (с.22), «Так преданный отцем небесный Исаак / На той же высоте Мории многохолмной...» (с.27), «Так послан к братии, к заблудшим человекам, / Иосиф мысленный, Спаситель истый мира...» (с.37) и др.

Ночь вторая посвящена четырем следующим книгам Пятикнижия, ее тема обозначена эпитафией: «Кончина закона Христос» (Рим 10:4). Ее содержание – Моисей и Закон, Скиния и ее устройство, Аарон и священство. Заканчивается она общим обзором жизни и деяний Моисея как прообразующих события Нового Завета.

Ночи третьей можно было бы дать заглавие «Пророки». Ее эпитафия: «О Иисусе вси пророци свидетельствуют» (Деян 10:43). Здесь излагаются и толкуются свидетельства пророческих книг о Мессии (поэт как бы слышит согласное пение пророков на Сионе). Они сгруппированы по трем разделам: сначала идут пророчества о Боговоплощении, затем о Страстях Христовых и Крестной Жертве и, наконец, о Воскресении. В начале каждого раздела помещены переложения соответствующих мест из Псалтири.

⁷¹² См. в предисловии к «Тилемахиде» (1766): «Согласие рифмическое отроческая есть игрушка, недостойная мужских слухов. Вымысл сей оледенелый есть готический, а не еллинское и латинское, благорастворенным жаром блистающее и согревающее окончательство» (Критика XVIII века / Авт.-сост. А.М. Ранчин, В.Л. Корвин. – М.: Изд-во «Олимп»; Изд-во АСТ, 2002. – С.213).

Заканчивается «Ночь третья» общим обзором свидетельств псалмопевца Давида о Сыне Божием.

Ночи четвертая и пятая – самые большие в поэме. Четвертая посвящена земной жизни Христа до Входа в Иерусалим, а пятая – Его Страстям и Воскресению (эпиграфы: «Велия благочестия тайна: Бог явися во плоти» [1 Тим 3:16] и «Мне да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа» [Гал 6:14]). В четвертой песни пересказана далеко не вся евангельская история, а лишь некоторые ее эпизоды: Рождество, Крещение, Искушение в пустыне, Избрание двенадцати апостолов, Чудо в Кане Галилейской, Укрощение бури на море, Исцеление бесноватого (изгнание бесов в стадо свиней), Чудо о хлебах, Преображение, Исцеление слепорожденного, Воскрешение Лазаря, Вход Господень в Иерусалим. Вслед за пересказом каждого эпизода раскрывается его вероучительный смысл, часто – с помощью аллегорического толкования. Такое толкование получает, например, претворение воды в вино на браке в Кане Галилейской, понятом как образ брачного союза Христа и Церкви:

Он, Церкви Своя прекраснейший Жених...

<...>

И брачный веры пир открыв свои избранным...

<...>

Сам с нею навсегда сопрягшись на земли,

Земное, скотское словесных естество,

В скудельных смертности держимое сосудах,

В Себе онебесил и обожил Собою;

И тако сотворил из мертвенной воды

Бессмертной жизнью кипящее вино,

Веселие людей, веселие и Бога.

(С.153–154)

Примечательно, что, кроме Иисуса Христа, в четвертой и пятой песнях поэмы *по имени* не назван больше ни один евангельский персонаж (даже Иоанн Креститель, апостолы и Лазарь, не говоря уже о Пилате, Каиафе и др.). В первых трех песнях были другие имена, поскольку там нужно было указать, какие именно ветхозаветные праведники стали прообразами Христа и какие пророки о Нем свидетельствовали. В последних песнях, где речь идет уже о Нем самом, другие имена не нужны. Мысль поэта

целиком обращена к Иисусу, Сыну Божию, как это и обозначено в заглавии поэмы: «Иисус в Ветхом и в Новом заветах, или Ночи у Креста».

С религиозными эпопеями вроде «Потерянного рая» Дж. Милтона⁷¹³ и «Мессии» Ф.-Г. Клопштока поэма Шихматова имеет мало общего: он не вводит отсутствующих в Писании персонажей, не выдумывает и не дополняет от себя разговоры и речи, не интересуется живописными подробностями обстановки, психологией лиц и т.д. В поэме вообще отсутствует вымысел, тогда как характерной особенностью поэм в духе Милтона и Клопштока считалось «смешение вымысла с истинною религиею»⁷¹⁴. Поэтому Шихматов и отказался от самого термина «поэма» (видимо, рассматривая его как раз как указывающий на наличие вымысла), а дал своему объемному сочинению подчеркнуто нейтральный жанровый подзаголовок: «Стихотворение»⁷¹⁵.

В отличие от Милтона и его последователей, чередовавших рассуждения с волнующими драматическими сценами, Шихматов не дает читателю отдохнуть от высоких размышлений. Его поэма написана несколько однообразным торжественным стилем и лишена сюжетной динамики. Он, в частности, последовательно избегает диалогов – даже там, где они есть в оригинале. Вот как, например, Шихматов передает евангельский рассказ о вопрошании Каиафы к Иисусу, Его ответе и последующем обвинении в богохульстве с раздираанием первосвященником своих одежд (Мф 26:63–65):

И ядом зависти имея грудь кипящу,
 Начальник и душа совета нечестивых,
 По сану – освящен, верховный Божий жрец,
 По сердцу – осужден, жестокий Божий враг,
 Язык свой изострил ужалить Иисуса.
 Он, Сына Божия живым заклывший Богом,
 Из уст безмолвного свидетельство исторг
 О истинном Его во плоти Божестве
 И, слово истины в хулу вменив, бесстудный,
 Расторгнул на себе священные одежды

⁷¹³ Шихматов был знатоком английской поэзии, первое его выступление в печати – перевод «Опыта о критике» А. Попа (СПб.: Мед. тип., 1806. – 47 с.). Поэмы Мильтона он, конечно, внимательно изучал, и в «Ночах у Креста» есть некоторые реминисценции из них, но тем показательней, что в целом произведение Шихматова написано вполне своеобразно

⁷¹⁴ *Давыдов И.И.* Чтения о словесности. Курс третий. – Изд. 2-е, испр. – М.: Тип. Н. Степанова, 1839. – С.283 (Чтение XLII).

⁷¹⁵ К жанровым дефинициям Шихматов не был безразличен. Поэмы, принесшие ему литературную славу, он снабдил оригинальными жанровыми подзаголовками: «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях» (СПб.: Императорская тип., 1807. – 70 с.) и «Петр Великий. Лирическое песнопение в восьми песнях» (СПб.: Тип. Шнора, 1810. – 216 с.).

(И тем, поправ закон, явил, не зная сам,
 Что древний ветхого священства прерван чин,
 Что славой Аарон померк пред Иисусом,
 Священником-царем, Мелхисидеком вечным).

(С.221)

В «Ночах у Креста» Шихматов занимается не историей, а умозрением, поэтому сосредоточен не на «букве», а на «духе» Писания и не столько повествует, сколько толкует, чаще всего используя аллегорический метод. Толкования его при этом не являются произвольными, а основаны на святоотеческих толкованиях, являются общепринятыми в православной традиции и, вероятно, частично основаны на церковно-учебной литературе его времени.⁷¹⁶

В конце XIX в. была опубликована обширная богословская переписка Шихматова с его братьями Алексеем и Павлом, относящаяся ко времени его пребывания в Юрьевом монастыре под началом архимандрита Фотия (Спасского) в 1828–1832 гг.⁷¹⁷ Братья, занимавшиеся духовным просвещением своих крестьян, скорбели о прекращении перевода Священного Писания на русский язык и упрекали Шихматова за его высказывания против переведенных при Александре I книг (впрочем, весьма осторожные и имеющиеся только в его личной переписке с братьями). Они напомнили ему о его поэме: «Сие переложение Нового Завета на Российский язык, скажем мимоходом, за которое многие и многие благодарят и царя, указавшего сие сделать, и потрудившихся в сем деле <...> напоминает тебе *о твоём переложении многих мест всей св. Библии*, в котором ты дозволил себе прибавлять многие слова, в святом тексте не находящиеся, и без которого не составилось бы переложение сие на язык поэзии. В сем предприятии, позволь тебе сказать, ты не привел себе на ум сии важные истины, что *слова свящ. Писания отличны от словес людских...*».⁷¹⁸

Это не лишённое язвительности напоминание было только тактическим ходом в споре братьев с Шихматовым, выражавшим, как им казалось, чужие мнения (в первую

⁷¹⁶ Предварительно среди его источников можно назвать труды еп. Иннокентия (Смирнова), «ревностным почитателем» которого, по словам его биографа, был Шихматов (*Жмакин В.И., свящ. Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский. Биографический очерк.* – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1885. – С.82), а также «Записки на Книгу Бытия» свт. Филарета (Дроздова), изданные к тому времени дважды (в 1816 и 1819 гг.).

⁷¹⁷ См.: *Жмакин В.И., свящ.* К истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: Из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых // Христианское чтение. 1889. Ч.1. С.638–673; Ч.2. С.97–124, 603–630; 1890. Ч.1. С.76–113, 314–333, 596–625; Ч.2. С.3–64.

⁷¹⁸ Там же. 1889. – Ч.1. – С.671 (курсив мой – В.К.)

очередь, Фотия, к которому они относились подозрительно и неприязненно).⁷¹⁹ На самом деле Шихматов, хотя и принадлежал к «партии» Шишкова и Фотия,⁷²⁰ не был столь уж последовательным противником перевода Библии на русский язык, а кроме того, его поэма, завершенная в 1824 г., была не столько библейским переложением, сколько богословским сочинением в стихах. Это, наверное, и предопределило ее читательскую судьбу. Есть сведения, что император Александр I «с восторгом прочитал ее и велел скупить весь тираж для рассылки по духовным учебным заведениям»⁷²¹. По словам А.С. Стурдзы, она «...озарила множество душ, ищущих несуетного утешения в дольном мире».⁷²² Светские литераторы из числа почитателей Шихматова поначалу ею заинтересовались⁷²³, но в дальнейшем о ней не вспоминали, вероятно, увидев в поэме специальное ученое сочинение, «пиитические красоты» которого, по выражению одного критика (А.А. Бестужева), оказались скрыты «в облаке отвлеченных понятий».⁷²⁴

* * *

Литературное наследие С.А. Ширинского-Шихматова представлено разрозненными публикациями. Библиография его сочинений не составлялась, поэтому считаем целесообразным дать в приложении список его опубликованных сочинений, но сначала необходимо упомянуть об одной поэме, оставшейся неопубликованной и теперь утраченной (возможно, она еще будет найдена). Подробную записку о поэме оставил А.С. Шишков, представлявший ее в декабре 1824 г. Александру I. Из записки видно, что это была поэма на библейскую тему, т.е. имеет прямое отношение к теме нашего исследования. Приводим записку Шишкова полностью:

⁷¹⁹ См.: *Дмитриева М.А.* Братья Ширинские-Шихматовы и архимандрит Фотий // *Христианство и русская литература*. – Сб.2. – СПб.: Наука, 1996. – С.90–107.

⁷²⁰ См.: *Кондаков Ю.Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). – СПб.: Нестор-история, 1998.

⁷²¹ *Воронин Т.Л.* Князь С.А. Ширинский-Шихматов и его поэма «Иисус в Ветхом и Новом Заветах, или Ночи у Креста»: (к проблеме русского культурного двоемирия) // *Ежегодник Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института*. – М., 2003. – С.401–402.

⁷²² *Стурдза А.С.* Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникиты // *Одесский вестник*. – 1837. – №65. 14 авг. – С.790.

⁷²³ См., например, упоминание о ней в письме П.А. Катенина к Н.И. Бахтину от 25 февраля 1825 г.: «Нет ли еще чего нового во французской литературе? вряд ли есть хорошее, и они обеднели, а у нас néant. Я изведал Вас, кажется, об “Иисусе” Шихматова. Гнедич переводит какие-то греческие песни народные из новых, и что я читал из них, показалось мне теплой водицей» (*Катенин П.А.* Размышления и разборы / Сост., подг. текста, вступ. статья и примеч. Л.Г. Фризмана. – М.: Искусство, 1981. – С.255; курсив мой – В.К.).

⁷²⁴ «Ночи на гробах князя С.Шихматова в облаке отвлеченных понятий заключают многие красоты пиитические, подобно искрам золота, вкрапленным в темный гранит» (*Бестужев А.А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // *Декабристы. Эстетика и критика* / Сост. и примеч. Л.Г. Фризмана. – М.: Искусство, 1991. – С.123). Показательно, что Бестужев здесь назвал поэму не «Ночи у Креста», а «Ночи на гробах», по памяти перепутав ее название с поэмой Шихматова «Ночь на гробах» (1812), ранее имевшей большой литературный успех.

«Записка, которую я читал государю императору о сочинении князя Сергия Шихматова (декабря 14 дня):

“Князь Шихматов, пять или шесть лет тому назад, написал стихотворное сочинение под названием: *Мысли о должностях владык земных, почерпнутые из священного писания*. Сочинение сие, нравоучительное и написанное превосходными стихами, находится у него и поныне в рукописи. Оно не могло быть напечатано, не быв прежде доведено до сведения Вашего Величества; но никто, по-видимому, не хотел представить Вам оно, предполагая, как думать должно, что оно не будет Вам угодно. Я напротив, зная образ мыслей Вашего Величества, по желанию сочинителя, подношу вам оно надежно и смело, почитая даже, что, если стихотворение сие напечатано будет с надписанием по Высочайшему повелению, то сие послужит к части и славе Вашей по следующим причинам:

1-е. Все рассуждения и наставления в нем почерпнуты из священных писаний, с указанием мест, откоде взяты.

2-е. Сочинитель в начале стихотворения описывает, согласно со стихами Псалтири и Премудрости Соломоновой, великость царей пред смертными и малость их пред всемогущим Богом. Правда, он описывает сие в сильных выражениях, и это конечно может не понравиться гордым царям, равняющим себя с Богом; но в Тебе, Государь, мы ежедневно видим ислышим смирение пред Создателем вселенной. [*Сноска Шишкова*: На сие государь император сказал мне: “Сохрани меня, Боже, от подобной мысли! кто может равнять себя с Богом?”]

3-е. Сочинитель говорит об обязанностях царей к народам и народов к царям с великою истиною, всегда основываясь на слове Божиим.

4-е. Сочинитель, сходственно со священным писанием, советует царям: не воюйте для собственной своей славы, но защищайте отечество; и когда одержите над врагами победу, не приписывайте оную сами себе, но Богу, даровавшему вам оную. Государь! все Твои манифесты свидетельствуют сие. [*Сноска Шишкова*: Здесь государь изволил мне сказать: “Да манифесты-то ты писал”. – На сие отвечал я, что ежели бы он не утверждал их, то они и не были <бы> никому известны.]

5-е. Сочинитель говорит, что праведного царя Бог посреди брани сохранит. Не то ли самое было с Тобю, Государь, в прошедшую войну?

б-е. Наконец сочинитель описывает милость, излившуюся от Бога на царей израильских, и гнев, ниспосланный на тех, которые, отступя от него, возмечтали себя быть равными Ему. Вот все содержание сего сочинения, и я по моему разумению не могу себе представить, чтоб оное почему-либо могло Тебе быть неуютно”.

По прочтении сей записки просил я дозволения прочитать некоторые места из сего сочинения. Государь позволил и слушал со вниманием; после чего оставил я у него книгу, и он сказал мне, что со временем всю ее прочитает».⁷²⁵

Последнее замечание Шишкова – что рукопись поэмы осталась у Александра I – и позволяет надеяться, что это неизвестное сочинение Шихматова еще может быть обнаружено.

---

⁷²⁵ *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова / Издание Н. Киселева и Ю. Самарина. – Берлин; Прага, 1870. – Т.2. – С.224–225. В литературе о Шихматове об этой чрезвычайно информативной записке Шишкова упомянули только один раз: ее процитировала автор популярной книги о поэте-иноке, см.: *Шафранова О.И.* Озаренный светом Евангельской истины: жизнеописание афонского инока Аникиты. – М.: Паломник, 2010.

ПРИЛОЖЕНИЕ (к главе 10)**МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ СОЧИНЕНИЙ С.А. ШИРИНСКОГО-ШИХМАТОВА, В МОНАШЕСТВЕ АНИКИТЫ:****1806**

Опыт о критике. Поэма в трех песнях. Творение г. Попа. С англинского языка перевел князь Сергей Шихматов. СПб.: в Медицинской типографии, 1806. 47 с. [Экземпляр РНБ (шифр 18.171.4.15) с дарственной надписью: «Его Превосходительству Александру Федоровичу Лабзину с глубочайшим почтением от Переводчика». Экземпляр РГБ (шифр XIX/8-17) с авторской правкой.]

1807

Сатира. Подражание VIII-й сатире Боало. Сочинил князь Сергей Шихматов. СПб.: при Морской типографии, 1807. [2.], 20 с.

Пожарской, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях. Сочинил князь Сергей Шихматов. СПб.: печатано в Императорской типографии, 1807. [8], 70 с. [Экземпляр РГБ (шифр XIX/8-17) с автографом и авторской правкой.]

1809

Песнь Российскому слову. Сочинил и читал в Императорской Российской Академии князь Сергей Шихматов по случаю принятия его в члены оной Академии. СПб.: печатано в Императорской типографии, 1809. 24 с.

Петр Великий. Лирическое песнопение в осьми песнях. Сочинил князь Сергей Шихматов, Императорской Российской Академии член. СПб.: печатано в типографии Шнора, 1810. 216 с.

На кончину Федора Федоровича Черепанова, морского кадетского корпуса капитан-поручика, приключившуюся ему декабря 30 дня, 1809 года. СПб., 1810. [3 с.]

1810

Приглашение друзей на вечернюю беседу 1809 года, декабря 8 дня. СПб.: в Морской типографии, 1810. 9 с.

Возвращение в отечество любезного моего брата князя Павла Александровича из пятилетнего морского похода, в течение которого плавал он на многих морях, начиная от Балтики до Архипелага, видел многие европейские земли и наконец из Тулона сухим путем чрез Париж возвратился в Россию. СПб.: в Морской типографии, 1810. [2], 11 с.

Песнь Богу нашему в день храмового праздника в Морском Кадетском корпусе. СПб., [1810]. 7 с..

На спуск кораблей памяти Евстафия и Трех святителей 1810 года сентября 30 дня. СПб., [1810].

1811

Песнь на победы российского воинства, одержанные под предводительством графа Каменского 2-го над силами турецкими, 1810-го года декабря 2-го дня // Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. Т.5. СПб, 1811.

1812

Ночь на гробах. Подражание Юнгу князя Сергея Шихматова, члена Российской Академии и Беседы любителей русского слова. СПб.: в типографии Ф.Дрехслера, 1812. 66 с.

Песнь Россу, поразившему Галла и всех его союзников во многих кровопролитных битвах, а наипаче 26-го августа 1812-го года при селе Бородине под предводительством генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Кутузова. СПб.: в Морской типографии, 1812. [2], 24 с. [На первой странице: «Печатано по особенному Высочайшему повелению, объявленному г. Вице-адмиралом и Государственным Секретарем Александром Семеновичем Шишковым от 24 ноября 1812 года»].

1813

Совет юному моему другу // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 9. С.73–87.

Песнь Россиянина на новый 1813 год // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 11. С.3–19 (Перепечатано в кн.: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч.2. С.126–139.)

На кончину Генерал-Фельдмаршала Князя Смоленского // Чтения в Беседе любителей русского слова. СПб., 1813. Чтение 13. С.1–10. (Перепечатано в кн.: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч.2. С.146–154.)

1814

Ночь на размышления. Стихотворение князя Сергея Ширинского-Шихматова, члена Императорской Российской Академии и Беседы любителей русского слова. СПб.: печатано при Императорской Академии наук, 1814. 49 с.

Сельский житель (1814 год, месяц Цветень). СПб.: при Императорской Академии наук, 1814. 15 с.

1815

Усердный зов. Стихотворение его превосходительству Александру Семеновичу Шишкову. СПб.: в типографии В.Плавильщикова, 1815. 14 с.

Совещание с другом. СПб.: в Морской типографии, 1815. 15 с.

1817

Песнь Сотворившему вся. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Императорской Российской академии. СПб.: печатано при Императорской Академии наук, 1817. 32 с.

То же // Известия Российской Академии. 1817. Кн.4. С.5–34.

1821

Преложение стихир, воспеваемых Православною Церковию в честь Божией Матери // Сочинения и переводы, издаваемые Российской академиею. Ч.7. СПб.: тип.

Имп. Росс. Акад., 1823. С.1–17 [10 стихотворений с параллельными славянскими текстами.]

То же. СПб.: в типографии Российской академии, [1821]. [2], 17 с.

1823

Преложение некоторых тропарей и стихир, воспеваемых Православною Церковию в торжественные праздники Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери. СПб.: в типографии Российской академии, 1823. 35 с. [*Содержание*: На Рождество Господне [с.5]; – На обрезание Господне (с.7); – На крещение Господне (с.7–9); – На сретение Господне (с.9–11); – На преображение Господне (с.13); – На вшествие Господне во Иерусалим (с.15–17); – На воскресение Господне (с.17–19); – На вознесение Господне (с.19–21); – На день Пятидесятницы (с.21–25); – На рождество Богородицы (с.25–27); – На введение Богородицы (с.27–29); – На благовещение Богородицы (с.29–31); – На усение Богородицы (с.33–35).]

1824

Иисус в Ветхом и в Новом заветах, или Ночи у Креста. Стихотворение князя Сергия Шихматова, члена Российской Академии. СПб.: в типографии Российской Академии, 1824. [4], 269 с.

1829

Переложение псалма 8-го; – Переложение псалма 113-го; – Переложение псалма 144-го // Повременное издание Императорской Российской академии. 1829. Ч.1. С.222–234.

1838

Сказание о житии, обретении и открытии честных мощей иже во святых отца нашего Митрофана, в схимонасах Макария, первого епископа Воронежского, о благодатных при том знамениях и чудесных исцелениях: Извлеч. из актов и донесений, имеющих в Святейшем Синоде. М., 1838. [3], 60, 68 с. [Авторство указано в изд.: Русский архив. 1917. №2–3. С.77–79; см. также: *Поликарпов Н.И.* Библиографический указатель печатной литературы о святителе Митрофане. Воронеж, 1903 (№6)].

1889–1890

Жмакин В.И., свящ. К истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: Из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых // Христианское чтение. 1889. Ч.1. С.638–673; Ч.2. С.97–124, 603–630; 1890. Ч.1. С.76–113, 314–333, 596–625; Ч.2. С.3–64.

То же [др. заглавие: Материалы для истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: Из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых]. СПб.: тип. А.Катанского и К°, 1890. [4], 242 с.

1891

Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах / [Предисл.] свящ. В. Жмакина. СПб.: тип. Катанского, 1891. [4], 127 с. [Переизд. в 2009]

1896

[Письмо С.А. Ширинского-Шихматова к Е.И. Станевичу от 24 апреля 1826 г.] // *Лащенков Н.Н., прот.* Евстафий Иванович Станевич. Харьков, 1896. С.31–32.

2007

Письмо афонского иеромонаха Аникиты к святителю Игнатию [от 8 февраля 1837 г.] / Публ. О. Шафрановой // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. Т. VII. М.: Паломник, 2007. С.192–198. [Источник публикации: РГБ ОР. Ф.425. К.3. №23.]

2009

Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М.: Индрик, 2009. 208 с., ил. (Серия «Русский Афон». Вып.4). [Содержание: *Троицкий П. К* Читателю. – *Жмакин В.* Введение. – Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. – [*Жмакин В.*] Примечанияю – **Приложения**: Письмо иеромонаха Аникиты о положении Церкви Греческого королевства (в 1837 году); – Подробности о смерти иеромонаха Аникиты со слов диакона Парфения, находившегося при Русской миссии в Афинах и присутствовавшего при его кончине; – *Ширинский-Шихматов П.А.* О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя Сергия Александровича Шихматова).

Глава одиннадцатая

О БИБЛЕЙСКОМ ПОТОПЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА И НЕЗАВЕРШЕННОЙ ПОЭМЕ А.Н. МУРАВЬЕВА «ПОТОП»

В библейском повествовании о потопе (Быт 6–8) свт. Филарет (Дроздов) выделял шесть частей: «1) причины истребления первого мира, VI. 1–4. <..> 2) Божие предопределение о потопе, 5–8. 2) избрание и приготовление Ноя для сохранения рода человеческого и других тварей, 9–22. 3) вступление Ноя в ковчег, VII. 1–10. 4) изображение потопа, 11–24. 5) окончание потопа, VIII. 1–14. 6) исшествие Ноя из ковчега, 15–19»⁷²⁶.

В стихотворениях русских поэтов XVIII – начала XIX в. тема потопа занимает особое место, по той, в частности, причине, что ее время от времени актуализировали петербургские наводнения. В рассказе о потопе в Книге Бытия, как правило, поэтов привлекали только две его части – изображение потопа и его окончание. Заимствования отсюда (или соответствующие аллюзии) нередко контаминировались с заимствованиями из описания потопа в авторитетных литературных образцах, прежде всего в «Метаморфозах» Овидия (I, 98 и сл.) и оде Горация (I, 2), и эта традиция нашла отражение в пушкинском «Медном всаднике» (1833)⁷²⁷. Причины истребления первого мира и история праведного Ноя в русской поэзии до определенного времени практически не затрагивались. Характерно, что эпопея И.Я. Бодмера «Ной» (первое полное изд. 1750), обсуждавшаяся в европейской литературе (хоть, в основном, с порицаниями), не вызвала в России никакого интереса.⁷²⁸

Завет Бога с Ноем и его знамение в радуге (Быт 9:8–17) упоминается в одной из первых од М.В. Ломоносова – в «Оде на прибытие... Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации»:

Утешил Я в печали Ноя,
Когда потопом мир казнил,

⁷²⁶ Филарет (Дроздов). Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сея книги на русское наречие: [В 3 ч.]. – Изд. 2-е, испр. – СПб.: Мед. тип., 1819. – Ч.1. – С.175.

⁷²⁷ См.: Пумпянский Л.В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. – [Вып.] 4/5. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С.101–109.

⁷²⁸ На русском языке о Бодмере см.: Михайлов А.В. Иоганн Яков Бодмер и его школа // История швейцарской литературы. – Т.1. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.320–447. После 1750 г. поэма «Ной» несколько раз исправлялась автором (1765, 1772, 1781) и издавалась под заглавием «Ноахида» («Die Noachide»). В русской литературе можно отметить одно ее беглое упоминание в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина.

Дугу поставил в знак покоя,
 И тою с ним завет чинил.
 Хотел Россию бед водою
 И гневною казнить грозою,
 Однако для заслуг Твоих
 Пробавил милость в людях сих,
 Тебя поставил в знак завета
 Над знатнейшею частью света.⁷²⁹

В этой строфе Ломоносов риторически уподобил миновавшие бедствия России библейскому потопу, новую императрицу – знамению завета с Ноем, а следовательно саму Россию – праведному Ною. Тем самым он внушал мысли о Правосудии Божиим и особом попечении Божиим о России и надежду на лучшее для нее будущее. Другие детали библейского повествования для этого не требовались. Самым важным в истории потопа для Ломоносова здесь оказалось то, что он закончился и больше не повторится и что праведник был спасен от него и утешен Богом.

С.С. Бобров, автор известной в свое время оды «Судьба древнего мира, или Всемирный потоп» (1789, 1804)⁷³⁰, называвший тему потопа своим «отличительным неким почерком пера»⁷³¹, не упомянул о предыстории потопа, а устрашающе изобразил казнь допотопного человечества, чтобы напомнить о грядущей гибели этого мира в огне:

О мир, в потомстве обновленный!
 Внемли отеческую тень,
 Сказующу свой рок свершенный
 И твой грядущий слезный день!

Но тут же Бобров напоминает, что были спасшиеся от потопа в ковчеге – в ковчеге «невинности»:

Хоть мира ось была нагбенна,
 Хотя из туч слетала смерть, –
Невинность будет ли смятенна,

⁷²⁹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: [В 10 т.]. – Т.8. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – С.85.

⁷³⁰ См.: Бобров С.С. Рассвет полночи. Херсонида: В 2 т. / Изд. подг. В.Л. Коровин. – М.: Наука, 2008. – Т.1. – С.286–290 (Лит. памятники). 1-я ред. оды под заглавием «Судьба мира» вышла в 1789 г.

⁷³¹ Бобров С.С. Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец. Эпическое творение. – Ч.1. Кн.1. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1807. – С.6.

Когда с землей мятется твердь?

Ковчег ея, в зыбях носяся,
 Единый мир от волн спасал,
 А над другим, в волнах смеяся,
 Пенисту бездну рассекал.

Не грозен молний луч отвесных,
 Ни скал, – ни стромких скал край, –
 Сам вечный кормчий сфер небесных
 Был кормчим зыблемой ладьи.

Пророка современному («обновленному» в потопе) человечеству гибель в огне,
 Бобров внушает читателям надежду на спасение и обновление:

Лишь глас трубы громорожденной
 С полнощи грянет в дальний юг,
 Язык умолкнет изумленной,
 Умолкнет слава мира вдруг.

Героев лавр, царей корона
 И их певцов пальмовый цвет,
 Черты *Омира* и *Марона* –
 Все их бессмертное умрет.

Как влас в печи треща вспыхает,
 Как серный прах в огне сверкнет –
 И, в дыме вспыхнув, – исчезает,
 Так вечность их блеснет, – и нет...

Едино *Слово* непреложно
 Прострет торжественный свой взор
 И возвестит из туч неложно
 Последний миру приговор.

Меж тем – как в пламени истлеет
Земнорожденный человек,

Неборожденный окрыляет,
 Паря на тонких крыльях век.

Падут миры с осей великих,
 Шары с своих стряхнутся мест;
 Но он между развалин диких
 Попрет дымящись пепел звезд.

О мир, в потомстве обновленный!
 Внемли отеческую тень,
 Сказующу свой рок свершенный
 И твой грядущий слезный день!» –

Изрекши, – скрылася тень мира;
 За нею вздохи вслед шумят;
 Из рук падет дрожаща лира, –
 Я в ужасе глашу: *Бог свят!*

В других своих произведениях (прежде всего в поэмах «Таврида» [1798, 2-я ред. «Херсониды», 1804] и «Древняя ночь вселенной» [1807–1809]) Бобров писал о находимых на земле свидетельствах бывшего потопа, часто упоминал «исполинов», но не касался вопроса об их происхождении, как и об избрании Ноя. Таким образом, в поэзии Боброва потоп является, во-первых, эсхатологическим символом и предупреждением для самонадеянного современного человечества, склоняющем его к вере и добродетели, а во-вторых, событием естественной истории, доказывающим бытие Божие и истинность Священного Писания. Как-то еще толковать и домысливать библейское повествование о потопе он не решался.

В обоих названных стихотворениях – у Ломоносова и Боброва – не столько излагается история потопа, сколько преподаются вероучительные выводы из нее: Всемогущий Бог всегда может переменить гнев на милость и в особенности покровительствует праведным (Ломоносов), людям следует помнить о кончине мире и будущем суде (Бобров).

Эти выводы могли преподаваться и одновременно, как в стихотворении А.А. Волковой «На случай наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 1824 года ноября 7» (первом стихотворном отклике на это событие, входящем в круг литературных

источников «Медного всадника» Пушкина⁷³², как процитированное выше стихотворение Боброва⁷³³):

Кем с суши сдвигнут океан,
 Тот может взнести его на горы,
 И славу Коего гремят небесны хоры,
 Тот в гневе посетил столицу Росских стран;
 Но мы, покорствуя Его священной воле,
 И в сей, постигшей нас, несчастий полной доле,
 Крестом терпения свой дух вооружа,
 И упование на небо возложа,
 Карающую нас десницу лобызаем;
 Из чаши зол вкусив, спасенья ожидаем.⁷³⁴

Косвенная отсылка к всемирному потопу («Кем с суши сдвигнут океан, / Тот может взнести его на горы...») здесь подкрепляет утешение, адресованное пострадавшим от наводнения, и склоняет к терпению и надежде. И это отсылка к тем же двум частям рассказа о потопе в Книге Бытия – его изображению и окончанию (но не к его причинам, что здесь, впрочем, было бы и неуместно).

Первая в русской поэзии попытка дать литературную версию всех частей библейского повествования о потопе, прибегая при этом к правам поэтического вымысла, принадлежала А.Н. Муравьеву, известному церковному деятелю и писателю, в юности выступавшему в качестве стихотворца. Во второй половине 1820-х гг. в салоне княгини З.Н. Волконской, среди посетителей которого были И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, С.П. Шевырев и другие начинающие авторы, желавшие придать литературе философское и религиозное направление, Муравьев был принят как один из самых многообещающих поэтов. Литераторы постарше, в том числе Пушкин и Баратынский, также посещавшие этот салон, считали его репутацию завышенной, а расточаемые ему авансом похвалы – вредными⁷³⁵. В 1827 г. вышел сборник его стихотворений «Таврида»,⁷³⁶ имевший

⁷³² См.: *Рябинина Н.А.* К проблеме литературных источников поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» // *Болдинские чтения.* – Горький: Волговятское кн. изд-во, 1977. – С.80–92, здесь с.84–85.

⁷³³ *Пумпянский Л.В.* Указ. соч. – С.108–109.

⁷³⁴ *Волкова А.А.* На случай наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 1824 года ноября 7 // *Сын Отечества.* 1824. – Ч.98. – №52. – С.273–275, здесь с.273. В начале приведенного отрывка – отсылка к ломоносовской «Оде, выбранной из Иова» (1751), ср.: «Покрытую пучину мглою / Не Я ли сильною рукою / Открыл и разогнал туман / И с суши сдвинул Океан?» (*Ломоносов М.В.* Указ соч. – С.388).

⁷³⁵ См.: *Вацуро В.Э.* Эпиграмма Пушкина на А.Н. Муравьева // *Пушкин. Исследования и материалы.* – Т.13. – Л.: Наука, 1989. – С.222–241.

определенный успех, но Муравьев претендовал на большее. С марта 1826 г. по август 1827 г. он работал над эпической поэмой «Потоп», оставшейся незавершенной. Написаны были (или сохранились) только две первые песни поэмы, впервые опубликованные в 2001 г. Н.А. Хохловой с обстоятельными статьей и комментариями⁷³⁷.

«Потоп» Муравьева сочинялся как классическая религиозная эпопея вроде «Потерянного рая» Дж. Милтона и «Мессии» Ф.Г. Клопштока. Их отличительной особенностью считалось «...смешение вымысла с истинною религиею, выраженное в формах древней языческой поэзии»⁷³⁸. По этому пути и намеревался пойти молодой Муравьев, задумавший произведение, которое должно было встать в один ряд с поэмами Милтона и Клопштока и как бы довершить начатое ими дело. По его позднему признанию, тогда он особенно ими увлекался: «...Мильтон и Клопшток днем и ночью, как призраки, меня обтекали; я хотел окончить их бессмертные поэмы и поэмой Последнего суда смертных довершить песнь о падении и искуплении человеческого рода, но меня удерживал мистицизм подобного творения... <...> но я <...> решился на великий труд – окончить поэмы Мильтона и Клопштока – минувшею картиною грядущего суда – потопом! То же нерадение и беспечность у предков, как и у потомков, то же презрение Божества и та же казнь!»⁷³⁹ Сюжет поэмы, по замечанию Н.А. Хохловой, мыслился автором как «апокалиптический», о чем заявлено в самом ее тексте:

Да проникну небес высокие, дивные тайны
И грядущего тень разовью в минувших картинах!

(С.32)

Главным героем поэмы должен был стать Ной, о чем можно судить по тому, что он упомянут в традиционной зачине поэмы: «Кто отважный пловец в уединенном Ковчеге?» (с.32). Однако в двух написанных песнях Ной появляется лишь под конец. Их библейская основа – Быт 6:1–4, рассказ о том, как «сыны Божии» сходили к «дочерям человеческим» и умножились на земле «исполины». Свой поэтический вымысел Муравьев развивает,

⁷³⁶ *Муравьев А.Н.* Таврида. М.: Тип. С. Селивановского, 1827. 149 с. См. также: *Муравьев А.Н.* Таврида / Изд. подг. Н.А. Хохлова. – СПб.: Наука, 2007. – 518 с. – (Лит. памятники).

⁷³⁷ *Хохлова Н.А.* Эпическая поэма А.Н. Муравьева «Потоп» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2000. – М.: Наука, 2001. – С.19–45 (текст поэмы – с.32–42). Об этой поэме см. также: *Хохлова Н.А.* Андрей Николаевич Муравьев – литератор. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – С.109–121. О творчестве Муравьева см. также: *Моклецова И.В.* Художественное творчество, публицистическая и просветительская деятельность А.Н. Муравьева в контексте русской литературы и культуры XIX века: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

⁷³⁸ *Давыдов И.И.* Чтения о словесности. Курс третий. – Изд. 2-е, испр. – М.: Тип. Н. Степанова, 1839. – С.283.

⁷³⁹ *Муравьев А.Н.* Мои воспоминания // Русское обозрение. – 1895. – №5. – С.62–63.

исходя из понимания «сынов Божиих» как ангелов, а «исполинов» – как плода их любви с «дочерями человеческими».

...когда к дочерям человеков

Неба сходили сыны впивать любви наслажденья,
 Плод их тайной любви, на земле Исполины восстали;
 Гордые кровью отцов, обращая дивную силу
 На погибель людей, на грабежи, на убийство –
 Дщерей Каина кровь текла не тщетно в их жилах,
 Все горели враждой к сынам бесчисленным Сифа
 И замышляли им смерть – душа их мщенья алкала!

(С.35)

Как видно, Муравьев контаминировал две версии толкования этого места: у него «сыны Божии» – это ангелы (а не благочестивые потомки Сифа), но соблазнили их именно «дщери Каина» (а не вообще «дочери человеческие»). При этом речь идет о *падших ангелах*, что видно из родословий, которые поэт придумал для своих исполинов: их предводитель Магог – сын неназванного ужасного ангела (явно самого сатаны) и ворожившей на костях мертвецов Ады, «дочери Фовела» (Тувалкаина); Ирад и Гамер – сыновья ангела смерти Оввадона <так!> и Наиды, «дочери юной Ноеты» (Ноемы?); Офир – сын Денницы и прелестной Тирзы, внучки Уавела; Элам – мягкосердечный сын Аббадонны (у Клопштока это раскаивающийся демон) и Гермiony, «дщери Ювала» (Иувала). Частично эти и другие имена в поэме взяты из Библии, но в ряде случаев ни с кем в ней напрямую не идентифицируются. Это неполное соответствие напоминает, что поэт пользуется правами поэтического вымысла.

Итак, в поэме Муравьева исполины, враждующие с потомками Сифа, происходят от союза *падших ангелов с каинитянками*. Место их обитания поэт назначает «в Араратских горах» (на Кавказе). Здесь же поселилось одно из племен сифитян, уже утратившее истинное благочестие («недостойная отрасль Сифа» – с.34). Две юные девы из этого племени (Мирра и Сельма) предаются любви с двумя ангелами (Азаил и Салим), но это не падшие, а небесные ангелы, которым еще только предстоит пасть в результате преступной связи. Исполин Ирад, чью страсть Мирра отвергла ради ангела Азаила, жаждет мести, призывает обитающего в пещере злого духа, которому поклоняются исполины (за ним скрывается сам сатана), и заручается его поддержкой. Исполины собираются на военный совет, после чего устраивают кровавый набег на племя сифитян. В

конце побоища появляется Ной, скорбящий о безуспешности своей проповеди. Попытавшись поднять на него руку, исполины превращаются в камни, но вскоре оживают и, уstraшенные чудом, хоронят своих мертвецов и удаляются восвояси. Из всего племени сифитян-отступников, кроме спасенных ангелами Мирры и Сельмы, выживает одна дева по имени Лилия. Иафет, влюбившись в нее с первого взгляда и не спросив разрешения Ноя, уводит ее с собой. На этом повествование обрывается.

«Потоп» написан гекзаметрами по примеру Клопштока (и В.А. Жуковского, частично переложившего II песнь его «Мессии» в стихотворной повести «Аббадона», изд. 1815), однако в содержательном плане источником Муравьева была не его эпопея, а новейшее романтическое произведение. Имя одного из своих ангелов – Азаил – он позаимствовал из мистерии Дж. Байрона «Небо и земля» («Heaven and Earth», 1822)⁷⁴⁰, который в свою очередь взял его из эфиопской Книги Еноха, появившейся на английском языке в 1821 г. (в переводе Р. Лоуренса).⁷⁴¹ К Байрону восходит и ситуация любовного соперничества Азаила и исполина Ирада (в его мистерии так же зовут одного из сыновей Ноя), и само наличие двух пар ангелов и смертных женщин⁷⁴². Однако Муравьев не следует Байрону, а противостоит ему, предлагая альтернативную версию событий, изображаемых в согласии с христианской моралью. У Муравьева главной проблемой является вероотступничество, его причины и последствия. В «Потопе» действуют праведники, жестоковыйные грешники и те, кто только еще ступил на путь греха и способен к покаянию (эту роль поэт, видимо, отводил Иафету). В отличие от Байрона, *переосмыслившего* библейские образы и сюжеты в целях самовыражения, Муравьев, подобно Милтону и Клопштоку, стремился *актуализировать* их для своих современников. Полет фантазии у него имеет свои границы: злодеи и праведники в «Потопе» предстают в том же качестве, что и в Библии, а не меняются местами, как в мистериях Байрона (у которого Ной, например, бессердечный ханжа).

С самим библейским тестом Муравьев обращается бережно и цитаты из него использует отнюдь не произвольно. Вот его описание Ноя:

⁷⁴⁰ На русском языке мистерия «Небо и земля» выходила в переводах Н.В. Гербеля (1881, изд. в 1882 г.) и Е.Ф. Зарина (посмертные изд. 1894 и 1905).

⁷⁴¹ См.: Сомов А.Б., Ткаченко А.А. Еноха первая книга // Православная энциклопедия. – Т.18. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2008. – С.468. Эфиопская Книга Еноха была привезена в Европу в 1773 г. путешественником Дж. Брюсом, но широкую известность получила после выхода перевода Р. Лоуренса.

⁷⁴² В мистерии Байрона их имена Азазил и Ана, Самаиз и Аголибама (имя ангела Самаиза тоже взято из Книги Еноха).

Свежий на вечере дней, свидетель спящих столетий,
 Он шесть бурных веков с их поколениями видел.
 <...>
 То был Ной, друг Божий! – и мир его недостоин,
 Мир, погрязший в грехах! Один из племени смертных
 Он шел правой стезей и был избран Иеговой
 Патриархом земли, девятым после Адама!
 (С.41)

Кроме прямой аллюзии на Быт 6:8–9 и точных указаний на возраст и поколение Ноя (Быт 9:28; Иуд 1:14), здесь есть еще две библейские цитаты. «Друг Божий» – так в Писании именуется Авраам (Ис 41:8; 2 Пар 20:7; Иак 2:23). «Мир его недостоин» – это, конечно, цитата из апостольского послания: «Те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (Евр 11:38). Обе цитаты вполне уместны в рассказе о Ное.

Вольно дополняя библейское повествование собственным вымыслом, Муравьев, тем не менее, оставался в рамках христианского вероучения, поэтому и в зрелые годы не без гордости вспоминал о своем «Потопе», сожалея, кажется, о нереализованности этого замысла. В его юношеской поэме не находится ничего, что принципиально противоречило бы его же краткому рассказу о потопе в пособии, написанном спустя 15 лет, когда Муравьев уже выступал в качестве видного церковного писателя: «Когда же от смещения сынов Божиих с дочерьми человеческими, обольстившими их красотой, возникли исполины, мужи именитые, полагавшие упование на силу свою, Господь определил сперва время для их покаяния. Но видя, что развращение умножилось на земле и что всякий помышляет прилежно одно лишь злое в сердце своем, во все дни жизни, Господь, восскорбев, сказал: “Истреблю от лица земли человеков, сотворенных Мною, и не только их, но и скот, и гадов, и птиц небесных, ибо Я размыслил, что их создал”. Ной же обрел благодать пред Богом. Так, на языке человеческого, выразил священный бытописатель неисповедимый совет Божий о обновлении первобытного растленного мира волнами потопа, как некогда и сей второй мир, по словам Апостола Петра, обновится огнем, в день суда <2 Петр 3:7>»⁷⁴³. Судя по тому, что здесь Муравьев никак не пояснил, кто такие «сыны Божии», он и в зрелые годы, был склонен понимать их как ангелов, т.е. придерживался этого мнения не только как поэт, использующий его для

⁷⁴³ <Муравьев А.Н.> Священная история. – СПб.: Тип. А. Бородина и К^о, 1842. – С.17–18.

своих целей, но и как толкователь Священного Писания (или его не удовлетворяло однозначное их понимание как потомков Сифа).

Литературными источниками «Потопа» Муравьева были эфиопская Книга Еноха и вдохновленная ею мистерия Байрона «Небо и земля», т.е. апокрифическое дополнение библейского повествования и полемически его переосмысляющее богоборческое сочинение романтического поэта. Вместе с тем Муравьев хотел создать благочестивую христианскую эпопею, обличающую безбожие и «нерадение и беспечность» современников, предупреждающую их в «минувшей картине» о «грядущем суде». Веро- и нравоучительные выводы, сходные с теми, что делались из библейского повествования поэтами доромантической эпохи, он пытался подкрепить романтическим вымыслом (в чем они не нуждались), а сам библейский рассказ – украсить и распространить по правилам классической эпопеи с ее противным романтическим принципам антиисторизмом. Противоречивость источников и художественных принципов, возможно, и привела к тому, что в конечном счете Муравьев оставил свою поэму незавершенной.

Возможно, «Потоп» Муравьева сыграл некоторую роль в творческой истории поэмы Лермонтова «Демон», замысел которой возник под влиянием тех же литературных версий библейского рассказа о том, как перед потопом «сыны Божии» сходили к «дочерям человеческим» (Байрон и др.) (см. ниже – гл.13). На той же «библейской» (или псевдобиблейской, апокрифической) основе позднее были написаны две романтические поэмы Д.И. Минаева (отца поэта-сатирика) – «Первая мумия» (1846) и «Потоп» (1847).⁷⁴⁴

---

⁷⁴⁴ *Минаев Д.И.* Первая мумия. Поэма // Иллюстрация, еженедельное издание всего полезного и изящного. – 1846. – Т.3. – №42 (9 ноября). – С.664–667; *Минаев Д.И.* Потоп // Библиотека для чтения. – 1847. – Т.81. – Отд.1. – С.5–26. Об авторе см.: *Зыкова Г.В.* Минаев Дмитрий Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т.4: М–П. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999. – С.76–77.

Глава одиннадцатая

**О ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ
ПОЭМЫ А.С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»:
«ПОТОП» С. ГЕСНЕРА И Е.В. ХЕРАСКОВОЙ**

Среди сочинений швейцарского поэта Саломона Геснера (1730–1788), в основном писавшего ритмизованной прозой, есть небольшая – на несколько страниц – прозаическая поэма «Потоп. Семира и Семин» («Die Sündfluth. Semira und Semin», 1762)⁷⁴⁵, печатавшая также под заглавием «Картина из потопа» («Ein Gemähd aus der Sündfluth. Semira und Semin»). Она не так известна, как идиллии Геснера и библейская поэма в пяти песнях «Смерть Авеля» («Der Tod Abels», 1758) (самое крупное его произведение), но у русских читателей в свое время тоже пользовалась успехом.

После публикации «Потопа» во французском переводе М. Юбера (1766)⁷⁴⁶ появилось четыре русских перевода поэмы (все они принадлежали начинающим авторам). В 1783 г. вышел сделанный с французского (и без указания имени Геснера) перевод Алексея Сергеева, представившегося в посвящении как «малолетний отрок»⁷⁴⁷; в 1785 г. – сделанный с языка оригинала перевод молодого А.С. Шишкова⁷⁴⁸, впоследствии переизданный в собрании его сочинений и переводов⁷⁴⁹. В 1792 г. в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований», с «особенною признательностию» от редактора (В.С. Подшивалова), был напечатан новый перевод с французского (и вновь без имени Геснера), выполненный 18-летним Авраамом Васильевичем Лопухиным (1774–1835)⁷⁵⁰. В 1803 г. под заглавием «Картина из времен потопа» поэма вышла в составе собрания сочинений Геснера в переводах Ивана Федоровича Тимковского (1778–1808)⁷⁵¹.

Однако прежде всех переводов – в 1772 г., в выпускавшемся кружком М.М. Хераскова журнале «Вечера», – анонимно было напечатано большое стихотворение

⁷⁴⁵ См.: *Gessner S. Die Sündfluth. Semira und Semin // Gessner S. Schrifften. – Zürich, bey Orell, Gessner, Füssli und Comp., 1770. – Bd.2. – S.227–232.*

⁷⁴⁶ См.: *Gessner S. Tableau du Deluge. Semir et Semina / <Trad. par M. Huber> // Choix de poésies allemandes, par M. Huber. – Paris, 1766. – Т.1. – P.344–349.*

⁷⁴⁷ <Геснер С.> Потоп / Перевел с французского языка на российской Алексей Сергеев. – М.: в Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. – С.3.

⁷⁴⁸ Геснер С. Картина из Потопа, или Семира и Семин // Геснер С. Дафнис / Перевел с немецкого А.Ш. <А.С. Шишков>. – [СПб.:] при тип. Морск. Шляхетн. кадетск. корпуса, 1785. – С.109–114.

⁷⁴⁹ Геснер С. Картина из Потопа, или Семира и Семин // Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.7. – СПб.: Тип. Имп. Росс. акад., 1826. – С.250–255.

⁷⁵⁰ <Геснер С.> Изображение потопа / Перевел с французского Аврам Лопухин // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1792. – Ч.7. – С.113–121.

⁷⁵¹ Геснер С. Картина из времен потопа // Геснер С. Полное собрание сочинений / С немецкого перевел Иван Тимковский: [В 4 ч.]. – Ч.4. – М.: Унив. тип., у Люби, Гария и Попова, 1803. – С.114–124.

«Потоп. По расположению г<осподина> Геснера»⁷⁵², подражание его поэме. Оно принадлежало супруге Хераскова Елизавете Васильевне (1737–1809), о чем есть свидетельство в воспоминаниях И.И. Дмитриева: «Она в молодости своей много писала стихов, из коих мне известна одна только поэмка, под заглавием *Потоп*, напечатанная в семидесятих годах в *Вечерах*, петербургском журнале»⁷⁵³.

То, что авторство Е.В. Херасковой известно именно со слов Дмитриева⁷⁵⁴, для нашей темы немаловажно, поскольку его записками и устными рассказами Пушкин пользовался в работе над «Историей Пугачева», продолжившейся в Болдинскую осень 1833 г., когда была написана поэма «Медный всадник». «Потоп» – единственное стихотворение Херасковой, которое помнил Дмитриев, поэтому если хоть раз он упомянул о нем в разговорах с Пушкиным, это должно было вызвать его любопытство. Название, соотносящееся с замыслом поэмы о петербургском наводнении, и время публикации стихотворения (1772 г., канун Пугачевского бунта) для Пушкина не были безразличны. Кроме того, комплект второго издания «Вечеров» (Ч.1–2. М, 1788–1789) с напечатанным в них «Потопом» Херасковой сохранился в библиотеке Пушкина⁷⁵⁵, так что его знакомство с этим текстом более чем вероятно.

Что касается самого Геснера, Пушкин высказывался о нем неизменно скептически⁷⁵⁶. Однако в России в конце XVIII – начале XIX в. это был один из самых известных и читаемых европейских авторов⁷⁵⁷, модифицировавший жанр идиллии «альпийский Теокрит», который пел «невинность, простоту, пастушеские нравы» (Н.М. Карамзин, «Поэзия») ⁷⁵⁸. Геснеру подражали, считая, что именно он «сельскую поэзию» «возвел... на последнюю ступень совершенства»⁷⁵⁹. Отталкиваясь от него, в

⁷⁵² <Хераскова Е.В.> Потоп. По расположению г<осподина> Геснера // Вечера, еженедельное издание на 1772 год. – СПб., 1772. – Ч.1. – С.156–160.

⁷⁵³ Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь / Изд. М.А. Дмитриева. – М.: Тип. В. Готье, 1866. – С.79–80.

⁷⁵⁴ См.: Степанов В.П. Хераскова (урожд. Неронова) Елизавета Васильевна // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.3. СПб.: Наука, 2010. – С.362.

⁷⁵⁵ См.: Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: (Библиографическое описание). – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. – С.125.

⁷⁵⁶ См.: Данилевский Р.Ю. Геснер (Gessner, Geßner) Саломон // Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». – СПб.: Наука, 2004. – С.97–98. – (Пушкин: Исследования и материалы. Т.XVIII–XIX).

⁷⁵⁷ Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. – Л.: Наука, 1984. – С.59–78, 151–154.

⁷⁵⁸ Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. – М.; Л.: Советский писатель, 1966. – С.62. – (Библиотека поэта, бс).

⁷⁵⁹ Панаев В.И. Вместо предисловия // Панаев В.И. Идиллии. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1820. – С.XVIII–XIX.

1820-х гг. альтернативный тип идиллии разрабатывали Н.И. Гнедич и А.А. Дельвиг⁷⁶⁰. В общем, Геснер представлял определенную литературную традицию, отвергаемую, но в какой-то степени изученную Пушкиным.

«Потоп» не входит в число идиллий Геснера: и в прижизненных сборниках (композиции и даже внешнему облику которых он придавал огромное значение⁷⁶¹ [17, с.468–469]), и во всех последующих изданиях (на разных языках) поэма печаталась особняком (у И.Ф. Тимковского – в разделе «Смешанные сочинения»). Внимания наших отечественных исследователей она, кажется, ни разу еще не привлекала. Пушкин вполне мог прочесть ее в переводе А.С. Шишкова, переизданном в 1826 г. в седьмом томе собрания его сочинений и переводов, куда вошли его примечания на «Слово о полку Игореве». Этот также сохранился в библиотеке Пушкина, причем с разрезанными страницами о «Слове о полку Игореве»⁷⁶². Сделанное здесь Шишковым сравнение фрагмента о «вещем Бояне» с зачином «Смерти Авеля» Геснера вызвало в конце 1836 г. раздраженную реплику Пушкина: «Но что есть общего между манерной прозой госп<одина> Геснера и поэзией Песни об Игоре?»⁷⁶³

Между «манерной прозой» геснеровского «Потопа» и не подлежащей сомнению «поэзией» пушкинского «Медного всадника», а точнее, между двумя этими произведениями есть кое-что общее, как минимум, на тематическом уровне.

* * *

В «Потопе» Геснера изображается гибель двух влюбленных, Семиры и Семина, в волнах всемирного потопа. Из всех людей они погибают последними, заключив друг друга в объятия, предварительно по три раза в восклицательной форме высказавшись о переживаемом ужасе, взаимной любви и правосудии Бога.

В экспозиции кратко описан потоп и временное спасение любовников на некоей возвышенности (цитируется перевод Шишкова по изданию 1826 г.⁷⁶⁴ с сохранением пунктуации и разнобоя в написании слова «Бог» (и заменяющих его) со строчной или прописной буквы):

⁷⁶⁰ См.: Вацуро В.Э. Русская идиллия в эпоху романтизма <1978> // Вацуро В.Э. Пушкинская пора. – СПб.: Академический проект, 2000. – С.517–539.

⁷⁶¹ См.: Михайлов А.В. Соломон Геснер // История швейцарской литературы. – Т.1. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.468–469.

⁷⁶² См.: Модзалевский Б.Л. Указ. соч. – С.116–117.

⁷⁶³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. – Т.12. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С.150. Далее ссылки даются на это изд. в тексте (римская цифра – том, арабская – страница).

⁷⁶⁴ Геснер С. Картина из Потопа, или Семира и Семин // Шишков А.С. Собр. сочинений и переводов: [В 17 ч.]. – Ч.7. – СПб.: Тип. Имп. Росс. акад., 1826. – С.250–255. Далее в тексте указываются страницы этого издания.

«Уже мраморные башни стояли глубоко под водою, и черные волны над хребтами гор носились; едино токмо гордое чело некия горы возникало еще из вод. Вокруг окропленных боков ея слышно было кипение моря и вопль несчастных... <...> И се един токмо высочайший холм оставался еще цел от потопления. Семин, благонравный юноша, спас возлюбленную Семиру свою на высоте сего холма. Тамо ревущей буре внемя пребывают они уединенны, ибо все предано уже было смерти. На них яростные волны плещут, над ними гром гремит, под ними стонет море. Страшный мрак окружал их, когда сверкающая молния не открывала им наполненного ужасом зрелища; каждое облако угрюмым челом своим грозило ввергнуть их в отчаяние, и каждая волна, тысячами трупов покрытая, несомая на крилах бури, текла искать новых поглощений» (с.250–251).

Семира, прижимая любовника «к трепещущему сердцу», выражает свое отчаяние:

«Нет нам к спасению надежды, о возлюбленный! о мой Семин! <...> скоро, скоро, преданных всеобщему истреблению, ни меня, ни тебя не будет... Се!.. о боже!.. вал несется! коль ужасен! молниями освещен приближается он к нам. И се, о боже! боже! судия!» (с.251).

После этих слов она падает «полумертва». Семин, чувствуя «мучение горшее, чем ужас смерти», «лобзает» ее, умоляя очнуться:

«Семира! дражайшая Семира! восстани! <...> обрати на меня взор свой, да скажут бледные уста твои, что я и в самый смертный час любим тобою, да скажут еще единожды, доколе не поглотили нас волны» (с.252).

Семира восстает и, видя «повсеместное опустошение», укоряет Бога:

«Боже! судия! возопила она, так нет спасения, нет жалости над нами? <...> о Боже! дни наши текли в непорочности, ты, о юноша добродетельный!.. увы! горе мне! нет уже их, нет более услаждавших жизнь мою, все они погибли! и ты, родитель мой!.. <...> Но и самый опустошенный свет, о Семин! Семин! быв с тобою вместе почитала бы я райским селением! о боже! дни наши текли в

непорочности. Увы! так нет спасения , нет жалости ?.. но что вещает страждущее сердце мое ? о Боже ! отпусти мне ! что́ есть пред тобою человеческая непорочность!» (с.252–253).

Семин ободряет подругу, напоминая о будущей жизни и призывая вместе прославить Бога, чьи пути смертному не пристало испытывать:

«<...> О Семира! наступающая минута будет для нас последняя; так, вся надежда жизни нашей исчезла; любовь льстила услаждать дни наши неисчетными утехами, прешло сие упование: мы умираем! смерть возвышается и волны обтекают уже дрожащие колена наши! но да не погибнем отчаянны, яко беззаконники! <...> Ободри дух свой; за пределом жизни сея царствует блаженство и вечность. <...> Скоро, о Семира! скоро души наши оставят опустошенный дол сей и преисполненные чувством неизреченного блаженства воспарят в высоту. <...> ...прострем руки наши к богу: како достоин смертному испытывать пути его? вселивый в нас дух жизни посылает смерть праведнику и беззаконнику. Благо тому, кто шествовал путем добродетели! Не жизни молим у тебя, безначальный! прими ее от нас в руке твои, суд твой праведен; но да утверди нас во уповании неизреченного блаженства, его же не похищает десница смерти. Тогда гремите громы! свирепствуй смерть! неситесь на нас волны! хвала правосудному богу, хвала ему: сия да будет последняя мысль выходящего из брэнного тела душ наших!» (с.253–254).

Слова Семина в оправдание Промысла Божьего и его призыв возымели действие:

«Надежда и радость явились на просиявшем отрадою лице Семирином; она вознесла руки свои в ревуший ветр и вещала: так, я сие чувствую, душа моя наполнена сладчайшего упования... <...> Вы предшествовали нам, вы, все наши возлюбленные; мы к вам грядем, и скоро, скоро паки вас обрящем! они праведники стоят тамо пред его престолом; он от суда своего собрал их пред свое лице. Гремите громы! Восстени пустыня! вы суть славящие правосудие песнопевцы! Идите на нас, волны!.. <...>» (с.254).

Последняя реплика в поэме принадлежит Семину:

«Пребуди в объятиях моих, Семира! вещал юноша, пребуди! о смерть, гряди! се мы! хвала правосудному во веки!

Тако рекли они, и волны объемлющихся поглощают» (с.254–255).

* * *

В «Потопе» Геснера затрагиваются проблемы теодицеи, особенно актуальные для европейских мыслителей после Лиссабонского землетрясения 1755 г. (возможно, поэма и написана как отклик на вызванную им философскую и богословскую дискуссию). Восклицаниям Семиры и Семины находят параллели в жалобах праведного Иова и умозаключениях Экклезиаста: «Невинен я; не хочу знать души моей, презираю жизнь мою. Все одно; поэтому я сказал, что Он губит и непорочного и виновного» (Иов 9:21–22); «Всему и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и (злому), чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику... <...> они отходят к умершим» (Еккл 9:2–3) (ср. слова Семина: «...вселивый в нас дух жизни посылает смерть праведнику и беззаконнику» – с.254). В поэме можно отметить и другие текстуальные переклички с Библией, но (что, на первый взгляд, странно) не с рассказом о потопе в Книге Бытия (гл.6–8).

В.Г. Белинский заметил о «Медном всаднике»: «С историею наводнения как исторического события поэт искусно слил частную историю любви, сделавшейся жертвою этого происшествия»⁷⁶⁵. У Геснера таким событием является всемирный потоп – историческое происшествие, описанное в Библии. Однако в поэме нет ни праведного Ноя, ни ковчега, ни, что самое главное, упоминания о причинах истребления допотопного человечества. Герои поэмы о них не ведают, а сами наделены невинностью и благочестием и свободны от упреков совести («О Боже! дни наши текли в непорочности» – с.253]). Можно вспомнить, что подобными добродетелями, по изложению в «Метаморфозах» Овидия, блистали Девкалион и Пирра, герои античного мифа о потопе:

Не было лучше вовек, ни правдолюбивее мужа,
Богобязненна так ни одна не бывала из женщин.
<...>

⁷⁶⁵ Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья одиннадцатая и последняя // Белинский В.Г. Собр. соч.: 9 т. – Т.6. – М.: Худ. лит., 1981. – С.461.

Однако Девкалион и Пирра – это те, кто спаслись от потопа и с помощью богов произвели новое человечество. Семира же и Семин в итоге погибают (и, кстати, исповедуют строгий монотеизм). Они вписаны не в античный мифологический, а в библейский контекст (конечно, весьма условно) – также как герои «Смерти Авеля» Геснера (в отличие от его идиллий, локализованных в античном мире). Допотопный мир ему естественно представлялся как идиллический уже по своей близости ко времени пребывания первых людей в раю. В «Смерти Авеля» он показал причины и начальную стадию разрушения этого мира, в «Потопе» – его финал.

Геснер не оспаривает Библии ни с фактической, ни с вероучительной стороны и не думает показать потоп как дело бессмысленно жестокое и несправедливое (как это сделает, например, Байрон в мистерии «Небо и земля», 1821). Напротив, в его поэме утверждается именно та истина, которая и является предметом веры в библейском рассказе о потопе – истина правосудия Божия.⁷⁶⁷ Геснер исходил из мысли, что потоп был устроен для искоренения греховных обычаев допотопного человечества, переполнившего меру развращения и зла («И увидел Господь (Бог), что велико развращение человек на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» – Быт 6:5), в конечном счете – ради обновления и блага самого рода человеческого, а не только для наказания виновных, и что конечное воздаяние за добрые и злые дела все равно ожидает человека не в этой, а в будущей жизни. Наделяя последних жертв потопа в своей поэме невинностью, Геснер не вольнодумствовал и не занимался богоборчеством, а просто воспользовался правами поэтического вымысла ради душеполезного, на его взгляд, нравоучения.

Непорочность и смиренная вера в Бога у героев «Потопа» есть черта первобытного мира, противопоставляемого современности, и природное свойство не испорченных цивилизацией людей. Поэма начинается с упоминания «мраморных башен», скрывшихся «глубоко под водою» (заимствование из «Метаморфоз» Овидия: «И уже скрыты от глаз

⁷⁶⁶ Овидий. Метаморфозы / Перевод С. Шервинского // Овидий. Собр. соч.: [В 2 т.]. – СПб.: Биографический институт «Студия биографика», 1994. – Т.2. – С.16–17 (Книга I, стихи 322–323).

⁷⁶⁷ См., например, замечание старого академического богослова: «Придет время, когда и богословие <...> может сказать и об истории всемирного потопа, что в этой истории и даже вовсе нет никакого догмата, выраженного ясно и открыто, что только скрытно предполагается ею так же, как и седьмым членом символа веры, догматическая истина правосудия Божия; что сама эта история есть только предмет богословский, составляющий достояние библейской истории...» (*Глориантов Н.Н. Шестоднев и потоп // Христианское чтение. – 1883. – №7–8. – С.42.*)

погруженные доверху башни»⁷⁶⁸). Это, видимо, указание на то, что погибает не пасторальный мир, а уже городская цивилизация, но Семира и Семин убереглись от ее воздействия. Они ведут себя в соответствии с приписываемым Геснером «естественному человеку» нравственным кодексом и являются носителями того же идиллического характера, что герои идиллий и пасторальных поэм Геснера, которые в одно время умиляли своей мягкой нравучительностью, а потом стали раздражать искусственностью и антиисторизмом (умиляли, к примеру, молодого Карамзина, раздражали – Пушкина). Своих искусственных идеальных героев он помещает в как бы историческую (библейскую) ситуацию, в момент уничтожения допотопного мира, отмечая лишь самые общие ее контуры (потоп был всемирный, и наслал его правосудный Бог) и умалчивая о причинах Божьего гнева. Собственно, идиллический характер героев поэмы в том и обнаруживается, что, после легкого колебания, они признают, что вообще не вправе судить об их причинах, и с восторгом предаются Божьей воле. Они пример для утративших невинность и простоту, а с ними и бесхитростную веру современников Геснера (как идиллические пастухи – для горожан). На этом примере, в некотором согласии с Книгой Иова, автор, в первую очередь, учит читателей смирению перед Богом и вере в то, что и кара Божья направлена к спасению человека.

Этот урок, вполне традиционный для христианской морали, был востребован во всякое время, и особенно в дни бедствий и катастроф. Неудивительно, что он преподавался и в откликах на петербургское наводнение 1824 г., в которых тоже встречаются отсылки к Книге Иова, причем с применением ее нравучительных выводов к области политических отношений (чего нет у Геснера). Так, Анна Алексеевна Волкова (1781–1834), поэтесса, которой покровительствовал Шишков, в стихотворении «На случай наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 1824 года ноября 7»⁷⁶⁹ (первом печатном стихотворном отклике на это событие, уже называвшемся среди литературных источников «Медного всадника»⁷⁷⁰), писала:

Кем с суши сдвигнут океан,
Тот может взнесть его на горы,
И славу Коего гремят небесны хоры,

⁷⁶⁸ «Метаморфозы» (Книга I, стих 290) (Овидий. Указ. соч. – С.16).

⁷⁶⁹ Волкова А.А. На случай наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 1824 года ноября 7 // *Сын Отечества*. 1824. – Ч.98. – №52. – С.273–275.

⁷⁷⁰ См.: Рябинина Н.А. К проблеме литературных источников поэмы А.С. Пушкина «Медный Всадник» // *Болдинские чтения*. – Горький: Волговятское кн. изд-во, 1977. – С.80–92, здесь с.84–85; *Осват А.Л.* Из комментария к «Медному всаднику» (2) // *На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова*. – М.: НЛЮ, 2009. – С.500–501.

Тот в гневе посетил столицу Росских стран;
 Но мы, покорствуя Его священной воле,
 И в сей, постигшей нас, несчастий полной доле,
 Крестом терпения свой дух вооружа,
 И упование на небо возложя,
 Карающую нас десницу лобызаем;
 Из чаши зол вкусив, спасенья ожидаем.⁷⁷¹

В начале приведенного отрывка – почти точная цитата из «Оды, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова («Покрытую пучину мглою / Не я ли сильною рукою / Открыл и разогнал туман / И с суши сдвинул Океан?»). Обращенная к возроптавшему «в горести» человеку, ода заканчивается уверением, что Бог всё делает для его блага, и призывом к смирению и надежде: «Он всё на пользу нашу строит, / Казнит кого или покоит. / В надежде тяготу сноси / И без роптания проси». Цитируя Ломоносова, Волкова актуализирует для читателей образы и проблематику самой библейской книги, как бы напоминая пострадавшим от наводнения об утешении праведного Иова. Бог их тоже утешит – руками царя, которому Он поручил попечение о подданных. В метафорическом плане стихотворения Бог и царь объединены: Бог в гневе наслал тучи и наводнение, но теперь все кончилось, и царь уже «далеко гонит мглу грозящих бегством туч», и уже «щедроты полились рекой от Царска трона...» (курсив мой – В.К.). Наказывает Бог сам, милует и утешает – руками царя, действующего «во исполнение Божественна закона»⁷⁷² (ср. в «Медном всаднике»: «...багрянницей / Уже прикрито было зло» – V, 145). В заключительном стихе Волкова прямо сравнивает царя с Богом, наделившим его властью, к которой, значит, тоже следует относиться со смирением и надеждой:

...Венценосец наш нас милует, как Бог!⁷⁷³

Отсылка к Книге Иова в сочетании с определенными религиозно-политическими идеями в стихотворении Волковой (несомненно принадлежащем к кругу литературных источников «Медного всадника») еще раз подтверждают правоту суждений А.Е. Тархова о параллелях между «петербургской повестью» и библейской книгой: «Ропот Иова на “зиждителя мира” – это отчетливая параллель к мятежу Евгения против “строителя чудотворного”, в простертой руке которого есть и “покров” тому, что им создано; а

⁷⁷¹ Волкова А.С. Указ. соч. – С.273.

⁷⁷² Там же. – С.275.

⁷⁷³ Там же.

сверхчеловеческое величие погони Всадника родственно по духу явлению “Бога в буре” в Книге Иова». ⁷⁷⁴ Тот же факт, что Волкова цитирует стих из ломоносовской строфы об отделении моря от суши («Кто море удержал брегами / И бездне положил предел... <и т.д.>»), склоняет к убеждению в правильности мысли Д.П. Ивинского о важности соответствующих стихов Книги Иова («Кто затворил море воротами <...> когда Я облака сделал одеждою его и мглу пеленами его, и утвердил ему Мое определение, и поставил запоры и ворота, и сказал: доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим?» – Иов 38:8–11) для понимания картины мира в поэме Пушкина, который полемизировал с А. Мицкевичем, писавшим в стихотворении «Олешкевич» о снятии запоров («цепей») с моря ⁷⁷⁵.

В «Медном всаднике» сложно отражены разные стороны содержания и проблематики Книги Иова. В «Потопе» Геснера есть лишь отдельные реминисценции и только в самых общих чертах (и не во всем) согласное с ней нравоучение. Сама по себе соотносимость двух поэм о потопе (наводнении) с одной и той же библейской книгой (где о потопе не рассказывается) позволяла бы рассматривать поэму Геснера в качестве литературного фона «петербургской повести» Пушкина, но между ними есть и более существенные сближающие их черты.

Во-первых, это тема библейского потопы. У Геснера, пусть весьма условно, но он и изображается. У Пушкина речь идет о петербургском наводнении 7 ноября 1824 г., локальном и современном событии, но его изображение проецируется на всемирный потоп (один раз возникает и само слово «потоп»: «И место, где потоп играл...» – V, 147). Еще Л.В. Пумпянский в этой связи указал на отражения темы библейского потопы в русской поэзии XVIII в. (оды Ломоносова, Боброва и др.) и на литературную традицию, восходящую к Горацию и Овидию ⁷⁷⁶. Сейчас о библейских подтекстах поэмы есть немало работ. Первый опыт их комплексного исследования (в том числе восходящих к Книге

⁷⁷⁴ *Тархов А.Е.* Размышления по поводу одной иллюстрации к «Медному всаднику» // Альманах библиофила. – Вып.23: Венок Пушкину (1837–1987). – М.: Книга, 1987. – С.289. Впервые параллели поэмы с Книгой Иова были отмечены в его же работе, см.: *Тархов А.Е.* Повесть о петербургском Иове // Наука и религия. – 1977. – №2. – С.62–64. Впоследствии об этом писали многие авторы; см, например: *Юрѳева И.Ю.* 1) Библейская книга Иова в творчестве Пушкина // Русская литература. – 1995. – №1. – С.184–187; 2) «Библио, Библио!»: Священное Писание в творчестве Пушкина // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. – Вып.4. – М.: Наследие. 1997. – С.119–143; 3) Пушкин и христианство: сборник произведений А.С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания. – 2-е изд., доп. – М.: Издательский дом «Муравей», 1999. Особого вопроса о религиозных взглядах Пушкина в данной главе мы не затрагиваем; об этом см., например: *Сурат И.З.* Пушкин как религиозная проблема // Сурат И.З. Пушкин: биография и лирика. Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. – М.: Наследие, 1999. – С.7–37.

⁷⁷⁵ См.: *Ивинский Д.П.* Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С.303–304.

⁷⁷⁶ См.: *Пумпянский Л.В.* «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. – [Вып.] 4/5. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С.101–109.

Бытия: творение мира, потоп, вавилонская башня, царь Нимврод) предпринял И.В.Немировский и заметил, что можно говорить «об общей ориентации «Медного всадника» на библейские тексты»⁷⁷⁷.

И во-вторых (что, кажется, самое важное), и в «Потопе», и в «Медном всаднике» есть любовная история. В обеих поэмах рассказывается о влюбленных молодых людях, сделавшихся жертвами катастрофы. У Геснера волны потопа поглощают обнявшуюся влюбленную пару, у Пушкина – разлучают, убив только Парашу. Но и выживший Евгений, в конечном счете, становится жертвой наводнения: не перенеся утраты, он сходит с ума и умирает. Внешнее сходство ситуаций и их различие объясняется внутренней близостью занимавших Геснера и Пушкина вопросов, по-разному ими решаемых. Это, в первую очередь, вопросы о праве человека на счастье и внутреннюю независимость от общества и цивилизации и о возможностях и путях осуществления этого права.

* * *

Геснер в поэме «Потоп» свой моральный урок, отчасти согласующийся с учением Книги Иова, связал с бесконечно далекой от библейской книги апологией любовного чувства как естественного проявления доброй природы человека.

Действительно, Семин на краю гибели удерживает свою возлюбленную Семиру от отчаянья и ропота, напоминая ей о бессмертии души и Божественном правосудии, которое, конечно, воздаст им благом за добродетель (ср. выше у Волковой: «Из чаши зол вкусив, спасенья ожидаем»), но он также просит сказать, что «и в самый смертный час любим» ею: в ужасную минуту взаимная любовь укрепляет героев в благочестии и «уповании неизреченного блаженства, его же не похищает десница смерти» (с.252–253]. Любовь Семина, а не что-либо другое, возвращает Семире веру и надежду. Любовники умирают в один час, уверенные, что и за гробом останутся неразлучны, поскольку они невинны, а Бог правосуден.

«Картина из потопа» дополняет идиллии Геснера, в которых любовь представлена как многоликое, разнонаправленное и нравственно ценное чувство, столь же «естественное» и доброе, как и «почтение к богам». Преимущество Геснера перед его предшественниками в жанре идиллии, в том числе перед античными авторами, его поклонники видели в том, что он описывал не только любовные отношения, а «умел

---

⁷⁷⁷ *Немировский И.В.* Библейская тема в «Медном всаднике» // Русская литература. – 1990. – №3. – С.9.

распространить пределы Пастушеской Поэзии»: «Почтение к богам, любовь родительская, детская, супружеская, чувства дружбы и сострадания, резвая веселость и тихая горесть, коими одушевил он свои Идиллии, делают их разнообразными, правдоподобными, занимательными, близкими к сердцу всякого чувствительного человека, а что всего драгоценнее, наставительными – прекраснейшая цель, о которой древние едва ли и помышляли»⁷⁷⁸.

На примере героев «Потопа» Геснер показывает цельность и стойкость воспевавшегося им идиллического характера в совсем не идиллической ситуации: поглощаемые волнами потопа, его герои не утрачивают ни взаимной любви, ни благочестия. Для Геснера одинаково важно и то, и другое, и, если в вопросе о правосудии Божиим Семира на мгновение усомнилась (что простительно в таких обстоятельствах), то насчет невинности и богоугодности связывающего ее с Семином любовного чувства в поэме не выражается ни малейшего сомнения. Любовная тема не конкурирует с религиозной, а напротив, получает в ее контексте свое оправдание.

Несколько иначе обстоит дело в стихотворении (маленькой поэме) Е.В. Херасковой «Потоп. По расположению г. Геснера» (1772). Это подражание геснеровскому «Потопу», действительно написанное по его «расположению» (плану), отчасти просто стихотворное переложение, но в целом все-таки оригинальное сочинение. В нем появляются некоторые детали и мотивы, отсутствовавшие у Геснера, но зато находящие соответствие у Пушкина в «Медном всаднике».

Герои Херасковой носят другие имена – Фанор и Селима. Они не просто влюбленная пара, а жених и невеста, и погибают ровно в тот день, на который был назначен их брак. Вместо ожидавшегося ими дня счастья и любви пришел «страшный день» (ср. у Пушкина: «И бледный день уж настает... / Ужасный день!» – V, 140):

Уж брак готовился судьбину их венчать,
И день назначен был, желанья окончать.
Но в день, в тот страшный день погибла вся вселенна;
Любовникам не брак; но смерть определена.⁷⁷⁹

Вслед за Геснером Хераскова начинает свою поэму с описания потопа, но вместо его нескольких фраз у нее – развернутая картина бедствия. И, если у Геснера

⁷⁷⁸ Панаев В.И. Указ соч. – С.ХІІІ.

⁷⁷⁹ <Хераскова Е.В.> Потоп. По расположению г<осподина> Геснера // Вечера, еженедельное издание на 1772 год. – СПб., 1772. – Ч.1. – С.157 (далее ссылки на страницы этого издания поэмы даются в тексте).

подразумевается, что к моменту начала рассказа потоп поднимался и усиливался в течение продолжительного времени («Уже мраморные башни стояли глубоко под водою...» – Шишков, с.250), то у Херасковой (как и у Пушкина) все происходит внезапно, в один день:

В полудни красна дня внезапно солнце скрылось,
Слиянному дождю, вдруг небо отворилось;
Сверкнули молнии, ужасный гром взгремел,
Из мрачных облаков дождь сильный зашумел.

<...>

И горды здания покрылися водою.

<...>

Повсюду слышен вопль, рыдание и стон,
Ужасный рев зверей, и шум кипящих волн...

<...>

На горы все бегут, туда их страх влечет,
Но с каждою струей за ними смерть течет.

<...>

Все гибнут: всех вода уносит и объемлет,
Поверженная отца несчастный сын подъемлет,
Стремится помощь дать, но гибнет в тот же час:
Отец простер свой взор к нему в последний раз.
В объятых матерних младенец жизнь кончает,
Брат брату, муж жене найти спасенья чает,
Но нет спасения; нет помощи нигде.
С водами бурными смерть плавает везде.

(С.156–157)

На месте последней картины у Геснера одно предложение: «Инде потоки вод влекут с яростию сына, пекшегося о спасении полумертвого отца, или страждущей матери, детьми обремененной» (Шишков, с.250). Хераскова умножает подробности, желая вызвать ужас и сострадание, кое в чем следует примеру Овидия («ужасный рев зверей»), а главное, у нее получается, что речь идет однозначно о гибели *города* («И горды здания покрылися водою...»), жители которого пытаются спастись бегством («На горы все бегут...»), а Фанор, герой ее поэмы, – «младый пастух, любовью распаленный» (с.157), то есть лицо, в чем-то чуждое другим погибающим (у Геснера же, с одной стороны, не

«здания», а «мраморные башни», которые можно интерпретировать не только как примету городского пейзажа, а с другой, нет ни слова о пасторальных занятиях любовников).

Любовь придает Фанору силы и мужество, чтоб извлечь Селиму «из хладных волн» на «высокий холм, от общих бед спасенный»:

Любовь противится и вихрям и волнам,
И ею подкрепясь нашли спасенье там!

(С.157)

В отличие от геснеровских, герои Херасковой еще помышляют о жизни:

От общей гибели они одни остались,
И может быть еще и жизнь ласкались.

(С.157)

Селима приходит в отчаяние, но не от мысли о жестокости и несправедливости Бога, а от того, что убеждается в отсутствии шанса на спасение:

Взгляни на молнии; послушай рев воды;
Погибли мы! и нет спасенья от беды.
Такою ль нам любовь готовила судьбину!

(С.158)

Она лишается чувств, а Фанор, не зная, жива она или мертва, перестает видеть и слышать, что происходит вокруг:

Не видит он тогда валов кругом шумящих,
Не слышит грома он, ни молний вкруг блестящих.
Не видит ничего; Селиму только зрит!
Лишился я ее, рыдая говорит!

(С.158)

Это очень напоминает положение Евгения в конце первой части «Медного всадника», когда, еще только гадая о судьбе Параши, сидя «на звере мраморном верьхом», он всматривается в противоположный берег:

Он не слышал,
 Как подымался жадный вал,
 Ему подошвы подмывая,
 Как дождь ему в лицо хлестал,
 Как ветер, буйно завывая,
 С него и шляпу вдруг сорвал.
 Его отчаянные взоры
 На край один наведены
 Недвижно были. Словно горы,
 Из возмущенной глубины
 Вставали волны там и злились,
 Там буря выла, там носились
 Обломки... Боже, боже! там –
 Увы! близехонько к волнам,
 Почти у самого залива –
 Забор некрашенный, да ива
 И ветхий домик: там оне,
 Вдова и дочь, его Параша,
 Его мечта... Или во сне
 Он это видит? иль вся наша
 И жизнь ничто, как сон пустой,
 Насмешка неба над землей?

(V, 141–142)

Мысленные восклицания Евгения («Боже, боже!..», «Увы!..») – те же самые, что много раз повторяются у Геснера в переводе Шишкова и у Херасковой, но мыслит Евгений совсем не как простодушный и доверчивый идиллический персонаж: он *уже* не покоряется судьбе, *уже* утратил надежду, *уже* готов к признанию жизни «насмешкой неба над землей», в результате которого чуть позже и впадет в безумие: «И вдруг, ударя в лоб рукою, / Захохотал» (V, 145).

Герой Геснера в подобной ситуации не утрачивает доверия к Божественному Промыслу, хотя, видя возлюбленную без чувств, ощущает «мучение горшее, чем ужас смерти» (Шишков, с.252). Фанор у Херасковой в этом случае оказывается ближе к бедному Евгению, давая волю отчаянию:

Увы! вскричал, теперь вселенна вся пуста,

Когда Селимы нет, возлюбленной Селимы!
 Все легче сей беды, мной прежде бедства зрими.
 (С.158)

Селима приходит в себя и, подобно геснеровской Семире, начинает упрекать Бога, но не вообще за гибель невинных, а (чего нет у Геснера) за несправедливость именно к любящим:

За что карашь нас? О! Боже, укротись!
 На наши кроткие два сердца зря, смирись!
 Они за истиной стремились всечасно,
 Мы винны разве тем, что мы любили страстно!
 Коль грех то! много я за этот грех терплю...
 (С.159)

В этой жалобе проскальзывают мотивы, обнаруживающие неполное соответствие героев идеалам невинности и простоты. Селима допускает, что в глазах Бога любовная страсть – грех, хотя готова отстаивать ее права и вопреки Богу (невинность оказывается не объективной данностью, а субъективным убеждением), и утверждает, что она и ее возлюбленный «за истиной стремились всечасно», то есть знакомы с чисто интеллектуальными усилиями и волнениями (а значит, и не так «просты»). Тут же Селима рисует картину любовной утопии (похожая есть и у Геснера), как будто мало уместную в их положении: и на руинах погибшего мира двое любовников, забыв о произошедшем, могли бы безмятежно проводить время «в любви и утехах».

Но, ах! Фанор, когда б смягчился рок над нами
 И век твой сохранил, мне свет бы сносен был;
 Забыла б горесть я, ты б ужас позабыл;
 Мы сладость в жизни сей еще бы находили,
 В утехах и в любви все дни бы проводили.
 Но что я говорю! приходит смерть и к нам;
 Мы в жертву отданы бунтующим волнам.
 Невинность наша смерть от нас не отвращает...
 (С.159)

В поэме Геснера главную идейную нагрузку несет вторая речь юноши, когда он говорит о бессмертии души и неисповедимости Его путей, убеждая возлюбленную совместно предаться в руки Божьи и прославить Его правосудие. У Херасковой эти идеи представлены в сильно редуцированном виде, Фанор здесь говорит:

Но будем тверды мы, и будем терпеливы.
 Все казни от небес должны быть справедливы,
 Удобно ль своего страшится нам Творца?
 Спокойно станем ждать мы жизни сей конца.
 Умрем, и к первому началу возвратимся,
 Обнимемся с тобой, в последний раз простимся.
 Обнимемся, и так мы станем смерти ждать.
 Творец то знает, как невинность награждать.
 Да будешь, Творче, ты при нашем истребленьи,
 Последне чувство в нас, последне размышленьи!

(С.160)

Как видно, Фанор не утверждает со страстной убежденностью, что суд Божий праведен (само слово «суд» в поэме Херасковой не встречается), а говорит, что «казни от небес *должны быть* справедливы» (курсив мой – В.К.), и не в руки Божьи предается, а призывает подругу обняться и «смерть ждать». Реплика о посмертном блаженстве (в виде соединения любящих за гробом) передана Селиме, говорящей об этом как о новом для себя откровении:

О Боже! говорит, я чувствую в сей час,
 Что ты соединишь еще по смерти нас;
 С надеждой твердою, Фанор, я умираю...

(С.160)

Концовка поэмы тоже имеет существенное отличие от того, что было у Геснера:

Друг друга во своих объятиях держа,
 И хладные уста друг к другу приложя,
 Таковую оба смерть любовники вкусили,
 Но волны пламени у них не погасили,
 Скрывала их вода, однако при конце,
 Спокойствие у них являлося в лице.

(С.160)

«Хвала правосудному Богу!» – такова последняя мысль расстающихся с земной жизнью героев «Потопа» Геснера. В подражании Херасковой они принимают свою участь с философским спокойствием. У Геснера главное, что взаимная любовь укрепила их в уповании на жизнь вечную. У Херасковой важнее, что и в смертный час в них по-прежнему горит любовный «пламень», который оказался сильнее могущественных и враждебных любовникам природных стихий:

Любовь противится и вихрям и волнам...

(С.157)

Любовная тема в подражании Херасковой сильно потеснила религиозно-философскую и моральную проблематику, столь важную для Геснера. Фанор и Селима – страстные любовники, но отнюдь не герои веры. Они, по большому счету, равнодушны ко всему, кроме своей любви, и даже вопрос о том, будет ли вообще и будет ли справедливым посмертное воздание, их волнует, прежде всего, потому, что с ним связан вопрос о продолжении их «пламени» в вечности. Геснер в «Потопе» апологию любовного чувства соединил с благочестивым нравоучением. Хераскова, в общем-то, почти все свела к этой апологии. Любовное чувство у нее мыслится как невинное и оправданное в самом себе. И даже если Бог рассудит о нем иначе, любовники смогут оспорить Его суд: «Мы винны разве тем, что мы любили страстно!» То есть, конечно, не «винны», а наоборот, заслуживают награды, а если нет, то все равно не отступятся от своего чувства.

В такой интерпретации поэмы Геснера сказилось, вероятно, не желание Херасковой защитить права любовной страсти перед установлениями религии и морали, а жанровая инерция: наделенных не только любовными чувствами, но и религиозными убеждениями героев Геснера она (одна из первых русских поэтесс) невольно, может быть, низвела почти до уровня «нежных» любовников в эклогах А.П. Сумарокова, более ей понятных и привычных. Вместе с тем в «Потопе» Херасковой сохранена характерная именно для Геснера (и полюбившаяся потом сентименталистам) идея: в душе человек обладает ценностями большими, чем все, что есть в окружающей действительности, человеческое чувство способно пережить даже полное крушение мира.

* * *

А.В. Михайлов писал, что «идиллически бесконфликтному миру» Геснера «присуща своя *героическая* подоплека»: у него «по-новому *чувствующая* и по-новому

разумеющая себя *личность*» отстаивает «свою внутреннюю независимость от реальностей непоэтического мира»⁷⁸⁰. Самодовлеющая ценность поэтических грез такой личности и подлинность ее внутренней независимости могут быть доказаны в тяжком испытании, в горе, перед лицом гибели. В мировой катастрофе личность обретает полную и действительную независимость от мира, и здесь выясняется, насколько серьезны и состоятельны были ее притязания. Геснер окружает своих героев волнами всемирного потопа, чтобы продемонстрировать превосходство их сугубо личных «чувств и мыслей» над ценностями и достижениями цивилизации («мраморными башнями», которые уже «глубоко под водой»). Они испытываются на верность своим идеалам и стремлениям в этом, теперь уже погибающем мире. Герои «Потопа» Геснера успешно проходят испытание, поскольку то, во что они верили и что любили (а верили они в Бога и любили друг друга), остается и после того, как мир перестал существовать. Также и в «Потопе» Херасковой Фанор и Селима продолжают «страстно» любить друг друга и стремиться «за истиной». В «Медном всаднике» в сходных обстоятельствах испытывается Евгений и его «мечты».

С мечтами Евгения в поэме Пушкина связаны идиллические мотивы и тема разрушенной идиллии, о которых уже не раз писали⁷⁸¹. Не лишним будет подчеркнуть, что крушения идиллии в прямом смысле, т.е. безвозвратного исчезновения определенного идиллического уклада жизни, в поэме нет, потому что в ней нет и признаков того, что подобный уклад когда-либо существовал. Есть, однако, идиллические мечты Евгения:

Жениться? Ну... за чем же нет?
 Оно и тяжело, конечно,
 Но что ж, он молод и здоров,
 Трудиться день и ночь готов;
 Он кое-как себе устроит
 Приют смиренный и простой
 И в нем Парашу успокоит.
 «Пройдет, быть может, год другой –
 Местечко получу – Параше
 Препоручу хозяйство наше
 И воспитание ребят...

⁷⁸⁰ Михайлов А.В. Указ. соч. – С.461.

⁷⁸¹ См.: Хаев Е.С. Идиллические мотивы в произведениях Пушкина 1820–1830-х годов // Болдинские чтения. – Горький: Изд-во Горьк. ун-та, 1984. – С.104–109; Архангельский А.Н. Стихотворная повесть А.С.Пушкина «Медный всадник». – М.: Высшая школа, 1990.

И станем жить – и так до гроба,
 Рука с рукой дойдем мы оба,
 И внуки нас похоронят... »

(V, 139)

Эти мечты, казалось бы, такие непритязательные и житейски-конкретные, представлены как заведомо иллюзорные, без сколько-нибудь твердого намерения и даже желания их осуществить («Жениться? Ну...»). Они посещают Евгения в ночь накануне «ужасного дня», о возможности которого он не думает (или боится подумать), хотя ему подают знаки и природа («Сердито бился дождь в окно, / И ветер дул, печально воя...» – V, 138), и собственное сердце («И грустно было / Ему в ту ночь...» – V, 140). Его печальная история вполне может подвести к моралистическому выводу, сформулированному в стихотворении А.А. Волковой (о нем см. выше):

Сколь тленны радости и блага жизни сей!
 С прелестною мечтой счастливцев засыпает,
 А завтра пробудясь, он горести встречает,
 Обманут льстивою надеждою своей!⁷⁸²

Мечты Евгения тоже «прелестные», а надежды – «льстивые», потому что далеки от реальности, безразличны к тому, что существовало и существует на самом деле и прославлено Пушкиным в поэме – Петр, Петербург, Нева, Медный всадник. В мечтах Евгения – претензия на внутреннюю независимость от них, на автономное личное счастье. Это идиллические мечты, однако что это за идиллия? Ведь Евгений мечтал не о любовных утехах, не о довольстве и благополучии, а о том, как он будет трудиться, а Параша – хозяйствовать и воспитывать детей, как они вместе, сопровождаемые потомством, «рука с рукой», дойдут «до гроба».

Это идиллия в духе Геснера, который первым догадался и сумел показать, что и «Пастухи Аркадские были также люди»: «Не любовниками только – они могли быть супругами, родителями, детьми, друзьями; не все молодыми и здоровыми – часто старыми и больными; не всегда богатыми – иногда бедными»⁷⁸³. В пасторальном мире Геснера кроме безмятежности и покоя, любовных и семейственных удовольствий, были труд, семейные заботы и религиозные обязанности (как у первых людей в поэме «Смерть

⁷⁸² Волкова А.С. Указ. соч. – С.273.

⁷⁸³ Панаев В.И. Указ. соч. – С.ХII.

Авеля»). Это мир высокого нравственного строя, созданный Геснером в укоризну и поучение современникам. Нечто подобное, кажется, и рисовалось в мечтах «бедного Евгения». Его неосуществившаяся идиллия претендовала на то, чтобы в нравственном отношении стать выше всего могущественного и славного в этом мире. Поэтому неудивительно, что, как отмечала Н.И. Михайлова, «элементы высокого стиля, вплетаясь в разговорную, обыденную речь, встречаются <...> на протяжении всего рассказа о Евгении»⁷⁸⁴ (напомним, что Шишков высоким стилем перевел не только «Потоп», но и безоблачный пасторальный роман Геснера «Дафнис»).

Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался, как поэт...
(V, с.139)

Евгений размечтался как поэт в духе Геснера (как горожанин, сочиняющий пасторали). Мы помним, однако, что его сочинения автор «Медного всадника» считал «манерной прозой» (XII, 150). Весной 1833 г. (за полгода до написания поэмы), в рецензии на «Сочинения и переводы» П.А. Катенина, Пушкин заметил, что сама «буколическая природа» у Геснера «чопорная и манерная», а не «древняя простая, широкая, свободная...» (XI, 221).

Самым заметным подражателем Геснера среди пушкинских современников был В.И. Панаев. Пушкин адресовал ему эпиграмму «Русскому Геснеру» («Куда ты холоден и сух!...»), опубликованную в 1828 г. В ней есть такие строки:

Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе:
Ты их морозишь налегке!
(III, кн.1, 454).

Иначе говоря, они одеты не по погоде, как не по погоде и мечты Евгения:

Так он мечтал. И грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал

⁷⁸⁴ Михайлова Н.И. «Витийства грозный дар...»: А.С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. – М.: Русский путь, 1999. – С.278.

Не так сердито. . .

(V, 140)

И мечтателю предстояло за это поплатиться, подобно пастушку, разгуливающему русской зимой в средиземноморском одеянии (мечтатель обратится в «безумца бедного»). Тут уместно вспомнить строки из вступления к «Медному всаднику»:

Люблю зимы твоей жестокой

Недвижный воздух и мороз...

(V, 140)

Восхищение «жестокой зимой» немислимо в идиллиях геснеровского типа, также как признания поэта в любви к городу с богатыми пристанями, дворцами и башнями, к военным парадам и пушечному грому, к шуму и блеску балов и шипенью бокалов. Они немислимы не только по жанровым законам пасторали, но, в первую очередь, с точки зрения моральных идей швейцарского автора. Вступление к «Медному всаднику» вызывающе противопоставлено идеалам невинности и простоты и проповедуемой Геснером морали «естественного» человека, следующего лишь своим природным (и потому добрым и прекрасным) склонностям и чувствам и оберегающегося от воздействий внешнего мира.

Петербург, вознесшийся «пышно, горделиво», Россия, торжествующая победу над врагом, и ликующая Нева для мечтателя в духе Геснера («по-новому чувствующего» частного человека) в чем-то хуже, чем разъяренная Нева и разгневанный Медный всадник, ужасней, чем всемирный потоп, потому что не уничтожают мечтателя, а дегероизируют, унижают и обесценивают его идеалы и мечты, которые на фоне этой «поэзии» выглядят как жалкая, «манерная проза». Именно такими на фоне исполненных «поэзии» государственных дум Петра (во вступлении) выглядят мечты бедного Евгения – не только прозаическими, а еще искусственными и безжизненными, под стать «истукану горделивому», перед которым, «как обуянный силой черной», «злбно задрожав», он потом прошепчет: «Добро, строитель чудотворный! <...> Ужо тебе!..» (V, 148).

Эта бессильная и бессмысленная, по видимости, угроза имеет смысл только в эсхатологической перспективе: свой час придет и для всего созданного Петром, весь этот мир когда-нибудь погибнет. С разбитыми мечтами о личном счастье Евгений усаждается мечтой о мировой катастрофе – поистине безумной мечтой. Евгений не библейский пророк, разоблачающий сделанного человеческими руками «кумира», а «безумец

бедный», обвиняющий самого «строителя чудотворного», чьи дела выше человеческих сил и разума, потому что это не только его дела (иначе бы они не были «чудотворными»). Бог сотворил мир и насылал всемирный потоп. Он же, Творец и Судия мира, направлял Петра, «...чьей волей роковой / Под морем город основался» (V, 148) – «дивный град», которому, однако, всегда надлежит помнить о своем положении. Он был заложен «на зло надменному соседу» (V, 135), который за свою надменность и был наказан.⁷⁸⁵ Слава основателя Петербурга и победителя шведов – доказательство правосудия Божия, возвеличившего Россию и посрамившего гордыню ее врагов:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия...
(V, 137)

То, к чему во вступлении к поэме Пушкин обращает свое безоговорочное «люблю», есть не просто горделивые символы петровской государственности, а наглядное свидетельство правоты и незыблемости исполненного «поэзией» Божественного миропорядка. Его-то не принимает, ему-то не доверяет, от него-то и отгораживается бедный Евгений в своих «прозаических» мечтах, смытыми волнами пушкинского потопа. И его-то уничтожения, «злбно задрожав», он пожелал в отместку за свое горе (отсюда демонический характер его «бунта»).

Дело не только в том, что у Евгения мечты разошлись с делом⁷⁸⁶. В самих этих мечтах не оказалось ничего, на что бы он смог опереться в «ужасный день» наводнения. Ничего, что позволило бы ему с терпением и мужеством, смирением и простотой перенести удар судьбы (а ведь эти качества он предполагал в себе, мечтая устроить «приют смиренный и простой» и найти в нем свое счастье). Претендуя на внутреннюю независимость от мира, он не имел в себе ничего более ценного и прочного, чем есть в этом мире, и что могло бы пережить всемирный потоп, не говоря уже о петербургском наводнении. Что бы это могло быть – об этом можно судить по «Потопу» Геснера и Херасковой, а еще вернее – по некоторым другим произведениям, Пушкину безусловно известным. Это, например, стихотворение Державина «Предвестие» (1810), последние две строфы которого здесь уместно процитировать:

⁷⁸⁵ Иную интерпретацию выражения «на зло надменному соседу» см.: *Серман И.З.* Тема «зла» в «Медном всаднике» // *Коран и Библия в творчестве А.С. Пушкина.* – Jerusalem, 2000. – С.157–168.

⁷⁸⁶ См. на этот счет одну из новейших статей: *Звонникова Л.* Петербургский Иов // Октябрь. – 2012. – №6. – С.170–174.

Поверенна моих печалей
 И общница моих отрад,
 Коль стали младости мы далей
 И смерти нам серпы грозят:
То крепче дружбой мы спряжемся
И так скрепим свои сердца,
Что рушья мир, – не ужаснемся
До предназначенна конца.

Конец ристалища блистает
 Сей жизни пальмою для тех,
 Кого смиренье провождает
 В блаженну вечность для утех.
Рука мы об руку с тобою,
 Христовой веры под щитом,
 В блестящих ризах белизною
 В невестник Ангелов войдем.⁷⁸⁷

(курсив мой – В.К.)

Интересно, что в мечтах Евгения используется то же выражение, что в приведенных стихах Державина: «И так до гроба / *Рука с рукой дойдем мы оба*». Только при этом Евгений мечтал об исключительно мирной кончине («И внуки нас похоронят»), а Державин, «Христовой веры под щитом», призывает подругу не ужасаться и крушения мира, возможность которого вполне допускает и выражает свою готовность к нему.

Отвлекаясь от нюансов, можно заметить, что искусственные, совершенно условные герои Геснера и Херасковой исповедуют безусловные ценности: они верят в правосудие Бога и бессмертие души, надеются на Его милость, любят и поддерживают друг друга. Авторы предъявляют их читателям не столько для сочувствия, сколько в качестве нравственного эталона и образца для подражания. Это искусственно, с назидательной целью сконструированные образы, однако цель эта – не религиозная проповедь, а внушение мысли о самодовлеющей ценности и правах человеческого чувства (любовного, в первую очередь), освобождаемого от диктата Церкви, государства и общества. Склонности и стремления обособившейся и независимой от них (хотя бы в своих мечтах)

⁷⁸⁷ Державин Г.Р. Сочинения / С объяснительными примеч. Я. Грота: [В 9 т.]. – Т.3. – СПб., 1866. – С.76–77. «Предвестие» является подражанием Л. Козегартену и входит в цикл «званских» од, о которых шла речь в гл.4 нашей работы.

личности у Геснера изображаются как прирожденные человеку, данные самим Богом, а потому прекрасные и богоугодные, согласные с Божественным миропорядком, в отличие от уклонившейся от него и пытающейся подменить его собой цивилизации. Эта праруссоистская картина мира, пришедшая по вкусу Руссо (почитателю Геснера) и сентименталистам, позволяла отстаивать внутренне достоинство умиленной собственными мечтами и чувствами личности, не вступая в явный конфликт с господствующей религией. Следующий шаг сделают романтики, заявившие о правах этой личности и нравственной значимости ее притязаний и чувств уже безотносительно или вопреки религиозной картине мира.

Мечты Евгения – это идиллия в духе Геснера, из которой изъята религиозная составляющая, но мечтает он в мире, где «...народ / Зрит Божий гнев и казни ждет», а потомок основателя Петербурга, победитель Наполеона, смиряется и признает: «С Божией стихией / Царям не совладеть» (V, 141). Когда уже «редет мгла ненастной ночи» перед началом «ужасного дня», мечты Евгения о самостоятельном семейном счастье, труде и независимости не выглядят ни уместными, ни слишком возвышенными и нравственно-назидательными. Мысли и чувства Евгения во время и после наводнения (еще менее идиллические, чем разумные) показывают, что в нем не было мечтавших ему идиллических свойств – ни невинности и простоты, ни смирения и покорности судьбе, ни веры и надежды, ни даже сильной любви (и Параша – «его мечта»). Было же – недовольство современного человека своим положением в Божьем мире («...мог бы Бог ему прибавить / Ума и денег» – V, 139), чем и питались его идиллические мечты (форма бегства от действительности), а не серьезной приверженностью к идеалам внутренней независимости, смиренного труда и покорности Провидению, которым как будто бы учила, но в которых не могла укрепить человека «манерная проза» Геснера, любующегося красотой «естественных» (а на деле – «чопорных и манерных») человеческих чувств. В мире пушкинской поэмы мечты и притязания сентиментальной секуляризованной личности обнаруживают свою полную несостоятельность. В отличие от манерно выдуманных примерных любовников «Потопа» Геснера (и еще более манерных жениха и невесты в подражании Херасковой), Евгений в «Медном всаднике» – кто угодно, но не пример для подражания; его мечты – что угодно, но не нравственный эталон в мире Пушкина и не мерило для оценки деяний «строителя чудотворного». Он прежде всего объект сострадания автора и читателей, герой современного «печального рассказа», «происшествия», которое «основано на истине» (V, 133).

Глава тринадцатая

**О БИБЛЕЙСКИХ МОТИВАХ В ПОЭМЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ДЕМОН»
В СВЯЗИ С ЕЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИЕЙ**

Хроника работы Лермонтова над поэмой «Демон»⁷⁸⁸ и ее разные редакции реконструировались и изучались несколькими поколениями исследователей (С.В. Шувалов, Б.М. Эйхенбаум, А.Н. Михайлова и др.). Время окончания последней VIII редакции – начало 1839 г. (не позднее февраля, когда состоялось ее чтение при дворе) – было документально установлено Э.Э. Найдичем в 1979 г.⁷⁸⁹ (до этого она датировалась началом 1841 г.). В.Э. Вацуро нашел запись в ведомости петербургского цензурного комитета, сделав заключение, что в начале марта 1839 г. поэма была разрешена к печати.⁷⁹⁰ Лермонтов, однако, по каким-то причинам не стал ее печатать ни целиком, ни частями (как предлагал ему А.А. Краевский). Возможно, он еще собирался вернуться к поэме. По замечанию А.И. Журавлевой, «последняя редакция “Демона” именно оказалась последней, а не была подлинным завершением работы над поэмой»⁷⁹¹.

Репутация поэмы в русской литературной критике всегда была двойственной. С одной стороны, «Демона» всегда признавали (и не могли не признавать) одним из главных произведений Лермонтова, а с другой – в нем редко находили сколько-нибудь значительное идейное содержание. Очень характерно относящееся к 1920-м гг. высказывание Д.П. Святополка-Мирского: «Что касается самого демона, то он самый неубедительный дьявол из всех, когда-либо задуманных поэтами. Он чисто оперный, и то, что сюжет “Демона” превратился в либретто для самой “оперной” из русских опер (автор – Антон Рубинштейн), многозначительно само по себе. Для большинства русских читателей “Демон” – серьезная помеха в их общей оценке Лермонтова. И все-таки в нем

---

⁷⁸⁸ Поэма «Демон» и ее ранние редакции в этой главе цитируются по изд.: *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Вступ. статья Д.Е. Максимова; сост., подгот. текста и примеч. Э.Э. Найдича. – Л.: Советский писатель, 1989. – Т.2. – С.436–467, 533–592. – (Библиотека поэта, бс). Ссылки на страницы даются в тексте. Основные сведения о редакциях поэмы см.: Там же. – С.645–649 (примеч. Э.Э. Найдича). Общие сведения о поэме и основную литературу о ней см.: *Аношкина-Касаткина В.Н.* «Демон» // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и составитель И.А. Киселева. – М.: Индрик, 2014. – С.114–119 (библиография – «от редколлегии»); *Найдич Э.Э., Роднянская И.Б.* «Демон» // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С.130–137.

⁷⁸⁹ *Найдич Э.Э.* Последняя редакция «Демона» // *Русская литература.* – 1971. – №1. – С.72–78.

⁷⁹⁰ *Вацуро В.Э.* Запись в цензурной ведомости // *Вацуро В.Э.* Записки комментатора. – СПб.: Академический проект, 1994. – С.302–307 (первая публикация заметки: *Вацуро В.Э.* К цензурной истории «Демона» // М.Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1979. – С.410–414).

⁷⁹¹ *Журавлева А.И.* Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С.159.

есть поразительная словесная музыка и колдовство...»⁷⁹² Ранее еще более скептически высказывался о поэме В.С. Соловьев: «Несмотря на великолепие стихов и на значительность замысла, говорить с полной серьезностью о содержании поэмы “Демон” для меня так же невозможно, как вернуться в пятый или шестой класс гимназии».⁷⁹³ Одной из причин такого «скептицизма» критиков в оценке поэмы было, кажется, то, что, как правило, ее рассматривали исключительно в перспективе романтических поэм в духе Байрона.

В связи с поэмой «Демоном» вместе с Байроном часто называют имя Милтона, причем нередко через запятую, не всегда вспоминая, что в сознании современников Лермонтова они были антагонистами. В стихотворении В.Г. Теплякова «Два ангела» (1833) Милтон и Байрон представлены как носители разных духов: один – «божественный слепец», «очами души» узревший «солнце рая», другой – «Гигант», измеряющий «пространства бездны» своим «мрачным умом»⁷⁹⁴. В то время как Байрон уличался в проповеди безнравственности и эгоизма, чтение Милтона, «христианского Гомера»⁷⁹⁵, считалось душеполезным занятием. «Потерянный рай», как и «Мессию» Ф.-Г. Клопштока, относили к образцовым «духовным поэмам», отличительной особенностью которых было «смещение вымысла с истинною религиею, выраженное в формах древней языческой поэзии».⁷⁹⁶ Критики, порицавшие их, отвергали искусственность «форм» классической эпопеи Нового времени, но не права «вымысла» в проповеди «истинной религии»⁷⁹⁷.

Способы обращения с Библией в поэмах Милтона и мистериях Байрона («Каин», 1821; «Небо и земля», 1822)⁷⁹⁸ диаметрально противоположны. Оба прибегали к

⁷⁹² *Святополк-Мирский Д.П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. – 2-е изд. – Новосибирск: Издательство «Свинья и сыновья», 2006. – С.223.

⁷⁹³ *Соловьев В.С.* Лермонтов // Соловьев В.С. Литературная критика. – М.: Современник, 1990. – С.289.

⁷⁹⁴ См.: Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. – Л.: Советский писатель, 1972. – Т.1. – С.679–682. – (Библиотека поэта, бс). Впервые изданное в 1833 г., это стихотворение вошло в сборник Теплякова 1836 г. Описание второго «ангела» (вдохновлявшего Байрона) здесь созвучно лермонтовской поэзии и, в частности, «Демону».

⁷⁹⁵ *Люценко Е.П.* Нечто о достоинстве и прежних переводах Потерянного и Возвращенного рая // Потерянный рай, поэма Иоанна Мильтона. С приобщением его же творения: Возвращенный Рай. Перевод с французского, исправленный по Английскому подлиннику, с присовокуплением примечаний Е. Люценко: В 4 ч. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. – Ч.1. – С.VII. Переводчику казались очевидными преимущества Мильтона перед Гомером, который все описывал «без нравственности, умиляющей и успокаивающей душу» (с.IV).

⁷⁹⁶ *Давыдов И.И.* Чтения о словесности. Курс третий. – Изд. 2-е, испр. – М., 1839. – С.288.

⁷⁹⁷ Н.А. Полевой, например, писал, что «духовная эпопея по форме языческой поэмы есть что-то уродливое, несмотря на гений Мильтона и Клопштока», но не сомневался, что «может и должна быть поэзия религиозная», в том числе эпическая, и даже набросал «идеал будущей христианской эпопеи» (*Полевой Н.А.* О духовной поэзии // Библиотека для чтения. – 1838. – Т.26. – Кн.1. – С.94–108, здесь 104–106).

⁷⁹⁸ Об этих мистериях Байрона в интересующем нас аспекте (хоть и с несколько иным, чем у нас, их пониманием) см.: *Михайленко Е.Н.* Библейские темы и мотивы в позднем творчестве Байрона: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003; *Михайленко Е.Н.* Д.Г. Байрон и Библия. Романтический миф Байрона: опыт исследования. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 140 с. (Книга по требованию).

вымыслам, но Байрон *переосмысливал* библейские образы и сюжеты в целях самовыражения, а Милтон *актуализировал* для современников их подлинный смысл, претендуя, конечно, на правильное его понимание. Он выступал как толкователь и популяризатор Библии, определявшей в протестантизме все стороны жизни верующих. Добро и зло, положительные и отрицательные библейские персонажи у Милтона выступают в том же качестве, что и в Библии, а не меняются местами, как зачастую у Байрона. То же касается и Сатаны в «Потерянном рае», изображенным Милтоном отнюдь не в целях его апологии и реабилитации,⁷⁹⁹ в чем, в общем-то, отдавали себе отчет даже критики, склонные героизировать милтоновского Сатану, как, например, В.Г. Белинский.⁸⁰⁰

Присутствие и весомость библейских мотивов в поэзии Лермонтова и в особенности в «Демоне» самоочевидны, они не раз становились предметом исследований.⁸⁰¹ Вопрос в том, насколько произвольно он их использовал, то есть не была ли его манера обращения с Библией всецело «байронической»? В случае с «Демоном» это было бы даже естественно, поскольку сюжет поэмы не связан с каким-то общеизвестным эпизодом священной истории (вроде грехопадения первых людей, как у Милтона, или убийства Каином Авеля и Всемирного потопа, как в названных мистериях Байрона), это чистый поэтический вымысел, а значит, речь может идти лишь об отдельных образах, аллюзиях и цитатах. Критики XIX в. были склонны отказывать поэме в наличии сколько-нибудь серьезного богословского содержания, в ее заглавном герое усматривали портрет сочинителя⁸⁰². В соответствии с этой традицией Б.М. Эйхенбаум, указывая на

⁷⁹⁹ См.: *Халтрин-Халтурина Е.В.* Диптих Кольриджа «Кристабель» и милтоновские традиции // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – Т.67. – №6. – С.24–37.

⁸⁰⁰ См. его характерное высказывание: «...сам того не подозревая, он в лице своего гордого и мрачного Сатаны написал апофеозу восстания против авторитета, *хотя и думал сделать совершенно другое*» (Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. – Т.8. – М., 1982. – С.362, курсив мой – В.К.). Пафос лермонтовского «Демона» критик усматривал в словах «с небом гордая вражда» (относящихся к Тамаре в VI редакции поэмы и отсутствующих в двух ее последних редакциях), называя его при этом «детским, незрелым и колоссальным созданием» (Там же. – Т.9. – М., 1982. – С.494, письмо В.П. Боткину от 17 марта 1842 г.). Отсюда видно, что вопрос о том, что «думал сделать» автор этого «детского» произведения, для Белинского не был слишком важен

⁸⁰¹ Общий обзор и основную библиографию вопроса см.: *Роднянская И.Б.* Библейские мотивы у Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. – М., 1981. – С.59–61. В одной из новейших работ обобщены прежние и сделаны новые интересные и тонкие наблюдения над библейскими мотивами в «Демоне», см.: *Зотов С.Н.* Художественное пространство – мир Лермонтова. – Таганрог, 2001. – С.115–200 («Пространство Демона»). См. также: *Зотов С.Н.* Интеллектуальное переживание Библии в ранней лирике М.Ю. Лермонтова и поэме «Демон» // Первое произведение как семиологический факт: Сб. статей научно-литературного семинара. – СПб.; Ставрополь: Textus, 1997. – С.89–96.

⁸⁰² Против этой традиции протестовал Д.А. Столыпин, родственник и друг Лермонтова, вспоминая о реакции первых слушателей поэмы: «– Скажите, Михаил Юрьевич, – спросил поэта князь В.Ф. Одоевский, – с кого вы списали вашего Демона? – С самого себя, князь, – отвечал шутливо поэт, – неужели вы не узнали? – Но вы не похожи на такого страшного протестанта и мрачного соблазнителья, – возразил князь недоверчиво. – Поверьте, князь, – рассмеялся поэт, – я еще хуже моего Демона. – И таким ответом поставил

многочисленные русские и европейские источники лермонтовских произведений, отрицал связь «Демона» «с поэмой в стиле Мильтона»: «На русской почве, вне связи со средневековым эпосом и поэмой в стиле Мильтона, сюжет этот утерял свою пышность, свою богословскую философичность и стал гораздо примитивнее. Из западного Сатаны получился „печальный демон“, в котором просвечивают черты знакомых нам хотя бы по драмам Лермонтова парадоксальных злодеев, вроде Арбенина из „Маскарада“. Он замаскирован на этот раз Демоном...»⁸⁰³

Неизвестно ни одного прямого упоминания Милтона Лермонтовым (по этой причине, вероятно, в «Лермонтовской энциклопедии» нет статьи о нем). Однако в знакомстве его с «Потерянным раем», и отнюдь не поверхностном, не приходится сомневаться. Целый ряд текстуальных соответствий с поэмой Милтона в «Демоне» был указан еще двух дореволюционных брошюрах (Елены Страховой),⁸⁰⁴ об этом пишут и современные авторы.⁸⁰⁵ Причем, как убедительно показал В.Т. Олейник, «в процессе работы над поэмой Лермонтов от редакции к редакции насыщал ее деталями, восходящими непосредственно к “Потерянному раю”»⁸⁰⁶. Л.П. Семенов еще в 1914 г. указывал на Библию как главный источник поэмы «Демон» и поставил ее в ряд европейских поэм на библейские темы (мотивы): «Все, что лежит в ее основе, – борьба злого духа с Небом, печальные думы о том, что человеческая жизнь кратка, <...> – все это библейское, влившееся в поэму или непосредственно из Библии или из произведений чужеземных, более или менее широко захватывающих библейские мотивы (таковы, например, “Потерянный рай” Мильтона, “Мессиада” Клопштока, “Фауст” Гете, “Каин” и

князя в недоумение: верить ли его словам или же смеяться его ироническому ответу. Шутка эта кончилась, однако, всеобщим смехом. Но она дала повод говорить впоследствии, что поэма «Демон» имеет автобиографический характер» (М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С.205–206).

⁸⁰³ Эйхенбаум Б.М. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. – Л., 1924. – С.93–94.

⁸⁰⁴ Страхова Е. «Творческий плагиат» Лермонтова в поэме «Демон»: (Займствованиа у Мильтона, Виньи, Байрона, кавказских легенд). – М., 1909. – 12 с.; Страхова Е. Как понимать образы Демона Лермонтова и Рубинштейна и некоторые общие замечания о поэме, опере и ее либретто. – М.: Тип. Вильде, 1909. – 24 с.

⁸⁰⁵ См., например, в кн.: Boss V. Milton and the Rise of Russian Satanism. – Toronto, 1991 (здесь Демон Лермонтова трактуется, в основном, как «любовник»). Ср. также интересное замечание М.Я. Вайскопфа о «комплексном сочетании» демонических мотивов в поэме Лермонтова: «Теоретически говоря, авторам всякий раз оставалось только решить вопрос о выборе того или иного готового сюжетного амплуа для этой фигуры: изобразить ли, как здесь, дьявола в виде тоскующего ангела, отлученного от отчих небес, либо грозного бунтаря, идущего на них войною, либо, наконец, коварного соблазителя. Открывались и промежуточные варианты или комплексные сочетания мотивов: порой, как в «Демоне» Лермонтова, они смешивались между собой и обрастали побочными решениями» (Вайскопф М. Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. – М.: НЛЮ, 2012. – С.430).

⁸⁰⁶ См., Олейник В.Т. Лермонтов и Милтон: «Демон» и «Потерянный рай» // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1989. – Т.48. – №4. – С.299–315, здесь с.314. См. также новую работу того же автора: Олейник В.Т. М.Ю. Лермонтов: идентификация демона // Сборник трудов памяти Николая Ивановича Либана. М.: Кругъ, 2015. С.379–408.

“Небо и земля” Байрона, “Элоа” А. де Виньи и др.). Нельзя не поражаться мощи и гибкости молодого гения, с честью для себя выдержавшего соревнование с колоссами мировой литературы». ⁸⁰⁷ Все это позволяет говорить о причастности «Демона» к традиции «религиозной» («духовной», «священной», «христианской») поэмы в духе Милтона и Клопштока. Для авторов таких поэм была характерна озабоченность не только общими нравственными и религиозно-философскими проблемами, но и специальными вопросами богословия и библейской экзегетики. И, напротив, совсем для них не характерны были религиозное вольнодумство и свободная игра с библейскими текстами и образами.

С одним знатоком и ценителем жанра религиозной поэмы Лермонтов был лично связан. Это А.Н. Муравьев, соединявший в себе амплу светского и церковного писателя, к началу 1830-х гг. уже достаточно знаменитого. Знакомство с ним, состоявшееся в 1833–1834 гг., ⁸⁰⁸ стало для Лермонтова первым серьезным литературным знакомством. Известно, что Муравьев поддерживал его в цензуре и при дворе и оказал на него некоторое творческое влияние. Подарив Лермонтову пальмовую ветвь, привезенную из Святой земли, он подал повод к сочинению стихотворения «Ветка Палестины» (1836). С произведениями Муравьева связано стихотворение Лермонтова «Это случилось в последние годы могучего Рима...» (между 1835 и 1841) – написанное гекзаметрами начало поэмы о раннехристианских мучениках. ⁸⁰⁹

Муравьев был причастен к созданию «придворного» списка «Демона» в начале 1839 г., его последней (VIII) редакции. Считалось даже, что либо VII редакцию, либо VIII с ее новым финалом (счастливым для Тамары и неизбежным для Демона) Лермонтов сочинил по его совету с целью угодить вкусам двора ⁸¹⁰. Поводом к их знакомству в 1833–1834 гг. тоже была поэма «Демон», одна из ранних редакций которой оказалась у него в руках через лермонтовского однокашника. После этого, по воспоминаниям Муравьева, поэт часто у него бывал: «Часто читал мне молодой гусар свои стихи, в которых

⁸⁰⁷ Семенов Л.П. Лермонтов и Библия // Семенов Л.П. Лермонтов и Лев Толстой. (К столетию со дня рождения Лермонтова). – М.: Тип. В.М. Саблина, 1914. – С.362. См. также: Семенов Л.П. Библейские мотивы в поэме «Демон» // Михаил Юрьевич Лермонтов: Его жизнь и сочинения: Сб. ист.-лит. статей / Сост. В.И. Покровский. – 5-е изд., доп. — М.: И. Н. Кушнерев и К^о, 1916.

⁸⁰⁸ Об отношениях Муравьева с Лермонтовым и о дате их знакомства см.: Хохлова Н.А. Андрей Николаевич Муравьев – литератор. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – С.196–206).

⁸⁰⁹ Об этом отрывке в связи с Муравьевым и проблемах его датировки см.: Миллер О.В. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Это случилось в последние годы могучего Рима»: Литературные источники и датировка // Русская литература. – 1998. – №1. – С.58–61.

⁸¹⁰ См.: Лермонтов М.Ю. Собр. соч.: В 6 т. – Т.4. – М.; Л., 1955. – С.417 (коммент. А.Н. Михайловой). Здесь влиянием Муравьева объясняется также создание VII ред. поэмы.

отзывались пылкие страсти юношеского возраста, и я говорил ему: “Отчего не изберет более высокого предмета для столь блистательного таланта?”»⁸¹¹.

«Высокими предметами» Муравьев считал темы духовной поэзии. В 1826–1827 гг. он сам сочинял поэму «Потоп», думая выступить продолжателем Милтона и Клопштока (см. выше – гл.11). Она осталась незавершенной (написаны были две песни, изданные Н.А. Хохловой в 2001 г.⁸¹²), но вполне вероятно, что в беседах с Лермонтовым Муравьев заводил о ней речь и знакомил с какими-то фрагментами. Действие поэмы происходит перед Всемирным потопом «в Араратских горах» (на Кавказе), а исходная ситуация – любовь ангелов к смертным женщинам (так здесь истолковано Быт 6:1–4). Оба обстоятельства небезразличны для «Демона». В 1833–1834 Лермонтов как раз создал V редакцию поэмы, события которой еще разворачиваются в некоем абстрактном пространстве с монастырем. Было бы опрометчиво предполагать, что Кавказ как место действия последних редакций «Демона» был выбран под влиянием Муравьева, но можно не сомневаться, что в его лице Лермонтов нашел убежденного пропагандиста благочестивой эпопеи в духе Милтона и Клопштока и что именно в этом направлении Муравьев пытался влиять на молодого автора полюбившейся ему поэмы.

На разных этапах работы Лермонтова над «Демоном» возникали разные библейские мотивы, причем со временем возраставшие в количественно и качественно. Из романтической «байронической» поэмы «Демон» постепенно превращался в религиозную поэму, основывающуюся на Священном Писании.⁸¹³

«Демон молодой»: ранние редакции

Обычай критиков XIX в. видеть в «Демоне» незамысловатую любовную историю, а в ее заглавном герое – заместителя молодого автора⁸¹⁴, находит сторонников и среди современных исследователей.⁸¹⁵ Если бы речь шла только о ранних редакциях поэмы,

⁸¹¹ *Муравьев А.Н.* Знакомство с русскими поэтами. – Киев, 1871. – С.22.

⁸¹² *Хохлова Н.А.* Эпическая поэма А.Н. Муравьева «Потоп» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2000. – М., 2001. – С.19–45 (текст поэмы – с.32–42).

⁸¹³ Наше понимание эволюции религиозных воззрений Лермонтова и отражений их в его творчестве в целом представлено в нашей обзорной статье: *Коровин В.Л.* Лермонтов Михаил Юрьевич / В.Л. Коровин // Православная энциклопедия. – Т.40 (Лангтон – Ливан). – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2015. – С.595–600. Здесь же см. указания на основную литературу.

⁸¹⁴ «В Демоне Лермонтова не только начертан собственный портрет автора, но выражен чрезвычайно типически и его эротизм, стремительность и сила его любви» (*Спасович В.Д.* Байронизм у Пушкина и Лермонтова. – Из эпохи романтизма. II. Байронизм Лермонтова // Вестник Европы. – 1880. – Т.130. – Кн.4. – С.535).

⁸¹⁵ Ср.: «Содержание поэмы – это, в сущности, поэтическое изложение отношений со слабым полом противоречивого Лермонтова, пребывающего попеременно в ипостасях «мучителя» и «мученика», при

созданных в 1829–1831 гг. (завершенный вид имеют II <начало 1830> и III <1831>), с этим мнением пришлось бы согласиться. В посвящении III редакции («Прими мой дар, моя мадона!..») поэт открыто сравнивает себя со своим героем: «Как демон, хладный и суровый, / Я в мире веселился злом...» (с.536). В первых трех редакциях он даже наделяется возрастной характеристикой: «демон молодой» (с.534, 536, 547). Это еще не тот напугавший В.Ф. Одоевского «страшный протестант и мрачный соблазнитель», который будет искушать грузинку Тамару в поздних редакциях, а именно «демон молодой», чьи переживания и поступки по-человечески понятны, хоть и не очень благовидны. Это один из второстепенных злых духов, который некогда «блистающий Сион оставил с гордым сатаною» и с тех пор «связан клятвой роковою». Клятва эта заключалась в том, что «ему любить не должно сердца допустить» (с.538, 548). Он ее, конечно, нарушил и тем «князя бездны раздражил» (с.538, 549). Полубив безымянную монахиню, Демон оставляет ремесло искушителя и, боясь причинить ей зло, удаляется в некое горное жилище; там под влиянием нового чувства он начинает исправляться и даже делает добрые дела (помогает заблудившимся путникам), но однажды, все-таки решившись войти к ней, находит ее в охраняющих объятиях ангела, в полном согласии с ним: «Они счастливы, святы оба!» (с.541, 551; то же и в V ред. <1833–1834> – с.563). Поняв, что она любит другого (в III редакции есть «Песнь монахини» о любви к ангелу), Демон исполняется злобой и жадой мщения, а затем обольщает и умерщвляет монахиню. Во II редакции подчеркнута, что она заслужила свою участь: «Ее страстям уж нет прощенья!..» (с.545). Этот сюжет, основанный на мотивах неразделенной любви и ревности, адресат посвящения III редакции должен был понять как намек вести себя благоразумней, чем монахиня, и не отталкивать начавшего исправляться автора: «Теперь, как мрачный этот Гений, / Я близ тебя опять воскрес / Для непорочных наслаждений, / И для надежд, и для небес» (с.536).

В этом сюжете еще нет ничего специфически библейского. Это оригинальная вариация привлекавшего романтиков сюжета о любви между ангелами и смертными женщинами или между злыми и добрыми духами. Основанные на нем поэмы Т. Мура «Любовь ангелов» (1822), А. де Виньи «Элоа» (1824) и А.И. Подолинского «Див и Пери» (1827), как и «Небо и земля» Байрона, являются главными источниками первых редакций лермонтовской поэмы.⁸¹⁶ Демон здесь действительно не столько злой дух, сколько маска

незримом участии Бога-Промыслителя, в котором поэт видит неременного судью своим поступкам и замыслам» (Алексеев А.Д. «Демон». Тайна кода Лермонтова. – Воронеж, 2012. – С.14).

⁸¹⁶ Эти произведения давно введены в круг литературных источников «Демона». Кроме процитированной выше работы Л.П. Семенова (1914), см., например: Шувалов С.В. Влияния на творчество

автора, он недостаточно крепко стоит на стороне зла, и поэтому в принципе мог бы быть прощен, хотя этого не произошло: «Как жалко! Он уже хотел / На путь спасенья возвратиться / <...> / И благодатное прощенье / Ему б случилось получить» (с.541, 552).

В V редакции (1833–1834) статус Демона существенно повысился: уже нигде прямо не указывается на его подчиненное положение в иерархии злых духов, и возможность прощения и возрождения к новой жизни для него более проблематичны, чем для демонов ранних редакций, поскольку это прощение он заранее отвергает: «Он с гордым встретил бы челом / Прощенья глас, как слово казни» (с.559); «И слишком горд я, чтоб просить / У Бога вашего прощенья: / Ялюбил мои мученья / И не могу их разлюбить» (с.565). Правда, на вопрос монахини «кто ты?» он в V редакции по-прежнему честно и правдиво отвечает: «Я демон» (с.564; ср. с.535, 542, 553), а не уклоняется от ответа, как подобало бы настоящему «лжецу и отцу лжи» (Ин 8:44) и как действительно поступает Демон в поздних редакциях («Я тот, которому внимала... <и т.д.>»).⁸¹⁷ Тем не менее, в V редакции Демон уже приобрел некоторые присущие каноническому образу дьявола черты, а в тексте появились библейские реминисценции, используемые, надо признать, вполне уместно.

«А Бог! – На нас не кинет взгляда...»: грех против седьмой заповеди

Диалог о Боге отсутствует в последней VIII редакции поэмы, но с середины XX в. при всех переизданиях принято включать его в ее основной текст из ранних редакций (чаще всего в угловых скобках, как интерполяцию). Впервые он появился III редакции (1831) и без изменений перешел в следующие за ней:

Тамара

Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон

Против тебя ли?

Лермонтова русской и европейской поэзии // Венюк М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. – М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. – С.290–342.

⁸¹⁷ «Ускользание» лермонтовского Демона от прямых определений (именований), о котором писала И.Б. Роднянская (см.: *Роднянская И.Б. Демон ускользающий* // Вопросы литературы. – 1981. – №5. – С.140–163), в принципе может быть интерпретировано как определенное демоническое свойство, а не просто как художественная сложность образа.

Тамара

Нас могут слышать!..

Демон

Мы одне.

Тамара

А Бог!

Демон

На нас не кинет взгляда:

Он занят небом, не землей!

Тамара

А наказание, муки ада?

Демон

Так что ж? Ты будешь там со мной!>

(С.457; ср. с.565, 585)

В этом диалоге усматривают кощунственное отрицание Промысла Божьего, в связи с чем Лермонтов якобы и исключил его из списка поэмы, предназначавшегося к чтению при дворе. По этой причине Б.М. Эйхенбаум принял решение включить диалог в текст последней редакции как интерполяцию.⁸¹⁸ Против этого аргументированно возражали другие ведущие лермонтоведы⁸¹⁹, но тем не менее его не подкрепленное никакими текстологическими аргументами решение прочно вошло в издательскую практику.

Еще не отмечалось, что в этом диалоге о Боге есть довольно точная цитата из Священного Писания. В Книге Иова Елифаз Феманитянин обличает многострадального праведника: «И отвечал Елифаз Феманитянин и сказал: разве может человек доставлять

⁸¹⁸ «...в основу канонического текста “Демона” надо положить карлсруйское издание 1856 г., как сохранившее в большей точности окончательную редакцию поэмы, а отсутствующий в нем по цензурным причинам диалог вставить из карлсруйского издания 1857 г.» (*Эйхенбаум Б.М.* Комментарии и варианты: «Демон» // Лермонтов М.Ю. Полн. собр. сочинений: В 5 т. / Ред. текста, коммент. и предисл. Б.М. Эйхенбаума; Подгот. текстов Б.М. Эйхенбаума и К.И. Халабаева. – Т.3: Поэмы и повести в стихах. – М.; Л.: Academia, 1935. – С.636).

⁸¹⁹ См., например: *Шувалов С.В.* По какому тексту следует печатать лермонтовского «Демона»? // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – С.243–251.

пользу Богу? Разумный доставляет пользу себе самому. Что за удовольствие Вседержителю, что ты праведен? И будет ли ему выгода от того, что ты содержишь пути твои в непорочности? Неужели Он, боясь тебя, вступит с тобою в состязание, пойдет судиться с тобой? Верно, злоба твоя велика, и беззакониям твоим нет конца. <...> Не превыше ли небес Бог? посмотри вверх на звезды, как они высоко! *И ты говоришь: что знает Бог? может ли Он судить сквозь мрак? Облака – завеса его, так что он не видит, а ходит только по небесному кругу*» (Иов 22:1–5, 12–14). Двоедушный друг обвиняет праведного Иова в неведомых ему грехах и отрицании Промысла, в то время как сам в начале своей речи заявил о незаинтересованности Бога в праведности человека. Слова о том, что Бог «не видит, а ходит только по небесному кругу», приведены здесь как выражение крайнего безумия. В устах Демона эти же слова («Он занят небом, не землей») призваны ослабить волю Тамары к сопротивлению, лишить ее надежды. Однако дело этим не ограничивается. В словах Демона есть тонкий психологический расчет: он обезоруживает и одновременно завлекает Тамару в сети греха, как будто бы совершенно ненаказуемого. И грех этот здесь вполне конкретный – грех против седьмой заповеди Закона Божьего: «не прелюбодействуй». Мысли, внушаемые Тамаре Демоном, по Библии, лежат на сердце каждого прелюбодея, думающего оставаться невидимым: «И око прелюбодея ждет сумерков, говоря: ничей глаз не увидит меня, – и закрывает лице» (Иов 24:15); «Человек, который согрешает против своего ложа, говорит в душе своей: кто видит меня? вокруг меня тьма, и стены закрывают меня, и никто не видит меня: чего мне бояться?» (Сирах 23:24–25).

Адекватность этой библейской аллюзии именно в контексте отношений Тамары с Демоном не требует пояснений. Он апеллирует одновременно к ее разуму (лишая веры и надежды на заступничество Бога) и к чувственности (изображая привлекательный грех ненаказуемым). Таким образом, кощунственный диалог оказывается не вольнодумной выходкой автора, а важнейшим моментом в развитии сюжета поэмы. В III и V редакциях героиня (пока еще безымянная монахиня) становится именно жертвою «страстей», которые «владели пылкою душой» (с.568). В VI редакции (<8 сентября 1838>) на устах погибшей Тамары застыла «улыбка странная», в которой читалась «с небом гордая вражда» (с.587), чем подчеркивается уже большая весомость интеллектуальной составляющей среди причин ее гибели. В VII редакции (<4 декабря 1838>) образ Тамары несколько изменен: она движима не столько любовной страстью, сколько состраданием, и оказывается больше жертвой обмана, чем страстей (незаметно для себя согласившись оказаться с Демоном в аду). Облик погибшей Тамары лишен здесь демонических черт (нет

никакой «улыбки»), и в финале она названа просто «грешницей молодой». Наконец, в VIII редакции Тамара изображена как взявшая на себя из любви и сострадания к Демону непосильную задачу его спасения, потому здесь ей и открываются врата рая, что она «страдала и любила», а коварный Демон, вроде бы добившийся ее ответного поцелуя (ночной сторож и здесь слышит «двух уст согласное лобзанье»), в конечном счете посрамлен. В этом контексте ее согласие быть с Демоном в аду, то есть отказ от главной своей цели – его спасения, действительно выглядит странно и не совсем уместно. Поэтому, возможно, правы исследователи, не согласные с интерполяцией этого диалога в текст последней редакции и считающие, что Лермонтов исключил его не по цензурным, а художественным соображениям.⁸²⁰

«Лукавый Демон»: поздние редакции

В трех последних редакциях поэмы (VI <8 сентября 1838>, VII <4 декабря 1838>, VIII <начало февраля 1839>) сюжет о несостоявшемся возвращении злого духа на небеса обрастает важными и отнюдь не только декоративными подробностями: действие теперь происходит на Кавказе, безымянная монахиня превращается в грузинку Тамару, дочь богатого и знатного Гудала, а главное, у нее появляется жених, «властитель Синодала». Он оказывается первым препятствием в борьбе Демона за любовь Тамары, и, конечно, он легко устраняет, подстраивая гибель жениха. В таком виде сюжет поэмы находит близкое соответствие в Библии. Это Книга Товита, рассказ о Сарре, дочери Рагуила, которая «...была отдаваема семи мужьям, но Асмодей, злой дух, умерщвлял их прежде, нежели они были с нею как с женою» (Тов 3:8). Товия, сын Товита, пояснял эту ситуацию: «...ее любит демон, который никому не вредит, кроме приближающихся к ней» (Тов 6:15; потом Товия, воспользовавшись советом ангела Рафаила, изгнал злого духа и женился на Сарре, см.: Тов 7–8).

⁸²⁰ Против включения диалога в канонический текст поэмы выступал еще С.В. Шувалов, оппонировавший Б.М. Эйхенбауму. Из суждений современных авторов см., например: *Нестор (Кумыш), игумен*. Поэмы Лермонтова как основные вехи его духовного пути. – М., 2008. – С.229–230. Интересующий нас раздел этой книги («Личность перед лицом демонизма («Демон»)), с.118–255) является опытом апологии духовного смысла поэмы с православной точки зрения. См. также в других его книгах: *Нестор (Кумыш), иеромонах*. Поэма М.Ю. Лермонтова «Демон» в контексте христианского миропонимания. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007; *Нестор (Кумыш), игумен*. Тайна Лермонтова. – СПб.: Филологич. ф-т СПбГУ; Нестор-История, 2011.

Этот рассказ в связи с «Демоном» уже обсуждался⁸²¹, но, кажется, еще не была замечена имеющаяся в поэме точная цитата из Книги Товита. В ее славянском тексте Асмодей именуется не «злой дух», а «лукавый демон» («яко быша дана седми мужем, и Асмодей, лукавый демон, уби их, прежде даже быти им с нею яко с женами»). Это же выражение возникает в трех последних редакциях поэмы, и именно в связи с гибелью жениха Тамары:

Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмушал:
Он в мыслях, под ночью тьмою,
Уста невесты целовал.
(С.443; ср. с.575)

История, рассказанная в Книге Товита, привлекала внимание Лермонтова и раньше, что видно из наброска плана поэмы, датированного 1832 г.: «*Демон. Сюжет. Во время пленения евреев в Вавилоне (из Библии). Еврейка; отец слепой; он в первый раз видит ее спящую. – Потом она поет отцу про старину и про близость ангела; и проч<ее> как прежде. – Евреи возвращаются на родину – ее могила остается на чужбине*»⁸²². В чем-то этот план даже ближе к библейской книге, чем последние редакции поэмы (действие отнесено на Древний Восток, ко временам, близким к Книге Товита; слова «отец слепой» напоминают о бельмах самого Товита, ставшего в итоге тестем Сарры), но близость эта чисто внешняя: на библейском материале юный Лермонтов придумал собственный сюжет, не заботясь ни о букве, ни о духе оригинала. Совсем иначе он воспользовался им в 1838 г.: обстановка и развязка библейского рассказа в поэме иные, но сохранена самая его суть. «Лукавый Демон» Лермонтова выступает в том же качестве, что Асмодей в Книге Товита: он *убийца жениха и мучитель невесты*. Во всей поэме нет ничего, что не согласовывалось бы с пониманием «лукавого демона» Асмодея в этой библейской книге как особенного недруга брака – одного из Божественных установлений⁸²³, и с принятым в церковной традиции толкованием слов Товии «ее любит демон» (Тов 6:15): считается, что это указание на особенно сильное воздействие демона на Сарру, повергавшее ее в

⁸²¹ См.: *Зотов В.Н.* Ук. соч. С.161–162 и сл.; *Васильев С.А.* О незамеченном библейском источнике поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» // *Филологические науки.* 2005. №3. С.24–32.

⁸²² *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 6 т. – Т.6. – М.; Л., 1957. – С.382.

⁸²³ См.: *Аверинцев С.С.* Асмодей // *Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. – М., 1991. – Т.1. – С.114.*

мучительное и угнетенное состояние духа⁸²⁴. В том же состоянии находится и Тамара, которую «любит» лермонтовский Демон. По христианским представлениям, у падших ангелов любовь, соразмерная их небесному происхождению, после падения превратилась в невообразимую для человека лютую ненависть и злобу. У Демона все обстоит именно таким образом. В двух последних (VII и VIII) редакциях поэмы Лермонтов вкладывает в его уста слова, из которых становится окончательно ясно, что любовь и ненависть для Демона просто неразличимы:

В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
(С.459)

«Неизменному в злобе» Демону, конечно, невозможно вернуться к состоянию до его падения, «когда он верил и любил» и «не знал ни злобы, ни сомненья» (с.438). Его попытка воспользоваться с этой целью состраданием Тамары обречена с самого начала. Вне зависимости от того, осуждается ли Тамара на вечную гибель (как в VI и VII редакциях) или, по благовому «Божьему решению», уносится ангелом в рай (как в VIII редакции), для Демона в последних версиях поэмы нет и не может быть прощения. Как невозможно для него раскаяние, так и «жизни новой... желанная пора» (с.452) для него в принципе никогда не может наступить. Таким образом, в поздних редакциях поэмы Демон полностью «расчеловечивается» (иначе говоря, престаёт быть маской автора⁸²⁵) и обретает канонические черты главного злого духа христианской демонологии вместе с полагающейся ему участью.

«Люби меня!...»: клятва Демона

Клятва Демона Тамаре в ответ на ее просьбу об обещании отречься «от злых стяжаний» – одно из самых запоминающихся мест в поэме. Она появляется только в двух последних редакциях (VII и VIII). Риторичность и противоречивость этой клятвы, издавна

⁸²⁴ См.: Толковая Библия, или Комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета / Под ред. А.П. Лопухина. – Т.6. – СПб.: бесплатное прилож. к журналу «Странник», 1906. – С.346–347.

⁸²⁵ Об объективации образа Демона (подчеркивании дистанции между ним и автором) в поздних редакциях поэмы см., например: *Максимов Д.Е.* Поэзия Лермонтова. – 2-е изд. – М.; Л.: Наука, 1964. – С.78–86; *Манн Ю.В.* Диалектика русского романтизма. – М.: Аспект-пресс, 1995. – С.207–225.

порицавшиеся критиками,⁸²⁶ кажется, входили в художественный расчет Лермонтова, потому что здесь Демон как бы заговаривается и проговаривается об истинных целях своего нападения на душу Тамары.

Поэма задумывалась как рассказ о неудавшейся попытке возрождения злого духа в любви к смертной женщине, но по мере того как от редакции к редакции Демон приобретал все новые черты, позволяющие отождествить его с главным врагом рода человеческого («Архиврагом» называет своего Сатану Милтон), этот сюжет отодвигается на второй план, намерения Демона перестают быть столь очевидными, как поначалу. В поздних редакциях, как и в ранних, он любит героиню абсолютно искренно, но это уже настоящая демоническая любовь, то есть ненависть. В клятве он до конца обнаруживает воистину нечеловеческие размеры своего чувства и всеобъемлющий характер своих притязаний. Его соперником в любви к Тамаре является уже не ангел, как в ранних редакциях, а Бог: Его место он жаждет занять и потому клятву свою начинает с «первого дня творенья» и его «последнего дня», заявляя таким образом, что он не удовольствуется никакой, даже самой большей частью из славы Творца мира, а претендует на всю ее целиком. При этом нужно заметить, что признаки дуалистических воззрений в поэме отсутствуют: в ранних редакциях, обращаясь к монахине и ангелу, Демон еще употребляет выражение «*Бог ваш*», но в поздних оно исчезает, а вместо этого сам автор свидетельствует о подконтрольности Демона Творцу: «...гордый дух / Презрительным окинул оком / Творенье *Бога своего*» (с.439, курсив мой – В.К.).

Добиваясь любви Тамары, Демон хочет от нее того же, чего хочет от человека Бог. В этой связи клятве Демона, завершающейся страстным призывом к Тамаре «люби меня!..», находится одна интересная параллель в поэме В.И. Соколовского «Мироздание», вышедшей в 1832 г. и переизданной в 1837 г. (можно не сомневаться, что Лермонтову это сочинение было известно, поскольку оба его издания вызвали целый ряд печатных откликов, сопровождавшихся дискуссией о жанре «духовной поэмы»). Это «духовное стихотворение» (такой жанровый подзаголовок дал автор в первом издании) посвящено шести дням творения мира. Сотворив человека, Бог обращается к нему с речью,

⁸²⁶ См., например, замечание Н.Н. Страхова: «Все очень красноречиво, но вместе совершенно бледно и холодно; демон делает правильные антитезы, логически переходит от одной мысли к другой, почти пускается в рассказ; порыва, загадочности, страсти нет нисколько. Взят восточный оборот речи, но лишен всего характерного» (*Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах.* – 2-е изд., доп. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1897. – С.49). Ср. замечание И.А. Гончарова по поводу цензурного запрещения этой клятвы в изд. 1859 г.: «В числе запрещенных мест, на стр<анице> 107, есть клятва Демона: “Клянусь я первым днем создания” и т.д. Тут, кроме блестящей версификации, безвредного и эффектного набора слов, решительно нет ничего» (*Гончаров И.А. Рапорт о «Сочинениях Лермонтова...»* 11 марта 1859 года // Гончаров И.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. – Т.10: Материалы цензурской деятельности. – СПб.: Наука, 2014. – С.45).

перекликающейся, на наш взгляд, с позднее сочиненной клятвой Демона к Тамаре. Приводим эту речь полностью:

«Ты сотворен из праха Мною,
Возвышен Духом ты Моим,
И бесконечным Духом сим
Владей ты вечно над землею.
Тебе Я уготовил рай,
И в нем во всякое мгновенье
За наслажденьем наслажденье
Ты в вечной радости вкушай.
Тебе цветов благоуханье,
Тебе их нежная краса,
Тебе зеленые леса,
И дня веселое сиянье,
И ночи сладостный покой;
И засветлеют пред тобой,
Как два волшебные потока,
Заря заката и востока.
Твои вседневные труды
Тебе обычно будут в радость,
И оживляющую сладость
Прольют в тебя лесов плоды.
Тебе приветом будет пенье
Жильцов воздушной высоты;
И тихо сладость умиленья
Оно навеет на мечты.
Толпы зверей, твой глас заслыша,
Послушно станут пред тобой;
Ты царь везде: где скрепла суша,
Над всем, что скрыто под землей!
Твои моря, ручьи и реки
И все живущее в водах –
Таков закон на небесах,
Мной предначертанный навеки.
Своим Отцом Меня зови
И за любовь своей душою

Воздай мне с детской простотою
Священным пламенем любви»⁸²⁷.

Сравнивая эту речь с клятвой Демона, можно заметить, что Бог говорит о том, что Он *уже* дал человеку весь мир вместе со Своей любовью и ждет от него только *ответной* любви, а Демон *обещает* Тамаре чудеса и власть над миром *в обмен* на ее любовь. Он ведет себя в полном соответствии с предписанной ему христианской традицией ролью соблазнителя, как бы мы ни понимали его клятву – как искреннее излияние «нечеловеческих» чувств или как коварно сплетенную лесь сеть соблазна.

Таким образом, «Демон» в последних двух редакциях (и особенно в последней) оказываются в ряду «религиозных» поэм своего времени. В целом можно подтвердить давнее замечание Л.П. Семенова: «О том, как глубоко, как тонко понимал Лермонтов поэзию Библии, проникался этой поэзией, с каким совершенством претворил библейское в современное, может свидетельствовать поэма “Демон”».⁸²⁸ Однако это замечание нужно дополнить: автор «Демона» глубоко и тонко понимал не только «поэзию» Библии, но и ее учение как Священного Писания христиан. Пользуясь выражением современного Лермонтову критика (И.И. Давыдова), приведенным в начале этой главы, специфику поэмы «Демон» можно определить как «смещение вымысла с истинною религиєю» в «формах» романтической поэзии.

⁸²⁷ Соколовский В.И. Мироздание. Кто Ты, Господи? Исповедь: Стихотворения. – Изд. 3-е. – СПб.: у книгопродавца Лисенкова, 1867. – С.66–67.

⁸²⁸ Семенов Л.П. Библейские мотивы в поэме «Демон» // Михаил Юрьевич Лермонтов: Его жизнь и сочинения: Сб. ист.-лит. статей / Сост. В.И. Покровский. – 5-е изд., доп. — М.: И.Н. Кушнерев и К°, 1916. – С.167.

Глава четырнадцатая

ПОЭМА Ф.Н. ГЛИНКИ «ТАИНСТВЕННАЯ КАПЛЯ»

И ЕЕ ЧИТАТЕЛЬ М.А. ДМИТРИЕВ

1.

«Таинственная капля», написанная в 1840-е годы и впервые изданная в Берлине в 1861 году⁸²⁹, не принадлежит к числу изученных и широко читаемых сочинений Федора Глинки.⁸³⁰ Поэма основана на апокрифической легенде о евангельском благоразумном разбойнике, который в младенчестве был чудесно исцелен Пресвятой Богородицей во время бегства Святого семейства в Египет, а потом пошел по пути своих отцов и был распят по правую руку Христа. Легенда пользовалась большим признанием в католическом, чем в православном мире.⁸³¹ Жена поэта А.П. Глинка в своей многократно переиздававшейся книге «Жизнь Пресвятыя Девы Богородицы из книг Четьи-Минеи» (1840) о ней не упомянула. Используя эту легенду, Глинка должен был показать, что не уклоняется от Православия. С этой целью в заглавии он подчеркнул, что это не более чем «народное предание», а в предисловии сослался на авторитетное мнение свт. Филарета (Дроздова): «Всеми высокоуважаемый митрополит Московский Филарет на вопрос о достоинстве легенды отвечал: “Поелику предание это клонится не в ущерб, а к похвале Пресвятой Девы, то я признаю это предание достойным”» (I, с. V)⁸³².

⁸²⁹ <Глинка Ф.Н.> Таинственная капля. Народное предание. – Берлин: Тип. Карла Шультце, 1861. – Ч. 1–2. Экземпляр, принадлежавший М.А. Дмитриеву и содержащий множество его маргиналий, хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова (шифр *Дмитр 2667–2668*); на титуле первой части владельческая запись: «*Мих. Дмитриев. Получил от Автора 3 сентября 1862. В селе Богородском*»; на титуле второй части: «*Мих. Дмитриев*» (этот экземпляр пока не привлекал внимание исследователей и нигде, кажется, не упоминался). Далее ссылки на это издание и заметки Дмитриева даются в тексте (часть, страница).

⁸³⁰ Самое значительное исследование о «Таинственной капле» см.: *Зверев В.П.* Федор Глинка – русский духовный писатель. – М.: Пашков дом, 2002. – С.460–502 (описана цензурная история поэмы, приведены архивные материалы). Отдельные замечания см. в кн.: *Серков С.Р.* «Наш друг Фита...»: филологические этюды. – М.: Прима-Пресс-М, 2003. См. также посвященные частным вопросам статьи: *Козлов И.В.* Гекзаметр в «Таинственной капле» Ф. Глинки: (Стихотворное переложение молитвы «Отче наш») // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып.6. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2011. – С.79–85; *Сергеева О.А.* Библейский параллелизм в поэме Ф. Н. Глинки «Таинственная капля» (слово-образ *свет*) // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып.7. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. – С.77–85.

⁸³¹ Об отражении легенды в древнерусских памятниках см.: *Пуцко В.Г.* Благоразумный разбойник в апокрифической литературе и древнерусском изобразительном искусстве // Труды Отдела древнерусской литературы. – Т.22: Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси. – М.; Л.: Наука, 1966. – С.407–418. В конце XIX в. была издана посвященная этой богородичной легенде брошюра: Таинственная капля. Предание о благоразумном разбойнике и отражение его в изображениях икон Пресвятой Богородицы: Целительницы и Млекопитательницы. Издание Афонского Русского Ильинского скита. – М.: Типо-литография И. Ефимова, 1899. – 32 с. (сюда вошли и отрывки из поэмы Глинки).

⁸³² Свт. Филарет (Дроздов) частично был знаком с поэмой Глинки, который упомянул его также в примечании к главе «Искушение в пустыне»: «Эту статью Высокопреосвященный митрополит Филарет

«Народное предание» о благоразумном разбойнике послужило Глинке канвой для поэтического изложения всей евангельской истории, сопровождаемого экскурсами в историю ветхозаветную и завершающегося славословиями, видениями ангельского мира и преисподней и пророчествами о грядущем «Верховном суде» и «Царствии Иисуса»⁸³³. Из девяноста четырех нумерованных глав, художественно самостоятельных и разнообразных в метрическом и жанровом отношении, складывается, как мозаика, целая «библейская эпопея»⁸³⁴, самое объемное сочинение Глинки в стихах⁸³⁵. Свою миссию он и видел в том, чтобы дать России «поэму религиозную», подобную творениям Данте, Милтона и Клопштока, которые «прочтены и читаются в духовном и светском мире»⁸³⁶.

Поэма Глинки, однако, в «духовном мире» вызвав лишь подозрения, не завоевала популярности и в «мире светском». Духовная цензура, куда «Таинственная капля» поступила в 1848 году⁸³⁷, поэму не пропустила, поэтому после более чем десятилетних безуспешных хлопот Глинка и решился на ее заграничное издание. В России «Таинственная капля» была напечатана только в 1871 году⁸³⁸. Важным событием в литературном мире оба эти издания не стали. Зато в допечатный период своего бытия, то есть в 1840–1850-е годы, поэма пользовалась некоторой известностью и снискала признание в определенных кругах.

Работая над «Таинственной каплей», Глинка уже имел опыт общения с духовной цензурой, с 1835 года не пропускавшей другую его «религиозную поэму» – «Иов. Свободное подражание священной книге Иова». У него были причины думать, что с публикацией новой поэмы тоже возникнут трудности. Между тем «Таинственная капля» стала для Глинки чем-то большим, чем очередное литературное сочинение. Это был итог всей его полувековой литературной деятельности, главное жизненное свершение,

---

почтил особенным просвещенным своим вниманием» (II, с.461). Близкий к свт. Филарету архиеп. Леонид (Карснопепков) присутствовал на одном из чтений «Таинственной капли» 7 декабря 1862 г., т.е. уже после выхода берлинского издания (см.: *Леонид (Карснопепков), архиеп.* Записки московского викария. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – С.456).

⁸³³ Названия двух заключительных глав поэмы.

⁸³⁴ Письмо графини Е.П. Ростопчиной к Ф.Н. Глинке // *Москвитянин*. – 1851. – №11. Июнь, кн.1. – С.240.

⁸³⁵ По подсчету автора, эта «религиозная поэма» – «в 30 000 стихов» (*Глинка Ф.Н.* Автобиография // *Писатели-декабристы в воспоминаниях современников*: В 2 т. – М., 1980. – Т.1. – С.318).

⁸³⁶ ««Прошение Ф.Н. Глинки в Цензурный комитет...»» (цит. по: *Зверев В.П.* Федор Глинка – русский духовный писатель. – М.: Пашков дом, 2002. – С.469).

⁸³⁷ «Теперь сочинение мое, через посредство А.И. Войцеховича, поступает или поступило уже в *духовную цензуру*» (письмо Ф.Н. Глинки к П.А. Вяземскому 8 октября 1848 года; цит. по: *Зверев В.П.* Указ. соч. С. 478).

⁸³⁸ *Глинка Ф.Н.* Сочинения: [В 3 т.]. – <Т.2:> Таинственная капля. Народное предание: Ч.1–2. – М.: тип. М.П. Погодина, 1871. – XII, 320, II, 323–678, II с. (на титуле первой части – 1871, на титуле второй – 1870; цензурное разрешение от 16 февраля 1870 года). Далее ссылки на это издание даются непосредственно в тексте статьи (*Изд. 1871*, страница).

исповедание веры и проповедь и, наконец, демонстрация возможностей поэзии «нравственной» и «религиозной» именно в то время, когда, как писал Глинка, «едва ли мы не дожили до того, что <...> уже начинают *проповедовать*, что поэзия должна быть без *нравоучения*, а философия – без *веры*»⁸³⁹. В «Таинственной капле» он реализовывал программу, близкую кругу погодинского «Москвитянина» и неприемлемую, например, для «Отечественных записок» тех лет (процитированная рецензия Глинки на первый номер «Москвитянина» не случайно оказалась предлогом для начала полемики между двумя журналами, в которой проблема отношения поэзии к религии и нравственности занимала не последнее место⁸⁴⁰). И если Белинский в печати издевательски именовал Глинку «изобретателем благоухающей нравственностью поэзии»⁸⁴¹, а в письмах высказывался еще злее⁸⁴², то С.П. Шевырев при случае торжественно поднимал тост «за поэзию и за представителя ее Глинку в особенности»⁸⁴³. Таким образом, круг потенциальных хулителей и почитателей «библейской эпопеи» был определен еще до того, как она была написана.

Своих московских знакомых, посетителей «понеделничков» в его доме, «куда созывали преимущественно писателей прежнего времени, людей солидных и серьезного направления»⁸⁴⁴, Глинка знакомил с отрывками из поэмы уже в середине 1840-х годов. Чаще это, видимо, происходило не на самих «понеделничках»⁸⁴⁵, а более приватно. Авдотья Павловна, жена поэта (которой, кстати, часто совершенно безосновательно приписывается соавторство «библейской эпопеи»), тогда читала «Таинственную каплю»

⁸³⁹ Глинка Ф. Москвитянин // Московские ведомости. – 1841. – № 16. 22 февраля. – С.133, стлб.1.

⁸⁴⁰ Общий обзор этой полемики см. в кн.: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – Кн.6. – СПб., 1892. – С.77–83. О ее движущих пружинах и подтекстах и о деятельном участии в ней М.А. Дмитриева см. в кн.: Проскурин О. Литературные скандалы пушкинской эпохи. – М., 2000. – С.302–360.

⁸⁴¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. – Т.12. – М., 1956. С.62 («Русская литература в 1841 году»).

⁸⁴² «Что, не явились ли в Москве мощи Ф.Н. Глинки или он по-прежнему гниет заживо, а Петромихали (Погодин) с Шевыркою пропитывают свой пакостный журнал запахом его смердящего тела?» (Там же. – Т.12. – М., 1956. – С.104; письмо к М.С. Щепкину 12 апреля 1842 года).

⁸⁴³ Барсуков Н.П. Указ. соч. – Кн.9. – СПб., 1895. – С.83.

⁸⁴⁴ Берг Н.В. Из «Записок» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. – Т.1. – С. 331. Среди «главных посетителей» этих вечеров здесь названы М.А. Дмитриев, С.Е. Раич, Ф.Б. Миллер, М.Н. Лихонин, «кое-когда» А.Ф. Вельтман (Там же). Вместе с другими известными литераторами из ближайшего окружения Глинок (М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Е.П. Ростопчина, П.А. Плетнев) они и были первыми ценителями поэмы.

⁸⁴⁵ Тот же Н.В. Берг, один из юных и не очень информированных посетителей московского салона Глинок, вспоминал: «Читал он редко. Это были дни торжественные для его поклонников, которые относились к нему как к настоящему, но не признанному поэту. <...> Наиболее желательным предметом чтения для поклонников бывала поэма духовного содержания: “Божественная капля”, написанная что-то давно и много раз исправлявшаяся и дополнявшаяся. Целой этой поэмы, кажется, не слышал никто или очень немногие из старых приятелей хозяина. Новые удовлетворялись отрывками и не выражали никогда желания услышать все, а если и выражали, то не очень искренно. Мне случилось слышать два небольших отрывка, где были местами хорошие стихи, но только стихи; содержание меня не занимало. Я даже его путем не понимал» (Там же. – С.332). Возможно, чтения, на которых присутствовал Берг, имели место не до 1848 года, а после возвращения Глинок из Петербурга, в начале 1850-х годов.

лишь тем, кого считала достойными этой чести, и ревниво следила за реакцией слушателей. Так, по словам одной мемуаристки, летом 1846 года Авдотья Павловна прогнала ее с очередного чтения, поскольку та накануне не выразила должного восхищения: «Напрасно вы пришли, – сказала она мне сухо. <...> Это писал не какой-нибудь негодяй Пушкин или пьяница Лермонтов, а апостол Федор»⁸⁴⁶.

Понятно, однако, что слова «апостола» не должны были таиться под спудом. По крайней мере с 1848 года, завершив поэму и отдав ее в цензуру, Глинка прилагает усилия, чтобы сделать свое сочинение известным в свете. Так, 22 октября 1848 года в обществе петербургских литераторов у П.А.Вяземского он читает отдельные главы, а на следующий день, предлагая ему устроить более основательное прослушивание, пишет: «...обыкновенно <курсив мой. – В.К.> я читаю мою легенду пополам с своею женою. Тогда чтение идет скорее. <...> Переписав не один раз, своею рукою, мою длинную легенду, жена моя свыклась с нею, как с товарищем. Итак, если на будущей неделе распорядитесь чтением, к Вам явятся уже два чтеца»⁸⁴⁷. Отрывки «из неизданной поэмы» К.С. Сербинович публикует в «Литературных прибавлениях» к «Журналу Министерства народного просвещения» (1849. №1; 1850. №1). М.П. Погодин в «Москвитянине» в 1851 году помещает «Письмо графини Е.П. Ростопчиной к Ф.Н. Глинке», полностью посвященное непоименованной «Таинственной капле»:

«...вся эта поэма любви, веры, богосознания, – всё это казалось мне таким неожиданным, но желанным явлением в *теперешнее* наваждение прозы, реализма и скудости духовной, прикрытой нынешним именем *разума* и *рассудка*... <...> ...поэма Ф.Н. лишь только *иным* будет доступна и ясна. – Но, для этих *иных*, вы должны открыть ее свету, ее читать, ее исчитать, дать ей самую громкую, самую блестящую известность! Вспомните притчу о *талантах*, вспомните, что *несущий светоч да не скроет его!*...»⁸⁴⁸

Глинка «светоч» не скрывал. В 1850–1853 годах в Москве и в 1854–1859 годах в Петербурге, у себя и в домах знакомых, он регулярно выступал с чтениями всей поэмы, продолжавшимися в течение многих дней. Впрочем, обставлялись эти вечера торжественно и «таинственно». Об одном из таких чтений (у Ф.П. Толстого весной 1854 года), вспоминала Е.А. Штакеншнейдер, только что тогда познакомившаяся с Глинками:

⁸⁴⁶ Ольга Н. <Энгельгардт С.В.> Из воспоминаний // Русский вестник. – 1887. – № 11. – С.169.

⁸⁴⁷ Цит. по: Зверев В.П. Указ. соч. – С. 479.

⁸⁴⁸ Москвитянин. – 1851. – №11. – Июнь, кн.1. – С.241.

«Наступил вечер чтения «Таинственной капли». <...> Нас просили не разглашать об этом чтении, и эта таинственность <...> весь этот новый для меня мир, в котором божественное перемешивалось с запрещенным, производил странное впечатление. Из опасения, чтобы кто-нибудь посторонний, не посвященный в тайну собраний наших, не явился нечаянно, швейцару было приказано стоять у наружных дверей и впускать только тех, имена которых были ему сказаны. <...> Никогда не позабуду я этих вечеров, таинственных, как она сама, их виновница. Занавесят наглухо окна, чтобы весенняя голубая ночь в них не глядела, внесут свечи и затворят все двери. Глухо раздается в огромной зале голос престарелого чтеца. Он читал нараспев, торжественно, и на каждый размер стиха у него был свой напев. Говорили после вольнодумцы, что он читает не хорошо; тогда этого не говорили. <...> «Таинственная капля» читалась вечеров десять попеременно то у Толстых, то у Глинок».⁸⁴⁹

Таинственность чтений объясняется не столько масонскими привычками «престарелого чтеца», сколько обстоятельствами времени. Во второй половине 1850-х годов поэма читалась вполне открыто, а почитатели Глинки располагали списками каких-то отрывков и не считали своим долгом держать их в тайне⁸⁵⁰. Однако круг этих почитателей к тому времени рассеялся и поредел. «Москвитянин» в 1856 году закрылся. Разговоры о поэзии и нравственности перед лицом «общественных вопросов» эпохи реформ утратили былую занимательность. «Религиозное направление» Глинки, которое Белинский высмеивал как анахронизм еще в начале 1840-х годов, само по себе не могло встретить понимание демократической и либеральной аудитории конца 1850-х, не говоря уже об архаичности его поэтической манеры. Даже в относительно консервативных светских кругах Глинка с его «Таинственной каплей» в то время кому-то казался устаревшим и навязчивым графоманом и вызывал соответствующие историко-литературные ассоциации. Так, Н.Ф. Щербина, еще, вероятно, в Москве писавший ернические акафисты в честь Авдотьи Павловны⁸⁵¹, в 1855 году сочинил следующую эпиграмму:

⁸⁴⁹ *Штакеншнейдер Е.А.* Дневник и записки (1854–1869) / Ред., статья и коммент. И.Н. Розанова. – М., 1934. – С. 34–36.

⁸⁵⁰ Например, та же Е.А. Штакеншнейдер в 1858 г. собиралась отвезти хранившиеся у нее отрывки поэмы своим новым приятелям П.Л. Лаврову и В.С. Курочкину, но передумала, справедливо полагая, что «Глинку там подняли бы на смех» (Там же. – С.201). Е.П. Ростопчина, судя по ее письму, уже в 1851 году обладала полным списком поэмы, и, вероятно, не она одна.

⁸⁵¹ «Радуйся, “Капли” чтение, / Радуйся, смертных зевание... <...> Радуйся, Федора обожание...» (*Щербина Н.Ф.* Избр. произведения. – Л.: Сов. писатель, 1970. – С.258 (Б-ка поэта, бс)).

Вико прав. В круговращеньи
 Исторических веков
 Все – одни лишь повторенья:
 Г<линка> в нашем поколеньи,
 Что в минувшем был Хвостов⁸⁵².

Имя Д.И. Хвостова тут возникает, надо признать, вполне уместно. Его комическая репутация сложилась в дни молодости Глинка, и «существенную роль в этом... сыграла, вероятно, личность Хвостова» – «открыто провозглашаемая им страсть к метромании, версификации и жажда видеть свое имя напечатанным», его богатство и знатность⁸⁵³. По словам М.А. Дмитриева, сохранившего в «Мелочах из запаса моей памяти» несколько анекдотов о нем, «граф Хвостов был известен охотою читать всякому свои сочинения»⁸⁵⁴. При желании многие черты его эпиграмматического образа легко применялись к позднему Глинке – сочинительская неутомимость, затяжные чтения «Таинственной капли», кого-то повергавшие в тоску⁸⁵⁵, бесконечные хлопоты о ее издании, известные в свете, возраст, благодушие и до некоторой степени общественное положение. Тот же Щербина прозвал его «ходячим иконостасиком»⁸⁵⁶, имея в виду обыкновение Глинка появляться в обществе не иначе, как в орденах, известную его набожность и (по выражению И.Н. Розанова) «миниатюрность внешнего облика».

Важнее, однако, имплицитно содержащаяся в эпиграмме мысль: Глинка со своей духовной поэзией в наши дни такой же анахронизм, каким в дни его молодости был Хвостов с его эпигонским классицизмом. Дело, конечно, не в дарованиях Хвостова, не всегда и не всеми отрицавшихся, и не в поэтических достоинствах «Таинственной капли», по меньшей мере не уступающих «Опытам священной поэзии» (СПб., 1826) и «Карелии» (СПб., 1830)⁸⁵⁷, а в произошедшей смене литературных поколений.

⁸⁵² Щербина Н.Ф. Полн. собр. соч. – СПб., 1873. – С.304. Не раскрытый здесь криптоним «Г...» во всех позднейших изданиях раскрывался как «Гербель» (см., например: Щербина Н.Ф. Избр. произведения. – С.268). Это решение очень сомнительно, поскольку в 1855 году Н.В. Гербель, с которым только что, после смерти Николая I, переехавший в Петербург Щербина мог и не успеть познакомиться, был 27-летним начинающим литератором, опубликовавшим несколько стихотворений и кое-что в прозе, и сравнение его с Д.И. Хвостовым было бы не слишком остроумным. Совершенно прав, на наш взгляд, И.Н. Розанов, безоговорочно отнесший эту эпиграмму на счет Ф.Н. Глинка (см. его примеч. в изд.: Штакенинейдер Е.А. Указ. соч. – С.490).

⁸⁵³ Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М.: НЛЮ, 2007. – С.184.

⁸⁵⁴ Дмитриев М.А. Стихотворения. Мелочи из запаса моей памяти. – М., 1985. – С.197.

⁸⁵⁵ «Никогда не забуду мучений, которые доставляли мне эти чтения. Мне казалась скучной та часть, где евангелие переложено в стихи...» (Юнге Е.Ф. Воспоминания (1843–1860). – М., <1914>. С.53).

⁸⁵⁶ Штакенинейдер Е.А. Указ соч. – С.113.

⁸⁵⁷ Новейшее исследование об этой поэме Глинка см.: Пашков А.М. «Житие Лазаря Муромского» как сюжетный источник поэмы Ф.Н. Глинка «Карелия» // Евангельский текст в русской литературе XII—

Глинка принадлежал к поколению В.А. Жуковского. Как писатель он складывался под впечатлениями эпохи наполеоновских войн, споров о «старом» и «новом слоге», прозы Н.М. Карамзина, публицистики А.С. Шишкова, поэзии Г.Р. Державина. Во дни «Беседы любителей русского слова» и «Арзамаса» (ни в то, ни в другое общество он, как известно, не входил) он – уже прославленный автор «Писем русского офицера» (полностью вышли в 1815–1816 годах). Во дни полемики романтиков и классиков, в 1820-е годы, Глинка – один из наиболее самобытных поэтов, отличавшийся решительным преобладанием в его стихах «религиозного чувства и христианского нравоучения»⁸⁵⁸. Здесь можно бы вспомнить Жуковского, которого на рубеже 1810–1820-х годов младшие современники порицали за то, что он «вдается в какую-то христианскую выпренность» и «бренчит на распятии»⁸⁵⁹ (кстати, и Глинка обычно именно своей поэтической набожностью вызывал иронические реплики Пушкина).

В отличие от Жуковского, религиозное чувство у Глинки не интимно, а общезначимо и нравственно-назидательно. Это не столько сокровенная «жизнь души», сколько религиозное философствование или проповедь. Его подражания псалмам – продолжение линии ломоносовской духовной оды. Это образцы громкой, высокой поэзии, в чем-то наследующие С.А. Ширинскому-Шихматову⁸⁶⁰ и при этом осложненные элегическими мотивами и разговорной лексикой. Стилистические искания Глинки, его удачи и поражения, как и его идейные позиции, находятся в русле державинской традиции и, на наш взгляд, во многом восходят к деятельности архаистов начала XIX века. Этот вопрос еще подлежит изучению, но, во всяком случае, нужно заметить, что именно творчество Глинки напрямую связывает славянофильство 1840–1850-х годов с его «истоками» в «Беседе любителей русского слова», и прежде всего – по линии «духовной поэзии».⁸⁶¹

XXI век: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Вып.9. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. – С.112–123.

⁸⁵⁸ Розанов И.Н. Русская лирика. От поэзии безличной к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. – М.: За друга, 1914. – С.238.

⁸⁵⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т.1: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819. – СПб., 1899. – С.220, 227. Не лишним будет заметить, что последним сочинением Жуковского тоже стала «религиозная поэма», основанная на апокрифическом предании, – «Странствующий жид (Агасфер)» (1851–1852). На нее и поэму В.И.Соколовского «Мироздание» (1832) как на прецеденты указывал М.П.Погодин в предисловии ко второму изданию «Таинственной капли» (Изд. 1871, с. II).

⁸⁶⁰ Альтиуллер М.Г. Указ соч. – С.138.

⁸⁶¹ Именно так эту традицию в 1851 году видел А.С. Стурдза: «Ф. Глинка и кн. Сергей Шихматов (в монашестве Аникит) по следам великого Ломоносова создали у нас поэзию собственно духовную. Первый из них принадлежит еще и ныне к отборному строю знаменитых современников...» (Стурдза А.С. Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I. И мои воспоминания // «Арзамас»: Сборник: В 2 кн. – М., 1994. – Кн.1. – С.53).

2.

«Гайнственная капля» – «собственно духовная» поэзия Глинки – нашла отклик лишь у старшего поколения писателей, которые почти в обязательном порядке перемежали похвалы поэту с ламентациями о черствости и безверии «нынешнего века»⁸⁶². Среди них особое место принадлежит М.А. Дмитриеву. Он единственный из известных корреспондентов Глинки, кто после выхода поэмы из печати не ограничился выражением сочувствия мировоззрению автора, а с карандашом в руках прочел всю поэму и даже сообщил ему некоторые свои замечания. Экземпляр издания 1861 года из библиотеки Дмитриева изобилует маргиналиями. Это как бы заготовки для большой стилистической и исторической критики поэмы, сделанные с присущими Дмитриеву придирчивостью и педантизмом, – уникальный материал для изучения восприятия поэмы в ближайшем окружении Глинки. Ценность этих маргиналий особенно высока, если учесть, что других сколько-нибудь развернутых откликов на «Гайнственную каплю» либо попросту не было, либо они неизвестны.

С Федором Глинкой Дмитриев познакомился в юности, в 1818 году, во время приезда автора «Писем русского офицера» в Москву, и вынес из этого знакомства с уже знаменитым писателем приятные впечатления: «Он ездил к моему дяде (И.И.Дмитриеву. – В.К.), заходил и ко мне в комнату и побеседовать о литературе, и почитать моих стихов. Я должен сказать, что это было, по-тогдашнему, большое отличие...»⁸⁶³ В 1827 году Дмитриев выступил с сугубо положительной и самой обстоятельной из всех тогда появившихся рецензией на «Опыты священной поэзии» Глинки⁸⁶⁴, обнаружив искреннюю склонность к высокой псалмодической лирике. Парафразы псалмов есть и в сборниках его собственных стихотворений (1830 и 1865 годов), хотя выполнены они в более гладкой, «карамзинистской» манере. В 1840-е годы Дмитриев – постоянный посетитель «понедельников» в московском доме Глинок, один из их ближайших знакомых. В «Главах из воспоминаний моей жизни», отметив, что эти вечера были «разнообразнее» других аналогичных собраний, он сообщает: «...на них читались иногда и стихи: сколько раз случилось и мне привозить туда и читать внимающим слушателям мои стихотворения»⁸⁶⁵.

⁸⁶² См.: *Зверев В.П.* Указ соч. – С.460–502 (здесь частично представлен неопубликованный эпистолярный материал). Из поэтических откликов известны стихотворения Ю.Ф. Жадовской («С каждым часом жизни этой...») – Там же. С. 495) и В.Г. Бенедиктова – «Автору “Капли” (Ответ на привет)» (1858) (*Бенедиктов В.Г.* Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1983. С.469–470).

⁸⁶³ *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни / Подг. текста К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой. – М.: НЛО, 1998. – С.145.

⁸⁶⁴ Московский вестник. – 1827. – Ч.1. №4. – С.322–330 (авторство раскрыто издателем, см.: Там же. – 1827. – Ч.2. – №5. – С.110).

⁸⁶⁵ *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний... – С.442 (ср. с. 438–439).

О стихах самого хозяина он не упоминает, но, безусловно, Дмитриев был в курсе литературных дел Глинки и слышал или читал отрывки из «Таинственной капли» и «Иова» задолго до того, как, выйдя в отставку, уехал в свою деревню Богородское под Сызранью (осень 1847 года).

Впервые эти поэмы Дмитриев упоминает в письме к Глинке 30 августа 1850 года:

«Пожалел я, услышав, что ваш Иов и Божественная Капля не пропущены цензурой. Если, не касаясь поэзии, вывести результат из этих двух поэм, он будет вот какой: «Твердая вера – и сила благодати». – Неужели это вредно? – Воля ваша, а то какое-то ослепление, какой-то туман на очах цензоров! Со времени Ломоносова наши поэты пользовались Священным писанием для своих песен; и доныне никто еще от этого ни с ума не сошел, ни развратился! А развращают французские романы и непристойные водевили, которые одни позволяют! Что же это такое, если не ослепление! – Здесь, в уединении, хотя ничто не возбуждает поэтической мысли; но может быть и я писал бы что-нибудь. – Но что же писать? – Только что придет мысль, так за руку и держит цензор. У меня уже много не пропустили в Москвитянина; а вам известно, что я ничего не пишу вредного»⁸⁶⁶.

Как видно, Дмитриев принял близко к сердцу прежде всего действия цензуры и немедленно вспомнил о собственных с ней неприятностях. Принципиальным моментом здесь является апология отечественной духовной поэзии, противопоставляемой идущим из Европы литературным модам.

В следующий раз эти две поэмы в переписке Дмитриева с Глинками возникают спустя шесть лет, в связи с изменением ситуации в обществе и в цензуре. 19 марта 1856 года Дмитриев пишет Авдотье Павловне: «Прошу вас сказать мое душевное и искреннее почтение Федору Николаевичу. Нельзя ли теперь напечатать ему “Иова” и “Божественную каплю”? Говорят, что в цензуре началась оттепель»⁸⁶⁷.

Первая из этих поэм, «Иов», завершенная Глинкой еще в 1834 году, вышла, наконец, из печати в 1859-м и была подарена им Дмитриеву⁸⁶⁸. В сохранившемся экземпляре есть девять пометок (восемь из них – простые подчеркивания). Некоторые, как

⁸⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 248. Л. 1 об. – 2. Здесь и далее архивные документы приводятся в современной орфографии, но с сохранением всех особенностей пунктуации.

⁸⁶⁷ Русский архив. – 1912. – Кн. 1. – №3. – С.428.

⁸⁶⁸ Глинка Ф.Н. Иов. Свободное подражание Священной книге Иова. – СПб.: тип. Королева и К°, 1859. – 173 с. (цензурное разрешение выдано архим. Феодором Бухаревым 8 февраля 1859 года). Экземпляр Научной библиотеки МГУ (шифр *Дмитр.* 9272) с дарственной надписью сверху титульного листа: «Многоуважаемому и многолюбимому Михаилу Александровичу Дмитриеву от Ф. Глинки»; ниже приписка владельца: «Получено от Автора 21 августа 1859 в селе Богородском».

можно полагать, служат выражением удовольствия и одобрения (все фрагменты отчеркнуты слева):

Неверующим все не впрок:
 На них горит, как язва, клятва;
 Обманет их лукаво жатва,
 И луг и нива им солгут.
 (с. 38–39).

Нечестивым
 Земля на муку отдана,
 И безрассудные беспутно
 Играют жребием ея!..
 (с. 42--43)

Он Сам – бездонная пучина,
 И недоступно скрыта в Нем
 Его всевластия причина!..
 (с. 49)

Ты отцветешь, и станет гроб
 Тебе ладьею узорочной,
 И поплывет ладья твоя
 От берега здешней жизни срочной
 К берегам иного бытия...
 (с. 51)

Два других помеченных фрагмента, видимо, вызвали эстетическое неприятие Дмитриева (тоже отчеркнуты слева):

Часто смерть
 Обходит дома нечестивых,
 И смотрит, нюхает, где пахнет
 Грехом.
 (с. 38)

И понемногу умираю,
 И умираю с каждым днем!..
 Как степь набегом урагана,
 Я весь раскопан, весь изрыт,
 Я весь – одна живая рана,
 В которой рой червей кипит!..
 Когда ж омоюся я снегом?..

(с. 43)

И, наконец, три пометки имеют стилистический характер:

«Как бы нам
 Его бедой не заразиться?
С ним страшно быть: под гневом он!
 Оставим: пусть умрет несчастный!»

(с. 47)

«Доколь роптать
 И многословить? – В многом слове
 Спасенья нет!»

(с. 49, отчеркнуто слева)

Зиждительно раскинув небо,
 Он – всемогущею рукою
Повесил землю ни на чем...

(с. 99)

Справа от подчеркнутой последней строки заметка: «*Стих Кн<язя> Шихматова: поставил твердь на ничем!*» Дмитриев имеет в виду стихи из поэмы «Петр Великий»:

Тебя дела Твои достойны!
 Одним любви Своей лучем
 Из тьмы извлек Ты солнцы стройны,
 Повесил землю на ничем...⁸⁶⁹

⁸⁶⁹ Шихматов С. Петр Великий. Лирическое песнопение в осьми песнях. – СПб., 1810. – С.183.

На самом деле это библейское выражение: «Простирая север ни на чемже, повешая землю ни на чемже» (Иов 26:7). Глинка вполне мог взять это выражение не у Шихматова, а непосредственно из Книги Иова, которую он здесь и перелегал.

Трудно сказать, помнил ли Дмитриев, что в рецензии на «Опыты священной поэзии» среди мест, представляющих «красоты первоклассные, которые могли быть произведены одним восторгом», он приводил отрывок из «Гласа Бога избранному ему» с отчасти аналогичным «похищением»:

Пускай в бездонных высотах
Повесит ни на чем громады...⁸⁷⁰

Тогда, в 1827 году, Дмитриев, видимо, больше сочувствовал «восторгу» поэта, чем в 1859-м. Существенно, однако, что стих Глинки, ассоциирующийся у Дмитриева с Шихматовым, дважды, с тридцатилетним промежутком, обращает на себя его внимание.

«Иов» Глинки, судя по немногочисленности помет, не вызвал особенно пристального внимания критика. Иначе обстояло дело с «Таинственной каплей», о которой задолго до ее публикации шумела слава среди дмитриевских знакомых. К этой поэме, претендовавшей на первостепенную значимость в русской поэзии, он отнесся более заинтересованно и ревниво.

Изданная за границей в 1861 году, «Таинственная капля» в свободную продажу на родине поступила не ранее 1863 г.⁸⁷¹ Дмитриев стал обладателем одного из нелегально ввезенных в Россию экземпляров 3 сентября 1862 года и «с жадностью» принялся за чтение. Через неделю он уже прочел первую часть поэмы и 10 сентября 1862 года отправил Глинке письмо с несколькими замечаниями. Приводим его полностью:

«Милостивый Государь
Федор Николаевич!

Примите мою искреннейшую благодарность за письмо ваше и за присылку мне вашей «Капли», таинственной, а не божественной, как мы привыкли называть ее, но под обоими названиями равно драгоценной, и для меня, и для литературы. Впрочем, нынешнее название действительно лучше и ближе к представляемому понятию.

⁸⁷⁰ Московский вестник. – Ч.1. – №4. – С.337–338. Ср.: Глинка Ф. Опыты священной поэзии. – СПб., 1826. – С.38.

⁸⁷¹ См. письмо Ф.Н. Глинки к Ф.И. Тютчеву 24 декабря 1862 года, где он просит его, как председателя Комитета иностранной цензуры, открыть поэме «дверь в отечество» (опубликовано в кн.: Зверев В.П. Указ соч. – С. 490–491).

Напишу к вам, сколько могу, сколько достанет сил, потому что, вот уже не первый год, я беспрестанно болен, слаб и дряхл: так что труд письма становится для меня почти неодолимым. О литературных же трудах не смею и думать.

Я с жадностью принялся читать вашу поэтическую легенду, и несмотря на недавнее получение вашей книги, прочитал уже половину. Исполняя желание ваше, я решаюсь (по крайней мере в доказательство внимательного чтения) сделать два замечания: одно относительно неправильности выражения; другое – несвойственности эпитета. Впрочем, оба они – замечания педанта; так их и принимайте.

1. «Во у́шию всех» (стран. 96). Это – двойственное число славянской грамматики. В Евангелии очень правильно сказано от имени Елизаветы: «Се бо яко бысть глас целования твоего во у́ шию моею»⁸⁷²; потому что у Елизаветы было два уха. Но у всех, то есть у множества людей, их не два: следовательно грамматическое число должно быть множественное, а не двойственное. Надобно было сказать просто: «во уши всех».

2. Я нахожу у вас (стран. 102) «длинновынные фиалы». – Фиал был сосуд греческой; римляне их, кажется, не знали. Во всем Горации, который часто говорит о столовой посуде, ни один раз не встречается фиала. Они пили из «циатов»⁸⁷³, но это не то. – Фиал же не мог иметь длинной шейки, как кувшин, или бутылка. Это была довольно плоская чашка на ножке; это было как бы чайное глубокое блюдечко, на ножке и с донышком, как наша рюмка. Наши поэты, особенно Батюшков, часто говорят о фиалах⁸⁷⁴; но они не стали бы и пить шампанского из фиалов, потому что оно не стало бы играть в такой неглубокой посуде, и тотчас бы разлетелось!

Еще не нравится мне (стран. 85) «И семь перстов, от лет одевелевших». – «Дебелый» значит «тучный», «толстый». – От старости пальцы не тучнеют, и не делаются толстыми. – Эпитет неверный! – Да тут же: «И семеро очей». – У семи старцев их должно быть четырнадцать. Кроме того, «семеро» употребляется только, говоря о неделимых, а не о частях тела. – Если нельзя сказать «семеро ног», «семеро голов»: то нельзя сказать и «семеро очей».

Извините эти замечания. Если бы не в таком произведении, как ваше, я бы умолчал; но в подобном вашему жаль встретить и малейшие недосмотры. Впрочем нынешние критики этого не заметят, а читатели и подавно!

⁸⁷² Лк 1:44.

⁸⁷³ Syathus (лат.) – киаф, кубок.

⁸⁷⁴ Дмитриев заблуждается: как раз в стихах К.Н. Батюшкова «фиалов» нет, хотя с его именем и связана соответствующая манера в обращении со словами, отражающими реалии античного и вообще предметного мира. «Фиал» как условно-поэтический кубок встречается у Жуковского, раннего Пушкина и др. Вторично в поэме Глинка употребил это слово (в написании «фиял») в значении «целебный сосуд», что не вызвало возражений Дмитриева (см. I, 428).

Примите уверение в том уважении и искреннем чувстве, в которых, думаю, не нужно даже и уверять вас: они скреплены временем, опытом и единомыслием. С этими правами на вашу память, остаюсь, как всегда,

10 сентября
1862
с. Богородское

искренно и душевно вам преданный
Мих. Дмитриев

PS. Позвольте однако, почтеннейший Федор Николаевич, сделать еще одно замечание, и опять археологическое. Я нахожу (стр. 292):

И опять алавастр благовонного мира,
Тот алавастр золотой, длинношейный, сияющий ярко,
Словно перл дорогой, в разноцветных зарях и отливах,
Вылей весь на его благородные ноги...

Алавастр – это значит просто алебастр, вещество самое не драгоценное и неказистое. Вместо «сосуд» говорилось: «алавастр», как мы говорим: «сохранить в стекле», вместо: «сохранить в бутылке». – Это был сосуд самый простой, не золотой и не похожий на перл. На это была причина. В нем продавалось драгоценное миро, а чтобы оно не выдохлось, не потеряло аромата, эти алавастры не закупоривали, а заделывали отверстия наглухо тем же алебастром, и потому откупоривать их не было возможности; а когда изливалось из них миро, отбивали прочь короткую шейку, и сосуд, на другой раз, уже не годился на употребление, как разбитый. Потому-то и сказано: (Марка. III: 3) «сокруши алавастр», т.е. «разбила сосуд». – А у вас сказано: «тот алавастр», то есть: «прежний», вылей «опять». – На что же было такие сосуды золотить, когда они предназначались быть разбитыми? – Об этом можете найти у <?> мюллера. – Древностей выдумывать нельзя и вообще верностию не должно жертвовать неуместному блеску.

Произведение ваше прекрасно; но вообще колорит его грешит против эпохи, народности и местности. Не рассердитесь на меня за мою искренность: она вам порукой за чистоту моего участия и уважения к вашему таланту. Впрочем я был бы очень рад, если бы я ошибался в этих замечаниях.

Хочется ехать в Москву; но не знаю успею ли, да и боюсь моей слабости здоровья. Здесь мне делать нечего: дочь выдали замуж и остаемся с женой одни. На хозяйство, по высочайшему расстройству, и не глядел бы! Если вам угодно будет когда написать ко мне, вот адрес: На большой Садовой, против Ермолая, дом полковницы Волоцкой». ⁸⁷⁵

⁸⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 248. Л. 13–14. Далее (л. 14 об.) следует приписка, адресованная А.П. Глинке и не имеющая прямого отношения к нашей теме, поэтому даем ее в сноске: «Милостивая

В дмитриевском экземпляре «Таинственной капли» на указанных страницах есть соответствующие пометы. Глинка учел только одно из этих замечаний: строку «И семеро очей, огнем горящих...» (I, 85) он при повторном издании изменил (ср.: «И семь чтецов с огнем, в глазах горящим...» – Изд. 1871. С.85).

В письме Дмитриев высказал лишь самую малую часть возникших у него претензий, но ясно обозначил основные направления своей критики: грамматика, стиль, исторические реалии. Совершенно архаичная в литературе 1860-годов по тематике и жанру «библейская эпопея» стала объектом столь же устаревшей нормативной критики, причем преимущественно стилистической. В результате актуализировалось ушедшее в прошлое противостояние литературных групп начала XIX века, и там, где, казалось бы, должно было оставаться лишь дружное негодование двух стариков на сбившиеся с пути молодые поколения, обнаружились застарелые эстетические разногласия. Архаист и романтик Глинка оказался перед судом карамзиниста и классика Дмитриева.

Всего в дмитриевском экземпляре более трехсот заметок и более половины из них с разъяснениями на полях, причем на почти девятистах страницах поэтического текста только два раза возникает помета «хорошо» (I, 234, 257). Несколько раз появляется полуироническая заметка «фигурно» (I, 268, 324, 367, 392; II, 33, 46, 76, 93), указывающая на изысканность некоторых выражений и образов, один раз – «слишком фигурно» (I, 319). Стихи, где золото луны льется в серебряный кристалл Кедрона, пересыпающего жемчуг между звонкими скалами, сопровождаются замечанием: «Совершенно фигуры арабские или персидские» (I, 397). Взятый на себя роль классика Дмитриев, вероятно, посчитал восточную изысканность избыточной. Это почти все относительно благожелательные заметки. Остальные носят исключительно критический характер.

Во-первых, Дмитриев находит, как ему кажется, грамматические погрешности: «быты людей» (I, 130, 131; II, 9), «у чашей на дней» (I, 210), «на теме», «меж вас и нами» (I, 278) «с беды до беды» (II, 47) и др.

Государыня, Авдотья Павловна! Как я благодарен “Капле” Федора Николаевича за то, что она доставила мне случай получить письмо от вас, чего я лишен был, кажется, уже более двух лет. Письма вашего, по поручению Сербиновича, я не получил. Я догадываюсь, что это о письмах Карамзина, потому что я недавно получил об этом два письма от него и одно от Н.И. Греча; но отвечать надобно обстоятельно, а я болен, и потому доселе еще не отвечал. Впрочем, это дело уже покончено: одна вежливость только требует ответа. В этом деле неосмотрительно поступил Гр<аф> Д.Н. Блудов. Он несколько лет тому назад писал ко мне в деревню и просил этих писем для Старчевского, писавшего биографию Карамзина; но продержавши год, писал ко мне, что не стоило давать этих писем Старчевскому, а давал он их Карамзиным. Это бы ничего; но он, без моего согласия, дозволил снять с них копии; а те хотели воспользоваться ими, как собственностью. Извините, что кончаю письмо: по слабости моей утомился и от этого. За сим с глубочайшим уважением и неизменной преданностью имею честь быть вашим покорнейшим слугою Мих. Дмитриев».

Во-вторых, его коробят просторечия и разговорные обороты в «библейской эпопее», даже если они появляются в прозаических комических сценках с разбойниками: «живьем всю душу тянет» (I, 150), «намнясь» (I, 151), «заклевал свободу» (I, 175), «хазовая жизнь» (I, 167), «запощеванец», «протухлый», «прокислый» (I, 205), «поихнему», «пестрят нашу братью» (I, 206), «сами лезут в рот» (I, 208), «выпостили молодца» (I, 217), «хлебещут» (I, 258), «завопила» (I, 286), «гудет» (I, 302), «костыльники» (I, 335), «десятичный прирост» (II, 39), «положил больше» (II, 55), «костлявые объятья» (II, 70), «торчал в глазу занозой» (II, 74), «мир их просквожен грехом» (II, 98) и др.

В-третьих, его раздражают или, по крайней мере, останавливают многочисленные неологизмы Глинки: «измором осветлял» (I, 119), «небесники» (I, 127), «безокие» (I, 155), «получье» (I, 157), «сокровище загрудное» (I, 201), «безбожится» (I, 206), «выпостили молодца» (I, 217), «опостелить беспостельного, ободержать безодежного» (I, 223), «настоящность» (I, 232), «туманно-медный» (I, 255), «надходит» (I, 280), «усытит» (I, 282), «ожилой» (I, 290), «украин» (I, 344), «в изнуре» (I, 367), «правица» (I, 371), «тихомирье» (I, 382), «восходной» (I, 402), «нестрой» (I, 406), «бесплодница», «бесплодники» (I, 414), «зацелели» (I, 446), «телопомазанье» (I, 448), «опеленив» (II, 6), «богокрасная» (II, 13), «на четырех пронзениях накрестных» (II, 21), «дела житейства» (II, 25), «телоцелящий» (II, 23), «с надсыпкой» (II, 35), «соблазник» (II, 38), «старизне подкрепы не прибавит» (II, 45), «подкрепной силой» (II, 56), «сорокодневствовал», «пещерствовали» (II, 60), «правосшествственные», «огнеросные», «златословил» (II, 61), «плачевопльствуют» (II, 86), «пажилы» (II, 361) и др. «*Что за охота коверкать слова, чтобы сказать оригинально?*» – вопрошает он в одном месте (I, 280).

В-четвертых, он часто отмечает и осуждает «несвойственные эпитеты», оксюморонные сочетания и даже простые метафоры. Так, ему кажется, что меч нельзя назвать «двужальным», потому что он «*обоюду острый*» (I, 165), нельзя сказать «росы... теплый иней», потому что «*иней всегда мерзлый*» (I, 13), нельзя сказать «полуугасшие скелеты», потому что «*скелеты не угасают*» (I, 328), и т.п.

В нескольких случаях отмечены неправильные ударения и неточные рифмы: «звали не раз на сладкий сон» (I, 444), «слухом – сухо» (I, 442) и т.п.

Некоторые заметки вызваны принципиальным эстетическим неприятием. Если какие-то фрагменты казались Дмитриеву «совершенно арабскими и персидскими», то есть чрезмерно изысканными, неестественными, то одна самая небольшая натуралистическая подробность в описании крестных мук вызывает у него реплику «*гадко!*» (II, 68). Когда распятый по левую руку Христа неблагоприятный разбойник «в бешенстве» машет

«сорванной с гвоздя одной рукой» и грозит с креста «то палачам, то небу», Дмитриев, полагая, видимо, что на кресте такое поведение «неестественно», замечает: «*Вот это натуга!*» (II, 67). А строку «Страшно томится богач на железной доске раскаленной...» он просто сопровождает ироническим восклицанием «*Ух!*» (II, 54). Его недовольство вызывает даже такое выражение, как «смрад земной» (I, 119). И уж, разумеется, не остаются без внимания такие отрывки, как, например, следующий:

В повах шелковых, – в ометах пестрых
 Прислужники с низанками ключей,
Допрашивать спешили погребя,
И погребя отверстыми устами
Кричали им: «нет более вина!»..
 (I, 298-299)

Какие-то фрагменты Дмитриев отмечает как растянутые, повторяющиеся или просто, на его взгляд, провальные и сопровождает уничтожающими репликами: «*Что за многословие! Что за набор слов!*» (I, 393), «*экая гиль!*» (II, 78), «*Все одно и то же!*» (I, 397), «*Все это описание для того, чтобы сказать, что пришла ночь*» (II, 5), «*Хоть бы Сушкову!*» (I, 221), «*Точно Зилова стихи*» (I, 495)⁸⁷⁶.

Большая группа заметок относится к географическим и историческим реалиям: «*Лилеи, растущие в горах, как они устилают долины?*» (I, 112), «*У них не было шипучего вина*» (I, 300), «*Около Фавора нет скал*» (I, 339), «*На внутренних морях дельфинов нет*» (I, 340), «*Этот храм был уже не Соломонов*» (II, 83), «*Разве Сион вострый?*» (II, 5), «*Никогда в диадеме не хаживали в походы*» (II, 226) и др. Несколько раз отмечаются случаи модернизации стиля, вторжения в поэму «не библейского» языка. Замечаниями «*Совсем не библейский язык*» и «*trop moderne*» сопровождаются выражения «крылья развязав мечтам» и «отдав поклон моим мечтам» (II, 42, 47). Особенно неуместными кажутся Дмитриеву многочисленные «русские каламбуры» в устах «палестинских разбойников» (см. I, 188 и сл.) и слова вроде «дядюшка» (I, 216).

И, наконец, последняя группа замечаний относится к случаям самочинного толкования Евангелия и сомнительных домыслов, являющихся либо простой поэтической вольностью, либо следствием неправоверия автора: «*геенна будет после суда*» (I, 121), «*А*

⁸⁷⁶ Николай Васильевич Сушков (1796–1871) и Алексей Михайлович Зилов (1798–1865) постоянно были предметом насмешек и эпиграмм Дмитриева как своего рода эталонные бездарности (см. по указателю: *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний...). По свидетельству П.И. Бартенева, Дмитриев даже «чуть ли не накануне смерти» сочинял эпиграмму на Сушкова: «Восхвалим истину от века и до века. / На свете не было пустее человека...» (Русский архив. – 1912. – Кн.1. – №3. – С.433).

шестого мужа как объяснит предание?» (I, 281), *«Лучезарной главы, в земной жизни, у Христа не было»* (I, 302), *«Нет! уж прежней молодости Христос не возвращал»* (I, 403), *«Христос никогда не оказывал пылу, а всегда спокойствие»* (II, 61) и др. Одно выражение, относящееся к Богородице, Дмитриев счел прямо уличающим автора в неправославных взглядах: *«Таинственно-зачатая от Бога, / Таинственно зачавшая Его...»* Замечание по этому поводу, в виду его важности, торжественно вынесено на оборот переплета второй части с указанием страницы: *«на стран. 15. Глинка верует в conception immaculé»* (то есть в безмужнее зачатие самой Богородицы, католическое воззрение, принятое как догмат уже в XX веке). Кто-то (возможно, именно Дмитриев) указал Глинке на подозрительность этого выражения, и в издании 1871 года он исправил стих таким образом, чтобы сомнений в православии его автора не возникало: *«Сама быв дар родителям от Бога, / Таинственно-зачавшая Его...»* (с. 330).

3

Из заметок в берлинском издании поэмы видно, что Дмитриев как читатель весьма критично отнесся к любимому детищу Глинки. Разбор поэмы, основанный на его маргиналиях, если бы он был написан, мог бы завершаться примерно так, как в свое время В.К. Третьяковский в «Письме <...> от приятеля к приятелю» (1750) завершил разбор торжественной оды А.П. Сумарокова 1743 года: «Видели мы, государь мой, что сия Авторова ода порочна сочинением, пуста разумом, темна и обоюдна составом слов, низка безразборными речами, ложна повествованием бывших дел, непорядочна, наполнена без нужды повторением тех же самых слов, неисправна в мере стихов, безрассудна в употреблении баснословия, напоследок, а сие всего прочего хуже, отчасти и неправоверна»⁸⁷⁷. Однако, в отличие от Третьяковского, Дмитриев не имел ни конкретных целей, ни посторонних побуждений для того, чтобы выискивать в «Таинственной капле» недостатки. Его заметки делались не для публики. Они действительно свидетельствуют о самом внимательном и заинтересованном чтении поэмы, и в письме к Глинке, говоря о чистоте своего участия к его сочинению, Дмитриев, думается, не кривил душою.

Читательские заметки на полях «Таинственной капли» говорят не о негативном отношении к поэме или ее автору, а о наличии у Дмитриева устоявшейся и определенной системы убеждений и вкусов. В его замечаниях виден последовательный сторонник точности слога, ясности мысли, естественности чувств и сдержанности в их выражении,

⁸⁷⁷ Критика XVIII века / Сост., подг. текста, примеч. А.М. Ранчина, В.Л. Коровина. – М., 2002. – С.72–73.

не приемлющий небрежности, грубости, вычурности и т.п. Иными словами – человек карамзинистской культуры. В поэме Глинки, увиденной с этой точки зрения, бросаются в глаза черты, роднящие ее автора с архаистами начала XIX века, такими как Державин, Бобров, Шихматов и др.: грандиозность замысла, страсть к возвышенному и ужасному, местами иератическая темнота стиля, экспрессия, словотворчество и многословие, нежелание хранить чувство меры в желании быть оригинальным и, в результате, провалы, неотделимые от удач, интерес к народной речи, эклектичность...

Пушкин в рецензии на «Карелию» Глинки (1830) дал блестящую и не лишённую двусмысленностей характеристику его самобытной поэтической манеры:

«Изо всех наших поэтов Ф.Н. Глинка, может быть самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой пышности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной, – все дает особенную печать его произведениям. Поэма «Карелия» служит подкреплением сего мнения. В ней как в зеркале видны достоинства и недостатки нашего поэта»⁸⁷⁸.

Эти слова можно истолковать так, что в поэзии вообще нет достоинств и недостатков самих по себе, а есть их взаимообусловленное единство, явленное в личности поэта и его творчестве. Поэтому на «небрежность», «вялость» и «однообразие мыслей», отмечаемые критиком, Глинка не должен обижаться, раз они, наряду с другими его качествами, дают «особенную печать его произведениям» и даже делают его «самым оригинальным».

С такой широтой и великодушием и с такой изящной ироничностью отнестись к позднему творению Глинки Дмитриев, конечно, не мог. Этому препятствовали некоторая догматичность его мышления и абсолютная серьезность отношения к задачам, которые ставил перед собой автор «Таинственной капли», и к условиям, которыми он себя ограничивал. В обширных прозаических пояснениях к поэме Глинка заявлял: «Все

⁸⁷⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. – М., 1964. – Т.7. – С.119–120.

выражения свои автор подчинял условиям предмета, он писал под условиями: а) Библейского предания; б) исторического порядка; в) местностей описываемого края и нравов; г) эпох, имевших свой современный цвет (автор старался, чтоб на всем, по возможности, отражался местный колорит), и более всего: под условием догмы и строгого воззрения Православной Церкви. <...> Словом, автор писал картину по заготовленным уже рамам и часто (вопреки требованиям воображения и творчества) не мог выступить ни на шаг из границ, ему указанных» (II, 434–436).

Замечания Дмитриева, которые не относятся исключительно к стилю, как раз и обращены к тем местам произведения Глинки, где «колорит его грешит против эпохи, народности и местности»: они нацелены ровно на те аспекты поэмы, которые сам автор обозначил как принципиально для себя важные. Решительно расходясь в вопросах «слога» и эстетических воззрениях, Дмитриев и Глинка оказались близки в понимании обязанностей «священной поэзии» и ее значения.

В последний раз Дмитриев писал Глинке 18 января 1866 года:

«Напечатаны мои стихотворения⁸⁷⁹... <...> Теперь они изданы без цензуры, чего мы никогда не могли вообразить, да и во сне того не думали увидеть. Теперь можно бы вам напечатать в России вашу Каплю. Но, говоря о нынешней нашей литературе, нельзя надивиться ее пустому и совратившемуся с пути направлению! В наше время, то есть когда писали и Жуковский, и Мерзляков, и вы – ваши духовные гимны, можно ли было вообразить, что у нас будут любимые поэты Некрасов с братией? – Можно ли было вообразить, что наши журналы дойдут до публичного отрицания Бога, души, брака и будущей жизни? – И все это совершилось!»⁸⁸⁰

Н.А. Некрасов, который назван здесь любимцем нового поколения, не способного понимать духовную поэзию вообще и «Таинственную каплю» в частности, по иронии судьбы оказался автором единственного журнального отклика на поэму, появившегося в мартовском номере «Современника» за 1866 год, – насмешливого, разумеется, отклика. Подводя «итоги деятельности стихотворствующих россиян начиная за полвека назад и до наших времен», в своей статье он устраивает братскую могилу для «Таинственной капли» и... «Стихотворений» Дмитриева. Эти книжки, «которые еще шевелили сердца наших бабушек и настраивали наших дедушек на патриотический и возвышенный лад», трогают Некрасова своей безобидностью:

⁸⁷⁹ Дмитриев М.А. Стихотворения. – М., 1865. – Ч.1–2.

⁸⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 248. Л. 15–15 об.

«Какое, в самом деле, чувство может оскорбить «Таинственная капля», в двух толстеньких томиках рассказывающая подробно и длинно, как подобает старости, стихами в рифмах и без рифм, в сценах прозой и без прозы, коротенькое предание о разбойнике, покаявшемся Христу на кресте? Какое кому дело, что к легенде, созданной наивным воображением народа, автору вздумалось прилагать предание о падении трехсот идолов, беседы ада с сатаной и смертью, «песнь о шестодневном», говорящие стихами кометы, «тревоги в высшем воздухе от движения летящего мира» и т.п. и т.п.? Никто не оскорбится, разумеется, и тем, что в избытке пиитического пламенения автор мечет образами без всякой умеренности... <...> Второй обломок прошлого, г. Дмитриев, собрал всего себя, и тоже в двух томах... <...> Будучи старцем, подобно таинственному автору «Таинственной капли», московский поэт существенно отличается от этого мирноносца своим темпераментом: он более холерик. Он весь предан суетам мира сего, и даже на Белинского (названного «безымянным критиком») ополчается не хуже всякого современного писателя...»⁸⁸¹

Эта статья – последний рецидив полемики круга Белинского с давно сошедшей с литературной сцены «москвитянинской» партией, которая проповедовала – стихами Глинки – «религию и нравственность» и ополчалась – сатирами Дмитриева – против «века реального», который «хочет денег, пить и есть» и «гонит... мир идеальный»⁸⁸². Различия литературной позиции двух представителей тех времен, когда «писали и Жуковский, и Мерзляков», никогда, как видно из дмитриевских заметок на полях «Таинственной капли», не исчезали. Но от наследников Белинского эти различия оказались совершенно заслонены близостью общественной позиции двух «обломков прошлого», двух любителей духовной поэзии, библейских переложений и религиозных поэм.

⁸⁸¹ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. – Л.: Наука, 1990. – Т.11. – Кн. 2. – С.260–261.

⁸⁸² Иронической перифразой этих слов из стихотворения Дмитриева «Слепому поэту» (1841) завершается некрасовская статья, а когда-то именно это стихотворение, полностью солидаризируясь с его пафосом, цитировал Глинка в рецензии на первый номер «Москвитянина» (см. примеч. 8).

ПРИЛОЖЕНИЕ
(к главе 14)

М.А. ДМИТРИЕВ

Заметки на полях поэмы Ф.Н. Глинки «Таинственная капля»

Заметки М.А.Дмитриева находятся в принадлежавшем ему экземпляре «Таинственной капли» Ф.Н. Глинки в Научной библиотеки МГУ Все заметки сделаны карандашом. Почерк Дмитриева вообще очень разборчив, но в нескольких местах заметки сильно побледнели и практически не поддаются прочтению (в этих случаях у нас стоит <нрзб.>). Пунктуация и написания прописных и строчных букв даются так же, как его заметках. Указания на разночтения со вторым изданием поэмы (<Глинка Ф.Н. Сочинения. Т.2.> Таинственная капля. Народное предание. М.: В типографии М.П.Погодина, 1871. XII, 320, II, 323–678, II с.) даются постраничных сносах (Изд. 1871, страница).

В нашей публикации этих заметок в журнале «Новое литературное обозрение» (2009. №97) по независящим от нас причинам были представлены только текстовые заметки Дмитриева, подчеркнутые фрагменты были исключены. В данном приложении все его пометки, в том числе простые подчеркивания, воспроизводятся полностью.

Глинка Ф.Н. Таинственная капля. Народное предание: [В 2 ч.]. – Берлин: тип. Карла Шультце, 1861. – (Ч.1. XV, 448 с.; Ч.2. IV, 5–504 с.). Экземпляр в Научной библиотеке МГУ, принадлежавший М.А.Дмитриеву (Дмитр. 2667–2668).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. – 448 с.

На титуле владельческая запись: «*Мих<аил> Дмитриев. Получил от Автора 3 сентября 1862. В селе Богородском.*».

СТР.	ТЕКСТ Ф.Н.ГЛИНКИ.	ЗАМЕТКИ М.А.ДМИТРИЕВА
C.13	А на листьях олив и пиний <u>Росы алмазной теплый иней</u> Горит, как тысячи лампад...	<i>иней всегда мерзлый</i>
C.85	Семь длинных брад, – семь облаков седых – Слились в одно – над хартиною лет; <u>И семеро очей</u> , огнем горящих, ⁸⁸³ Вперилися в страницы древних книг; И семь перстов, <u>от лет одобелевших</u> , Писание следили по строкам.	<i>четырнадцать</i>
C.96	Но вдруг вдохновенный Креститель Воскликнул <u>во ушию</u> всех: «Глядите! Се Агнец есть Божий От мира взимающий грех».	<i>Двойствен<ное> число</i>
C.102	На столах сияли гранью <u>Длинновыиные фиалы</u> , Чары, стопы и жбаны, И кудрявые сосуды...	<i>фиал – чашка на ножке</i>

⁸⁸³ В изд. 1871 строка исправлена: «И семь чтецов с огнем в глазах горящим...» (с.62).

- C.112 | Горы, горы Палестины!
Взвейте радостно чело;

Да устелют ваши крины
Благовонные долины:
Небо гостем к вам сошло.
- Лилеи, растущие в горах,
как они устилают долины?*
- C.118 | И, в обаятельный тот час,
Нам мнилось, сбросили мы тело...
- Волшебный*
- C.119 | И сорок дней он пост держал в пустыне
И плоть свою измором осветлял;
И, растворив кристальные врата,
Одетый весь и в золото и в лазурь,
Слиянный весь из благодати и мира,
Лик ангелов сошел во смрад земной
Из благовонного небес эфира...
- C.120 | И демоны, свои покинув норы,
На буйные слетались разговоры.
- вертепы*
- C.121 | <Смерть> ...выжав жизнь земную,
Бросала их в подземный мир теней
Перегорать в жерле геенны жадной...
- геенна будет после суда*
- C.125 | *Первый демон:*
У нас не так!!.. когда выходит наш,
Зубчатый меч, – стожальный меч насмешки
В его руке, как молния, играет.
- в чьей?*
- C.127 | А мы, в зазол небесникам, смеемся!..⁸⁸⁴
- C.128 | То жало всунешь в их язык проворный;
А он и ну, с хвастливостью задорной,
Отца и мать, и недруга, и друга
Казнить, язвить и едкостью хвалится!
- C.129 | А стоит только, запустивши руку
В карман души, украсть оттуда волю,
И человек везде пойдет за нами!!..
- C.130 | Да надобно и то еще сказать:
В бытах людских, до поученья ль им?
Не то у них теперь играет в мыслях...
- C.130 | Так мы умеем невзначай
Вскочить верхом на волю человека,
И разъезжать на гордом мудреце!!..
- C.131 | Давно уж так у них все кверху дном:
Быты людей забрызганы все грязью;

⁸⁸⁴ В изд. 1871 опечатка исправлена: «А мы, в зазор небесникам, смеемся...» (с.93).

- Где ни взгляни, нечисто в их делах...
- C.132 Зачем твердит: «Душа! за труд терпенья
Тебе кроятся крылья из смиренья!»...
- C.138 Спускай на них тревогу за тревогой,
Чтоб и в глаза им не видать покоя!..
Покоя, – говорю Тебе, – покоя
Ты бойся как огня!.. Покой светлит!!..
- C.139 А более всего страшись согласия,
Единомыслия... *любви и дружбы*
Страшись!!.. Дели, дроби и розни всех...
- C.140 Смущай их дух, темни их ум...
- C.146 Спят стада, безмолвны долы,
Очарованные сном,
И роятся лучиолы
В тихом воздухе ночном...
- C.146-147 И глядят, как хоры звездны
И румяная заря, –
Праздник ночи, – сходят в бездны,
В опочившие моря...
- C.150 ...Кто этот дивный,
Которому и воды платят дани,
К которому не рыбу лишь со дна,
Но, говорят, живьем всю душу тянет?
- C.151 Вы знаете: Он шел, намнясь, по рынку...
- C.155 Прийдите, печальные,
В народе опальные,
Хромые, безокие, *слепые*
От людства далекие!
- C.157 А силы, силы <...>
Как на небе кругом луны получье,
Вокруг него на весь народ сияли!!!..
- C.162 ...Не будем
Жалеть своих избытков и сетей,
Челнов и тонь! *тонеи*
- C.165 Меч двужальный на цепях... *обоюду острый*
- C.166 Вспомнил многое | и смело
С жизнью Он повел расчет.
- C.166-167 А жизнь сама?.. Сны наяву, бред грезы,
Сцепление противуречий грустных:
Спор жаркий душ с действительностью
хладной;

- Какое-то протяжное раздумье,
Где ссорится существенность с мечтой,
Где борется с вещественностью дух;
Где судится жизнь мысли с жизнью дела;
Где разум строит, – страсти разоряют!!...
- C.167 | Что молодость? – Конец хазовой жизни!..
- .175 | ...И наши леопарды
Ощиплют пух хвастливого орла,
Что заклевал свободу Палестины!
- C.182 | Без этой сцены мы не узнали бы ничего о
вседневной жизни разбойника...⁸⁸⁵ | *Странно, что в тексте
поэмы вдруг рассуждение
автора: это доказывает
бессилие поэта.*
- C.188 | ...наша братская ватага, наша община вольная
и напольная почище всякой домашней семьи!...
- C.188 | ...а то ведь семья значит семь раз я! | *Русской каламбур у
палестинского разбойника!*
- C.189 | ...тут уж все я вольною волею, собираются в
одно – мы! (А где мы, там и умы!) |
- C.190 | Не воин ли ты Ходрллогомора?!.. | ?
- C.195 | Иродовы холопья (у них пребольшущие
копья)... | *К чему это?*
- C.197 | ...при общей беде, при опасности, он, как
говорится, никогда не становится за стену: так как и
нам не стоять за него стеною? | *опять каламбур*
- C.198 | ...все Голиафы и Самсоны станут делаться
такими маленькими, узенькими, и все хуже да уже –
хуже да уже, и наконец – торчат молча, спичками и
никто – ни гугу!... | *узкой говорится о
плоскости*
- C.198 | Прям-то прям, да и упрямы!.. | *опять рифма!*
- C.199 | Я бережно подсел к нему и слушал,
И нанизал слова его печали
На нитку памяти моей. | *точно <нрзб.> баба*
- C.201 | Хранится в нем святыней недоступной,
Сокровищем загрудным, задушевым... |
- C.202 | У него есть что-то, – и что-то очень важное, –
за грудью!.. | *В груди?*
- | И гасит страсти зной... | *Зной гасить нельзя.*

⁸⁸⁵ Из вступления к драматической сцене в прозе «Разбойники».

- C.202 *Гасят огонь. Точно так нельзя гасить теплоту.*
- C.203 Э, брат, куда потянул!... Вот занес... *И подлинно*
- C.203 Хорошо было ему калякать с атаманом об его за грудной тайне, как уже пришла им – калечищам – неминучая!!...
- C.204 Почто ищешь, человече, чужих сокровищ?
- C.205 Надул его запощеванец – и мы пошли, как шакалы с неудачной добычи, поджавши хвосты. <...> «Протухлая-де земная слава!.. Прокислый быт земной: вот мир, в котором обращаются человеки!»
- C.206 «Мир шумит и мир тревожится,
В кипятке страстей кипит;
Человечество ж безбожится:
Оттого ему не можетя,
Оттого в нем все болит!»
Вот каков-де, по-ихнему, мир!!.. Знай пестрят нашу братью!..
- C.207 ...я скажу вам что распевают старцы блаженные про нас, блажных. <...> Вот какую песню пустили они в ход: прошу послушать, да раскушать!..
- C.208 «Пир готов, – скорее, дети!
На мои блюда!»
И валит толпа – и сласти
Сами лезут в рот...
- C.210 Счастье таится у чашей на дне... *чаш*
- C.215 Я право, братцы, той веры, что старый дед, изумивший⁸⁸⁶ нашего атамана, чуть ли не самый нарядный плут?.. *изумив значит удивив*
- C.216 Да полно отнекиваться; расскажи, пожалуй, дядюшка!.. *Дядюшка! это русское наименование. В Палестине его не было. А у римлян дядя значило ворчун.*
- C.217 Выморили, выпостили молодца...
- C.218 Умеешь ли выжать из души масло, и откуда достанешь воду, чтобы омыть его?..
- C.221 Из-за своей жалости и нам спускает разные шалости; – да нерасчетлив!..
- Вот те и виденье, а нам разоренье!.. *Хоть бы Сушкову!*

⁸⁸⁶ Здесь «изумивший» значит «лишивший ума».

- C.222 А то, порой сдается, море мыслей
- C.223 Полощется в горячей голове...
- C.229 Ты у нашего атамана – человек притоманный!
- C.232 Да! Мы давно уже отчаяли от чаятельного... <нрзб.>
давайте нам настоящность!..
- C.233 Вот как они приговаривают:
«Опостелить беспостельного,
Ободежить безодежного,
Обнадежить безнадежного:
Вот долг всякого человека!»
Только не наш! – Надеждой, пожалуй,
поступимся: а постель, коли богатая, хоть из под кого
стянем и одежду, коли годится, на себя натянем...
- C.233 Вы все метите в карман, а его счастье не
карманное; за то уж, может быть, и не обманное.
- C.234 Молодой <разбойник> поет:
Песнь томления
- Тепел воздух Палестины,
И на теплые долины
Веют роскошью ясины,
Веет сладость от лилей...
Но ни рощи Палестины,
Ни душистые долины
Не целят тоски моей!..
*
- У души своя потреба,
И, глядя на яхонт неба,
В подаянье просит хлеба
Все голодная она!..
Кинусь в волны к Иордану,
Но не гасит сердца рану
И холодная волна!..
*
- Что-то сердце мне пророчит,
А полны слезами очи;
Вопрошаю звезды ночи –
Нет ответа с высоты!..
Все о ком-то я тоскую,
Где ж! В чью душу перелью я
И надежды и мечты?..
*
- Жизнь несется молодая,
А я, жизньню скучая,
Ожиданьем счастья тая,
Счастье вижу только в снах!..
Много стран мы облетели;
Но то счастье на земле ли
Или там... на небесах?!!..
- Хорошо.*

- С.255 И не чуял, узник бедный,
(Может быть, в душе с грозой!)
Как во сне туманно-медный
Лик его горел слезой...
- С.257 И было раз, – сгущалась тьма ночная
Над закипевшим морем; – резкий ветер,
Как коршун с высоты на стаю птиц,
На волны бьет – и встрепенулись волны
И, белыми крылами замахав, *Хорошо*
Кипят, летят и спорят с облаками
И к берегу, вдаль, несутся городами;
И хлещут в брег, грызя поддонье скал,
Гороподобные полки валов. –
Не стало звезд, настала тма густая,
И круглая, кровавая луна,
Как зарево далекого пожара,
Из-за краев темнеющих дали,
Вставала медленно и тяжело...
- С.258 А между тем, все выл и буревал
Смятенный воздух; парус сорван; руль
Солгал в руках у кормчего... Ладья, *лишнее*
Накренившись, уже хлебала воду,
И, в свисте бурь, по свиснувшему своду
Видения носились... И с высей
С клохтаньем волн мешался чей-то хохот...
Уж паруса раздранные трепещут,
А волны все, то хлещут, то хлебещут...
- С.259 Уж смерть с своей косой в ладью вскочила... *<нрзб.>*
- С.259 И небо все прелилось в моря;
И ладия меж двух небес скользила...
- С.263 Протянув к безжизненной десницу,
«Встань, Талифа-Куми!» – Он сказал, *плеоназм*
И приподнял Он с одра девицу,
И румянец в деве заиграл.
- С.268 Да Римляне и ратная беда
Пустили нас ловить сумою ветер! *фигурно*
- С.270 Сказал оратай сельский горожанам:
«Вот семь седмиц от начала серпа!»
- С.277 В виду Сихарь – старинный город,
Где жил великий патриарх,
Когда наш мир еще был молод
И Бог гостил в простых семьях... *являлся, а никогда не гостил*
- С.278 Самаритянка – за водою –
Несет на теме водонос. *темени*

- C.278 Не видишь ли, что я – Самаритянка;
А между вас и нами нет общенья... *или вас и нас, или вами и нами*
- C.279 Вы пьете здесь – и жаждете опять...
- C.280 Аминь! аминь! Уже надходит время,
И время то уже пришло теперь. *приходит.
Что за охота коверкать слова, чтобы сказать оригинально?*
- C.281 Аминь! глаголю Я: настало время,
Когда одной лишь истиной и духом
Поклонятся все племена Отцу...
- C.281-282 «Душа у нас – жена Самаритянка;
Пять наших чувств – суть пять ея мужей,
Душа-жена дружится с каждым чувством
И с ним живет, как с мужем, заодно.
Но испытав их лживость и превратность,
Тревожится, грустит, томится жаждой,
Доколь ее Господь не усытит
Беседую о истинах высоких;
Доколь не даст ей пить живой воды...» *А шестого мужа как объяснит предание?

не насытит*
- C.283 «Не вы посеяли, но вас
За чуждый труд, за чуждые заботы,
Зовут на празднество работы!...»
- C.283 Но истина, летя, златая,
Из золотых Его устен... *из губ*
- C.286 Ни власть человека, ни сильного сила,
Ни громкие вопли сердец, –
Хоть вся бы земля завопила, –
Не вызовут к жизни могилы жильца!
- C.287 Все так же утро золотило
Густое синево небес,
Главу роскошную Фавора
И смело взвившийся Сион...
- C.288 Но мертвеца ни жемчуг рос, ни слезы
Не освежат. *Жемчуг – наружная фигура росы; а освежает не форма ее, а прохлада.*
- C.289 И чистая – из дум святых слитая,
И ясная – как палестинский день,
Она была – как тонких облак тень,
Как детских снов картина золотая:
И взор ея – был пылкий луч зарниц,
И небеса в очах ея светлели,
А на шелку темнеющих ресниц
Алмазы влажные теснясь горели.

- А голос девы – был светлей певниц!.. *А она, как тень облаков.*
- C.290 | Или, взяв крыла,
| Вновь оживой,
| К синим ли высям эфира,
| В царство ли бури, в царство ли мира,
| Голубем чистым, взлетит
| Лазаря дух бестелесной?
- C.291 | Цвет полевой под Его легкой стопою не *не вянул*
| гаснул!..
- C.292 | ...«Встань же, омоем слезами *Алавастр не золотой; он*
| Ноги Его, и опять алавастр благовонного мира *потому то и алавастр, что из*
| Тот алавастр золотой, длинно-шейный, *алебастра; его разбивали,*
| сияющий ярко *потому что он был запаян.*
| (Словно перл дорогой в разноцветных зрях
| и отливах),
| Вылей весь на Его благородные ноги...»
- C.296 | В Кане был свадебный пир,
| Ликовали жених и невеста;
| Для гостей не ставало уж места: *Это от чего? для*
| *рифмы?*
| Собрался галилейский весь мир!..
- C.297 | Не блистала Она в синетах,
| Плетениц и монист не имея:
| Но бессмертия искра, светлея,
| Отражалась в небесных очах.
- C.298 | И сидел там и муж величавый,
| Под рассветом незримых лучей...
- C.298-299 | В повоях шелковых, – в ометах пестрых
| Прислужники с низанками ключей,
| Допрашивать спешили погреба,
| И погреба отверстыми устами
| Кричали им: «нет более вина!»...
- C.299 | Шесть длинновыинных каменных сосудов...
- C.300 | И осенил Он, благодатный, воду *Почему вода бездушна, а*
| И из Его таинственных перстов, *вино имеет дух?*
| Сверкнула жизнь – как огонь из облаков,
| И ожила безжизненная влага
| И дух проник бездушную стихию,
| И зашумело в каменных сосудах...
| И влага хладная преобразилась
| В кипучее, душистое вино!!!... *У них не было шипучего*
| *вина.*
- C.302 | В ночи ненастной, буревой, *бурный, буревой значит*
| По влаге пенистой, кудрявой, *принадлежащий буре.*
| Где вал за валом белоглавой
| Катился с шумом снежной лавой,
| Он шел немокрою стопой,

- C.319 Ваш кесарь отлил лик в металл,
А Бог – ваш Бог – у человека –
Свой лик на сердце начертал!..
- C.323 И всяк, себя узнавши сам,
Кто спрятал стыд, кто спрятал камень
И молча вроссыпь по домам!
- C.324 Ты ждешь... И Я судьейским млатом
Не раздроблю твоей души... *фигурно*
- C.326 Мы любим жить в своей пустыне,
В земле туманов и теней,
В глуши, в семьях своих свиней!..
- C.328 Великолепно распахнула
Пять врат в притворах Вифезда... *ударение не тут*
- C.328 Едва лохмотьем приодеты,
Полуугасшие скелеты... *скелеты не угасают*
- C.329 Посланник господний примчится с небес... *сойдет*
- C.329 И волны, все волны
(Как зыбкие чолны)
Чешуясь, бугрясь серебром,
Заблещут хрустальным ребром... *Когда же волны
чешутся?*
- C.331 И к лежащему больному,
Идет, ровно как к родному,
С лаской врач телес и душ... *почему?*
- C.332 Но горе!.. Мы имеем часто цели,
И часто их достичь... в нас силы нет!!
Вот и у самой здесь купели
Лежу я тридцать восемь лет!!..
- C.334 ...И рассылал
До самых городских украин, –
С приветом ласковым отца,
Гонцов с конца и до конца, –
Просить к себе – хозяин. *разве окраин*
- C.335 «Мне право недосужно, ибо
Волов купил... За честь спасибо!»
- .335 И дым, как вешний аромат,
Тянулся лентой из кадила...
- .335 «Бегите вы на все дороги,
По закоулкам, по углам,
По мрачным норищам убогих,
Зовите нищих и слепцов,
Калек, костыльников, хромцов!»

- С.336 | Так пир духовный вам не нужен!!..
- С.336 | Условья мира полюбя
И светской утучняясь пылью...
- С.339 | Ученики ж, как плоть, лениво
За ним идя, у ближних скал *Около Фавора нет скал.*
Свои шаги остановили,
И на цветных, пушистых мхах,
Еще в земных своих мечтах,
Как люди, сном земным почили...
- С.340 | И снятся им моря родные равнины,
И тянутся стаи серебряных рыб;
Ныряют, играют с волнами дельфины, *На внутренних морях
дельфинов нет.*
И плещет и блещет знакомая зыбь;
И в море спустились побережья картины,
И жемчугом море, им снится, цветет...
- С.341 | И вдруг, меж роз и перламутров,
Как будто сто явилось утров...
- С.341 | Глядят... Он весь преображен:
Стопа не давит больше праха...
И светлым паром обложен,
Он плавал в нем, как мысль святая,
Слепя одежды белизной; *Ослепляя*
И плоть, вся светом пронятая,
Его сливалась с вышиной...
- С.342 | Стоял Он, распростерши руки,
Обнять готовый целый мир,
И звучным ливнем, свыше, звуки
К Нему летели с горних лир.
- И вдруг прозрачным дымом белым
Явилось облако – и глас
Ученикам оцепенелым
Звучал в великий оный час.
- С.344 | Давно уже людей своекорыстие
Ввело во храм расчет житейской выгод:
Всю мелочность – раздоры свары, торжища...
Поистине, за человеком ходит грех
Как тень его!.. И в храме Соломоновом... *тот храм был уже не
Соломонов*
Где аромат от ладана душистого...
- С.345 | На золотых архангелов крылах *Этого не было. Голубей и
агнцев продавали для жертв. И
вероятно голуби были в клетках,
и агнцы тоже в застройках.*
Гнездились голуби четами,
И агнцы прыгали меж алтарями⁸⁸⁷
И искрилась монета на столах;
И храм был полон продавцами...

⁸⁸⁷ В изд. 1871 эта строка отсюда убрана и помещена ниже: «И взбегались по помосту овны, / И агнцы прыгали меж алтарями, / И, тайным ужасом полны...» (с.246).

- C.345 | Взвились птиц встревоженные тучи
И взбегались по помосту овны,
И, тайным ужасом полны,
Купцы и мытари, безмолвствуя, глядели...
- Как же продавать голубей, которые летают по воле?*
- C.346 | И полный страха и смятенья,
Из храма ринулся купцов столпленных сонм...
- C.347 | И ринутся распуганные птицы
И круторогая толпа волов...
- C.350 | С младенцами глаголом новым
Он старцев важно поучал...
- C.351 | Он, Чудный, весь был дух и дума,
Сосуд таинственных святынь, –
И часто, от толпы и шума,
Он бегал в тишину пустынь...
- уходил, скрывался*
- И раз... зарею обливало
Раскаты свежие полей,
И утро раннее лобзало
Уста серебряных лилей.
- Зарделся день... открылись пашни,
А по местам – настилки вод,
Вдали всплывали храм и башни;
На сельский труд спешил народ...
- C.355 | Он в мировой цепи спаял кольцо,
Которое паденье надломило!..
- C.363 | Пылало солнце Палестины,
Кипел полдневный, ярый зной,
И пальм усталые вершины
Сребрились сизой пеленой...
- ?
- C.363 | Был час, когда по высям храма
Дождем алмазным брызнул день;
Теней прихрамных сжалась рама
И башен Иродовых тень...
- утренняя тень напротив длинна*
- .367 | И старцу юноша: «Отец!
Хоть были мы в гостях у неба;
Божественных вещаний дух
Хоть поднял, вырастил нас вдруг,
Но телу все ж как быть без хлеба?!..»
- Фигурно!*
- C.367 | «Учитель! вот уж сходит тень,
А люди наши целый день,
Тебя заслушавшись, не ели
И вот, в изнуре, ослабели...
- в изнуренье.
В терпенье – в терпе?
В смиренье – в смирене?*

- C.367 | Задел уж всех крылом зловещий ворон, *фигурно говорит ученик*
голод...
- C.368 | «Охотно накормили мы б,
 Да нужен здесь не наших средств кормитель....
 Как сделать, чтоб от двух засохших рыб
 И от пяти укругов хлеба
В народе смолкла яств потреба
 И поднялся упадок сил?..»
- C.368 | А пища двоится,
 А пища троится,
 И в-сотеро пища растет!!!..
- C.371 | У каждого в правице вайя... *в деснице*
- C.372 | Он слышал плач и крик смятенный,
 Когда на мраморные стены
 Взлетал орлом победный Рим!..
 Он видел, огненное знамя
 Взвилось внезапно к небесам,
 И вмиг горевших башен пламя
Лукаво вторглось в древний храм!.. *разве дерзко*
- C.377 | И восклицал Ему: «Осанна!»
В толпы скипевшийся народ.
- C.377 | Но хрущ и камень возглаголет,
 Возопиют обломки скал... ?
- C.379 | Благий Учитель, – речью сладкий, –
 Он сеял перлы дивных слов;
 Его ж одежд из каждой складки
Сияли милость и любовь! *Как из складок одежды*
 И агнец Сам... и пастырь бдящий, *сиять милости и любви?*
 Он мудрость притчею покрыл;
 А эту притчу вседробящий
 И молот времени почтил!!!..
- C.381 | Вперяли в смысл духовный око,
 И высмотрев его глубоко
 (Отвеяв тяжкий буквы мрак),
 О притче толковали так...
- C.382 | Показалась безумной скучна тихомирья родная *или миротишья?*
ограда;
 И помчалась, закрывши глаза,
 По степи, где все ночь, да гроза, *В какой степи ночь и*
 Да топучие блага, да терны... *гроза беспрестанно?*
- C.384-
 385 | Под густо синим неба сводом
Сиял, горою золотой,
Храм дивный, чтимый храм народом,
 Храм, древний Бога дом святой.

- И сколько раз о Нем судила
Толпа и гордо говорила:
«Найдется ли под солнцем сила,
Чтоб разорить сей древний храм?!
Пройти векам, еще векам,
Пока и веки истощатся,
А он, громадный исполин,
Все тот, нетронутый, один,
Все будет жить и красоваться!»
- Один храм, Соломонов,
уже был разорен.
- C.387 | Все мятежный, все бунтующий,
В упоенье от сладостей, –
От падения в паденье!
От сетей и до сетей...
И сойдет в умы затмение
И зараза на сердца...
- из сетей в сети
найдет на умы, в сердца
- C.390 | И в зыбких каплях роз блеснул сафир.
- <нрзб.>
- C.392 | Ученики <...>
Сказали: «Что ж ты не научишь нас,
Как должно нам, как лучше нам молиться?
Ведь мало ль что бывает с человеком?
Бывает вдруг, – встrepешется душа,
Как горлица, засаженная в клетку...
Так чем же тут тревогу успокоить...
Снабди же нас на путь житейских терний,
Молитвой утренней, мольбой вечерней!..»
- длинно, фигурно говорят
ученики
- Да и вопроса их не было.
- C.393 | Так как и мы же долги должникам оставляем
же нашим...
- C.393 | Прошли века, умчались поколения;
Громадная в размерах колесница,
На ней же восседит издревле время
С своей косой и молотом дробящим, –
Промчалася крест на крест по земле.
Под колесом ея хрустели кости
Раздавленных, истаявших народов;
Взмостилися могилы на могилы,
И города лежат под городами;
А дивная могила все живет!!..
- Что за многословие!
Что за набор слов!
И колесница, и коса, и
молот!
- C.394 | Пенил моря, сближал пространства, горы...
- Пéнил
- C.397 | На ясном зеркале Кедрона
Златая искрилась волна,
Когда на дымке небосклона
Сгорала желтая луна.
- Все одно и то же!
- И золото ея струями
Лилось в серебряный кристалл,
Когда меж звонкими скалами
Он жемчуг свой пересыпал...
- Совершенно фигуры
арабские или персидские

- С.398 Страна была полна покоя
И бриллиантовой росы!...
- С.402 Как сиянье восходной зари... *восходящей*
- С.402 И приводят больного страдальца:
Он от боли тяжелой стонал,
Пораздвинулись с мест своих кости,
И болезненно старец дышал... *может ли то быть?*
- С.402 «А дозволено ль, – рек он, – в субботу...» *не так говорил*
- С.403 И откуда-то прежняя младость
Обновила черты старика!.. *Нет! уж прежней
молодости Христос не
возвращал*
- С.405 Скорбь и горе и беда
Убегут с земли далеко
Навсегда и навсегда! *Точно Зилова стихи*
- С.406 И во дни как пал Содом... *провалился*
- С.406 Лишь ковчег седого Ноя, –
Сей вселенской жизни храм, –
В бурях общего нестроя –
Тихо реял по волнам! *неустройства*
- С.407 Огнь бездымный, огнь надзвездный
Город грешный ооджил...
- С.408 Он проходил, а у дороги
Стонали десять голосов,
Как стонут страхи и тревоги,
Как стонет ветер у гробов...
- С.409 Пытал о нем града и веси,
Доколь нашел. – «Вас было десять, –
Спаситель рек, – Да девять где?»
- С.412 То чудо внезапно явилось
В ночи галилейской светло... ?
- С.414 «Для чего же бесплодница эта
У других отнимает здесь свет?...»
- С.414 «...Я верую, что мой за ней уход,
Красавице, теперь плодом убогой,
Даст силу принести нам добрый плод!» *кстати ли?*
- С.414 Предаст бесплодников на истребленье...
- С.415 А знаете ль? – У Бога на часах, –
В таинственном, надрадужном эфире, –
Уж перст судьбы указывает час,
Когда плодов потребуют от вас!!!..

- С.416 Был негде гордый судия
С челом надменным, медным: *бесстыдным?*
Лелеял он свое раскормленное я
Да чванился над бедным...
- С.417 Но если сделал так судья бессудный,
То можно ли впадать в унынье вам?! –
Мольбой не будьте только скудны:
Толцйте с кликом в дверь... и Он,
Всеправосудный
И Всеблагий, на клик откликнется вам Сам...
- С.419 Но пройдет Он, кого Каяфа *Каяфа*
Простер на крест судом своим,
И возгласит глухим: «Эффафа!»
И с Богом мы заговорим!!
- С.422 Саван смерти с себя мы сорвем... *снимем?*
- С.428 И к страждущей простер Он руку
(Цельбы таинственный фиял)... *она-то фиял.*
- С.434 Воскреснув в летние зарницы,
Оно вам даст зернистый клас!!
- С.436 «Когда ж я буду вознесен, –
Так говорил Он для намека, –
То вознесу я человека
Из суетных условий века
И дам иной ему закон!..» *выражение постное.*
- С.436 И сердце б внять Ему готово,
Но гасит свет Его сурово
Туман сомненья головной!!.. *туман не гасит света, а
только закрывает.*
- С.439 Свиток тайный Он рассучит, *развернет*
И тот хлад, что душу мучит,
Он затопит теплотой!
Тут посевы дум бестенных
Примет ваша голова:
И в словах Его священных
Будут все Мои слова.
- С.440 «Учитель! – видишь за Тобою
Плывет народ – Тебя тесня...» *Идет*
- С.441 И силу – от *Твоёя* силы
Прияв, – я здрава и светла...
<ударение поставлено Дмитриевым>
- С.442 Коснется тот умом, тот слухом,
А верой пламенной... Когда?!
Глаза без слез, на сердце сухо,
Душа застылая тверда...

- С.444 Богаты одр и ароматы
Звали не раз на сладкий сон. *Звали*
- С.445 Пойду – и кинуся к ногам,
Привьюсь к ним цепкой повиликой...
- С.446 Но в сердце зацелели слезы,
А на главе больной власы.
- С.447 И вот блее алебастра *алебастр и алавастр*
Дочь заблуждений и тревог, *одно и то же*
Град слез и нард из алавастра
Лиля на белый мрамор ног...
- С.448 Ко Мне она, с самозабвением,
Все сердце принесла свое,
А сей елей, пред погребением, –
Телопомазанье Мое!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. – 504 с.

На обложке владельческая запись: «*Мих. Дмитриев*».

- С.5 Один из дней салимских догорал;
Свой сизый пар принес с собою вечер
И пелены свои и покрывала
Развешивал по скатам стен зубчатых,
По мраморам трех Иродовых башен;
И растилал, голубоватым морем,
Сребристые и бисерные ткани
По Иосафатовой долине... И
На острее он засинел Сиона – *Разве Сион вострый?*
Где древний храм стоял как целый город
Под куполом, златой горе подобным,
И на его зеркальной вышине *Все это описание для*
На молнии дробился свет дневной; *того, чтобы сказать, что*
И всеторжественно блистал он славой *пришла ночь.*
Под золотой парчой лучей полдневных...
- С.6 И беломраморных столпов, прихрамных,
Над мраком бездн светилися громады,
И далее салимский тихий вечер,
Опеленив высокий столп Давида,
<...>
В туманах шел по холмам Рафаима...
И каждый бриллиант звезды ночной
Бросал свой луч, как взор, на кровлю дома...
- С.7 И желтая восточная луна,
Оцепенев, янтарная, стояла...

И был меж них и верный Петро-Камень...

- С.7 На гармонических чертах лица <Иоанна>, С.7 Слиянного как бы из стройных звуков, <...>
Лилея с розою цвели в союзе...
- С.9 Быты людей и нравы испытать... *Быт – не имеет множественного числа.*
- С.10 ...грядущие века, –
Готовые вращать судьбы народов, –
Слетелися и тут же заседали.
- С.10 Там виделись – и тога и чалма
И пышная трехолмная тиара
И рделся крест румяный Палладина...
- С.11 В молчании, рассучивая свиток... *развивая*
- С.11 И слов Великого живой эфир...
- С.13 И храмы новые взведут Царю царей!..
И богокрасная раздастся песнь...
- С.15 Предчувствие неясное томило
Пречистую и Преплагуу Деву. –
Таинственно-зачатая от Бога,⁸⁸⁸ ?
Таинственно зачавшая Его,
Приявшая огонь без опасенья,
Она – вина всемирного спасенья...
- С.16 Ах! жестоки они – враги Давида...
<ударение поставлено Дмитриевым>
- С.17 И лис и волк свои имеют норы... ?
- С.21 На двух ладонях и ступнях святых
(На четырех пронзениях накрестных)...
- С.21 Не рыдай Ты, о Мати!.. Меня зряци во гробе!... *Ежели зряци, то мя;
а если меня, то зря.*
- С.23 Все чудеса роятся вокруг Него!!!..
- С.23 Все недужное, скорбящее,
Под Его святой рукой,
Врачевство телоцелящее,
А душа найдет покой!..
- С.24 Ты истину отлил в свои слова...
...есть у нас два тайных уха:

⁸⁸⁸ На обороте передней крышки переплета заметка Дмитриева: «на стран.15. Глинка верует в *conception immaculé*» (т.е. в безмужнее зачатие самой Богородицы). В изд. 1871 строка исправлена: «Сама быв дар родителям от Бога...» (с.330).

- C.25 Одно в уме, другое ухо в сердце.
Одним ты слушай разговоры мира,
Про суету, да про дела житейства...
- C.26 «Могий вместить – вмещай!»... *вместити*
- C.28 Вот сеятель вышел на поле, чтоб сеять,
Чтоб жатву с любовью беречь и лелеять...
- C.28 И сеял он, сеял все сорные травы,
А добрым началам смеялся лукавый.
- C.28-29 Все вóлчцы, да терны на ниве торчали...
<...>
И вóлчцы и терны сберу и сожгу!
<ударения поставлены Дмитриевым.>
- C.32 Сияло солнце на долинах
И на расклонах летних вод.
В живых рисуясь картинах,
Стоял бесчисленный народ. *перед Христом
представляют живые
картины*
- C.33 Блажен, кто, не служа гордыне,
Свой дух смиреньем укротил
И сердце отдал Богу Сил!
Блажен, кто правды алчет ныне!..
Блажен богатый даром слез
И даром долгого терпенья. *почему не Богу
любви?*
Блажен, кто скорби и гоненья
С покорным сердцем перенес!..
Блажен, кто, не сдружась с пороком,
Пребудет верен чистоте: *фигурно!*
Он сердцем чистым, словно оком,
Увидит Бога в высоте!..
фигурно
- C.34 Боитесь грозного суда ли? *Боитесь ли?*
- C.35 Какой насыплете здесь мерой,
Отсыплется с насыпкой там!..
по русски: верхом
- C.35 Оглядка к прошлому ведет,
И гибнет твой в грядущем плод!..
- C.36 Блюда вы моете и чаши...
- C.37 Полны хищения и злобы,
Вы, как раскрашенные гробы, *?*
Снаружи нравитесь на взгляд
Но в вас, приличием закрытый,
Гниет мертвец, в сердцах зарытый,
И точит свой заразный смрад!..
- C.37 Сыны земного бездорожья
С погасшим фонарем своим!

- С.38 Придет, настанет век заразный,
С путей собьется человек;
Пойдет над темной бездной век,
И морем хлынут в мир соблазны!!..
Но горе, чрез кого пройдет,
И мысль заразную введет
Соблазна недуг смерти смрадный!!..
В самом соблазнике зажжет
Он огонь геенны безотрадный!!..
- С.39 А таланты других развивались
И росли, да росли, разрастались
В десятичный прирост за один!
- С.42 Во дни большого урожая,
На прибыль прибыль помножая
И крылья развязав мечтам,
Хвалился некто, молвя: «К нам,
Со всех сторон, снопы златые
Валяются сами на гумно!
Что ж делать? – В житницы пустые
Свалю отборное зерно,
И новых житниц понастрою,
А старый мой отцовский дом,
Что там запрятан под горою, –
(Мне жить уж будет тесно в нем) –
Я, просто напросто, разрою
И дом поставлю на горе...
А там, в шелках и серебре,
Скажу: «покой всего дороже!»
- Совсем
библейский язык.*
- не*
- лишнее*
- Дом нельзя разрыть*
- а золото?*
- С.44 Всеу черед указан свой
И обусловлено все сроком...
За старым наступает нов,
И изменяются порядки,
И зыблются основы шатких
Вещей и дел былых веков...
- С.45 И тот, кто к старому хитону
Заплату новую пришьет,
Подделкой дела не исправит:
И новое задаром пропадет
И старизне подкрепы не прибавит!..
И в старых мехах не вмещает
Никто молодого вина.
Вино молодое играет
И рвется, как в море волна,
Шуметь и кипеть на просторе...
- слишком сильно*
- С.45 Вот дождь зашумел, река распахнулась...
- С.45 И только лишь в стены дожди застучатся
И реки сорвутся с узды берегов...
- Но мысли стерегись лукавой,

- C.46 И так свой дар умеи скрывать
Чтоб левой век руке не знать,
Что сделано рукою правой!..
- C.46 «Отец! Отдай мое наследство;
Мне хочется на белый свет:
Уж крылья выросли у воли,
Пусти!.. Пусть сын твой, домосед,
Поищет на чужбине доли!» *фигурно*
- C.47 Но ум околдовали страсти,
Пошли невзгоды да напасти!..
Как конь ретивый без узды,
С беды он мчится до беды... *от – до, с - на*
- C.48 В той стороне случился голод,
И наш пастух, склонив главу
(А он еще был свеж и молод!)
То корм свиной, то ел траву... *рожцы – не трава:
это сладкие рожки,
которые и у нас продают
сухими*
- C.49 «Он бережет их, кормит, поит,
А я... (сам воли господин)...
И голоден и сердце ноет,
И сохну я, как в осень крин!...
Что ж дольше мучится? – Решуся,
Отдав поклон моим мечтам,
Идти к отцу. – Пойду, смирюся
И кинуся к его ногам...» *поит
trop modérne*
- C.49 Все навстречу родные места
И знакомые к дому близины...
- C.51 «За то, что блудный сын (гласите!) –
Опять в объятиях отца!» *лишнее
разве: смотрите*
- C.52 Да, порою, заря, с позаранья... *утренняя заря
бывает рано*
- C.53 Оба в могилу легли – и богач и товарищ
надворный... *н<адворный>
советник? не дворовый ли?*
- C.54 Страшно томится богач на железной доске
раскаленной... *Ух!*
- C.54 Глас сицевой был в ответ: «Сын мой, наземное
счастье
Все отдалось тебе...»
- C.55 Много богатых даров клали богатые там же.
Кто же из них положил больше? – Те клали
избытки...
- C.55 Где они, Твои глаголы, странник Палестины!
Дивный возвеститель дивных судьбины?
Где Твои подарки, гость земли священный?
Перлы и смарагды – бисер драгоценный?

- Где Твои глаголы, жизнью пронятые?
Все ль убереглись, всеми ль поняты?
- С.56 ' И подкрепной силой, для житейской битвы,
Силы тех глаголов отлились в молитвы.
- С.57 ' Слово жизни – жизнью осветляет бедных...
- С.58 ' Везде о Нем идет подспудный шопот... *спуд – <нрзб.>*
- С.58 ' Пронзенными ногами – ад попрад;
Простертыми руками – отпер небо... *отверз*
- С.59 ' Нам руку братства подал, чтоб ввести
Нас погибавших – (новое творенье) –
И в тождество и в воссоединенье,⁸⁸⁹
Через Него, – с Отцем Его и нашим...
- С.59 ' Он встал в заглавии строенья Божья!.. *во главе*
- С.60 ' И холмы жатв и дикие утесы,
Где Он сорокодневствовал в посте,
И Сарандарския горы вертепы,
И древние жилища троглодитов,
Где некогда пещерствовали люди, !
Пока еще не знали городов...
- С.60 ' И виноград покоил свой янтарь
На ветвях пальм, на помостах базальта...
- С.61 ' Молва о Нем достигла до Эдеса,
Где царствовал воинственный Авгарь... ?
- С.61 ' Так по земле ходил Он – Слово-Бог,
Преобразить весь мир имевший словом,
Так пожил Он с людьми, – святой и дивный, –
По правосшествным путям ступая,
И огнеросные глаголы сея
По бороздам светоприемных душ...
Так, Чудный Он, Богорожденный Муж
Сынов земли, Гость с неба, – Бога – Сын,
И сосущественный Отцу; – так Он⁸⁹⁰
Как сила Божия и Божье слово,
И чудодействовал и златословил,
И брат по телу нам, в пылу любви,
Не пожалел своей для братьев крови... *Христос никогда не оказывал пылу, а всегда спокойствие.*
- С.62- ' И восклицал, тоской любви сгорая:
63 «Ерусалим! Ерусалим!
<...>
Ах! сколько раз, как горлица птенцов *кокошь: наседка, а не*

⁸⁸⁹ В изд. 1871: «И в торжество и в воссоединенье...» (с.360).

⁸⁹⁰ В изд. 1871 две строки («Сынов земли <...> так Он...») пропущены (см. с.362)

- Под теплые сзывает крылья
От бурь и хладных непогод,
Я звал Тебя, остывший Мой народ!!»
- С.63 | Не поняли святых Его уроков,
Ни благодатью осоленных слов...
- С.67 | И сорванный с гвоздя, одной рукой
Махая в бешенстве, он звал на бой
И суд земной и высшие суды,
Грозь с креста то палачам, то небу...
- С.68 | И свежие еще, лоскутья кожи –
У свежих ран болезненно дрожали!..
- С.69 | Он не рвался, не ссорился с крестом...
- С.70 | Так солнце иногда, в полдневный час,
Схоронит свой златокипящий лик
За серебром бегущих облаков,
И на него глядит больной наш глаз!!..
- С.70 | Кто разгадал все тайное значенье
Великого среднего креста,
Где жадно так подстерегала смерть,
Чтоб сжать в свои костлявые объятья
Того, кто был готов обнять весь мир?..
- С.70 | В Его чело впился венец терновый,
Натянутый железной рукавицей!
- С.73 | И в филотериях, кругом чела,
Исписанных словами из закона...
- С.74 | «Во всем для нас Он был живой упрек,
У каждого торчал в глазу занозой
И всех стыдил какой-то чистотой!..
Он поучал, как посланный со властью,
А кто Его на то управомочил?
Он праведным в народе нарекался;
Он говорил, что Он – Сын Божий!!!..
Но вот теперь мы уж Его поймали, –
И, проданный и преданный своими,
Он, по рукам и по ногам, привязан.
Теперь он наш мудрец – крестораспятый.
Посмотрим же, как справится с крестом...»
- С.75 | Мать преходила в жалость...
<...>
И, кинувшись к знакомым ей стопам...
- С.76 | «На весь позор креста Он смоев кровью,
И чистотою убелит Его!!..
И будет крест сиять, как знамя славы:
- горлица*
- Все это натуга!*
- гадко!*
- перчаткой, потому
что с пальцами*
- фигурно*

- Мне видится уж торжество креста!!!..»
- С.77-78 | «Я не могу не вспомнить, ни забыть
Какого-то золотого сновиденья:
Шатер... Пустыня... Ночь... Жена молодая...
И капля дивная!!..»
*Как помнить
грудному младенцу?*
- С.79 | И врезалась луна до сердца солнца,
И, уязвив его, стояла томно,
Под серповидным вырезком светила,
Пока совсем погибло в небе солнце...
*экая гиль! т.е. автор
признает, что это было.
Было затмение; а затмений
при новолунии не бывает.*
- С.80 | И тысячи рассыпались оттенков –
Лиловых, желтых, красновидных зорь,
И странно все окрасились предметы...
- С.81 | А между тем гроза землетрясения
Кипела все под пологом затмения:
Крестились молнии из края в край,
И в темноте зубрились высоко...
*Этого в Евангелии
нет!*
- С.83 | И треснул свод над храмом Соломона...
*Этот храм был уже
не Соломонов*
- С.83 | И выли псы, – гиены хохотали...
И треснули поддонья древних скал,
И вскрылись сокрытые в них гробы
И мертвецы привстали из гробов!!!..
- С.86 | Небеса воздыхают болезненно, силы небесные
плачовопльствуют, поспоминая о плачевном исходе
великого дела воплощения...
- С.92-93 | Опять мой блеск родной лазури,
Опять и небо, и любовь,
И гармонические бури
Неуловимых голосов!!..
фигурно!
- С.98 | И жаль мне, жаль мне было неба
И душно у земных страстей:
Я не хотел вкушать их хлеба
И не пил горьких их сластей!

Тоской по родине томимый,
Я думал: «Что мне в тех местах,
Где все уж так неисправимы,
Где все погрязло в суетах...

<...>
Я пел... Но людям что до песен,
Когда их пуст сердечный дом?
А гордый ум так туп и тесен,
А мир их просквожен грехом

И гласом горния Любви

- C.99   Меня в отчизну позвали...
- C.100   Сам Бог свой суд прямой изрек,
Чтоб хмель греха проспал лишь в гробе,
Грехом упившись человек!..
- C.101   И, не найдя искомого в земном,
Допросами стучать в ворота неба...
- C.221   Кинжал с петлёй дрожал в руке кровавой...
                  <ударение поставлено Дмитриевым>
- C.226   В сей пустыне безотрадной
Ирод грозной, Ирод жадной
Появлялся, как живой.
Весь закутан в багрянице,
С скиптром царственным в деснице,
С диадимною главой...
Так он хаживал в походы,
Так являлся на пиры,
И духов, кругом, народы
Вавилонские ковры
Расстилали пред могучим,
Громоздили пышный трон.
- C.361   По всем земным и пажилам и жилам
Святая кровь струится и течет!!..

*Никогда в диадиме не
хаживали в походы.*

Глава пятнадцатая

«ВИДЕНИЕ МАКАРИЯ ВЕЛИКОГО» – ПОТАЕННАЯ ПОЭМА Ф.Н. ГЛИНКИ

1.

«Видение Макария Великого» – законченное сочинение Ф.Н. Глинки; писарская копия с собственноручной авторской правкой находится в РГАЛИ⁸⁹¹. Это поэма «религиозная» и «нравственная», по объему и значению в позднем творчестве Глинки занимающая третье место после «Таинственной капли» и «Иова», но, в отличие от них, не только в свое время не опубликованная, но и, видимо, не получившая практически никакой известности даже в ближнем окружении автора.

«Иов» и «Таинственная капля», за издание которых Глинка долго боролся с духовной цензурой (и в итоге, хоть и с большим опозданием, достиг своей цели), постоянно обсуждались в его переписке с разными лицами в 1840–1850-х гг., отрывки из этих поэм появлялись в периодической печати. «Таинственная капля», благодаря «чтениям», устраивавшимся Глинкой и его женой Авдотьей Павловной в обеих столицах, уже с конца 1840-х гг. стала предметом обсуждения в обществе, причем сохранилось множество разных откликов, вплоть до острот и эпиграмм насчет назойливости чтецов.⁸⁹²

«Видение Макария Великого» на этом фоне кажется едва ли не «потаенной» поэмой: для ее издания или хотя бы распространения среди доброжелателей Глинка не предпринял усилий, сколько-нибудь сопоставимых с затраченными им на другие поэмы. Ни один из его корреспондентов и никто из мемуаристов, насколько нам известно, ни прямо, ни косвенно о ней упоминает. Среди писем самого Глинки В.П.Зверев, обследовавший его архивные фонды и посвятивший «Видению Макария Великого» раздел в своей монографии⁸⁹³, единственное упоминание поэмы обнаружил в одном из его писем к М.П.Погодину⁸⁹⁴. В виду важности для датировки поэмы приводим это прежде не публиковавшееся письмо полностью:

«Почтеннейший Михаил Петрович!

Приятное письмецо ваше сей час получил. За Иова благодарю много и премного: в этом отзыве много благородства и самостоятельности. За отзыв о Жизни Пресвятой

⁸⁹¹ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 1. Ед.хр. 5. – 52 л.

⁸⁹² См. в предыдущей гл.14. См. также: *Зверев В.П.* Федор Глинка – русский духовный писатель. М.: Пашков дом, 2002. – С.471–486 и сл..

⁸⁹³ *Зверев В.П.* Указ. соч. – С.436–459.

⁸⁹⁴ НИОР РГБ. Ф.231/II. Папка 8. Ед.хр. 21. Л.76–76об.

Богородицы жена моя не находит слов как благодарить Степана Петровича⁸⁹⁵. Он пишет с необыкновенною теплотою и самым прямым слогом. Из двух ваших поручений одно готов принять сей час: о Милорадовиче ухитрюсь написать так, что военная цензура будет зубами щелкать, а ухватить не за что⁸⁹⁶. Второе поручение труднее. Не рассудите ли за благо поручить М.А. Дмитриеву написать о Москвитяnine. Мих<ихаил> Ал<лександрович>, с своим твердым, логическим слогом имеет и мудрую способность смотреть *на обе стороны*. Я же, не умею иначе писать как хвалить: я вижу всегда только светлую сторону. Пожалуй, если он не согласится, я напишу, только у меня будет все в полудневном освещении, без теней⁸⁹⁷.

На счет пизэ в стихах, если захотите (только прежде надо перечитать вместе) я могу вам для *великопостного чтения* сообщить видение Макария, пизэса немного старообрядческая, но оригинальная. Вот мой ответ и при нем прошу принять извинения что за мепризами⁸⁹⁸ и суетою иметь не мог у вас быть.

С истинным почтением имею честь быть,

Ваш преданнейший

Ф. Глинка»

Письмо без даты, но она довольно точно устанавливается из его содержания: после выхода второго номера «Москвитянина» (20 января 1841 г.), до выхода статьи Глинки в «Московских ведомостях» (22 февраля) и, видимо, незадолго до начала Великого поста (8 февраля⁸⁹⁹). Погодин с 6 по 18 февраля находился в Петербурге⁹⁰⁰; письмо от Глинки он должен был получить раньше, поскольку успел убедить его написать рецензию на «Москвитянина» (что Глинка хотел перепоручить М.А.Дмитриеву).

Таким образом, письмо датируется концом января – началом февраля 1841 г.⁹⁰¹ К этому времени, как видно, «Видение Макария Великого» в общем было уже написано, но

⁸⁹⁵ Имеется в виду рецензия С.П.Шевырева на книгу А.П.Глинки, вышедшую в 1840 г.: *Шевырев С.П. Жизнь Пресвятой Девы Богородицы. Из книг Четьи-Минеи. Изданная Авдотьей Глинкой // Москвитянин. – 1841. – Ч.1. – №2. – С.574–582 (ценз. разр. – 20 января 1841 г.)*.

⁸⁹⁶ Статья Глинки о М.А.Милорадовиче была написана и не встретила цензурных препятствий, см.: «Мои воспоминания о графе Михаиле Андреевиче Милорадовиче» (Москвитянин. – 1841. – Ч.4. – С.372–384). Позднее в «Москвитяnine» вышли еще два «отрывка» этих воспоминаний: «Иванчук. Мои воспоминания о графе Милорадовиче» (1844. – Ч.1. – С.141–150); «Взгляд на прошедшее. 1-й кадетский корпус. Вольнь и дальнейшие мои сношения с Милорадовичем. Отрывок 3-й» (1846. – Ч.2. – С.33–46).

⁸⁹⁷ Глинке все же пришлось самому исполнить «второе поручение» Погодина, см.: *Глинка Ф. Москвитянин // Московские ведомости. – 1841. – №16 (22 февраля). – С.131–133*. Эта статья послужила поводом для начала ожесточенной полемики «Отечественных записок» с «Москвитяниним».

⁸⁹⁸ Т.е. недоразумениями (фр. *méprise*).

⁸⁹⁹ Православная Пасха в 1841 г. приходилась на 30 марта (ст. ст.), соответственно Прощеное воскресенье и заговенье на Великий пост – на 8 февраля.

⁹⁰⁰ См.: *Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – Кн.6. – М., 1892. – С.26–29*.

⁹⁰¹ В.П. Зверев, приведя цитату из этого письма, датировал его концом 1840 г. (см.: *Зверев В.П. Указ. соч. – С.321*).

сам Глинка текст, который предлагал Погодину «для великопостного чтения», еще не считал окончательным и готовым для печати («только прежде надо перечитать вместе»)⁹⁰². При этом заметна неуверенность, с которой он говорит о своей новой поэме, как бы извиняясь за ее экстравагантность: «пизса немного старообрядческая, но оригинальная».

2.

«Видение Макария Великого» действительно поэма «оригинальная», не имеющая аналогов в русской поэзии своего времени, и «старообрядческая», т.е. враждующая с современностью и, с определенной точки зрения, обскурантистская, написанная «с какою-то апокалипсической сумрачностью»⁹⁰³.

В прологе – видоизмененный эпизод из жития преп. Макария Египетского (ок. 301–391): диалог с бесом, несущим мешок с разными приспособлениями для уловления душ⁹⁰⁴. Возможно, Глинке этот эпизод напомнило жизнеописание Макария в его «Духовных беседах», переизданных в 1839 г.⁹⁰⁵ (Если учесть, что в «Видении Макария Великого», среди прочего, идет речь о фотографии (параграф 2), получившей известность в том же 1839 г., можно с большой долей уверенности предположить, что поэма, завершенная не позднее января 1841 г., была написана в 1840 г.)

Все прочее в «Видении Макария Великого» – поэтический вымысел Глинки. Основная часть поэмы (за вычетом пролога и заключительного фрагмента) – речь беса, принужденного открыть Макарию то, что написано «у сатаны... в тайных книгах» о будущем человечества – о тех временах, когда бесы станут учиться у людей. В тридцати девяти параграфах «вертлявое существо» говорит об успехах науки и техники, сопровождаемых всесторонними изменениями в укладе жизни человечества – в государственном устройстве, общественных отношениях, в языке, мышлении, литературных вкусах и т.д. В итоге полная утрата веры, падение нравственности, сатанинская гордыня и самообожествление «будущих великих человечков».

⁹⁰² Этот первый вариант поэмы, местонахождение которого нам неизвестно, вероятно, отличался от позднейшего списка РГАЛИ (о датировке последнего см. ниже).

⁹⁰³ Выражение из прозаического вступления к поэме.

⁹⁰⁴ Эпизод восходит к «Истории монашества» Руфина (345–410) и имеется почти во всех жизнеописаниях Макария, в т.ч. в «Прологе», у свт. Димитрия Ростовского и др. В отличие от Глинки, здесь бес несет лакомства для искушения монахов.

⁹⁰⁵ Духовные преподобные беседы о совершенстве, христианам приличном и о снискании которого стараться надлежит / Пер. с еллиногреч. яз. в Моск. акад. [свящ. Моисея Гумилевского]. – М., 1782. – Ч.1–2; Изд. 2-е. – М., 1839.

Идейный пафос поэмы – в обличении технократической европейской цивилизации и, в особенности, безверия и новых политических и философских учений, свидетельствующих о ее глубоком духовном кризисе. В общих чертах этот пафос, на первый взгляд, согласуется с антизападнической программой «Москвитянина». В упоминавшейся рецензии, написанной по поручению Погодина, Глинка полностью солидаризировался с программной статьей Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы»⁹⁰⁶, с удовольствием процитировал его слова о «будущем трупе», которым «уже пахнет» Запад, но закончил такой сентенцией: «Едва ли мы не дожили уже до того, что *мнение*, которое передавалось *шепотом*, произносится вслух? Смелее приподымая маску, уже начинают *проповедовать*, что поэзия должна быть без *нравоучения*, философия – без *веры*! Посмотрим, *куда* мы придем с поэзией *безнравственной*, с философией *безверною*?»⁹⁰⁷

«Смелее приподымая маску», «*мнение*, которое передавалось *шепотом*, произносится вслух», «посмотрим, *куда* мы придем», «едва ли мы не дожили уже» – эти выражения выдают иное умонастроение и задают иную, чем у Шевырева, перспективу – эсхатологическую, которая видится провиденциально неизбежной и в которой едва ли есть место шевыревской историософии и «русской идее»⁹⁰⁸. Зато это та же перспектива, которая определяет внутреннюю динамику «Видения Макария Великого»: зло постепенно смелее, перестает притворствоваться и лицемерить, чтобы явиться, наконец, во всем своем торжествующем бесстыдстве (в заключительных параграфах)⁹⁰⁹. Глинка претендует на глобальное осмысление современности («Здесь идёт речь о *человечестве* – и судьбах *человека!*...» – эпиграф к поэме) и выступает критиком цивилизации Нового времени в целом и противником прогресса в любых его проявлениях. Из египетской пустыни первых веков христианства борьба России и Запада видится не более чем эпизодом земной истории человечества. Упования Макария, выслушавшего предсказания беса и вернувшегося к молитве, обращены лишь к тому, что находится за пределами этой

⁹⁰⁶ Москвитянин. 1841. Ч.1. №1. С.219–296.

⁹⁰⁷ Глинка Ф. Москвитянин // Московские ведомости. – 1841. – №16 (22 февраля. – С.133, стлб.1.

⁹⁰⁸ «Русскую идею» Шевырева А.М. Песков резюмировал следующим образом: «...России предстоит стать новым духовным лидером человечества. Она должна осуществить синтез Божественного и человеческого начал, христианской веры и западной гуманности. <...> Русское «всечеловечество» (воплощение слитности человеческого и Божественного) – залог будущего спасения человечества в «обратном» соединении языков» (Песков А.М. Русская идея русской словесности. С.П.Шевырев // Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. – М., 2007. – С.70).

⁹⁰⁹ Это один из композиционных принципов, не позволяющих основной части поэмы до конца распасться на ряд самостоятельных нравоописательных фрагментов (к чему она тяготеет). Другой – это постепенный переход от рассказа о преимущественно внешних изменениях в жизни людей (технические новшества, социальное устройство, экономика и т.п.) к преимущественно внутренним изменениям (недоверчивость, насмешливость, оскудение любви, тоска, тяга к самоубийству и т.д.).

истории. Критике европейской цивилизации в качестве конструктивного начала оказались противопоставлены только апокалипсические ожидания. Первое должно было встретить сочувствие в кругу «Москвитянина», второе лишало поэму актуального смысла в борьбе за утверждение исконно русских «начал».

В отличие от «Иова» и «Таинственной капли» – поэм «библейских», в которых «материи чисто религиозные» (парафразы Священного Писания, христианская проповедь, нравоучение), «Видение Макария Великого» – попытка высказаться о спорных вопросах современности, причем в жанре «религиозной поэмы», основанной на древнем церковном предании. Парадоксальность замысла, двусмысленность исполнения (откровения о будущем человечества сообщает подручный «отца лжи», пусть и принужденный к этому свыше) и отсутствие в поэме конструктивной позиции по вопросам, расколовшим литературную общественность на западников и славянофилов, – все это могло навлечь на Глинку лишь неудовольствие читателей, даже наиболее расположенных к «нравственному направлению» его поэзии. Вероятно, понимая это, а не только предвидя неизбежное внимание духовной цензуры, Глинка отложил мысль об издании поэмы.

3.

В единственном сохранившемся авторизованном списке «Видение Макария Великого» состоит из предисловия «От сочинителя», дополненного двумя «Прибавлениями», и самого текста поэмы. Предисловие носит публицистический характер и открыто связывает полуфантастические пророчества беса о последних временах с «нашим веком». Оно написано позже поэмы и, очевидно, тогда, когда автор вернулся к мысли о ее издании.

Список предисловия и поэмы выполнен одним и тем же почерком, листы сшиты в одну тетрадь. Создан список в 1847 г., поскольку в нем упоминается перепись населения в Бельгии 1846 г., цитируется энциклика папы Пия IX «Qui pluribus» от 9 ноября 1846 г., но отсутствуют упоминания литературных новинок 1847 г. и событий 1848 г., которые, напротив, присутствуют в многочисленных дополнениях и исправлениях, сделанных рукой Глинки. Все они внесены в течение 1848 г., последние – не позднее осени: во втором, «Позднейшем прибавлении» к предисловию идет речь об «исключительном положении Франции в августе 1848 года» и используется выражение «в сем 1848-м

году».⁹¹⁰ При этом в основе стихотворной части, т.е. самой поэмы, был некий первоначальный вариант, написанный в 1840 г.

Таким образом, сохранившийся текст «потаенной» поэмы Глинки «Видения Макария Великого» может быть датирован как создававшийся с 1840 до 1848 года.

* * *

В приложении помещены предисловие и сам текст поэмы. Исправления и дополнения, сделанные рукой Глинки, заключаются в квадратные скобки []. Исходный текст при этом в большинстве случаев густо зачеркнут и не читается, поэтому от мысли сохранить его в примечаниях пришлось отказаться. В угловые скобки <> заключены наши единичные исправления, расшифровки сокращений и предположительные чтения. Подчеркивания передаются курсивом. Сохраняются, при отсутствии разнобоя между писарским и авторским написаниями, некоторые значимые особенности орфографии (*кохти*, *инова* и др.); сохраняется буква *ѣ* – везде, где она есть в оригинале, и форма местоимения *ея*. Также сохраняются особенности пунктуации, не затрудняющие понимание текста. В постраничных сносках даются некоторые наши пояснения.

---

⁹¹⁰ Список, несомненно, предназначался для публикации. В контексте европейских событий 1848 г. «апокалипсически сумрачная» поэма нашла бы сочувствующего читателя. Но с октября 1848 г. Глинка приступил к важнейшим для него хлопотам об издании «Таинственной капли», и подготовленное к печати «Видение Макария Великого» осталось неопубликованным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(к главе 15)

Ф.Н. ГЛИНКА

ВИДЕНИЕ МАКАРИЯ ВЕЛИКОГО

От сочинителя.

В те времена, когда инок *Макарий*, прозванный Великим, процветал в пустынях Египетских, случилось ему раз сидеть на холме в благочестивом созерцании неба. Вдруг видит он, что на тропинке, извивавшейся у подножия холма, какое-то существо украдкой скользило мимо его с престранною ношею за плечами. Это было – ни тень, ни существование: это был один из тех образов, которые являются во сне и видимы наяву только очам *просветленным*. Знакомый с подобным явлением, *Макарий* узнал, *кто* это был.

– Куда идёшь? – спросил инок.

– В мир! – отвечал идущий.

– А что там у тебя за плечами?

– Сам видишь: *сткляницы* с питьем, от которого дуреют люди; *удицы* для уловления душ; да *сеть*, да *капканы*, да еще кое-какое снадобье.

– Когда же престанешь ты ходить в мир, треклятый?

[– Не кляни меня, сын пустыни! Ты велик пред Богом, но всё-таки ты человек и смотришь на вещи, как и все близорукие дети Адама. Книга времен не раскрыла тебе печатей своих. Мы видим *далее* и я скажу, что придёт время, когда мне и братии моей незачем уж будет ходить в *ваш мир*! – Попомни слова мои: придёт, говорю тебе, время, когда бесы станут заходить к людям разве только затем, чтоб дивится на людей, *чтоб у них учиться!*..

Вот краткий очерк легенды!.. Прочтя её, невольно задумаешься *о свойстве и приметах времени*, на которое указывало таинственное существо. Поищем же, разыщем и, может быть, доищемся *примет этого времени*. Спросим прошедшее, допросим настоящее и посмотрим, что бы это было за время? – Было ли уже оно или еще будет? Прошло ли оно или еще придёт? – И когда же это странное будущее (если это еще будущее?) сбудется так, что бесы станут приходить учиться у людей?! –

Вот вопросы, которые имел в виду Автор «Макария».]

Не называйте его ни *раскольником*, ни старовером. Он просто *наблюдатель*, и если рисунки и очерки, им выставленные, затронут вашу любовь к какому бы то ни было *времени* и *порядку вещей*, то сознайтесь, что, видно, *они* – эти очерки – *верны с подлинником*: [иначе вы не обратили бы на них внимания!]

Автор отнюдь не восстает *против наук* (хоть иногда и повторяет, про себя, с *Грессетом*: «Хоть *меньше* знать, да *лучше б жить!*...»⁹¹¹), он доказывает или желал бы только доказать, что *науки* [(по данному им теперь направлению)] и *успехи* в жизни общественной не всегда идут рядом с успехами нравственными и что комфорт – [этот] представитель материальности – не [должен] быть [любимою] целию ни человека, ни общества.⁹¹²

[Подтвердим мысль эту словами *Шекспира* – этого мудреца всех веков и любимца нашего времени. – Вот что говорит он об *уме* (траг<едия> «Генрих VIII-й»): «Развратись только *ум*, и все эти дивные дары (дар оратора, дары наук, образования и проч.), *направившись в дурную сторону*,

⁹¹¹ Фраза восходит к комедии Жана-Батиста-Луи Грессе (Gresset) (1709–1777) «Злой» («Le Méchant»), пост. 1745, изд. 1747; рус. пер. Н. Свечина, 1817).

⁹¹² Далее следует вставка рукой Глинки, перечеркнутая крест-накрест: «При тщательном рассмотрении дела нельзя не согласиться, что наш век страждет не от *незнания*, а, напротив, от *многознания* и от того, что этому *пестрому многознанию* дано *худое* направление» (л.3).

принимают тотчас же формы порока и делаются в десять раз гнуснее, чем прежде были прекрасны, и проч.»⁹¹³

Нельзя с большею меткостью указать на свойство и мировой ход ума. Но обратимся к позднейшим временам!]

Минувший век подал нам *многие голоса* о состоянии *современного* ему человечества. Из этих [многих] повторим [хоть] *один*: «С тех пор как человечество стало жить на земле, не было времени, схожего [с нашим]. – *Все противности (противуположности)*, которые прежде уклонялись от взаимного столкновения, пошли теперь на встречу одна другой. Тысячи разнообразных *учений* подняли голоса свои. Система расширяется о систему. – *Истина* и заблуждение, *свет* и тьма, *искренность* и лицемерие вошли в общую мировую игру. Самый чистый и самый загрязненный образ мыслей становятся *рядом* и требуют прав гражданства и водворения. – Все *Духи* выступили и действуют открыто пред глазами нашими. Дух веры и дух безверия бок о бок расхаживают между современными поколениями. Недозволенное сходит с дозволенным. Бытие и Имя Божие признаваемы и отвергаемы гласно. Все понятия разосбились; все упования шатаются. Нет более *постоянного*. И среди этого водоворота противоположных мнений, среди кипящей суеты и стука колёс, спрыгнувших с осей своих в огромной, может быть, засорившейся машине древней гражданственности, в кипятке *ускоренной* жизни, в трескотне дел человеческих выступают на последний бой два могущественных исполина: *мысль* и *форма*, *дух* и *материя*!.. Какие будут последствия этого небывалого порядка вещей, покажет время».

Послушаем высказавшего эти *последствия*.

18-ème siècle.

Epoque qui garda, de vin, sang rougie,
Même en agonissant, l'allure de l'orgie:
O! Dix-huitième siècle, impie et châtié!
Société sans Dieu, qui par Dieu fus frappée!
Qui, brisant, sous la hache, et le septre et l'épée
Jeun, offensas – l'amour, et vieille – la pitié,
Table d'un long festin qui l'échafaud termine!
Monde aveugle pour Christ, que Satan illumine!
Honte à tes écrivains devant les nations!
L'ombre de tes forfaits est devant leurs renommées:
Comme d'une chaudière il sort une fumée,
Leurs sombre gloire sort des révolutions...⁹¹⁴

[Если не удовлетворит Вас описание *в рифмах*, представим другое, прозаическое (аббата Ла-мене из книги «L'Essai sur l'indifférence»⁹¹⁵). Вот как рисует он характеры зачинщиков *первой* (1793-го) революции.

«Они (деятели того времени) не могли терпеть знатного рода, потому что сами выползли из грязи; не могли сносить *богатства*, потому что желали бы его иметь – и не имели!.. Они косились на всякое дарование, потому что Бог не дал им никакого. Не терпели они наук, потому что были невежды; не терпели никакой добродетели, потому что согнивали под корою всех пороков. Поверите ль?.. Они завидовали даже злодеянию, когда оно [удостоивалось] *гласности*. –

Одним словом, чтоб описать (первую 1793) *французскую революцию* с ея сценами крови, разврата и убийств, чтоб описать эту беспутную оргию, на которой *всякое учение* имело *свое почетное место*, эти схватки разнузданных страстей, эти ссылки, изгнания, нечистые пиры, нечестивые возгласы; этот стук молотка, разрушавшего здание, и взмахи топора, отсекавшего головы; эти страны осиротевшие, реки, запруженные трупами; эти гнойные раны, скрытые розами

⁹¹³ Первый полный русский перевод «Генриха VIII» (прозаический), выполненный Н.Х. Кетчером, вышел в 1842 г. (Шекспир / Пер. с англ. Н.Кетчер. – Ч.3. – Вып.10. – М., 1842).

⁹¹⁴ Из стихотворения Виктора Гюго «Regard jeté dans une mansarde», вошедшего в сборник «Лучи и тени» («Les Rayons et les ombres», 1840).

⁹¹⁵ «Essai sur l'indifférence en matière de religion» (v.1–4, 1817–1823) – сочинение аббата Фелисите Робера де Ламеннэ (Lamennais) (1782–1854).

сластолюбия, чтоб описать всё это, надобно занять красок – у Ада, который вдыхал свою свирепость в души мучителей того времени».]

Так прошло в вечность, с теми кровавыми сценами, [с тою кипучею бурей вещей и дел,] с тою перестановкою властей, с тем всеобщим дележом и *размежеванием, часто неполюбовным*, земель Европейских, – так прошло оно – 18-е столетие! –

Вызовем голос из XIX-го – из *самой нашей современности*, – голос, может быть, один из красноречивейших во Франции. Вот что говорит он о своем времени:

«Что вы станете говорить о Боге людям, у которых один Бог – золото? – Поймут ли они высокие уроки о *тленности вещей*, когда сами, все вещественные, зарылись в бесконечные толки о *барыше*, о *прибыльной продаже голосов* в парламентах и камерах, куда созываются для *высказывания правды*? Поговорите о *религии* этому *сборищу законников*, которого лучшие головы набиты теперь торговым расчетом о *выгоде железных дорог*! – Как же, скажу опять, заговорить о Боге и перебить речь этих великолепных краснословов-ораторов?! – Пусть лучше одуряют они своих слушателей пустозвонством вычурных речей: о сооружении железных дорог, о паровых машинах *высокого давления*!..»

[Вот лёгкий очерк людей и парламентских занятий парижского *верхнего* слоя, а что творится в нижних слоях парижского народа – что сделалось с *нравами*? – Несколько стихов младшего Дюма расскажут нам кое-что о том, чего бывают свидетелями парижские ночи.

Ночь карнавала в Париже.

Король французов спал, префекты почивали,
 Министр полиции был где-нибудь в гостях,
 А залы длинные сияли,
 Под музыку, в заманчивых огнях;
 И пляски, шум и блеск, и говор, и тревога
 Всю ночь держали там разнузданных людей,
 И прожили они – в разгаре всех страстей –
 Без *Веры*, без *стыда*, без солнца и без *Бога*!
 Так беззаконная та ночь прошла
 (Разврата и греха позорная картина!),
 В которой не был уж мужчиною мужчина
 И женщина не женщиной была!..
 И равнодушно всяк глядел на это дело! –
 Но сердце у меня досадой закипело
 При этом скопище бесчиния и зла....
 Я бросил этот пир – помойных ям осадок –
 И с грустью вышел вон. – День на небе белел
 И полицейский страж на дворников шумел
 За благочиние и уличный порядок. –] ⁹¹⁶

Но время работает! Прошло [немного] лет, [и] *другой* голос, [голос могучего красноречия,] сказал нам, из той же Франции, о чём-то *другом* и, конечно, более утешительном. Передадим, от слова до слова, высказанное этим голосом:

«Думали, что среди чудес искусств и художественности, так щедро украшающих землю *новыми игрушками*, обольщенная душа человека забудет про свое бессмертие. Но ошиблись!.. Среди всех изобретений и открытий *земных* душа возжаждала небесного!.. Проснулся в душе инстинкт вечного, и недовольна стала она *временным*. Вот от чего произошло теперь во Франции это *великое движение религиозное*, охватившее все умы, кружившиеся прежде в *суете* житейской»... Это слова *Эдуарда Кинэ* ⁹¹⁷, и дай Бог, чтоб, по русской пословице, довелось *его устами пить мёд*! – До сих пор везде почти еще продолжается только усердное подражание тому,

⁹¹⁶ Перевод Глинки из первого сборника стихотворений Александра Дюма-сына «Грехи молодости» («*Péchés de jeunesse*», 1847).

⁹¹⁷ Из книги Эдгара Кинэ (Quinet) (1803–1875) «*Le Génie des Religions*» (1842).

в чём кружились умы Франции, т.е. [материальным расчетам] и *суете житейской*. – Дай Бог, говорим мы, чтоб, по *словам Кине*, настало уже в самом деле на *крайнем западе* время великого переворота *во благо*, чтоб *солнце Европейского просвещения*, пройдя все печальные знаки зодиака, возвратилось, наконец, к юному, бодрому *Овну* и привело нам весну для утешения земли, обнаженной такою продолжительною зимою!! – *Возвратный ход словесности* – если он действительно уже существует во Франции – обещает много хорошего. –

Но не таково – в Германии, – в Германии, почитавшейся некогда сердцем Европы, – сердцем, умевшим *любить, молиться и веровать*. –

Со времени *Гегеля* восстали там *человеки-исполины, подъявшие хулу на Господа*. Они заговорили языком странным для непривычного уха, жёстким для кротких, совестливых душ, но лакомым для ума, завлеченного во все обаяния гордыни. Они говорят: «Непосредственное должно опосредствоваться без всякого *посредства*». – Они учат: «*Бытие и небытие* – равны, ибо оба не существуют!» – Они уверяют, что *Ничто* (Nichts) содержит в себе *семь* подразделений, из которых одно называется «*Голодающее ничто*»!..⁹¹⁸ Они даже решаются сказать, что «*без человека Бог* никогда бы не существовал, если б *Он* и в самом деле существовал!» –

[Мы замолчали бы на этом, но дело пошло далее. Люди не остановились на пороге нечестия и шагнули вперед, написав на знаме своем столь многозначительное ныне слово: «прогресс»! – Эта дорога привела наконец их – (прогрессистов) – к тому, что мы услышали разговор немецкого философа *Грюна* с знаменитым агитатором Прудоном⁹¹⁹. Посетив, в видах миссионерской своей пропаганды, Францию, *Грюн* сошелся и долго разговаривал с Прудоном. Тут они, один перед другим, щеголяли и менялись такими и подобными фразами: «Отчего они (сенсимонисты и проч.) поминают еще Бога? Какого они там Бога нашли? – *Бога нет!* – Шесть тысяч лет люди жили в обмане, воображая себе Бога... Понятие о Боге есть отражение (la reflet) самого человека *вне* его самого». – «Да, надобно сознаться, что Бог ничего не видит, ничего не предвидит и ничего не может. Запутываясь в тысячах *форм* и *отношений*, он ищет освободиться от них и сам не знает как выпутаться! Он только и может действовать благоразумно через *человека!*» – «Откуда зло? (спрашивали разговаривавшие друг друга) от человека или от Бога?» – «От Бога! – отвечает один другому. – Если должно наказывать кого-либо за зло, то уж, конечно, не человека!» – «Мы, – восклицал *Прудон*, – также как пророки Израильские, являемся народу. Но вместо наказания гнева Божия и мстительных Его Архангелов свыше, мы поднимем снизу *парижскую голь* (пролетариев), которые совершат у нас и суд и расправу!! и проч.» – Захотите ль перейти от философии к чему-нибудь более вам споручному, прочтите, что говорит Пьер-ле-ру (Pierre-le-Roux) *о любви*. «Любовь (говорит Пьер-леру) есть *идеальность* реального, единая из частей всеобщной сущности *целостного бесконечного* в совокупности с отрицанием *я* и не *я*; ибо *я* и не *я* – это *ОНО*»⁹²⁰.]

Вот что говорят они – и молодёжь упивается, как росой небесною, этим одурительным говором!.. Нас упрекают, зачем иногда раздражаемся против учителей и *учения такого* рода?.. «Всё должно *высказываться* и быть терпимо!..» – говорят защитники *веротерпимости*. Отвечаем словами одного *наблюдателя* современного движения: «Как же не рассердится (говорит он), когда видишь, что *философия века* приходит открыто полоскать *свое заношенное* белье в светлом потоке древних истин и отвратительный *скептицизм* моет, как ему хочется, грязные руки свои в чистых водах религии». [Посмотрим, что говорит *о скептицизме* сам праотец *нынешней* философии – *Спиноза*. «Для скептиков (гов<орит> Спиноза) нужны не убеждения, а лекарства: они больны болезнию упорною!»]

[Повторим еще слова, сказанные кем-то. С чувством негодования за настоящим ходом понятий он говорит: «Древние имели мудрость, нам в удел досталось *лжемудрование*. Во всех устах повторяется одно слово: "наука!" Науку считают тем таинственным *иксом* (x), к которому

⁹¹⁸ Ср. саркастическую анонимную заметку «Голодающее ничто» в «Москвитянине» (1842. – Ч.1. – №2. – С.664). Возможно, автором этой заметки был Глинка.

⁹¹⁹ Карл Грюн (Grün) (1817–1887) и Пьер-Жозеф Прудон (Proudhon) (1809–1865) – известные радикальные публицисты, деятели социалистического движения. С Прудоном Грюн встречался в 1845–1847 гг., когда жил в Париже.

⁹²⁰ Пьер Леру (Pierre Leroux) (1797–1871), французский социалист, в 1840-е гг. издатель газеты «Revue indépendante», автор сочинения «О гуманности» («De l'Humanité, de son principe, et de son avenir, où se trouve exposée la vraie définition de la religion et où l'on explique le sens, la suite et l'enchaînement du Mosaïsme et du Christianisme», 1840).

человечество стремилось от пелен и которого, став на ноги, достигло *теперь*. А что такое *нынешняя наука*? – Это чудище с прекрасною женскою головою и грязным змеиным хвостом. Медовыми устами и ослаблением прекрасного лица получает она везде *почетный доступ* и на грязном хвосте своем вносит *безверие, скептицизм, гордыню, чванство*, а потом *уныние, разочарованность*, а на самом острие хвоста *пистолет*».]

Что сказать против [всего] этого?.. Разве то, что и в *Германии* [послышались] уже *сильные голоса* против разрушительных начал *философии века*. Недавно еще, в 1844-м году, на съезде пасторов в *Кёттене*, архидиякон *Фишер*, обратясь к фалангам *Гегелистов*, закричал: «Стройте, стройте, работайте из всех ваших сил, громоздите *ваши* здание, но верьте, что никто из нас не войдет в него, пока мы не уверимся, что оно построено на камне, а не на песке!..»

Вся Германия в настоящую минуту вскипает заботою о устройении Веры. Но эта забота проявляется в многообразных, часто странных, даже уродливых видах. Разрушив древнее *здание православия*, всякий усиливается слепить из его *обломков* что-нибудь *новое* по своим видам и понятиям. Общее же домогательство клонится к двум целям: учредить верования без Веры и христианство без Христа.

Как электрическая искра, как блудящий огонь, пробежал *Ронге* (с своим *неокатолицизмом*) по нитям железных дорог Германии... и сгас!⁹²¹ – Более кротким и постоянным светилом явился пастор *Улих*, осветил безобразие начал *Гегелистских*, сушь и наготу учения *Штраусова*, но, убоявшись сознать всю полноту уже давно осознанных истин религии, возвратился вспять⁹²². Напрасно повторяются и теперь еще съезды в *Кёттингене* и *Галле*; напрасно толпятся спорщики (ходячие идеи своего времени) и, составляя нечто в роде *поместных Соборов*, хотят *сделать Веру* как *новую мебель*. Во всех их деланиях открываются *недоделки*, и Вера всё не дается им в руки!.. Кажется, просто, а догадаться не могут!.. Им опротивела *вода стихийная, обыкновенная*, они кинулись испарять, разлагать *ее* химически, чтоб сделать *новую*, (по их мнению) *лучшую Воду*. –

Но химизм их не удаётся: то перебавят *кислоты*, то не добавят *газу*, – и *воды* все нет да нет, а жажда все растёт да мучит!.. Так и с *Верою*, этою *водою духовною*: отцы и деды (по словам: «Кто жаждет, прииди и пей *Воду жизни* даром!..»⁹²³) пили её даром, внуки их толпятся, суетятся, работают, делают и не могут *сделать того*, что дано и давалось *уже совсем сделанное*. – В *Бельгии* при *последней народной переписи* многие показали себя *не принадлежащими ни к какой церкви, ни к какой Вере*.⁹²⁴ – Итак, *безверие* становится уже [делом] *официальным*!.. Видно, недаром Вечное слово изрек: «Когда Сын человеческий придет на землю, *найдет ли Веру на земле?*»⁹²⁵ –

Не эти ли или не подобные ли события (едва ли когда бывалые) подали повод ныне священствующему в Риме Папе *Пию IX-му* высказать мнение свое *о настоящем времени*? – В круговом послании к епископам⁹²⁶ он приглашает всех и каждого «действовать *против ужасного врага рода человеческого*». – «Стойте! – говорит он, – непоколебимо, как *добрые воины Иисуса Христа*, и будьте стеною дома *Израилева*». – Далее сказано: «Ни от одного из нас (это епископам) не утаено, как в наш *достойный сожаления век* жестокая и ужасная война возжигается *теми*, которые, соединясь в *нечестивое товарищество*, стараются *извлекать из тьмы* нелепые мнения и *распространять их в народе*». Еще далее: «Мы содрогаемся в душе, помышляя о всех *чудовищных заблуждениях*, о всех *сетях и пронырствах*, которыми пользуются *эти ненавистники Истины и Света, служители лжи!* – Они стремятся *испортить нравы и поколебать все порядки гражданских обществ*». –

⁹²¹ Иоганн Ронге (Ronge) (1813–87), основатель «немецко-католической церкви», агитируя за которую, предпринял ряд поездок по Германии в 1844–1847 гг.

⁹²² Леберехт Улих (Uhlich) (1799–1872), немецкий протестантский богослов, в 1841–1845 гг. регулярно организовывал съезды «протестантских братьев», полемизировал с Давидом Штраусом (1808–1874), отрицавшим историческую достоверность Евангелия.

⁹²³ Ср.: Откр 22:17.

⁹²⁴ Имеется в виду перепись населения в Бельгии 1846 г., когда впервые были собраны сведения о каждом жителе.

⁹²⁵ Лк 18:8.

⁹²⁶ Энциклика папы Пия IX «Qui pluribus» от 9 ноября 1846 г.; Глинка цитирует п.3 и сл.

[К этому громкому воззванию современного первосвященника приведем еще несколько слов из книги современного политика («La majorité de 1847, par un homme d'état»)⁹²⁷. – Автор в этой книге с силою нападает на *демократов, демагогов, радикалов* и прочих проповедников разнузданной воли и безбожия: «Беспредельное сребролюбие (говорит автор), страсть к приобретению денег и расточению их *сверх средств своих* имеют пагубное влияние на общественные нравы. Лихоимство проявляется повсюду. Это неминуемое последствие *Материализма*. Подкупы существуют потому, что есть люди, которых можно подкупить. *Подкуп* – эта проказа материализма – происходит (во Франции) *снизу*. Когда общество основано на началах *религиозных, целомудренных, честных и чистых*, когда его нужды не превосходят *средств*, лихоимство не посмеет к нему прикоснуться. Давно уже говорено и писано, что излишняя роскошь производит *жадность к приобретению*, и это оправдывается ответом в глазах наших. – Всяк хочет блистать, отличиться, стать *свыше* других!! – Играют, проигрывают, обогащаются, разоряются... Люди за несколько златниц продают *свое тело, свою душу*... Все хотят *мест, денег* и просят за милость, чтоб их *подкупили*; преклоняют колена пред сильнейшим человеком, пред *златым тельцом*. Секреты и душевные тайны партий *продаются*. Причина всего этого – в *воспитании нынешнего века*, в котором умели заглушить *всякое верование*, заглушить чувства в разврате; в расточительности – заглушить *совесть*. – Все же причины произошли от затемнения в *рассудке*, а причина затемнения – *материализм!*.. Это плоды XVIII-го века! – Видим эти плоды в *журналах*. Они – эти журналы – прямо и косвенно насмеяются над *благочестивыми мыслями*, над учреждениями законными. Видим эти плоды и в духе века: он отрицает *всякое верование!*»...

Вот искреннее выражение мыслей человека, признанного всеми за человека умного! – Другой, равный ему в уме и славе и, что еще более, *противник его*, встречается с ним на одной и той же мысли, уверяет нас в одной и той же истине пред лицом представителей всей Франции, объясняет во всеуслышание, что «цель учений всех нынешних *материалистов* есть ничто иное, как торжество плоти: *Le culte de la chair!*»]

Конечно, уже не теперь только, а с давнего и [очень] давнего времени *деется тайна беззакония* (2-е посл<ание> Павла к Солун<янам>⁹²⁸). Но со времен св<ято>го Павла долго действовала *скрыто, под студом*, и редко, как подколотая змея, выказывала на свет свою голову [ужасная] *тайна*. С некоторого же времени широко и [торжественно] раскрылась она в *противообщественных, в софистических толках философии* и в толпе писателей, принадлежащих к школе, которую [они сами] не стыдятся теперь называть «Дьявольскою (*Ecole diabolique*)»!

[И вся цепь нынешних действий имела началом своим слова. Дела произошли от *слов*. – «От слова до дела недалеко (говорит *филолог Ноель*⁹²⁹): сперва происходит *замешательство* (анархия) на словах, потом переходит оно в дела». И это *превращение слов и понятий* началось в *Швейцарии*, прежде столь благочестивой, столь нравственной!..] [Давно она] читала листы одного из новейших журналов с заглавием: «Журнал *антихристианский* (*Journal antichretien*)», который, кроме заглавия, и по *содержанию* был едва ли не *антихристов*.

[Следствием этого и подобных писаний было, что очень известно! Новейшее известие из *Швейцарии о нравах* <нрзб.>: «Что случилось с добрыми жителями гор и <нрзб.>, – говорит это (см. «*Journal de St. Petersbourg*») *известие*, – понятия *религии, чести* и древняя *простота нравов* вовсе исчезли!.. Теперь всякий считает себе дозволенным войти в дом богатого соседа и требовать от него то, что ему полюбит. Это пошло еще далее: всякий считает себя вправе отбить у друга место, занимаемое им на службе или в обществе, если оно почетно или выгодно, и дело сделать незаконное! – "А *совесть?*" – спросите вы. Но в современном *манифесте* одного из диктаторов Баденских, слово в слово, сказано: "Мы постараемся изгнать совесть и религию не только из всех школьных книг и курсов учительских для детей, но даже из *самой глубины сердца* всякого *порядочного человека!*"»]

⁹²⁷ «Présidence du conseil de M. Guisot et La majorité de 1847, par un homme d'État» (1847) – сочинение Жана-Батиста Капефига (Capefigue) (1801–1872).

⁹²⁸ 2 Сол 2:7.

⁹²⁹ Франсуа-Жозеф-Мишель Ноель (Noël) (1755–1841), автор пособий по французскому языку и литературе.

Как же после этого не задуматься о *свойстве такого времени?* – Как не задуматься, видя, что [предреченная] *мерзость запустения* едва ли не [становится] *на месте святом?!..*⁹³⁰ Присмотритесь хорошенько к *событиям* века, прислушайтесь к говору народов. – Откуда эта тревога на земле?.. [Это множество вопросов?] Эти *пытливые* пересмотры давно-решенных дел? – Эта потаенная война *новой мысли с старыми* понятиями? – Что значат все *эти проверки верований*, этот гласный, *всеобщий суд* народа над народом, человека над человеком?! –

«Покайтесь! – увещевает церковь, – исповедайте грехи свои!» – И никто не слушает церкви, а между тем бессознательно, сама собою, происходит на земле [великая] вселенская *исповедь*: всякий высказывает вслух не только *грехи*, даже малейшие слабости – *своего соседа!* –

Не замечаем ли мы, что с каждым днем все более и более встречается какая-то неловкость в *бытах наших?* – И как же этому быть иначе? Всмотритесь и сознайтесь, что мы идём *ощупью*. Все пути перепутались, все маяки погашены; об отклонении магнита на компасах ведут спор, а *звездам не верят!* – И в этой *беспутнице*, – когда *старые дороги* покинули, а *новых* найти не умеют, – всякий направляет свой корабль *по своим догадкам*.

Но поклонники нового говорят: «*Это время переходного порядка вещей*, время которого вы – *отсталые* – понять не умеете!» Да! – скажем мы, – может быть, эта *скрытая работа*, эта потаенная дрожь, пробегающая теперь по жилам народов, и есть *предвестие* какого-нибудь *нового развития*, но уж, конечно, не того, которое навязывают нам разнузданные орды коммунистов и всесокрушительные учения туманных мыслителей. Едва ли не сами, неуместным и судорожно-суетливым вмешательством в *Великое Дело Провидения*, [которое хозяйственно распоряжается временами и сроками, едва ли не сами] накликали мы эту апокалипсическую *словесную саранчу*, [которая] пожирает теперь, в глазах наших, нивы, так старательно засеянные отцами! – Все благодатнейшие ощущения доброго, прежде пламенного сердца привлекли мы сами к подножию холодного судии, называемого *Умом*. Суд его грозен, суд его неумолим!.. Он дохнул стужею на все, что было у нас цветущего и зеленеющего, развеял все наши мечты, поправил все надежды и *безжалостно* покинул своих *доверчивых поклонников* на *голой* степи безверия.

Кто ж виноват? – Домогаясь улучшить то, что было хорошо, [и улучшить как можно скорее, мы переставили стрелки часов, ускорили ход вещей, не останавливаясь на *логической постепенности*, не предоставляя ничего благодетельной *работе времени*, захотели сделать всё *сами*: заменили] *природное* искусственным, [*простое* – сложным;] сами напрягли нити, сами сплели сети и теперь не знаем как из них выпутаться?!..

Не пора ли, скажем мы, *человечеству*, истрадававшемуся, истомленному, пережившему всё – и *работу Египетскую*, и *плен* и рассеяние Вавилонское, – не пора ли – так долго блуждавшему по *путям заблуждения* – этому *блудному сыну* возвратиться, *на покой*, к Отцу своему? –

Промотав все *заветное* наследие, наскитавшись по чужим странам, наевшись жолудей и скотского корма, не пора ли вспомнить о *прежней* невинности золотых дней своих; о свежей девственной жизни, не знавшей зноя [разнузданных] страстей; о тихом домашнем счастье *семьи*; о дружбе, о любви, о доме Отца своего? – А этот Отец уже стоит на пороге и готов покрыть лобзаниями любви и прощения утомленную мыслью голову, изъеденную страстями грудь и все обветшалое тело своего бедного блудного сына!..

Итак, вот *мысли*, на которых построено «*Видение Макария!*» – Люди, залюбовавшиеся *разгулом века*, нечестивыми возгласами германских [натуралистов] и, в тоже время, привыкшие довольствоваться *смазливymi куплетцами* водевильной веселости, закричат против *пизсы*, выступающей [против течения потока,] *навстречу* всем принятым мнениям, [наперекор веку,] без всех туалетных прикрас художественности, в *суровом* домашнем холсте и с какою-то *апокалипсической сумрачностью*...

Автор предчувствует это и облакает себя в железную *броню терпения*.

[Прибавление.

PS. Всё, что *здесь написано* (кроме небольших позднейших прибавок), было написано задолго до *последних событий* в Европе.⁹³¹ – Не требующие никаких дальнейших объяснений, эти события говорят сами за себя. Рука провидения сорвала символическую печать, разоблачила лице *тайны*. *Несть тайны уже неоткрыты!*.. Все, что некогда творилось и шевелилось в

⁹³⁰ Ср.: Матф 24:15.

⁹³¹ Т.е. до европейских революций 1848 г.

сокровеннейших углах домов, проповедуется теперь *на кровлях*. Тиснение и свобода слова огласили всё домашнее, всё задушевное. – Чудные дела довелось нам видеть!!.. Все уставы переставляются, все привычные взгляды на мир, на жизнь, на человечество получают направление новое, небывалое. Все вековые здания как будто назначены в сломку. Европа распускается как старый невод, течет как соль, под которую подтекла вода. Все творения гражданственности пересотворяются. – Звезда упала в кладезь, и дым, от неё востекший, помрачил умы; Ангел, державший серп, уронил его на землю, и восшумела земля, возмутились народы...⁹³² Все это, однако, как показывает ближайшее рассмотрение дела, случилось *не вдруг*, не внезапно. Всё шло, надходило и близилось по-сте-пен-но. – *Коммунизм*, тождественный с древнею сектою Николаитов (смотри <и> Апокалипс<ис>⁹³³), не вдруг выказал свою косматую лапу. Он действовал скрытно, логически, искусно меняя имя и место. Но всегда, в каком бы виде ни являлся, продолжал, как прилежный паук, одну и ту же работу. – Перешёптываясь с *страстями современного человечества*, в высшей степени раздражительного, он подводил извилистые подкопы под основания всех порядков и овладел мало-помалу *подпольем* всего Европейского быта, разостлал свою густо-насмолённую *подстилку* под роскошными коврами, которыми Европа убрала свои пировые залы, беспечно торжествуя *долговременный мир*. Чему ж дивится после того, что одна, нечаянно-выроненная искра сделала сплошной пожар? – И на пепле этого-то повсеместного пожара, который в одном месте гасят, а в другом раздувают, происходит теперь какая-то *великая травля*: одно *начало* старается затравить *другое*, спуская, вместо собак, целые стаи *пролетариев*. – Вот положение Европы, в которой бури, начавшиеся вместе с февральскими метелями *високосного* 1848 года, угрожают сбить все *межевые столбы*, испортить всю географию и смешать *министерские расчеты* всех, сосуд гражданственности опрокидывают *вверх дном*, и влага его с каждым днем *мутится* более и более...]

[Позднейшее прибавление.

После общего взгляда на общее потрясение древних порядков и вещей в Европе бросим частный взгляд на исключительное положение Франции в августе 1848 года. По разрушении известных баррикад, которые загромодили улицы Парижа и вымыли их кровию парижан, диктатор Кавеньяк⁹³⁴ и правительство назначили следственные комиссии. Они же – эти комиссии – по осмотру бумаг и допросам лиц открыли черты, рисующие настоящее положение Парижа – диктатора народов в отношении веры, моды и так называемого просвещения.

В №614 «Journal de St. Petersburg» передано из парижских газет: «Оставим в стороне *лица, имена, партии* и взглянем на важнейшее. За завесою, еще только вполовину вскрытою след<ственнойю> Комиссиею, мы видим уже более, чем лица, чем имена, чьи б они ни были, – мы видим целый свет, *целое нравственное состояние*, при взгляде на которое волос становится дыбом!!.. Напрасно стараемся мы зажмурить глаза при блеске зловещих молний, набрасывающих предсмертную бледность на всё живущее, от хижин и подвалов убожества до палат коммерции и роскоши. – Что скажут о нас народы, которым мы не раз служили *образцами*? Что скажем о себе мы сами, услышав из уст *избранников нации* эти слова: "В Париже есть *400 т<ысяч>* людей, готовых в один час превратить город в груды пепла, и это очень легко: для этого довольно одной пачки скоропалительных спичек!"

Итак, мы нашли между нами, в самой середине нашей мировой столицы, целую орду *разрушителей*, готовых на всё! – Вдруг, неожиданно, бьют тревогу, выворачивают камни из мостовых, городят улицы засеками; тысячи мужчин, женщин и даже детей хватают ружье, топор, что ни попало, и бьются насмерть против строго порядка, в укор совести, наперекор закону и власти.

Отчаянные, в каком-то одурении, рубят, колют, брызжут в лице острою водкою, пилят, уродуют, расстреливают своих собственных братий и, простреленные сами, падая, кричат: "Отплатите за нас: разграбьте город!" – Таково в народе, а лучше ли делается у Властей? – Какое *нервическое раздражение* овладело всеми! – Каких ужасов мы свидетели!! Они – эти люди Властей – сидят у ковра и мечут банк на жизнь и смерть народа, *ставят на карту души человеческие*!!.. Вы

⁹³² Ср.: Откр 9:2; 14:19.

⁹³³ См.: Откр 2:6, 14.

⁹³⁴ Генерал Луи Эжен Кавеньяк (1802–1857), военный министр, после усмирения Июньского восстания в Париже в 1848 г. и до декабря того же года – военный диктатор Франции.

скажете кому-нибудь: "Куда ты идёшь?" Он отвечает: "Что ж?!.. Удастся – восторжествую; не удастся – застрелюсь!" – Главокружение и случай сделались *богами*, управляющими судьбами Парижа. – Что ж остается нам делать? – *Соединить* честно и добросовестно наши общие усилия и стараться *омыть, очистить и вылечить* наше *больное общество*. Пропустите хоть луч чистого света, хоть немного *чистого воздуха* в этот *вертеп мрака*, в это грязное убежище, где люди скоро задохнутся от смрада страстей и которое еще вдобавок грозятся теперь *сжечь дотла* одною пачкою сгарных спичек!» –

Вот последствия учений, против которых, *кажется небезосновательно*, восставали епископы Франции, плоды тех *книг, тех брошюр*, которыми, как пеплом покрыта, засыпана Франция и Германия. Давно уже обратившие *анархию* и *безверие* в систему – *теории кафедр* (осмеивают и верования) перешли в Советы Государственные и начинают *пробы, испытания* и *попытки*, всё *во имя науки и прогресса!* – Прежде анатомировали только трупы, теперь самые болезненные рассечения хирургические производятся *над живым человеком!* –

Хотите ли добавить к этому, что (в сем 1848-м году) *мессинцы*, схватив у неприятеля 30 человек, *сжарили* их и *съели*, что *венгерцы* сдирали с живых людей кожи, что *баррикады парижские* освещались *головами человеческими*, у которых вырвали язык и вместо него налили в рот сала и вставили фитиль, взоткнув эти лампы на колья; хотите ли добавить еще, что в Трансильвании жарили младенцев и заставляли *матерей* оборачивать вертел, на котором сжигались их дети; прибавьте, что в Париже затевали *живые баррикады*, т.е. поставить, вместо шанцов, *детей, старух* и *жен* граждан и стрелять *из-за них* по городу; прибавьте еще, что *мессинцы* продавали по фунтам человеческое мясо и кричали: «Есть фунт мяса *неаполитанца* – <нрзб.>!» – и вы согласитесь, что всё это рисует перед вами *время*, едва ли похожее на какое-либо *другое*.

А хотите ли, посредством исторического фокуса, сделать поверку: куда повел прогресс нынешнее человечество? – Вот пример: в 1745-м году, в сражении *при Фонтенуа*, обе сражающиеся стороны, сойдясь близко, остановились и учтиво один другой предлагали *честь первого выстрела...* Как же сравнить эту прошлую *людскость* с *нынешним людоедством?!..*

Из всего этого, хотя нехотя, не должны ли вы сознаться, что едва ли не настало уже время, когда бесы могут придти учиться у людей? –]

~

ВИДЕНИЕ МАКАРИЯ ВЕЛИКОГО

«Здесь идёт речь о *человечестве* – и судьбах *человека!*...»
(Эттингер)⁹³⁵

Давно, в Египетских пустынях красных,
Под стройной пальмою и кипарисом,
Близ Нила шумного, на холме, тихо
Сидел, в своих седилах серебристых,
Великий муж: то *инок* был *Макарий* –
Египетским в потомстве прозван он!..

#

10   Подняв свои живительные воды,
Священный Нил долины угобжал:
Станицами играли крокодилы,
И, с хохотом пронзительным, гиены
Валялися на золотом песке;

⁹³⁵ Фридрих-Кристоф Эттингер (Oettinger) (1702–1782), немецкий мистик, почитатель Сведенборга. В одной из типографий Н.И. Новикова был издан русский перевод его книги: «Библейский и эмблематический словарь» ([М., 1786]) (единственный экземпляр в ГПИБ).

И *ибисы* гуляли по низинам,
 А ястреба кружились по верхам;
 И радугой играла грудь змеи,
 А на хребте ея пестрелись ленты.
 Вдали векам вещали *монументы*:
 «Не страшны вы: мы вас переживем!»
 То гордые виднелись *пирамиды*...
 Таинственно исполненный святыни,
 20 Задумчив был великий сын пустыни.
 Он с горестью на дальнее глядел,
 Высокою любовью пламенел
 И гласом Ангельским пел гимны Богу...
 #
 Вдруг видит он (души очами видит)
 Какое-то созданье пред собой:
 Не тигр то был, не леопард пустынный,
 Не дикий вол угрюмо-круторогий;
 Вертлявое то было существо,
 Невзрачное, как мумия, сухое:
 30 Два рога на челе, с хвостом, с кохтями
 И с ношею престранной на хребте...
 «Куда?» – спросил его Макарий важно.
 «Куда? – Мне путь один: все к людям – в мир!»
 «Зачем же в мир?..» – «Зачем? – Там хорошо:
 Там в кипятке, в угаре предприятий,
 Всё пир горой!... Там много наших братьий!
 Там *вашими* верчу я как хочу
 И между них работаю *по-свойски*:
Приманки я и *удицы* и *сети*
 40 Несу с собой, идя на ловлю души;
 Мы ловим их – Адамовых потомков –
 Как глупых рыб. И вот вчера – не позже –
 Толкался я в удушливых толпах
 На площади Египетского града
 Между ослов и жадных торгашей.
 Вот там-то уж была, скажу, *потеха*:
 То медно-ликому кивал я *кофту*;
 То на барыш присвистывал *жида*;
 То черного дурачил *ефиона*,
 50 Вертя хвостом и языком дразня...
 Есть у меня к сердцам людским дорожка:
 Я уголье умею раздувать
 И раззудить подчас могу *желанье*,
 Кое о чем нашептывая в уши...
 Я старый рыболов, привык ловить
 На острый крюк *повадливые души*;
 Приманкой же – то *крошка золотая*,
 То *выгода житейская*; – порой
 И способец – отмстить *врагу-соседу*
 60 Или кольнуть надутого Эмира;
 Или глаза, как уголь чёрной, девы
 И сорванный за деньги поцелуй;
 Или совет – где пощечиться драхмой
 И *мумию* отца отдать в залог!
 [Или еще... ну, мало ль *что такое?*..

- А люди все к *приманкам* страх как падки!!..
Покажешь им... бегут, невзвидя света,
И слушаются моего совета;
А я чешу греховные их раны –
- 70 То *суетность*, то *чванство*, то *гордыню*,
То *страсть блистать*. – Задор и зуд честей
Я щёкотом хвоста произвожу
И по своей музыке их кружу,
Суля и *то* и *это*... подбивая
На всякое раздолье распашное...
И мудрецы танцуют у меня!!
И право, странно... знают и науки
А все ко мне бегут, как дети, в руки –
И *пузыри* берут за *фонари*!!..
- 80 Так в мире я работаю проворно
И над людьми смеюся непритворно...»]
«Когда же ты покинешь в мир ходить?
Когда тебя *познают* там, *треклятый?*...»
«Треклятый! Да! кляни себе как хочешь,
А в мире я, как будто у себя,
Кружу, брожу, шныряю где угодно:
Мне у людей так славно, так свободно!..
Однако же... Меня *как что-то нудит*
Открыть тебе – угодный Богу старец! –
- 90 Судьбы людей, *судьбы времен позднейших*:
Так слушай же и рассуждай как знаешь;
А я тебе всё дочиста скажу,
Не утаю ниже́ черты – лишь слушай...
Не от себя, но *читанное* стану
Передавать тебе я, как *сумею*,
И передам, *что вспомнится*, всё верно,
Хоть перепутаю немножко: *зад*
Я наперед поставлю – так и быть!..
Я ваших лет и вычетов не знаю!..
- 100 Мне всё равно все ваши "*после, прежде*"!..
И длиннотой речей моих не скуч:
Я ведь болтлив и говорлив, притом
Риторике я вашей научился...
А потому не раз, не два и трижды
Всё об одном я стану толковать:
Я говорю – *как* мне придётся лучше:
Наперебой, без связи, без оглядки,
[В моих речах *подметишь* ты *хаос*,
А потому, что дети мы *хаоса*...]
- 110 Но, впрочем, я готов и промолчать;
Да вот меня, – я уж сказал и правду, –
Не знаю что как будто под бок колит,
И мне твердят: "Ну, отвечай же старцу,
Не то тебе!"... Да я готов! готов!
Пусть слушает... [смотри ж, не морщись, старец!]
Хоть, может быть, и *горькое* услышишь
О *будущих великих человечках*; –
Итак, начнем, собирай мои слова
В свой старческий поношенный кошель:
120 Вот я совсем!.. Начнем с начала – слушай!..»

1.

«У сатаны читал я в *тайных* книгах,
 Что на земле настанет *дивный* век,
 Когда, *умом* водимый, человек
 Постигнет все искусства и науки:
 Он сочинит убийственный снаряд,
 Вздыхающий огнем и ураганом
 Перед лицом неисчислимых полчищ.
 Но хитростью он больше удивит:
 Он птицею без крыльев полетит,
 130 Без парусов на кораблях помчится
 И без коней поедет в колесницах;
 Он по горам свои пути постелет
 И те пути железом опояшет;
 Поддонье гор искусно подкопает
 И проведет дороги под реками!
 И на морях нырять, *как рыба*, станет,
 И по волнам в *сандалиях* пойдет,
 И, тонущий в разврате, в топях жизни,
 Неутопим останется в морях!
 140 И дно морей откроется ему,
 И *под водой* он будет, как хозяин,
 Просиживать день целый невредим!!!

2.

И солнце он – великий чудодей –
 Поработит своим затейным видам:
 Он луч его разломит, разовьет
 И этот луч его работник будет:
 Уловленный в изломе хрусталя,
 Он станет все живописать как кистью...
 И человек – (надменный исполин,
 150 Но резвое, по замыслам, дитя –
Лучом своим папирусы чертя
 Иль искрою громовой освещая
Диковинный, затейный свой *снаряд*) –
 Представит *видотпись* лесов и гор
 И пышных городов – ларей разврата!..
 И тем еще своих не кончит дел,
 Все далее пойдет он – горд и смел;
 И *зёрнами* лечить недуги станет:
 Одним зерном, одной пылинкой зелья
 160 Вдруг исцелять закоренелый недуг!..
 Но оттого, как будто рассердясь,
 Все недуги, забытые, восстанут
 И по земле, как волки, разбегутся,
 [Чтоб пожинать повсюду жатву жизни;]
 И *недуги Египетских песков*
 На *севере*, во льдах, засвирепеют!..

3.

На *воздухе* и *под землей* *снаряды*
 Перенесут их суетную мысль,
 Передадут желанья тех *людей*

170 Через моря и горы и пространства...
 И полетит *невидимым гонцом*
 Из града в град их мысль быстрее птицы,
 И часто целая судьба народа
 От одного *вещателя* к *другому*
 Перелетит над головой народа
 Иль под его ногами проползёт,
 А он своей судьбы и не заметит!!..

4.

Изрежет он – затейный человек –
 Все области *нарочными чертами*,
 180 Изуглит лес и раскопает горы
 (Искусственный, причудливый мудрец!..)
 Леса – *власы* земли – он оборвёт
 И *обезводит* сам *безлесьем* реки,
 И отопрет *тлетворным* ветрам двери!..
 И, растревожив быт селений мирных
 И древний мир таинственных дубрав,
 Распустит он повсюду *самоходы*,
 Которые по суше, по рекам,
 Коптя родных небес и чуждых своды,
 190 Помчатся разносить *угар умов*
 И развозить тоску людей и жажду
 Ловцов *новизн* и *резких впечатлений*
 И вечную тревогу ненасытных
 Искателей корысти и прибытка
 И мудрости – в *пустых ларях наук*,
 И *золота* – скользящего из рук
 Среди борьбы причуд, *ненужных нужд!* –
 Глас сострадания им станет чужд,
 И нищеты непонятые муки –
 200 Не тронут их. Тогда и труд и руки
 Утратят всю свою необходимость:
Снаряды он устроит, человек,
 Которые *ему заменят руки!*..
 Он из воды добудет *лёгкий пар*,
 И этот пар его *поденичик* будет! –
 А между тем, изъеденной нуждой,
 Потребуется *бедняк* себе *работы*,
 Возьмет *топор* и *прежнюю пилу*,
 И не найдет уж он *ручной работы*:
 210 Всё будет пар и резать и пилить,
 И станут ткать *невидимые силы*;
 Одно останется: все будут рыть –
Рукой да заступом – себе *могилы!*!..

5.

И Божий гром уловит человек,
 И молнию с пути ея сведет...
 И будет сам бросать *ручные громы*
 И города и флоты разгромлять;
 А между тем, хвастливый разрушитель,
 Утонет весь он в замыслах торговых –
 220 И сделает *науку* из торгов;

И в барыше его вся будет радость...

6.

Умножится движенье по земле,
 Умножится и людонаселенье,
 И переполнятся страны народом;
 Земля же всё *в размере* будет *та ж*:
 И двадцать рук полезут за куском,
 Который ел один. Настанет брань
 У нищеты с богатством. Страшно взвоят
 Голодные. И поползут на свет
 230 Из душных нор и захолустьев темных
Костыльники, голодари с сумами
 И станут *есть* просить у сытых. – Всем
 Нужда, как ёж, подкотится под бок,
 И станут всех подкалывать желанья,
 И станут все тереться друг о друга,
 Как сталь с кремнем, – и ярко взбрызнут искры
 Взаимных *ссор* и *тяжеб* и *обид!*..
 И общества *старопечатный* вид
 240 Изменит *новь*, подползшая украдкой,
 И *верхний* слой смешается с *осадкой*
Общественной, как взболтанной настой!..

7.

И *роскошь-змея* во всю свою длину
 Обхватит их и, в *три кольца*, кругом
 Опутает, сожмет и станет мучить,
 И вымучит последние *достатки*,
 И выжмет все наследия отцов,
 И, как вампир, полночный кровосос,
 Их иссосет и пустит пустырями:
 У всякого поддонье *прогорит*,
 250 И будут все бездонными ларями;
 И будет век тот – век *долгов* и *ссуды*:
 Обман с приманкой *лака* да *полуды!* –

8.

Чего тогда не сделают с землею?!..
 Искусственным назёмом удобрять
 Начнут они ветшающую землю
 И, силы все *насилъно* извлекая,
 Изнищат весь *элейной* слой земли; –
 Усилят *сбор с полей* – корысти ради; –
 Но, заморив *природное искусством*,
 260 *Без отдыха оря* и *пожиная*
 (Без отдыха всё езда на коне!),
 И утомят, и *обессочат* землю;
 И под своей искусственной проказой
 Она, исчахлая, им даст плоды
Зачахлые – с *болезненной заразой!*!!..

9.

И *странное* они накличат *сами*..
 Всё *ум*, да *ум!*.. Везде возиться станут

С умом, чтоб ум и холить, и растить,
 И плотно начиняя его наукой,
 270 И наряжать, из чванства, в погремушки;
 Но ум – огонь, а страсти, что солома, –
 И ими ведь нельзя играть в игрушки!!!..
 И вот, – не рассудя рассудком прежде, –
 Начнут умы спокойные будить
 И подстрекать, ерошить и дразнить,
 И выкликать из сладкой их дремоты; –
 И вот, спросонок, вдруг, толпой, воспрянув,
 Как ратники – на зов трубы, – умы,
 Умы да Я везде зашевелиятся;
 280 И всякий ум опрётся на науку
 И на своё раскормленное Я,
 На Я, возвращенное на почве Воли
 И самолюбия, – на Я слепое; –
 И все Умы и Я пойдут на драку
 И схватятся, и страшно зашумят...
 И армии Умов и Я, сойдясь
 Под знаменем продерзости, начнут
 Просить себе и дела и доходов; –
 И скажет всяк: "Я жить хочу, как Он:
 290 Зачем же Он живёт пышнее? – Я
 Чем хуже? – Он?.. Он глуп, а я умен:
 Способности развернуты во мне!" –
 И не найдя ни дела, ни доходов,
 (Где ж взять для всех и дело и богатство?!..), –
 Все ринутся друг на друга как звери:
 "Твое – моё! – Чья сила, тот и прав!"...
 Религии ж – мирителя – не станет! –
 И бурные ручьи их Воли жадной
 Под города и дома подтекут,
 300 И всё на дым!.. И скажут уж... да поздно:
 "Ведь под собой мы сами яму рыли,
 [Зачем мы их солёным накормили,
 Тогда как нечем было напоить!!..
 Зачем сосуд общественный взболтали,
 И гуща вся пошла со дна наверх!!..]
 Зачем [нам было их будить насильно,]
 Когда им сны баюкальные снились,
 Когда [никто] пробуда не [просил]!..
 Зачем из нор, – где смиренно звери жили, –
 310 Мы [подняли] их сами [на себя]?!.."

10.

В те времена – (причудлив человек!) –
 Изобретёт он птицу-колесницу
 И полетит по воздуху на ней...
 Но на земле все будут хлопотать
 Всё об одном – и только об одном:
 О золотом могучем талисмানে,
 Который все мечты, затеи, воли,
 Все прихоти осуществить умеет.
 С ним человек, как мощный чародей,
 320 Воскликнет: «будь!» – и явятся палаты!

«Кипи!» – и пир роскошный закипит!..

11.

[И разделенные морями царства
Они сведут *подводною дорогой*:
Под длинным гулом перекатных волн,
Несущих флоты грозных кораблей,
Пойдут *обозы* караваном *длинным*,
В подводном мире при *подводном* солнце,
Сияющем *искусственным* огнём...
И многое тогда узнают люди
330 И *под землёй*, и *на земле*, и *в море*;
Но *будет что* (и им – всеведцам гордым),
Не дастся в их *ловительные руки*:
"Покой души, смирение хотений
И сладкое отдохновенье духа".
Хоть будут все искать *тогда* покоя
И тосковать *о некоем* блаженстве, –
К бывалому блаженству *Верный ключ*
И *обручальное кольцо* со счастьем
В той *буре* дел, событий и вещей,
340 Засуетясь, *они обронят в море*...]
Все города оденутся как в праздник
И будут всем богаты – кроме *счастья!* –
И вся земля как город будет пышный!..
И будет всё приглядно и *нарядно*;
И заблестят под лоском чистоты
На выставках *показистых* изделий, –
И будет все опрятно – *кроме душ!*

12.

Но *о душах* тогда не станут думать!
Все кинутся *лелеять плоть* и чувства
350 И тешить свой желудок. Мягко спать
И сладко есть за трапезой протяжной,
[Да] веселить и угощать желудки,
И поддавать огня своим страстям;
И много пить и есть до пресыщенья,
И проедать здоровье и достатки;
И наряжать *свою земную куклу*,
И баловать свое *земное я*;
И украшать дома свои как храмы,
И потешать *безделками* глаза,
360 И говорить с *любовью* о *безделках*;
[И *мелочам* давать большую цену,
Хоть от того их *измельчает* жизнь –
Средь мелочей и *мелочных приличий*, –
И *сузятся* от мелочей *умы*,
И головы их как-то станут уже...
И будут все искать *по-детски* неги;]
И утопать в *седалищах* мягчайших,
Чем пух гагар... Таков их будет *быт*
В тот век распутств и торжества их *плоти*.
370 И станет *ум* их, – прежде горделивый,

Всё мудрости искавший в небесах, –
 Простым работником их прихотей,
 Угодником причуд затейно-вредных,
 Поставщиком минутных наслаждений; –
 И все свои открытия и чары
 По мелочам он станет продавать
 И тешить плоть, и льстить ей, и ласкать
 Вскормленную для недугов приманку!..
 [И будет плоть повсюду царевать,
 380 И разрастётся тёмными лесами,
 А редко... редко повстречаешь душу...]

13.

И будут тех времен преславных люди
 Все мудрецы!.. *Довольные собой,*
 Всё будут знать и ничему *не верить!*..
 Они и нас, и Бога отчуждятся:
Ум, я и золото – их будут Боги;
 Но мы вдвойне причтемся к ним в родню! –

14.

И Бог пошлет великую им *тугу*:
 В семью людей войдет *тоска хозяйкой*
 390 И на пирах засядет в *красный угол*,
 Как мрачная *властительная дума!*..
 И обольёт *она* томленьем души
 И заживо на всех накинёт *саван*;
 [И смутные пойдут в народах мысли,
 И станут *все чего-то* ожидать...
 И зазывать хоть станут всех к веселью,
 Но уж его не будет на уме!..
 И изо всех затей кипучей жизни
 Начнет *сквозить* холодная тоска.]
 400 [Тут] разные дадут ей имена,
 Но имена не улучшают *вещи!*..
 Пройдет пора беспечного веселья,
 Охватит всех полу-угар похмелья...
 И улетит с земли игривый гений...
 Трапезы их пойдут без наслаждений;
 Их игрища – без игр и без забав;
Собрания ж без цели и без связи,
 Где, призванный *приличием*, не занят
Никто никем, а всякий *сам собою*; –
 410 Где, ничего никто не дав другому,
 Всяк станет брать *от всех и всё – себе*,
 Стремясь быть *предметом удивленья*
 И поклонения и, выше всех
 Взмостившись, *стать над всеми* великаном,
 И всех кругом себя покрыть туманом,
 А выказать – лишь *одного себя*...
 Тогда на *званный пир* не дозвоятся
 Ни простодушного *былого смеха*,
 Ни сладостной *беседы задушевной*.
 420 Исчезнет всё, что прежде золотило
 Народов жизнь и быт семьи домашний:

Радушие и простота, готовность
 Помочь и выручить, и руку с сердцем
 Подать в нужде, и *стать горой* за друга!..
 Исчезнет всё, что прежде веселило; –
 Пойдут везде *суды* да *пересуды*;
 Всему пойдет и смотр и пересмотр,
 И, на *свои* всё меряя лишь *мерки*,
 Во всё утратит *веру* человек
 430 В те времена не *Веры*, а *проверки*!..
Предания все будут попраны,
 И станут *все чего-то* лишены!..
 И – *недовольные* и *роптуны*,
 Нападчики, задиры, крикуны –
 Начнут на всё и *хмуриться*, и *дуться*,
 И подо всё подкапываться злостно; –
 За то тогда *никто* уж и *ничто*
 Не усладит их горький желчи... И
 440 *Разочарованность* прохватит души
 За то, что в *сердце Веры* *дверь* запрут;
 А *дверь сомненья* в *голове* раскроют
 И скрытою тревогою заноят...

15.

И у простых, нехитрых поселян
 Не станет уж былой отрады – *песней*!
 Насупится лице простолюдина,
 И замолчит в устах народа *песня*,
 С которой так легка была работа!
 И смугляков на ясное чело, –
 Что прежде [всё] беспечною цвело, –
 450 Положит тайную печать *забота*...

16.

Предивное в тот полный дива век
 Задумает отважный человек,
 Всё рыщущий в чужбинах непосед
 (А у себя ему, знать, места нет!..
 За всех, про все тогда он захлопочет:
Два океана там свести захочет,
 Тут, на реках, порогов стены сбить
 И грозные волканы погасить;
 Перемолоть из *моря* в *море* воду;
 460 И в городах роскошно засветить
Поддельные, искусственные *солнца*,
 Чтоб осветить *полночные гульбища*,
 И сладкие часы уединенья –
 Часы молитв, часы отдохновенья –
 Отдать в разгул страстям и суете
 И площадной главокружебной жизни;
 И, вопреки порядкам и природе,
 Насильственно *свои удвоит сутки*...
 [Но и *удвоенных* им станет мало:
 470 Забудутся и закружатся люди,
 Не чувствуя, что *день*, что *ночь*, что полдень:

Водоворот с утра промчит их к ночи,
И суета *запорошит* им очи!..]

17.

Куда тогда как *важны* станут люди:
Неразговорчивы, всегда брюзгливы,
И чванливы, и грубо-горделивы;
А между тем *о чём-то всё тоскливы*...
[Тогда начнут ощупывать состав
И изучать по *труп*у человека,
480 И у *живых* изведывать, как *жизнь*
Труждается в *своих работах тайных*?..
Искусственный проложат путь в желудок,
Чтоб *пищу брать* уж боком, не устами,
И подсмотреть пищеваренья тайну,
И вывести на тварях *тайну жизни*,
Которая сокрыта у Творца!!!..]⁹³⁶

#

[Изобретут и *снадобье* они,
Которое, *снотворностию* вея,
Коснувшись до чувства обонянья,
490 В глубокий сон мгновенно погрузит,
И тут уже ты можешь человека
Хоть по суставам разобрать живого!..
И будет так: с руками и с ногами,
Как и всегда, беспечно он заснёт,
Проснувшись же, досчитываться станет
И недочтётся у себя *ноги*
Или *руки*, иль *зуба*, или *глаза*,
А кажется, спокойно спал, как спят;
Но *проспал* то или другое... Странно!
500 В свою постель, при всех, он ляжет цельным,
А встанет часто только *половинным*!..]

#

И от палат больших до шалаша
Без жизни жизнь пойдет *как бы во сне*;
И, видя тех *живых теней*, всяк скажет:
"Никак у них украдена душа?!.."
И набегут на них, как вихорь, смуты:
Всё станет пар!.. и паром испарятся
И *счастье*, и *совесть*, и *веселье*!..
И всякому сдаваться [как-то] станет,
510 Что, знать, уж *всё земное* решено!
И только дан *еще какой-то срок*
И что в чаду *искусственного* шума
Какая-то расхаживает *Дума*,
О тленности читая свой урок!..
И там, где мир дает свои пиры,
Из-за поддельных роз и мишуры
Пирующих подстерегает *Рок*!..

⁹³⁶ Этот фрагмент («Тогда начнут ощупывать состав <...> Которая сокрыта у Творца!!!..») в исходном тексте составляет отдельный 2-й параграф. Сюда перенесен по указанию Глинки: «NB. Этот (2-й) параграф *перенести* к 17-му, а тут, где он теперь, вовсе его *не писать*» (л.23).

18.

Тогда у них уже не будет *детства*,
 Их отроки, – степенны не по летам, –
 520 Без *утра* вдруг в свой *знойный полдень* вступят,
 И рано жить, и рано отживать
 Начнут тогда разнузданные люди;
 И знать тоску и *втайне* вздыхать
 Начнут тогда их молодые груди...
 Приестся им забавы *пресный хлеб*,
 И *пряности* с колючей остротой
 Начнут во всё житейское мешать,
 Чтоб щекотить *искусственной приправой*
 Увядший вкус и дремлющие чувства.
 530 Во все свои *писания тогда*
 Внесут они *ужасные картины*
 И страшные об ужасах рассказы,
 Чтоб шевелить чувствилища души
 И возмущать бесперерывно душу:
 Каких тогда неистовств не опишут! –
 Каких уродств и скаредностей гнусных,
 Каких злодейств не выдвинут наружу:
 Ощупают все раны человека
 И зачадит гниющим трупом воздух...
 540 Чего тогда в *писанье* не внесут?!
 Разврат семей, разврат из *таин* ночи,
 Всё выведут с усмешкой *на показ*,
 Чтоб молодёжь прочла все *тайны жизни*
 Еще у самого *порога* жизни
 И, потеряв на будущность надежду,
 Сидела бы без Веры, без мечты,
 С опущенной струной безвольной *воли*
 И с *пустотой* невыразимо-грустной:
 Сидела бы, как путник при пути,
 550 Едва покинувший *свой отчий дом*
 И уж кругом *обкраденный ворами!!!*..

19.

И будет все у тех людей подложно:
 Поддельный *глаз*, поддельный *зуб* и *волос*;
 И будет всяк, – перехитряя годы, –
 Изнур годов и *вапой*, и *открасом*
Искусственным искусственно лудить,
 И станет всяк живой ходячей *ложью*,
 Закутанной то бархат, то в шелки!..
 И на торгах, в покупках и продажах,
 560 Всё будут те ж подделы, та же *ложь*,
 И *подмесь* вредная во всяких *снедях*;
 И станут лгать их шаткие весы –
Лукавые, как их сердца и нравы; –
 И в меры их втеснится недомерье:
 Уйдут с земли и *Вера*, и *доверье* –
 Целители былых житейских ран, –
 И станет все дела вершить *обман*!
 И кинутся везде ловить *его*,

Но скользок *он*, вертляв и быстроног
 570 И всякого ловителя обманет!
 [И будут *два* у них *ключа* надежных
 Ко всем замкам, ко всем успехам жизни,
 И, суеты под общим ураганом,
 Всё *отопрут* – обманом да карманом...]

20.

Изменяется быты их и уставы
 В тот век *премен, рушений и обнов*;
 И *скучное* втеснится в их забавы,
 Изгнав из них *невинность* и любовь!
 И будут их, как *сны*, мелькать надежды;
 580 Что день – начнут переменять одежды:
 За *новостью* погонятся как дети
 [И, позабыв былых людей слова,
 Что "*хижина*, где человек *смеется*,
 В сто раз милей *палат*, где люди плачут", –
 Полезут все *пустых расходов* в сети,]
 В поставленный приманками *капкан*:
 Полюбят гниль и *расписной обман*!..
 Но чувствуя порою заблужденье
 И находя повсюду *недочет*
 590 Иль суетность сознав своих *работ*,
 В великое вдадутся *раздраженье*:
 И будет их сурово-нравствен век,
 И ошестинится весь человек!..
 И наводнит гневливые сердца
Взаимное друг друга *озлобленье*:
 Оно войдет, как *пятая стихия*,
 В разгар их битв и выгод, и страстей,
 И будет всё *боренье* у людей!..
 [И станет всяк подсматривать за всяким,
 600 И оглашать в народ чужие тайны,
 И будет всяк осматриваться робко –
 И человек бояться человека!!!..]
 И кинутся искать, как *невидимку*,
Чего-то, что скользнуть из рук их станет;
 И будут всё *искать* – не находя,
 И *рушить* всё – *ничем не заменяя*...
 Никто тогда совета не попросит,
 [И никого *никто* не пожалеет;]
 [А] будет всяк возиться *сам с собой*,
 610 *Особиться* и жить *своим умом*; –
 Расклеется *жителейство*. – *Все винты*
 В общественной машине развинтятся:
 Стыдом почтут былые угожденья,
 Взаимного не станет уваженья:
Обязанность – за *узы*, *долг* за *вздор*
 Сочтут, – и всё пойдет *наперекор*!..

21.

Навыворот начнут тогда жить люди:
 Ночь – станет день, а день – главокруженье,
 Клокочущий сует водоворот! –

620 И времена *другой* получают ход:
 "Никак у них *укоротилось* время!" –
 Заботливо шепнет знакомцу друг;
 Везде и всем все будет *недосу?*
 И все пойдет с каким-то *ускореньем*:
Десятилетия втеснятся в год,
 И станет всем *уж – тесно от событий!*..
 И будущность закроется от них; –
 И ринутся *они* терзать *былое*,
 Раскапывать прошедшего архив,
 630 Судить людей давно-отживших. Дерзко
 Подписывать усопшим приговор.
 Расшитые *предания* страницы,
По-своему, догадкой подновя,
 Они сошьют *иглой ума* с желаньем
 Всё выцедить и выжать и издать
Стесненное издание былого.
 Но это все одной корысти ради,
 А истину возьмут лишь за предлог!..

22.

Знаются и закичатся люди,
 640 И будет всяк о том лишь думать, как бы
 Товарища *унизить* и *кольнуть*;
 И в эти дни самодовольной спеси
 Никто и никому не подарит
 Любви и ласки – *золотое слово*,
 А будет всё и *гордо* и сурово...

=

Не захотят поддаться люди *Богу*,
 И все пойдут как будто в тяжбу с Богом,
 Разумники безумных тех времен,
 Строптивцы, спорщики и [самодуры],
 650 [Досадуя на каждого и всех,
 Тогда начнут щипать друг друга люди
 И ссориться за всё – и за ничто!..]
 И будут все – в их [схватках] ежедневных –
 Огнепалительны и скоро-гневны!..
 Тогда они за *правило* поставят –
 (На все смотря презорно, свысока) –
 [Нигде и] *ничему* не удивляться
 [И ничего в других не оценивать,]
 Ценя, хваля, [только] *самих себя!*..
 660 Души и чувств не доискаться в них,
 От всякого сочувствия отступных!

23.

И жен краса уже не тронет их,
 Тех юношей надменно-недоступных,
 Всё – знающих, готовых всё решить; –
 И опостылят им семейны узы,
 Возненавидят брак: он им прискучит!
 Неволею союз тот назовут
 И кинутся в раздолье жизни вольной –

В цветущие безбрачия болота...

24.

670 Исчезнут *девственность* и прежний *стыд*;
 И чистоты уже не станет в мыслях;
 И срамные слова втеснятся в речь!..
 Не будет уж тогда для жен затвора
 И кинутся и жены, и девицы
 Манить глаза, выказываться всюду
 И на пирах на *выставке* блистать;
 Но оттого всю свежесть скромной жизни
 И все права утратит красота,
 Которая, как цвет эфирный рая,
 680 Изводится, в страстях перегорая;
 Забудется, что свой домашний быт
 И не красавице всегда дружит;
 Что девушка в своей *домашней славе*
 Красуется, как *бриллиант в оправе*;
 В шуму ж, на выставке пиров, она
 Завихренной толпой поглощена!..

25.

Тогда уже и *дружба* и *любовь* –
 Великие светила здешней жизни –
 Уйдут от них; и всех оденет мрак,
 690 Одним огнём страстей их озаренный!..

26.

И будут все ходить как бы *впотьмах*,
 Ощупывая все и сомневаясь
 Во всем, во всех, порой – в самих себе!..
 А между тем все будет по расчёту,
 По замыслам – и ничего *по сердцу*!..
 Хоть иногда, – и даже очень часто, –
 Сверх чаянья подламываться станут
Расчётов их *соломенные ноги*;
 И будет так: уснет богач богатым,
 700 Заутра же проснётся бедняком!! –
 Но все манить корысть не перестанет,
 И закипит сердито *бой всеместный*
 За *выгоду*, за *прибыль*, за *барыши*.
 Но к барышам тесна дорога будет
 И пропастьми орамлена. Тогда
 Пойдут у них *задор* и *толкотня*
 Друг друга *прочь*!.. Друг друга в *ров* да в *яму*,
 По головам, по трупам, как *кто смог*, –
 Всё ничего, чтоб только взять *перёд*
 710 И, насмеясь над всем, *что ждут от Неба*,
 Понахватать себе *земного* больше;
 И требовать еще рукоплесканий,
 И чваниться двусмысленным успехом,
 И низкое высоким называть!..

27.

Тогда совсем про сердце позабудут

[(Не спохватясь, что уж и нет его!!!..),]
 А *головой* жить станут и *умом*,
 Хоть скользок он. "С *ума сойдеши* так скоро,
 А с сердца никогда!.. *Жизнь сердца сладость!*
 720 Ум зол: он загрызет и мир и радость!" –
 Так Ангелы толкуют меж собой:
 Я невзначай подслушал эти речи...

#

Развыкнутся все навыки и свычки
 И разнародятся народы... И...
Смешение – стихией общей будет:
 Смешение одежд, поверий, нравов;
 И станут все – не *он*, не *ты*, а *что-то*,
 И назовут *общественностью* это,
 Хоть общего не будет ничего,
 730 А только все оттенки побледнеют,
 И полинялой тканью станет жизнь!..

28.

Семья людей совсем рассемьянится;
 И будет всяк жить только *для себя*...
 [Пойдут везде укор да перебор,
 Да пересмотр *чужих* и дел и мнений;
 И будут их *слова* вонзаться в сердце
 И раздражать, как *острые занозы!*..]
 И накопит у всех подгрудье желчью,
 И человек, *затравленный* страстями,
 740 *Источенный* своей *тревожной мыслью*,
 Ожесточен и несговорчив станет. –
 И будет век – сердитый этот век –
 Век лютости и кислой остроты,
 Век судорог общественных и смут!..
 И сеючи на нивах жизни ветер,
 Сторицею пожнут с них *жатву* бурь!..
 [И ропотов своих в растворе мутном
 Потонут все... и волей пестроты,
 Расцвеченных их мыслей *разноты*
 750 И *разноты оттенков* своевольства
 Сольются все – *на точке недовольства*.]
 В то время на земле всё будут грозы,
 В сердцах тоска, а в людях *жёлчь* да *слёзы*,
 Хоть слёз никто *выказывать* не станет!..

29.

[Рассорятся, перебранятся люди!
 И целию *науки новой* будет –
 Все *старые* повывинтить *винты*
 И расшатать машину вековую!..]
 Тогда и жизнь они возненавидят
 760 И, потеряв *на быт за гробом Веру*,
 Возьмут на часть *ничтожество* и *смерть*,
 И побегут толпой к *самоубийству*;
 И, здравому уму наперекор,
 Войдут с судьбой и с жизнью в страшный спор,
 Всё клеветца на жизнь и на судьбу. –

30.

Тогда-то уж Любовь совсем иссякнет,
 А без любви у них *озябнут души...*
 И будет им и холодно и тошно
 За то, что все вверх дном поворотили,
 770 Что *сердце* так уж слишком остудили,
 А *голову* уж натопили слишком!!..
 Ни чудеса, ни хитрости *ума*,
 Ни мнимые успехи в совершенстве,
 Не исцелят их *прокаженных нравов*,
 Хоть птицами они без крыл взвоятся,
 Скуют ладьи и дома из *железа*
 И без свечей осветят города,
 И без коней *по выстилкам железным* –
 (Натянутым их волею железной) –
 780 С *железными сердцами* ездить станут,
 И много бед себе наездят сами!!!..

31.

Все добрые, распуганные веком,
 Рассыплются, как ветром вздутый прах;
 Разрознит всех *какой-то ложный* страх...
 Но *на грехе* побратаются люди;
 И будет грех гоняться за людьми,
 И отгонять его не станут люди;
 И *обрастут грехом*, как длинной шерстью; –
 [И будет им тепло под этой шубой!!!..]
 790 И скажет друг ко другу человек:
 "Не станем различать *Добра* от *Зла*:
 Добро и зло – одни *пустые виды!*..
 Теперь *Закон* рождает грех, – уьем
 Закон, – тогда пройдет боязнь греха:
 Мы проживем по нашим сладким волям:
 Закона нет, – не будет и греха!!!.."

32.

Расклеется *тогда* от зноя быт:
 В огне страстей перегорят *все связи*;
 Останется одна пороков связь:
 800 Порок к пороку липнуть станет явно,
 И все, сдружась, в одну сольются *семью*
 И подадут на всё друг другу руку.
 Охотно всяк в разврате даст урок,
 И будет им порок уж не в порок,
 Но общепринятым – условием быта!..

33.

И скажет всяк другому: "Будь *как знаешь!*
 Греши себе и мне давай грешить:
 Не тронь меня, и я тебя не трону!..
 Но для толпы, от толков в оборону,
 810 *Приличьем* мы станем всё лудить...
 А далее прогоним и *приличье*:
 К чему хитрить? – *Бессильному* двуличье;

Усилившись, *мы всё себе дозволим:*
 Мир будет наш, и смелою семьёй
 Мы заживём, довольствуясь *землей;*
 А небо – пар да дым – будь им... мечтальцам...
 Разгул всему: пускай пируют *страсти*...
 [Мы выцедим из всех и *власть*, и *силу*,
 И будем сильны мы одни – *отвагой!*]
 820 [Другие прочь] и *власти* и *подвласти*,
 И Промысел Верховный [прочь]... Где Он? –
 Прочь собственность! – Всё в *общность* – *дев* и *жён*;
 Всяк будет всё – никем не одолжён!..
 Ударит час... сказав «прости!» *помехам*,
 Мы кликнем *клич*... *роями мотыльков*
 К нам *братия* из *тёмных* уголков,
 И ну порхать по розам и утехам!.."

34.

Но чтоб достичь до их высоких целей,
 Они займут у *нас одно орудье*,
 830 Которое без промаха разит,
 И станут всех и всё пронзать им. – Это
 Орудие – есть *порицанье!* – Проще:
Насмешкою вооружится всяк;
 И осмеют всё *нежное, святое*
 И всё *великое*, и всё *былое*...
Пересмеют родных, друзей, соседей:
 Ни старости почета не дадут,
 Ни *звания*, ни *рода* не *уважат*;
 Всех добродетелей узлы развяжут
 840 И, осмеяв их гласно пред людьми,
 Огадят все, что прежде было в мире!..
 Испортят весь порядок букваря,
 И, в быт людей введя свой дух опасной,
 Всяк, к *первенству* любовию горя,
 Захочет быть *отборной буквой гласной*;
 И, поругав *безгласных* и *согласных* –
 (Всегда уступчивых, всегда бесстрастных) –
 Все станут *гласными*... Все закричат,
 И криками наполнится земля...
 850 Никто *тогда* уже не будет *слушать*,
 И всякий станет только *говорить!*
 И будут тех времен пречудных люди
 Многоглагольны все, но скудодельны!..

35.

Тогда-то их оставит *благочестье*
 И кроткое *смиренье* отбежит;
 А хлопотливую вещунью *совесть*
 Они в тисках приличия сожмут
 И *стыд* по-своему переиначат;
 А словище заржавленное "грех!"
 860 В них возбудит один лишь едкий смех:
 Не будет им *ни совестно, ни стыдно!*..
 И будут все они *остроголовы*,
 Но сердцем *тупы* и не чутки к ближним.

36.

В те дни у них *раскол* настанет *мысли*,
 И станет всяк провозглашать *своё!*
 И целые народы отделятся
 Мышлением, неслыханным дотоль,
 И обольют себя причудой воль,
 И мыслию окатятся своею...
 870 И будут в ней как будто *взаперти!*..
 И в *зеркало* своих *мышлений* *странных*
 С *любовию* начнут они глядеть
 И *залюбуются* *собою* сами,
 И собственным поклонятся мечтам!..

<37>.⁹³⁷

[Тогда у них заговорят языком,
Каким еще не говорили люди,
Искусственным и сделанным *для дела*,
 Которого рассказ простой и верный
 Раскрыл бы *всю нелепость* пред людьми.
 880 И тот язык, *туманный* и *затейный*,
 Закроет сушь и низость их *ученья*,
Учения, ведущего подкоп
 Под твердые *основы древней жизни*.
 Язык такой, с запасом *новых слов*,
 Они введут сперва в свои *писанья*,
 А там и в склад домашних разговоров;
 А после уж (от слова и до дела
 Недалеко)... проявят и *в делах!* –
 И резкою чертой *два поколенья*
 890 Разрознит он – *престранный тот язык!* –
 И старики, качая головами:
 "*Затейливо*, – один другому скажет, –
 И *вычурно* писанье *ныне* стало;
Кудрявится, *ветвится* и *ныряет*
 То в *глушь*, то в *тьму*, и *прячется* под ними,
 Под *тёмную*, *туманную* настилку:
 И часто мысль в потёмках шевелится,
 А не схватить ее *рукой ума!*..
 Ни дать, ни взять как призраки ночные:
 900 Пойдешь с *огнём* – не видишь ничего!.."

#

Так рассуждать возмётся Старый свет,
 А молодёжь судителям в ответ:
 "Отжившие, живые тени вы,
 [Ходячие образчики] *былова*;
 Куда же вам, [калекам] *отсталым*,
 Следить своим подслёповатым глазом
 Кипящее *младое поколение*:
 Оно родник, прорвавшийся на свет
 Из *тёмных нор*, из *вековых заклёпов*,

⁹³⁷ Здесь Глинка ошибочно поставил номер 38 (зачеркнуто, затем восстановлено), следующий параграф тоже носит номер 38-м; исправлено по контексту.

- 910 В которых вы сидели сиднем молча.
 Оно, готовя *обновление*,
 Людей и вещи обновить желает;
 А вы, небось, еще при старом Боге,
 И верится всё старая вам Вера,
 И *старые* порядки на уме...
 Вам весело [брести закрыв] глаза
 И *ощупью*... по *столбовой* дороге,
 Твердя себе: «По *ней* ходили деды!»
 Нет, мы не то!!.. Мы *новый* строим мир,
 920 Его понять – у вас не хватит смысла, –
 Ваш смысл присох к засохшим черепам,
 И головы у вас набиты *старью*:
 Ходите вы в обносках старой жизни
 И с сединой – на детских помочах"...

#

Так мыслиться, так говориться будет
 В те времена *Великих превращений*,
 А между тем сосед шепнёт соседу:
 "Всю *старь* в развалины свели не мы ль?
 А *счастье* – в тех развалинах – нашли ль?!"

38.

- 930 Тогда они, как люди пред *потопом*,
 Спасительный ковчег пересмеяв
 И надсмеясь над *знаменьями неба*,
 [И надо всем, что *узрят* на земле,]
 Рекут в своем высокоумьи диком:
 "На что нам *старый* Бог? – Мы *сами* всё:
 Сознав себя, в себя проникнув глубже,
 Отыщем мы *великое* в себе –
 Великие, *не созданные* силы...
 (Сознать или создать – то все равно!..)
 940 И с гордостью, раскрыв в себе свой *сан*,
 Оставим все ничтожные дороги,
 Где ползали *смирение* и *страх*; –
 Всё ведая и всё держа в руках,
 Мы станем – *мы* – и будем *сами Боги*,
 И заселим *самобогами* землю!..
 А для толпы, привыкшей к *старой вере*,
 Изжившей век средь призраков и снов,
 Для черни – издадим мы Бога *вновь*
 И пустим *новое* ученье к людям!.."
 950 [И будет принято людьми Ученье,
 Которое, сливаясь тайно с жизнью,
 Обезобразит жизнь: не станет *браков*,
 Торжественно их святость осмеют;
 Не будет и *семьи*: дитя-малютка
 Не побежит к родимому навстречу:
 В толпе мужчин он не найдет отца;
 И женщина, женою ставши всех,
 Утратит матери святое имя;
 И *брат* в тот век безбрачного развода

- 960 Уж не найдет себе *родного* брата,
Сестра сестру искать напрасно будет...
И ласки все и *весь огонь родства*
В те грустные години сиротства
Отнимутся, угаснут повсеместно –
Им *род* и *племя* будет неизвестно!..
Тогда *семьи* значенье уцелеет
Лишь у одной волчицы по лесам,
Да у медведицы – в ея берлоге:
Они своих *детёнышей законных*
970 *По-прежнему* стеречь и защищать
С самопреданностью, с любовью станут;
А человек – учением надменный, –
Сломив завет венчального кольца,
В ловницы жён пойдет *минутным* гостем,
Без имени *супруга* и *отца*...

#

- Тогда уже, надменные умом,
Заговорят перед людьми открыто:
"Послушайте, что мы сумеем *сделать*:]
Мы *новый* мир сумеем сделать *сами*
980 По выводам глубоких вычислений,
Могуществом великих вдохновений
И по *уму*, возвышенному нами...
Мы быт людей и сердце человека
Исследуем, разложим, развинтим;
И, раскопав все *подземелья жизни*,
Все истины *в вопросы* обратим;
А славы все пересмеем, растопчем
И *великанов* всех собьём с *подножий*;
И всякого, кто был *почтен* и чтим,
990 *Под молотом насмешки* раздробим; –
Все *почести* былые посрамя,
Все твердые *колонны* надлома
И все углы подрыв в *старинном* зданье,
Мы ветхие подполья прогрызём
И вдруг появимся... и *в явь* пойдём,
И *новизной* на старое дохнём...
И *старое*, истертое блаженство
По-своему мы переладим *вновь*;
И – *Гениш* – *себя* и *век* прославим
1000 И доморощенный эдем составим!..
Религии не *станет* на земле...
Зачем искать *её* в туманной мгле?..
Поклонимся мы – *гению времен*;
Поклонимся мы – *Веку-исполину*,
Идущему вперед... *Былой судьбе*
И небесам мы кланяться не станем:
Мы с *небом* в уровень *мышленьем* станем;
Поклонимся ж – *успеху* и *себе*!..
На что ж нам Бог? на что?..
1010 *Стихии наши*:
Работает в печи у нас *огонь*;
Вода кипит под колесом невольню;

По *воздуху умеем* мы летать;
 От грома есть *снаряд*; гром мечем сами;
 [Из камня добывать умеем *масло*
 И из воды *цедить* горючий воздух;
 Мы сделали *снаряд*, чтоб толщи скал
 Просверливать и пронизать дорогой
 Непроходимые *гранитов* груды...]
 [Итак, земля давно уж] *наша!*.. Мощно
 1020 Её терзает *плуг* и режет *заступ*,
 И кости ей сверлит *бурав*. Мы горы
 Подрезали, за *золотом* гонясь,
 И *золото* теперь умеем *делать*
 Мы сами из *простой* *мены* *вещей!*..
 На что ж нам *Бог??* Мы *всё умеем сами!*.."

 Тогда-то уж *докучных* *двух* *пророков* –
Религию и *совесть*, все *восстав*,
 Они *убьют* и *выбросят* из *душ*,
 И *заживут*, как их *душе* *угодно* –
 1030 *Без совести*, *без Бога*, и *без Веры!*..

39.

Вот тут-то мы *зашевелимся* *в аде*,
 И *сотнями* *пошлют* на *землю* нас,
 Но не мешать, а *ладить* *человекам!*..
 И будем мы по *уголкам* *смирненно*
 Стоять – [да] лишь *дивиться* на *людей!*
 И у *людей* *учиться* *станут* *бесы!!!*»...

=

Как *облаком*, *охвачен* *грустной* *думой*,
 Великий *Муж* *без* *слов* *молился* *долго*...
 Пока *верхи* *погасли* *пирамид*
 1040 И *опочил* в *ночных* *туманах* *Нил*.
 И в *тишине*, *осеребрен* *луною*,
 Выглядывал из *Нила* *крокодил*. –
 И вышел *лев*, *могучий* *царь* *пустыни*,
 И, *гривою* *косматой* *сотрясая*,
 Рычал и *голосом* *далеко-звучным*
 Просил себе *дневной* у *Бога* *пищи*. –
 И *Ангелы* на *крыльях* *светоносных*
 Несли *горé* в *фиалах* *драгоценных*
Молений [свет] из *темноты* *пещер*
 1050 От *иноков* – *святых* *орлов* *пустыни*.
 «О! *будь*, что *быть* *должно!* – *сказал* *Макарий*, –
 О! *будь* во *всём* *Твоя* *святая* *воля!* –
 С *терпением* *дождёмся* *тех* *времен*,
 Когда *болезнь*, *таящаяся* в *членах*,
 Вся *выступит* *наружу* *из-под* *спуда*
 И *Бог*, *узря* *больных* *своих* *детей*
 Среди *расставленных* *езде* [сетей],
 [Им *выкажет* в *уроках* *незабвенных*
 Всю *суетность* *их* *дел* и *предприятий*.]
 1060 [Всю *меру* *зла*] во *всём* [его] *составе*,
 Во *всех* *его* и *видах* и *изгибах*,

[А скрытые, меж тем, *настанут сроки*,
 И накипевшие в душах пороки,
 Как дым густой, застелют небеса
 И от людей совсем закроют Бога...
 Тогда пойдёт всемирная тревога,
 Пойдёт *в руке невидимой* коса,
 И *знаменья* покажут небеса...
 Земля ж свои гремящие волканы,
 1070 Как *светочи кладбищные*, зажжёт,
 И в Города ворвутся ураганы,
 И бурями их стогны подметёт!..
 И *в оны дни*, при трепете природы,
 Восчувствуют тревожные народы
 Всю суетность их бурных мудрований,
 Всю тленность их кичливых ожиданий,
 И станут все глубоко тосковать,
 И вся земля *тоской* молиться станет
 И *внутренним желанием* инова...
 1080 И Бог поймёт *тоску своих людей*,
 И руку даст творению *Творец*
 И, обличив все тайны их сердец,
 Даст *людям ум* воскликнуть, наконец,
 Из глубины их бед, *всемирным вздохом*:
 "Ослепли мы! – Подай нам *свет*, Отец!..
 Тогда, прияв всемирный этот вздох,
 Возьмёт людей *сам путеводец-Бог*
 И поведёт их к пристани блаженства!..»]

#

Сии слова слились с великой песнью
 1090 Луны и звезд и Ангелов пред-тронных...
 А кроткий Муж, с слезою на [глазах],
 С молитвою, всегда кипевшей в сердце,
Семь дней к устам не подносивший хлеба,
 Не орошавший уст, смежил ресницы;
 Но, *двадцать лет* уже чуждаясь ложа,
 Едва к скале пустынной прислонясь,
 Забылся сном... И *чистая душа*,
 Тогда как плоть усталая дремала,
 Там, высоко, в гостях у Серафимов,
 1100 Носилась над тихим морем света,
 Как некогда ковчежный, чистый голубь,
 И, насмотрев, *где* Бог судил народы,
 К Его стопам смиренно повергалась...

~

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В нашей работе были рассмотрены разные типы произведений на библейские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX в.: 1) свободное переложение отдельного фрагмента библейской книги с комментирующими строфами от автора (Ломоносов, Николев); 2) свободное переложение целой библейской книги с авторскими амплификациями (Глинка, «Иов»); 3) лирическое стихотворение, включающее переложения различных библейских текстов (Ширинский-Шихматов, «Песнь Сотворившему вся»); 4) лироэпический гимн о современных событиях, интерпретируемых с помощью библейских образов (Державин, «Гимн лироэпический»); 5) малая эпическая поэма, написанная александрийским стихом (Херасков, «Вселенная»); 6) большая эпическая поэма, написанная гекзаметрами (незавершенная) (А.Н. Муравьев, «Потоп»); 7) «иносказательная эпопея» – аллегорическая поэма на библейские темы (Бобров, «Древняя ночь вселенной»); 8) дидактическая богословская поэма (Ширинский-Шихматов, «Иисус в Ветхом и в Новом Заветах, или Ночи у Креста»); 9) романтическая поэма на библейский (отчасти апокрифический) сюжет (Лермонтов, «Демон»); 9) разносоставная религиозная поэма (Глинка, «Таинственная капля»); 10) поэма на церковно-легендарный сюжет (Глинка, «Видение Макария Великого»). Кроме того, рассмотрены переводы двух европейских поэм на библейские темы: дидактическая поэма А. Галлера «О происхождении зла» в прозаическом переводе Н.М. Карамзина и стихотворном П.И. Богданова; «маленькая поэма в прозе» Ж.-Ж. Руссо «Ефраимский левит» в переводах В.А. Жуковского и П.А. Пельского. Короткая поэма в прозе С. Геснера «Потоп» и стихотворное подражание ей Е.В. Херасковой рассматривались в качестве возможных литературных источников «Медного всадника» Пушкина. В первых трех главах нашей работы были рассмотрены все известные нам стихотворные переложения из Книги Иова в русской поэзии XVIII – первой половины XIX в.

Основные итоги нашего исследования следующие:

1) «Ода, выбранная из Иова» Ломоносова (1751) – ключевое произведение в разделе «Оды духовные» в его сочинениях (1751, 1757); построение раздела ориентировано на Книгу Иова; картина мира в духовных одах Ломоносова полемична по отношению к деизму; в переложении из Книги Иова он опирался на ее славянский перевод и комментарии Олимпиодора и Иоанна Златоуста; источники строфы о творении человека – Иов 38:14 и 40:3 (в славянском варианте) и Рим 9:20 и 11:34; в строфах от

автора есть аллюзии на Евр 12:25–26 и Рим 15:5. «Ода, выбранная из Иова» основана на каноничном для православной традиции понимании Книги Иова.

2) «Ода, выбранная из Иова» Н.П. Николева (1795), написанная в состязании с одой Ломоносова, полемична в отношении к ней по смыслу.

3) В первой половине XIX в. речь Бога к Иову перелагали С.А. Ширинский-Шихматов (в «Песни Сотворившему вся», 1817), Ф.Г. Глинка (в поэме «Иов», 1829–1834, изд. 1859) и Е.Л. Милькеев («Из Иова», 1841). Шихматов и Милькеев опирались на славянский перевод и оду Ломоносова. Глинка наряду со славянским переводом пользовался переводом, сделанным с еврейского оригинала. В сборнике Милькеева (1843), кроме речи Бога, находятся еще 5 переложений из Книги Иова.

4) Цикл духовных од Г.Р. Державина 1810 г. («Надежда», «Слава», «Идолопоклонство», «Добродетель», «Истина») относится к предыстории его «Гимна лироэпического» (1813). «Слава» и «Идолопоклонство» направлены против Наполеона и содержат порицание политики Александра I. В «Гимне лироэпическом» применение апокалипсических образов к современности носит характер литературной условности. В последней строфе, жалуясь на старость и неспособность воспеть будущие блага, Державин выражал несогласие с решением «юного царя» двинуть войска в Европу и поучал «младых певцов».

5) Первые оригинальные русские поэмы на библейские темы – «Истинный свет» (1780, автор неизвестен), «Вселенная» М.М. Хераскова (1797), «Иоас, возведенный на престол» И.И. Казаринова (1798, в прозе); первые полные парафразы библейских книг – «Книга премудрости Иисуса сына Сирахова» А.А. Засецкого (1777) и «Плач Иеремиев, преложенный в стихи» (1782), анонимно опубликованный. Автор последнего – А.Ф. Лабзин. Стихотворение Ф.П. Ключарева, известное как «Воплощение Мессии», датируется 1784 г. и называется «Песнь на день Благовещения Пресвятыя Богородицы». Жанр «религиозной» поэмы в русской литературе был наиболее актуален в 1820–1830-х гг.

6) Перевод Н.М. Карамзиным в 1786 г. поэмы А. Галлера «О происхождении зла» был сделан не на заказ, а находился в русле его собственных литературных исканий и отразился в его позднейших произведениях.

7) Поэма М.М. Хераскова «Вселенная» (1797) написана на темы Библии и «Потерянного рая» Милтона, у которого он заимствует мотивы и образы, но переосмысливает их, приспособивая к выражению противоречащего Милтону понимания первых глав Книги Бытия.

8) Поэма С.С. Боброва «Древняя ночь вселенной» (1807–1809) – представляет историю заблуждений человечества до Христа; в поэме есть автобиографические мотивы и антимасонские фрагменты; включены парафразы библейских текстов; сюжет восходит к «священной повести» Аполлоса (Байбакова) «Лишенный зрения Ураний, несчастный государь» (1779). Автобиографическое вступление к поэме отразилось в начальных строфах восьмой главы «Евгения Онегина» Пушкина.

9) Перевод В.А. Жуковским в 1806 г. прозаической поэмы Ж.Ж. Руссо «Ефраимский левит» («Le lévite d'Ephraim») корректирует ее в некоторых весомых идеологических моментах.

10) Поэма С.А. Ширинского-Шихматова «Иисус в Ветхом и в Новом Заветах, или Ночи у Креста» (1824) находится на границе между светской и духовной словесностью, поэзией и учебной (церковно-учебной) литературой.

11) Незавершенная поэма А.Н. Муравьева «Потоп» (1826–1827, изд. 2001), основанная на идеологически противоречивых литературных источниках (Клопшток и Байрон), сыграла некоторую роль в творческой истории «Демона» Лермонтова.

12) Поэма С. Геснера «Потоп. Семира и Семин» (1762) и в особенности стихотворение Е.В. Херасковой «Потоп. По расположению г. Геснера» (1772) относятся к кругу литературных источников «Медного всадника» Пушкина, входят в актуальный для него литературный фон; «мечты» Евгения ориентированы на идиллии в духе Геснера.

13) Поэма «Демон» в поздних редакциях является поэмой на библейскую тему, интерпретирующей эпизод из Книги Товита; диалог Тамары с Демоном («Зачем мне знать твои печали?..») содержит библейские аллюзии и имеет определенный смысл в III и V–VII редакциях поэмы (героиня обвиняется в прелюбодеянии), но оказывается излишним в последней редакции (где этого обвинения нет).

14) Заметки М.А. Дмитриева на полях «Таинственной капли» Ф.Н. Глинки – отчасти редакторские. Некоторые из них он донес до Глинки, который частично учел их при втором издании поэмы.

15) Поэма Ф.Н. Глинки «Видение Макария Великого» сочинена в 1840 г. и дважды исправлялась и дополнялась – в 1847 и 1848 г. (тогда же были написаны предисловие и «прибавления»). В 1848 г. автор готовил ее к печати как отклик на революционные потрясения в Европе. «Апокалипсически сумрачная» (по выражению автора) поэма сочинялась как злободневное произведение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. РГАЛИ. – Ф.141 (Ф.Н. Глинка). – Оп.1. – Ед.хр. 5. – 52 л. (Ф.Н. Глинка, «Видение Макария Великого»).
2. РГАЛИ. – Ф.141 (Ф.Н. Глинка). – Оп.1. – Ед.хр.248. – 15 л. (Письма М.А. Дмитриева к Ф.Н. Глинке, 30 авг. 1850 – 18 янв. 1866).
3. РГАЛИ. – Ф.195 (Вяземский). – Оп.1. – №5488. – Л.38–51 (Д.П. Ознобишин, «Мария Египетская»).
4. РГАЛИ. – Ф.1346 (Коллекция стихотворений). – Оп. 1. – Ед.хр. 233. – 7 л. (Испытание Авраама. Поэма в трех песнях, сочинение г-на Виланда. Перевод с немецкого языка стихами Е. Люценки. 1822 года).
5. НИОР РГБ. – Ф.173/І. – №141 (Толкование на книгу Иова праведного, собранное Олимпиодором [рукопись]. [Б.м.], XVI в.). – 242 л. ([электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004985246> - [дата обращения: 20.08.2016]).
6. НИОР РГБ. – Ф.173/І. – №21 (На книгу Иова толкование Олимпиодора Александрийского и других [рукопись]. [Б.м.], конец XVII в.). – 368 л. ([электронный ресурс]: URL.: <http://dlib.rsl.ru/01004972107> [дата обращения: 20.08.2016]).
7. НИОР РГБ. – Ф.231/ІІ (М.П.Погодин). – Папка 8. – Ед.хр. 21. – 81 л. (Письма Ф.Н. Глинки к М.П. Погодину, 22 янв. 1825 – 1 мая 1874).
8. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова. – Шифр: Дмитр 2667–2668 (*Глинка Ф.Н.* Таинственная капля. Народное предание. Берлин: В типографии Карла Шульце, 1861. Ч.1–2. Экземпляр с маргиналиями М.А. Дмитриева).
9. Отдел редких книг и рукописей Научной библиотека МГУ им. М.В. Ломоносова. – Шифр: Дмитр 9272 (*Глинка Ф.Н.* Иов. Свободное подражание священной книге Иова. СПб., 1859. Экземпляр с маргиналиями М.А. Дмитриева).

II. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

10. *Абрамзон Т.Е.* Библейская образность как один из условных поэтических языков в торжественных одах М.В. Ломоносова // Библия и национальная культура: Межвуз. сб. науч. статей. – Пермь, 2005. – С.34–36.
11. *Абрамзон Т.Е.* Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин. – Магнитогорск: Магнитогорский гос. ун-т, 2006. – 479 с.
12. *Абрамзон Т.Е.* «Письмо о пользе стекла» М.В. Ломоносова: Опыт комментария просветительской энциклопедии. (К 300-летию М.В. Ломоносова). Репринтное воспроизведение издания 1752 [1753] года. – М.: ОГИ, 2010. – 192, [16] с.
13. *Абрамзон Т.Е.* «Ломоносовский текст» русской культуры: Избранные страницы. – М.: ОГИ, 2011. – 240 с.

14. *Абрамович М.С.* Стихотворения. – СПб.: Типо-литография А.Е. Ландау, 1889. – 231 с.
15. *Августин Блаженный.* Исповедь / В пер. М.Е. Сергеенко; Отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2013. – 374 с. – (Литературные памятники).
16. *Аверинцев С.С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) <1971> // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С.13–75.
17. *Азадовский М.К.* Неизвестный поэт-сибиряк (Е. Милькеев) // Азадовский М.К. Статьи и письма: неизданное и забытое. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1978. – С.15–42.
18. *Айзикова И.А.* В.А.Жуковский – переводчик Ж.-Ж.Руссо: (Статья первая) // Проблемы метода и жанра. – Вып.12. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. – С.50–68.
19. *Айзикова И.А.* В.А.Жуковский – переводчик Ж.-Ж.Руссо: (Статья вторая) // Проблемы метода и жанра. – Вып.13. – Томск, 1986. – С.25–38.
20. *Айзикова И.А.* В.А.Жуковский – переводчик «Избранных сочинений» Ж.-Ж.Руссо // Russian studies. Ежеквартальник русской филологии и культуры. – 2000. – Т.3. – №2. – С.186–198.
21. *Аксаков К.С.* Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. – М.: Тип. Николая Степанова, 1846. – 518, [4] с.
22. *Аксаков С.Т.* Семейная хроника и воспоминания. – М.: Тип. Л. Степановой, 1856. – 366 с.
23. *Алексеев А.А.* Текстология Славянской Библии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – 256 с.
24. *Алексеев А.Д.* «Демон». Тайна кода Лермонтова. – М.; Воронеж: АИСТ, 2012. – 239 с.
25. *Алексеев В.В.* М.В. Ломоносов и православие // Общественные науки. – 2012. – №5. – С.33–41.
26. *Алексеев М.П.* Пушкин и наука его времени // Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. – Л.: Наука, – 1984.
27. *Алексеева Н.Ю.* Ломоносов Михаил Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.2: К–П. – СПб.: Наука, 1999. – С.212–226.
28. *Алексеева Н.Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. – СПб.: Наука, 2005. – 369 с.
29. *Алексеева Н.Ю.* Итоги и проблемы изучения литературного наследия М.В. Ломоносова // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. – Вып.7: М.В. Ломоносов и словесность его времени. Перевод и подражание в русской литературе XVIII века / Отв. ред.: А.А. Костин, А.О. Дёмин. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. – С.7–19.
30. *Алое С.* Иванов Черт, Великий Инквизитор и «Агасвер» Кюхельбекера: Об одном вероятном источнике «Братьев Карамазовых» // Достоевский и мировая культура. – Альманах №29: Памяти Натальи Васильевны Живолуповой и Риты Яковлевны Клейман. СПб., 2012. – С.133–160.

31. *Альтиуллер М.Г.* С.С. Бобров и русская поэзия конца XVIII – начала XIX в. // XVIII век. – Сб.6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. – Л.: Наука, 1964. – С.224–246.
32. *Альтиуллер М.Г.* Идеиные и художественные искания в русской лирике 1790-х гг. (Н. Николев, П. Сумароков, Е. Костров, С. Бобров): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1966. – 17 с.
33. *Альтиуллер М.Г.* Оратория «Целение Саула» в системе поздней лирики Державина // XVIII век. – Сб.21: Памяти Павла Наумовича Беркова (1896–1969). – СПб.: Наука, 1999. – С.269–281.
34. *Альтиуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. – Изд. 2-е, доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 448 с.
35. *Альтиуллер М.Г.* В тени Державина: Литературные портреты. – СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2014. – 616 с.
36. *Аношкина-Касаткина В.Н.* «Демон» // М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь / Гл. ред. и составитель И.А. Киселева. – М.: Индрик, 2014. – С.114–119.
37. *Аполлос (Байбаков).* Лишенный зрения Ураний несчастный государь, священная повесть / Сочинил Троицкия семинарии ректор и богословии учитель иеромонах Аполлос. – [М.:] тип. Имп. Моск. ун-та, 1779. – [2], 56 с.
38. *Аполлос (Байбаков).* Лишенный зрения Ураний, несчастный государь, священная повесть / Сочинил Московской Академии Ректор и Богословии Учитель Архимандрит Аполлос. – Изд. 2-е со изъяснением и дополнениями. – М.: в привилегированной тип. у содержателя Ф. Гиппиуса, 1784. – 120 с.
39. *Аптекман М.* София-Мудрость и божественный свет: масонская интерпретация Творения в русской литературе XVIII века / Пер. с англ. Ю. Халтурина // Россия и гнозис. Труды Международной научной конференции «Раннехристианский гностический текст в российской культуре» в ВГБИЛ им. М.И. Рудомино 21.01.2011 г. / Отв. ред. А. Л. Рычков. – Т.1. – СПб.: Издательство РХГА, 2015. – С.263–277.
40. *Арефьева Н.Н.* Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос». В связи с дружбой поэта и митрополита Евгения (Болховитинова) // Державинские чтения. – Вып.1. – СПб.: ООО «Геликон плюс», 1997. – С.35–52.
41. *Архангельский А.Н.* Стихотворная повесть А.С. Пушкина «Медный всадник». – М.: Высшая школа, 1990. – 95 с.
42. *Архангельский М.Ф., священник.* Глинка Ф.Н. Иов: Свободное подражание священной книге Иова. СПб., 1859 // Странник. – 1860. – Т.1. – №1. – Отд.Ш. – С.24–30.
43. *Архипова А.В.* Литературное дело декабристов. – Л.: Наука, 1987. – 196 с.
44. *Архипова А.В.* Религиозные мотивы в поэзии декабристов // Христианство и русская литература: Сборник статей. – [Сб.1]. – СПб.: Наука, 1994. – С.185–208.
45. *Архипова А.В.* «Возвращение Товии» – драматургический опыт В.К. Кюхельбекера // Пушкин: Исследования и материалы. – Т.16–17. – СПб.: Наука, 2004. – С.362–377.
46. *Асоян А.А.* «Почтите высочайшего поэта...». Судьба «Божественной комедии» Данте в России. – М.: Книга, 1990. – 214 с.
47. *Астафьев Н.* Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами // Журнал Министерства народного просвещения. – 1888. – Т.258. – №7. – С.50–81; – №8. – С.296–335; – Т.259. – №10. – С.260–320; – Т.260. – №12. – С.208–231; 1889. – Т.261. – №2. – С.254–293.

48. *Базаров И.И., протоирей.* Последние дни Жуковского // В.А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. – М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. – С.451–458.
49. *Балакин А.Ю.* Соколовский Владимир Игнатьевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т.5: П–С. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2007. – С.717–719.
50. *Барсов Т.В.* О духовной цензуре в России // Христианское чтение. – 1901. – №7. – С.110–130; – №8. – С.238–257; – №9. – С.390–404.
51. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. – Кн.1–22. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1888–1910.
52. *Барышникова И.Ю.* Новый Завет и Псалтирь в русской поэзии: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.
53. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений: В 9 т. – М.: Художественная литература, 1976–1982.
54. *Белоброва О.А.* Древнерусские вирши к гравюрам Маттиаса Мериана // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. – Т.44. – Л.: Наука, 1990. – С.443–479.
55. *Белоброва О.А.* Вирши Мардария Хонькова к гравюрам Библии Пискатора // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. – Т.46. – СПб.: Наука, 1993. – С.334–433.
56. *Беме Я.* Великое Таинство, или Истолкование первой книги Моисея <Misterium Magnum, главы 1–7> / Пер. с нем. И.Л. Фокина // Фокин И.Л. *Philosophus teutonicus.* Якоб Бёме: возвешение и путь немецкого идеализма. – СПб.: Издательство Политехнического ун-та, 2014. – С.403–440.
57. *Березкина С.В. Кошелев В.А., Поэма В.И. Соколовского «Альма»* // Памятники культуры: новые открытия = Monumentes of Culture: new Discoveres: Письменность. Искусство. Археология: ежегодник: 1986. – Л.: Наука, 1987. – С. 7–18.
58. *Берков П.Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750–1765. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1936. – 324 с.
59. *Берков П.Н.* Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы / Под ред. П.Н. Беркова, И.З. Сермана. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.14–68.
60. Библейская поэзия: Стихотворения на библейские сюжеты / Собранные Ф.А. Ивановым. – СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1874. – Ч.1–2. – 121, II + 127, III с.
61. Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова / Под ред. Манлио Симонэтти и Марко Конти; Русское издание под ред. Ю.Н. Варзонины; пер. с англ., греч., лат. и сир. – Тверь: Герменевтика, 2007. – 312 с.
62. Библейские мотивы: [232] рисунка художника Густава Доре со стихотворениями к каждому рисунку русских поэтов / Издание А.А. Каспари. – Вып.1–3. – СПб.: Типография «Родины» (А. Каспари), 1896–1898 (Вып.1: Ветхий Завет. От сотворения мира до царствования Давида. 82 рисунка... – 1896. – [6], 165 с.; – Вып.3: Ветхий Завет. От царствования Давида до Рождества Иисуса Христа. 82 рисунка... – 1897. – 150 с.; – Вып.3: Новый Завет. 78 рисунков... – 1898. – 158 с.).
63. Биография [П.А. Пельского] // Московский вестнике. 1809. Ч.1. №21–22. С.335–338.

64. *Благой Д.Д.* История русской литературы XVIII века. – Изд. 4-е, пересмотр. – Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. – 582 с.
65. *Бобров Е.* Этюды по истории русской литературы и просвещения. 3. Неизданное произведение Г.П. Каменева // Сборник Учено-литературного общества при Юрьевском университете. – Т.15. – Юрьев, 1909. – С.218–260.
66. *Бобров С.С.* Размышление на первую главу Бытия // Покойщийся трудолюбец. 1784. – Ч.2. – С.1–5.
67. *Бобров С.С.* Ода. Судьба мира // Беседующий гражданин. 1789. – Ч.1. – №4. – С.373–378.
68. *Бобров С.С.* Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсонисе. Лирико-Эпическое песнотворение сочиненное Капитаном Семеном Бобровым. – Николаев: Черноморская Адмиралтейская типография, 1798. – 278 с.
69. *Бобров С.С.* Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец. Эпическое творение Сем^{ена} Боброва. Ч.1–2. СПб., 1807–1809 (Ч.1, кн.1. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1807. 200 с.; Ч.1, кн.2. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1807. 226 с.; Ч.2, кн.3–4. СПб.: тип. Губернского правления, 1809. 353 с.).
70. *Бобров С.С.* Рассвет полночи. Херсониды: В 2 т. / Изд. подготовил В.Л. Коровин. М.: Наука, 2008. – 650+622 с. – (Литературные памятники).
71. *Богданов К.А.* О крокодилах в России: Очерки из истории заимствований и экзотизмов. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 352 с. – (Научная библиотека).
72. <*Богданович И.Ф.*> Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов, некоторого Муз любителя. – СПб.: при Императорской академии, 1773. – 93 с.
73. *Богданович И.Ф.* Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, подг. текста и примеч. И.З. Сермана. – Л.: Советский писатель, 1957. – 259 с. – (Библиотека поэта, бс. 2-е изд.).
74. *Ботникова А.Б.* Восприятие творчества Клопштока в русской литературе его времени // Типология и взаимосвязи в русской и зарубежной литературе. – Вып.3. – Красноярск, 1978. – С.16–32.
75. *Бродский Н.Л.* «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителя. – Изд. 5-е. – М.: Издательство «Просвещение», 1964. – 415 с.
76. *Будилович А.С.* Ломоносов как писатель: Сборник материалов для рассмотрения авторской деятельности Ломоносова. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1871. – VII, 332, 10 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. Т.VIII, №1).
77. *Булгакова А.А.* Диалектика Хаоса и Космоса в поэме С. Боброва «Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец» // Мова і культура. Науковий журнал / Київський національний університет ім. Т. Шевченка; гл. ред. Д.С. Буряго. – Київ, 2008. – Вип. 10. – Т. IV (104). – С.240–246.
78. *Булгакова А.А.* Топос Мир в смене литературных эпох: (Симеон Полоцкий, Семен Бобров): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2010. – 28 с.
79. *Булич Н.Н.* Отношение Карамзина к Дружескому Обществу и к идеям масонства и мистицизма // Николай Михайлович Карамзин. Его жизнь и сочинения. Сборник историко-литературных статей / Сост. В. Покровский. – Изд. 2-е. – М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1908. – С.26–44.

80. <Буренин В.П.> *Выборгский пустынник*. Гимн лиро-эпический на получение его сиятельством графом Бисмарком генерал-лейтенантского чина и на победы России. (Посвящ. тени Гавр. Романовича Державина) // Отечественные записки. 1871. – Т.145. – Отд. II. – С.221–226.
81. *Бурмистров К.Ю.* Aptekman, M. (2011) *Jacobs Ladder: Kabbalistic Allegory in Russian Literature*. Boston, MA: Academic Studies Press. – 249 p. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – №4 (31). – С.317–326.
82. *Бутакова В.И.* Карамзин и Пушкин: (Несколько сопоставлений) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Вып.37. – Л.: Издательство АН СССР, 1928. – С.127–135.
83. *Бухаркин П.Е.* Православная церковь и русская литература в XVIII–XIX веках: (Проблемы культурного диалога). – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – 172 с.
84. *Бухаркин П.Е.* Риторическое смыслообразование в «Вечернем размышлении о Божием величестве при случае великого северного сияния» М. В. Ломоносова : между однозначностью логики и полемики языка // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.35–56.
85. *Бухаркин П.Е.* Духовная ода М.В. Ломоносова: литературный контекст и религиозное содержание // Христианское чтение. – 2011. – №3 (38). – С.6–18.
86. *Бухаркин П.Е.* О проблематике духовных од М.В. Ломоносова // *Russian Literature*. – 2014. – Vol. LXXV. – № I/II/III/IV. – С.57–72.
87. *Вагеманс Э.* Литературно-философская интерпретация лиссабонского землетрясения: Португало-франко-русская теодицея // XVIII век. – Сб.22. – СПб.: Наука, 2002. – С.111–121.
88. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – [2-е изд.] – М.: РГГУ, 2002. – 688 с.
89. *Вайскопф М.* Покрывало Моисея: Еврейская тема в эпоху романтизма. – М.; Иерусалим: Мосты культуры, 2008. – 382 с.
90. *Вайскопф М.* Влюбленный демиург: Метафизика и эротика русского романтизма. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 696 с.
91. *Вальденберг Н.К.* Державин: 1816–1916. Опыт характеристики его мирозерцания. – Пг.: Тип. В.Д. Смирнова, 1916. – 165 с.
92. *Васильев С.А.* О незамеченном библейском источнике поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» // Филологические науки. – 2005. – №3. – С.24–32.
93. *Васильев С.А.* Стилиевые традиции Г.Р. Державина в русской литературе XIX–XX веков. – М.: Издательство Лит. института, 2007. – 255 с.
94. *Васильев С.А.* С.С. Бобров и М.Ю. Лермонтов: мотивы, образы, стили // М.Н. Муравьев и его время. – Вып.5. – Ч.2. – Казань, 2008. – С.124–131.
95. *Васильев С.А.* С.С. Бобров и М.Ю. Лермонтов: случайные совпадения? // Русская речь. – 2014. – №5. – С.11–18.
96. *Вацууро В.Э.* Запись в цензурной ведомости <1979> // Вацууро В.Э. Записки комментатора. – СПб.: Академический проект, 1994. – С.302–307.
97. *Вацууро В.Э.* Пушкин в московских литературных кружках середины 1820-х годов: (Эпиграмма на А.Н. Муравьева) <1989> // Вацууро В.Э. Пушкинская пора. – СПб.: Академический проект, 2000. – С.135–163.

98. *Вацуро В.Э.* Русская идиллия в эпоху романтизма <1978> // Вацуро В.Э. Пушкинская пора. – СПб.: Академический проект, 2000. – С.517–539.
99. *Вендитти М.* Истолкование мотивов из Экклезиаста в XVIII веке: Вольтер в переводах Хераскова и Карамзина // XVIII век. – Сб.25. – СПб.: Наука, 2008. – С.130–157.
100. *Вендитти М., Шрубба М.* «Ars poetica» М.М. Хераскова // Russian Literature. – 2014. – Vol. LXXV. – № I/II/III/IV. – P.535–561.
101. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. – М.: Наука, 1999. – 704 с.
102. *Винокур Г.О.* «Бахчисарайский фонтан» // Винокур Г.О. Полное собрание трудов: Статьи о Пушкине. – М.: Лабиринт, 1999. – С.43–59.
103. *Волкова А.А.* На случай наводнения, бывшего в Санкт-Петербурге 1824 года ноября 7 // Сын Отечества. – 1824. – Ч.98. – №52. – С.273–275.
104. *Вольнский А.Л.* Библия в русской поэзии. Этюд первый // Восход. – 1887. – №7–8. – С.72–95.
105. *Вольнский А.Л.* Библия в русской поэзии. Этюд второй // Восход. – 1887. – №9. – С.66–93.
106. *Вольтер.* Избранные произведения / Вступ. статья акад. В.П. Волгина; Сост. и ред. Е. Книпович и Б. Песис. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. – 644 с.
107. *Воронин Т.Л.* Творчество С.А. Ширинского-Шихматова: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 187 с.
108. *Воронин Т.Л.* Творчество С.А. Ширинского-Шихматова: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.
109. *Воронин Т.Л.* Князь С.А. Ширинский-Шихматов и его поэма «Иисус в Ветхом и Новом Заветах, или Ночи у Креста»: (к проблеме русского культурного двоемирия) // Ежегодник Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института. – М., 2003. – С.399–402.
110. *Вулих Н.В.* Овидий // Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». – СПб.: Наука, 2004. – С.227–230. – (Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII–XIX).
111. *Галахов А.Д.* Н.М. Карамзин: (Материалы для определения его литературной деятельности). Статья вторая // Современник. – 1853. – Т.42. – №11. – Отд. III. С.1–64.
112. *Галахов А.Д.* Историческая хрестоматия нового периода русской словесности. – Т.1–2. – СПб., 1861–1864 (Т.1 (От Петра до Карамзина). – СПб.: Тип. Штаба военно-учебных заведений, 1861. – 598 с.; Т.2 (От Карамзина до Пушкина). – СПб.: Тип. Морского министерства, 1864. – 558 с.)
113. *Галахов А.Д.* История русской словесности, древней и новой. – Т.1–2. – СПб., 1863–1875 (Т.1 (История древней русской словесности. – История новой до Карамзина). – СПб.: Тип. Главного управления военно-учебных заведений, 1863. – 596 с.; Т.2. [Ч.1.]. (История новой словесности от Карамзина до Пушкина). Первая половина. – СПб.: Тип. Морского министерства, 1868. – 432 с.; Т.2. [Ч.2.]. (История новой словесности от Карамзина до Пушкина). Вторая половина. – СПб.: Тип. Морского министерства, 1868. – С.337–432).
114. *Галлер А.* О происхождении зла, поэма великого Галлера / Перевод с немецкого <Н.М. Карамзина>. – М.: в тип. Компании Типографической, с указного дозволения. 1786. – 78 с.
115. *Галлер А.* Поэма о происхождении зла, преложенная на российские стихи М<осковской> А<кадемии> с<тудентом> П<етром> Б<огдановым>. Из творений г.

- Галлера. Иждивением издателя. – [М.]: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798. – 84 с.
116. *Галлер А.* Письма г. барона А. Галлера о важнейших истинах Премудрого Божественного Промысла / Перевод с немецкого. – М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1799. – 375 с.
117. *Гардзонио С.* Автографы поэтов-шишковистов в книгах РГБ [1. Г.Р. Державин и Е.И. Станевич. – 2. Шихматов безглагольный, или Передумы Иеромонаха Аникиты] // Маргиналии русских писателей XVIII века / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. – СПб.: Petropolis, 1994. – С.66–74. – (Studiorum Slavicorum monumenta).
118. *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. – СПб.: Академический проект, 1999. – 400 с. – (Современная западная русистика).
119. *Гаспаров М.Л.* Очерки истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. – Изд. 2-е, доп. – М.: Фортуна Лимитед, 2000. – 352 с.
120. *<Геснер С.>* Потоп / Перевел с французского языка на российской Алексей Сергеев. – М.: в Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. – 16 с.
121. *Геснер С.* Картина из Потопа, или Семира и Семин // Геснер С. Дафнис / Перевел с немецкого А.Ш. <А.С. Шишков>. – [СПб.:] при тип. Морск. Шляхетн. кадетск. корпуса, 1785. – С.109–114.
122. *<Геснер С.>* Изображение потопа / Перевел с французского Аврам Лопухин // Чтение для вкуса, разума и чувствований. – 1792. – Ч.7. – С.113–121.
123. *Геснер С.* Картина из времен потопа // Геснер С. Полное собрание сочинений / С немецкого перевел Иван Тимковский: [В 4 ч.]. – Ч.4. – М.: Унив. тип., у Люби, Гария и Попова, 1803. – С.114–124.
124. *Глинка Ф.Н.* Опыты священной поэзии. – СПб.: Тип. Департамента народного просвещения, 1826. – 180 с.
125. *Глинка Ф.Н.* Москвитянин // Московские ведомости. – 1841.– №16 (22 февраля). – С.131–133.
126. *Глинка Ф.Н.* Иов. Свободное подражание Священной книге Иова. – СПб.: Тип. Королева и К°, 1859. – 173 с.
127. *Глинка Ф.Н.* Таинственная капля. Народное предание. – Берлин: Тип. Карла Шульцце, 1861. – Ч.1–2. – XV, 448 + IV, 5–504 с.
128. *Глинка Ф.Н.* Сочинения: [В 3 т.]. – Т.1: Духовные стихотворения. – М.: Тип. М.П. Погодина, 1869. – 490, [IV] с.
129. *Глинка Ф.Н.* Сочинения: [В 3 т.]. – <Т.2:> Таинственная капля. Народное предание: Ч.1–2. – М.: Тип. М.П. Погодина, 1871. – XII, 320, II, 323–678, II с. (на титуле первой части – 1871, на титуле второй – 1870).
130. *Глинка Ф.Н.* Сочинения: [В 3 т.]. – Т.3: Иов. Свободное подражание Священной книге Иова. – М.: Тип. М.П. Погодина, 1872. – 185 с.
131. *Глинка Ф.Н.* Избранные произведения / Вступ. статья, подг. текста и примеч. В.Г. Базанова. – Л.: Советский писатель, 1957. – 504 с. – (Библиотека поэта, бс).
132. *Глинка Ф.Н.* Сочинения / Составитель, автор послесл. и коммент. В.И. Карпец. – М.: Советская Россия, 1986. – 352 с.
133. *Глориантов Н.* Шестоднев и потоп // Христианское чтение. – 1883. – №7–8. – С.10–43.
134. *Говоров К.* Разборы литературных образцов: (Две пробные лекции по русской словесности). II. Ода Ломоносова, выбранная из Иова // Филологические записки. – Воронеж, 1868. – Вып.1. – С.15–26.

135. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. сочинений и писем: В 17 т. / [Сост., подг. текстов и коммент.: И.А. Виноградов, В.А. Воропаев]. – М.; Киев: Издательство Московской Патриархии, 2009–2010.
136. *Голенищев-Кутузов П.И.* Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова, тайного советника, Императорской Российской академии и Вольного экономического общества члена: [В 4 ч.]. – Ч.1: Содержащая одни сочинения. – М.: в Университетской тип., у Любия, Гария и Попова, 1803. – XVI, 214 с.
137. *Голенищев-Кутузов П.И.* Ода на истребление врагов и изгнание их из любезного отчества // Сочинения и переводы Российской академии. – 1813. Ч.6. – С.257–264.
138. *Гончаров И.А.* Рапорт о «Сочинениях Лермонтова...» 11 марта 1859 года // Гончаров И.А. Полн. собр. соч.: В 20 т. – Т.10: Материалы цензорской деятельности. – СПб.: Наука, 2014. – С.44–45.
139. *Горбенко Е.П.* К биографии Е.Л. Милькеева // Русская литература. – 1983. – №1. – С.197–208.
140. *Горбенко Е.П.* Милькеев Евгений Лукич // Русский писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т.4: М–П. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999. – С.60–61.
141. *Горбунов А.Н.* Поэзия Милтона: (От пасторали к эпосе) // Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Изд. подготовили А.Н. Горбунов, Т.Ю. Стамова. – М.: Наука, 2006. – С.581–647. – (Литературные памятники).
142. *Гордон Л.С.* Забытый поэт и переводчик Петр Афанасьевич Пельский (1765–1803) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1963. – №2. – С.117–127.
143. *Горячева О.Н.* Интерпретация ветхозаветного и новозаветного образа Бога в оде Державина «Бог» и поэме «Христос» // Державин глазами XXI века: К 260-летию со дня рождения Г.Р. Державина / Сост., отв. ред. А.Н.Пашкуров. – Казань, 2004. – С.58–64.
144. *Горячева О.Н., Разживин А.И.* Русская псалтырная поэзия XVIII века: Пособие по спецкурсу и спецсеминару. – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2006. – 144 с.
145. *Гришакова М.* Символическая структура поэм М. Хераскова // В честь 70-летия профессора Ю.М. Лотмана. To Honour of professor Yu. M. Lotman / Отв. ред. Е. Пермяков. – Тарту, 1992. – С.30–48.
146. *Грот Я.К.* Жизнь Державина. – М.: Алгоритм, 1997. – 688 с.
147. *Гуковский Г.А.* Русская литература XVIII века. Учебник для высших учебных заведений. – М.: Гос. учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1939. – 528 с.
148. *Гуковский Г.А.* Карамзин // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.5. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. – С.55–105.
149. *Гуковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общая ред. и вступ. статья В.М. Живова. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 368 с. (Studia philologica. Series minor).
150. *Гуськов Н.А.* Духовная поэзия А.П. Сумарокова: (заметки и наблюдения) // Литературная культура России XVIII века. Вып.3 / Под ред. П.Е. Бухаркина, Е.М. Матеевой, А.Ю. Тираспольской. – СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. университета, 2009. – С.180–232.

151. *Гуськов Н.А.* А.П. Сумароков. Духовная поэзия: Учебное пособие по курсу «История русской литературы XVIII века». СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. университета, 2009. – 60 с.
152. *Давыдов Г.А.* Поэтика религиозно-философских поэм М.М. Хераскова // Филологические науки. – 1999. – №1. – С.59–64.
153. *Давыдов Г.А.* Религиозно-философские поэмы М.М.Хераскова. Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 215 с.
154. *Давыдов Г.А.* Религиозно-философские поэмы М.М.Хераскова: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 26 с.
155. *Давыдов Г.А.* Поэзия М.М. Хераскова и религиозные искания русских масонов // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX в. / Отв. ред. В.И. Сахаров. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С.130–143.
156. *Давыдов И.И.* Чтения о словесности. Курс третий. – Изд. 2-е, испр. – М.: Тип. Николая Степанова, 1839. – 352 с.
157. *Данилевский Р.Ю.* Виланд в русской литературе // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. академик М.П. Алексеев. – Л.: Наука, 1970. – С.298–379.
158. *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. – Л.: Наука, 1984. – 274 с.
159. Декабристы. Эстетика и критика / Сост. и примеч. Л.Г. Фризмана. – М.: Искусство, 1991. – 492 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
160. *Дёмин А.О.* Оперное либретто Г.Р. Державина «Эсфирь» // XVIII век. – Сб.22. – СПб.: Наука, 2002. – С.358–408.
161. *Дёмин А.О.* Начальный вариант трагедии Г.Р. Державина «Ирод и Мариамна» – «Ирод Великий» // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.317–397.
162. *Дёмин А.О.* О датировке трех горацянских од В.В. Капниста // Державин и его время: Сб. науч. статей. – Вып.5. – СПб.: «ВИРД», 2009. – С.20–28.
163. *Демин А.С.* Литературные традиции в творчестве раннего Ломоносова // Ломоносов и русская литература / Отв. ред. А.С. Курилов. – М.: Наука, 1987. – С.80–103.
164. *Державин Г.Р.* Сочинения: [В 5 ч.]. – Ч.5. – СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1816. – 239 с.
165. *Державин Г.Р.* Сочинения / Биография писана Н.А. Полевым. – СПб.: Издание Д.П. Штукина, в тип. К. Жернакова, 1845. – XX, 395, IV с.
166. *Державин Г.Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. Грота. – Т.1–9. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1864–1883.
167. *Державин Г.Р.* Стихотворения / Ред. и примеч. Г.А. Гуковского; вступ. статья И.А. Виноградова. – Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933. – 563 с. – (Библиотека поэта под ред. М. Горького).
168. *Державин Г.Р.* Стихотворения / Вступ. статья, примеч. В.А. Западова. – Л.: Художественная литература, 1981. – 288 с.
169. *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь / Изд. М.А. Дмитриева. – М.: Тип. В. Готье, 1866. – 315 с.
170. <*Дмитриев М.А.*> Опыты Священной поэзии Федора Глинки. С.П.Б. 1826 года // Московский вестник. – 1827. – Ч.1. – №4. – С.322–330.

171. *Дмитриев М.А.* Стихотворения Михаила Дмитриева. – М.: Тип. Августа Семена, при Имп. Медико-хирургической академии, 1830. – Ч.1–2. – 252, VI, IV + 245, XIII, II с.
172. *Дмитриев М.А.* Стихотворения Михаила Дмитриева. – М.: Тип. Л.И. Степановой, 1865. – Т.1–2. – [4], 254 + [6], 262 с.
173. *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти. – 2-м тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. – М.: Издание Русского Архива, 1869. – 299 с.
174. *Дмитриев М.А.* Письма М.А. Дмитриева А.П. и Ф.Н. Глинкам / Публ. П.И. Бартенева // Русский архив. – 1912. – №3. – С.423–434.
175. *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни / Подг. текста и примеч. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой; вступ. статья К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 752 с.
176. *Дмитриева М.А.* Братья Ширинские-Шихматовы и архимандрит Фотий // Христианство и русская литература. – Сб.2. – СПб.: Наука, 1996. – С.90–107.
177. *Дороватовская В.С.* О заимствованиях Ломоносова из Библии // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сборник статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб.: [тип. Санктпетербургского товарищества печатного и издательского дела «Труд»], 1911. – С.33–65.
178. *Дунаев М.М.* Православие и русская литература: [В 6 ч.]. – Ч. I–II. – Изд. 2-е, испр., доп. – М.: Христианская литература, 2001. – 736 с.
179. *Евгений (Болховитинов), митрополит.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. – Изд. 2-е., испр. и умнож. – СПб.: тип. И. Глазунова, 1827. – Т.1–2. – 343 + 333, LXVI с.
180. *Евгений (Болховитинов), митрополит.* Словарь русских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России / Издание «Москвитянина» [М.П. Погодина]. – М.: Унив. тип., 1845. – Т.1–2. – VI, 328 + 290, XVI с.
181. *Евфимий Зигабен.* Толковая Псалтырь. Изъясненная по святоотеческим толкованиям / Перевод с греческого. – Изд. 3-е. – Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1907. – 1162 с.
182. Европейская поэзия XVII века / Вступ. статья Ю. Виппера; сост. И. Бочкаревой, Ю. Виппера, Е. Витковского, Л. Гинзбурга, И. Ивановой, В. Муравьева, А. Романенко, О. Россиянова, Т. Серковой, Б. Стахеева, Н. Томашевского. – М.: Художественная литература, 1977. – 928 с. – (Библиотека всемирной литературы).
183. *Елепова М.Ю.* Художественная структура «Оды, выбранной из Иова, глава 38, 39, 40 и 41» в экзегетическом аспекте // European social science journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – №6(45), т.2. – С.240–245.
184. *Елеонский Ф.Г.* Библия в России // Православная богословская энциклопедия. – Т.2: Археология–Бюхнер. – Пг.: Приложение к духовному журналу «Странник», 1901. – С.490–543.
185. *Елеонский Ф.Г.* По поводу 150-летия Елизаветинской Библии: О новом пересмотре славянского перевода Библии. – СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1902. – 130 с.
186. *Ермоленко Г.Н.* Жанровая концепция стихотворного эпоса в литературе просветительского классицизма (поэма Д. Мильтона «Потерянный рай» в оценке Вольтера и М.М. Хераскова) // Англия и Россия: диалог двух культур.

- Теоретические проблемы литературных взаимосвязей. Тезисы IV международной конференции преподавателей английской литературы. – Воронеж, 1994. – С.70.
187. *Ермоленко Г.Н.* Наследие Д. Мильтона и эволюция жанра поэмы в творчестве М.М. Хераскова // Русская филология: Ученые записки Смоленского гос. пед. института (Кафедра истории и теории литературы). – Смоленск, 1996. – С.72–81.
188. *Есаулов И.А.* Ода Г.Р. Державин «Богъ»: новое понимание // Проблемы исторической поэтики. – Вып.14: Анализ, интерпретации, понимание. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. – С.45–67.
189. *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 1996. – 591 с.
190. *Живов В.М.* К предыстории одного переложения псалма в русской литературе XVIII века <1993> // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.532–556.
191. *Живов В.М.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков <1997> // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.557–637.
192. *Живов В.М.* Кошунственная поэзия в системе русской культуры XVIII – начала XIX века <1981> // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.638–681.
193. *Жирмунская Т.А.* «Ум ищет Божества»: Библия и русская поэзия XVIII–XX веков. – М.: Российский писатель, 2006. – 432 с.
194. *Жирмунский В.М.* Оды М.В. Ломоносова «Вечернее» и «Утреннее размышление о Божиим величестве»: К вопросу о датировке // XVIII век. – Сб.10: Русская литература XVIII века и ее международные связи. – Л.: Наука, 1975. – С.27–30.
195. *Жмакин В.И., свящ.* К истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: Из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых // Христианское чтение. – 1889. – Ч.1. – С.638–673; Ч.2. – С.97–124, 603–630; 1890. – Ч.1. – С.76–113, 314–333, 596–625; Ч.2. – С.3–64.
196. *Жмакин В.И., свящ.* Иннокентий, епископ Пензенский и Саратовский. Биографический очерк. – СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1885. – [8], 158 с.
197. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. – Т.1–10, 12–14. – М.: Языки славянской культуры, 1999–2014 (продолжающееся издание).
198. *Журавлева А.И.* Лермонтов в русской литературе. Проблемы поэтики. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 288 с.
199. *Заборов П.Р.* Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. – Л.: Наука, 1978. – 246 с.
200. *Заборов П.Р.* «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // XVIII век. – Сб.6: Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. – М.; Л.: Наука, 1964. – С.269–279.
201. *Зайонц Л.О.* Э. Юнг в поэтическом мире Боброва // Ученые записки Тартуского университета. – Вып.645. – Тарту, 1985. – С.71–85.
202. *Зайонц Л.О.* «Маска» Бибруса // Ученые записки Тартуского университета. – Вып.683. – Тарту, 1986. – С.32–37.

203. *Зайонц Л.О.* Бобров Семен Сергеевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.1 (А–И). – Л.: Наука, 1989. – С.96–99.
204. *Зайонц Л.О.* К символической интерпретации поэмы С. Боброва «Таврида» // Ученые записки Тартуского университета. – Вып.882. – Тарту, 1992. – С.88–104.
205. *Зайонц Л.О.* От эмблемы к метафоре: феномен Семена Боброва // Новые безделки. Сборник статей к 60-летию В.Э.Вацуро – М., 1995–1996. – С.50–77. – (Новое Литературное Обозрение. – Научное приложение. – Вып. VI).
206. *Зайонц Л.О.* «Пьянствующие архаисты» // Новое литературное обозрение. – 1996. – №21. – С.220–235.
207. *Западов А.В.* Творчество Хераскова // Херасков М.М. Избранные произведения. – М.; Л.: Советский писатель, 1961. – С.5–56 (Библиотека поэта, бс).
208. *Западов А.В.* Поэты XVIII века: М.В. Ломоносов. Г.Р. Державин. – М.: Издательство Московского университета, 1979. – 312 с.
209. *Засецкий А.А.* Книга премудрости Иисуса сына Сирахова сочиненная стихами Алексеем Александровым сыном Засецким. – [М.]: при Имп. Моск. ун-те, 1777. – [2], 99, [3] с.
210. *Зверев В.П.* Федор Глинка – русский духовный писатель. – М.: Пашков дом, 2002. – 544 с.
211. *Зверева Т.В.* О потенциальной двухчастности «Оды, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: межвуз. сб. научных трудов. – Вып.13. – СПб.; Самара: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 115–122.
212. *Зверева Т.В.* О чем молчит «Ода, выбранная из Иова» М.В. Ломоносова, или Еще раз об «умении прочесть оду» // Филологический класс. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. – №17. – С.35–41.
213. *Зверева Т.В.* Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века. – Ижевск: Удмуртский университет, 2007. – 328 с.
214. *Звонникова Л.* Петербургский Иов // Октябрь. – 2012. – №6. – С.170–174.
215. *Златопольская А.А.* Жан-Жак Руссо в России XVIII – первой четверти XIX вв.: (Библиографический список произведений Жан-Жака Руссо и литературы о нем на русском языке) // Петербург на философской карте мира. – Вып.2. – СПб., 2003. – С.209–239.
216. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 416 с.
217. *Зорин А.Л., Рогов К.Ю., Рейтблат А.И.* Невахович Лев Николаевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т.4: М–П. – М.: М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; НВП «Фианит», 1999. – С.244–245.
218. *Зотов С.Н.* Интеллектуальное переживание Библии в ранней лирике М.Ю. Лермонтова и поэме «Демон» // Первое произведение как семиологический факт: Сб. статей научно-литературного семинара. – СПб.; Ставрополь: Textus, 1997. – С.89–96.
219. *Зотов С.Н.* Художественное пространство – мир Лермонтова. – Таганрог: Издательство Таганрогского гос. пед. ин-та, 2001. – 322 с.
220. *Зыкова Г.В.* Минаев Дмитрий Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т.4: М–П. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999. – С.76–77.

221. *Иванов В.И.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2 кн. / Вступ. ст. А.Е. Барзаха; сост., подг. текста и примеч. Р.Е. Помирчего. – СПб.: Академический проект, 1995.
222. *Ивинский Д.П.* Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 432 с. (Studia philologica).
223. *Ивинский Д.П.* Образ Ломоносова в русской культуре // М.В. Ломоносов и Православие: Сборник статей о творчестве М.В. Ломоносова. – М.: Издательский дом «К единству!» МОФЕПН, 2014. – С.124–186.
224. *Ивинский Д.П.* «Безразумных козлят далеко почтеннейшими, нежели попов ставит»: из комментария к «Гимну бороде» // Бестиарный код культуры: сборник статей / Науч. ред. О.Л. Довгий. – М.: Intrada, 2015. – С.123–130.
225. *Ивинский Д.П.* Книги Пророков и русская литература. 1. Книга пророка Даниила: Заметки к теме // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2015. – №1. – С.34–49.
226. *Ивинский Д.П.* Ломоносов в русской культуре: К 300-летию со дня рождения и 250-летию со дня смерти М.В. Ломоносова. – Б.м.: [Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru], 2015. – 178 с. [электронный ресурс]: URL.: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11960770 (дата обращения : 30.01.2016).
227. *Измайлов А.Е.* <Некрология: М.В. Милонов> // Благонамеренный. – 1821. – Ч.15. – №17–18. – С.327–328.
228. *Измайлов А.Е.* Письма к Н.Ф. Грамматину <1810–1818> / Сообщ. В.А. Борисовым // Библиографические записки. – 1859. – Т.2. – №13. – С.410–415; №14. – 417–427.
229. *Икосов П.П.* Глас Божий к человеку // Вечерняя заря. – 1782. – Ч.3. – Сентябрь. – С.43–46.
230. *Икосов П.П.* Странное путешествие, или Притча // Беседующий гражданин. – 1789. – Ч.3. – С.233–244
231. *Ильин-Томич А.А.* Бороздна Иван Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т.1: А–Г. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; НВП «Фианит», 1992. – С.317–318.
232. *Иоанн Златоуст.* Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. – Т.1–12. – СПб.: Издание С.-Петербургской Духовной академии, 1895–1906.
233. Истинный свет, поэма в девяти песнях, сочиненная на российском языке. – М.: печ. в Унив. тип., у Н. Новикова, 1780. – 160 с.
234. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век: [В 2 т.] / Отв. ред. Ю.Д. Левин.. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995–1996 (Т.1: Проза. – 316 с.; Т.2: Драматургия. Поэзия. – 268 с.).
235. *Казаринов И.И.* Иоас, возведенный на престол, или Торжествующая истина, поэма в пяти песнях. Иждивением книгопродавца Семена Никифорова. – М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1798. – [4], 98 с.
236. *Калайдович П.Ф.* Рассмотрение оды Ломоносова «Утреннее размышление о Божиим величестве» // Труды Общества любителей российской словесности. – 1819. – Ч.13. – Кн.19. – С.65–81.
237. *Кант И.* Сочинения: В 6 т. / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1963–1966. – (Философское наследие).
238. *Канунова Ф.З.* Творчество Ж.-Ж. Руссо в восприятии Жуковского // Библиотека В.А. Жуковского в Томске: [В 3 ч.]. – Ч.2. – Томск: Издательство Томского университета, 1984. – Ч.2. – С.229–336.

239. *Канунова Ф.З.* Восприятие Жуковским идей Ж.-Ж. Руссо // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. – М.: Наука, 1988. – С.289–304.
240. *Канунова Ф.З., Айзикова И.А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 304 с.
241. *Капнист В.В.* Избранные произведения / Вступ. статья Г.В. Ермаковой-Битнер; подг. текста и примеч. Г.В. Ермаковой-Битнер и Д.С. Бабкина. – Л.: Советский писатель, 1973. – 616 с. – (Библиотека поэта, бс).
242. *Капнист В.В.* Опыт перевода и подражания Горациевых од / Изд. подготовил А.О. Дёмин. – СПб.: Наука, 2013. – 430 с. – (Литературные памятники).
243. *Карамзин Н.М.* Сочинения. – Ч.1–8. – М.: Тип. С. Селивановского, 1803–1804.
244. *Карамзин Н.М.* Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву / По поручению ОРЯС Имп. Акад. наук издали Я. Грот и П. Пекарский. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1866. – XII, 483, 214 с.
245. *Карамзин Н.М.* Письма Н.М. Карамзина к А.И. Тургеневу (1806–1826) / С примеч. В.И. Саитова. Сообщ. П.Н. Тургенев // Русская старина. – 1899. – №1. – С.211–238; №2. – С.463–480; №3. – С.707–716.
246. *Карамзин Н.М.* Полное собрание стихотворений / Вступ. статья, подг. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. – М.; Л.: Советский писатель, 1966. – 424 с. – (Библиотека поэта, бс).
247. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / Изд. подготовили Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский, <И.Б. Паперно>. – Л.: Наука, 1984. – 717 с. – (Литературные памятники).
248. *Карамзин Н.М.* Сочинения: В 2 т. / Сост., вступ. статья, коммент. Г.П. Макогоненко. – Л.: Художественная литература, 1984. – 672+456 с.
249. *Катенин П.А.* Размышления и разборы / Сост., подг. текста, вступ. статья и примеч. Л.Г. Фризмана. – М.: Искусство, 1981. – 374 с. – (История эстетики в памятниках и документах).
250. *Клейн И.* Религия и Просвещение в XVIII веке: Ода Державина «Бог» // XVIII век. – Сб.23. – СПб.: Наука, 2004. – С.126–133.
251. *Клейн И.* Раннее Просвещение, религия и церковь у Ломоносова // Клейн И. Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.287–300.
252. *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. – М.: Индрик, 2010. – 440 с.
253. *Клейн И.* Похвала властителю: «Гимн Кротости» Державина // Аониды. Сборник в честь Натальи Дмитриевны Кочетковой. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. – С.63–78.
254. *Клейн И.* Державин и религия: Ода «Успокоенное неверие» (1779) // Вивліоїка: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. – 2014. – Vol.2. – P.47–59.
255. *Клейн И.* Пожилой Державин: Ода «Христос» (1814) // Russian Literature. – 2014. – Vol.75. – P.305–319.
256. <Княжнин Я.Б.> Примечания на сию оду // Разговор Ломоносова с Княжниным в Елисейских полях с приобщением примечаний на славную оду господина Ломоносова, выбранную из Иова. – СПб.: у Вильковского, 1793. – С.29–32.
257. *Козлов И.В.* Гекзаметр в «Таинственной капле» Ф. Глинки: (Стихотворное переложение молитвы «Отче наш») // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных

- трудов. – Вып.6. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2011. – С.79–85. – (Проблемы исторической поэтики. Вып.9).
258. *Кондаков Ю.Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). – СПб.: Нестор, 1998. – 223 с.
259. *Кондаков Ю.Е.* Орден золотого и розового креста в России. Теоретический градус соломоновых наук. – СПб.: Астерион, 2012. – 616 с.
260. *Коровин Г.М.* Библиотека Ломоносова: Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах и каталог его личной библиотеки: К 250-летию со дня рождения М.В. Ломоносова, 1711–1961. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. – 484, [4] с.
261. *Костин А.А.* Религиозные взгляды А.Н. Радищева // XVIII век. – Сб.24. – СПб.: Наука, 2006. – С.255–280.
262. <*Костин А.А.*> *Писано на берегу Охты, в Маниловке, близ Жерновки.* Четыре книги Михайлы Цветихина (посвящения, предисловия, примечания) // Von Wenigen (От немногих). – СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2008. – С.18–38.
263. *Котович А.Н.* Духовная цензура в России: (1799–1855 гг.). – СПб.: Тип. «Родник», 1909. – XVI, 608, XII с.
264. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма: Эстетические и художественные искания. – СПб.: Наука, 1994. – 280 с.
265. *Кочеткова Н.Д.* Ключарев Федор Петрович // Словарь русский писателей XVIII века. – Вып.2. – СПб.: Наука, 1999. – С.67–70.
266. *Кочеткова Н.Д.* Николев Николай Петрович // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.2. – СПб.: Наука, 1999. – С.350–357.
267. *Кочеткова Н.Д.* Пельский Петр Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.2. – СПб.: Наука, 1999. – С.416–417.
268. *Кочеткова Н.Д.* К истории перевода Н.Н. Поповского поэмы А. Попа «Опыт о человеке» (Ранняя редакция) // XVIII век. – Сб.23. – СПб., 2003. – С.306–337.
269. *Кочеткова Н.Д.* Радищев и Мильтон // А.Н. Радищев: Русское и европейское Просвещение. – СПб.: Наука, 2003. – С.48–56.
270. *Кочеткова Н.Д.* «Essay on Man» А. Попа в русских переводах // Антропологические концепции в русской культуре и литературе (XVIII–XIX вв.). – Halle; Wittenberg, 2008. – С.1–9.
271. *Кошелев В.А., Скачкова С.В.* Своеобразие стиля поэмы В.И.Соколовского «Альма»: (К истории русской «духовной» поэзии 1830-х гг.) // Вопросы стиливого новаторства в русской поэзии XIX века: сб. науч. трудов. – Рязань: Ряз ГПИ, 1981. – С.40–49.
272. *Кошелев В.А.* Константин Батюшков. Странствия и страсти. – М.: Современник, 1987. – 351 с.
273. *Кошелев В.А.* «Но, ах, почто так долго жить?» (О феномене «старика Державина» в литературе начала XIX века) // Державинский сборник. – Новгород, 1995. – С.12–26.
274. *Кошелев В.А.* Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в.: Литературно-исторический очерки. – Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. – 303 с.
275. *Кошемчук Т.А.* Русская поэзия в контексте православной культуры. – СПб.: Наука, 2006. – 639 с.

276. Критика XVIII века / Авт.-сост. А.М. Ранчин, В.Л. Коровин. – М.: Издательство «Олимп», Издательство АСТ, 2002. – 439 с. – (Библиотека русской критики).
277. *Кръстева, Денка*. Зверь/Бегемот и Змий/Левиафан в «Оде, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова (о политических аллегориях в системе абсолютизма и русской литературе XVIII века) // Реката на времето. Сборник статии в памет на проф. Людмилы Боева (1934–2001). – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридский», 2007. – С.163–173.
278. *Кръстева, Денка*. Политически метафори на XVIII–XIX век: (литература – идеологическа история – неофициални разкази за двореца). – Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2013. – 315 с.
279. *Кр<ылов А.А.>* Разбор «Херсониды», поэмы Боброва // Благонамеренный. – 1822. – Ч.17. – №11. – С.409–429; №12. – С.453–465.
280. *Кукушкина Е.Д.* Сюжет «Суд Соломона» в драматургии // XVIII век. – Сб.20. – СПб.: Наука, 1996. – С.121–134.
281. *Кукушкина Е.Д.* Библейские мотивы у А.Н. Радищева // Русская литература. – 2000. – №1. – С.119–123.
282. *Кукушкина Е.Д.* Поэзия М.М. Хераскова. Поиски смысла жизни // XVIII век. – Сб.22. – СПб.: Наука, 2000. – С.96–111.
283. *Кукушкина Е.Д.* Решетников Андрей Гордеевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.3: Р–Я. – СПб.: Наука, 2010. – С.38–41.
284. *Кулакова Л.И.* Херасков // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.4: Литература XVIII века. – Ч.2. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. – С.320–341.
285. *Кюхельбекер В.К.* Избранные произведения: В 2 т. / Вступ. статья, подг. текста и примеч. Н.В. Королевой. – М.; Л.: Советский писатель, 1967. – (Библиотека поэта, бс).
286. *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подготовили Н.В. Королева, В.Д. Рак, <М.Г. Альтшуллер>. – Л.: Наука, 1979. – 787 с. – (Литературные памятники).
287. *Лабзин А.Ф.* О чтении книг // Сионский Вестник. – 1818. – Ч.8. – Кн.2. – С.207–230.
288. *Лавджой А.* Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.
289. *Лазарчук Р.М.* Переписка Н.М. Карамзина с А.А. Петровым: (К проблеме реконструкции «романа в письмах») // XVIII век. – Сб.20. – СПб.: Наука, 1996. – С.135–143.
290. *Ланно-Данилевский К.Ю.* Последнее стихотворение Державина // Русская литература. – 2000. – №2. – С.146–158.
291. *Лебедева О.Б.* Поэтика русской высокой комедии XVIII – первой трети XIX веков. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 472 с. – (Studia poetica).
292. *Левин Ю.Д.* Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. академик М.П. Алексеев. – Л.: Наука, 1970. – С.195–297.
293. *Левин Ю.Д.* Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. – Л.: Наука, 1990. – 285, [3] с.
294. *Левитт М.* Ода как откровение: православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах 2003. – М.: Индрик, 2004. – С.368–384.

295. *Левитт М.* «Вечернее размышление о Божием величестве» и «Утреннее размышление о Божием величестве»: Опыт определения теологического контекста // XVIII век. – Сб. 24. – СПб.: Наука, 2006. – С.57–70.
296. *Левитт М.* Визуальная доминанта в России XVIII века / Пер. с англ. А. Глебовской; науч. ред. перевода Н. Алексева. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 518 с.
297. *Левшин В.А.* Письмо, содержащее некоторые рассуждения о поэме г. Вольтера на разрушение Лиссабона, писаное В. Лвшнм к приятелю его Господину 3*** <1788> // Мысли о душе: Русская метафизика XVIII века / Подгот. текстов, вступ. статья, примеч. Т.В. Артемьевой. – СПб.: Наука, 1996. – С.220–255.
298. *Леонид <Кавелин>, архимандрит.* Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой Духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в Московской духовной академии). – М.: Унив. тип. (М. Катков), 1887. – Вып.1–2.
299. *Леонид (Краснопевков), архиепископ.* Записки московского vicария. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 608 с. – (Серия «Русская Православная Церковь в дневниках и воспоминаниях»).
300. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 6 т. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1954–1957.
301. *Лермонтов М.Ю.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. / Вступ. статья Д.Е. Максимова; Сост., подгот. текста и примеч. Э.Э. Найдича. – Л.: Советский писатель, 1989. – 688+688 с. – (Библиотека поэта, бс).
302. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста и коммент. М. Гиллельсона и О. Миллер. – М.: Художественная литература, 1989. – 672 с. – (Литературные мемуары).
303. *Лернер Н.О.* Пушкинологовические этюды. 16. Овидий в Онегине // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. – [Т.] 5. – М.; Л., 1935. – С.90–93.
304. *Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова* / АН СССР; Институт истории естествознания и техники; Составители В.Л. Ченакал, Г.А. Андреева, Г.Е. Павлова, Н.В. Соколова. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. – 436 с.
305. *Лимонов Ю.А.* «Потерянный рай» Дж. Мильтона в русской рукописной традиции как памятник культурных связей Англии и России в XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Сб.14. Л.: Наука, 1983. – С.175–179.
306. *Лискеев А.* Клопшток Фридрих Готлиб // Православная богословская энциклопедия. – Т.11. – Пг.: Приложение к духовному журналу «Странник», 1910. – С.261–264.
307. *Ломоносов М.В.* Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова. Книга первая. – [СПб.:] печ. при Имп. Акад. наук, 1751.
308. *Ломоносов М.В.* Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова. Книга первая. – 2-е изд. с прибавлениями. – [М.:] печ. при Имп. Моск. университете, 1757.
309. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений Михайла Васильевича Ломоносова, с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений: [В 6 ч.]. – Ч.1. – СПб.: иждивением Имп. Акад. наук, 1784.
310. *Ломоносов М.В.* Сочинения: [В 8 т.] / С объяснительными примеч. академика М.И. Сухомлинова. – Т.1–4. – СПб.: издание Имп. Акад. наук, 1891–1898.

311. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. сочинений: [В 10 т.]. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950–1957; – Т.11 дополнительный, справочный. Л.: Наука, 1983.
312. *Ломоносов М.В.* Избранные произведения / Вступ. статья, сост. и примеч. А.А. Морозова; подг. текста М.П. Лепехина и А.А. Морозова. – Л.: Советский писатель, 1986. – 560 с. – (Библиотека поэта, бс. Изд. 3-е).
313. *Лотман Ю.М.* Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Изд. подготовили В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин. – М.: Наука, 1969. – С.555–604. – (Литературные памятники).
314. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или судьбина российского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) // Ученые записки Тартуского университета. – Вып.358. – Тарту, 1975. – С.168–322.
315. *Лотман Ю.М.* Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т.42. №3. С.253–262.
316. *Лотман Ю.М.* Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1992. – Вып.882. – С.58–71. – (Труды по знаковым системам. Т. 24: Культура: Текст: Нарратив).
317. *Лотман Ю.М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство-СПБ, 1995. – 847 с.
318. *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. – СПб.: Искусство-СПБ, 1996. – 848 с.
319. *Лотман Ю.М.* Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования. Заметки и рецензии. – СПб.: Искусство-СПБ, 1997. – 832 с.
320. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПБ, 2002. – 768 с.
321. *Луцевич Л.Ф.* Псалтырь в русской поэзии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – 608 с.
322. *Луцевич Л.Ф.* Память и псалме: *sacrum/profanum* в современной русской поэзии. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2009. – 487 с.
323. *Лыцов В.П.* М.В. Ломоносов об исторической роли православного духовенства в России // Церковь и ее деятели в истории России: Сборник статей. – [Вып.1]. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – С.3–30.
324. *Любжин А.И.* Эпические источники «Россиады» М.М. Хераскова // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2002. – №6. – С.101–107.
325. *Любжин А.И.* Христианские источники «Россиады» М.М. Хераскова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Вып.4. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. – С.86–95. – (Проблемы исторической поэтики. Вып.7).
326. *Любжин А.И.* «Россиада» М.М. Хераскова и античная эпическая традиция // *Colloquia classica et indo-germanica – IV* / Отв. ред. Н.Н.Казанский. – СПб.: Наука, 2008. – С.415–452. – (Acta linguistica Petropolitana).
327. *Любжин А.И.* Новоевропейский эпос в «Россиаде» Хераскова // Русская литература. – 2010. – №1. – С.3–25.

328. *Люценко Е.П.* Нечто о достоинстве и прежних переводах Потерянного и Возвращенного рая // Потерянный рай, поэма Иоанна Мильтона. С приобщением его же творения: Возвращенный Рай. Перевод с французского, исправленный по английскому подлиннику, с присовокуплением примечаний Е. Люценко: [В 4 ч.]. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. – Ч.1. – С.1–XIII.
329. *Мазаев М.* Бобров Семен Сергеевич // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). – СПб., 1895. – Т.4. – Отд.1. – С.59–65.
330. *Майофис М.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 800 с.
331. *Макина М.А.* Поэмы М.М. Хераскова: (К вопросу о формировании мировоззрения и стиля русского сентиментализма) // Ученые записки Новгородского педагогического института. – 1963. – Т.9. – Вып.1. – С.121–134.
332. *Малек Э.* <Malek E.>. Канонические и апокрифические «библейские сказания» в восприятии русских романтических поэтов // Jews and Slavs. Jerusalem, 1995. – Vol.4. – P.31–48.
333. *Максимов Д.Е.* Поэзия Лермонтова. – 2-е изд. – М.; Л.: Наука, 1964. – 265 с.
334. *Манн Ю.В.* М.В. Ломоносов в творческом сознании Н.В. Гоголя // Ломоносов и русская литература / Отв. ред. А.С. Курилов. – М.: Наука, 1987. – С.351–370.
335. *Манн Ю.В.* Диалектика русского романтизма. – М.: Аспект-пресс, 1995. – 384 с.
336. *Мартынов И.Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. – М.: Книга, 1981. – 180 с.
337. *Маслов С.А.* Краткая биография Николая Петровича Николева // Сын Отечества. – 1816. – Ч.28. – №12. – С.197–212.
338. <Маслов С.А.> Описание дружеского празднества в воспоминание Николая Петровича Николева // Сын отечества. – 1817. – Ч.36. – №9. – С.81–97.
339. *Маслова А.Г.* Поэтика времени и пространства в русской поэзии последней трети XVIII века: Дис. ... д-ра филол. наук. – Киров, 2014. – 499 с.
340. *Махов А.Е.* HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы христианской демонологии. Опыт словаря. – 2-е, испр. изд. М.: Intrada, 2013. – 416 с.
341. *Мей Л.А.* Сочинения и переводы. – [Т.1:] Былины и песни. – СПб.: тип. Семена Сединкина, 1861. – 6, 210 с.
342. *Мень А., протоиерей.* Библия и литература: Лекции. – М.: Храм святых бессребренников Космы и Дамиана в Шубине, 2002. – 340 с.
343. *Мень А., протоирей.* Библиологический словарь: В 3 т. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2002.
344. *Мережковский Д.С.* Иов // Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: [В 24 т.]. – Т.22. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. – С.135–140.
345. *Мерзляков А.Ф.* Рассуждение о Российской Словесности в нынешнем ее состоянии // Труды Общества любителей российской словесности. – 1812. – Ч.1. – С.53–110.
346. *Меркулов В.Л.* Альбрехт Галлер. – Л.: Наука, 1981. – 185 с.
347. *Милонов М.В.* Письма к А.Ф. и Н.Ф. Грамматиным / Сообщ. В.А. Борисовым // Библиографические записки. – 1859. – Т.2. – №10. – С.290–303.

348. *Милтон Дж.* Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения / Изд. подготовили А.Н. Горбунов, Т.Ю. Стамова. – М.: Наука, 2006. – 862 с. – (Литературные памятники).
349. *Миллер О.В.* Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Это случилось в последние годы могучего Рима»: Литературные источники и датировка // *Русская литература.* – 1998. – №1. – С.58–61.
350. <*Милькеев Е.Л.*> Из Иова // *Современник.* – 1841. – Т.23. – С.156–160.
351. *Милькеев Е.Л.* Стихотворения. – М.: Губернская типография, 1843. – 226 с.
352. *Милькеев Е.Л.* Стихотворения. Поэмы. Письма / Сост., вступ. статья, примеч. и библиография: А.Н. Стрижев. – Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2010. – 263 с.
353. *Михайленко Е.Н.* Библейские темы и мотивы в позднем творчестве Байрона: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003.
354. *Михайленко Е.Н.* Д.Г. Байрон и Библия. Романтический миф Байрона: опыт исследования. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 140 с.
355. *Михайлов А.В.* Альбрехт фон Галлер // *История швейцарской литературы:* [В 3 т.]. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.287–319.
356. *Михайлов А.В.* Иоганн Яков Бодмер и его школа // *История швейцарской литературы:* [В 3 т.]. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.320–447.
357. *Михайлов А.В.* Соломон Гесснер // *История швейцарской литературы:* [В 3 т.]. – Т.1. М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.448–478.
358. *Михайлов А.В.* Иоганн Каспар Лафатер // *История швейцарской литературы:* [В 3 т.]. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С.449–522.
359. *Михайлов А.В.* Избранное. Завершение риторической эпохи. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. – 480 с.
360. *Михайлова Н.И.* «Витийства грозный дар...»: А.С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. – М.: Русский путь, 1999. – 416 с.
361. *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина: (Библиографическое описание). – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. – XIX, 441 с. (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 9–10).
362. *Модзалевский Л.Б.* Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной преемственности) // XVIII век. – Сб.3. – М.; Л.: Наука, 1958. – С.111–169.
363. *Мозер К.Ф.* Даниил во рве львином, в шести песнях, сочинение Фридриха Карла фон Мозера / [Пер. с нем.] // *Утренний свет.* – 1779. – Ч.5. – Апр. – С.261–342.
364. *Моклецова И.В.* Художественное творчество, публицистическая и просветительская деятельность А.Н. Муравьева в контексте русской литературы и культуры XIX века: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013. – 38 с.
365. *Мордвинов Н.С.* О ускорении мира с турками <1810> // *Архив графов Мордвиновых / Предисл. и примеч. В.А. Бильбасова:* [В 10 т.]. – Т.4. – СПб., 1902. – С.15–16.
366. *Мороз О.Н.* Источники поэмы С.С. Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец» // *Парус.* 2012. – №16 [электронный ресурс]: URL.: <http://parus.ruspole.info/node/2984> (дата обращения 17.08.2016).
367. *Мороз О.Н., Пивтораця О.Г.* К вопросу об именах в религиозной эпопее С.С. Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец» // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* – 2014. – №4. С.42–46.

368. *Мороз О.Н.* История создания иносказательной эпопеи С.С. Боброва «Древняя ночь вселенной, или Странствующий слепец» // Парус. – 2014. – Вып.37 (декабрь) [электронный ресурс]: URL.: <http://parus.ruspole.info/node/5984> (дата обращения 17.08.2016).
369. *Мороз О.Н.* Библейское предание об Адаме и его жене в религиозной эпопее С.С. Боброва «Древняя ночь вселенной» // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. Материалы первой Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Кубанский гос. университет, 2015. – С.114–120.
370. *Морозова Н.П.* 1813-й год в жизни Г.Р. Державина // Державинские чтения: сборник научных статей. – Вып.9. – СПб.: Всероссийский музей им. А.С. Пушкина, 2014. – С.110–144.
371. *Мотольская Д.К.* Ломоносов и его современники // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.3: Литература XVIII века. – Ч.1. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. – С.264–348.
372. *Муравьев А.Н.* Таврида. – М.: Тип. С. Селивановского, 1827. – 148 с.
373. *Муравьев А.Н.* Священная история. – СПб.: Тип. А. Бородина и К., 1842. – 516 с.
374. *Муравьев А.Н.* Знакомство с русскими поэтами. – Киев: Тип. И. и А. Давиденко (арен. С. Кульженко и В. Давиденко), 1871. – 35 с.
375. *Муравьев А.Н.* Мои воспоминания // Русское обозрение. – 1895. – №5, 12; 1896. – №2.
376. *Муравьев А.Н.* Мои воспоминания. – М.: Синодальная типография, 1913. – 98 с.
377. *Муравьев А.Н.* Потоп / Публ. Н.А. Хохловой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2000. – М.: Наука, 2001. – С.32–42.
378. *Муравьев А.Н.* Таврида / Изд. подготовила Н.А. Хохлова. – СПб.: Наука, 2007. – 518 с. – (Литературные памятники).
379. *Набоков В.В.* Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин» / Перевод с англ. – СПб.: Искусство-СПб; Набоковский фонд, 1999. – 928 с.
380. *Найдич Э.Э.* Последняя редакция «Демона» // Русская литература. – 1971. – №1. – С.72–78.
381. *Найдич Э.Э., Роднянская И.Б.* «Демон» // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С.130–137.
382. *Найдич Э.Э.* Спор о «Демоне» // Найдич Э.Э. Этюды о Лермонтове. – СПб.: Художественная литература, 1994. – С. 164–189.
383. *Невзоров М.И.* Живописные и философские отрывки из сочинений г. Боброва // Друг юношества. – 1810. – №6. – С.62–162.
384. *Неклюдов К.В., Ткаченко А.А.* Иова книга: Рецепция книги // Православная энциклопедия. – Т.25. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. – С.332–340.
385. *Некрасов Н.А.* Таинственная капля, в двух частях. Берлин. Стихотворения М.А. Дмитриева, в двух частях. Москва... <1866> // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений: В 15 т. – Л.: Наука, 1990. – Т.11. – Кн. 2. – С.259–270.
386. *Немировский И.В.* Библейская тема в «Медном всаднике» // Русская литература. – 1990. – №3. – С.3–17.

387. *Несмиянова О.В.* К вопросу о источниках оды «Христос» // Вопросы литературы. – 2001. – №2 – С. 42–48.
388. *Нестор (Кумыш), иеромонах.* Поэма М.Ю.Лермонтова «Демон» в контексте христианского миропонимания. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 176 с.
389. *Нестор (Кумыш), игумен.* Поэмы Лермонтова как основные вехи его духовного пути. – М.: Издательство Свято-Алексиевской Пустыни, 2008. – 288 с.
390. *Нестор (Кумыш), игумен.* Тайна Лермонтова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; издательство «Нестор-История», 2011. – 340 с.
391. *Николаев С.И., Степанов В.П.* Владыкин Иван Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.1. – Л.: Наука, 1988. – С.160–163.
392. *Николев Н.П.* Творении Николая Петровича Николева, Императорской Российской Академии члена. – Ч.1–5. – М.: в Унив. тип., у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1795–1798.
393. *Николев Н.П.* Гимн песнопевца, сочиненный в Тамбове, по изгнании всеобщего врага из пределов Российских // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: [В 2 ч.]. – М.: Унив. тип., 1814. – Ч.2. – С.106–114.
394. *Новикова М.А.* Пушкинский космос: Языческая и христианские традиции в творчестве Пушкина. – М.: Наследие, 1995. – 353 с. – (Пушкин в XX веке. Ежегодное издание Пушкинской комиссии. Вып.1).
395. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Перевод В.А. Жуковского; Под ред. Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина; подгот. текстов И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина; статьи Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, свящ. Д. Долгушина; коммент. свящ. Д. Долгушина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 570 с.
396. *Норкин К.* Филологический анализ фрагмента «Комментария на Книгу Иова» диакона Олимпиодора Александрийского: [Дипломная работа выпускника Сретенской семинарии]. – [М.], 2013 [электронный ресурс: URL: <http://www.pravoslavie.ru/64067.html> (дата обращения: 20.08.2016)].
397. Образцы библейской поэзии: Стихи и поэмы на сюжеты из Библии / Собранные Н. Осиповичем, со вступ. статьей К. Бархина. – Одесса: Издание журнала «Колосья», 1915. – Вып.1–3. – 32, 33–48, 49–64 с.
398. *Овидий.* Собрание сочинений: В 2 т. – СПб.: Биографический институт «Студия биографика», 1994. – 488+497 с.
399. *Одесский М.П.* М.В. Ломоносов и школьная драма // // Ломоносов и русская литература / Отв. ред. А.С. Курилов. – М.: Наука, 1987. – С.146–155.
400. *Одесский М.П.* Очерки исторической поэтики русской драмы: Эпоха Петра I. – М.: РГГУ, 1999. – 238 с.
401. *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: вторая половина XVII – первая треть XVIII в. – М.: РГГУ, 2004. – 397 с.
402. *Одесский М.П.* Укрощенный мессианизм: «Руфь» В.В. Измайлова – библейская инсценировка для детского театра // Toronto Slavic Quarterly. – №12 (2005)– [электронный ресурс]: URL.: <http://sites.utoronto.ca/tsq/12/odesskij12.shtml> (дата обращения 17.08.2016).

403. *Олейник В.Т.* Лермонтов и Мильтон: «Демон» и «Потерянный рай» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1989. – Т.48. – №4. – С.299–315.
404. *Олейник В.Т.* М.Ю. Лермонтов: идентификация демона // Сборник трудов памяти Николая Ивановича Либана. – М.: Кругъ, 2015. – С.379–408.
405. *Осват А.Л.* Из комментария к «Медному всаднику» (2) // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – С.496–505.
406. *Осват К.А.* Некоторые контексты «Утреннего...» и «Вечернего размышления о Божием величестве» // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. – 2004. – Vol.32. – P.39–56.
407. Остафьевский архив князей Вяземских. – Т.1: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – IV, 728 с.
408. *Остолопов Н.Ф.* Словарь древней и новой поэзии. – СПб.: Тип. Императорской Российской академии, 1821. – Ч.1–3. – 531+488+500 с.
409. *Остолопов Н.Ф.* Ключ к сочинениям Державина, с кратким описанием жизни сего знаменитого Поэта. – СПб.: Тип. Ив. Глазунова, 1822. – [18], 95, [1] с.
410. *Павлович Г.* Введение в археологию варваров, или Семен Бобров // Волшебная гора (Философия. Эзотеризм. Культурология). – 1996. – Т.5. – С.16–54.
411. *Павляк О.Н.* Евангельский текст в структуре стихотворения М.М. Хераскова «Иисус друг грешников» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Вып.6. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2011. – С.48–59.
412. <*Павский Г.П., протоирей*>. Нечто о книге Иова // Христианское чтение. – 1833. – Ч.3. – С.271–284.
413. *Панаев В.И.* Вместо предисловия // Панаев В.И. Идиллии. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1820. – С.III–XX.
414. *Пашков А.М.* «Житие Лазаря Муромского» как сюжетный источник поэмы Ф.Н. Глинки «Карелия» // Евангельский текст в русской литературе XII–XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Вып.9. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2014. – С.112–123. – (Проблемы исторической поэтики. – Вып.12).
415. *Песков А.М.* Марин Сергей Никифорович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – Т.3: К–М. М.: М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; НВП «Фианит», 1994. – С.517–519.
416. *Песков А.М.* «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. – М.: ОГИ, 2007. – 100 с.
417. Песнь Песней царя Соломона: Антология русских переводов / [Вступ. статья И. Дьяконова]. – СПб.: Искусство-СПБ, 2001. – 205 с.
418. *Перевощиков В.М.* Материалы для истории российской словесности. Михаил Васильевич Ломоносов. // Вестник Европы. – 1822. – Т.126. – №17. – С.3–20; – №18. – С.80–112.
419. *Петров А.В.* «Миф творения» в «метафизических» и «физико-теологических» стихотворениях русских поэтов конца XVIII – начала XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2011. – №3. – С.108–129.
420. *Петрова З.М.* Заметки об образно-поэтической системе и языке поэмы С.С.Боброва «Херсонида» // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В.В.Виноградова. – Л.: Наука, 1971. – С.74–81.

421. *Пиккио Р.* «Предисловие о пользе книг церковных» М.В. Ломоносова как манифест русского конфессионального патриотизма // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана / Под ред. А. Мальц. – Тарту: Тартуский университет, 1992. – С.142–152.
422. *Пиксанов Н.К.* Массонская литература // История русской литературы: [В 10 т.]. – Т.4: Литература XVIII века. – Ч.2. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. – С.51–84.
423. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. – М.: Художественная литература, 1980. – 476+487 с.
424. Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г.П. Макогоненко. – Л.: Наука, 1980. – 472 с.
425. *Плаксин В.Т.* Руководство к изучению истории русской литературы. – 2-е изд., оконченное и во многих частях совсем переделенное. – СПб.: Тип. К. Жернакова, 1846. – XVI, 463 с.
426. Плач Иеремиев, преложенный в стихи // Вечерняя заря. 1782. – Ч.1. – Апрель. – С.309–328.
427. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Полный перевод / [Пер. с древнегреч. С.Ю. Дестуниса]. – М.: Эксмо, 2006. – 1504 с.
428. *Победоносцев П.В.* Заслуги Хераскова в отечественной словесности // Труды Общества любителей российской словесности. – 1812. – Ч.1. – С.111–147.
429. *Погодин М.П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. – Ч.1–2.
430. *Полевой Н.А.* О духовной поэзии // Библиотека для чтения. – 1838. – Т.26. – Кн.1. – С.94–108.
431. *Попов А.* Наука и религия в мирозерцании Ломоносова // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сборник статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб.: [Тип. Санктпетербургского товарищества печатного и издательского дела «Труд»], 1911. – С.1–12.
432. *Попов А.В.* Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода. История их происхождения и цензуры, особенности содержания и построения. Церковно-литературное исследование. – Казань: Типо-литография Имп. университета, 1903. – 636 с.
433. Поэты XVIII века: В 2 т. / Вступ. статья Г.П. Макогоненко; Биогр. справки И.З. Сермана; Сост. Г.П. Макогоненко и И.З. Сермана; Подгот. текста и примеч. Н.Д. Кочетковой [т.1] и Г.С. Татищевой [т.2]. – Л.: Советский писатель, 1972. – 624+588 с. – (Библиотека поэта, большая серия. 2-е изд.).
434. Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю.М.Лотмана; Подгот. текста М.Г.Альтшуллера; Вступ. заметки, биогр. справки и примеч. М.Г.Альтшуллера и Ю.М.Лотмана. – Л.: Советский писатель, 1971. – 911 с. (Библиотека поэта, бс. 2-е изд.).
435. Поэты 1820–1830-х годов: В 2 т. / Вступ. статья и общая ред. Л.Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1972. – 792+766 с. – (Библиотеке поэта, бс. 2-е изд.).
436. *Приказчикова Е.Е.* Духовные стихотворения Г. Державина и ода «Христос» // Дергачевские чтения – 2002: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург, 2004. – С.138–145.
437. Приношение религии / Издатель [и составитель] М.М. Вышеславцев. – Кн.1–2. – М.: в Университетской типографии, 1798–1801. – 112+103 с.

438. *Прокофьев И.Ф.* О религиозности и атеизме М. Ломоносова // *Философия и социология в контексте современной культуры: сб. науч. трудов.* – Днепропетровськ, 1998. – С.34–40.
439. *Проскурин О.А.* Имя в «Арзамасе»: (Материалы к истории пародической антропонимии). Старик Державин // *Лотмановский сборник.* – [Вып.]1. – М., 1995. – С.360–363.
440. *Проскурин О.А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. – М.: ОГИ, 2000. – 369 с.
441. *Проскурина В.Ю.* Ода Г.Р.Державина «На Счастье»: политика и поэтика // *Новое литературное обозрение.* – 2009. – №97(3). – С.114–139
442. *Проскурина В.Ю.* «Вторая Гавриилиада», или А.С. Пушкин и князь Д.П. Горчаков // *А.М.П. Памяти А.М. Пескова.* – М.: РГГУ, 2013. – С.239–250.
443. *Протопопов А.Ф.* Краткое описание Священных истории стихами / Сочиненное Императорского Московского Университета студентом Андреем Протопоповым. – [М.]: при Императорском Московском университете, 1769. – 35 с.
444. *Пумпянский Л.В.* Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век. – [Сб.1]. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1935. – С.83–132.
445. *Пумпянский Л.В.* «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // *Пушкин. Временник пушкинской комиссии.* – [Вып.] 4/5. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939. – С.91–124.
446. *Пумпянский Л.В.* К истории русского классицизма (поэтика Ломоносова) // *Контекст. 1982. Литературно-теоретические исследования.* – М.: Наука, 1983. – С. 303–331.
447. *Пумпянский Л.В.* Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. – Сб.14: *Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте.* – Л.: Наука, 1983. – С.3–44.
448. *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А.П. Чудаков; Сост.: Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев; Вступ. статья, подг. текста и примеч. Н.И. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 864 с.
449. *Пуцко В.Г.* Благоразумный разбойник в апокрифической литературе и древнерусском изобразительном искусстве // *Труды Отдела древнерусской литературы.* – Т.22: *Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси.* – М.; Л.: Наука, 1966. – С.407–418.
450. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: [В 16 т.]. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1949; [Т.17]. *Справочный.* – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1959.
451. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. – Т.1–2, 7. – СПб.: Наука, 1999–2016 (издание продолжается).
452. *Пыпин А.Н.* Для любителей книжной старины: Библиографический список рукописных романов, повестей сказок, поэм и др., в особенности из первой половины XVIII века. – М.: Общество любителей российской словесности, 1888. – X, 74 с.
453. *Разговор Ломоносова с Княжниным в Елисейских полях с приобщением примечаний на славную оду господина Ломоносова, выбранную из Иова.* – СПб.: у Вильковского, 1793. – 32 с.
454. *Ранчин А.М.* Восленский Иосиф // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* – Т.1: А–Г. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия»; НВП «Фианит», 1992. – С.491–492.

455. *Рашковский Е.Б.* Державин: Библейские мотивы // Мир Библии. – Вып. 3. – 1995. – С.84–89.
456. *Резанов В.И.* Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. – СПб. (Пг.): Сенатская типография, 1906–1916. – Вып.1–2. – 362+620 с.
457. Религиозно-нравственные стихотворения, относящиеся к событиям жизни Господа нашего Иисуса Христа / Собр. иеродиаконом Александро-Невской лавры Евгением <Дикаловым>. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Иип. И.Е. Ерофеева, 1883. – [4], 235 с.
458. *Рижский М.И.* Книга Иова: Из истории библейского текста. – Новосибирск: Наука, 1991. – 248 с.
459. *Рогозинская М.М., Скобелев М.А., Турилов А.А.* Иова книга: Переводы. IV. Славянский перевод // Православная энциклопедия. – Т.25. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. – С.324–325.
460. *Роднянская И.Б.* Библейские мотивы у Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С.59–61.
461. *Роднянская И.Б.* Демон ускользящий // Вопросы литературы. – 1981. – №5. – С.140–163.
462. *Розанов И.Н.* Русская лирика. От поэзии безличной – к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. – М.: Задруга, 1914. – 417 с.
463. *Розанов И.Н.* Михаил Матвеевич Херасков // Массонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова: [В 2 т.]. – М.: Издательство «Задруги» и Н.Ф. Некрасова, 1915. – Т.2. – С.38–51.
464. *Романенко В.* Комментарии // Книга Иова / В русском синодальном переводе. Сост. и коммент. В. Романенко, сост. и предисл. иеромонаха Симеона (Томачинского). – Киев: Богуславкнига, 2013. – С.187–300.
465. *Романов Б.Н.* Духовные стихотворения Державина // Державин Г.Р. Духовные оды / Сост., подг. текста, вступ. статья и примеч. Б.Н. Романова. – М.: Ключ, 1993. – С.5–40.
466. *Романова Г.И.* Библейские истоки «Размышлений» М.В. Ломоносова // Литература в школе. – 2011. – №9. – С.12–14.
467. *Росси Л.* «Иосиф», фонвизинский перевод поэмы П.-Ж. Битобе: проблемы жанра и рецепции // Litterarum Fructus: Сборник статей к 60-летию С.И. Николаева. – СПб.: Альянс-Архео, 2012. – С.123–141.
468. *Ростопчина Е.П.* Письмо графини Е.П. Ростопчиной к Ф.Н. Глинке // Москвитянин. – 1851. – №11. – Июнь, кн.1. – С.240–242.
469. Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.) / Вступ. статья, подг. текста и примеч. А.А. Морозова. – Л.: Советский писатель, 1960. – 856 с. – (Библиотека поэта, бс).
470. *Руссо Ж.-Ж.* Ефраимской Левит, поэма Ж.Ж. Руссо / Перевод с французского [П.А. Пельского]. – М.: Сенатская типография, у Селивановского, 1802. – 82 с.
471. *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения: В 3 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. – 852+768+728 с.
472. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты / Изд. подготовили В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин. – М.: Наука, 1969. – 704 с. – (Литературные памятники).
473. *Рябинина Н.А.* К проблеме литературных источников поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» // Болдинские чтения. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1977. – С.80–92.

474. *Савва (Тихомиров), архиепископ.* Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: [В 9 т.]. – Т.1 (1819–1850 гг.). – Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой, 1898. – II, 512, XVI с.
475. *Саводник В.Ф.* Краткий курс истории русской словесности. С древнейших времен до конца XVIII века. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнарев и К^о, 1914. – 484 с.
476. *Сазонова Л.И.* От русского панегирика XVII в. к оде М.В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература / Отв. ред. А.С. Курилов. – М.: Наука, 1987. – С.103–126.
477. *Сакулин П.Н.* Русская литература. Социолого-синтетический анализ. Обзор литературных стилей. – Ч.2: Новая литература. – [М.:] Государственная академия художественных наук, 1929. – 640 с.
478. *Самарин Р.М.* Творчество Джона Мильтона. – М.: Издательство Московского университета, 1964. – 486 с.
479. *Сахаров В.И.* Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. – М.: Жираф (ЖАГ-ВМ), 2000. – 216 с.
480. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. – Т.1–5. – М., 1962–1967 (Т.1: А–И. М.: Издание Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, 1962; Т.2: К–П. М.: Издание Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, 1964; Т.3: Р–Я. М.: Книга, 1966; Т.4: Периодические и продолжающиеся издания. М.: Книга, 1966; Т.5: Указатели. М.: Книга, 1967).
481. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. – [Т.6:] Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. – М.: Книга, 1975.
482. *Святополк-Мирский Д.П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. – 2-е изд. – Новосибирск: Издательство «Свиный и сыновья», 2006. – 872 с.
483. *Семенов Л.П.* Лермонтов и Библия // Семенов Л.П. Лермонтов и Лев Толстой. (К столетию со дня рождения Лермонтова). – М.: Тип. В.М. Саблина, 1914. – С.329–363.
484. *Семенов Л.П.* Библейские мотивы в поэме «Демон» // Михаил Юрьевич Лермонтов: Его жизнь и сочинения: Сб. ист.-лит. статей / Сост. В.И. Покровский. – 5-е изд., доп. — М.: И.Н. Кушнерев и К^о, 1916. – С.144–165.
485. *Сергеева О.А.* Библейский параллелизм в поэме Ф.Н. Глинки «Таинственная капля» (слово-образ *свет*) // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сборник научных трудов. – Вып.7. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2012. – С.77–85. – (Проблемы исторической поэтики: Вып.10).
486. *Серков С.Р.* «Наш друг Фита...»: филологические этюды. – М.: Прима-Пресс-М, 2003. – 196 с.
487. *Серман И.З.* «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого и русская поэзия XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. – Т.18. – М.; Л.: Наука, 1962. – С.214–232.
488. *Серман И.З.* Ломоносов в борьбе с церковью и религией // Русская литература в борьбе религией. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – С.23–36.
489. *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова. – Л.: Наука, 1966. – 260 с.

490. *Серман И.З.* Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. – Л.: Наука, 1973. – 284 с.
491. *Серман И.З.* Тема «зла» в «Медном всаднике» // Коран и Библия в творчестве А.С. Пушкина. – Jerusalem, 2000. – С.157–168.
492. *Серман И.З.* Литературное дело Карамзина. – М.: РГГУ, 2005. – 328 с.
493. *Симеон Полоцкий.* Вирши / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В.К. Былинина, Л.У. Звонаревой; науч. ред. В.Г. Короткий. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – 447 с.
494. *Симеон Полоцкий.* Вертоград многоцветный / Подгот. текста и коммент. А. Хипписли и Л.И. Сазоновой. – Т.1–3. Köln; Weimar; Wien: Börlau Verlag, 1996–2000. – (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Reihe B: Editionen. Bd.10/I–III).
495. *Симонетти М., Конти М.* Введение к комментариям на Книгу Иова // Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет. – Т. VI: Книга Иова / Под ред. Манлио Симонэтти и Марко Конти; Рус. изд. под ред. Ю.Н. Варзониной; пер. с англ., греч., лат. и сир. – Тверь: Герменевтика, 2007. – С. X–XXIII.
496. *Синило Г.В.* Танах и мировая поэзия. – Минск: Экономпресс, 2009. – 880 с.
497. *Синило Г.В.* История немецкой литературы XVIII века: Учебное пособие. – Минск: Вышэйшая школа, 2013. – 575 с.
498. *Синило Г.В.* Библия и мировая культура: Учебное пособие. – Минск: Вышэйшая школа, 2015. – 685 с.
499. *Сиповский В.В.* Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». – СПб.: Тип. В. Демакова, 1899. – 652 с.
500. *Скобелев М.А.* Иова книга: Структура. Богословие // Православная энциклопедия. – Т.25. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2010. С.327–332.
501. *Смолярова Т.* Зримая лирика: Державин. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 608 с.
502. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. – М.: Университетская типография, 1814. – Ч.1–2. – VIII, 247 + VII, 252 с.
503. *Соколов А.Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. – М.: Издательство Московского университета, 1955. – 692 с.
504. *Соколовский В.И.* Мироздание. Опыт духовного стихотворения. – М.: Тип. Августа Семена при Императорской медико-хирургической академии, 1832. – 134 с.
505. *Соколовский В.И.* Мироздание. Стихотворение. – [Изд. 2-е]. – СПб.: Тип. Н. Греча, 1837. – 140 с.
506. *Соколовский В.И.* Хеверь. Драматическая поэма в трех частях. – СПб.: Тип. III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1837. – [4], 246 с.
507. *Соколовский В.И.* Мироздание. Кто Ты, Господи? Исповедь: Стихотворения. – Изд. 3-е. – СПб.: у книгопродавца Лисенкова, 1867. – 146 с.
508. *Соколовский В.И.* «Ни разу счастием я не был упоен...»: Сборник стихов. Ставрополь: ЮРКИТ, 2000. – 144 с.

509. *Соколянский М.Г.* К проблеме «Пушкин и Мильтон» // Временник Пушкинской комиссии. – Вып.23. – Л.: Наука, 1989. – С.130–139.
510. *Соловьев В.С.* Литературная критика / Сост. и коммент. Н.И. Цимбаева; вступ. статья Н.И. Цимбаева и В.И. Фатюшенко. – М.: Современник, 1990. – 422 с.
511. *Солосин И.И.* Отражение языка и образов Св. Писания и книг богослужебных в стихотворениях Ломоносова // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1913. – Т.18. – Кн.2. – С.238–293.
512. *Сомов А.Б., Ткаченко А.А.* Еноха первая книга // Православная энциклопедия. – Т.18 (Египет Древний – Ефес). – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. – С.468–475.
513. *Спасович В.Д.* Байронизм у Пушкина и Лермонтова. – Из эпохи романтизма: I. Байронизм Пушкина. II. Байронизм Лермонтова // Вестник Европы. – 1880. – Т.130. – Кн.3. С.50–86; Кн.4. – С.500–548.
514. *Сретенский Н.* Религиозно-философский элемент в поэзии Державина // Вестник образования и воспитания. – Казань, 1916. – №5–6. – С.356–367.
515. *Стенник Ю.В.* Ломоносов и Николев: (Некоторые тенденции в развитии жанра похвальной оды последней четверти XVIII в.) // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика В.В. Виноградова. – Л.: Наука, 1971. – С.59–68.
516. *Стенник Ю.В.* Пушкин и русская литература XVIII века. – СПб.: Наука, 1995. – 350 с.
517. *Степанов В.П.* Байбаков Андрей Дмитриевич (в монашестве – Аполлос) // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.1: А–И. – Л.: Наука, 1988. – С.48–52.
518. *Степанов В.П.* Икосов Павел Павлович // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.1: А–И. – Л.: Наука, 1988. – С.352–353.
519. *Степанов В.П.* Хераскова (урожд. Неронова) Елизавета Васильевна // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.3: Р–Я. – СПб.: Наука, 2010. – С.362–363.
520. *Страхов Н.Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. – 2-е изд., доп. – Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1897. – 281 с.
521. *Страхова Е.* Как понимать образы Демона Лермонтова и Рубинштейна и некоторые общие замечания о поэме, опере и ее либретто. – М.: Тип. Вильде, 1909. – 24 с.
522. *Страхова Е.* «Творческий плагиат» Лермонтова в поэме «Демон»: (Заемствования у Мильтона, Виньи, Байрона, кавказских легенд). – [М.: Тип. Вильде, 1909]. – 12 с.
523. *Стрижев А.Н.* Евгений Милькеев: Жизнь и судьба // Стрижев А.Н. Собр. соч.: В 5 т. – Т.4. – М.: Общество сохранения литературного наследия, 2007. – С.77–104.
524. *Стурдза А.С.* Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникиты // Одесский вестник. – 1837. – №65. – 14 авг. – С.788–795.
525. *Стурдза А.С.* Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I: И мои воспоминания // «Арзамас»: Сборник: В 2 кн. – М.: Художественная литература, 1994. – Кн.1. – С.42–59.
526. *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе / Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым. – Ч.1–10. – М.: в Университетской типографии у Н. Новикова, 1781–1782.

527. *Сурат И.З.* Пушкин как религиозная проблема // Сурат И.З. Пушкин: биография и лирика. Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. – М.: Наследие, 1999. – С.7–37.
528. *Сурат И.З.* «Когда владыка ассирийский...» // Пушкинская энциклопедия: Произведения. – Вып.2: Е–К. – СПб.: Нестор-История, 2012. – С.504–507.
529. *Сухомлинов М.И.* Ломоносов – студент Марбургского университета // Русский вестник. – 1861. – Т.31. – №1. – С.127–165.
530. *Сухомлинов М.И.* История Российской академии. – Вып.1. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1875. – 427 с.
531. *Тавареш, Руи.* Небольшая книга о великом землетрясении. Очерк 1755 года / Перевод с португальского Е.Г. Голубевой. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 240 с.
532. Таинственная капля. Предание о благоразумном разбойнике и отражение его в изображениях икон Пресвятой Богородицы: Целительницы и Млекопитательницы. Издание Афонского Русского Ильинского скита. – М.: типо-литография И.Ефимова, 1899. – 32 с.
533. *Тартаковский А.Г.* Военная публицистика 1812 года. – М.: Мысль, 1967. – 220 с.
534. *Тархов А.Е.* Повесть о петербургском Иове // Наука и религия. – 1977. – №2. – С.62–64.
535. *Тархов А.Е.* Размышления по поводу одной иллюстрации к «Медному всаднику» // Альманах библиофила. – Вып.23: Венок Пушкину (1837–1987). – М.: Книга, 1987. – С.284–295.
536. *Тихонравов Н.С.* История издания «Опыта о человеке» в переводе Поповского // Тихонравов Н.С. Сочинения: [В 3 т.]. – М.: Изд. М.И. Сабашникова, 1898. – Т.3. – Ч.1. – С.82–89.
537. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета / Под ред. А.П. Лопухина. – Т.1–12. – СПб.: бесплатное прилож. к журналу «Странник», 1904–1913.
538. *Томашевский Б.В.* Пушкин. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – Т.1–2.
539. *Топоров В.Н.* Два «Размышления» Ломоносова в контексте русской поэзии XVIII века // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И.И. Ковтуновой: Сб. статей. – М.: Азбуковник, 2003. – С.15–31.
540. *Тредиаковский В.К.* Избранные произведения / Вступ. статья и подгот. текста Л.И. Тимофеева, примеч. Я.М. Строчкова. – М.; Л.: Советский писатель, 1963. – 577 с. – (Библиотека поэта, бс. Изд. 2-е)
541. *Тредиаковский В.К.* Vasilij Kirillovic Trediakovskij, Psalter 1753. Erstausgabe. Besorgt und kommentiert von. A. Levitsky. Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. – Paderborn; Munchen; Wien; Zurich: Ferdinand Schöningh, 1989. – LXXXIV + 663 S. – (Biblia Slavica. Hrsg. von R.Olesch und H.Rothe unter Mitarbeit von F. Shoolz. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 4: Russische Psalmensetzungen. b: Vasilij Kirillovoc Trediakovskij).

542. *Тредиаковский В.К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / Изд. подготовила Н.Ю. Алексеева. – СПб.: Наука, 2009. – 668 с. – (Литературные памятники).
543. *Трилесник Б.И.* Проблемы науки и религии, разума и веры в мировоззрении Ломоносова // Ломоносов. Сборник статей и материалов. – Т.9. – СПб.: Наука, 1991. – С.15–27.
544. *Тубасов А.* Религиозные воззрения Ломоносова // Христианское чтение. – 1880. – №9–10. – С.335–392.
545. *Тукалевский В.Н.* Главные черты мирозерцания Ломоносова: (Лейбниц и Ломоносов) // М.В. Ломоносов. 1711–1911. Сборник статей под ред. В.В. Сиповского. – СПб.: [Тип. Санктпетербургского товарищества печатного и издательского дела «Труд»], 1911. – С.13–32.
546. *Тукалевский В.Н.* Искания русских масонов. Из истории философских направлений в русском обществе XVIII века. – СПб.: Сенатская типография, 1911. – 75 с.
547. *Тукалевский В.Н.* Н.И. Новиков и И.Г. Шварц // Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова: [В 2 т.]. – М.: Издательство «Задруги» и Н.Ф. Некрасова, 1915. – Т.1. – С.175–226.
548. *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. – Л.: Наука, 1969. – 424 с.
549. *Федосеева Т.В., Шанаева О.Н.* Духовные воззрения Г.Р. Державина позднего периода творчества (1790–1810 годы) // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2010. – №29. – С.59–71.
550. *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. – 502 с.
551. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. – СПб.: Издание книгопродавца И.Л. Тузова, 1884. – 511 с.
552. *Филарет (Дроздов), <митрополит Московский>.* Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сея книги на русское наречие / Издано по определению Комиссии духовных училищ. – Изд. 2-е, испр. – СПб.: Медицинская типография, 1819. – Ч.1–3. 219+324+313 с.
553. *Филарет (Дроздов), <митрополит Московский>.* Письма митрополита Московского Филарета к А.Н.М... 1832–1867 / <Предисл. А.Н. Муравьева>. Киев: тип. И. и А. Давиденко, аренд. С. Кульженко и В. Давиденко, 1869. 692 с.
554. *Филарет [Дроздов], митрополит Московский.* Слова и речи. – Т.1–5. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1873–1885.
555. *Фокин И.Л.* Philosophus teutonicus. Якоб Бёме: возвешение и путь немецкого идеализма. – СПб.: Издательство Политехнического университета, 2014. – 640 с.
556. *Фоменко И.Ю.* Богданов Петр Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. – Вып.1. – Л.: Наука, 1988. – С.102.
557. *Фомичев С.А.* Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. – Л.: Наука, 1986. – 304 с.
558. *Фофанов К.М.* Тени и тайны: Стихотворения. – СПб.: Издание книгопродавца М.В. Попова, Паровая тип. Муллер и Богельман, 1892. – 374 с.
559. *Фрайман Т.* Державин и Жуковский: К вопросу о творческом наследовании // Пушкинские чтения в Тарту 3: Материалы междунар. науч. конф., посвященной

- 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2004. – С.9–29.
560. *Фризман Л.Г.* 1812 год в русской поэзии. – М.: Знание, 1987. – 63 с.
561. *Фукс Е.Б.* Письма Е.Б. Фукса о последней войне французов с пруссаками // Вестник Европы. – 1810. – Ч.51. №9 (май). – С.3–28.
562. *Хаев Е.С.* Идиллические мотивы в произведениях Пушкина 1820–1830-х годов // Болдинские чтения. – Горький: Изд. Горьк. ун-та, 1984. – С.104–109.
563. *Халтрин-Халтурина Е.В.* Диптих Кольриджа «Кристабель» и милтоновские традиции // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. – Том 67. №6. – С.24–37.
564. *Халтурин Ю.Л.* Философия русских масонов конца XVIII – начала XIX веков: критическая реконструкция: Дис. ... канд. филос. наук. – Екатеринбург, 2010. – 227 с.
565. *Херасков М.М.* Творения, вновь испр. и доп. – Ч.1–12. – М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796–1803.
566. <*Херасков М.М.*> Царь, или Спасенный Новгород, стихотворная повесть. – М.: в Университетской тип. у Ридигера и Клаудия, 1800. – [10], 246 с.
567. *Херасков М.М.* Поэт. – М.: Тип. Х. Клаудия, 1805. – 14 с.
568. *Херасков М.М.* Избранные произведения / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А.В. Запавова. – Л.: Советский писатель, 1961. – 410 с. (Б-ка поэта, бс).
569. <*Хераскова Е.В.*> Потоп. По расположению г<осподина> Геснера // Вечера, еженедельное издание на 1772 год. – СПб., 1772. – Ч.1. – С.156–160.
570. *Хондзинский П., протоиерей.* Святитель Филарет Московский: богословский синтез эпохи. Историко-богословское исследование. – 2-е изд., испр. – М.: Издательство ПСТГУ, 2012. – 304 с.
571. *Хондзинский Павел, протоиерей.* «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. – М.: Издательство ПСТГУ, 2016. – 480 с.
572. *Хохлова Н.А.* Андрей Николаевич Муравьев-литератор. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 244 с. – (Studiorum Slavicorum Monumenta. Т.23).
573. *Хохлова Н.А.* Эпическая поэма А.Н. Муравьева «Потоп» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2000. – М.: Наука, 2001. – С.19–45.
574. Христианство и новая русская литература XVIII–XIX веков: Библиографический указатель. 1800–2000 / Составители А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева; под ред. В.А. Котельникова. – СПб.: Наука, 2002. – 891 с.
575. Христианский календарь на лето от рождества Христова 1784, а от сотворения мира 7292, которое есть високосное и содержит в себе 366 дней. : С присовокуплением 1) весьма нужных разсуждений стихами и прозою для чтения на каждый день года, основанных на Священном Писании; 2) наставления, каким образом читать Священное Писание на каждый день и 3) многих весьма любопытных известий, равно как и весьма душеполезных кратких сочинений, для чтения всякаго православнаго христианина весьма нужных / [Сост. Аполлос (Байбаков)]. Иждивением Н. Новикова и Компании. – М.: в Университетской типографии, у Н. Новикова, 1784. – [18], 507 с.
576. Христос в мировой поэзии / Составитель Иона Брихничев. М.: Торг. дом «В.И. Знаменский и К^о», 1912. – 294, VI с.
577. *Цуркан Р.К.* Славянский перевод Библии: Происхождение, история текста и важнейшие издания. – СПб.: Издательский дом «Коло»; Издательско-торговый дом «Летний сад», 2001. – 320 с.

578. *Чамеев А.А.* Джон Мильтон и его поэма «Потерянный рай». – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. – 128 с.
579. *Чебышев А.А.* Н.П. Николев: (Историко-литературный очерк) // Филологические записки. – Воронеж, 1890. – Вып.3. – С.1–34; – Вып.4–5. – С.35–59.
580. *Чижев А.Г.* «...Как говорит Бог Иова или Ломоносова» // Временник Пушкинской комиссии. – Вып.24. – Л.: Наука, 1991. – С.143–144.
581. *Чистович И.А.* Исправление текста Славянской Библии перед изданием 1751 года // Православное обозрение. – 1860. – Ч.1. – С.479–510; – Ч.2. – С.41–72.
582. *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. – 792 с.
583. *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык. – 2-е изд. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – [6], 347 с.
584. *Шавров М.В.* Иов и друзья его: (По поводу произведения Ф.Н. Глинки: Иов, свободное подражание священной книге Иова. СПб. 1859 г.). – СПб.: Тип. Королева и К°, 1859. – 34 с.
585. *Шатир М.И.* Пушкин и Овидий: Дополнение к комментарию («Евгений Онегин» 7, ЛП, 1-2) // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т.56. – №3. – С.37–39.
586. *Шафранова О.И.* Озаренный светом Евангельской истины: жизнеописание афонского инока Аникиты. – М.: Паломник, 2010. – 254 с.
587. *Швинхорст-Шёнбергер Л.* Книга Иова // Введение в Ветхий Завет / Под ред. Эриха Ценгера. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. – С.439–454.
588. *Шевырев С.П.* История поэзии. Т.1. – М.: Тип. Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической академии, 1835. – III, 333, V с.
589. *Шевырев С.П.* Жизнь Пресвятой Девы Богородицы. Из книг Четы-Минеи. Изданная Авдотьей Глинкой // Москвитянин. – 1841. – Ч.1. – №2. – С.574–582.
590. *Шёнле А.* Эстетика стихийного бедствия у Богдановича и его перевод «Поэмы на разрушение Лиссабона» Вольтера // Тыняновский сборник. – Вып.13: XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. – М.: Водолей, 2008. – С.29–41.
591. *Ширинский-Шихматов П.А.* Изменение природы, или Следствие падения человека. – СПб.: Тип. Имп. Воспитательного дома, 1824. – 15 с.
592. *Ширинский-Шихматов П.А.* Опыты духовных стихотворений. – СПб.: Тип. Императорской Российской академии, 1825. – 20 с.
593. *Ширинский-Шихматов П.А.* О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя Сергея Александровича Шихматова. Читано в Российской академии 29 октября 1838 года. – Изд. 2-е. – СПб., 1853. – 69 с.
594. *Ширинский-Шихматов С.А.* Пожарской, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях. Сочинил князь Сергей Шихматов. – СПб.: Имп. тип., 1807. – [8], 70 с.
595. *Ширинский-Шихматов С.А.* Петр Великий. Лирическое песнопение в восьми песнях. Сочинил князь Сергей Шихматов, Императорской Российской Академии член. – СПб.: Тип. Шнора, 1810. – 216 с.
596. *Ширинский-Шихматов С.А.* Ночь на гробах. Подражание Юнгу князя Сергея Шихматова, члена Российской Академии и Беседы любителей русского слова. – СПб.: Тип. Ф.Дрехслера, 1812. – 66 с.
597. *Ширинский-Шихматов С.А.* Песнь Россиянина на новый 1813 год // Чтения в Беседе любителей русского слова. – Чтение 11. – СПб., 1813. – С.3–19.

598. *Ширинский-Шихматов С.А.* Ночь на размышления. Стихотворение князя Сергея Ширинского-Шихматова, члена Императорской Российской Академии и Беседы любителей русского слова. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1814. – 49 с.
599. *Ширинский-Шихматов С.А.* Песнь Сотворившему вся. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Императорской Российской академии. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1817. – 32 с.
600. *Ширинский-Шихматов С.А.* Песнь Сотворившему вся // Известия Российской Академии. – 1817. – Кн.4. – С.5–34.
601. *Ширинский-Шихматов С.А.* Иисус в Ветхом и в Новом заветах, или Ночи у Креста. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Российской Академии. – СПб.: Тип. Российской Академии, 1824. – [4], 269 с.
602. *Ширинский-Шихматов С.А.* Переложение псалма 8-го; Переложение псалма 113-го; Переложение псалма 144-го // Повременное издание Императорской Российской академии. – 1829. – Ч.1. – С.222–234.
603. *<Ширинский-Шихматов С.А.>* Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. – М.: Индрик, 2009. – 208 с.
604. *Шишкин А.Б.* Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. – Сб.14: Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. – Л.: Наука, 1983. – С.232–246.
605. *Шишкин А.Б.* Судьба «Псалтири» Тредиаковского // Trediakovskij V.K. Psalter 1753. Erstausgabe / Besorgt und kommentiert von. A. Levitsky; Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. – Paderborn; Munchen; Wien; Zurich: Ferdinand Schöningh, 1989. – S.519–535. – (Biblia Slavica. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 4: Russische Psalmenübersetzungen. b: Vasilij Kirillovoc Trediakovskij).
606. *Шишкин А.Б.* Засецкий Алексей Александрович // Словарь русский писателей XVIII века. – Вып.1. – Л.: Наука, 1989. – С.327–328.
607. *<Шишков А.С.>* Примечания на «Песнь Сотворившему вся» // Известия Российской академии. – СПб., 1817. – Кн.4. – С.35–45.
608. *Шишков А.С.* Предложение в Российскую Императорскую академию от президента и Члена оныя Вице-Адмирала Шишкова // Известия Российской академии. – 1817. – Кн.4. – С.47–65.
609. *Шишков А.С.* Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской академии Президента и разных ученых обществ Члена. – Ч.1–17. – СПб.: Тип. Императорской Российской академии, 1818–1839. – (Ч.1. 1818. VI, 403 с.; – Ч.2. 1824. 466 с.; – Ч.3. 1824. 388 с.; – Ч.4. 1825. 394 с.; – Ч.5. 1825. 418 с.; – Ч.6. 1826. 340 с.; – Ч.7. 1826. 386 с.; – Ч.8. 1826. 290 с.; – Ч.9. 1827. 388 с.; – Ч.10. 1827. IV, 344 с.; – Ч.11. 1827. II, 401 с., табл.; – Ч.12. 1828. II, IV, 361 с.; – Ч.13. 1829. II, 378 с.; – Ч.14. 1831. 332 с.; – Ч.15. 1832. 390 с.; – Ч.16. 1834. VI, 352 с.; – Ч.17. 1839. 328 с.).
610. *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка адмирала А.С. Шишкова / Издание Н. Киселева и Ю. Самарина. – Берлин; Прага, 1870. – Т.1–2. – 480+468 с.
611. *Шохин В.К.* Деизм // Православная энциклопедия. – Т.14. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. – С.311–315.
612. *Штакенинейдер Е.А.* Дневник и записки (1854–1869) / Ред., статья и коммент. И.Н. Розанова. – М.; Л.: Academia, 1934. – 586 с.
613. *Шубин В.Ф.* Федор Глинка и его петербургский салон в 1850-е годы // Русская литература. 1980. – №2. – С.159–163.
614. *Шувалов С.В.* Влияния на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. – М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. – С.290–342.

615. *Шувалов С.В.* Религия Лермонтова // Венок М.Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. – М.; Пг.: Изд. т-ва «В.В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. – С.135–164.
616. *Шувалов С.В.* По какому тексту следует печатать лермонтовского «Демона»? // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л.: Издательство АН СССР, 1934. – С.243–251.
617. *Эйхенбаум Б.М.* Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. – Л.: Государственное издательство, 1924. – 168 с.
618. *Эйхенбаум Б.М.* Комментарии и варианты: «Демон» // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. / Ред. текста, коммент. и предисл. Б.М. Эйхенбаума; Подгот. текстов Б.М. Эйхенбаума и К.И. Халабаева. – Т.3: Поэмы и повести в стихах. – М.; Л.: Academia, 1935. – С.628–658.
619. Эллинские поэты VII–III века до н.э.: Эпос, элегия, ямбы, мелика / Изд. подготовили М.Л. Гаспаров, О.П. Цыбенко, В.Н. Ярхо. – М.: Ладомир, 1999. – 516 с. – (Античная классика).
620. <*Энгельгардт С.В.*> *Ольга Н.* Из воспоминаний // Русский вестник. – 1887. – №11. – С.166–172.
621. *Эткинд Е.* Духовная диалогия Державина: Оды «Бог» и «Христос» // *Cahiers du Monde Russe et Sovietique.* – Paris, 1988. – V.29. – №3–4. – P. 343–356.
622. *Эткинд Е.* Две диалогии Державина. 1. Духовная диалогия (Оды «Бог» и «Христос»). 2. Светская диалогия (Два послания к соседям) // Гавриила Державин. 1743–1816. – Нортфилд, Вермонт, 1995. – С.234–247.
623. *Юнг Э.* Краткое изъяснение из Книги Иова / <Пер. И.Г. Рахманинова> // Нощные мысли и другие некоторые сочинения г. Юнга, с аглинского на французской, а с французского на российской язык переведенные И.Р. <И.Г. Рахманиновым>. – СПб.: при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе, у Х.Ф. Клеэна, 1780. – С.51–78.
624. *Юнг Э.* Вольное переложение некоторых мест из книги Иова / <Пер. С.С. Джунковского> // Плач, или Нощные мысли о жизни, смерти и бессмертии, аглинское творение г. Йонга, с присовокуплением двух поэм: 1) Страшный суд, 2) Торжество веры над любовью, и 3) Вольного переложения из книги Иова, творения сего же знаменитого писателя. Вновь переведено с аглинского подлинника <С.С. Джунковским> с описанием жизни сочинителя, многими новыми примечаниями и с двумя гравированными картинами: [В 2 ч.]. – СПб.: Тип. Г<осударственной> М<едицинской> коллегии, 1799. – Ч.2. – С.435–460.
625. *Юнгеров П.А.* Книга Иова в русском переводе с греческого текста LXX, с введением и примечаниями. – Казань: Центральная типография, 1914. – VIII, 92 с.
626. *Юрьева И.Ю.* Библейская книга Иова в творчестве Пушкина // Русская литература. – 1995. – №1. – С.184–187.
627. *Юрьева И.Ю.* «Библию, Библию!»: Священное Писание в творчестве Пушкина // Московский пушкинист: Ежегодный сборник. – Вып.4. – М.: Наследие. 1997. – С.119–143.
628. *Юрьева И.Ю.* Пушкин и христианство: сборник произведений А.С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания. – 2-е изд., доп. – М.: Издательский дом «Муравей», 1999. 280 с.

629. Янушкевич А.С. Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 г. и «Певец во стане русских воинов» В.А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. – Томск, 1983. – Вып. 9. – С.3–23.
630. Янушкевич А.С. В.А. Жуковский – читатель и переводчик «Потерянного рая» Дж. Мильтона <1984> // Янушкевич А.С. В мире Жуковского. – М.: Наука, 2006. – С.484–496.
631. Aloe S. Liberta, inventia, orientaliata: V.K. Kjuchel'beker nel contesto romanico russo. – Milano: Massimo Valdina the Coffee Haus art & adv., 2008. – 346 p.
632. Altshuller M. Semyon Bobrov and Edward Young // Russian Literature triquarterly 21. – Ann Arbor: Ardis Publishers, 1988. – P.129–140.
633. Altshuller M. Sergii Alexandrovich Shirinskii-Shichmatov // Early Modern Russian Writers, Late Seventeenth and Eighteenth Centuries / Ed. by M. Levitt. Detroit; Washington/DC; London, 1995. – P.356–362. – (Dictionary of Literary Biography, vol.150).
634. Aptekman, Marina. The Origins of Kabbalistic Symbolism in the Poetry of Semen Bobrov // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. – Vol.31. – 2003.
635. Aptekman, Marina. Jacob's Ladder: Kabbalistic Allegory in Russian Literature. – Boston: Academic Studies Press, 2011. – 249 p.
636. Bailey Margaret Lewis. Milton and Jakob Boehme. A study of German mysticism in seventeenth-century England. – New York: Oxford University press, 1914. – 200 p.
637. Boss, Valentin. Russia, Milton's influence in // A Milton Encyclopedia. – Vol.9. – Lewisburg; London, 1986. – P.20–43.
638. Boss, Valentin. Milton and the Rise of Russian Satanism. – Toronto; Buffalo; London, 1991. – 276 p.
639. Ellis, Charles. An Enquiry into the Extent of Lomonosov's Religious Beliefs // Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter 27. – 1999. – P.3–7.
640. Drozdek A. Religious Aspects of Kheraskov's Epic Poems // Ricerche Slavistiche 11 (57). – 2013. – P.89–113.
641. Haller A. von. Über den Ursprung des Übels // Haller A. von. Die Alpen und andere Gedichte. – Stuttgart: Philipp Reclam Jun., 1994. – S.53–74 ([электронный ресурс:] URL: <http://gutenberg.spiegel.de/buch/-5456/1> [дата обращения: 20.07.2016]).
642. Gessner S. Die Sündfluth. Semira und Semin // Gessner S. Schrifften. – Zürich: bey Orell, Gessner, Füssli und Comp., 1770. – Bd.2. – S.227–232.
643. Gessner S. Tableau du Deluge. Semir et Semina / <Trad. par M. Huber> // Choix de poésies allemandes, par M. Huber. – Paris, 1766. – T.1. – P.344–349.
644. Kavanakh Th. Rousseau's «The Levit of Efraim»: synthesis within a «Minor» work // The Cambridge Companion to Rousseau / Ed. Patrick Riley. – Cambridge, 2001. – P.397–417.

645. *Keipert H.* Курица не птица, а кит не змий. Zu M.V. Lomonosovs «Preloženie psalma 103» // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia, Ucraina e Russia. XVI–XVIII secolo. A cura di G. Brogi Bercoff, M. Di Salvo [u. a.]. – Alessandria, 1999. – S.349–374.
646. *Kind J.L.* Edward Young in Germany. – New York: The Columbia University press, 1906. – 186 p.
647. *Orłowska A.* Motywy biblijne w liryce i poematach Michala Chieraskowa // Biblia w literaturze i folklorze narodow wschodnioslowiaskich. – Krakow, 1998. – S.143–181.
648. *Rousseau J.-J.* Le lévite d'Ephraim // Oeuvres posthumes de Jean-Jaques Rousseau, ou Recueil de pieces manuscrites, pour servir de supplement aux éditions publiée pendant sa vie. – Genève, 1781. – T.1. – P.111–154.
649. *Rousseau J.-J.* Le lévite d'Ephraim // Collection complète des oeuvres de Jean-Jaques Rousseau. – Geneva, 1782. – V.7. – P.163–186.
650. *Rousseau J.-J.* Le lévite d'Ephraim / Éd. Frédéric S. Eigeldinger. – Paris, 1999. – 156 p. – (Age des lumières. T.9).
651. *Serman I.Z.* Mikhail Lomonosov. Life and Poetry / Translated by S. Hoffman. – Jerusalem: Lexicon, 1988. – 231 p.
652. *Schamschula W.* Zu Quellen von Lomonosov «kosmologischer» Lyrik // Zeitschrift für Slavische Philologie. – 1969. – Bd.34. – S.225–253.
653. *Unbegaun B.O.* Lomonosov und Luther // Zeitschrift für slavische Philologie. – 1973. – №37. – S.159–171.
654. *Venditti, Michela.* Il poeta e l'ineffabile. Gavrila Romanovič Deržavin. Le odi spirituali. – Napoli: D'Auria, 2010. – 234 p.
655. *Young E.* Paraphrase d'une partie du Livre de Job // Les Nuits d'Young, traduites de l'anglais par M. Le Tourneur. – Seconde edition. Paris, 1769. – T.2. – P.331–358.
656. *Young E.* A Paraphrase on Part of the Book of Job // Young E. The Poetical Works. – Boston; Cambridge, 1859. – Vol.2. – P.167–185.